

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

92866

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Nikitin
"

БЫТЪ

ВОЕННЫХЪ АРЕСТАНТОВЪ

ВЪ КРѢПОСТЯХЪ.

В. Н. НИКИТИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ БОЛЕСОВА И МИХИНА.

1873.

HV 9712:
N5

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГОРЕНФЕЛДЕНА И К^о.
(Вас, Остр., 3 л., № 44).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
I. Предисловіе	1
II. Введеніе: историческое изложеніе о времени открытія и существованія крѣпостныхъ арестантскихъ ротъ; о причинахъ, вызвавшихъ преобразованіе ихъ изъ карательныхъ въ исправительныя роты; о возникновеніи и послѣдовательномъ развитіи науки объ исправленіи нравственности преступниковъ въ иностранныхъ государствахъ и въ Россіи	5
ОЧЕРКИ О ВСЕСТОРОННЕМЪ СОСТОЯНІИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХЪ РОТЪ:	
III. Рижской	56
IV. Динабургской	128
V. Новогеоргіевской	194
VI. Брестъ-Литовской	246
VII. Бобруйской	297
VIII. Общіе выводы о томъ, что предстоитъ еще сдѣлать, чтобы роты отвѣчали истинному своему назначенію	375

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Крайній недостатокъ печатныхъ матеріаловъ для правильного изученія русскаго тюрьмовѣдѣнія *) побудило меня заняться изслѣдованіемъ этого, во всѣхъ отношеніяхъ, важнаго, предмета, съ тѣмъ, чтобы хотя отчасти помочь разъясненію тюремнаго вопроса, занимающаго правительственныя сферы цѣлыхъ 10 лѣтъ сряду. Задавшись этою мыслию, я издалъ, въ 1871 г., книгу *«Жизнь заключенныхъ»*, книгу, въ которой представилъ обзоръ Петербургскихъ тюремъ гражданскаго и морскаго вѣдомствъ и разобралъ всѣ относящіяся до нихъ узаконенія и административныя распоряженія. Благосклонный пріемъ, оказанный моему труду журналистикою и публикою, а главное предоставленная мнѣ возможность подробно ознакомиться съ порядкомъ содержанія арестантовъ въ военно-исправительныхъ ротахъ (за чтѣ приношу искреннюю признательность лицамъ, это устроившимъ)—

*) - Сибирь и Каторга. С. В. Максимова. - Матеріалы для изученія тюремнаго вопроса. М. Н. Галкина, трактующаго преимущественно, впрочемъ, объ иностранныхъ тюрьмахъ; - Записки изъ Мертваго Дома. Ф. М. Достоевскаго, да только что появившаяся - Русская Община въ тюрьмѣ и ссылкѣ. Н. М. Ядринцева, — вотъ и всѣ книги, находящіяся въ обращеніи по тюремному вопросу, въ Россіи.

поддержали во мнѣ желаніе слѣдовать дальше по тому же направленію. Я шагъ за шагомъ изучилъ все, что относится къ быту военныхъ арестантовъ, в результаты этой работы читатели найдутъ въ настоящей книгѣ; здѣсь же объясню значеніе, которое, мнѣ кажется, долженъ имѣть этотъ трудъ.

Извѣстно, что вопросъ о преобразованіи гражданскихъ тюремъ теперь у насъ въ полномъ ходу. Въ особой Комисіи по этому предмету раздавались, при мнѣ, голоса о примѣненіи къ гражданской тюремной реформѣ началъ, принятыхъ въ военно-исправительныхъ ротахъ. Я доказывалъ, правда, что это едва-ли цѣлесообразно, если разсматривать состояніе ротъ въ *подробностяхъ*, — но слова мои казались тогда не достаточно убѣдительными, такъ какъ я не располагалъ еще, въ то время, вполне законченными данными. Но ознакомившись, по этой книгѣ, съ точнымъ положеніемъ ротъ — надѣюсь, что Комисія согласится съ моими доводами, и, приступая къ созданію гражданскихъ исправительныхъ тюремъ — постарается устранить тѣ недостатки, которые проскользнули въ законъ и задерживаютъ осуществленіе одной изъ гуманныхъ идей: направить на путь истинный людей, впадающихъ въ преступленія и потому подвергающихся наказанію.

Въ общихъ выводахъ читатели усмотрятъ рядъ практическихъ замѣчаній о томъ, какого рода измѣненія необходимо было бы сдѣлать въ законахъ и административныхъ распоряженіяхъ о ротахъ, для того, чтобы онѣ достигли, со временемъ, назначенія, которое законодатель имѣлъ въ виду, преобразовывая ихъ, по европейской системѣ, изъ карательныхъ учрежденій въ исправительныя. Предлагаемыя измѣненія кажутся мнѣ настоятельно — необходимыми въ виду предполагаемаго, вскорѣ, введенія всеобщей воинской повинности. Нѣтъ сомнѣнья, что со введеніемъ этой повин-

ности армія наполниться болѣе или менѣе развитыми молодыми солдатами, относительно которыхъ не мало нынѣ дѣйствующихъ узаконеній будутъ слишкомъ суровыми; поэтому не мудрено, если въ началѣ службъ нѣкоторые изъ новыхъ солдатъ очутятся въ исправительныхъ ротахъ за нарушенія военныхкихъ обязанностей, однѣ изъ которыхъ не ясно формулированы, а другія—противорѣчатъ гражданскимъ правиламъ общежитія. Чтобы предупредить появленіе подобныхъ очистительныхъ жертвъ, случающихся, на первыхъ парахъ, при введеніи почти всякой реформы,—слѣдуетъ заблаговременно подвергнуть пересмотру законы о солдатскихъ правахъ, обязанностяхъ и отвѣтственности; позаботиться о томъ, чтобы уставъ примирялъ будущихъ солдатъ съ неизвѣданною ими жизнью, причемъ онъ могъ бы повліять благотворно и на нравы нынѣшнихъ солдатъ.

Вслѣдствіе всего сказаннаго, я считалъ своею обязанностью показать, въ книгѣ, погрѣшности, замѣченныя мною въ законахъ и практикѣ ротъ. Излагаемые мною правдивые факты ни коимъ образомъ не должны шокировать военное министерство: находясь въ столицѣ оно, очевидно, не можетъ совершенно вѣрно судить о томъ, какъ прививаются повсюду его благія предначертанія, тѣмъ болѣе, что устройствомъ военно-пенитенціарной части занимались у насъ преимущественно, офицеры, воспитавшіеся въ старыхъ понятіяхъ и державшіеся взглядовъ, не свойственныхъ наступившему времени. Съ ожидающею замѣною этихъ офицеровъ другими, которые поймутъ цѣль учрежденія ротъ, сознають всю пользу гуманнаго обращенія съ арестантами, нравственнаго и умственнаго ихъ развитія — военно-исправительныя роты скоро войдутъ въ надлежащую колею. Военные арестанты, врывшіеся къ дисциплинѣ въ войскахъ несравненно мягче, послушнѣе и легче воспринимаютъ все доброе и полезное

для нихъ, нежели гражданскіе арестанты, которые поступаютъ въ тюрьмы прямо съ *солн*, гдѣ они, въ обыкновенной своей жизни, никому не подчинялись непосредственно.

Въ русской литературѣ доселѣ не появлялось рѣшительно никакихъ изслѣдованій ни о прежнихъ крѣпостныхъ арестантскихъ ротахъ, ни о замѣнившихъ ихъ ротахъ исправительныхъ (всѣхъ 15 въ Россіи), въ которыхъ содержится до 10,000 человѣкъ. Между тѣмъ невоенная публика располагаетъ довольно смутными свѣдѣніями о воинскихъ преступленіяхъ, караемыхъ заключеніемъ солдатъ въ исправительныя роты, а также и о нынѣшнемъ (гораздо лучшемъ, нежели прежде) солдатскомъ житьѣ-битѣ. Имѣя въ виду, что у многихъ читателей есть въ службѣ родные или знакомые; что солдаты, являющіеся защитниками отечества, достойны, за это всякаго уваженія; что очень близко уже то время, когда всѣ будемъ привлечены къ личному отбыванію воинской повинности, — я полагаю, что публика не отнесется безучастно къ моему труду, который ознакомитъ ее со всѣми сторонами солдатскаго быта вообще и арестантскаго въ особенности.

Въ заключеніе добавлю, что бѣльшая половина книги является въ печати *первое*, а то, что было, недавно, помѣщено въ одноѣмъ изданіи, мѣстами сокращено, измѣнено и дополнено сообразно обстоятельствамъ дѣла.

ВВЕДЕНІЕ.

I

Правительствующій сенатъ, указомъ 21-го февраля 1834 году, распустилъ Высочайше утвержденное, по докладу военнаго министра 19-го ноября 1833 г., положеніе объ учрежденіи въ Россіи 43-хъ арестантскихъ ротъ инженернаго военнаго вѣдомства; за симъ, на основаніи вослѣдовавшихъ, 30-го ноября и 1-го декабря 1837 года, дополнительныхъ узаконеній — число ротъ возрасло до 55. Открылись онѣ въ Кронштадтѣ, Нарвѣ, Новодвинскѣ, Выборгѣ, Свеаборгѣ, Ригѣ, Динабургѣ, Динамюндѣ, Новогоріевскѣ, Брестъ-Литовскѣ, Замостьѣ, Бобруйскѣ, Кіевѣ, Бендерахъ, Херсонѣ, Фаагоріи, Усть-Лабинскѣ, въ Ставрополѣ, Моздокѣ, Кизлярѣ, Геленджикѣ, Баку, Дербентѣ, Оренбургѣ, Орскѣ, въ кр. Св. Петра, Омскѣ и въ Усть-Каменногорскѣ. Согласно первоначальному закону, въ роты поступали: а) разнаго рода преступники, назначаемые по Высочайшимъ конфирмаціямъ въ крѣпостную работу, на срокъ, или безсрочно; б) нижніе чины, по приговорамъ, для исправленія поведенія, въ крѣпостную работу на срокъ; в) бродяги и преступники гражданскаго вѣдомства, по назначеніямъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ. Сущность, во многихъ отношеніяхъ, любопытнаго положенія объ этихъ ротахъ заключается вотъ

въ чемъ. При назначеніи людей въ роты повелѣвалось наблюдать, чтобы они не имѣли такого рода тѣлесныхъ недостатковъ, кои препятствуютъ поднимать и передвигать тяжести и работать инструментами, при крѣпостныхъ работахъ употребляемыми, а ежели кто, по доставленіи въ роты, оказывался неспособнымъ къ крѣпостной работѣ, — то принадлежавшій военному вѣдомству — обращался во внутреннюю стражу, или въ приказъ общественнаго призрѣнія; а гражданскому — обратно въ то мѣсто, откуда былъ доставленъ, для дальнѣйшаго распоряженія. Арестантскія роты состояли въ полномъ завѣдываніи крѣпостныхъ комендантовъ, а управлялись плацъ-маіорами, на правахъ баталіонныхъ командировъ. По употребленію арестантовъ къ крѣпостнымъ работамъ и по выбору ихъ въ военно-рабочія роты, они находились, кромѣ того, въ завѣдываніи инженернаго начальства, а въ ротахъ дѣлились на разряды: воинскіе чины, присужденные на сроки — составляли *первый разрядъ военно-срочныхъ*; гражданскіе люди, за бродяжничество и немѣнныя виды, — *второй разрядъ — бродяжъ*, а гражданскіе преступники и солдаты, лишеныя воинскаго званія и приговоренныя въ работу навсегда — *третій разрядъ вседашнихъ*; срочныя же гражданскія арестанты причислялись къ военно-срочнымъ; размѣщать людей въ казармахъ установлялось отдѣльно одинъ разрядъ отъ другого; самыя же разряды слѣдовало дѣлить на отдѣленія: каменщиковъ, плотниковъ, каменотесовъ и т. п.

Жалованья арестантамъ никакого не полагалось, но на нихъ производились: провіантъ — натурою, деньги на постное масло, для освѣщенія ночью казармъ, и кормовныя, для улучшенія пищи. Содержать арестантовъ надлежало въ строжайшей воинской дисциплинѣ, въ *наилучшей чистотѣ*, опрятности, брить ихъ слѣдующимъ порядкомъ: бродягамъ, воен-

нымъ и гражданскимъ срочнымъ — ножголови, отъ одного уха до другого, а всегдашнимъ—отъ затылка до лба петголови, съ лѣвой стороны. Курить арестантамъ табакъ, имѣть трубки, огниво, давать имъ чернила, бумагу, перья; инструменты, деньги—все это строго воспрещалось. Для сбереженія здоровья людей и соблюденія чистоты — ихъ слѣдовало посылать въ баню, не болѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ. Холостымъ или вдовцамъ, во все время нахождения ихъ въ ротахъ,—жениться нельзя было; женившіеся же до прибытія въ роты *должны были содержаться вмѣстѣ съ прочими, арестантами въ острогахъ, а отнюдь не съ особаго дома; жены ихъ могли вѣстать съ ними, мушкетерами, строго восбранялось; тѣмъ не менѣе, малолѣтнихъ дѣтей, прижитыхъ арестантами, во время нахождения ихъ въ ротахъ, съ законными женами, по минованіи имъ 6-ти лѣтъ отъ роду, уставлялось отсылать: мальчиковъ — въ кантонисты, а дѣвочекъ—въ приказъ общественнаго призрѣнія.*

Для отвращенія арестантовъ отъ побѣговъ, состоявшіе *во всегдашнихъ, вѣхъ, безъ изъятія, замковались въ кандалы; срочные-же военные и гражданскіе, а равно бродяги освобождались отъ оковъ, но вслучаѣ побѣга арестанта изъ какаго-либо отдѣленія сихъ разрядовъ—всѣхъ, состоявшихъ въ томъ отдѣленіи, тотчасъ повелывалось замковывать въ кандалы, потому что „они одни за другихъ должны отвѣтствовать“.* Совершившіе въ ротахъ преступленія; содержались также въ кандалахъ, каковыя снимались съ бродягъ и срочныхъ, закованныхъ по вышеизъясненнымъ причинамъ, а также со всегдашнихъ не иначе, какъ съ разрѣшенія генераль-инспектора инженеровъ, по представленіямъ о томъ военнаго, въ видѣ поощренія за правильное поведеніе. При высылкѣ арестантовъ на крѣпостную работу отнюдь не позволялось удерживать такихъ, которые знаютъ мастерства, а

изъ слабыхъ дозволялось освобождать тѣхъ только, которые, по болѣзни, дѣйствительно не могли работать на ряду съ прочими. Конвойные не имѣли права: ни вести арестантовъ для естественныхъ нуждъ, безъ позволенія на то дежурнаго унтеръ-офицера; ни входить съ ними въ разговоры, и за малѣйшее отъ себѣ отступленіе — они строго *наказывались* предъ всѣми конвойными, начальствомъ ротъ; въ случаѣ замѣтнаго умысла арестантовъ къ побѣгу — конвойные должны были стрѣлять въ спасавшихся бѣгствомъ, или отваживавшихся угрожать имъ, махая на нихъ; на тотъ-же предметъ и на случай явнаго матажа арестантовъ, унтеръ-офицерамъ ротъ приказывалось имѣть тесаки *заостренными*. При работахъ, на которыхъ нельзя было работать скованнымъ на обѣ ноги, — позволялось *снимать желѣзо съ одной ноги*, но къ такимъ работамъ допускались преимущественно срочные, да такіе, которые по поведенію благонадежныѣ другихъ.

Настрожайше запрещалось употреблять арестантовъ на другія какія-либо работы, *кроме казенныхъ*; за лѣность и нерадѣніе къ работамъ предписывалось *наказывать арестантовъ на мѣстѣ-же, по усмотрѣнію* наблюдавшаго за работами начальника, а мѣра наказанія не должна была превосходить того, сколько нужно, для *побужденія нерадиваго къ прилежной работѣ*, и не свыше, впрочемъ, 50 ударовъ унтеръ-офицерскою *«тростью»*. Въ воскресные и высокоторжественные дни, внесенные въ число табельныхъ для присутственныхъ мѣстъ, арестанты освобождались отъ крѣпостныхъ работъ, исключая, однакожъ, экстранныхъ случаевъ, когда отъ ихъ бездѣйствія, могли, напримѣръ, произойти вредъ строеніямъ, ущербъ казны, или остановка въ сообщеніяхъ; но и въ свободное отъ работъ время ихъ слѣдовало *«обучать стойкѣ и маршировать»*, не требуя отъ нихъ

того совершенства, какъ отъ солдатъ». Люди, содержавшіеся въ кандалахъ, должны были оставаться въ оныхъ и по отпращеніи въ госпитали, за бодѣзнію, причемъ освобождались отъ кандаловъ лишь тяжело больные, и то не иначе какъ во 1-хъ, до поправленія, а во 2-хъ, по усмотрѣнію старшихъ врачей, и съ разрѣшенія комендантовъ.

Въ военно-работчія роты выбирались тѣ изъ военно-срочныхъ и знавшихъ мастерства арестантовъ, которымъ срокъ нахожденія въ крѣпостной работѣ исполнился, и они *во все* продолженіе оного вели себя хорошо, да считались благонадежными къ службѣ. Военно-срочныхъ арестантовъ, которые впродолженіи опредѣленныхъ имъ сроковъ не подавали надежды быть полезными на службѣ, — оставляли въ ротахъ впредь до надлежащаго ихъ исправленія; гражданскихъ-же арестантовъ, по окончаніи срока, опредѣлялось отсылать въ губернскія управленія, изъ которыхъ они были присланы въ крѣпость. Всегдашніе арестанты, по пробытіи 10 лѣтъ въ ротѣ, буде оказывались, впродолженіи всего времени, хорошаго поведенія, переводились въ военно-срочные, а по прожитіи одобрительно въ военно-срочныхъ 5 лѣтъ опредѣлялись, на общихъ правилахъ, въ военно-работчія роты, гдѣ должны были отслужить еще *пятнадцать* лѣтъ, и ужъ только послѣ того получали отставку. Арестанты, оказавшіеся добраго поведенія, но по освидѣтельствуваніи неспособные къ выбору на службу, — оставлялись въ срочныхъ еще на 10 лѣтъ, по истеченіи коихъ, при благонадежности, — передавались въ гражданское вѣдомство, а неисправнившиеся въ поведеніи оставались въ ротахъ до тѣхъ поръ, пока дѣлались совершенно неспособными къ крѣпостнымъ работамъ, и не могли никуда выбывать, развѣ только по суду, въ каторгу, въ случаѣ сдѣланныхъ ими вновь преступленій, или по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ; воен-

но-срочные-же и поступившіе въ этотъ разрядъ изъ всегдашнихъ на 5 лѣтъ, ежели до истеченія срока оказывались къ работѣ совершенно неспособными, по слабости, хилости, или увѣчью, — обращались на службу, какую нести могли. Срочныхъ военныхъ арестантовъ, становившихся неспособными ни къ работамъ, ни къ какой-либо службѣ по увѣчьямъ, требовавшимъ особенной для нихъ прислуги, помѣщали въ заведенія приказовъ общественнаго призрѣнія.

Неспособностию арестантовъ къ работѣ почиталось: неизлечимый припадокъ, или поврежденіе, препятствовавшее работать инструментами, при крѣпостныхъ работахъ употребляемыми, поднимать и передвигать тяжести; видимая слабость сложенія и старость лѣтъ, несовмѣстная съ тяжелыми работами. Срочные гражданскіе арестанты, пришедшіе въ неспособность къ крѣпостнымъ работамъ до окончанія опредѣленнаго срока, отравлялись въ тѣ мѣста, откуда были присланы, для возвращенія въ первобытное званіе; ежели же общества, или помѣщики отказывались взять ихъ къ себѣ, — отсылались въ Сибирь на поселеніе а всегдашнихъ, пришедшихъ въ неспособность по слабости, дрялости, увѣчью, по удостовѣреніи въ совершенной ихъ неспособности, — помѣщали въ особыя, для сего существовавшія, крѣпостныхъ богадѣльняхъ, и содержались тамъ на одинаковомъ основаніи съ арестантами, способными къ работѣ, т. е. снабжались тою же пищею и одеждою, управлялись вышеизложенными правилами, и занимались такими работами, какія производили преступники, содержащіеся въ гражданскихъ тюрьмахъ, подъ присмотромъ караула. Изъ неспособныхъ къ работамъ всегдашнихъ арестантовъ, дозволялось расковывать на обѣ ноги лишь тѣхъ, которые считались безопасными отъ побѣга, т. е. весьма преклонныхъ лѣтъ, дряхлыхъ калекъ и т. п., прочіе-же и въ богадѣльняхъ

«оставались закованными въ желѣзо, или колодки, на одну ногу, по усмотрѣнію начальства»; помѣщенные въ богадѣльни, до поступленія въ оныя державшіе себя хорошо, и въ богадѣльняхъ не испортившіеся нравственно, по истеченіи 15 лѣтъ, со дня пріеѣзжа въ крѣпости, передавались въ гражданское вѣдомство; но если они не имѣли способовъ къ пропитанію и не желали получить свободы, — содержались въ богадѣльняхъ до конца жизни. Всегдашнихъ, наконецъ, арестантовъ, поступившихъ въ богадѣльни и не исправившихся въ поведеніи, оставляли въ богадѣльняхъ до смерти, причѣмъ содержали подъ строжайшимъ, противъ другихъ, присмотромъ.

Это разсмотрѣнное нами, положеніе, подверглось, правда, измѣненіямъ цѣлымъ рядомъ послѣдующихъ узаконеній *), но измѣненія эти клонились: большинство — къ ухудшенію и лишь самая малость — къ улучшенію быта арестантовъ. Такъ, въ роты повелѣвалось отсылать, кромѣ лицъ, поименованныхъ въ первоначальномъ положеніи, и преступниковъ, отданныхъ въ рекруты старѣе 25 лѣтъ, горцевъ, плѣнныхъ и замѣшанныхъ въ безпорядкахъ, дезертировъ, выдаваемыхъ изъ Персіи и Турціи, а равно и горцами; *малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ*, въ случаѣ повторенія ими преступленій, если таковыя относились къ разряду тяжкихъ и были учинены съ разумніемъ; хивинцевъ и другихъ азіатцевъ, прорывавшихся въ предѣлы Россіи для грабежа, и захватывавшихся въ плѣнъ, до разлѣна; порочныхъ людей, находившихся въ исправительныхъ отдѣленіяхъ гарнизонныхъ и ли-

*) Узаконенія эти обнародованы: 1840 г. марта 18-го; 1843 г. марта 17; іюля 2-го и сентября 29, 1844 г. января 24; іюля 9 и 14; 1845 г. января 9, августа 15; 1848 г. августа 6; 1859 г. января 4-го.

нейных баталіоновъ, кои, закоренѣвъ въ порокахъ,—не подавали надежды на исправленіе, навсегда, или на срокъ, смотря по роду и степени пороковъ; преступниковъ: изъ жителей Закавказскаго края, которые принадлежали къ словіямъ, не изъятимъ отъ тѣлеснаго наказанія, если они были не старѣе 45 лѣтъ; киргизовъ; татаръ Казанской, Самбирской и Оренбургской губерній,—вмѣсто каторжныхъ работъ; низшаго состоянія людей, назначавшихся губернскими мѣстами, вмѣсто ссылки на поселеніе и отдачи въ солдаты, если они къ военной службѣ оказывались негодными; евреевъ, отлучавшихся за границу *безъ дозволеній* и установленныхъ видовъ, или съ видами и паспортами, но просроченными, въ случаѣ высылки ихъ изъ-за границы обратно, какъ бродягъ, по негодности къ военной службѣ,—ссылали также въ арестантскія роты, безъ права возвращенія въ свое общество; наконецъ, всѣ тѣ преступники и бродяги, совершенно негодные къ военной службѣ, которые приговаривались въ исправительныя арестантскія роты до дальнѣйшаго о нихъ распоряженія.

Воинскимъ начальникамъ, въ вѣдѣніи коихъ состояли роты и арестанты, въ роты не сформированныя, поручалось ежегодно осматривать ихъ, и, имѣвшихъ отъ роду 50 лѣтъ и болѣе, передавать въ гражданское вѣдомство, а сіе послѣднее — способныхъ къ работамъ опредѣляло въ арестантскія роты своего вѣдомства, а негодныхъ трудиться—въ Сибирь на поселеніе; правило это не распространялось, однакожъ, на такихъ арестантовъ, которые обращены въ крѣпостную работу по особымъ о нихъ Высочайшимъ повелѣніямъ. У арестантовъ, одержимыхъ *колтуномъ*, головы разрѣшено было не брить, безъ особаго, въ каждомъ случаѣ, удостовѣренія медика, что оттого не произойдетъ никакого вреда для страждущаго сею болѣзнію. Каторжные перваго разряда,

отсылавшіеся на основаніи улож. о наказ. уголов. въ крѣпости, — поступали въ испытуемые, содержались отдѣльно отъ прочихъ и употреблялись въ работы подѣ особымъ присмотромъ; время испытанія опредѣлялось имъ 8 лѣтъ, причеъ тѣ изъ нихъ, которые стылались въ крѣпости безъ срока, содержались въ *оковахъ ручныхъ и ножныхъ* и выводились изъ казармъ только для самыхъ тяжелыхъ работъ, а не подвергнувшея во время заключенія наказанію шпицрутенами и подававшіе надежду на исправленіе — перечислялись въ исправлявшіеся по истеченіи положенныхъ сроковъ. Исправлявшіеся могли употребляться въ работы вмѣстѣ съ срочными, а тѣ, кои по истеченіи двухъ лѣтъ, со дня перемѣщенія, по поведенію были благонадежными, — могли быть представляемы къ освобожденію отъ оковъ. Однанадцать мѣсяцевъ пребыванія каторжныхъ перваго разряда въ исправлявшихся — считались за годъ дѣйствительной работы. Каторжные 2-го разряда, назначавшіеся въ работы въ крѣпостяхъ, содержались тамъ на томъ-же основаніи, какъ всегдашніе арестанты. Каторжные 1-го разряда освобождались отъ работъ: въ Рождество Христово — два; въ Пасху — три дня, да въ дни тезоименитства, рожденія и коронованія Государя Императора и Государыни Императрицы. Каторжные 2-го разряда, осужденные къ работамъ отъ 10 до 12 и отъ 8 до 10 лѣтъ, по пробытіи двухъ лѣтъ — могли переводиться въ военно-срочные, а присланные на срокъ военные и поступившіе въ военно-срочные на пять лѣтъ, изъ всегдашнихъ — ежели до истеченія срока становились совершенно неспособными — перемѣщались въ арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, или въ Сибирь на поселеніе.

Арестанты, совершавшіе, во время нахождения въ ротахъ, преступленія, судились *военнымъ* судомъ, а судъ надъ тѣми,

которые совершали злодѣянія безъ особенныхъ побудительныхъ причинъ, съ цѣлію избавиться отъ ротъ—производился въ 24 часа, причемъ коменданты окончательмо утверждали и приводили въ исполненіе приговоры надъ виновными, присуждавшимися къ *наибольшему* наказанію, установленному въ уголовномъ уставѣ. Цѣнные горцы и азіатцы, кои не *приняли православной вѣры* и принадлежали къ покорнымъ племенамъ, по истеченіи опредѣленныхъ сроковъ пребыванія въ ротахъ — возвращались на родину, а азіатцы, сосланные въ крѣпостную работу *навсегда, по принятіи св. крещенія*, переводились въ военно-срочные на 5 лѣтъ; сосланныхъ же на срокъ и безъ назначенія времени: сколько именно они должны пробыть въ крѣпостной работѣ — повелѣвалось оставлять, со времени принятія ими *христіанской вѣры*, еще на *однѣ* годъ, а когда тѣ и другіе, въ теченіи назначеннаго имъ срока, исповѣдывали христіанскую вѣру искренно и не лицемерно и вели себя *отлично*, — ихъ назначали, по закону, на службу въ военно-рабочія роты, а при неспособности къ мастерствамъ — въ войска; совершенно-же неспособныхъ ни къ какому роду службы передавали въ гражданское вѣдомство, для помѣщенія въ богоугодныя заведенія. Киргизовъ, по минованіи назначенныхъ имъ сроковъ, — переселяли въ Иркутскую губернію, подъ надзоръ полиціи, а азіатцамъ, возвращаясь, съ Высочайшаго разрѣшенія, на родину, казенныя вещи выдавались въ крайнихъ только случаяхъ. Освобожденные изъ ротъ бродяги, впродолженія 4-хъ лѣтъ, держались также подъ надзоромъ полиціи, причемъ не смѣли никуда ни переселиться, ни удалиться безъ особеннаго, каждый разъ, дозволенія; таковому же надзору подвергались и *остъ*, уволенные изъ ротъ, по переселеніи ихъ въ отдаленныя губерніи, или въ Сибирь. Цѣнные горцы, за старостію и дряхлостію, бывшіе неспо-

собными—отправлялись въ богоугодныя заведенія. Тѣхъ, изъ всегдашнихъ, передававшихся на распоряженіе гражданскаго вѣдомства, которые не пробыли въ ротахъ 10 лѣтъ и были способны къ работамъ въ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства, — помѣщали въ сіи роты, до окончанія десятилѣтняго срока, а тѣхъ изъ нихъ, которые были больны—помѣщали въ тюремныя лазареты до выздоровленія, и тогда отправляли въ гражданскія арестанскія роты, до истеченія того-же 10-ти лѣтняго срока; безнадежныхъ къ посылкѣ когда-либо на работы, но располагавшихъ силами предпринять нуть,—отправляли, для водворенія въ Сибирь, а не могшихъ и этого сдѣлать — оставляли въ больницахъ тюремныхъ замковъ, дотолѣ, покуда они въ состояніи будутъ слѣдовать въ Сибирь; передававшихся, наконецъ, въ гражданское вѣдомство арестантовъ, пробывшихъ въ ротахъ 10 и болѣе лѣтъ,—отправляли, для водворенія въ Сибирь, а также больныхъ увѣчныхъ оставляли до направленія и потомъ все-таки отсылали въ Сибирь.

II.

Вотъ и всѣ измѣненія, послѣдовавшія въ положеніи о крѣпостныхъ арестантскихъ ротахъ въ теченіи долголѣтняго ихъ существованія! Что творилось въ арестантскихъ ротахъ въ 30—40-хъ годахъ — покрыто непроницаемымъ мракомъ. Но мы обладаемъ, изъ недалекаго нашего прошедшаго, нѣсколькими такими фактами, которые рельефно рисуютъ всестороннее состояніе этихъ ротъ, надъ которыми царили: жестокосердіе и самодурство, которыя были ни мѣстромъ для вынесенія людьми законной кары, за совершенныя ими преступныя дѣянія, ни гарантіею для правосудія и смягче-

ція разнуданнихъ нравовъ, — а служили источникомъ раз-
жывы и произвола для лицъ, прямо или косвенно ими
управлявшихъ, и наконецъ рассадникомъ всевозможныхъ
безобразій.

Такъ, въ одной, напримѣръ, ротѣ содержался молодой,
красивый черкесь, зачахшій было отъ переменъ климата,
тоски по родинѣ, да отъ сѣверной пищи и тяжелой работы.
Влиятельное надъ ротою лицо сжалось надъ несчастнымъ
и вошло, куда слѣдовало, съ ходатайствомъ о помилованіи
его; потомъ, освѣдомившись, частнымъ образомъ, что ходатай-
ство разрѣшено — сообщило о томъ, для объявленія черкесу,
его непосредственному начальнику; но послѣдній вздумалъ,
предварительно, потѣшиться надъ черкесомъ, вслѣдствіе
чего онъ, вмѣсто родины, отправился туда, гдѣ нѣсть пе-
чалей и воздыханій.. Начальникъ распорядился привести
черкесскую одежду со всеми принадлежностями, приказалъ
черкесу облачиться въ нее и сталъ дразнить его, говоря:
«а хорошо-бы теперь тебѣ лихаго коня и домой, въ горы,
поработать кинжаломъ». Черкесь слушалъ, слушалъ, азіатская
кровь въ немъ заклокотала бурнымъ потокомъ, онъ впалъ въ
ярость и ранилъ кинжаломъ начальника. За это черкеса
присудили прогнать сквозь строй и онъ умеръ подъ палоч-
ными ударами.

Другой начальникъ, придерживаясь пословицу: «вѣду не
свищу, а наѣду не спущу» — мирволилъ чиновнымъ, да со-
стоятельнымъ арестантамъ, а на бѣднякахъ вымѣщаль свою
досаду — засѣкалъ ихъ розгами до смерти, *для примѣра про-*
чимъ, какъ онъ выражался, находя, что жертвы необходимы,
дескать, были для безоаснаго управленія ротою.

Третій, соскучавшись драть арестантовъ за игру въ карты
обыкновеннымъ способомъ, каждаго отдѣльно, долго думалъ:
какъ-бы производить означенную операцію я исправно, и

скоро: «а то стой, бывало, и жди, покуда передеруть 15—20 человекъ». Геніальная мысль осянула, наконецъ его голову: онъ собралъ, однажды, 16 картежниковъ, выстроилъ ихъ въ кружокъ, приказалъ всѣмъ скинуть невыразимца, дать каждому въ руку по пучку розогъ и драть другъ друга, стоя... «И поднялись-же, говорилъ онъ намъ, свистъ розогъ, вой и мольба такія, что составляли настоящій концертъ!.. Это зрѣлище такъ ему понравилось, что онъ потомъ «съ удовольствіемъ» ходилъ всегда драть изобрѣтаннымъ имъ манеромъ, а дабы арестанты не спускали другъ другу, онъ, начальникъ, и его помощники обходили это, выражаясь по военному, карэ, причемъ они выхватывали у сѣкущихъ, экспромптомъ, розги, и «сами валили ихъ такъ, что сѣкомые остервенялись; тогда имъ возвращали розги и они сами ужъ катили другъ друга жесточе, чѣмъ истинные палачи»...

Четвертый задумалъ превратить болото, вблизи своей резиденціи, въ прелестный садъ, да чтобы кругомъ онаго росла непремѣнно шелковистая, высокая трава, особаго свойства, дабы въ часы отдохновенія наслаждаться красивымъ ландшафтомъ. Болото, между тѣмъ, не подчинялось власти, а она столь упорно преслѣдовала свою мысль, что 12 лѣтъ сряду арестанты роты, съ раннаго утра до поздняго вечера, орошали болото, сажали деревья, сѣяли травку, копали и возили землю, дернъ, подъ ударами унтеръ-офицерскихъ «тростей»—въ палецъ толщины палокъ... Египетскій трудъ этотъ вогналъ въ гробъ не одинъ десятокъ людей, а шелковистая трава все не выростала!.. И работа эта прекратилась потому единственно, что о ней дошло до свѣдѣнія высшаго военного начальства, которое поручило другому генералу настраивайше разслѣдовать это дѣло, и, когда все подтвердилось,—оригинальный агрономъ покинулъ мѣсто.

Арестантъ крѣпостной роты содержалъ, съ дозволенія

начальства, въ близкѣ расположенномъ городѣ, нѣсколько дѣтъ орду, *учебнай дѣловѣй пансіонъ*, а въ ротѣ только считался;—за то, что *знакомилъ* взрослыхъ дѣвницъ съ тѣми, *которымъ* это было пріятно...

Въ одной крѣпости, генералъ, занимаясь разсортированіемъ арестантовъ по категоріямъ, предъ преобразованиемъ роты, вывелъ въ ней человѣка, просидѣвшаго *десять лѣтъ* безвыходно въ одиночномъ заключеніи, въ *темномъ подземельи*, за то, что, будучи фанатичнымъ старообрядцемъ—сопротивлялся брѣтью бороды. И, благодаря лишь добросердечію генерала, злосчастный увидѣлъ свѣтъ Божій...

Почти во всѣхъ крѣпостныхъ арестантскихъ ротахъ, арестантовъ, имѣвшихъ протекціи, вслѣдствіе ихъ благороднаго рожденія, либо богатаго родства, *отпускали* изъ роты *жить на волю*, причемъ иные не только не посѣщали никогда своихъ мѣстъ заключенія, но водила знакомство на «тѣ» съ своими начальниками, а отсюда, при первыхъ-же оказіяхъ, получали полное прощеніе. За то бѣдныя простолудныя работали до кроваваго пота въ пользу начальниковъ, иные, изъ коихъ знали, впрочемъ, и честь: изъ каждаго суммъ, попадавшихъ ежемѣсячно въ ихъ карманы, за арестантскій трудъ, они удѣляли арестантамъ роты по 3—5 руб. на водку; на водку-же давали арестантамъ и подрядчики, чтобы тѣ сработали въ день, вмѣсто одного заданнаго урока,—полтора, два. Вознагражденіемъ этимъ и начальство, и подрядчики эксплуатировали арестантовъ столько, сколько имъ хотѣлось, благо выраженіе «не пить водки» въ 34-й ст. не было упомянуто ни въ одномъ изъ изданій положенія о ротахъ.

Въ свою очередь, деморализованные арестанты ожесточались, мстили всѣмъ, кому могли мстить. Въ одну изъ ротъ прибылъ, напримѣръ, однажды, пожилой арестантъ, впущен-

ный прямо въ общую камеру. Немного погодя, къ начальнику явился другой, тамъ уже жившій арестантъ, и заявилъ просьбу перевести отъ нихъ новенькаго, «иначе его ночью же убьютъ, за то, что заявитель и двое его товарищей сосланы въ роту за покушеніе поджечь его, бывшаго ихъ помѣщика, домъ; помѣщикъ-же, добавилъ онъ, ужъ побить врядно». Позвали арестанта-помѣщика, распросили его, прочли доставленныя на него письменныя свѣдѣнія, убѣдились, что все вышесказанное вѣрно, засадили помѣщика въ отдѣльную камеру, донесли о происшедшемъ, куда слѣдовало, и вскорѣ-же перевели помѣщика въ другую крѣпость и тѣмъ самымъ сохранили ему жизнь. Сосланъ онъ былъ за жестокости съ женщинами по особому, сепаратному повелѣнію. Арестанты вели себя столь смѣло, самостоятельно, что никто, безъ *помощи* конвоя, никогда и днемъ не смѣлъ войти въ ихъ камеры, а ночью и подавно: въ это время жизнь была тамъ въ полномъ разгарѣ: пили, играли, пѣли, на удалую... Артельное начало, проповѣдываемое закономъ о ротахъ, отлично привилось къ арестантской средѣ: кто держалъ на откупъ майданъ (водеу), кто карты, кто съѣстные припасы; общество солидарно держалось другъ за друга, провинившихся каралъ самосудъ и каралъ, преимущественно шлетниковъ, жестоко. Женщины допускались къ арестантамъ, за большія и малыя взятки, и на работахъ, и въ казармахъ, причемъ они отдавали долгъ природѣ, нерѣдко, и при всемъ честномъ народѣ, на работахъ, съ коньхъ уходили группами въ кабаки, въ трактиры, собирать милостыни и т. п. Мало того: многіе нарочно выписывали къ себѣ женъ и принуждали ихъ добывать имъ деньги проституціею въ коморкахъ унтеръ-офицеровъ, въ квартирахъ, иногда, и офицеровъ, которые сами, случалось, содержали проститутокъ, для благодѣльныхъ и состоятельныхъ.

Быль, наконецъ, однажды, и вотъ еще какой казусъ: въ одну изъ крѣпостей пріѣхало лицо, облеченное полною властію, приказало выстроить роту и произвело ей фронтное ученье. Арестанты исполнили это отлично. Уполномоченный объявилъ имъ, что ихъ назначать на службу въ полки, и ждалъ, разумѣется, цѣлый потокъ благодарности,— но ошибся; большинство повѣсили недовольно носы. Уполномоченный спросилъ, что это значить?

— Позвольте намъ лучше здѣсь остаться, заговорили, съ разныхъ сторонъ, арестанты.

— Развѣ солдатамъ жить хуже, нежели вамъ?

— Точно такъ-съ: мы день отработаемъ, зашибемъ копѣйку, вечеромъ выпьемъ, закусимъ хорошенько и завалимся на боковую; у кого изъ насъ нѣтъ денегъ на ѣду, на выпивку, съ тѣми товарищи подѣлятся, тотъ изъ нашей *собственной кассы* въ долгъ возьметъ. Солдаты-же цѣлый день съ ружьемъ, по ученьямъ, парадамъ, вечеромъ чистятъ свою аммуницію, разучиваютъ сигналы, начальство, а ночи дежурятъ на часахъ. Кромѣ того, имъ гроша никогда не откуда достать, бьютъ и дерутъ ихъ больше чѣмъ насъ.. Кому-же, осмѣлимся спросить, жить легче: имъ, или намъ? По этому по самому, позвольте ужъ намъ тутъ лучше остаться!

Такъ уполномоченный и уѣхалъ, а арестантовъ оставили арестантами.

И дѣйствительно, бывали, при прежней суровой службѣ, зачастую случаи, что солдаты конвойные, увлекаемые заманчивыми разсказами арестантовъ, совершали такія преступленія противъ дисциплины, за которыя попадали въ арестантскія роты.

Множество разнохарактерныхъ безобразій изъ быта ротъ доходило, разумѣется, одновременно и до высшаго правительства. Отсюда, въ видахъ челоуѣколюбія, въ видахъ

должнаго возмездія за преступныя дѣянія людей, осуждавшихся къ заключенію въ роты, явилась давно ужь потребность въ лучшей организаціи ротъ. Потребность эта еще сильнѣе почувствовалась: а) съ освобожденіемъ, въ 1861 г., крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, отъ чего уменьшилось значительное число бродягъ, направлявшихся дотолѣ въ роты; б) вслѣдствіе отиѣны, въ 1863 г., за преступления тѣлесныхъ наказаній гражданскихъ людей низшихъ сословій и нижнихъ чиновъ обязательнаго срока службы; в) съ предполагавшимся кореннымъ преобразованіемъ судебной части какъ гражданского, такъ и военнаго вѣдомствъ, и, наконецъ, г) отъ возникшаго, еще въ 1862 году, общаго вопроса объ улучшеніи быта русскихъ тюремъ.

III.

Всѣмъ извѣстно, что въ послѣдніе 10 лѣтъ, реформы въ нашей арміи быстро создавались одна за другою, такъ, что военное вѣдомство, на этомъ пути, далеко оставило позади себя всѣ остальные вѣдомства. Оттого, для поддержанія въ рядахъ войскъ дисциплины, военное министерство задалось мыслию ввести такую строго обдуманную систему наказаній, чтобы судебные приговоры, произносимые надъ нижними чинами, совершившими преступленія, исполнялись безъ малѣйшаго послабленія; чтобы наказанія вполнѣ достигали предполагаемой цѣли—какъ наказанія, такъ и исправленія порочной нравственности. Исходя изъ этого разумнаго принципа, министерство приступило къ коренному преобразованію арестантскихъ ротъ, которыя, по своему устройству и направленію, не только не представляли никакихъ гарантій для исправленія содержащихся въ нихъ нижнихъ чиновъ,—

но, напротивъ, являлись, какъ сознало само министерство, школами всевозможныхъ пороковъ, гдѣ нравственность арестантовъ, шаткая уже и прежде, — падала окончательно, и гдѣ, не смотря на всю видимую строгость содержанія, — совершались самыя возмутительныя преступленія противъ дисциплины, о чемъ единогласно свидѣтельствовали какъ начальники частей, въ которыя возвращались изъ ротъ нижніе чины, по пробытіи тамъ срока заключенія, — такъ и лица, начальствовавшія надъ этими ротами.

«Современное законодательство видитъ въ заключеніи преступниковъ, — справедливо рассуждало министерство, — не только возможность удовлетворить оскорбленное ими правосудіе, не только одну цѣль наказанія за преступленія, но еще и средство къ исправленію виновныхъ и порочныхъ людей; оттого всѣ пенитенціарныя системы признаютъ необходимымъ условіемъ для достиженія этой цѣли — самый строгій надзоръ за заключенными, сначала — одиночное ихъ заключеніе, дабы въ уединеніи они могли обсудить свой проступокъ, а затѣмъ — ночное разъединеніе ихъ и постоянный производительный, а въ случаѣ невозможности ввести таковой — и непроизводительный трудъ, лишь-бы не допускать арестантовъ проводить время въ праздности, парализующей всѣ усилія къ ихъ исправленію». Съ установленіемъ правильной постепенности въ наказанія, однимъ изъ главныхъ средствъ къ достиженію нравственной цѣли заключенія и исправленія осужденныхъ, министерству представилось безусловное разобщеніе арестантовъ по роду преступленія и устраненіе всякой возможности сношенія военныхъ арестантовъ съ тяжкими преступниками, а также и совершенное отдѣленіе арестантовъ *военныхъ* отъ *гражданскихъ*. По сему, министерство заключило: удалить изъ бывшихъ военно-арестантскихъ ротъ ваторжныхъ и всегдашнихъ арестантовъ,

изъ остальныхъ военно-срочныхъ арестантовъ образовать военно-исправительныя роты, устроивъ оныя на началахъ пенитенциарной системы. На этомъ основаніи, изъ 37½ прежнихъ арестантскихъ — оно предположило сформировать 15 военно-исправительныхъ ротъ, а именно: кievскую на—700 мѣстъ заключенія, бобруйскую—на 1,200, динабургскую—на 600, брестъ-литовскую—на 400, кронштадтскую—на 600, свеаборгскую—на 300, новогоріевскую—на 225, рижскую—на 200, ивангородскую—на 200, херсонскую—на 200 бендерскую—на 200, динамидскую—на 200, выборгскую—на 200, оренбургскую и омскую, каждую на 110 мѣстъ заключенія.

Далѣе, коренными началами этой реформы министерство постановило: 1) распредѣленіе преступниковъ *каждой категоріи* въ *особыхъ* крѣпостяхъ; подраздѣленіе арестантовъ на разряды *испытываемыхъ* и *исправляющихся* и установленіе особаго порядка содержанія для каждой категоріи преступниковъ въ частности; 2) изыятіе арестантскихъ ротъ изъ вѣдомства инженернаго военнаго управленія и подчиненіе ихъ въ порядкѣ высшей администраціи военному министерству, для чего учредить главный военно-тюремный комитетъ, въ которомъ сосредоточить разсмотрѣніе отчетностей, всѣхъ дѣлъ, относящихся до тюремной части, т. е. разсматривать всѣ представленія главныхъ управленій министерства въ военный совѣтъ по тюремной части, вопросы, передаваемые на обсужденіе комитета военнымъ министромъ, а равно и возбуждаемые самимъ комитетомъ. Ближайшіи надзоръ за ротами поручить начальству военныхъ округовъ; устройство болѣе правильной организаціи, непосредственнаго управленія арестантами, увеличеніе содержанія служащихъ и учрежденіе при ротахъ особыхъ комитетовъ, для завѣдыванія хозяйственною частію; 3) примѣненіе къ арестантскимъ ро-

тамъ, въ нѣкоторой степени, *келейнаго* заключенія, съ строгимъ ограниченіемъ валовыхъ работъ; допущеніе въ кругъ занятій преступниковъ *частныхъ заказовъ*, съ вознагражденіемъ за трудъ, и введеніе системы молчанія при работахъ въ общихъ мастерскихъ; 4) развитіе между арестантами грамотности и религіознаго элемента; 5) установленіе особыхъ правилъ о наказаніи преступниковъ за проступки, побѣги и преступленія, совершаемыя ими какъ при слѣдованіи въ роты, такъ и во время нахождения въ оныхъ.

Покончивъ съ вопросомъ объ организаціи ротъ, дѣло чуть было не стало за помѣщеніями: построить новыя столбы, по сдѣланнымъ вычисленіямъ, до 8-ми *милліоновъ* рублей, а такъ какъ казна была внѣ всякой возможности произвести *сразу* столь громадный расходъ, то пришлось-бы и введеніе самой реформы отложить на неопредѣленное время. Поэтому министерство устранило и это затрудненіе—рѣшеніемъ приспособить для ротъ старыя зданія, а дабы и это обошлось дешевле—арестантскими руками, что и предоставлено было имѣвшимъ, съ этою цѣлю, учредиться въ каждой мѣстности, гдѣ предполагалось открыть исправительныя роты особымъ временнымъ военно-тюремнымъ комитетомъ, на обязанность которыхъ возложено было: выборъ зданій, составленіе подробныхъ соображеній, смѣтъ по предположеннымъ работамъ, наблюденіе за ходомъ самыхъ работъ, а равно и организація ротныхъ мастерскихъ.

Всѣ вышеизложенныя нами соображенія вошли, посему, въ выработанный проектъ положенія объ исправительныхъ ротахъ, проектъ, Высочайше утвержденный 16-го мая 1867 года.

IV.

Положеніе это, вошедшее въ кн. IV ч. II т. св. воен. постан., изд. 1869 г., содержитъ въ себѣ, въ общихъ чертахъ, слѣдующія руководящія правила:

Въ исправительныя роты отправляются, согласно 2-й ст. положенія, нижніе воинскіе чины, приговоренныя къ сему роду наказанія окружными и равными имъ старыми судами, и по власти лицами, на сроки отъ одного года до шести лѣтъ, за оскорбленіе словами офицеровъ, за нарушеніе чинопочитанія противъ фельдфебелей, унтеръ-офицеровъ, за оскорбленіе тѣхъ и другихъ, а равно ефрейторовъ и рядовыхъ, если сдѣлалъ это подчиненный; за неповиновеніе начальнику; за сопротивленіе исполненію его распоряженій, за ропотъ противъ распоряженія начальства, на тягость службы, на претерпѣваемые лишенія; за всякаго рода сговоръ (двое и больше) противодѣйствовать начальству, или распоряженіямъ оваго; за неисполненіе законныхъ требованій часоваго, караула; за повтореніе уклоненія отъ служебныхъ обязанностей; за неоднократныя упущенія, проступки, происходившіе отъ нерадѣнія, за умышленное причиненіе себѣ увѣчій и ранъ, дабы симъ средствомъ уклониться отъ службы; за побѣгъ *оторично* со службы, за промотаніе казенныхъ вещей; за несоблюденіе обязанностей караульной службы; за умышленную порчу оружія, лошади; за многократныя нарушенія благочинія послѣ ужь наказанія разъ за это судомъ и т. п., *чисто воинскія* преступленія, предусмотрѣнныя 2 п. 1, 3, 27, 244, 3 п. 637 ст. военно-судебнаго устава, а равно 49—53, 106, 109—114, 116, 118, 122, 130, 132, 136, 160, 170, 196 и проч. статьями воинскаго устава о наказаніяхъ, изд.

1868 г. Независимо сего, въ роты-же ссылаются солдаты за кражи со взломомъ и безъ взлома, но на сумму свыше болѣе 300 рублей; за подлоги, мошенничества и т. п. *всѣмъ об- щия* преступленія, преслѣдуемыя гражданскимъ уложеніемъ о наказаніяхъ, изд. 1866 года.

Возвращаясь къ положенію о военно-исправительныхъ ротахъ, замѣтимъ, что осужденные въ эти роты нижніе чины не исключаются изъ военнаго вѣдомства; но время нахождения ихъ въ сихъ ротахъ не зачитается имъ въ дѣйствительную службу. Ближайшее управленіе каждою ротою ввѣряется особому начальнику, который обязанъ: а) постоянно содержать ввѣренную ему роту и мѣста заключенія въ исправности по всѣмъ вообще частямъ внутренняго и внѣшняго благоустройства; б) ненарушимо соблюдать предписанный порядокъ въ способѣ содержанія арестантовъ, не допуская въ этомъ случаѣ ни малѣйшаго отступленія или ослабленія; в) постоянно стремиться къ нравственному исправленію арестантовъ; г) направлять дѣйствія подчиненныхъ ему лицъ къ точному выполненію служебныхъ обязанностей и сохраненію между арестантами воинской дисциплины; д) обращаться съ заключенными человеколюбиво, внушая это и всѣмъ служащимъ при ротѣ; е) долженъ заботиться, чтобы каждый изъ арестантовъ, во время нахождения въ ротѣ, выучился грамотѣ, или какому-либо мастерству. Помощники содѣйствуютъ начальнику роты во всемъ, что касается общаго порядка управленія арестантами. Сверхъ того, каждый изъ нихъ имѣетъ въ своемъ непосредственномъ завѣдываніи отъ 100 до 300 арестантовъ, ведетъ о поведеніи ихъ дневникъ, на основаніи собственныхъ наблюденій и ежедневныхъ докладовъ фельдфебеля. Священникъ, сверхъ обязанности по совершенію богослуженія и исполненія крестныхъ требъ, въ ротѣ, долженъ наставлять арестантовъ въ

религіи, навѣщая ихъ для сего сколь можно чаще и обращая особенное вниманіе на ихъ нравственность, принимать дѣятельное участіе въ обученіи арестантовъ грамотѣ и можетъ заявлять ротному комитету о смягченіи наказанія тѣхъ арестантовъ, которые, по степени нравственнаго исправленія, будутъ того достойны; на болѣе упорныхъ въ исправленіи— онъ обращаетъ особое вниманіе, стараясь вселить въ нихъ правила добра и вѣры, посредствомъ нравственнаго и религіознаго наставленія. На секретаря роты возлагается дѣлопроизводство по канцеляріи роты и ротному комитету— вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ исполняетъ обязанности казначея, и въ его завѣдываніи находятся всѣ вообще предметы довольствія, припасы для освѣщенія и отопленія и денежныя суммы роты. Обязанности врача и фельдшеровъ, состоящихъ при ротѣ, опредѣляются общими правилами для сихъ чиновъ въ войскахъ. Въ распоряженіи завѣдывающаго работами находятся всѣ инструменты и матеріалы, нужные для приготовленія издѣлій, а также ремесленники или мастера, нанимаемые для обученія арестантовъ работамъ. Кромѣ того, онъ: а) распредѣляетъ между арестантами работы по всѣмъ заказамъ, передаваемымъ ему начальникомъ роты; б) наблюдаетъ за усиленнымъ производствомъ работъ и точнымъ исполненіемъ заказовъ; в) составляетъ, по выполненіи заказовъ, записку о количествѣ употребленныхъ матеріаловъ и о стоимости издѣлія, представляетъ ее вмѣстѣ съ издѣліями и спискомъ арестантовъ, исполнившихъ работу; г) ведетъ мастерствамъ приходо-расходную книгу и составляемую изъ нея вѣдомость представляетъ ежемѣсячно начальнику роты, и д) заботится о содержаніи въ постоянной исправности рабочаго инструмента и, въ случаѣ надобности, въ приобрѣтеніи новаго или замѣнѣ пришедшаго въ негодность,—представляетъ о томъ начальнику роты. Кадровые нижніе чины

должны быть грамотные и исполняютъ различныя обязанности, по распредѣленію начальника роты. Фельдфебели, состоя въ непосредственномъ вѣдѣніи помощниковъ начальника роты, наблюдаютъ за исполненіемъ отданныхъ по отдѣленіямъ приказаній и сохраненіемъ въ нихъ порядка. Они ежедневно докладываютъ помощникамъ начальника роты о состояніи отдѣленій, а также объ арестантахъ, какъ замѣченныхъ ими въ неисправности, такъ и заслуживающихъ особаго вниманія примѣрнымъ своимъ поведеніемъ, а унтеръ-офицеры, завѣдывающіе отдѣленіями, содѣйствуютъ фельдфебелямъ въ общемъ наблюденіи за арестантами и дежурятъ. Состоящимъ при ротахъ штабъ и оберъ-офицерамъ, и гражданскимъ чиновникамъ, для награжденія ихъ, по уставу, пенсіею при увольненіи въ отставку, каждый сей службы считается по разсчету *3 мѣтъ къ 5 годамъ*. По сему же разсчету исчисляется служба кадровыхъ нижнихъ чиновъ унтеръ-офицерскаго званія, для увольненія въ безсрочный отпускъ, въ отставку и для преимуществъ, установленныхъ за отказъ отъ безсрочнаго отпуска и отставки.

Въ зданіяхъ, занимаемыхъ военно-исправительною ротою, должны быть: а) отдѣльныя по числу арестантовъ камеры; б) карцеры для провинившихся арестантовъ; в) церковь; г) мастерскія; д) столовыя; е) лазаретъ; ж) приемная для поступающихъ арестантовъ; з) комната для свиданія арестантовъ съ посѣтителями; и) квартиры для *оцѣлъ* служащихъ при ротѣ; і) цейхаузъ; к) кухня и пекарня; л) баня, и м) отхожія мѣста, устраиваемыя по *особымъ* правиламъ. Въ камерахъ арестантовъ находятся *кроватьи, столики и табуретки*, а въ столовой и мастерскихъ — столы и скамьи. Утварь эта устраивается такимъ образомъ, чтобы арестанты не могли днемъ лежать на кроватьяхъ, а прочихъ предметовъ употреблять какъ орудія разрушенія. Для поданія, въ случаѣ на-

добности, помощи, изъ корридоровъ, мастерскихъ и столовыхъ *проводятся звонки* въ караульную комнату и квартиру начальника роты. Карцеры устраиваются такъ, чтобы, въ случаѣ необходимости усилить арестантамъ строгость наказанія, можно было держать ихъ въ совершенной темнотѣ. На каждыя сто камеръ полагается 5 карцеровъ. Лазаретъ устраивается на каждые 100 человекъ 8 кроватей.

Въ мѣстахъ заключенія должна быть соблюдаема чистота и опрятность; воздухъ въ камерахъ, столовыхъ и мастерскихъ слѣдуетъ какъ можно чаще освѣжать во всякое время года. *Всѣмъ вообще смужающимъ въ ротгахъ воспрещается куреніе табаку, не только въ камерахъ арестантовъ, столовыхъ и мастерскихъ, но даже въ корридорахъ.* Никому изъ постороннихъ не дозволяется входить въ ограду зданія, занимаемаго ротой, безъ особаго разрѣшенія начальника оной. Ворота должны быть всегда заперты на замокъ и открываются только въ случаяхъ, указанныхъ начальникомъ роты. *Отлучки чиновъ управленія, какъ офицеровъ, такъ и кадровыхъ нижнихъ чиновъ, изъ зданій роты разрѣшаются начальникомъ оной.* Самъ-же начальникъ не можетъ ночевать внѣ ограды зданій роты. Часовымъ изъ караула воспрещаются разговоры и какія-бы то ни было сношенія съ арестантами. Если карауль самъ замѣтитъ, что кто-либо изъ арестантовъ покушается къ побѣгу, или намѣревается совершить преступное дѣяніе, онъ немедленно арестуетъ виновнаго; въ случаѣ сопротивленія или насилія со стороны арестантовъ, карауль употребляетъ оружіе.

Осужденные препровождаются къ мѣсту назначенія порядкомъ, установленнымъ для пересылки военныхъ арестантовъ; снабжаются кормовыми деньгами, выслужившею срокъ, годною, однакожъ, къ употребленію по времени года, полковою одеждою; наблюдается, чтобы осужденные въ роты

препровождались *отдѣльно отъ* арестантовъ, лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія. Имѣющіеся у осужденныхъ нижнихъ чиновъ знаки отличія и медали, а также деньги, передаются конвоирующимъ ихъ лицамъ для доставленія въ исправительную роту, гдѣ они хранятся до освобожденія сихъ чиновъ изъ оной. По доставленіи осужденнаго въ роту, имѣющіеся на немъ вещи повѣряются по арматурному списку, отбираются и помѣщаются въ цейхгаузъ для храненія. Если бы при этомъ оказались скрытыя осужденными деньги и излишнія противъ арматурнаго списка вещи, то они также отбираются, и, затѣмъ, деньги обращаются въ специальную ротную сумму, а вещи продаются съ публичнаго торга и вырученныя за нихъ деньги приобщаются къ той-же специальной суммѣ. Осужденный свидѣтельствуется медикомъ, и, если окажется больнымъ—отправляется въ лазаретъ. Зачисляются осужденные въ арестанты по доставленіи, и съ того времени считается имъ срокъ заключенія, въ который зачитается и время, проведенное ими подъ стражею, по вступленіи приговора въ законную силу, до дня отправленія ихъ по назначенію.

Арестанты ротъ дѣлятся на разряды *испытующихъ* и *исправляющихся*. Срокъ пребыванія въ разрядѣ испытующихъ назначается: осужденнымъ въ роты на время отъ четырехъ до шести лѣтъ — одинъ годъ; на время отъ 2 до 4 лѣтъ—8 мѣсяцевъ и на время отъ 1 года до 2 лѣтъ — 4 мѣсяца. Арестанты поступаютъ въ испытующе при самомъ зачисленіи въ роты и, по минованіи сроковъ испытанія, или же и ранѣе, переходятъ въ исправляющіеся, есзи будутъ постоянно отличатся покорностью, хорошимъ поведеніемъ и трудолюбіемъ; въ противномъ же случаѣ, оставляются въ испытующихъ до тѣхъ поръ, пока не заслужатъ перевода въ исправляющіеся, что дѣлается не иначе, какъ по постановле-

нямъ ротнаго комитета, объявляемымъ при собраніи всѣхъ арестантовъ. Съ перечисленіемъ въ разрядъ исправляющихся, опредѣленные арестантамъ судебными приговорами сроки содержанія въ ротѣ — сокращаются на одну треть, именно: восемь мѣсяцевъ нахождения въ исправляющихся—считаютъ за годъ пребыванія въ ротѣ, если они въ продолженіи сего времени не подвергались наказаніямъ. Каждый изъ разрядовъ дѣлится на особыя отдѣленія, заключающія въ себѣ до 25 человекъ, а отдѣленія составляются, по возможности, изъ арестантовъ, знающихъ одинаковыя мастерства. Испытуемые содержатся въ теченіи *половина* срока испытанія въ одиночномъ заключеніи, днемъ и ночью, а въ продолженіи остальнаго времени испытанія—также, какъ и исправляющіе въ отдѣльныхъ камерахъ только ночью, собственно для разобщенія; находящіяся въ одиночномъ заключеніи занимаются, также какъ и прочіе, работами и физическими упражненіями; не содержащіяся въ одиночномъ заключеніи и исправляющіяся въ продолженіи дня находятся въ сборѣ, для исполненія различныхъ работъ и занятій, а равно для молитвъ, обѣда, ужина и прогулокъ. Арестанты, при сборѣ во всѣхъ случаяхъ, должны соблюдать безусловное молчаніе. Испытуемымъ, не находящимся въ постоянномъ одиночномъ заключеніи, если они будутъ обращать на себя особенное вниманіе примѣрнымъ своимъ поведеніемъ, можетъ быть сокращенъ ротнымъ комитетомъ остальной срокъ ихъ испытанія, но не болѣе какъ на одну треть. Утромъ, за часъ до начала работъ, арестанты, не содержащіяся въ постоянномъ одиночномъ заключеніи, убираютъ свои камеры, умываются, одѣваются и имъ брѣютъ бороды по очереди. Затѣмъ, каждое отдѣленіе идетъ, въ сопровожденіи своихъ унтеръ-офицеровъ, въ столовую, гдѣ всѣхъ перекликаютъ, послѣ того они завтракаютъ, чернѣй хлѣбъ съ солью, изъ дневной пропорціи.

Послѣ того они отправляются въ мастерскія, для работъ. Около полудня арестанты обучаются строевымъ движеніямъ; затѣмъ обѣдаютъ и, послѣ отдыха, возвращаются въ мастерскія. Вечеромъ ужинаютъ и, черезъ полчаса послѣ того, дѣлается имъ переключка и они ложатся спать. Утромъ и вечеромъ, а также передъ обѣдомъ и ужиномъ, и послѣ нихъ, арестантамъ читаются установленныя молитвы. Для надзора за соблюденіемъ арестантами должнаго порядка во время молитвъ, полученія пищи и прогулокъ, сверхъ отдѣленныхъ унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей, присутствуетъ одинъ изъ помощниковъ начальника роты; во время же работъ въ мастерскихъ наблюдаютъ за порядкомъ дежурные унтеръ-офицеры и завѣдывающій работами. Арестантамъ воспрещается: употреблять горячіе напитки, курить и нюхать табакъ, а также имѣть при себѣ деньги и какія бы то ни было вещи и орудія. Получать и посылать письма, арестанты могутъ не иначе, какъ съ разрѣшенія и чрезъ посредство своихъ начальства. Въ часы отдохновенія, исправляющіеся и тѣ изъ испытуемыхъ, которые не содержатся въ одиночномъ заключеніи, проводятъ время, въ хорошую погоду—на дворѣ, а въ ненастную—въ столовой или мастерскихъ, по усмотрѣнію начальника роты; но имъ воспрещаются, въ это время, всякаго рода игры. Начальникъ роты вправѣ, однако, дозволить арестантамъ, *съ теченіи непродолжительнаго времени, разговаривать*. Въ баню они посылаются два раза въ мѣсяцъ и переменяютъ: рубахи—*разъ съ недѣлю*, а лѣтнее платье—*два раза съ мѣсяцъ*. Въ воскресные и другіе свободные отъ работъ дни, исправляющимся можетъ быть дозволено свиданіе съ родными и другими посторонними лицами, но не иначе, какъ въ присутствіи одного изъ помощниковъ начальника роты, въ назначенной для сего комнатѣ и въ опредѣленный имъ часъ, послѣ обѣда. Свиданіе разрѣшается съ

крайнею разборчивостью, сколь можно рѣже и только тѣмъ арестантамъ, которые этого заслуживаютъ. Посѣтителямъ ничего не дозволяется приносить и передавать арестантамъ. Нарушившіе это правило немедленно удалятся изъ комнаты и недопускаются болѣе къ свиданію съ арестантами.

На каждого арестанта полагается: зимняя куртка и шаровары изъ сѣраго сукна, лѣтняя куртка и шаровары изъ бѣлаго равентуха; двѣ пары суконныхъ и двѣ пары холщевыхъ портянокъ; двѣ пары полусапоговъ и къ нимъ двѣ пары подметокъ, три рубахи; галстухъ съ манишкой, шапка, два полотенца и одѣяло изъ сѣраго сукна; другую одежду, кромѣ установленной, носить воспрещается. Испытуемые, содержащиеся въ постоянномъ одиночномъ заключеніи, довольствуются пищею на одинаковомъ основаніи съ заключенными въ военныхъ тюрьмахъ. Всѣмъ прочимъ арестантамъ отпускается ежедневно: 1) хлѣба ржанаго три фунта и соли 6 золотниковъ на каждого; 2) горячая пища, т. е. щи или похлебка, приготовляемая изъ овощей: въ скоромные дни— съ саломъ, а въ постные — съ постнымъ масломъ; три раза недѣлю и, кромѣ того, по высоторжественнымъ днямъ, съ крошенымъ мясомъ или рыбой, полагая на человѣка по четверти фунта того или другого, и 3) квась. Горячая пища отпускается арестантамъ разряда исправляющихся и тѣмъ испытуемымъ, которые не содержатся въ постоянномъ одиночномъ заключеніи, къ обѣду и ужину. Кромѣ того, арестантамъ разряда исправляющихся дается каша два раза въ недѣлю.

Занятія арестантовъ состоятъ: а) въ работахъ; б) въ упражненіи въ строевыхъ движеніяхъ, и в) въ изученіи грамоты. Работы, на которыя должны быть употребляемы арестанты, раздѣляются на хозяйственные и мастеровыя внутри ограды зданія, ротою занимаемаго. Въ сей оградѣ арестанты

станты на работы не употребляются. При назначеніи арестантамъ работъ, принимаются въ соображеніе ихъ физическія силы, здоровье и способность къ тому или другому роду работъ. Арестанты работаютъ ежедневно, за исключеніемъ дней воскресныхъ, перваго января, первыхъ двухъ дней Рождества Христова, двухъ послѣднихъ дней Страстной недѣли, первыхъ трехъ дней Пасхи, праздниковъ: Богоявленія, Вознесенія Господня и Благовѣщенія, трехъ дней, посвящаемыхъ говѣнію, а равно дней рожденія, тезоименитства и коронованія Ихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы. Арестанты еврейскаго и магометанскаго исповѣданій освобождаются отъ работъ для молитвы: первые — по субботамъ, а послѣдніе — по пятницамъ; но затѣмъ они не освобождаются отъ работъ въ воскресные дни. Сверхъ того, независимо дней рожденія, тезоименитства и коронованія Ихъ Величествъ, они освобождаются отъ работъ для молитвы и въ дни, о конхъ ежегодно объявляется циркулярами главнаго штаба. Они проводятъ эти дни и совершаютъ молитвы въ своихъ камерахъ. Для занятія арестантовъ работами полагается отъ 8 до 10 часовъ въ день. Начальствующимъ лицамъ *не дозволяется располагать* временемъ и *трудомъ* арестантовъ *въ свою пользу*, даже за вознагражденіе, и употреблять ихъ къ письменнымъ занятіямъ. Хозяйственныя работы заключаются въ приготовленіи пищи и кваса, распилкѣ, рублѣ и подносѣ дровъ, топкѣ печей, качаніи воды и занятіяхъ по содержанію чистоты и опрятности въ корридорахъ, сѣняхъ, на дворѣ и вообще въ зданіяхъ роты. Къ работамъ въ мастерскихъ относятся производства: портняжное, сапожное, шорное, бондарное, токарное, столярное, кузнечное и слесарное, а также витье веревокъ, дѣланіе ценовокъ, щетокъ и тому подобныя занятія, сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ и удобствамъ. Могутъ быть допу-

скаемы и другія работы, безвредныя для здоровья арестантовъ и совершенно безопасныя. Испытуемые, содержащые въ постоянномъ одиночномъ заключеніи, занимаются мастерствами въ своихъ камерахъ, а всѣ прочіе арестанты въ мастерскихъ. Во время работъ арестантамъ дозволяется обращаться къ унтеръ-офицерамъ, или обучающимъ ихъ мастерамъ, только съ вопросами, относящимися до работъ, но не иначе, какъ въ полголоса. Для содѣйствія завѣдывающему работами и вольнонаемнымъ мастерамъ, при подготовленіи и распредѣленіи работъ и рабочаго матеріала, могутъ быть, по усмотрѣнію ротнаго командира, назначаемы наилучшіе по поведенію арестанты изъ разряда исправляющихся; но самимъ арестантамъ отнюдь не поручается надзоръ за прочими арестантами во время работъ. Мастерскія работы производятся арестантами какъ по казеннымъ или частнымъ заказамъ, такъ и на продажу. Ротный комитетъ опредѣляетъ, какаго рода заказы могутъ быть исполнены арестантами, но самыя заказы принимаются начальникомъ роты. Заказы записываются въ ротномъ комитетѣ въ особую книгу, со внесеніемъ задатка, равнаго четвертой части договорной суммы. Въ этой же книгѣ заказчикъ росписывается въ полученіи вещей и означаетъ количество уплаченныхъ имъ денегъ. Инструменты, матеріалы, для приготовленія издѣлій на продажу, приобретаются, по мѣрѣ надобности, на счетъ спеціальной ротной суммы. Издѣлія, назначаемыя для продажи, или выставляются въ особыхъ помѣщеніяхъ, по распоряженію начальства роты, или поручаются разнощикамъ и торговцамъ. Предварительно распродажи издѣлій, ротный комитетъ дѣлаетъ приблизительную имъ оцѣнку, сообразно стоимости затраченнаго матеріала и существующимъ на мѣстѣ рабочимъ цѣнамъ. Изъ чистой прибыли, вырученной отъ продажи арестантскихъ издѣлій, отчисляется 10% въ пользу арестантовъ,

а 90% обращаются: а) на покрытие расходов по содержанию роты; б) въ специальную ротную сумму, и в) въ пользу чинновъ, служащихъ въ ротѣ. Размѣръ, въ которомъ сии 90%-должны быть раздѣлены по назначенію, опредѣляется главнымъ военно-тюремнымъ комитетомъ. Арестанты вознаграждаются за произведенныя ими работы не соразмѣрно относительной выгодности оныхъ, а соответственно усердію своему въ работахъ. Арестантамъ, помощникамъ въ мастерскихъ, сверхъ собственнаго ихъ заработка, отчисляется ежемѣсячно, изъ специальной ротной суммы, особая плата, въ размѣрѣ, опредѣленномъ въ предыдущей статьѣ. Количество заработанныхъ арестантами денегъ исчисляется въ концѣ мѣсяца и затѣмъ объявляется арестантамъ, сколько пришлось по расчету на часть каждого изъ нихъ. Причитающіяся арестантамъ деньги не выдаются имъ на руки, но изъ слѣдующей каждому суммы позволяется, находящимся въ исправляющихся, въ видѣ награды, за хорошее поведеніе, расходовать до половины на отправку писемъ и покупку въ высокочественные дни и большіе церковные праздники булокъ, чая и сбитня. Расходъ этотъ допускается не иначе, какъ съ разрѣшенія начальника роты. Строевымъ упражненіямъ, стойкѣ, поворотамъ и маршировкѣ обучаются арестанты разряда исправляющихся и тѣ испытуемые, которые не содержатся въ постоянномъ одиночномъ заключеніи, по одному часу ежедневно: въ хорошую погоду — на ротномъ дворѣ, а въ ненастную — гдѣ окажется удобнымъ.

Исправляющіеся и тѣ изъ испытуемыхъ, которые не содержатся въ одиночномъ заключеніи, въ воскресные и праздничные дни и прочее свободное отъ работъ и строеваго ученія время, обучаются грамотѣ и слушаютъ чтеніе книгъ, приобретаемыхъ для сей цѣли ротнымъ комитетомъ. Испытуемые, содержащіеся въ одиночномъ заключеніи, обучаются

грамотѣ въ своихъ камерахъ, по возможности. Грамотѣ обучаютъ арестантовъ унтеръ-офицеры, подъ руководствомъ и въ присутствіи священника, или помощника начальника роты. Въ помощь унтеръ-офицерамъ могутъ быть назначаемы, съ разрѣшенія начальника роты, отличнѣйшіе по поведенію грамотные арестанты. Въ воскресные и праздничные дни и накануне ихъ, арестанты выводятся въ церковь, для слушанія богослуженія. При этомъ соблюдается: а) чтобы арестанты, во время слѣдованія, сохраняли молчаніе, и б) чтобы испытуемые выводились отдѣльно отъ исправляющихся, и занимали въ церкви особо назначенныя для нихъ мѣста. Постороннія лица въ церковь не допускаются. Въ воскресные и праздничные дни, по исправленіи хозяйственныхъ въ ротѣ работъ, арестанты разряда исправляющихся и тѣ изъ испытуемыхъ, которые не содержатся въ одиночномъ заключеніи, собираются въ столовую, и, оставаясь въ ней до обѣдни, — слушаютъ чтеніе священнаго писанія. Арестанты православнаго исповѣданія обязаны, въ теченіе великаго поста, говѣть поочередно, а другихъ христіанскихъ исповѣданій исполняютъ эту обязанность по обрядамъ своей церкви, когда представится къ тому возможность. Каждый арестантъ съ своею просьбою можетъ обращаться къ своему унтеръ-офицеру, который докладываетъ о томъ по-начальству, но просьбы и жалобы сообщаются арестантамъ. Для ближайшаго ознакомленія арестантовъ съ ихъ обязанностями и съ установленнымъ порядкомъ въ ихъ содержаніи, имъ читается, отъ времени до времени, извлеченіе изъ положенія о ротахъ.

Проступки, за которые опредѣляются наказанія, по распоряженію начальства военно-исправительныхъ ротъ, раздѣляются на два рода: къ 1-му роду относятся: маловажныя нарушенія установленнаго порядка, несоблюденіе опрятности, тишины и т. под.; нерадѣніе въ исполненіи урочной работы;

ложныя показанія о болѣзни; взятіе безъ позволенія какой-либо чужой вещи, безъ намѣренія утаить или присвоить оную себѣ; непослушаніе фельдфебелю или унтеръ-офицерамъ, безъ всякой, однако, грубости или иныхъ, увеличивающихъ вину, обстоятельствъ. Ко 2-му роду относятся: означенные выше проступки, когда арестанты оказались виновными въ нихъ болѣе двухъ разъ; драки и побои, немѣвнѣе послѣдствіемъ ранъ, увѣчья или поврежденія въ здоровьѣ; умншленная порча одежды, обуви и другихъ вещей, выданныхъ арестанту или принадлежащихъ другимъ заключеннымъ; умншенное поврежденіе мѣста заключенія, утвари, посуды, инструментовъ или рабочихъ матеріаловъ; взятіе чужихъ вещей, съ намѣреніемъ присвоить ихъ себѣ; имѣніе при себѣ воспрещенныхъ вещей или орудій; покушеніе на подкупъ нижнихъ чиновъ для послабленія въ надзорѣ; своеволие, буйное поведеніе и другіе подобныя проступки, нарушающіе порядокъ и благочиніе; непослушаніе фельдфебелю или унтеръ-офицерамъ, когда оно сопровождалось грубостію; покушеніе къ побѣгу; необъявленіе начальству объ умыслѣ другихъ арестантовъ учинить побѣгъ. За проступки 1-го рода опредѣляются слѣдующія наказанія: а) заключеніе въ одиночномъ карцерѣ на время отъ 3-хъ до 7-ми дней, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ; б) заключеніе въ темномъ карцерѣ, на такое же время, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ. Наказанія за проступки 2-го рода полагаются: а) заключеніе въ темномъ карцерѣ отъ 7-ми до 14-ти дней съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ, и б) продолженіе времени испытанія отъ 1-го до 3-хъ мѣсяцевъ, или перечисленіе изъ разряда исправляющихся въ разрядъ испытуемыхъ на такое-же время. Сверхъ того, за умышленную порчу мастерового инструмента или матеріаловъ, виновные подвергаются вычету, сообразно количеству ущерба, изъ слѣдующей имъ дачи заработка. Когда проступки сопровождался

особенными обстоятельствами, увеличивающими вину, то нарушители *могут быть* наказаны *рогами*: за проступки 1-го рода — до 30-ти ударовъ, по распоряженію помощника начальника роты, а за проступки 2-го рода — до 100 ударовъ, по опредѣленію начальника роты. Тѣлесное наказаніе назначается или вмѣстѣ съ вышеопредѣленными взысканіями, или въ видѣ самостоятельнаго наказанія. Наказанія, налагаемыя на арестантовъ за проступки какъ перваго, такъ и втораго рода, записываются всегда въ штрафной журналъ.

Заболѣвающіе арестанты свидѣлствуются состоящимъ при ротѣ медикомъ и изъ нихъ: слабыя и требующіе только отдохновенія — оставляются въ мѣстахъ заключенія, а нуждающіеся въ медицинскомъ пособіи — перемѣщаются въ ротный лазаретъ, но испытуются отдѣльно отъ исправляющихся. Содержащіеся въ постоянномъ одиночномъ заключеніи получаютъ медицинское пособіе въ самыхъ камерахъ или карцерахъ, и только въ случаѣ тяжкихъ болѣзней отправляются въ лазаретъ или въ госпитальныя арестантскія отдѣленія. Больные довольствуются въ лазаретѣ пищею и пользуются медикаментами на общемъ основаніи съ войсками; провіантъ же и кормовыя деньги, вытребованныя на арестанта, который заболѣлъ, показываются въ ротѣ къ зачету. Время болѣзни, проведенное арестантомъ въ госпиталѣ или лазаретѣ, исключается изъ срока пребыванія въ ротѣ, назначеннаго въ приговорѣ. Но при особенно уважительныхъ обстоятельствахъ, какъ-то: если болѣзнь произошла отъ изнуренія, ушиба, или инаго несчастнаго случая, время это можетъ, вполнѣ или частію, быть зачтено въ срокъ пребыванія арестантовъ въ ротѣ, но не иначе, какъ съ разрѣшенія начальника мѣстныхъ войскъ въ округѣ, по особому каждому разѣ представленію начальника роты, основанному на мнѣніи ротнаго комитета

Арестанты изъ состоящихъ на *срочной* службѣ, пробыв-

шіе въ ротѣ опредѣленное имъ приговоромъ суда время, обращаются на службу исключительно въ полевія войска, а несостоящіе на срочной службѣ, по выбитіи изъ роты, исключаются изъ военнаго вѣдомства и передаются въ распоряженіе гражданскаго начальства. Обращаемымъ на службу арестантамъ, начальникъ роты, въ присутствіи своихъ помощниковъ и священника, объявляетъ какъ объ освобожденіи, такъ и о деньгахъ, заработанныхъ ими въ ротѣ. Освобожденные арестанты препровождаются въ мѣста назначенія въ военной одеждѣ, которою они снабжаются изъ числа поступившей съ прибылыми арестантами и хранящейся въ цейхаузѣ. вмѣстѣ съ отправленіемъ арестантовъ на службу, начальникъ роты препровождаетъ начальству того мѣста, куда они назначены: а) всѣ письменныя о сихъ арестантахъ свѣдѣнія, и б) деньги ихъ, какъ хранившіяся въ ротѣ, такъ и заработанныя ими въ оной. Арестанты, которые прежде истеченія опредѣленнаго срока пребыванія въ ротахъ будутъ призваны неспособными къ мастеровымъ работамъ, но годными для исполненія хозяйственныхъ работъ, оставляются въ ротахъ до истеченія назначеннаго имъ срока. Неспособными ни къ какимъ работамъ признаются арестанты: а) совершенно слѣпые; б) не имѣющіе рукъ или ногъ; в) дряхлые, отъ совершеннаго расслабленія, паралича и другихъ болѣзней; г) имѣющіе большія килы, препятствующія ходить и работать, и д) оказавшіеся, послѣ долговременнаго леченія, имѣющими совершенно неизлечимыя болѣзни, лишаящія навсегда способности ко всякой работѣ. Арестанты, признанные до истеченія срока неспособными ни къ какимъ работамъ въ ротѣ, передаются, по распоряженію начальника мѣстныхъ войскъ въ округѣ, гражданскому начальству, для содержанія въ тюрьмахъ гражданскаго вѣдомства. Деньги, составляющія собственность арестантовъ, от-

сылаются, по распоряженію начальника роты, въ сберегательныя кассы по именнымъ книжкамъ и хранятся въ нихъ въ теченіе всего времени нахождения арестантовъ въ ротѣ; при выбитіи-же ихъ, деньги, съ накопившимися процентами, отсылаются въ мѣста ихъ поступленія. Въ случаѣ побѣга арестантовъ, принадлежащія имъ деньги причисляются къ специальной суммѣ. Оставшіяся послѣ умершаго арестанта деньги выдаются ближайшимъ его родственникамъ или тѣмъ лицамъ, кому назначены будутъ по духовному завѣщанію; если же завѣщанія не сдѣлано, то объ оставшемся наслѣдствѣ сообщается родственникамъ умершаго, по мѣсту его родины, чрезъ уѣздныя или городскія полицейскія управленія, которыя, съ своей стороны, увѣдомляютъ начальника роты, когда именно о смерти арестанта объявлено наслѣдникамъ. Въ случаѣ неявки послѣднихъ или нетребованія ими оставшагося имущества въ теченіе годичнаго срока, со дня сообщенія, установленнымъ порядкомъ, о смерти арестанта, оставшіяся послѣ него деньги причисляются къ специальной ротной суммѣ.

Ротный комитетъ, при каждой ротѣ, состоитъ изъ помощниковъ начальника роты, подъ его предсѣдательствомъ. Въ совѣщаніяхъ комитета участвуютъ также: священникъ — по дѣламъ, относящимся до нравственнаго исправленія арестантовъ и церковнаго хозяйства, а врачъ — по дѣламъ медико-полицейскимъ и вообще требующимъ принятія гигиеническихъ мѣръ. Комитетъ обсуживаетъ всѣ мѣропріятія, касающіяся благосостоянія роты и точнаго примѣненія предписанныхъ правилъ содержанія арестантовъ. Комитетъ распоряжается: а) ремонтированіемъ зданій; б) заготовленіемъ продовольственныхъ припасовъ для арестантовъ, освѣтительныхъ матеріаловъ и матеріаловъ для приготовленія издѣлій, и в) покупкою необходимыхъ хозяйственныхъ предме-

товъ. Комитету предоставляется: а) утверждать подряды и разрѣшать хозяйственныя заготовленія на сумму до 1,000 р.; б) распорядиться, съ предварительнаго разрѣшенія начальника мѣстныхъ войскъ въ округѣ, хозяйственнымъ заготовленіемъ одежды для арестантовъ и нижнихъ чиновъ роты, не свыше опредѣленныхъ для сего окружнымъ интендантствомъ цѣнъ; в) сокращать арестантамъ сроки испытанія, на основаніяхъ, въ настоящемъ положеніи указанныхъ, и г) удостоивать арестантовъ къ переводу изъ разряда испуемыхъ, въ разрядъ исправляющихся въ назначенные сроки. Распоряженія комитета излагаются въ журналахъ, подписываемыхъ предсѣдателемъ и присутствующими членами. Въ отношеніи требованія, прихода и расхода суммъ, припасовъ, матеріаловъ и всѣхъ вообще предметовъ довольствія роты, а равно повѣрки и свидѣтельства ихъ, представленія срочныхъ донесеній и отчетности, комитетъ руководствуется правилами, установленными для тѣхъ войскъ, въ коихъ учреждены хозяйственные комитеты. Ревизіонный комитетъ, при каждой ротѣ состоитъ изъ командира губернскаго баталіона, двухъ офицеровъ отъ мѣстныхъ частей артиллерійскаго и инженернаго вѣдомствъ, по одному отъ cadaго. Обязанности комитета заключаются: а) въ удостовѣреніи, что установленныя для роты правила исполняются въ точности, и б) въ производствѣ ревизіи ротнаго хозяйства, причемъ комитетъ обращаетъ особое вниманіе на степень развитія мастеровыхъ работъ, на оборотъ денежныхъ суммъ и правильно-ли назначаются цѣны издѣліямъ, приготовляемымъ арестантами. Комитетъ производитъ ревизію два раза въ годъ, и замѣчанія свои, излагаемые въ формѣ журнала, представляетъ въ главный военно-тюремный комитетъ, а копии съ нихъ доставляетъ начальнику мѣстныхъ войскъ въ округѣ и начальнику роты. Комитетъ распорядительной власти

не имѣть, не входить въ письменныя сношенія съ начальникомъ роты и не дѣлаетъ ни ему, ни его подчиненнымъ замѣчаній.

V.

Изложенное нами положеніе основано, какъ извѣстно, на началахъ, выработанныхъ европейскою пенитенціарною наукою, а потому представимъ вниманію читателей краткій очеркъ происхожденія, развитія и усовершенствованія этой науки.

Пенитенціарій, по-русски, всего ближе назвать домоюъ покаянія. Первая мысль объ учрежденіи этого рода тюремъ принадлежитъ ученому французскому монаху бенедиктинскаго ордена, Жану Мабильону, жившему въ XVII столѣтіи. Основными принципами исправленія преступниковъ Мабильонъ считалъ: а) заключеніе каждаго изъ нихъ въ отдѣльную келью и приспособленіе въ ней мастерской, для полезныхъ его работъ; б) дабы сберечь ихъ здоровье — устроить при тюрьмахъ маленькіе садикъ, тоже съ мастерскими, выводить людей на опредѣленное число часовъ въ эти садикъ, гдѣ, тоже врознь, заставляютъ ихъ работать на свѣжемъ воздухѣ; в) посылать ихъ на *всѣ* богослуженія въ церкви, гдѣ ставятъ каждаго за особую перегородкою; г) въ то время, когда они одни въ кельяхъ — навѣщать и утѣшать ихъ, а равно укрѣплять въ нихъ правила нравственности, и, наконецъ, д) кормить ихъ болѣе грубою, скудною пищею и чаще всего — постною. Хотя Мабильонъ и былъ, за свой проектъ, представленъ архіепископомъ Лепельи Людовіку XIV, но послѣдній ничего не предпринялъ касательно осуществленія идеи перваго. Идея эта не пропала, однако, безслѣдно: папа Климентъ XI, создалъ въ Римѣ, на началахъ, выраженныхъ

Мабильономъ, тюрьму, которая оставалась единственною въ своемъ родѣ, впродолженіи цѣлаго, почти, столѣтія: вторая такая-же тюрьма, по инициативѣ графа Виллена, открылась, по настоянію французской королевы Маріи Терезіи, въ Гентѣ, лишь въ 1772 году. Далѣе, англійскій ученый и дипломатъ Говардъ ознакомилъ англичанъ съ системою содержанія преступниковъ въ Гентѣ, и вслѣдствіе сего, въ 1779 г., англійское правительство рѣшилось устроить два пенитенціарія, но открылся только одинъ въ Глочестерѣ, и то въ 1793 году, причемъ существенными правилами онаго были: классификація преступниковъ, разьединеніе ихъ на ночь и работа днемъ. Въ свою очередь, квакеры, присоединившись къ мысли о необходимости новыхъ тюремъ,—определили на этомъ поприщѣ англичанъ: они устроили, въ 1790 г., четвертый пенитенціарій въ Валькстритѣ, что въ Филадельфій Америкѣ, гдѣ нашли себѣ, правда, послѣдователей, которые, умножили эти учрежденія по методѣ Оборка и Сингъ-Синга въ Нью-Йоркѣ, Питсбургѣ и Шерри-Гилле,—но касательно системы исправленія преступниковъ, американцы разошлись во взглядахъ: нью-іоркцы разсчитывали вселить въ преступниковъ добродѣтель, совмѣстною ихъ работою и общежитіемъ, а гильды считали единственнымъ спасеніемъ—одиночное заключеніе.

Покуда за океаномъ спорили, какой системѣ отдать предпочтеніе,—въ Европѣ затѣялись войны, отчего европейцамъ было ужъ, понятно, не до тюремъ, прежде водворенія всеобщаго мира. Тогда, 9-го сентября 1814 г., Людовикъ XVIII, издалъ было повелѣніе объ обращеніи преступниковъ на путь истинный, приученіемъ ихъ къ порядку, труду, да нравственными и религіозными назиданіями; но этому стремленію не суждено было тотчасъ-же обратиться въ живое дѣло: неблагоприятныя политическія событія во Франціи помѣшали. Спустя

въ некоторое время, группа французовъ, сочувствуя вышеприведенному повелѣнію, основала въ 1817 г., въ улицѣ Брессъ, сенскій пенитенціарій и помѣстила въ него однихъ, впрочемъ, *молодыхъ* преступниковъ, которыхъ потомъ постепенно переводили въ Сентъ-Пелажъ, Магдалнеттъ, а въ 1836 году, въ Роккеттъ, и въ послѣднемъ ужь мѣстѣ организовали дѣло въ обстоятельныхъ размѣрахъ. Отсюда начались серьезные, живые опыты надъ англійскою, нью-іоркскою и филадельфійскою системами: въ Лозанѣ — въ 1824 г., въ Женевѣ — въ 1825 г. и въ Бернѣ — въ 1830 г.; а изъ этихъ городовъ, женевскіе практики счумѣли ввести у себя все лучшее изъ указанныхъ трехъ системъ, за что женевская и получила названіе европейской системы. Преимущество женевской тюрьмы, предъ прочими, ей подобными, знатока тюремовѣдѣнія усматриваютъ вотъ въ чемъ. Во-первыхъ, въ ея устройствѣ по поноптическому *) способу, заключающемуся въ томъ, что съ любого пункта зданія, чрезъ прикрытія снаружи, сѣтками, форточки, виднѣются всѣ внутреннія части остальнаго зданія, а посредствомъ этихъ форточекъ начальство тюрьмы, въ состояніи наблюдать за всѣмъ, въ ней происходящимъ; т. е., однимъ взглядомъ легко объять сотни арестантовъ, судить объ ихъ прилежаніи къ работѣ и даже поведеніи; мало того, помощью особыхъ колокольчиковъ и говорильныхъ трубъ, немедленно отвѣчается издалека на всякій вопросъ. Въ программу занятій арестантовъ входятъ умственное развитіе, религіозное и нравственное исправленіе, мастеровыя и многія другія работы, а по освобожденіи

*) Поноптика значитъ — все видѣть. Способъ этотъ изобрѣтенъ знаменитымъ англійскимъ ученымъ Бентамомъ, родившимся въ 1747 году, а умершимъ въ 1832 году.

ихъ — комитетъ покровительствуетъ имъ и на волѣ. Эта-же система примѣнена была и къ открытой, въ 1840 году, земледѣльческой колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ въ Метрѣ, близъ Тура, во Франціи, и независимо сего постепенно распространилась, съ различными видоизмѣненіями, по Германіи, Бельгій и т. д.

Между тѣмъ, англичанинъ Крофтонъ, тоже изучивъ всѣ системы и не удовольствовавшись ни одною въ цѣлости, — сгруппировалъ изъ нихъ все то, что ему казалось цѣлесообразнымъ, во-едино, и это-то общее послѣдовательно введено въ тюрьмѣ Дублинскаго графства въ Англій, съ 1854 по 1857 г. включительно, и наименовалась ирландскою системою. Ирландская система представляетъ, говорить русскій криминалистъ г. Ламанскій, въ предисловіи къ переводу монографіи профессора берлинскаго университета Гольцендорфа, соединеніе всѣхъ истинъ прежнихъ системъ въ одномъ внутренне образованшемся организмѣ, и содержитъ въ себѣ то несравненное преимущество предъ всѣми остальными, что въ ней участвуютъ антропологическій и психическій элементы. А на сихъ началахъ только и можетъ, полагаетъ г. Ламанскій, опираться ирландская система исправленія, при усиленномъ развитіи которой, она послужитъ основными точками опоры къ преобразованію, въ ближайшемъ будущемъ, всей системы наказаній; присутствіе въ ней элементовъ, посредствомъ коихъ уразумѣвается индивидуальный характеръ человѣка и находящихся въ тѣсной связи съ нимъ социальныхъ формъ преступленій, удовлетворитъ повсемѣстной потребности въ коренной реформѣ уголовного законодательства. Правила ирландской системы содержатъ въ себѣ: а) сокращеніе срока, опредѣленнаго судомъ; б) разграниченіе наказанія на различные періоды; в) одиночное заключеніе; г) общія работы, обязательный трудъ и задѣльная за него

плата; д) переходъ въ менѣе строгое положеніе; е) преподаваніе наукъ; ж) увольненіе на полусвободу, по отпускнымъ билетамъ, и полицейскій надзоръ надъ отпущенными, такъ какъ посредствомъ угнетенія нельзя готовить къ свободѣ ни отдѣльнаго человѣка, ни цѣлыя народы, по справедливому замѣчанію Гольцендорфа, и, наконецъ, з) полное освобожденіе и упроченіе будущности бывшаго заключеннаго. Вотъ сущность этой новѣйшей, усовершенствованной пенитенціарной системы.

Наконецъ, пенитенціарныя системы, по-немножку, стали проникать и къ намъ, въ Россію, Такъ, Оборнская, съ безусловнымъ молчаніемъ навсегда, кромѣ часа—двухъ въ сутки, и съ полнымъ разъединеніемъ, принята въ образованной, 1-го января 1865 г., въ Петербургѣ, военно-исправительной морскаго вѣдомства тюрьмѣ, въ которую заключаютъ матросовъ отъ 3-хъ мѣсяцевъ и до 2-хъ лѣтъ включительно. Однако, не смотря на короткій сравнительно съ военнымъ срокомъ (6 лѣтъ), безусловное молчаніе, въ 1861 г., на половину ослаблено, потому, что матросы-арестанты не могли выносить этой кары и впадали: одни—въ меланхолію и идіотизмъ, а другіе — въ отчаяніе, приводившее ихъ къ новымъ, тяжкимъ преступленіямъ *). Потомъ, нѣкоторые принципы изъ другихъ системъ введены въ учрежденныхъ, въ январѣ 1868 г., московской исправительной и петербургской срочной тюрьмахъ; послѣдняя, 14-го августа 1871 года, обращена тоже въ исправительную, съ учрежденіемъ патронатства надъ выходящими изъ нея людьми, отбывшими опредѣленный въ приговорахъ о нихъ срокъ. Цитированнымъ нами положеніемъ, утвержденнымъ 16-го мая 1867 года, крѣпостныя

*) См. книгу нашу «Жизнь заключенныхъ», изд. 1870 года.

арестантскія роты преобразованы въ военно-исправительныя, по европейской, преимущественно, системѣ, съ добавленіемъ тѣлеснаго наказанія розгами до 100 ударовъ и кандалами, какъ въ морской тюрьмѣ, хотя иностранныя системы и не считаютъ, въ числѣ своихъ мѣръ, этихъ наказаній. А въ заключеніе, 15 января 1870 г., утвержденъ уставъ общества земледѣльческихъ колоній для малолѣтнихъ преступниковъ, и 10-го октября 1871 г., первая, покуда, такая колонія открылась по рябовскому шоссе, за пороховымъ заводомъ, близъ Петербурга, на началахъ, господствующихъ въ колоніи Метрз, около Тура во Франціи.

Такимъ образомъ, пенитенціарная система и въ Европѣ, какъ читатели видѣли, примѣняется, на практикѣ, различно, а у насъ эта наука является совершенно новою, и потому близкое знакомство съ нею составляетъ достояніе очень ограниченнаго кружка людей, спеціально изучавшихъ ее. Отсюда понятно, что среди военнаго сословія вообще не было людей, подготовленныхъ привить ее къ живой дѣятельности. Потомъ, вслѣдствіе дурной репутаціи, какою пользовались у насъ прежнія арестантскія роты, немислимо было привлечь къ созданію военно-тюремной реформы и просто просвѣщенныхъ офицеровъ, не смотря на привилегіи дарованныя положеніемъ объ исправительныхъ ротахъ персоналу начальства *). Оттого министерство принуждено

*) Три года за 5 лѣтъ службы и сравнительно съ армейскимъ, лучшее матеріальное обезпеченіе: нормальными штатами присвоены: всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ ротъ жалованье по ихъ чинамъ, квартиры натурою, или деньги по чинамъ же; столовыхъ: начальникамъ ротъ, глядя по составу ротъ, 980 р. 70 к., 560 р. 40 к. и 420 р. 30 к., а помощникамъ 280 р. 20 к. и добавочныхъ: первымъ по 1,000 р., 500 р. и 400 р., а послѣднимъ по 200 р. въ годъ,

было удовольствоваться, за рѣдкими исключеніями, офицерами, фельдфебелями и унтеръ-офицерами, управлявшими упраздненными арестантскими ротами, людьми, умственно, правда, неразвитыми,—но тѣмъ не менѣе знакомыми съ бытомъ арестантовъ, а слѣдовательно, на первое, переходное хоть время, годными для удержанія людей въ повиновеніи, при введеніи радикальнаго, крутаго переворота во всемъ ихъ бытѣ. Кромѣ того, министерство, дѣйствуя осторожно, ограничилось временными, до окончательнаго устройства ротъ, штатами, по которымъ тоже значительно увеличенное содержаніе составляетъ всѣмъ: жалованье по чинамъ и квартиры натурою или деньгами въ соотвѣтственной чинамъ ихъ нормѣ, да столовыя: начальникамъ ротъ—980 р. 40 к. и 560 р. 40 к. помощникамъ: старшимъ—по 280 р. 20 к., а младшимъ—по 138 руб. въ годъ. На эту полумѣру министерство рѣшилось съ цѣлію посмотрѣть сперва, какъ успѣшно пойдетъ дѣло и не потребуются-ли въ немъ, сообразно опыту, какихъ-либо измѣненій, дополненій, сокращеній или улучшеній.

VI.

И вотъ, удаливъ всегдашнихъ и каторжныхъ арестантовъ, до 700 человекъ, въ Тобольскъ, во вновь, специально для нихъ учрежденное военно-арестантское отдѣленіе, 2,518 въ Сибирь на водвореніе *), а 757 на службу въ войска,

*) Люди эти состояли изъ служившихъ 30 и болѣе лѣтъ, гоненныхъ не однажды сквозь строй, попадавшихъ въ арестантскія роты по 3—5 разъ, не подававшихъ никакой надежды на исправленіе, наносившихъ вредъ полямъ, и потому востонавшихъ того, чтобы держать ихъ во вновь открывавшихся, на нихъ началахъ, ротахъ.

изъ числа тѣхъ, которымъ оставалось дожидать въ ротяхъ не болѣе 6 мѣсяцевъ, и которые отличались примѣрнымъ поведеніемъ, да избравъ для новыхъ ротъ различныя помѣщенія, министерство открыло, въ теченіе второй половины 1867 и 1868 годовъ, 15 названныхъ выше ротъ, на основаніи положенія, выдержками нами только что приведеннаго, съ тѣмъ, чтобы приспособленіе зданій производить арестантскими руками въ продолженіе 4—6-ти лѣтъ, дабы: а) доставить арестантамъ, съ перваго-же дня ихъ поступленія въ роты, производительный трудъ, весьма выгодный для ихъ нравственнаго исправленія—удержаніемъ ихъ отъ праздности; б) расходомъ, потребныхъ на этотъ предметъ только по 129 тысячъ руб. въ годъ, облегчить бюджетъ министерства; в) провѣрить на практикѣ, возможно-ли старыя зданія передѣлывать такъ, чтобы онѣ замѣняли собою новыя, и, наконецъ, г) производствомъ сначала этого дѣйствія для однихъ ротъ—избѣгнуть ошибокъ при примѣненіи этого способа къ приспособленіямъ зданій для другихъ ротъ.

Далѣе, вскорѣ же по образованіи ротъ, обнаружилось, что онѣ неравномѣрно распредѣлены по военнымъ округамъ, т. е. многимъ арестантамъ приходилось добираться до ротъ за 1,000 верстъ *), а потому, въ составѣ ихъ были произведены слѣдующія измѣненія: динамындская, ивангородская и бендерская роты вовсе упразднены; вмѣсто ихъ учреждены: смоленская, астраханская, екатеринбургская, (пе-

*) Прежде на это странствіе не обращали никакого вниманія; мы знаемъ, напримѣръ, случай, изъ недавней практики, что человекъ прошелъ два года изъ Николаевска въ Бобруйскъ, пробылъ тамъ два года и два-же года ему пришлось путешествовать обратно въ Николаевскъ, къ мѣсту своего служенія, послѣ отбѣга въ арестантской ротѣ опредѣленнаго о немъ въ приговорѣ срока.

реводимая въ Гавриловскій посадь, Владимірской губерніи), воронежская и екатеринодарская, каждая на 300 человекъ; потомъ составъ увеличенъ: въ рижской—до 400, новогоріевской и херсонской—до 500; оренбургской—до 200 и омской—до 300 человекъ; въ бобруйской-же и кievской штатъ уменьшенъ: въ первой—съ 1,200 на 600, а въ послѣдней—съ 700 на 600 человекъ.

Затѣмъ, самымъ приспособленіемъ помѣщеній предположено было заняться сперва для слѣдующихъ ротъ, причѣмъ расходъ былъ исчисленъ: для кронштадтской—въ 55 т. руб., рижскій—40 т. р., динабургской—18 т. р., бобруйской—50 т. р., новогоріевской—17,886 р., брестъ-литовской—48 т. р., кievской—58 т. р., херсонской—43,611 р., воронежской—80 т. р., смоленской—70 т. р., астраханской—59,970 руб. и оренбургской—95,375 р. Но такъ какъ нельзя было прекратить высылку арестантовъ на крѣпостныя работы до утверженія правилъ о замѣнѣ ихъ вольнонаемными рабочими, то рѣшено было употреблять временно арестантовъ: не знающихъ никакого мастерства—на крѣпостныя работы, а остальныхъ занять перестройкою казармъ и въ ротныхъ мастерскихъ. При этомъ, мастерскимъ кронштадтской, рижской, динабургской, брестъ-литовской и кievской ротъ, какъ болѣе нуждавшимся въ производительномъ трудѣ, предоставлено было шитье сапоговъ, бѣлья и платья для мѣстныхъ интендантскихъ складовъ, а остальныхъ сами организовали мастерскія, такъ что, къ 1-му января 1869 г., мастеровыхъ во всѣхъ ротахъ считалось: портныхъ 467, сапожниковъ 451, башмачниковъ 6, плотниковъ 125, столаровъ 16, томарей 17, рѣзчиковъ и кровельщиковъ по 6, кузнецовъ 77, слесарей 62, мѣдниковъ 8, лудильщиковъ 2, серебрянниковъ 3, шорниковъ 15, переплетчиковъ 18, бондарей 43, маляровъ 32, штукатуровъ 14, каменщиковъ 27,

печниковъ 28, колесниковъ 31, обойщиковъ 9, спичечниковъ 10 и одинъ коноваль, итого 1,469 мастеровыхъ.

Независимо работъ, въ ротахъ къ 1869 г. ввелись гимнастика и грамотность,—послѣднею занимались: ходившіе работать—по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, а оставшіеся отъ работъ—и по буднямъ. Изъ состоявшаго къ 1-му января 1869 г. общаго числа людей во всѣхъ ротахъ, 8,841 человекъ, грамотныхъ было: 1-го разряда—674 чел., 2-го—1,010 чел., 3-го—1,283 чел. и 4-го—2,094 человекъ, итого 5,061 человекъ.

Такъ какъ пища арестантовъ признана была недостаточно вкусною, непитательною, какая требовалась для поддержания силъ людей, занятыхъ цѣлые дни, на воздухѣ, тяжелою работою, то главный комитетъ нашелъ нужнымъ прибавить нѣкоторымъ ротамъ мясную порцію на счетъ заработкаемыхъ арестантами суммъ. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе рѣзко измѣнившейся обстановки въ жизни заключенныхъ,—ихъ переболѣло, въ теченіе полугода, всего 34,998 человекъ, а господствующими болѣзнями были легочная чахотка, ревматизмы, цинга, перемежающаяся лихорадка, скорбутъ и расслабленіе желудка.

Изъ наличнаго числа людей: попали вновь подъ судъ, за побѣги изъ ротъ, за покушеніе на убійство и за преступленія противъ дисциплины 143 человекъ; подверглись высканіямъ за мелкіе проступки 1,927 человекъ, большинство этихъ проступковъ заключалось въ куреніи табаку, ссорѣ, дракѣ, въ дерзости противъ унтеръ-офицеровъ, а въ крѣпостныхъ ротахъ, независимо того, въ пьянствѣ во время инженерныхъ работъ. Наказывали провинившихся заключеніемъ въ карцеръ, отъ 3-хъ до 14-ти дней, а за пьянство, воровство и т. н., розгами до 100 ударовъ. Нравственность людей, судя по отчету, «замѣтно улучшилась, вслѣдствіе

удаленія изъ ротъ закоренѣлыхъ преступниковъ, отмины бритья головы, занятія людей мастерствами, грамотностью».

Пересланныхъ въ Тобольскъ каторжныхъ и всегдашнихъ арестантовъ помѣстили въ Тобольскѣ, въ правомъ корпусѣ пересыльной тюрьмы, и, такъ какъ въ Тобольскѣ нѣтъ инженерныхъ работъ, то всѣхъ заняли приспособленіемъ ихъ помѣщенія, мастерствами и грамотностью. Къ 1-му января 1869 года, всѣхъ арестантовъ было 442 человека; изъ нихъ: мастеровыхъ—100 чел., а грамотѣ учились 50 чел., изъ коихъ 27 хорошо читали и писали, а 23 учились азбука. Охоты къ грамотности люди не проявляли, за то старались научиться ремеслу; переболѣло въ теченіе полугода 201 чел., а умерло 6 чел. Предано было въ теченіе этого времени суду: за побѣгъ 3, за покушеніе къ побѣгу, посредствомъ подкупа, 7 чел., за покушеніе на жизнь, съ нанесеніемъ опасныхъ ранъ, 7 человекъ.

Въ 1869 г., арестанты продолжали заниматься крѣпостными работами, отчего приспособленіе ихъ помѣщеній двигалось впередъ медленно, но мастерскія на столько развились въ 12-ти ротахъ, что въ нихъ производилось 21 ремесло, причемъ ремесленники заработали 28,453 р. Сознавая, что заработокъ малъ потому преимущественно, что роты, расположенныя въ малонаселенныхъ крѣпостяхъ, — не имѣли выгоднаго сбыта своимъ произведеніямъ, — министерство учредило званіе попечителей работъ, съ тѣмъ, чтобы въ попечители избирались изъ уважаемыхъ мѣстныхъ жителей, и за то, что они будутъ стараться развивать мастерскія и выгодно продавать издѣлія—имъ предоставлено засѣдать, съ правомъ голоса, въ мѣстномъ тюремномъ и ротномъ комитетахъ, по вопросамъ, касающимся работъ, право на почетныя награды и на извѣстный процентъ съ чистой прибыли отъ продажи арестантовскихъ издѣ-

лій. При неотысканіи же желающихъ попечительствовать, разрѣшено тюремнымъ комитетамъ заключать условія съ подрядчиками о томъ, чтобы они доставляли ротнымъ мастерскимъ заказы и, принявая на себя казенные подряды, — передавали бы работы ротамъ, которые не вправѣ участвовать въ этого рода предпріятіяхъ. Мало того: ротамъ разрѣшено нанимать вольныхъ мастеровъ для обученія арестантовъ различнаго рода ремесламъ.

Наконецъ, арестантовъ, снабдили, постепенно, постельными принадлежностями, бѣльею, предположено отчислать на арестантовъ, за прилежаніе къ приспособленію помѣщеній, вознагражденіе отъ 3 до 15 коп. въ день на человѣка, освободили, въ 1870 г., арестантовъ отъ вѣрнопостныхъ работъ; было испрошено разрѣшеніе: арестантовъ, за 6 недѣль до выпуска по минованіи срока заключенія, и отличающихся примѣрнымъ поведеніемъ отпускать изъ ротъ *однимъ* безъ конвоя, на вышнія работы, за покупками припасовъ и матеріаловъ для мастерскихъ, дабы сими способомъ дознаться: на сколько они укрѣпились нравственно и въ состояніи ли самостоятельно владѣть собою; наконецъ, преподаны были ближайшимъ начальникомъ арестантовъ—унтеръ-офицерамъ—подробныя правила какъ относиться къ своимъ обязанностямъ, разрѣшены еще нѣкоторые и другіе вопросы, клонящіеся къ улучшенію быта арестантовъ, такъ, что судя по всѣмъ мѣропріятіямъ министерства, оказывается безспорнымъ, что оно стремится во что-бы то ни стало привить къ военно-тюремной реформѣ всѣ начала, выработанныя пенитенціарною наукою.

И такъ, мы послѣдовательно и обстоятельно, полагаемъ, посвятили, читателей *съ сущь* законоположеній объ арестантскихъ и замѣнившихъ таковыя исправительныхъ ротахъ; точно также представили достаточно кажется, данныхъ, вы-

званных и оправдывающих военно-тюремную реформу. Кончивши этот труд, — перейдемъ къ правдивому описанію *многачо изъ того*, что мы извлекли изъ обзорѣнія рижской, динабургской, новогоріевской, брестъ-литовской, бобруйской ротъ, а потомъ предложимъ вниманію читателей общіе выводы о томъ, что еще предстоитъ совершить, дабы эти роты, въ живой дѣйствительности, принесли ту существенную пользу, какую отъ нихъ желалъ законодатель при утвержденіи положенія.

Здѣсь-же, кстати, добавимъ, что возгласы ретроградовъ, будто-бы дисциплина въ войскахъ постепенно ослабѣваетъ — безусловно несправедливы: изъ нижеслѣдующихъ очерковъ читатели усмотрятъ, что *всакое*, хотя-бы и самое, на общегражданскій взглядъ, незначительное нарушеніе нижними чинами дисциплины *всегда* строго наказывается, а иногда кара постигаетъ ихъ и черезчуръ ужъ, даже, суровая... Въ заключеніе всего, намъ остается заявить, что все, нижеописываемое, относится ко времени объѣзда нами ротъ — и потому *мелочи* могли, конечно, измѣниться и мы за нихъ не отвѣчаемъ; въ сущности-же положенія ротъ, сколько намъ извѣстно изъ разныхъ источниковъ, перемѣнъ никакихъ не послѣдовало.

РИЖСКАЯ

ВОЕННО-ИСПРАВИТЕЛЬНАЯ РОТА.

I.

Пріѣхавъ въ Ригу первый разъ въ жизни, мы не знали, понятно, гдѣ помѣщается учрежденіе, подлежащее нашему изученію, и потому долго и тщетно разспрашивали, на улицѣ, ~~своими~~ людьми. Наконецъ, наткнулись мы на армейскаго солдата, который отрывисто молвилъ: «въ садѣлѣ».

— Въ какой садѣлѣ?

— Известно въ садѣлѣ, сердито повторилъ онъ и пошелъ дальше.

— Да гдѣ-же, скажи пожалуйста, эта, по твоему, садѣлѣ?

— За бвахтой, да за мостикомъ, вонъ прямо-то иди *).

— А не знаешь-ли: каково живетъ арестантамъ этой роты?

*) Солдаты, вообще, смѣли со *статскими*. Зная это, мы, чтобъ расположить ихъ къ себѣ, — постоянно, во всѣхъ крѣпостяхъ, одѣвались какъ можно проще, дабы выгладѣть, въ ихъ глазахъ, *простолюдникомъ*, что весьма много помогло успѣху нашего предпріятія.

— Такъ, братъ, живутъ они, горемышныя, што не приведи Богъ и злому татарину, не токма кому, пробормоталъ онъ и ускорилъ шагъ.

— Чѣмъ-же, не знаешь-ли, имъ нехорошо? продолжали мы, стараясь сравняться съ нимъ.

— Всѣмъ, всѣмъ северно, вотъ тебѣ и весь сказъ. Отстань отъ меня. И онъ просто побѣжалъ...

Идя дальше, по указанію солдата, мы возлѣ казармы мѣстныхъ войскъ (икубовскихъ) встрѣтили двухъ солдатъ, причемъ одинъ изъ нихъ объяснилъ намъ: «въ крѣпости».

— А не слыжалъ-ли, братецъ: что такое дѣлается въ этой ротѣ?

— Да и слышать не дай Господи: страхъ.

— Стало быть, ты-же слыжалъ, или, быть можетъ, даже самъ содержался въ ротѣ, коли знаешь, что тамъ страхъ?

— Тяпунъ-бы тебѣ на языкъ за эданія слова, вотъ что. Самого, покуда, Богъ миловалъ, а вотъ товарищъ у меня есть, Гавриловымъ прозывается, въ одной батарее служимъ, такъ онъ, точно, годъ промаялся въ этой ротѣ, ну и сказывалъ. Волосы, вѣришь-ли, дыбомъ подымались слушаючи его: такіе тамъ порядки; нашто покурить — и того нельзя.

— А не можешь-ли познакомить меня съ Гавриловымъ? Я дамъ тебѣ за это на чай, а ему за то, что онъ и мнѣ расскажетъ про порядки въ ротѣ, хорошо заплачу.

Солдатъ призадумался.

— Чего-жъ ты еще думаешь? Вѣдь за это ни тебѣ, ни Гаврилову ничего худаго не выйдетъ?

— Да для че тебѣ про роту знать?

— Тамъ братъ мой сидитъ.

— Такъ отъ него и дознавайся, подхватилъ другой солдатъ.

— Самимъ арестантамъ некогда рассказывать: начальство торчать при свиданіяхъ.

— А намъ тоже не разонть.

— Почему?

— Да хаять то, што вышнее начальство встраиваетъ — супротивъ дисциплины, а за нее беда!

— Свести меня съ Гавриловымъ вовсе не противъ дисциплины. Позови-же пожалуйста, его. Вотъ тебѣ за это.

— Спасибо. Коли найду Гаврилова въ казармѣ, вышлю. Подожди тутъ. — Онъ скрылся за ворота.

Прождавъ, напрасно, полчаса, мы дошли до крѣпости (цитадели), гдѣ повстрѣчали другихъ солдатъ, но и они, какъ только рѣчь заводилась о ротѣ — терялись: одно *названіе* роты всѣхъ видимо смущало. Слѣдуя по крѣпости за народомъ, мы очутились на крѣпостномъ валу. Тамъ стояли, на протяженіи полуверсты, поодаль другъ отъ друга, 3 часовыхъ съ ружьями, а среди нихъ копошилось нѣсколько арестантовъ, выносившихъ, по-двое, изъ воротъ: кто мусоръ, кто ушаты съ помоями. Мы приблизились къ часовому.

— Эй, вупецъ, прочь отсюда! крикнулъ онъ намъ.

— Позволь, пожалуйста, поглядѣть: что тутъ такое?

— Уйди, говорю тебѣ, прочь, не то застрѣлю: у меня ружье, вѣдь, заряжено.

— За что-же ты меня застрѣлишь?

— А не ослушайся. Ты хочешь, вѣрно, подговорить арестантовъ бѣжать; такъ намъ, помни, приказано: ежели кто задумаетъ бѣжать — стрѣлай и правъ будешь. Ступай-же, говорю, отъ грѣха дальше, али тутъ-же растанешься у меня вверхъ таркашками.

— Я и въ помышленіи не имѣлъ подговаривать арестантовъ бѣжать; да этого и сдѣлать невозможно, еслибъ я и имѣлъ даже такой дурной умыселъ: я отъ нихъ, по-крайней-

жѣрѣ, на 100 шаговъ и ничего не говорю; поэтому ты и стрѣлять въ меня не смѣешь.

— Какъ всажу тебѣ пулю въ лобъ — такъ узнаешь, смѣюли я стрѣлять, али нѣтъ, грозно заключилъ онъ и началъ вертѣть ружье.

Съ дуру, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ стрѣльнуть, подумали мы, видя его угрожающее приготовленіе, и ретировались внизъ, обогнули крѣпость и попали, изъ другихъ ужъ воротъ, опять на валъ, близъ котораго протекаетъ Двина.

— Можно тутъ маленько постоять? обратились мы къ другому часовому.

— Отчего-жъ нельзя, — можно, отвѣтилъ онъ, человекъ лѣтъ за 30 на взглядъ. А ты, знать, не здѣшній?

— Да, прїѣзжій.

— Торговецъ вѣрно?

— Н-да.

— Издалеча?

— Не особенно.

— Газеты читаешь?

— Каждый день.

— А что въ нихъ про холеру пишутъ? перестала она, анафема, въ Тамбовской губерніи, али еще deboширять?

— Судя по газетамъ — перестала.

— И слава Богу. А то я все беспокоился, уцѣлѣли-ли моя жена и дѣтки малыя. Я, братецъ ты мой, тамбовскій, скоро въ безстрочный, ну и боюсь — не застану своихъ въ живыхъ, а тогда что-жъ мнѣ будетъ за житье? Вашему брату, купцу, утѣха барышъ, капиталъ; а намъ дѣти, потому капиталовъ не имѣемъ. Особливо у меня малецъ, годовъ, таперя, 11 будетъ, — такъ пуще, я тебѣ скажу, души своей люблю его и жду не дождусь, коли увижу его. Вотъ и та-

перя про него вспоминаль: какой онъ должонъ быть бравнй, да смѣтливый — весь въ меня!

— А изъ какихъ это, скажи, братъ, людей, арестанты?

— Все изъ нашего брата — солдатъ. Ихъ тутъ почитай полкъ.

— Вотъ двое лежатъ на землѣ; это имъ позволено?

— Тамъ, въ казармѣ, оборони Богъ, а здѣсь не запрещаемъ, потому свой-же братъ. Нонѣ такая, я тебѣ скажу, строгость, что живо попадешь въ арестанты, стало быть надо жалость имѣть, все единственно какъ къ самому себѣ. Прежде провинился солдатъ — вздуютъ, али надають въ зубы и все забыто, а нонѣ все въ штрафъ, да въ штрафъ, и глядь сюда попадешь, какъ, то ись, пить дадутъ. А промаячили тутъ срокъ, — такъ хоть и не выходи: ни его въ безсрочный, ни ему почтенья никакого: въ караулъ, примѣрно, къ казенному ящику, — и то не пошлютъ, со двора одного не пустять, за честнаго не считаютъ, — словомъ никакой довѣрительности ему нѣтъ ни въ чемъ.

— А изъ какихъ, больше, солдатъ попадаютъ въ арестанты?

— Чаше всего изъ наемщиковъ, изъ писарей, изъ мастеровыхъ: они считаютъ себя, видишь-ли, умнѣ начальства и грубить, не слушаютъ, водкой забавляются, а нашему брату эти качества бѣда: солдатъ должонъ всѣмъ повиноваться и хошабъ за мѣсто старшаго палка стояла — и ее почитай, а свой умъ и фанаберію спрячь про отставку.

— Съ васъ, часовыхъ, не спрашиваютъ почему арестанты, какъ эти двое, мало работаютъ?

— Нѣтъ. Наше дѣло штобъ не убѣжали, а на счетъ работы у нихъ свое начальство есть.

— Не позволишь-ли мнѣ съ лежащимъ вотъ на лѣво арестантомъ поговорить?

— Онъ тебѣ сродственникъ что-ли?

— Да. Племянникъ.

— А какъ онъ прозывается?

— Ивановъ, отвѣтили мы, на авось, зная что Ивановыхъ всего больше на Руси.

— Ну, братъ, врешь: онъ Фроловъ, изъ нашего полка, значить ты ему не сродственникъ, коли и прозвища его не знаешь.

— Ты, дѣйствительно, правъ, а только я хотѣлъ-бы спросить его про тутошнее житье ихъ: я любопытенъ.

— Напрасно: много будешь знать— скоро состаришься. А насчетъ Фролова я тебѣ вотъ что скажу: ежелибъ ты былъ жена его, али примѣрно братъ, дядя, отецъ, такъ ужъ и быть—позволилъ-бы ему покалякать съ тобой—душу отвести, а чужому не стоять: одно бездѣлье.

— Ну такъ не знаешь-ли ты, какъ ихъ содержать въ ротѣ?

— Знать-то знаю, да рассказывать долго. Одно только молвлю: коли про нихъ все знать да вѣдать, да во снѣ тебѣ, примѣрно, это самое пригрѣзится—безпремѣнно одурѣешь, а потомъ и на яву про свою торговлю забудешь.

— Ничего я этого не боюсь; будь добръ—расскажи, или всего лучше познакомь меня съ какимъ-нибудь солдатомъ, который содержался въ ротѣ? Я тебя угощу на славу, да и про Тамбовскую губернію все расскажу: я вѣдь самъ оттуда родомъ и недавно былъ тамъ.

— Коли што про родину, да землякъ—изволь. Приходи завтра въ нашу казарму *), спроси меня (онъ сказалъ свою

*) Мы воспользовались приглашеніемъ и извлекли изъ него пользу.

фамилию) и мы все уладимъ, только зурь объ этомъ никому ни гугу.

— Не сомнѣвайся землякъ—не выдамъ.

— Ладно. А теперь провальвай-ка, братъ, по дальше: афлеторъ смѣну ведетъ... съ Богомъ.

Мы повиновались; но, отойдя недалеко, встрѣтили двухъ арестантовъ. Одинъ изъ нихъ попросилъ у насъ милостыни.

— Охотно подамъ вамъ обонмъ; если вы мнѣ откровенно за это скажите—куда спрячете деньги, когда въ вашей одеждѣ нѣтъ никакихъ кармановъ, а въ рукахъ въ казарму пронести ничего, говорить нельзя: въ воротахъ отнять.

— Сквозь ворота, открыто точно, ничего не пропустить, а вы, ваше степенство, пожалуйста, что обѣщали, и мы вамъ покажемъ куда спрячемъ; дайте только серебрянными.

Мы дали: одному—20 коп., а другому 10 коп. и двѣ 5 коп. монеты. Первый засунулъ добычу въ ротъ и показалъ намъ ее подъ самую заднюю частію языка, а другой 10 к.—вложилъ въ ухо, изъ котораго торчали волоса, потомъ сошелъ съ дороги, къ рѣчкѣ, спустилъ невыразимня, спряталъ пятаки, одѣлся, и оба оправилась и пошли, благодаря насъ за милостыню, совершенно довольные.

II.

Въ рижской цитадели (крѣпости) всѣхъ, совершенно отдѣльных другъ отъ друга, каменныхъ, 2-хъ-этажныхъ зданій—до 30. Помѣщались въ этихъ зданіяхъ, между прочимъ, въ одномъ—юнкерское училище, въ другомъ—сборная команда, въ третьемъ—управленіе мѣстнаго воинскаго начальника, въ четвертомъ—самъ этотъ начальникъ, въ пятомъ—духовенство крѣпостнаго собора, въ шестомъ—инженеры, начальники: юнкерскаго училища, исправительной роты,

секретарь, фельдфебеля и канцелярія этой роты. За симъ, ни старшіе, ни младшіе помощники начальника роты, ни священникъ казенными квартирами не располагали. Оттого всѣ они, люди недостаточные, жили, ради сбереженія своихъ средствъ, на московскомъ и цетербургскомъ форштадтахъ— версты за двѣ-за-три отъ роты, куда ходили на службу, какъ мѣстные чиновники, съ 9-ти часовъ утра до 4-хъ полудни, что крайне неудобно: они оставляли арестантовъ, подъ надзоромъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, на цѣлне полсутки... Въ интересахъ дѣла, было-бы весьма полезно перемѣстить офицеровъ и священника въ квартиры инженеровъ и начальника мѣстныхъ войскъ, жительство которыхъ въ цитадели не вызывалось рѣшительно никакою надобностью, тогда какъ отсутствіе изъ крѣпости офицеровъ роты порождало много неурядиць. Они, напримѣръ, опаздывали приходомъ въ роту, спѣшили, по домашнимъ обстоятельствамъ, скорѣе уйти изъ нея, не въ состояніи были производить установленныхъ дознаній тотчасъ-же, послѣ совершенія кѣмъ-либо изъ подчиненныхъ имъ арестантовъ, или унтеръ-офицеровъ проступковъ, а потому нѣде провинившіеся, въ теченіи значительныхъ промежутковъ (цѣлой, напримѣръ, ночи) легко успѣвали сговориться: какъ показывать, куда скрыть вещественныя доказательства ихъ преступленій и т. п.

Возвращаясь къ крѣпостнымъ зданіямъ, скажемъ, что въ самомъ послѣднемъ изъ нихъ, расположенномъ: заднимъ фасадомъ — къ крѣпостному валу, а переднимъ — къ стѣнѣ службъ, принадлежащихъ инженерамъ и начальнику исправительной роты, помѣщались, въ бывшемъ арсеналѣ, самая исправительная рота. Казарма эта огорожена была съ трехъ сторонъ одно-этажнымъ, каменнымъ-же, низенькимъ зданіемъ, окна коего выходили во дворъ общаго съ ними зданія. При-

сущей всѣмъ тюрьмамъ желѣзной ограда нигдѣ не было. Шагахъ въ 30 отъ арестантскаго помѣщенія, рядомъ, стояло другое, тоже каменное и двухъ-этажное зданіе, которое занимала упраздненная, въ 1867 г., рижская крѣпостная арестантская рота; зданіе это въ нашу бытность въ Ригѣ, приспособлялось для будущаго житья арестантовъ-же, одиночнымъ заключеніемъ, а передѣлывали подъ руководствомъ военныхъ инженеровъ,—почти одни арестанты, съ 1869 года; подрядчикъ-же доставлялъ только потребные на этотъ предметъ матеріалы и 3-хъ—4-хъ мастеровъ. На полное приспособленіе зданій роты ассигновано было 40,000 руб., изъ этой суммы встрачено, въ 1869—1871 годахъ, 30,000 руб., такъ, что на окончательное устройство всѣхъ помѣщеній оставалось 10,000 руб., которые предполагалось употребить въ 1872 году, съ тѣмъ, чтобы рота получила, настоящій положеніемъ установленный, видъ. Не будучи архитекторомъ или инженеромъ, не рѣшаемся разсуждать о степени годности зданій и цѣлесообразности приспособленій, а ограничиваемся указаніемъ лишь стоимости работъ. Точно также станемъ дѣлать и въ описаніяхъ другихъ ротъ.

Подходя къ запертымъ воротамъ казармы, мы увидѣли, какъ часовой дернулъ протянутую чрезъ весь дворъ, въ казарму, проволоку, услышали сильный звонокъ, давшій знать, внутрь казармы, что не прощенный гость пришелъ. Иначе говоря: прервите арестанты, ваше занятіе, если оно не презентабельно; прифрантитесь, на сколько позволяетъ ваше облаченіе, и произведите, такимъ образомъ, на посетителя, пріятное впечатлѣніе. Мы все это говоримъ на основаніи долгаго опыта, почерпнутаго при изученіи жизни заключенныхъ. Такъ какъ посторонніе рѣдко заглядываютъ въ казармы, то, дабы видѣть ихъ обитателей, *въ будничномъ положеніи*,—необходимо, думается намъ, отмѣнить встрѣчи.

посѣтителей звонками. Дворъ казармы довольно просторный, чистый; на немъ, въ одномъ углу, вбиты были четыре столба, по два переднихъ и заднихъ, на нихъ висѣли перекладины, къ которымъ привѣшены были висѣщія 4 деревянные палка и 4-же веревки, для гимнастическихъ упражненій.

Въ верхнемъ этажѣ (входъ въ него былъ по деревянной лѣстницѣ, прямо въ комнату, безъ дверей) жили, въ одной огромнѣйшей комнатѣ, *все* арестанты, на двѣ половины (взводы), и хотя испытуемыхъ и отдѣляла отъ исправляющихся лѣстница, — тѣмъ не менѣе, до устройства разгородокъ немислимо было устранить сообщеніе между людьми. Кромѣ того, за отсутствіемъ дверей, въ комнату, снизу, проникалъ: зимою—холодъ, а осенью—вѣтеръ: до 500 чел. ходили, по разнымъ надобностямъ, взадъ и впередъ. Взводы раздѣлялись на капральства, которыя вѣрены были надзору унтеръ-офицеровъ, тамъ же ночевавшихъ во время дежурства, а капральства на десятки, и надъ каждымъ наблюдалъ ефрейторъ изъ арестантовъ. Въ этой комнатѣ были, въ 5 рядовъ нары, на которыхъ спали арестанты, человекъ по 20, 50, 80-ти. Постелями имъ служили соломенники въ палецъ толщины и полъ-аршина ширины: они изъ ровно-подстриженной соломы, переплетены были поперегъ веревочками, чтобы солома не разсыпалась; подъ головы (ихъ раздѣляла, одинъ рядъ отъ другого—возвышенность досокъ наръ) клали они по мочальной, въ наволочкѣ, подушкѣ, а покрывались толстыми, сѣраго сукна, одѣялами, безъ пододеяльниковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ арестанты вставали, и до того момента, когда ложились спать постельныя принадлежности лежали свернутыми трубкою въ изголовьяхъ. Ни шкафовъ, ни сундуковъ, *для поклажи чего-либо*, не было. Между тѣмъ арестанты получали бѣлье и обувь не тогда, когда нужно ихъ надѣвать,—какъ въ гражд.

давскихъ тюрьмахъ, — а сразу, *на руки*, по 3 рубашки и 2 пары сапоговъ *на годъ*, и по неизмѣннѣю мѣста, куда прятать это добро, одни — держали оное въ изголовьяхъ, откуда вещи иногда, случалось, пропадали, не отыскивались, и въ такомъ случаѣ лишившійся, напримѣръ, рубашки — на все остальное время года оставался только при двухъ; другіе — отдавали свое запасное имущество *на храненіе* унтеръ-офицерамъ, если они были съ ними въ *хорошихъ* отношеніяхъ; имущество, наконецъ, третьихъ, не заслуживавшихъ, по понятіямъ капральныхъ, никакого довѣрія, — хранилось въ взводныхъ цейхгаузахъ, до надобности. Мы посовѣтовали бы, для однообразія и устраненія неудобствъ, построить арестантскими же руками 2 — 3 шкафа, для храненія бѣлья всѣхъ, — но насъ увѣряли, что скоро будутъ готовы ночныя разъединенія, и тогда каждый приобрѣтетъ возможность жить полнымъ хозяиномъ въ своей камеркѣ; *но дѣйствительно-ли* онѣ ужъ готовы — не знаемъ, и потому считаемъ не лишнимъ удержать это замѣчаніе. Одѣяла и наволочки на видъ были такія-же, какъ въ гражданскихъ тюрьмахъ.

Воздухъ въ комнатѣ былъ довольно свѣжій; сама она представлялась солдатскою казармою: стѣны крашены полу-бѣлой краской; мыли полъ ежесубботно швабрами, водою и опилками, покушавшимися по 15 коп. за кулъ, по 5 кулей въ недѣлю; на стѣнахъ висѣли, въ разныхъ мѣстахъ, выписки изъ правилъ гимнастивы, о томъ, какъ надо величать персоналъ главнаго и ближайшаго начальства роты; градусники; запачканная карта Россіи, въ маленькомъ объемѣ; кратчайшія выдержки изъ положенія о ротѣ; а внизу, въ корридорѣ, черная доска, на которой ежедневно писалось мѣломъ число исправляющихся и испытуемыхъ арестантовъ, да въ футлярѣ часы.

Въ нижнемъ этажѣ были — мастерскія, двѣ (черезъ корридоръ) громадной величины, высокія, очень свѣтлыя ком-

наты; изъ нихъ въ одной—съ 9-ю весьма большими окнами по одну сторону—работали сапожники, столяры, бондари, токари и переплетчикъ, а въ одной половинѣ другой комнаты съ 15—18 такими-же, какъ въ первой, окнами на двѣ стороны—портные, сапожники, да выдѣлывавшіе, посредствомъ машины, длинные, тоненькіе прутики, которые рубились, потомъ, ужъ внѣ казармы, заказчиками, на коротенькіе и обмакивались въ сѣру, отчего становились спичками. Третья, такой-же величины и свѣтлости, комната (противъ портняжной) имѣла три разныхъ назначенія: по буднямъ, до в послѣ обѣда—въ ней учились грамотѣ, завтракали, обѣдали и ужинали; за снѣмъ, въ дни, когда арестанты празднуютъ, согласно положенію, раздвигалась, въ переднемъ углу, на колесахъ устроенная, досчатая, на двѣ половины, стѣна, и взору мигомъ представлялась скрывавшаяся за этою стѣною православная церковь, которая этимъ оригинальнымъ способомъ становилась достаточною для помѣщенія болѣе 400 чел. Все зданіе было снабжено по этажамъ, водопроводами.

Въ трехъ-фасадномъ, одно-этажномъ, малевкомъ зданіи, огораживавшемъ казарму, помѣщались: въ одномъ—съ однимъ окномъ—кухня, да кладовая; въ противоположномъ ему—съ однимъ горномъ и двумя наковальнями, кузница, да унтеръ-офицеры, у которыхъ, однако, очень свѣтло было. Тутъ взоръ освѣжался: стояли деревянныя кровати, на нихъ лежали матрацы, простыни, ситцевыя одѣяла, по 2 и даже по 3 перовыхъ подушекъ, столики, сундуки, табуреты, вѣшалки, словомъ, вы узнавали, что обитатели владѣютъ движимою собственностію. Въ остальныхъ, наконецъ, двухъ (съ другаго ужъ хода) длинныхъ и узковатыхъ комнатахъ дѣлали,—въ 1-й—46, а въ послѣдней—39 арестантовъ—пробки, которыми закупориваютъ бутылки съ винами, водками, пивомъ, медомъ и квасомъ. Окна хоть низкія и малыя, но

свѣту давали достаточно; тутъ же устроено было отхожее мѣсто, и, хотъ зловоніе и тянуло въ постоянной тошнвшуюся печь,—тѣмъ не менѣе воздухъ былъ тяжеловатый.

III.

Осужденный за которое-либо изъ вышепоименованныхъ преступленій солдатъ, на основаніи 55 ст. положенія, передается изъ полка, или команды, гдѣ онъ служилъ, — сперва—въ управленіе мѣстнаго воинскаго начальника, потомъ—въ центральный, для пересылающихся, гражданскихъ и военныхъ арестантовъ пунктъ; тамъ его заковываютъ, согласно 406 ст. уст. сл. вв. стр. т. VII. св. воен. пост., съ кѣмъ попало, въ однѣ наручники и на общій, въ числѣ 12 чел., пруть, а если онъ *«будетъ просить у начальника особаго смилосердія»*, и послѣдній уважить эту просьбу—*«отдѣльно съ кандалы»*, и пойдетъ онъ такъ до мѣста расположенія роты, совершенно на одинаковомъ положеніи съ убійцами, грабителями и прочимъ отребьемъ человѣческимъ, причемъ вмѣстѣ съ нимъ шлется *арматурный списокъ* вѣщамъ, на немъ находящимся, а *денги*, какія онъ имѣлъ—отправляются *прямо въ ту роту*, въ которую онъ назначенъ (54 и 56 ст.), такъ, что онъ въ пути не располагаетъ ни копѣйкою. Дорогою онъ, между тѣмъ, поневолѣ знакомится съ попутчиками, среди которыхъ всегда есть проходимцы, которые проводятъ обыкновенно параллель между ихъ и его преступленіями, доказывая, что онъ, сравнительно съ ними, — *«страдаетъ за-напрасно»*, смѣются надъ его простою, покорностью судьбѣ. Мало того: онъ видитъ, что товарищи ѣдятъ булки, на хранящіяся у партіоннаго ихъ деньги, а онъ хотъ тоже располагалъ ими въ полку, да въ ру-

ли не получили и, потому принужденъ довольствоваться скудною, казенною порціею; и слышитъ онъ совѣтъ продать лишнюю рубашку, обмѣнять крѣпкіе сапоги на рваные, ибо по прибытіи въ роту «у тебя ихъ все единственно отнимутъ, такъ лучше продай, обмѣняй и поѣшь булку, выпей водки, согрѣешься по крайности». И неопытные, слѣдуя этому совѣту, потомъ по прибытіи въ роту, горько *раскаиваются*, да ужь поздно: въ ротѣ свѣрятъ принесенныя имъ вещи съ арматуромъ, и, коль скоро чего-нибудь не хватитъ—его, во 1-хъ, предадутъ снова дисциплинарному, въ ротѣ, или военному суду и въ первомъ случаѣ—посадятъ въ карцеръ, или накажутъ ударами 50 розогъ, а въ послѣднемъ—набавятъ срокъ содержанія въ ротѣ (ст. 285 воинск. уст. о наказ., т. VI св. воен. пост., изд. 1869 г.), а во 2-хъ, онъ вынужденъ будетъ ходить, какъ это случилось въ Ригѣ, въ рубашкѣ, нѣсколько мѣсяцевъ, до полученія въ ротѣ годовыхъ вещей, несмотря на то, что онъ въ полку снабженъ вещами, какъ установлено 55 ст. полож. «*отслужившими положенный срокъ*». Не доносить, впрочемъ, вещей незначительное меньшинство; тѣмъ не менеъ, отъ совмѣстнаго путешествія съ общими этапами, терпятъ потомъ: казна—матеріальный убытокъ, а люди—за промотаніе вещей—наказанія, собственно потому, что послѣдняя часть 55 ст. положенія, «чтобы осужденные въ роты препровождались *отдѣльно отъ вѣрстантовъ, лишенныхъ правъ состоянія*», на практикѣ не исполняется. Хорошо еще, что теперь люди направляются недалеко въ роты, которыя расположены въ тѣхъ самыхъ округахъ, въ коихъ они осуждены, а то прежде этотъ путь былъ ужасенъ: въ Ригѣ были, напр., люди, пришедшіе, при старыхъ порядкахъ, изъ Перми, Астрахани, Кіева и т. п. отдаленныхъ мѣстностей.

Какъ только человекъ прибудетъ въ роту, его тотчасъ

же остригутъ на-голо, сбреютъ ему усы, бакенбарды, облачатъ его въ арестантскую куртку, брюки и шапку, да и отведутъ въ одиночное заключеніе — карцеръ, на половину срока нахождения его въ числѣ испытуемыхъ,—самое меньшее на 2—4 мѣсяца (64 ст. пол.). Срокъ этотъ, онъ, по закону, обязанъ, правда, проводить «за работою въ карцерѣ, за слушаніемъ наставленій священника»,—но покуда коморокъ не было—онъ, къ сожалѣнію, пребывалъ въ бездѣйствіи. Ощущенія перваго дня сказывались только чрезъ двое-трое сутокъ, когда человѣкъ отдохнулъ, выспался: тутъ онъ съ горестью вспоминалъ о потерянныхъ усахъ, бакенбардахъ; о томъ, что «грѣхъ испорожниться не въ указанномъ мѣстѣ, гдѣ висятъ образа» (въ карцерахъ вездѣ они есть), что онъ лишень всякаго сообщества, занятія, просилъ выпустить его въ казарму и получалъ въ этомъ категорическій отказъ. Отказъ этотъ заставлялъ многихъ внимательно заглянуть въ самихъ себя, въ свое будущее, пораздумать о своемъ положеніи и покориться необходимости, такъ, что большинство выходило изъ карцеровъ тихими, покорными... Нельзя, однакожь, не замѣтить, что на нѣкоторыхъ это одиночное заключеніе вліяло неблагопріятно. Такъ, напр., человѣкъ сильно впечатлительный—впадалъ, отъ рѣзкаго переворота, въ грусть, уныніе, а иногда, и болѣзнь; другой, отчаянный—рвался, метался, и въ пылу раздраженія обругивалъ перваго, кто приблизится къ нему, либо и ударялъ, за что снова попадалъ подъ судъ и наказаніе...

— Шестилѣтняя, безпорочная служба моя пропала, говорилъ намъ одинъ; срокъ содержанія здѣсь мнѣ прибавленъ, розгами меня выдрали и мнѣ впереди нечего ждать ужъ хорошаго; а коли такъ—надо добиваться либо убѣжать, либо въ Сибирь угодить; убѣжать трудно: сотни глазъ гля-

дять за нами, а въ Сибирь шлють за важныя дѣла, — такъ вотъ и мнѣ надо сотворить важное дѣло, штобъ меньше тутъ мучиться...

— А не по своей ли ты милости мучаешься-те? перебилъ его сосѣдъ по карцеру. Нешто начальству ндравится законопачивать насъ въ эфти конуры? Известно—нѣтъ, а иначе, нельзя, потому мы сами себя доводимъ до эфтого. Ивановъ, вонъ, смирно сидѣлъ и чрезъ мѣсяць его выпустили, а коли ты дебоширишь—и точно ште сгнѣть тутъ, пожалуй, можешь: сама себя раба бьетъ, коль нечисто жнетъ. Меня тоже обѣщали слободить отсажива за поведе-ніе, ну и стараюсь угодить начальству, а оно, Богъ дастъ, и сжалиться надо мной. Такъ-то вотъ и ты, братацъ, перестань озорничать, и право лучше будетъ.

— А вѣдь онъ, дѣйствительно, резонно толкуеть, молвили мы раздраженному.

— Такіе-то резоны я ужъ не разъ слыживалъ, только они мнѣ не по вутру...

— Значить, ты самъ себѣ вредишь.

— А нусть будетъ, что будетъ, заключилъ онъ и отвернулся.

Въ рижской ротѣ никто, впрочемъ, изъ арестантовъ не высиживалъ въ карцерѣ и половины слѣдующаго срока: старыхъ карцеровъ было всего 8—10, а народъ ежедневно прибывалъ. Оттого рецидивистовъ *непременно* заключали въ карцеры, а при приѣмѣ остальныхъ въ канцеляріи (особыхъ: ни приѣмной, ни свидальной комнатъ, долженствующихъ быть, согласно 7 и 8 пун. 88 ст. положенія, томше еще не было) имъ объясняли порядки роты, спрашивали ихъ: знаютъ ли они какое-либо ремесло, причемъ утвердительный отвѣтъ—велъ челоуѣка въ видѣ временнаго ограниченія правилъ, прямо въ мастерскую и садилъ за работу, а при от-

ридательномъ отвѣтѣ — карцеръ гостепріимно ждалъ его, хотя на нѣкоторое лишь время. Впрочемъ, спасеніе отъ карцера собственно умѣнемъ владѣть иголкою, или шиломъ—производилъ часто ропотъ среди тѣхъ, кто не мастеровой.

— Насъ обоихъ, то насъ меня и Сидорова, судъ приговорилъ за одинаковое дѣло на два года сюда, слышали мы жалобу; а тутъ я, за то, что не столяръ,—должонъ сидѣть въ карцерѣ, а онъ, благо портной—пошелъ себѣ къ товарищамъ денежки зарабатывать. Чтожъ это, скажите на милость, за порядки?

— Слышалъ чай, што карцеровъ на всѣхъ не хватаетъ, чавожъ тебѣ еще надоть?

— А справедливости, вотъ мнѣ что надо.

— Она и будетъ, когда выстроятся карцеры.

— А до тѣхъ поръ ждать? Да это... это...

— И пождешь, не велика фря, тебя можетъ здѣсь больше ждали, заключилъ примирившійся.

Нельзя не пожелать скорѣйшаго окончанія всѣхъ работъ по устройству помѣщеній роты, а въ томъ числѣ и карцеровъ: арестанты, какъ дѣти, чрезвычайно завистливы, ярне ревнители абсолютной справедливости; упомянутое ненормальное явленіе ихъ раздражаетъ.

IV.

Арестантскій день распадался на нѣсколько различныхъ дѣйствій. Такъ, въ нашу, по-крайней-мѣрѣ, бытность въ Ригѣ,—арестанты вставали, въ будни, въ 4 часа утра, умывались, убрались, переодѣвались и осматривались капральными унтеръ-офицерами, потомъ сводились въ столовую,

пѣди тамъ коронѣ молитву, получали на завтракъ лажидъ по куску хлѣба въ полфунта съ водою (хлѣбъ этотъ они обязывались съѣсть *неприсманно въ столовой*, а кто не хотѣлъ—тотъ лишался своей порціи), тотчасъ послѣ завтрака, если погода была хорошая—уцѣлись на дворѣ фронту и гимнастикѣ, съ полчаса, унтеръ-офицерами и фельдфебелями; потомъ расходились; мастеравые и чернорабочіе — на работу, а часть вѣнитуемыхъ—учиться грамотѣ до 11½ часовъ утра. По возвращеніи съ работъ и изъ класса, всѣ выстраивались въ казармѣ и направающіеся шли, по барабанному бою, въ столовую—обѣдать, а вѣнитуемые, ожидали очереди на верку, сидя на парахъ. Поѣвши, всѣ отдыхали, отнюдь не больше получаса, въ теченіи котораго тѣ, у которыхъ что-либо изъ гардероба расхунилось—починяли. Затѣмъ всѣ опять шли: мастеравые—работать, а группа управляющихся—въ классъ; причемъ кончали занятія: классіи и тѣ, которые работали по перестройкѣ зданія, въ ротной и вольной кузницѣ, на огородѣ и таскали камни, копали землю, около собора (инженерному вѣдомству); въ 6½ и 7 часовъ вечера, а въ мастерскихъ—въ 8½ часовъ вечера. Да не подумаютъ, однако, читатели, что классіи и чернорабочіе, въ ожиданіи возвращенія мастеровыхъ, отдыхали? — нѣтъ, они, сидя на парахъ, подъ надзоромъ, унтеръ-офицеровъ, *ежедневно* разучивали, на память, какъ величать десятчныхъ, капральныхъ унтеръ-офицеровъ, фельдфебелей, взводныхъ офицеровъ, начальника роты, начальниковъ мѣстныхъ войскъ и его штаба, округа и его штаба, начальника главнаго штаба, военнаго министра и всю Царскую фамилію. Затѣмъ въ 9-мъ часу ужинали, послѣ перекинулись, узнавали нарядъ на работу на слѣдующій день, унтеръ-офицеры и фельдфебеля осматривали, цѣляли на нихъ одежда, обувь, и лица, кончивши все это—люди раз-

дѣвались и всѣ моментально засыпали. Праздничные-же дни отличались отъ будничныхъ тѣмъ, что арестанты вставали часомъ позже, читали священное писаніе до обѣдни, начинавшейся въ 10 часовъ, послѣ обѣдни обѣдали, а потомъ до ужина *дѣйствительно отдыхали*, въ полномъ значеніи этого слова.

Свиданій при насъ никто не имѣлъ съ родными, да таковыя, какъ мы дознались, и бываютъ чрезвычайно рѣдко: во 1-хъ, почти всѣ арестанты родомъ изъ великороссійскихъ губерній, откуда родственникамъ-простолюдинамъ, нѣтъ возможности добираться для свиданія съ ними; во 2-хъ, къ свиданію допускаются лишь, отлично себя ведущіе; въ 3-хъ, по аттестаціямъ десяточныхъ, капральныхъ унтеръ-офицеровъ, фельдфебелей и взводныхъ офицеровъ, а добиться безусловнаго одобренія, во всѣхъ отношеніяхъ, 4-хъ—5 чел.—слишкомъ трудно; въ 4-хъ, видѣться надо съ родственникомъ въ присутствіи начальства, а это крайне стѣсняетъ бесѣду: нельзя ничего, чтобы хотѣлось, откровенно сказать, а приходится говорить въ общихъ чертахъ.

На продовольствіе арестантовъ отпускались солдатскій паекъ муки, крупы и соли; 2¹/₂ к. въ день на приварокъ, да для воспособленія рота располагала: а) отведеннымъ ей изъ городскихъ земель огородамъ, на которомъ сажали капусту, картофель, лукъ, огурцы, морковь, рѣпу и рѣдку, и б) до 100 руб. въ годъ, вынимаемыхъ, какъ свидѣтельство отчетъ роты (20 іюня 1869 г.), изъ кружки, привѣшенной въ часовнѣ на Московскомъ форштадтѣ *).

На основаніи 79 и 80 ст. положенія, арестантамъ слѣдуетъ: всѣмъ—по 3 ф. хлѣба, 6 золотн. соли въ сутки, шей

) Въ 1871 году денегъ этихъ выннуто 359 р. 80 к.

или поклебки, приготовляемыхъ изъ овощей: въ скоромные дни—съ саломъ; въ постные—съ постнымъ масломъ; три раза въ недѣлю и въ высокаторжественные дни съ крошеннымъ мясомъ или рыбою, по $\frac{1}{4}$ ф. того или другого на человѣка; для питья—квасъ, а исправляющимся, сверхъ сего, дважды въ недѣлю кашу; горячая пища всѣмъ въ обѣдъ и ужинъ. Законъ отличается, какъ видите, исправляющихся отъ испытываемыхъ *одною только кашею*; но въ Ригѣ варили при насъ: въ обѣдъ щи или поклебку испытываемымъ, совершенно неправильно, *всегда съ саломъ*, а исправляющимся вѣсто мяса—со сбоемъ (печенка, селезенка, легкое, кишки и проч. части внутренностей животныхъ), а въ ужинъ жидкую кашницу—всѣмъ съ саломъ; квасъ же, какъ былъ замѣненъ, въ началѣ лѣта, вслѣдствіе существовавшей въ Ригѣ холеры,—сахарною водою,—такъ она и осталась до сентября включительно... Сало замѣнено было сбоемъ, постановленіемъ ротнаго комитета, въ 1868 году, «какъ болѣе выгоднымъ продуктомъ»; власть въ котель этого сбоя комитетъ опредѣлилъ по $\frac{1}{2}$ ф. на человѣка, а сала въ кашу и въ кашницу въ ужинъ на всѣхъ 7 ф. 36 зол. Внутренности животныхъ (сбой) содержатъ въ себѣ, какъ извѣстно, вообще мало жира, если онѣ и отъ лучшаго черкаскаго скота, но для арестантовъ покупался сбой второго, а иногда даже и третьяго сорта. Сбой этотъ, по буднямъ, мелко крошился, и люди ловили его въ чашкахъ, а въ праздники кусочки печенки, селезенки, легкаго и хрящика, наткались на палочки и вручались арестантамъ, этими оригинальными порціями, въ руки. Русскіе простолюдины, производящіе тяжелю, какъ арестанты, работу, положительно не любятъ никакой вообще *легкой* пищи, каковою является супъ со сбоемъ, а имъ, по ихъ крѣпкому организму,—гораздо пріятнѣе съ устатку поѣсть болѣе питательную пищу съ *мясомъ*, ко-

торое, какъ бы оно ни было плохо,—во всякомъ случаѣ вкуснѣй похлебки со сбоемъ, утоляющей голодъ на короткое лишь время, а такъ какъ арестантамъ приходилось ждать ужина съ 12 до 8 часовъ вечера, то для поддержанія здоровья людей слѣдовало, думается намъ, замѣнить сбой мясомъ, ежели это доселѣ еще не сдѣлано. Кашу, по воскресеньямъ и четвергамъ, на 6 человекъ отпускали по чашкѣ; ѣли ее люди съ такою жадностью, что офицерство, даже привыкшее къ этому зрѣлищу, охотно любовалось на него въ тысячный, быть можетъ, разъ.

Прежде арестанты получали ежедневно хлѣбъ,—каждый по 3 ф. *на руки*, причемъ однимъ, напримѣръ, кузнецамъ—не хватало, а у другихъ—портныхъ—оставался излишекъ, каковой они продавали, мѣняли на порціи соя—первымъ; а иногда первые просто крали у послѣднихъ; мало того, храня хлѣбъ въ казармѣ,—крошили оный, разводили нечистоту. Дабы устранить всѣ исчисленныя неурядицы, главный военно-тюремный комитетъ распорядился, чтобы арестанты ѣли хлѣбъ непременно въ столовой «*безъ вѣсу*». Тѣмъ не менѣе, въ Ригѣ давали въ столовой хлѣбъ все-таки *каждому отдельно*: на завтракъ $\frac{1}{2}$ ф., въ обѣдъ $1\frac{1}{2}$ ф. и въ ужинъ фунтъ. Отсюда и мы невольно переходимъ на сторону арестантовъ, полагая, что ѣсть безъ вѣса хлѣбъ—значитъ испечь каравай, взвѣсить ихъ, нарѣзать на ломти и подавать къ столу столько, сколько полагается въ день *на вѣсъ*; опасеніе же, что они съѣдятъ больше, нежели имъ полагается—напрасно: чего не добьются портные—пойдетъ въ желудокъ кузнецовъ, да и на пудъ 32 ф. и 48 золотниковъ муки (мѣсячный паекъ арестанта) полагается *законно* припеку 7 ф. 48 зол., а при хорошей мукѣ этого припеку бываетъ до 15 фунтовъ.

Особой бани при рижской рогѣ не было, а арестантовъ

водили дважды въ мѣсяць, въ торговую баню, платя за каждаго по 2 коп.—24 коп. въ годъ; казна же отпускала, до введенія нормальныхъ штатовъ, по прежнему арестантскому положенію, лишь на мыло и вѣнники по 28 коп. въ годъ, значить, отъ платы за баню оставалось 4 коп. на мыло и вѣнники въ годъ. Ротный комитетъ добавлялъ, правда, изъ специальныхъ суммъ еще 12 к. до 42 к. въ годъ на чело-вѣка,—но эта добавка столь мизерна, что арестанты полу-чали самого существеннаго, въ данномъ случаѣ,—мыла, по кусочку въ грецкій орѣхъ величиною, на 2 чело-вѣка, и этимъ количествомъ принуждены были не только сами мыться, но еще вымывать и смѣняемое съ себя въ это время бѣлье. Относительно банныхъ расходовъ, не можемъ, кстати, не занести и слѣдующей несообразности: на этотъ расходъ при неизмѣнн банн отпускалось 28 коп., а когда будетъ даровая казенная баня, тогда установлено расходовать на одни вѣнники и мыло по 35 коп. въ годъ. Спрашивается: коль скоро при готовой банѣ назначено 35 коп. на чело-вѣка въ годъ, какъ же можно нанимать еще и баню на 28 коп? Но насъ, впрочемъ, увѣряли, что ожидается утвержде-ніе новой табели въ полномъ объемѣ и тогда устранится означенная аномалія, а теперь нельзя, будто-бы, утверждать отдѣльныхъ пунктовъ этой табели разновременно.

И такъ, кромѣ содержанія начальства, помѣщенія и ото-пленія этого помѣщенія, каждый арестантъ стоитъ казнѣ: на мясныя и рыбныя порціи, да на добавочныя кормовыя деньги 9 р. 12 коп., мука 18 руб., крупа 1 р. 75 к., соль 40 к.; баня, мыло и вѣнники 42 коп.; обмундированіе 4 р. 24³/₄ коп.; бѣлье: носимое 1 р. 52 к., постельное и поло-тенца 1 р. 48 к., обувь 5 р. 30¹/₄ к., освѣщеніе камеръ и лѣвстиць 7 к., итого 42 р. 31 коп.

V.

Мастерскія роты, какъ гласятъ официальные источники, открылись тотчасъ по преобразованіи роты, въ ноябрѣ 1868 года, когда на-лицо было: испытуемыхъ—148, а исправляющихся — 183 чел., въ плохонькой мастерской, бывшей арестантской роты. За симъ, среднимъ *) числомъ въ мастерскихъ работало:

	съ 18 ноября 1868 г. по январь 1869 г.	съ января 1869 г. по январь 1870 г.	съ января 1870 г. по январь 1871 г.	съ января 1871 г. по январь 1872 г.
Столяровъ и плотниковъ	13	6	4	19
Рѣзчиковъ	3	3	2	4
Бондарей	10	9	7	19
Обойщиковъ	1	1	1	2
Токарей	1	1	1	2
Маларовъ	1	1	—	2
Сапожниковъ	24	24	30	73
Портныхъ	31	31	28	68
Кузнецовъ и слесарей	5	5	5	10
Дѣлавшихъ: палочки для спичекъ	7	7	5	10
„ пробки для затыканія бутылокъ	—	—	—	75
„ колодки для шитья на нихъ сапоговъ	—	—	—	6

*) Мы принуждены ограничиться выводами «средняго числа», потому что не могли достать точныхъ цифръ: ихъ въ ротѣ нельзя было собрать.

	съ 18 ноември 1868 г. по януари 1869 г.	съ януари 1869 г. по януари 1870 г.	съ януари 1870 г. по януари 1871 г.	съ януари 1871 г. по януари 1872 г.
Переплетчиковъ	—	—	1	5
Мурниковъ	—	—	—	6
Пильщиковъ.	—	—	—	6
Чернорабочихъ.	число неизвѣстно.			
Итого	96	88	84	307

Люди эти заработали на ремеслахъ: въ 1868 г. — 316 р. 7 к.; въ 1869 г. — 2,278 р. 92 к.; въ 1870 г. — 4,423 р. 33½ к., а въ 1871 г. 4,573 р. 43¾ к. *) Изъ этихъ суммъ употреблено на матеріалы: въ 1868 г. — 134 р. 84 к.; въ 1869 г. — 803 р. 65 к., въ 1870 г. — 906 р. 5 к., а въ 1871 г. 370 р. 65 к.; отчислено 10 проц. съ рубля въ пользу раб-ботавшихъ арестантовъ: въ 1868 г. — 84 р. 36 к.; въ 1869 г. 156 р. 38¼ к.; въ 1870 г. — 351 р. 72 к., а въ 1871 г. слѣдовало отчислить 457 р. 34 к.; такъ, что если считать получившими заработокъ только тѣхъ, которые съ точностью показаны въ вышеприведенныхъ цифрахъ, то приходится на человѣка: въ 1868 г. — 87 коп.; въ 1869 г. 1 р. 77 к.; въ 1870 г. — 4 р. 18 к.; въ 1871 г. — 1 р. 45 к. съ дробью. Чистаго, наконецъ, отъ работъ барыша, обращеннаго въ специальную сумму, было: въ 1868 г. — 96 руб. 87 к.; въ

*) Кроме того чернорабочіе заработали 4,008 р. 15 к.; но какое назначеніе получили эти деньги не знаемъ, а потому и оставляемъ эту сумму безъ распределенія на какия-либо доли и нигуда не причисляемъ ее во настоящей главѣ.

1869 г.—1,318 р. 88³/₄ к.; въ 1870 г.—3,165 р. 56¹/₂ к., а въ 1871 г.—2,745 р. 44³/₄ к., итого, за всѣ года, 8,326 р., 77 к., изъ коихъ истрчено на инструменты прежде 162 р., 19¹/₂ к., да въ 1871 г. 79 р. 80 к., значить, остается 8,084 р. 77¹/₂ к., а работало, какъ сказано выше, 575 чел., слѣдовательно, каждый принесъ казнѣ своими трудами пользу, въ 3 года 1 мѣсяць и 18 дней 14 р. 6. к. съ дробью, Затѣмъ мастеровые же и просто чернорабочіе, занимавшіеся перестройкою казармы (сколько яменцо человекъ незнаемъ, какъ отмѣчено выше) сработали: въ 1868 г.—на 2,252 р.; въ 1869 г.—на 4,923 р., въ 1870 г.—6,500 р., а въ 1871 г. на 5,925 р., 13 к., итого 15,600 р., 15 к., а вмѣстѣ съ 8,084 77¹/₂ к., образуются 27,684 р., 90¹/₂ к., чистой выгоды казны.

Мастерскія работы въ ротѣ производились по заказу частныхъ лицъ и на продажу; послѣднихъ было очень мало, потому, будто бы, что первыхъ очень много; оттого не было, дескать надобности прибѣгать къ нимъ. На продажу дѣлались ведра, табуретка, кадочки, свамейки и колодки для шитья сапоговъ, все самаго простаго свойства; заказывали же мебель, обувь, платье, прутники для спичекъ, пробки для затыканія бутылокъ. Стоимость работы опредѣляли, разъ въ году, ротный комитетъ, по соображенію съ мѣстными, на волѣ существующими, цѣнамъ, при чемъ спускалъ ее нѣсколько ниже, дабы: а) конкурировать съ частными мастерами и б) болѣе дешевою цѣною привлечь заказчиковъ. Такъ, въ 1870 году, за шитье сапоговъ: барскихъ, съ высокими голенищами, брали 1 р., 25 к., простолюдинскихъ—60 коп., съ обленовенными: съ первыхъ—1 р., а съ послѣднихъ—40 коп., за дѣтскіе сапожки 60 коп., за башмаки 20 к., цѣна же другимъ вещамъ надримъ: мебели, одеждѣ, зависѣла отъ взаимнаго соглашенія заказчика съ принимаемымъ заказомъ. Принимали заказы въ канцеляріи роты вводяные офицеры, которые записывали

въ книгу, что именно кто заказалъ, изъ чьего матеріала, за сколько,—если на вещь есть такса,—а буде нѣтъ—въ этой графѣ книги оставался пробѣлъ, до изготовленія вещи и исчисления употребленнаго на нее матеріала; если заказчика никто не зналъ, съ него, брали въ задатокъ, согласно 98 ст.—третью часть стоимости вещи, а знали—вѣрили безъ задатка. Потомъ, завѣдывающій мастерскими выписывалъ изъ этой книги въ свою, въ особые листы, вѣродѣ ассигновокъ съ талонами, заказанные предметы и распоряжался: если матеріалъ заказчика—шитьемъ, а если изъ матеріала роты—покупкою матеріала; засимъ вписывалъ матеріалъ въ особую книгу, отдавалъ оный въ дѣло, и по изготовленіи заказа—вычислялъ на ассигновкѣ и талонѣ (по здѣшнему, «квитка»), сколько причитается за матеріалъ, за работу, обрѣзываетъ квитку, и передавалъ ее, вмѣстѣ съ заказомъ, въ кладовую, откуда выдавался заказчику заказъ, и получались съ него деньги; но росписывались въ книгѣ почему-то очень рѣдкіе.

Работали арестанты охотно; учились ремесламъ прилежно; но сѣтовали на то, что изъ заработковъ имъ, пока они въ ротѣ, *на руки* денегъ не даютъ.

— Я, сударь, былъ еще въ прежнихъ арестантскихъ ротахъ, говорилъ намъ пожилой ужъ столяръ; тамъ мы зарабатывали по 700 р. въ мѣсяцъ, и хоша деньги эти и шли по разнымъ карманамъ, но начальство и насъ помнило: всегда удѣляло намъ по 3, по 5 руб. въ треть (4 мѣсяца) на человѣка,—на табакъ, на выпивку, либо и на дѣвчатъ, а ногѣ работаемъ шпательо больше, а намъ въ руки ни гроша не попадаетъ...

— Теперь другіе, братецъ, настали порядки. Впрочемъ, законъ и теперь разрѣшаетъ вамъ покупать, въ большіе праздники, на заработчія деньги, булокъ, чаю, сбитню, чрезъ унтеръ-офицеровъ; чего жъ вамъ еще?

— Добиться этого разрѣшенія очинно мудро: надо на-

чать просить съ вапральнаго и доходить до полковника—это разъ, молвилъ сосѣдъ его, молодой человекъ,—а другое: дадутъ тамъ ундеру, примѣрно, гривенникъ, а онъ тебѣ принесетъ щепотку чаю и кусочекъ сахару на пятакъ, а другой нарываетъ отжилить себѣ за дорогу. Заспоряшь съ нимъ, онъ тебя-же упекутъ въ карцеръ на сутки, другіе, потому, говорить, грубишь; ну, поневолѣ и рукой махнешь и на самый, т. е., чай: отъ грѣха дальше!..

— Что тамъ ни толкуйте про новѣшніе хорошіе порядки, а прежде гораздо лучше было, замѣтилъ первый. Бывало, настанетъ праздничный вечеръ—у насъ пиръ горой, а новѣ мы точно въ гробу лежимъ молча и даже какіе такіе праздники есть—часто забываемъ.—Глядѣть ажно тошно какъ мудрятъ надъ нашимъ братомъ. Вотъ, что я вамъ доложу-сь..

— Мудрятъ, братецъ, за то, што мы рестораны, перебилъ третій; ну и хотять этимъ самымъ мудриначаньемъ добиться штобъ наше братье, какъ ты примѣрно, хоть въ другой-то ужъ разъ сюда не ворочались, а служили бы исправно до отставки. И дѣло: а то нао—человѣку 45 лѣтъ, а онъ все еще въ ресторантахъ прокладается! Вотъ я што никакъ десятый разъ толкую, а ему все нейдетъ, добавилъ онъ, обращаясь къ намъ.

Окружавшіе улыбнулись, а столяръ покраснѣлъ и пристыженный, потупилъ низко голову къ верстаку.

— А самъ-то за что здѣсь? спросилъ кто-то.

— Тоже проштрафился—убегъ со службы слугу. Только клянусь братцы, Богомъ, больше сюда не вернусь, хоша бы мнѣ окопѣтъ пришлось на службѣ. Къ тому-жъ я не зналъ, что такое творится тутъ: мнѣ всего 24 года, служилъ я недолго; а онъ все, досконально зналъ да вѣдалъ, а все таки здѣсь обрѣтается.

И льготою, выраженной въ 106 ст., дѣйствительно, рѣд-

кіе пользовались: во 1-хъ, требовалось, чтобы человекъ былъ въ исправляющіхся; во 2-хъ, чтобы 4—5 начальниковъ отлично аттестовали его; въ 3-хъ, трудно, увѣряли насъ, высчитывать доли изъ крошечныхъ заработковъ и вписывать эти мелочи по нѣсколькимъ книгамъ. Обставлено-же это въ такую тѣсную форму изъ опасенія, что если часто выдавать арестантамъ ихъ доли изъ заработковъ,—то солдаты, при тяжелой ихъ службѣ, постоянномъ безденежьи и неразуміи многихъ—станутъ нарочно, пожалуй, добиваться попасть въ роты, соблазнившись заработками.

Изготавливаемые мастеровыми видѣлія были крѣпки, прочны, но просты; мы видѣли одни только дамскіе сапоги, сдѣланные вязанно. Портняжное, сапожное, бондарное, столярное и т. под.—ремесла обыкновенныя, а потому обратимся къ занятію, заключающему въ себѣ нѣчто любопытное.

Фабрикъ, въ которыхъ дѣлаютъ пробки, для заткнанія бутылокъ, стеклянокъ и т. под. посуды, въ Россіи только нѣсколько: въ Петербургѣ, Москвѣ, да въ Ригѣ, принадлежащая купцу Штуцу. Дѣлаются пробки изъ древесной коры, добываемой г. Штудемъ, какъ передавалъ намъ его мастеръ, обучавшій этой работѣ арестантовъ, изъ Португаліи, а часть и изъ Франціи; обходился Штуцу пудъ коры, вмѣстѣ съ оплатою пошлины и провозомъ въ Ригу, въ длинныхъ, толстыхъ и тонкихъ плитахъ—1 р. 50 к. пудъ; ибо снова выростаетъ не ранѣе какъ въ 6—7 лѣтъ и потому дорога. И вотъ, Штуцъ, нуждаясь въ рабочихъ, нанялъ ихъ изъ арестантовъ по 20 к. въ день за человека, привезъ въ роту машины и особой конструкціи ножи, для рѣзки коры, верстаки, стулья, точильни и проч. снаряды, и при насъ работало въ двухъ отдѣленіяхъ 85 человекъ. Работа эта производилась слѣдующимъ образомъ: сперва машиною перерѣзывали длинныя плиты на короткія, толстыя—на тонкія, потомъ каждый бралъ

по плитѣ, рѣзаль ее, округлялъ въ опредѣленную форму (сначала четырехугольную, а послѣ круглую) и сбрасывалъ въ нумерной ящикъ, предъ нимъ, на верстакъ расположенный; затѣмъ, когда ящикъ наполнялся—высыпалъ готовыя пробки въ мѣшокъ съ номеромъ его ящика и сдавалъ мастеру. Ножи, которыми рѣжутъ пробки, тонкіе, гнутся въ обѣ стороны, а концы ихъ—треугольныя. Новичекъ въ этомъ занятіи, приступая къ нему—только обугливалъ куски пробки, а когда этому научивался—огруглялъ таковыя; выучивались порядочно въ мѣсяцъ, но за это время платы не производилось, а приловчившіеся дѣлали въ день до 3,000 штукъ. Съ стоимости каждой сотни пробокъ хозяинъ набавлялъ, въ видѣ награды, арестантамъ, за ихъ трудъ—по 2%, наприм., съ 20 к.—2 к. Мастеръ-нѣмецъ обходился съ арестантами мягко, гуманно, и потому они были весьма рачительны къ матеріальнымъ выгодамъ Штурца: понадобится ему къ сроку пробки—они непременно сработаютъ потребное ихъ количество. Цѣны пробкамъ опредѣлялись различныя, глядя по ихъ количеству и толщинѣ: обыкновенныя—отъ 70 к. до 1 р. 50 к. за 1,000, а для затыванія хорошихъ винъ дороже, такъ, что для шампанскаго даже по 25 р. тысяча; торговалъ Штурцъ пробками почти на два милліона руб. въ годъ, а барышъ его доходилъ до третьей части оборотной суммы.

Если-бъ выучившіеся пробочному мастерству арестанты ось оставались, по минованіи срока ихъ пребыванія въ ротѣ и по выходѣ въ отставку и безсрочный отпускъ, въ Ригѣ, Москвѣ и Петербургѣ (въ послѣднемъ зарабатываютъ до 30 р. въ мѣсяцъ), они могли-бы, конечно, навсегда обезпечить себя отъ нужды, но такъ какъ большинство ихъ расходится въ великороссійскія губерніи, гдѣ рѣдко бываетъ спросъ на этотъ трудъ, то ремесло многихъ пропадаетъ для нихъ безслѣдно. Оттого было-бы полезнѣе развить въ ротѣ и другія ремесла,

которыхъ въ ней при насъ не было; напр. переплетное, слесарное, на каковыя есть *вездѣ* спросъ. Выслушавъ наше заявленіе объ отсутствіи въ ротѣ переплетной, слесарной, начальство доказывало намъ, что эти ремесла, по множеству ремесленниковъ въ Ригѣ, слишкомъ малоцѣнны, а также, что нельзя, будто-бы, найти для многихъ, незнающихъ никакихъ ремеслъ,—простой работы. Все это, думается намъ, однѣ отговорки, да равнодушіе къ своимъ обязанностямъ. Для рижской и либавской желѣзныхъ дорогъ требуется множество книгъ, проѣзжихъ билетовъ, накладныхъ, фактуръ и прочіе, составляющихъ работу весьма простую и въ то же время выгодную. Въ петербургскомъ, на примѣръ, исправительномъ заведеніи, малолѣтніе арестанты выработывали до 10,000 р. въ годъ на однихъ папкахъ и клееныхъ билетахъ, для петербурго-варшавской желѣзной дороги. И рижская, и либавская желѣзныя дороги выписываютъ эти, необходимыя для нихъ предметы, тоже изъ Петербурга, слѣдовательно, стоило попросить начальствующихъ дорогами, и они охотно предоставили бы этого рода работу рижской ротѣ, которая для нихъ будетъ, удобнѣе: всегда подъ рукою. Далѣе, въ Ригѣ есть пеньковый буянъ, выдѣлывающій и упаковывающій въ кипы ленъ, для отправки за границу. На буянѣ работаютъ сотни рабочихъ, выписываемыхъ подрядчиками *на свой счетъ* изъ внутреннихъ губерній Россіи. Добываются эти простые рабочіе слѣдующимъ, довольно труднымъ, способомъ. Подрядчики посылаютъ своихъ приказчиковъ, въ февралѣ и мартѣ, въ Калужскую и Тамбовскую губерніи, гдѣ они запрягаютъ рабочихъ, привозятъ ихъ даромъ, по желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ, къ апрѣлю, въ Ригу, гдѣ они остаются по 8-го ноября—до заморозковъ. Стоитъ это подрядчикамъ до 2-хъ—3-хъ тысячъ, причемъ нерѣдко рабочіе не прибываютъ, по разнымъ причинамъ, къ сроку; иныя, получивъ задатокъ—

исчезаютъ потомъ, а съ нѣкоторыми, отказывающимися работать; хозяевамъ приходится, неизбежно, судиться. Между тѣмъ, всѣ перечисленныя нами серьезныя издержки, хлопоты подрядчиковъ были бы совершенно устранены, если-бъ рота предложила имъ свои исправныя рабочія руки, до двухъ-трехъ сотъ въ день, а дворъ роты на столько просторенъ, что въ самое хорошее для занятій время, — отъ апрѣля до сентября, — все это исполнили-бы съ обоюдною выгодой; мало того, арестанты и на зиму могли-бы имѣть этотъ производительный трудъ. Подрядчики увѣряли насъ, что съ удовольствіемъ отдавали-бы ротѣ эту работу, если-бъ начальство взялось *по условію* (имъ требуется доставлять за границу къ срокамъ) и главное держало себя съ ними, торговцами, не какъ начальство вообще, а «по простецки».

VI.

Грамотѣ арестантовъ должны обучать, на основаніи III ст. положенія, унтеръ-офицеры, подъ руководствомъ и въ присутствіи священника, или помощника начальника роты; въ помощь, впрочемъ, унтеръ-офицерамъ, «могутъ быть назначаемы, съ разрѣшенія начальника роты, отличнѣйшіе по поведенію грамотные арестанты». На столько развитыхъ унтеръ-офицеровъ, которые могли-бы съ успѣхомъ быть учителями — въ самыхъ войскахъ, очень ограниченное число; посему, хотя *выборъ* унтеръ-офицеровъ въ роты и представленъ 30 ст. положенія начальнику роты, — но они этимъ правомъ на практикѣ не пользуются: войсковые начальники желаемыхъ унтеръ-офицеровъ не даютъ, говоря «такіе самимъ нужны», а посылаютъ такихъ, отъ которыхъ и имъ, в ротамъ, мало проку. Оттого въ рижской ротѣ учили арестантовъ грамотѣ ихъ же товарищи, подъ наблюденіемъ одного

изъ помощниковъ начальника роты. Далѣе, въ ротѣ находилось болѣе 10-ти арестантовъ изъ дворянъ, чиновниковъ; они учились въ уѣздныхъ училищахъ и даже гимназіяхъ, и здѣсь постановлены были учителями, а за обученіе ихъ избавили отъ *всякихъ* работъ, причемъ начальство дорожило ими, внушало и арестантамъ уважать ихъ, отчего многіе арестанты, говоря съ учителями, обходились съ ними на «вы», оказывали имъ кое-какія услуги. Учителя, до и послѣ обѣда, занимались исключительно въ классѣ, а прибывавшіе арестанты до-тѣхъ-поръ ежеднѣвно учились грамотѣ,—по освобожденіи изъ карцеровъ, если они не были мастеровые,—покуда основательно не выучивались, а изъ исправляющихся учились по часу въ сутки, только не достаточно научившіеся. Людей старше 45-ти-лѣтняго возраста непринуждали учиться. Обучали по методѣ Столпянскаго; по руководства и книжки, изданныя Столпянскимъ, для первоначальнаго чтенія, страдаютъ тѣмъ, что пересыпаны выраженіями, употребляемыми въ *образованномъ* лишь обществѣ, а потому арестанты - *простолюдные* долго не могли усвоить себѣ яснаго о нихъ понятія. Совершенно неграмотные, мѣсяца въ 4, выучивались порядочно читать и писать, благодаря усердію учителей, которые всячески старались развить товарищей.

— Скажи, пожалуйста, есть-ли вамъ расчетъ учиться грамотѣ? спросили мы разъ молодого арестанта въ классѣ.

— Какъ-же-съ очень выгодно.

— Чѣмъ именно?

— А тѣмъ, напимѣръ, что учителей нашихъ не посылаютъ ни на какія чужолія, грязныя работы, они всегда въ теплѣ, капральные ихъ *просятъ* писать за мѣсто себя дневники, начальство ихъ почитаетъ, а намъ и ласковое слово дорого, потому какъ мы рестанты.

Библіотека роты состояла изъ слѣдующихъ книгъ «Руко-

водство учителямъ» Столпянскаго; азбука, народная азбука, «Самообученіе народной рѣчи»; солдатскій букварь; ариметика начальныхъ школъ; ариметическія задачи, сокращенная русская грамматика, «Досугъ и Дѣло», «Земля, воздухъ и вода», повѣсти и рассказы Погосскаго, «Старое время на Руси», «Бесѣды о природѣ», «Чтенія для солдатъ», правительственныя распоряженія, естественная исторія животныхъ, «Французско-нѣмецкая война 1870—1871 годовъ», «Жизнеописаніе Суворова», сочиненія Д. А. Милютина и Полевого, врагкая исторія Россіи, словарь, календарь, сборникъ солдатскихъ сочиненій, положенія о дисциплинарныхъ взыскаціяхъ, обязанности солдатъ по разводу часовыхъ, четьми, неи, «Духъ христіанина», книга праздничныхъ, воскресныхъ канонувъ, собранія поученій отцовъ церкви, евангеліе, «Новая скрижаль», и нѣкоторыхъ другихъ, духовнаго содержанія, книгъ. Читали арестанты поименованныя книги не всегда охотно, во 1-хъ, недосугъ, а во 2-хъ, когда таковой находилса—отдохнуть хотѣлось отъ житейскихъ тревоженій; иные брали книги и для того собственно, чтобы тайно вырвать изъ нея листки на завертку табаку для куренія.

На бумагу, карандаши и проч. для классовъ издержано въ ротѣ, въ 1870 году, 3 руб. 96 коп.; въ 1869 г. писали грифелями на аспидныхъ доскахъ, а въ 1871 году итогъ еще не былъ свѣдѣнъ. Кромѣ того, для развитія въ арестантахъ вкуса къ изящному, для изощренія ихъ умственныхъ способностей, куплено рисунковъ французскаго изданія, моделей различныхъ ремеслъ на 100 руб., но бѣда въ томъ, что текстъ къ рисункамъ написанъ по французски-же и объяснить оный арестантамъ никто не могъ. Каковы были успѣхи въ развитіи арестантовъ грамотностью, наглядно показывается слѣдующая таблица:

Обученіе грамотѣ началось еще 1868 г., но свѣдѣній

не сохранялось; потому что учились въ томъ году не болѣе мѣсяца; заснмъ вотъ цифры по этому предмету:

Арестанты дѣлились по грамотности на разряды, причемъ было въ 1869 г. въ 1870 г. въ 1871 г. Итого.

Перваго разряда—
умѣвшихъ читать, писать и первыя 4 правила ариѳметики 93 ч. 92 ч. 84 ч. 269 ч.

Второго разряда—
умѣвшихъ читать и писать 67 „ 69 „ 186 „ 322 „

Третьяго разряда—
умѣвшихъ только читать 81 „ 90 „ 91 „ 262 „

Четвертаго разряда—
учившихся только читать 113 „ 81 „ 107 „ 301 „

Вовсе неграмотныхъ, или не учившихся оной 66 „ 101 „ 39 „ 206 „

Въ числѣ арестантовъ 1871 г. было воспитывавшихся: въ гимназіяхъ—7, въ семинаріяхъ—6., въ уѣздныхъ училищахъ 20, а въ 1869 г. былъ одинъ изъ кандидатовъ Дерптскаго университета. Люди эти составляли персоналъ учителей.

VII.

Обязанность исправлять нравственность арестантовъ лежитъ, по закону (3 п. 11, 17 и 22 ст.) на начальнигѣ роты,

его помощникахъ, завѣдывающихъ отдѣленіями, и на священникѣ. Каждый изъ отдѣленныхъ офицеровъ долженъ вести, согласно 18 ст., «дневникъ, на основаніи *собственныхъ* наблюденій и ежедневныхъ докладовъ фельдфебеля». Отдѣленные офицеры роты, не располагая, какъ мы говорили въ главѣ II, казенными квартирами, жили за 2—3 версты отъ роты, гдѣ не могли присутствовать во всякое время, а отсюда вытекало, на практикѣ, то, что офицеры мало знали ввѣренныхъ ихъ попеченію людей: всѣхъ до или болѣе 200 человекъ, и потому они принуждены были, касательно веденія дневника, во многомъ полагаться на фельдфебей и унтеръ-офицеровъ, людей, неопытныхъ, малограмотныхъ и, понятно, неспособныхъ вести установленныхъ и для нихъ особыхъ дневниковъ, которые писали, по ихъ приказанію, грамотные арестанты. Въ 15—20 книжкахъ капральныхъ, нами разсмотрѣнныхъ, мы не нашли никакихъ замѣчаній, кромѣ на примѣръ, противъ Иванова: «выбылъ въ 9-й десятокъ», «Петровъ въ Сибирь», и только; графы-же о характерахъ, способностяхъ людей—всѣ были чисты. Умственный кругозоръ самихъ офицеровъ былъ также весьма неширокъ, и дѣло перевоспитанія людей имъ было далеко не подъ силу: почти всѣ состарялись на давнишнихъ началахъ службы, несовмѣстныхъ съ пенитенціарною наукою.

Такимъ образомъ, обыдиною жизнію арестантовъ—руководили преимущественно унтеръ-офицеры. Арестанты, твердо помня этотъ порядокъ,—всячески старались подлаживаться подъ ихъ систему дѣйствій, прислужиться имъ, кто чѣмъ въ состояніи; оттого, по свойственной всѣмъ людямъ слабости, и тутъ сила власти надъ одними—сокращалась, а надъ другими—довлѣла въ большихъ, нежели слѣдовало бы размѣрахъ. Такъ, на примѣръ, фельдфебель давалъ арестантамъ, изъ благородныхъ, читать «Рижскій Вѣстникъ», «Инвалидъ»,

обходился съ ними хорошо, за то, что они писали всякіе списки, дневники. Другой унтеръ-офицеръ попался намъ разъ, возлѣ воротъ казармъ, подѣ вечеръ, смущенный и все озирался вокругъ.

— Чего ты, братецъ, пугаешься? спросили мы его.

— Такъ, ничего-съ... Думаю, какъ пройти въ ворота.

— Развѣ ты, здѣшній, забылъ дорогу, что-ли?

— Не то-съ... Вотъ узелокъ... пожалуй, все пропадетъ, а наши средства крошечныя, ну и жаль остатніе гроши потерять...

— Да въ чемъ, скажи толкомъ, — дѣло-то? Если можно я, пожалуй, помогу тебѣ?

— Въ узелкѣ, видишь-ли, колбаса, двѣ селедки и табачекъ. Все это запрещено арестантамъ, а они люди-же—хотятъ, примѣно, покурить... Жалѣючи ихъ, своего-же брата, иной разъ и купишь имъ... А тамъ на дворѣ теперь начальникъ стоитъ... ну и боюсь—отниметь... взмыть...

— Давай поддержи узелокъ, а ты ступай—явись, а потомъ когда начальникъ уйдетъ — выходи къ валу, я тебѣ отдамъ его, а чтобы ты не опасался, что я отжилю твое добро— вотъ тебѣ въ закладъ мой шарфъ.

— А не выдашь меня?

— Кому-жъ я тебя выдамъ, коли я твоихъ начальниковъ не знаю; къ тому-жъ они офицеры, а я, видишь, простой человекъ, какъ и ты.

— Ну такъ побереги же пожалуйста, узелокъ, а я живой рукой прилечу. Онъ взялъ кашне и ушелъ въ ворота, а мы съ узелкомъ къ валу. Прошло съ $\frac{1}{4}$ часа. Онъ явился, и мы получили другъ отъ друга каждый свое.

— Я тебѣ оказалъ услугу, отплати-же ты мнѣ теперь тѣмъ-же—расскажи, какая вамъ выгода отъ доставки арестантамъ табаку?

— Здѣсь нельзя: неравно начальство пройдетъ—бѣда.

— Такъ пойдемъ въ трактиръ; тамъ, встати, чаемъ тебя угощу: вы, вижу я, обижены, а я очень жалостливъ къ другимъ.

— Коли ежели такъ—очинно хорошо—идемъ.

Мы очутились въ грязномъ трактирѣ. Я велѣлъ подать чаю, водки, и приступилъ къ нему съ разспросами.

— Да жалованье наше маленькое, служба тяжолая: съ ранняго утра до поздняго вечера все на застѣжкѣ, а и вещи намъ надо, и денежкой про черныи день запастись хочется. Вотъ арстантъ достанетъ за воротами,—Христа ради, примѣрно, подадутъ ему 3—5 к., онъ съ грѣхомъ пополамъ, пронесетъ ихъ домой разъ, другой, третій, скопить 20—30 коп. и попроситъ купить ему полчетверки табаку. Стоитъ она въ лавкѣ будемъ говорить 5 коп., а ты съ него возьмешь 20—30 к.

— За что-жь, братъ, такъ много барыша?

— Да ему удовольствіе дѣлаешь а охоту, тѣшить—не бѣда вѣдь, и платить. Это разъ. Окромя того, ты и самъ тутъ въ большомъ страхѣ, какъ-бы не попасться, а за это отвѣчать у насъ, ухъ, какъ строго приходится,—почитай галунами; такъ, что-бъ ужъ, было, по крайности, хоть за что отдуватся. Иначе, вѣрь, братецъ, совѣсти, никакъ, то-ись, нельзя.

— Ну, а если табакъ найдутъ у арстанта, спросятъ его: кто тебѣ, молъ, принесъ и онъ укажетъ прямо на тебя?

— Кто-жь ему, чудаекъ ты эдакій, повѣрять? я отвѣчу „знать не знаю“, а ему, арстанту, у насъ вѣрь, братъ, нѣтъ, хоша-бы онъ и расправду показаль.

— А деньги легко арстанты проносятъ въ казармы?

— Глядя по дежурному ундерцеру у воротъ: ротозей—пропустить, а ловкій—отыметь.

— Что-жь вы дѣлаете съ деньгами, которые снимаете?

— Преставляемъ дальше, въ казну запишутъ, а иногда пятиалтынный, али, примѣрно сказать. двугривенный, коли ежели попадетъ,—себѣ за труды оставляемъ и молчимъ; это и арестанту на руку: не взыщутъ съ него. Позавчера, вонъ, товарищъ вытацилъ, подѣ вечеръ, у арестанта, изъ подѣ языка цѣлый двугривенны, такъ арестантъ самъ-же просилъ его скрыть это отъ начальства: ему, видишь, скоро выходить изъ роты, ну и боялся, какъ-бы не задержали *).

— Такъ это вы, значить, молодцы. Выпей-ка еще рюмочку, да позабавь—расскажи мнѣ, пожалуйста, еще что-нибудь: а страхъ люблю слушать, какъ сокрушаютъ арестантовъ, потому отъ нихъ вамъ николи, чай, покою нѣтъ: сорванцы!

— Бядовый, я тебѣ скажу, народъ: одно слово рестанты! Тоже вотъ эдакій недавно былъ случай. У насъ рестанты работаютъ пробки. Когда устроили эту пробошную,—поставили въ ней надъ рестантами вольнаго мастера—нѣмца. Мастеръ этотъ и выхлопочи у хозяина давать рестантамъ на чай, чтобъ скорѣй работали. Рестанты, за это самое, и сдружились съ нимъ, съ нѣмцемъ-то, а нѣмецъ на насъ, ундерцероувъ, и никакого, то ись, вниманья не беретъ, а увидить, што жучимъ рестантовъ—такъ ореть, инда чуть въ морду не лезетъ. Погоди, молъ, анафема, мы тебя подведемъ! И точно ловко поддѣли его, этого, слышь ты, нѣмца, благо такая оказія подвернулася. Выпускаютъ на волю рестантовъ, извѣстно, въ старенькихъ сапогахъ. Вотъ одинъ ловчакъ предъ выходомъ и упросилъ мастера—нѣмца не давать ему чаю, а купить замѣсто чая—сапоги. Нѣмецъ и купилъ. Мы про это

*) Это была та самая монета, которую мы подали арестанту милостинен.

дознались и доложили начальству, такъ оно такъ распудрило эвтаго нѣмца, што ажно небу было жарко. И по дѣломъ: не суйся не въ свое дѣло, не якшайся съ рестантами.

Со введеніемъ, впрочемъ, нормальныхъ штатовъ есть, говорятъ, надежда на улучшение состава унтеръ-офицеровъ, которые будутъ получать, на всемъ готовомъ содержаніи, по 10 руб. жалованья въ мѣсяцъ, дозволится поступать въ эти должности по найму отставнымъ, безсрочнымъ, и такимъ образомъ устранится матеріальная нужда этихъ людей, и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтается, полагаютъ, возможность пріискать нравственныхъ и грамотныхъ непосредственныхъ начальниковъ арестантовъ.

Священникъ, человѣкъ больной, бесѣдовалъ съ арестантами по воскресеньямъ, по часу; говорилъ имъ рѣчи предъ переводами изъ испытуемыхъ въ исправляющіеся, напутствовалъ освобождаемыхъ, наблюдалъ за библіотекою, присутствовалъ изрѣдка въ ротномъ комитетѣ, да отправлялъ, по праздникамъ, богослуженіе, въ ротной церкви, такъ что дѣятельность его заключена была въ довольно узкихъ рамкахъ. Здѣсь, кстати, отмѣтимъ, что въ ротѣ былъ хоръ пѣвчихъ, человѣкъ 10—12 изъ арестантовъ—дворянъ, чиновниковъ и писарей, людей, обладающихъ кое-какими познаніями; пѣлъ хоръ—сносно.

VIII.

Переходя ко взисканіямъ, налагаемымъ въ ротѣ на арестантовъ, за ихъ прегрѣшенія,—оговоримся, что тутъ, какъ и въ очеркахъ о другихъ ротахъ, не станемъ обсуждать правильно-ли примѣняется законъ: несообразности водились вездѣ и потому мы рассмотримъ этотъ предметъ послѣ, въ общихъ выводахъ.

Совершающіеся проступки арестантовъ въ ротѣ влекутъ за собою взыскапія и наказанія, предусмотрѣнныя 119—122 ст. положенія; заключеніе въ свѣтлый и темный карцеръ на хлѣбъ-воду, въ оковы и до 100 ударовъ розогъ; въ тѣ же карцеры сажаютъ прибывающихъ въ роту (60 и 64 ст.). Карцеры эти (временные, помните, читатели, до устройства новыхъ), находявшіеся въ нижнемъ этажѣ передѣлывавшагося флигеля, произвели на насъ самое тяжелое впечатлѣніе, не смотря на то, что мы изрядно приглядѣлись ко всякимъ тюремнымъ помѣщеніямъ... Подверглось взысканіямъ арестантовъ: *заключеніемъ въ карцеры отъ 3-хъ до 14 дней*: въ 1869 году—32 чел.; въ 1870 году—60 чел.; въ 1871 г.—75 чел.; *розами отъ 25 до 100 ударовъ*: въ 1869 г.—11 чел.; въ 1870 г.—14 чел.; а въ 1871 г.—18 чел., т. е. прогрессивно усиливались. Большинство проступковъ составляли куреніе табаку, ослушаніе и дерзость противъ унтеръ-офицеровъ. За сямъ, чтобы читатели знали, за какіе именно проступки, какія налагаются взыскапія,—сообщимъ выдержки изъ штрафнаго журнала 1871 г. Такъ, 19 лѣтній юноша, изъ дворянъ, просидѣлъ въ карцерѣ 3 сутокъ за то, что, сидя въ столовой, смастерилъ изъ хлѣбнаго мякиша лошадку; другой, пойманный курящимъ въ отхожемъ мѣстѣ,—пробылъ въ карцерѣ 6 сутокъ; третій былъ тоже застигнутъ съ папиросою, сунулъ ее, съ огнемъ, въ ротъ, разжевалъ и выплюнулъ унтеръ-офицеру въ лицо, причемъ выразился: «жизнь твоя виситъ на волоскѣ», получилъ за это 70 ударовъ и мѣсяць пробылъ въ карцерѣ; четвертый за то, что оскорбилъ унтеръ-офицера, лежа больнымъ въ госпиталѣ,—по выздоровленіи былъ наказанъ 50 ударами розогъ; пятый за утрату казеннаго полотенца—50 ударами; шестой и седьмой «за *подозрѣніе* игры въ кости»—по 20 ударовъ. Начальникъ роты, просматривая журналъ отдѣленнаго офицера, написалъ, прав-

да, подъ этою статьею «одно подозрѣніе не соотвѣтствуетъ провинности», т. е., замѣтилъ офицеру неосновательность его распоряженія, но это произошло, къ сожалѣнію, *послѣ наказанія* арестантовъ, слѣдовательно, имъ отъ того не полегчало; восьмой—за непослушаніе и угрозу унтеръ-офицеру—100 ударовъ и 7 дней въ карцерѣ на хлѣбѣ и водѣ; девятый—за явку съ работы нетрезвымъ—100 ударовъ и на 2 мѣсяца въ испытуемые изъ исправляющихся; десятый—за ослушаніе фельдфебеля 25; послѣдній, послѣ наказанія всталъ и добавилъ фельдфебелю: «благодарю васъ, что напились моею кровію» — ему прибавили за это еще 50 ударовъ; одиннадцатый—за то, что замахнулся на унтеръ-офицера орудіемъ, по рѣшенію суда, 200 ударовъ, причемъ ему увеличенъ срокъ пребыванія въ ротѣ на 4 года, и т. д., въ этомъ же родѣ.

IX.

Боляли арестанты преимущественно чахоткою, открывавшеюся катарромъ легкихъ, застарѣлою венерическою, желудочною, катарральною и перемежающеюся лихорадками; развитію послѣднихъ отчасти способствовало и то, что людямъ, трудившимся днемъ внѣ казармы (при насъ вытаскивали, напримѣръ, камни изъ воды въ ненастную погоду) иногда негдѣ было, въ слякоть, просушить свои вещи, которыя они клали, съ этою цѣлію, на ночь подъ себя; вещи производили испарину, ознобъ, превращавшійся въ простуду, лихорадку; кромѣ того, житье въ плохихъ, *временныхъ* карцерахъ, и, наконецъ, — первоначальной, *скорой* медицинской помощи не откуда было прежде ждать: прикомандированный изъ госпиталѣ, пожилой докторъ посѣщалъ больныхъ не иначе, какъ по приглашенію, да и являясь—не особенно былъ полезенъ,

вслѣдствіе плохого пониманія русскаго языка. Всѣ эти не-
пріятныя явленія, съ окончательнымъ устройствомъ казармы
и введеніемъ нормальныхъ штатовъ, устранятся: будутъ, увѣ-
рили насъ, *постолымый* докторъ и ротный лазаретъ.

Говоря о больныхъ, не можемъ не занести въ наши очерки
и слѣдующаго факта. Гансъ Эрманъ, изъ крестьянъ Лиф-
ляндской губерніи, 27 лѣтъ, красивый, здоровый мужчина,
поступилъ, въ 1868 г., въ 6 резервный, пѣхотный баталіонъ,
откуда уволенъ былъ въ неспособные въ томъ-же году; за
сѣмъ, въ 1870 г., его вновь зачислили въ 96 дерптскій, пѣ-
хотный полкъ, и по конфирмаціи начальника мѣстныхъ войскъ
виленскаго округа, «за заявленіе болѣзни (хропалъ на пра-
вую ногу), съ цѣлію уклониться отъ службы», онъ переве-
денъ въ штрафные; въ 1871 г., за то же заявленіе болѣзни
и проч. опять подтверванъ помощникомъ начальника 25
пѣхотной дивизіи въ исправительную ужь роту, на годъ и 6
мѣсяцевъ. Эрманъ и въ ротѣ то же хропалъ и никакія лекар-
ства не выпрямляли его ноги, на которую достаточно было
взглянуть простымъ глазомъ, чтобы убѣдиться, что она и
короче, и въ колѣнѣ, гораздо толще другой.

Находились на излеченіи въ госпиталѣ (нѣкоторые по
нѣсколько разъ) въ 1869 г.—302 чел., въ 1870 г.—250 чел.,
въ 1871 г.—266 чел.: изъ нихъ выздоровѣло: въ 1869 г.—
296 чел., въ 1870 г.—286 чел., въ 1871 г.—217 чел.; умерло:
въ 1869 г. 6 чел., въ 1870 г.,—14 чел., въ 1871 г.—23
чел.—Независимо того, въ 1870 году уволено въ продолжи-
тельный отпускъ, для поправленія разстроенаго здоровья,
по окончаніи срока заключенія, вмѣсто возврата въ полкъ,
по такъ называемой II статьѣ, 50 чел., передано въ граж-
данское вѣдомство, за неспособностью ни къ какому рабо-
танію, для выдержанія въ тюрьмахъ опредѣленнаго для нихъ
приговорами срока пребыванія въ ротѣ, 28 чел.

X.

Наружный видъ арестантовъ, вообще говоря, здоровый, бодрый; это были преимущественно молодые люди; но изъ нихъ запуганными, пришибленными выглядели почти всѣ бывшіе дворяне и чиновники, поступившіе въ службу по найму; люди эти составляютъ, по мнѣнію военныхъ, самый дурной элементъ въ войскѣ и самый большой процентъ преступниковъ: развратившіеся, потерявшіе, дескать, нравственное чувство, приличное званію занятіе, они хлынули въ солдаты, не приирались съ требованіями службы, совершали преимущественно подлоги и приходили въ исправительныя роты, но и тутъ оказывались худшими по поведенію, нежели простолюдины, попадающіе въ роты за преступленія, содѣянныя, большею частію, въ запальчивости, въ пьяномъ видѣ, да по своему неразумію. Мы, разновременно, разговаривали со многими арестантами для того, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли вселяютъ страхъ, и однажды провели, среди 429 чел. 4 часа сряду (въ воскресенье), причѣмъ изъ казармы *нарочно удалились всѣ до единаго* изъ ихъ начальниковъ. И что-же? Мы не только не слышали грубаго слова, не замѣтили неприличнаго жеста, — но они вели себя столь сдержанно, что слышно было, какъ мухи летали въ воздухѣ.

Дабы читатели приобрѣли возможность знать объ умственномъ кругозорѣ арестантовъ и ихъ *собственныхъ взглядахъ* на причины и послѣдствія постигшей ихъ участи, — предлагаемъ здѣсь и въ очеркахъ о другихъ роткахъ нѣкоторыя изъ болѣе характерныхъ бесѣдъ, съ ними, заключенными. Въ арестантской семьѣ довольно людей, которые стараются представить, изъ своей персоны, фатальную жертву обществен-

нихъ неурядиць; другіе изъ ложнаго стыда, ухарства и по упорности характера нерѣдко искажаютъ истину самымъ безцеремоннымъ образомъ. Давно зная это, мы, чтобы не впасть въ заблужденіе — провѣрили почти всѣ, приведенныя здѣсь, и въ очеркахъ о другихъ ротахъ, рассказы съ документами рассказчиковъ и передаемъ тисненію лишь тѣ біографическіе очерки, которые болѣе или менѣе вѣрны съ бумагами, или близко подходятъ къ содержанію послѣднихъ, да характерно рисуютъ, личности, нравы, среду, изъ которой люди очутились въ ротахъ. Тѣмъ не менѣе, ни утверждая, ни отрицая правдивость слышаннаго отъ арестантовъ — предоставляемъ читателямъ самимъ разсудить насколько естественны эти, нигдѣ не утрированныя, а иные чуть ли не дословно передаваемыя нами рассказы.

Въ пробочной мастерской, среди 44-хъ закалившихся въ тревоженіяхъ фізіономій, взоръ нашъ невольно остановился на бѣлокуроемъ, заморенномъ юношѣ, съ нѣжными чертами продолговатаго, исхудалаго лица, въ ситцевой рубашкѣ и съ завязанными тряпкою пальцами. Юноша этотъ вертѣлъ, видимо, чрезъ силу, ручку точильнаго колеса, на которомъ коренастый мужчина правилъ ножъ. Манера, осанка, — все говорило, что онъ въ чуждой для него сферѣ и не простолюдинъ.

— Вы изъ какого сословія? спросили мы юношу, стараясь придать голосу какъ можно больше мягкости, довѣрія.

— Изъ дворянъ-съ, тихо отвѣтилъ онъ, и багровая краска выступила на его щекахъ, и мгновенно, потомъ, смѣнилась блѣдностью.

— Какъ-же вы сюда попали?

— По милости матушки, продолжалъ онъ, дрожащимъ голосомъ.

— Вашъ отвѣтъ для меня, къ сожалѣнію, непонятенъ.

Будьте любезны, расскажите по-подробнѣй, какимъ образомъ постигло васъ такое несчастіе?

— Извольте-съ. Отецъ мой умеръ, когда я еще былъ очень маленькимъ. Послѣ него, намъ остался въ Петербургѣ на Васильевскомъ островѣ, въ 17-й линіи, свой домъ. Дѣтей кромѣ меня, у матери никого нѣтъ, да и не было. Когда, вмѣсто кантонистскихъ баталіоновъ, открылись военныя училища, мать и сбывла меня, въ 1859 г., на воспитаніе въ это училище, въ Москву, на казенный счетъ: она скупилась, видите ли, обучить меня на свои средства, которыхъ у нея было и есть довольно. Въ училищѣ я учился хорошо, такъ что по преобразованіи училища въ прогимназію—меня перевели туда, и я было готовился ужъ въ учителя, да вдругъ попалъ, по случаю бывшаго польскаго мятежа, въ писаря, въ полкъ, въ Ярославль. Въ полку мнѣ было трудно, скучно, тоска иногда просто одолевала, ни почитать, ни поговорить о чемъ-нибудь порядочномъ не съ кѣмъ было: офицерство гнушалось мною, за мое *писарство*, хотя я, по образованію, былъ ничуть не ниже многихъ изъ нихъ; свои братья, писаря, грубые невѣжды, потѣшались надо мною, унижали меня за мое *дворянское* происхожденіе. Переписывалъ я, переписывалъ разныя бумаги до тошноты, часто день и ночь насквозь, а ни радости, ни утѣхи, ни откуда и ни въ чемъ не видалъ. Съ горя, я сталъ, по-немногу, по примѣру товарищей, водку пить, а водка-то и привела меня сюда... Онъ заморгалъ рѣсницами глазъ, лицо его опять вспыхнуло и онъ смолкъ.

— Значить вы, въ нетрезвомъ видѣ, совершили какое-нибудь преступленіе?

— Я пилъ-то немного-съ, но разъ выпивши, поссорился съ товарищемъ за то, что онъ меня дразнилъ, и въ сердцахъ пустилъ въ него *ножемъ*, ранилъ его, меня посадили на гауптвахту, я пробылъ тамъ ровно годъ, покуда танулось

судить, а потому лишены всѣхъ правъ состоянія, осудили сюда на 3 года, заковали въ наручники и послали по этапу... Не пожаляй-бы мать денегъ на мое образованіе — я бы, конечно, не попалъ сюда... Впрочемъ, такая ужъ знать судьба моя.

— А мать ваша знаетъ объ этомъ?

— Да-съ; когда я содержался, временно, въ С.-Петербургской пересылной тюрьмѣ, я послалъ ей оттуда письмо, чтобы пришла ко мнѣ,—но она и этого не исполнила...

— Вѣрно, письма не получила?

— Нѣтъ, въ домъ отдали, да она тогда была, будто бы, — сказала солдату, — въ Новгородѣ.

— А здѣсь вы давно?

— Только еще два мѣсяца. Тяжко тутъ жить...

— А отчего у васъ палецъ завязанъ?

— Обрѣзалъ нежомъ-съ; никакъ не могу владѣть имъ и всѣ ужъ пальцы постепенно себѣ перерѣзалъ.

— Такъ вы конпросились бы въ другую работу, напр., учиться портняжить: все бы вамъ легче было.

— Тутъ дѣлай, говорятъ, что велать, безпрекословно. Я и повинуюсь... Чакну... Въ груди все горитъ-съ...

Арестанту этому было 22 года.

Въ другой, пробочной-же, мастерской, гдѣ машиной обругали прѣбка, мы замѣтили худошаваго бривета, лѣтъ 24—26. Выраженіе его лица было тупое, апатичное. Онъ кончился около машины.

— Развѣ вы умѣете и поправлять машину? спросили мы его.

— Нѣтъ, не умѣю, а все-таки хочу поправить, точно также, какъ васъ неумѣющіе хотять исправить, съ ироніею началъ онъ. Люди о томъ вѣдь только, какъ вы вѣроятно знаете, и хлопчатъ: какъ бы все испортить, ради того, что-

бы потомъ имѣть право поправлять это или на что негодное испорченное. Забавно право!

— Вы, однако, слишкомъ уже мрачно смотрите на жизнь и людей.

— Да, вполне мрачно, даже больше, если хотите, чѣмъ мрачно, и, повѣрьте, не безъ причины: я потерялъ въ жизни, все, чѣмъ она красна.

— Неужели-жь я надежду на лучшее будущее? Вѣдь, безъ надежды на что-либо впереди — должно быть очень тяжело.

— Рѣшительно ни на что не рассчитываю, ничего не жду себѣ лучшаго, а живу такъ, какъ вотъ эта пробка: куда ее ни кинуть — туда она и полетитъ, кто ее ни кинетъ — для нея совершенно все равно; такъ и я. А чтобы вы не подумали, что я рисуясь—я, если желаете, обстоятельно познакомясь васъ съ собою и познакомясь безъ всякихъ, повѣрьте, прекрасъ. Я одинъ изъ разочарованныхъ.

— Сдѣлайте одолженіе: я съ истиннымъ вниманіемъ и сочувствіемъ васъ выслушаю.

— Отецъ мой, не богатый и не бѣдный помѣщикъ, живетъ недалеко отъ С—ска. Двѣ сестры мои замужемъ за значительными въ нашемъ околоткѣ, лицами. Я родомъ дворянинъ, научился кое-чему дома, потомъ, 16-ти лѣтъ, поступилъ, по желанію отца, въ юнкера. Въ службѣ живъ, но милости добрыхъ людей, не повезло, а я былъ нетерпѣливъ и полюбилъ ее, не дождавшись эполеты, противъ желанія родныхъ, — эполетъ, которые такъ нравятся провинціальнымъ барышнямъ. Это возстановило родныхъ противъ меня и я рѣшился жить своимъ умомъ. Попытался было въ гражданскую службу — тоже не удачно: не могъ примириться съ крѣпостничествомъ и холопствомъ низшихъ противъ высшихъ, когда и эти высшіе были, въ сущности, та же мелочь, зараженная глупымъ чван-

ствомъ. Махнулъ въ Питеръ везать счастья, да вмѣсто него
напелъ арестантскую вуртву. Я въ Питерѣ, нѣсколько по-
шлялся напрасно, повериться роднымъ не хотѣлось: дворян-
скій гоноръ мѣшалъ, а вѣтъ, напротивъ, очень хотѣлось, да
чего было, — ну и нанялся, съ горяча, въ солдаты, благо
не забылъ еще инстинкты и прочихъ солдатскихъ наукъ. Не
вмѣсто фронта — попалъ въ писаря, и слушать было ничего,
довольно впродолженіи. Вдругъ меня требуютъ въ С — скъ, въ
качествѣ свидѣтели по одному дѣлу. Я отправился, и вмѣсто
недѣли-двухъ, меня тамъ продержали 8 мѣсяцевъ, при сбор-
ной командѣ, а писарь былъ нуженъ, и меня отчислили въ
распоряженіе главнаго штаба, который назначилъ меня въ
мѣстный, бывшій гарнизонный багаліонъ. Я прибылъ, меня
хотѣли посадить омять въ канцелярію писаря, а этого не
вожелелъ и поступилъ во фронтъ. Прежде, вторые солдат-
скіе мундиры составляли ихъ собственность; твердо зная это,
я продалъ второй мундиръ, а вполученныя за него пустячныя
деньги, 1 р. 50 в., ссанаюсь, променялъ. Вдругъ выходитъ
приказъ военнаго министра, что вторые мундиры остаются
казенными *). Тутъ же подошелъ инспекторскій смотръ, а
у меня мундира-то и нѣтъ, какъ нѣтъ! Я могъ бы, правда,
чрезъ недѣлю купить ихъ хоть цѣною, — но въ нужный мо-
ментъ не было у меня, словомъ, мундира и меня за про-
мотаніе казенной вещи, вещи, которая и въ огнѣ не должна
горѣть, и въ водѣ не должна тонуть, какъ казенная, пре-
дали: суду. Я промучился 9 мѣсяцевъ въ сырой конурѣ, на
гаузилатѣ, а потомъ пришелъ на исправленіе въ сію об-
тель, на 3 года, съ лишеніемъ всѣхъ не только солдатскихъ.

*) Приказъ этотъ послѣдовалъ въ 1868 г., ранѣе открытія рети, сна-
чать, указаніе арестантовъ на приказъ невѣрное.

но и дворянскихъ правъ состоянія, т. е. правъ, которыхъ я вовсе не предавалъ никому, когда поступалъ въ службу по найму!.. И замѣчательнѣе всего то, что предалъ меня суду, за промотаніе мундира, тотъ самый командиръ, который вредъ тѣмъ-же самымъ смотромъ рискалъ, точно угорѣлый, отсиживая денегъ положить на два дня инспекторскаго смотра въ казенный ящикъ!.. Впрочемъ, что за глупое сравненіе меня съ нимъ, съ его вѣсовоблагодородіемъ, самимъ?! Онъ, облеченный свыше властію, — вправѣ былъ, какъ котѣлъ, распорядиться казенными суммами, а я, солдатъ, обязанъ былъ беречь и беречь какъ зеницу ока, мундиръ, потому что меня никто не облагалъ довѣріемъ, даже и на полтора рубля! Значить по дѣломъ вору и жука!.. Оторванный отъ своего круга, потерявшій дворянство, я теперь ужъ ничего не заслужу: нашему брату, но выходи отсюда, — надо заслужить сперва прощеніе штрафа, потомъ — при счастливыхъ ужъ обстоятельствахъ, унтеръ-офицерство — галуни. Но вѣдь эти галуни имѣютъ значеніе для кого? для крестьянина, который, вернувшись въ нихъ домой, — все-таки выше чиновъ, чѣмъ ушелъ въ службу, а для меня?... да для меня галуни сущіе пустыни!

— Могутъ, однако, и дворянство вернуть вамъ, напримеръ, при манифестѣ, за военное отличіе.

— Напрасно вы это и говорите: чтобы добиться такого прощенія—надо имѣть протекцію, деньги, а у меня ни того, ни другого нѣтъ; стало быть и подобныя розовыя мечты мнѣ ужъ не въ лицу. Я долженъ, по минowanіи ерока заключенія, отслужить, въ-за 1 р. 50 к., еще 15 лѣтъ, а служить штрафованному исправно—охъ, какъ тяжело: «служить бы радъ, да прислуживаться тошно»!.. Поэтому, я ужъ рѣшился погибнуть... Я и отцу не писалъ съ тѣхъ поръ, какъ лишился своихъ правъ: не хочу огорчать его своимъ

жалкимъ существованіемъ, а пусть онъ лучше думаетъ, что я давно уже омололъ. Да я нравственно и дѣйствительно омололъ... Явиться доной бывшимъ арестантомъ, осрамить отцовскія сѣдины, сестерь?! — нѣтъ, нѣтъ, ни за что въ свѣтъ!

— Ну, а какое впечатлѣніе производитъ на васъ здѣшнее житье?

— Никакого: я тутъ пробка и больше ничего. Одно, впрочемъ, меня тутъ отчасти еще занимаетъ — наше равенство: всѣ вертимся какъ бѣлки въ колесѣ, и только жаль, нѣкоторые нарушаютъ, иногда, однообразіе своими глупыми шалостями, а то можно бы, не шутя говорю, заключить, что мы не люди, а — 450 пробоекъ. Мы, повторяю, право очень похожи на пробки

— Развѣ васъ никогда нравственно не оскорбляетъ грубое, напримѣръ, обращеніе?

— Нѣтъ: я, честнымъ словомъ увѣряю васъ, считаю себя отнюдь не больше — какъ пробкой, а пробка ни на что, разумеется, не можетъ обидѣться... Вотъ почему никто не въ состояніи пробудить во мнѣ какого-бы то ни было утѣшительнаго чувства. Мало того: люди въ одинаковомъ со мною положеніи, питающіе надежду на манну небесную — просто протѣвными кажутся мнѣ.

— А есть тутъ такіе?

— Какъ же-съ, всякой породы есть по нѣсколько экземпляровъ. Вотъ, напримѣръ, изъ дворянъ-же человекъ, и годанн, и чиновъ старше меня; и плодовъ просвѣщенія вкуса, говорить онъ, много больше меня, и на самомъ дѣлѣ, — это пренаивнѣйшій ребенокъ. Онъ, напримѣръ, и снится, и видитъ, что не сегодня — завтра, небрима сила не только исторгнетъ его изъ сей доли плача, но и возвелчитъ до высоты неизмѣримой, а откуда это чудо совершится, — хо-

дять точно ошпаренный, ко всѣмъ подвертывается, тонко школьникъ, ожидающій учительской похвалы, предъ всѣми егоситъ до приторности; а человекъ, трусащій предъ постигшей его бѣдой,—по моему, дрянъ, трыва: любилъ кататься, люби и саночки возить. Больше, однако, толковать теперь, извините, пожалуйста, мнѣ некогда: надо въ вечеру успѣть изготовить еще 500 пробокъ—урокъ.

Другой, на котораго разочарованный наизадалъ, былъ средняго роста, подполный мужчина, лѣтъ 30 на видѣ, щегольски причесанный и съ закрученными, небольшими, рывжаватыми усиками. Поговоривъ сначала о пустякахъ, мы постепенно, деликатно свернули на интересовавшій насъ предметъ.

— Жизнь моя полна самыхъ страшныхъ превратностей, началъ онъ, со вздохомъ. Дѣтство провелъ я безъ нужды, потому что у матери тогда былъ, въ Петербургѣ, на Пескахъ, собственный домъ, впоследствии проданный. Учился я, правда, не важно, но муръ въ 8 гимназій, все-таки кончилъ и хотѣлъ, по примѣру товарищей, поступить въ военную службу: форма прельщала меня. Однако матушка настояла, на своемъ—опредѣлила меня въ губернское правленіе. Я получилъ постепенно два чина, должность помощника столоначальника съ 23 руб. мѣсячнаго жалованья. И служить бы, да служить мнѣ, дураку, но не тутъ-то было: товарищи были ужъ офицерами, а имъ завадовалъ по легкомыслию, а они знай повторяли мнѣ: «брось ты это бумагамараніе и поступи въ юнкера—отлично будетъ». Думалъ я, думалъ, да и рѣшился. Смущало меня одно только безденежье, но я и это предприниманіе разрушилъ: амѣвомъ того, чтобы пойти вольноопредѣляющимся—наизадалъ въ охотники за 700 руб., разсчитывая, что, по военнымъ законамъ, я, все-равно чрезъ 5 лѣтъ пойду въ юнкерское училище, выдержу экзаменъ и получу офи-

дерство. Оказано—сдѣлано, и, въ присворбію, безравсудно меня назначили куда же бы вы думали? въ К—скій гарнизонный баталіонъ писаремъ, а оттуда перевели старшимъ писаремъ въ В—скую инвалидную команду. Начальствовалъ надъ этою командою старшій бурбонъ, отъ котораго никому, въ томъ числѣ и мнѣ, просто житья не было: приходилось послѣ каждаго слова величать его «ваше благородіе», стоять предъ нимъ на вытяжку, ждать по часу въ передней, аваяться къ нему по десяти разъ не только днемъ, но даже и ночью; лежить, лежить онъ, бывало, не спится ему отъ старости, крикнетъ деньщику «свозви»; тотъ прибѣжить и тащить меня къ нему. Придешь, а онъ тѣмъ временемъ ужъ уснулъ, ну и ждешь, пока проснется — часъ два... Потомъ, изъ команды выходили солдаты въ безсрочный, а изъ нихъ одинъ Зайцевъ былъ оставленъ въ В—гѣ на два мѣсяца, по его просьбѣ, для чего я переправилъ, признаться, отиѣтку о немъ въ книгѣ (подлогѣ), а его нелегкая угораздила подраться, потомъ въ трактирѣ, съ жѣщаниномъ Материнимъ, который, какъ человѣкъ дѣшевый, пожаловался исправнику, а тотъ запросилъ начальника: почему Зайцевъ не ушелъ, да еще донесъ командиру баталіона? Затѣялось дѣло. Меня, якобы за подлогъ,—посадили въ острогъ, въ секретный номеръ, судьбище протянулось два года, 11 мѣсяцевъ и кончилось тѣмъ, что меня ошельмовали и въ наручникахъ доставили сюда, на 2 года. Хорошо еще, что тутъ я учу арестантовъ грамотѣ и за это освобожденъ отъ работъ, а то просто бы хоть лежись, да и умирай.

— А правда-ли, что вы стараетесь всѣмъ угождать?

— Да иначе и нельзя: за грубость унтеръ-офицеры видерутъ, а я розогъ страхъ какъ боюсь. Все перемешу, со всѣмъ примирюсь—но, чтобъ быть выдраннимъ?... Нѣтъ, я

скорѣй готовъ голодать, нечистоты выносить за вѣми, петлю на шею надѣть, а чтобъ этого не случилось. Я и верчусь вотъ туда и сюда, вскакиваю и вздрагиваю предъ каждымъ утерь-офицеромъ, боюсь сердитаго ихъ взгляда, мнѣ и во снѣ часто чудится, что меня хотятъ драть; короче говоря, я на этомъ пунктѣ, пожалуй, даже тронуся...

— Однако вы же человѣкъ развитой, на котораго слова могутъ дѣйствовать несравненно лучше розогъ, которому можно сдѣлать свисхожденіе, во вниманіе ну хоть къ презему его званію.

— У насъ этого не бываетъ, а проштрафился—и 25 горячихъ непременно влѣпятъ: здѣсь нѣтъ никому пощады, и дворнягъ, и чиновниковъ не разъ ужъ драли при мнѣ. Оттого-то я и лезу изъ кожи, чтобъ только поронцы избавитесь. И покуда, слава Богу, у начальства на хорошемъ счету. Тяжело-то, ужасно тяжело, да ничего вѣдь не подѣлаетъ, законъ строгъ, а я... я, хоть и стыдно признаться—трусъ...

— Мать ваша жива еще?

— Право не знаю: я давно ужъ не имѣю о ней никакихъ свѣдѣній!

— Отчего жъ вы не напишете ей?

— Да, во 1-хъ, гривенника не имѣю на конвертъ; во 2-хъ, сомнѣваюсь, дойдетъ ли письмо, а въ 3-хъ, и главное, посланка отсюда писемъ сопряжена со множествомъ препятствій.

— Хотите, я наняшу въ Петербургъ, чтобъ передали вашей матери о васъ, и чтобъ она прислала вамъ письмо?

— Сдѣлайте милость, я вѣкъ не забуду вашего вниманія ко мнѣ.

— Будьте увѣрены, исполню, а вы за это посвятите меня въ подробности вашей жизни.

— Извините: не могу, ей-Богу не могу-съ...

— Отчего?

— Боюсь узнать, и меня за это выдерутъ.

— Я никому не скажу, слѣдовательно, и опасенія ваши напрасны.

— Напротивъ — вѣрни: у насъ и стѣны съ ушами, поэтому, если жалѣете меня—разспросите, ради Бога, лучше кого-нибудь другого, напримѣръ, выходящихъ изъ роты *).

— А вы за что осуждены? спросили мы пожилаго чело-
вѣка.

— Богъ вѣсть... Я одиннадцать лѣтъ прослужилъ писаремъ въ Б—свой инвалидной командѣ. Старшій писарь Ж. былъ немножко помѣшанный, меня не любилъ и все мнѣ говаривалъ: «живу я тебя со свѣта, право, живу». Вотъ онъ разъ и связалъ начальнику, будто-бы я повѣряю арте-
льные книги, хочу открыть ихнія шашки, сдѣлать доносъ. Поручикъ А. вспылилъ ужасно. На эту-то бѣду мою, былъ де-
журнымъ солдатъ, который вмѣшался не въ свое дѣло, я его погналъ вонъ, меня за это потащили въ карцеръ, я упалъ на дверную закладку, ушибся объ нее и отъ боли бросилъ ея въ него, солдата. За это меня отдали подъ судъ, 11 мѣ-
сяцевъ судили и дѣйствительно жили со свѣту... пригово-
рили къ 3-хъ-годичному заключенію въ эту роту, съ поте-
рей всей 11-ти-лѣтней службы!

— Онъ хоть толкнулъ, али тамъ вдарилъ дежурнаго и
угодилъ на исправленіе, заговорилъ другой, лѣтъ 35 на
видъ, а я такъ вотъ пропадаю за свои собственныя деньги,
да за хворость. Пришелъ я, знаете-ли, въ солдаты. Вскорѣ,
посля, того, сестра прислала мнѣ 50 руб. Ротный коман-

*) Мать этого арестанта чрезвычайно обрадовалась, что сынъ ея еще живъ. Рассказъ его обо всемъ, до найма его въ охотники, подтвердился.

дирь былъ капитанъ, О. прозывался, взялъ было ихъ, мопто деньги себѣ. Я просить: «Пожалуйте, молю, мнѣ мои деньги», а онъ «рунь получи». «Нѣтъ; говорю, всѣ желад получить, потому мнѣ вещи справить надо, не то стану, докладываю ему, жалиться баталіонному». Отдалъ. На говорить, да помни, што я изъ тебя выбью эти 50 р.». Ну и зачалъ на меня нападать, да нападать, такъ, што мнѣ житья не было! Потомъ одна въ сердцахъ, во фронтѣ вдарилъ меня кулакомъ по носу и я кровью облился. Обозлился я, вижу не быть добру и бѣжать. Поймали, вздули и отравили въ другой полкъ. Послужили маленько, меня ротный полюбилъ, а фельдфебель за это за самое и давалъ меня притѣснять. Ты, говорить онъ, ротному сучишь. Это мнѣ было обидно, я съ горя напился, разругалъ его на всѣ корки и угодилъ сюда, на три года; отслужилъ здѣсь справно, вернулся и у меня на грѣхъ нога заболѣла. Я къ доктору, а онъ смѣется. «Врешь», говорить. Не долго думая, я опять убѣжалъ и опять вернулся вспять, сюда...

— Какъ же ты съ больною-то ногою рѣшился бѣжать?

— Съ дуру, сударь, съ дуру-съ! Я съ грѣхомъ пополамъ отмаячилъ версть съ сотню и слегъ на гумнѣ, провалялся тамъ, крадучись, недѣлю и потомъ попался въ капканъ...

— Чѣмъ же ты питался эту недѣлю?

— Да ползалъ, можно сказать на корачкахъ въ деревню, ночью—хлѣбъ добывать воровствомъ. Последній разъ стибрилъ было цѣлый караванъ хлѣба, да кринку молока, но связавши это въ сѣняхъ съ полки, за что-то зацѣпился, уронилъ всю полку, она грохнулась о землѣ со всѣми горшками, въ избѣ услышали стукъ, выскочили съ огнемъ и скрутили меня, раба божья: я не успѣлъ удрать, потому нога вдостоль распухла. Э эх-хе-хе! И знаете-ли, отчего всѣ наши

горестъ съ глупости нашей. ЕИ-Богу такъ, заключилъ онъ со вздохомъ и утеръ кулакомъ глаза.

Начальство увѣряло насъ, что этотъ арестантъ, и въ первый, и во второй разъ пребыванія въ ротѣ, всегда вель себя безупречно.

— Позвольте, сударь, доложить вамъ и о моемъ дѣлѣ, заговорилъ худенькій арестантъ.

— Изволь.

— Я, значить, сданъ былъ въ некруты, прослужилъ въ 64 баталіонѣ въ Пензѣ, 4 мѣсяца. Шоль одна по городу, нашелъ какую-то писанную бумагу, разобрать ее не могъ, потому какъ я неграмотный, и положилъ ее въ карманъ: родится, жель, цигарку завернуть. Встрѣлся мнѣ послѣ того товарищъ, зашли мы съ нимъ выпить, а чрезъ то и опоздалъ я на перекличку. Федфебель саданулъ меня за это за самое по уху и отправилъ въ канцерь; тамъ обыскали меня, нашли эту самую анаежскую бумагу, сказали, что я убѣтъ хотѣлъ, потому эта бумага была хальшивый, слышь, паспортъ, уехали подъ судъ, судили да радили 2 года, да на 2-же года хватили въ роту, и я 4 мѣсяца плелся въ кандалахъ въ Ригу. Ну ладно ли это, могли ли изъ-за плеваго паспорта такъ обидѣтъ меня?

— Очень, братецъ, ужъ чудное дѣло твое и я признаюсь не вѣрю, чтобъ это такъ было.

— По моему мнѣнію въ его разсказѣ нѣтъ, напротивъ, ничего чуднаго: еслибъ онъ былъ грамотный, видѣлъ свѣтъ— этого бы съ нимъ, конечно, не случилось, замѣтилъ сидѣвній рядомъ, красивый брүнеть, лѣтъ 35, съ очень благообразными манерами.

— А вы видѣли свѣтъ? спросилъ мы брүнета.

— Онъ огонь и воду, и мѣдныя трубы прошелъ, да вотъ здѣсь и застрялъ, подтрунилъ кто-то.

— Расскажи-ка, братъ, еще разъ, гдѣ ты перебивалъ? молвилъ другой.

— Гдѣ-жъ вы, въ самомъ дѣлѣ, бывали то? повторилъ ин.

— Вездѣ. Моя исторія очень длинная, и, если не соскучитесь, такъ ужъ и быть, расскажу.

— Охотно послушаю, если ваша исторія, во 1-хъ, любопытная, а во 2-хъ, не вымышленная.

— То и другое, вѣрите совѣсти, основательно. Я сынъ здѣшняго купца. Кончивъ курсъ въ училищѣ, я, 14 лѣтъ былъ отправленъ отцомъ на корабль за границу, юнгомъ. Добравъ до Лондона, я тамъ и остался: Капитанъ корабля билъ меня и я не хотѣлъ вернуться съ нимъ назадъ. Въ Лондонѣ я жилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ даровыхъ квартирахъ, которыя отыскалъ, благодаря знанію нѣмецкаго языка. Потомъ я начался на корабль, шедшій съ грузомъ въ Америку и вернулся въ Лондонъ черезъ годъ, въ теченіи котораго подучился англійскому языку; потомъ поступилъ на мѣсто — въ контору торговаго дома Томасъ Бонара, и на разныхъ корабляхъ плавалъ, въ теченіе 6 лѣтъ, въ Германию, Индію, Африку и обратно, во Францію и назадъ. Мнѣ было ужъ 22 года, деньжонокъ я скопилъ порядочно и все-таки сталъ скучать; чтобы развеяться — женился на англичанкѣ, пожилъ съ ней два года, но тоска по родинѣ измучила меня и я вернулся въ Ригу, а жена осталась, на время, въ Лондонѣ, при родителяхъ; мы уговорились такъ: если мои родители живы и дѣла ихъ хороши — вышину ее въ себѣ; а нѣтъ, самъ вернусь въ Лондонъ. Бѣда, однако постигла меня совершенно неожиданно, и съ такой стороны, съ какой я менѣе всего ждалъ ее: Общество, за отлучку съ корабля, сдало меня, не въ зачетъ, въ солдаты, тотчасъ по явкѣ моей въ Ригу. Я съ величайшимъ трудомъ прослужилъ годъ и... и не выдержалъ — бѣжалъ; не могъ вынести позора,

что меня выдрали за грубость фельдфебелю, во фронтѣ. Меня, однако, поймали, вновь наказали и сослали въ бывшую тутъ арестантскую роту...

— А скажите пожалуйста: каково тогда жилось арестантамъ?

— Различно. Мы дѣлились на кружки: по денежнымъ средствамъ, по понятіямъ и по поведенію. Кто ничего не дѣлалъ—это мужики, солдаты,—тѣ ходили на инженерныя работы, трудились сверхъ урока и подрядчикъ за это давали имъ на водку; бродя по крѣпости, за крѣпостью и по городу—они собирали, кромѣ того, и милостыню. Кому родные помогали, какъ и мнѣ, тѣ за деньги откупались отъ работъ; чиновнымъ начальство мироводило по разнымъ протекціямъ, да во вниманіе къ тому, что свой своему по неволѣ другъ. День проходилъ за настоящимъ и номинальнымъ трудомъ, а вечерами, ночами и праздниками, въ ротѣ дѣлалось свободно все, что угодно: и кутили, и въ карты играли, и съ женщинами возжались, и даже свои скрипачи, гармонисты были. А иные благородные только считались въ ротѣ, а жили въ городѣ, пиры задавали... Словомъ, всякій могъ найти себѣ утѣшеніе, какое ему нравилось.

— Ну, а объ нравственности арестантовъ наблюдали значить немного?

— Прежде о нравственности арестантовъ никто ужъ не толковалъ, теперь же объ исправленіи всѣ уши прожужжали, а между тѣмъ... между тѣмъ исправленіе нашей нравственности туго подвигается...

Какая-жъ этому, по вашему мнѣнію, причина?

Да причинъ много; но высказывать ихъ мнѣ, открыто не удобно: я долженъ восхвалять начальство за то, что оно сжалилось надо мной и выпустило меня, подсудимаго, изъ карцера, на честное слово.

— Какъ, на честное слово?

— Я далъ честное слово, что буду жить, яко агнецъ, кротко, въ общей казармѣ, и начальство повѣрило мнѣ и освободило меня изъ одиночнаго заключенія.

— А за что вы тамъ содержались?

— Сейчасъ узнаете все по порядку. И такъ отбылъ я въ прежней арестанской ротѣ срокъ благополучно, и вернулся въ полкъ. Командиръ прочелъ мои бумаги и при всѣхъ сказалъ мнѣ: «Тебѣ мѣсто не въ моемъ полку, а на каторгѣ, куда я и постараюсь упечь тебя». «За свой проступокъ я ужъ вынесъ достаточное наказаніе, отвѣтилъ я ему, поэтому вы не вправѣ вновь меня обижать». За это меня тотчасъ-же посадили въ карцеръ, потомъ стали третировать хуже чертъ знаетъ чего. Я не выдержалъ позорной своей роли, сталъ пить и вторично бѣжалъ, былъ пойманъ и сосланъ сюда на 4 года. Тутъ грубое обращеніе, скудное продовольствіе, усиленный трудъ и подстрекательство ходившей къ одному товарищу женщины — вынудили меня опять бѣжать. Ми пришли къ ней, она товарищу, своему возлюбленному, дала одежду, а мнѣ нѣтъ. Я съ нею заспорилъ изъ за одежды, (не въ чѣмъ было улетѣть за границу), она закричала, будто я ее граблю, *) налетѣлъ народъ, насъ схватили и я опять въ казamatѣ очутился... Я съ удовольствіемъ готовъ въ Сибирь, въ каторгу, лишь бы не видѣть родныхъ мѣстъ, гдѣ все мнѣ знакомо, гдѣ каждый шагъ за ворота напоминаетъ мнѣ счастливое дѣтство. Изъ здѣшнихъ оконъ, вонь, я вижу чрезъ рѣку, свой домъ и каждый разъ, какъ взгляну въ ту сторону, я готовъ на какое угодно преступленіе, лишь бы мученіямъ моимъ былъ конецъ. Клянусь вамъ, силъ нехватаетъ

*) Онъ обвинялся въ побѣгѣ изъ роты и грабѣжѣ.

вносить ежедневно, ежечасно, нравственную пытку — быть, арестантомъ, за полверсты отъ родныхъ, отъ своего достоянія. Клянусь вамъ, что все это, вмѣстѣ взято, для меня хуже самой лютой пытки! Пусть меня лучше разстрѣляютъ, повѣсятъ, а не держать тутъ: я хоть сію минуту готовъ умереть...

— Что же съ вашей женой стало?

— Да Богъ ее знаетъ: мы потеряли другъ друга навсегда хотя и очень дружно жили. Впрочемъ, я въ такомъ отчаяніи что мнѣ не до жены ужъ: въ пору собственные несчастія переживать...

XI.

Арестанты иногда бѣгали изъ роты, причеиъ бѣглець изъ лютеранъ, латышей, рѣдко бывалъ пойманъ: приморскіе жители всегда ихъ укрывали. Одинъ, наприиърь, 12 лѣтъ находился въ бѣгахъ, другой съ 1867 по 1871 годъ. И не только жители, даже администрація мирвоила бѣглымъ. Такъ одинъ арестантъ бѣжалъ, былъ пойманъ, въ 1870 г., въ Ригѣ-же, сознался, что онъ арестантъ мѣстной роты, былъ отправленъ по подозрѣнію въ кражѣ лошадей на мѣсто преступленія — въ Митаву, въ кандалахъ, тамъ обвиненіе не подтвердилось и его освободили на волю, но онъ повторилъ кражу и чрезъ нее ужъ вернулся въ роту. Побѣги совершали преимущественно черезъ крышу низенькаго зданія, изъ оконъ; а одинъ ухитрился изъ церкви: въ то время, когда унтеръ-офицеръ, подходя приобщаться, — оставилъ на вѣшалкѣ свою шинель, — арестантъ надѣлъ ее и благополучно ушелъ.

Для собранія большаго количества матеріаловъ, относящихся къ нашему путешествію, намъ пришлось бывать, между про-

чимъ, въ солдатскихъ казармахъ сборной (пересыльной) команды. Придя туда въ первый разъ, мы увидѣли огромную комнату, въ которой находилось человѣкъ 100 солдатъ, валявшихся на голыхъ нарахъ; всѣ говорили громко, отчего былъ слышенъ одинъ лишь безсвязный общій гулъ. Табачный дымъ стоялъ столбомъ. Съ трудомъ отыскавъ бывшихъ арестантовъ, мы, чтобы поговорить съ ними, вызвали ихъ въ корридоръ.

— Ради вы, братцы, своему освобожденію?

— Ради то, конечно, ради, да не совсѣмъ: здѣсь насъ никуда ни на шагъ, до отправки на чулунку, не выпускаютъ: все еще арестантами считаютъ. И чудное это, какъ, подумаешь, дѣло: когда мы еще были настоящими арестантами, насъ посылали однихъ, безъ конвоя, на работы, въ городъ, цѣлый мѣсяцъ въ ряду, а теперь мы ужъ не арестанты, а солдаты, идемъ просто въ полкъ — а насъ держать почитай подъ замкомъ!.. Надо-бы, примѣрно, хоть варешки купить, али сапоги починить, потому дорога дальняя, а они, сапоги-то, плохи,—а тутъ говорить попроси кого-нибудь изъ солдатъ купить, а самъ за ворота не смѣй шагнуть. Вотъ наша воля-то какова. И такъ на всю жисть арестантами и придется намъ кликаться!.. Эхи... ма!..

— Да и быть намъ, кажись, опять арестантами, подхватилъ другой.

— Какъ такъ?

— Да очинно просто: мы всѣ пѣхотинцы, а намъ изъ роты дали вотъ кавалерійскія брюки. Придемъ въ полки, въ этихъ брюкахъ, начальство прикажетъ: чтобы вы имѣли пѣхотныя брюки,—а гдѣ ихъ намъ взять, на какіе доходы купить, коли и гроша у насъ нѣтъ за душой? Ну, и почнутъ насъ шпиговать, прижимать такъ, что по-неволѣ взадъ, въ справительную, вернешься...

Мы пригласили двухъ чай пить въ городъ. Они пошли

просить отпуска, имъ отказали. Мы назвали ихъ родственникомъ, но тоже тщетно: старшій ихъ не уволилъ и потому пришлось бѣсѣдовать съ ними на дворѣ. Черезъ день мы, подъ вечеръ, опять зашли въ сборную команду къ знакомымъ, чтобъ поговорить съ ними еще разъ и дать имъ деньжонокъ на дорогу.

— Будьте отецъ родной—не погубите ваше—ство вдругъ озадачилъ насъ старшій.

— Что тебѣ, дружокъ, нужно отъ меня; въ чемъ дѣло? наконецъ я посторонній для васъ.

— Стало извѣстно, что вы изволили быть тутъ и на-строга приказано держать ухо востро, потому какъ вы тайный левизоръ есть... Ежели, говорятъ, што выйдете—разжалую, да штобъ ресторановъ ни за какія, то ись, блага дальше откожаго не пущать. Простите ваше... голуны я, можно сказать, кровью добылъ и вдругъ разжалуютъ, не пущать въ безсрочный...

— Да я непонимаю, за что намѣриваются тебя обидѣть?

— За васъ-сь, потому какой не порядокъ можетъ за-нѣтите; кормъ, примѣрно, не казистый... тоже зачѣмъ съ ресторанами говорите...

Вѣдняякъ до того былъ напуганъ, что мы съ трудомъ успокоили его; печатаемъ же эту характерную сцену исключительно оттого, что онъ ужъ давно уволенъ, какъ насъ извѣстили, въ безсрочный отпускъ, слѣдовательно находится въ всякой опасности за свои «кровью добытныя» голуны.

ХЦ.

Имѣя въ виду, что солдаты, до осужденія ихъ въ исправительныя роты и по выпускѣ изъ нихъ въ полки, служили

подъ непосредственнымъ начальствомъ офицеровъ, мы не могли, понятно, не интересоваться мнѣніями послѣднихъ, какъ о солдатахъ, такъ и о ротахъ. Мнѣнія эти мы вездѣ слышали совершенно свободныя.

За длиннымъ столомъ гостиницы сидѣло, рядомъ, 6 пѣхотныхъ офицеровъ. Мы помѣстились нарочно противъ нихъ и придумывали, какъ бы рѣчь завести на предметъ нашихъ занятій. Вдругъ къ столу подошелъ молоденькій подпоручикъ и сѣлъ возлѣ насъ.

— Гдѣ вы такъ долго запропастились? спросилъ подпоручика пожилой капитанъ.

— А отгадайте,—биромъ угощу.

— По амурнымъ, разумѣется, дѣламъ; я въ ваши годы тоже спуску не давалъ ни одной, а здѣсь, къ тому-жъ, нѣмочки очень податливы.

Собесѣдники усмѣхнулись.

— Ошиблись, возразилъ подпоручикъ; нынче не прежняя пора, когда офицеры ничѣмъ, кромѣ ловеласничества, не занимались: теперь есть множество вопросовъ, которые именно мы должны способствовать разрѣшить—раціонально.

— Самый жгучій для насъ вопросъ, подхватилъ кто-то, скоро-ли увеличить намъ жалованье, да разрѣшать-ли выдавать его помѣсячно*).

— Ни этимъ ли ужъ вопросомъ вы занимались?

— Нѣтъ, я еще далеко не настолько очерствѣлъ, чтобы всѣ свои помышленія сосредоточить лишь на личныхъ, матеріальныхъ своихъ интересахъ. Я былъ тамъ, гдѣ каждый изъ насъ долженъ часто бывать и внимательно всмотрѣться

*) Въ 1872 г. вопросъ этотъ разрѣшенъ утвердительно.

во все, что тамъ совершается, ради пользы человѣчества, ради служебныхъ нашихъ обязанностей; короче, я былъ въ исправительной ротѣ, въ которую съ трудомъ, сознаюсь, проникъ.

— Ужъ вотъ-то много шуму изъ пустяковъ, рѣшилъ капитанъ. И вы, милый, напрасно,—повѣрьте моей опытности,—увлекаетесь; роты эти не исправляютъ, а развращаютъ солдатъ.

— Почему вы, однако, позвольте узнать, такъ полагаете? спросили мы капитана.

— Потому, что тамъ нашихъ солдатъ содержатъ какъ кадетъ: имъ даютъ казенныя, готовыя подушки, матрацы, одѣяла, бѣлье, завтраки, чай, ихъ водятъ на прогулки, ничѣмъ путнымъ не занимаютъ и все въ этомъ же родѣ, такъ, что солдатамъ въ полкахъ гораздо хуже жить,—по этому они и напрашиваются туда, чтобы лежебочничать.

— Вы это говорите на основаніи личныхъ наблюденій, или по слухамъ?

— Видѣть не видавъ, а слыхалъ отъ разныхъ офицеровъ, которымъ привыкъ, впрочемъ, вѣрить.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте вамъ заявить, что передававшіе вамъ быть арестантовъ въ этомъ розовомъ свѣтѣ—вводили васъ въ крайнее заблужденіе.

— Въ этомъ заблужденіи и я, винюсь, до сегодняшняго дня находился, подхватилъ подпоручикъ. Люди въ ротѣ, съ 4-хъ, 5—утра до 9-ти часовъ вечера непрерывно работаютъ: мастеровые—въ мастерскихъ, а не мастеровые таскаютъ кирпичъ, бревна, пилать доски, вынимаютъ камни изъ воды, вывозятъ на тачкчкхъ, мусоръ, да еще 2—3 часа въ день учатся грамотѣ. Все это я собственными глазами прослѣдилъ.

— Добавьте къ этому вотъ еще что: всякое дѣйст-

віе производить они по командѣ, подъ строгимъ надзоромъ старшихъ; пища ихъ только сносная; въ сумеркахъ они ежевечерно разучиваютъ одни и тѣ же правила; присущей солдатамъ, хотъ незначительной свободы — они окончательно лишены; денегъ они ни копѣйки никогда имѣть не могутъ; а если и добудутъ, путемъ неимовѣрныхъ усилій, какой-нибудь грошъ—они и на него ни выпить, ни покурить,— что составляетъ насущную потребность солдата, — никогда, безъ страха быть за это наказаннымъ—и помыслить не могутъ; ни пѣсню спѣть, ни громко побесѣдовать промежъ себя имъ никогда не позволяется; не только время нахождения въ ротѣ, или за болѣзнью въ госпиталѣ, имъ не считается въ срокъ выслуги на отставку, безсрочный, но и прежняя ихъ служба, какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, пропадаетъ до прещенья штрафа; за проступки вразумляются они сидѣньемъ въ мрачныхъ карцерахъ, на хлѣбѣ и водѣ, и розгами, изгнанными изъ употребленія въ войскахъ, и т. д. въ этомъ же родѣ. Таково-ли, сознайтесь, житье кадетъ въ корпусахъ?

— Разумѣется, нѣтъ. Впрочемъ, хотя-бъ въ ротахъ и во стократъ было хуже, нежели вы говорите, я все таки того мнѣнія, что нашего солдата такими мѣрами не исправишь. Прежде солдаты вели себя гораздо лучше.

— Не оттого-ли ужъ, что прежде въ полкахъ дѣйствовали палки, розги и кулаки?

— И это воздерживало многихъ отъ проступковъ: русскій мужикъ грубъ и словами его никогда не проймешь.

— Во первыхъ, какъ онъ ни грубъ, согласитесь, все-таки не безъ здраваго смысла, заговорилъ подпоручикъ, а во вторыхъ, каковы бываютъ вразумленья: если они выражаются въ видѣ угрозы, брани—они, пожалуй, и бесполезны; но если они имѣютъ характеръ мягкаго наставленія, искренняго внушенія правилъ добра, чести; если они клонятся къ желанію

солдату пользы — самый загроубѣлый человѣкъ отнесется, я убѣжденъ, съ благодарностью къ тому, кто ихъ произнесъ. Мнѣніе это, надѣюсь, и всѣ вы, господа, близко стоящіе къ солдатамъ, отвергать не станете.

— Отчасти вѣрно, пожалуй и такъ, раздалось вокругъ.

— Вы, милостивый государь, стойте за солдатъ потому, что не знаете ихъ, докторальнымъ тономъ произнесъ, обращаясь къ намъ и глядя на подпоручика, тоже пожилой маіоръ; но ежелибъ были на *нашемъ* мѣстѣ — совершенно другое говорили бы; это вѣрно.

— Я хоть и не имѣю чести быть военнымъ, — тѣмъ не менѣе, смѣю вамъ доложить, что я тоже кое-что смыслю въ солдатскомъ бытѣ.

— А позвольте, однако, освѣдомиться, съ кѣмъ имѣемъ честь говорить? спросилъ обидчиво капитанъ; т. е. вашу *чѣмъ* и фамилію?

Мы удовлетворили его любопытство.

— Вывають, надо сознаться, и статскіе, которые не хуже насъ понимаютъ солдатское положеніе, поддержалъ чей-то голосъ.

— Да этого, господа, мало, рѣшилъ подпоручикъ; теперь, въ настоящій моментъ, какой-то статскій, увѣрялъ меня офицеръ исправительной роты, пріѣхалъ изъ Петербурга и ужъ нѣсколько дней сряду бродить по казармѣ, роется въ дѣлахъ и нагналъ на товарищѣ моего чичероне и на него самого страхъ своимъ занятіемъ: небывалая дескать, оказія. Это офицеръ самъ толковалъ мнѣ.

— О чемъ, вонтель чермоокій, ораторствуете? перебилъ подпоручика, подошедшій къ столу артиллерійскій подполковникъ.

— Сообщаю собратамъ вѣсть, что какой-то статскій *чѣмъ*

Петрограда занимается изученіемъ здѣшней нашей исправительной роты.

— Это весьма не дурно: дѣльный и внимательный статскій, если таковъ тотъ, о которомъ вы говорите, можетъ внести новую, освѣжающую мысль въ нашъ военный міръ. Еще что?

— Да которая система исправленія порочныхъ солдатъ лучше: прежняя-ли, карательная, или теперешняя — исправительныя роты?

— Безъ сомнѣнья, нынѣшняя, отвѣтилъ подполковникъ, уже серьезно.

— Почему? спросили капитанъ и маіоръ въ одинъ голосъ.

— Потому, что соотвѣтствуетъ духу времени, общечеловѣческому прогрессу.

— А я добавлю, потому еще, заговорилъ подпоручикъ, что съ уничтоженіемъ вѣрнопостнаго права, тайнаго суда, съ дарованіемъ гражданамъ различныхъ льготъ, намъ — *собственно* суда, — явилась необходимость возвысить хоть нѣсколько и солдатъ; и, ежели это доселѣ еще плохо исполнено, — то этому мы виноваты: во 1-хъ, мы сами еще не вполне просвѣтились, а во 2-хъ, не достаточно старались передать солдатамъ долю своихъ знаній. Мы напримѣръ, немногое предпринимали противъ того, что возвращающихся изъ исправительныхъ ротъ солдатъ, ихъ товарищи, по невѣжеству, зовутъ арестантами, унижаютъ ихъ, иные и изъ насъ, дѣлая то же самое, подчиняютъ ихъ худшимъ по поведенію солдатамъ, держатъ въ ежовыхъ рукавицахъ, т. е. вторично наказываютъ за одно и то же прегрѣшеніе. Наконецъ, и въ исправительныхъ ротахъ надъ арестантами начальствуютъ, какъ я замѣтилъ, старые, неразвитые офицеры, а вливать новое вино въ старые мѣхи —

значитъ портить самое вино,—прекрасную пенитенціарную систему.

— Такъ какъ, по вашему, подпоручикъ, мнѣнью, не только мы, но и исправительныхъ ротъ офицеры не хороши,— и такъ какъ вы обладаете талантами на все великое, то вамъ бы слѣдовало не оставаться среди насъ, а перейти въ роту, исправлять арестантовъ, сдѣлаться новымъ Мессіей, насмѣшливо молвилъ маіоръ и оглядѣлъ собесѣдниковъ, съ видимымъ желаніемъ услышать ихъ одобреніе, но напрасно: всѣ молчали.

— Съ удовольствіемъ пошелъ-бы, продолжалъ храбрецъ, еслибъ меня назначили, и принесъ-бы, надѣюсь, пользу человѣчеству. Жаль только, нѣтъ никого, чрезъ кого могъ-бы хлопотать о переводѣ. И содержаніе офицерамъ, помните, тамъ вѣдь лучше нашего, добавилъ онъ съ ироніею.

— Обижаться, господа, правдою нечего, произнесъ подполковникъ. Я самъ раздѣляю мнѣнью юнаго оратора о цѣли, которой мы современемъ достигнемъ съ помощью исправительныхъ ротъ; говорю «современемъ», потому что сразу ничего, радикально, нельзя передѣлать, а во всякой реформѣ необходима постепенность, выдержка, и покуда реформа окончательно привьется, окрѣпнетъ,— неизбѣжны и промахи: это удѣлъ всякаго переходнаго времени, въ какомъ теперь находится и тюремная наша реформа. Мало того: у меня въ батареѣ есть три солдата, бывшіе на исправленія въ этой ротѣ, и я, по совѣсти, заявлю вамъ, что они ведутъ себя безупречно, тогда какъ до отправки ихъ въ роту были отчаянные сорванцы.

— Прежде чѣмъ, господа, обвинять меня и чтобы получить настоящее понятіе объ исправительныхъ ротахъ—сообщу вамъ побывать въ ротѣ и хорошенько приглядѣться къ тамошнему житью-бытью арестантовъ.

— Охотно, только какъ это сдѣлать?

— Да попросимъ полковаго командира, чтобы добылъ намъ дозволеніе обозрѣть роту.

— Идетъ! раздалось нѣсколько возгласовъ.

— А то чтожь мы, въ самомъ дѣлѣ, споримъ, не зная толкомъ, о чемъ, заключилъ капитанъ. Я хоть и не рассчитываю переменить своего мнѣнія о солдатскихъ наказаніяхъ,—но тоже иду съ вами, господа, въ роту: не даромъ же за компанію и жидъ удавился.

Всѣ представители Марса встали и пошли изъ гостиницы. Мы тоже послѣдовали за ними и, къ сожалѣнію, больше ужъ не видали никого изъ нихъ: чрезъ трое сутокъ полкъ отправился на зимнія квартиры, въ другія мѣста.

ДИНАБУРГСКАЯ

ИСПРАВИТЕЛЬНАЯ РОТА.

I

Два часа ночи. Поѣздъ Рижской желѣзной дороги остановился на динабургской станціи. Добывъ свой багажъ, мы стали нанимать извозчика въ крѣпость,—но никто изъ нихъ, къ изумленію нашему, туда не хотѣлъ ѣхать.

— Отчего? допытывались мы отъ извозчиковъ.

— А рази мой зись такъ дешовъ? въ свою очередь спросилъ насъ извозчикъ еврей.—По дамбу вбѣютъ. Нихай вотъ онъ, русская, ѣдетъ.

— И я, баринъ, въ крѣпость не поѣду, хотъ положъ пять цалковыхъ, потому не равенъ часъ: дорогой туда пошлывають.

— Что-же полиція смотреть на вашихъ шалуновъ?

— Якая у насъ, баринъ, полиція? фиръ бутешникъ. Ночь спать надо. Хи-хи-хи!...

— Да ежелибъ и не спали наши бутыри—имъ съ шалунами и тогда не совладать: этихъ съ десятокъ всего на все, а тѣхъ—сила, ну и вольготно озорничають.

Дѣлать было нечего, мы наняли въ городъ, въ гостин-

ницу. Тронулись. Ни гдѣ низги не видать было, все спало мертвымъ сномъ. Вдругъ лошадь стала.

— Это что значитъ?

— Извѣстно што — грязь, отвѣтилъ извозчикъ. Штобъ тебя провалъ взялъ! Сбился, стало быть, съ дороги, а у насъ въ грязи, вѣрите-ли, сударь, утонуть впору посередь улицы. О охъ-хо-хо!...

Онъ осторожно слѣзъ съ козелъ, взявъ лошадь за узду и кое-какъ разшевелилъ ее. Поѣхали дальше.

— Поѣжай, вонъ, на огонь: это, вѣрно, гостинница, молвили мы, завидѣвъ издали мерцанье фонаря.

— Надо-жь грѣху случиться — фонарь забылъ взять изъ дома, а то бы разглядѣлъ, куда ѣду. Мы завсягды со своими фонарями ѣдимъ ночью: городскихъ Митькой звали.

— Караулъ, грабятъ! караулъ, разбой! внезапно прозвенѣло у насъ въ ухахъ близъ гостинницы.

— Не трожь ореть, замѣтилъ извозчикъ, звать колошмятять.

— Что вы кричите? спросили мы, поровнявшись съ гостинницею и увидѣвъ пожилаго человѣка въ военномъ пальто, безъ погонъ и въ фуражѣ съ кокардою.

— Вотъ изволите видѣть, отвѣтилъ кричавшій, всего избили. (По лицу его сочилась, мѣстами, кровь). Вы, если желаете жить — не ночуйте тутъ, предупреждаю васъ, продолжалъ онъ. Я, отставной капитанъ Ц—чъ, чествомъ въ этомъ увѣряю васъ.

— Да куда-же мнѣ дѣваться-то?

— Куда-нибудь, только тутъ не останавливайтесь: это разбойничій вертепъ.

— Вреть онъ, скотъ! не слушайте его, господинъ: у насъ отлично квартировать, заговорилъ выскочившій на подѣздъ мужчина.

— А кто избилъ этого господина?

— Да этотъ пьяница разбилъ у насъ посуду, а платить за нее отказался, ну ребята и попоштовали его за это самое, чтобъ помнилъ.

— Какъ-же ваши ребята смѣли его бить, вѣдь онъ капитаномъ называется.

— А што, што капитанъ? намъ все единственно. Это пьянчужка, ну и церемониться съ нимъ не стоитъ. Пошелъ прочь отседа! закричалъ онъ на капитана, а то смотри!... Заушу, гадина этакая!

— Слышите, слышите, какъ съ русскимъ капитаномъ поступаютъ?! обратился къ намъ Ц—чъ. Заступитесь пожалуйста!

— Извините: мнѣ не до васъ. Ступайте въ полицію жаловаться.

— А!.. такъ тебѣ «не до васъ». Понимаю... И это русскій дворянинъ... Такъ помни-же мое слово: переломаютъ и тебѣ всѣ ребра. Караулъ, караулъ!... пуще прежняго заоралъ Ц—чъ, во все горло, потому что половые стали его толкать.

Забравшись въ номеръ, мы заперлись извнутри и расположились было спать, но уснуть долго не могли: окровавленная фізіономія Ц—ча такъ и стояла предъ нашими глазами...

II.

Открылась динбургская рота 29 ноября 1867 г., внутри крѣпости (за 3 почти версты отъ города), въ Константиновской, № 49, казармѣ, которую прежде занимали пополамъ: мѣстная арестантская рота и полтора баталіона регуляр-

ныхъ войскъ, приходившихъ сюда для отправленія караульной службы. Казарма состоитъ изъ длиннаго трехъ-угольнаго и трехъ-этажнаго каменнаго, отличнаго зданія, расположеннаго крайнимъ къ задней части крѣпостнаго вала. Снаружи зданіе выглядитъ обыкновенною казармою: ограды, острогамаъ свойственной, не было; предъ длиннымъ переднимъ фасадомъ—платформа гауптвахты; окна съ продолговатыми и довольно узкими стеклами и рѣшетками. Всѣхъ входовъ въ зданіе было три: рядомъ съ платформою, съ плаца и со стороны крѣпостнаго вала; первые два съ обыкновенными дверьми—парадные, а послѣдній—изъ воротъ—такъ называемый, черный; первый входъ велъ въ камеры, арестантами занимаемыя: второй—въ квартиры начальства роты, да въ ротную канцелярію, а послѣдній—во дворъ. У первыхъ-же двухъ входовъ стоялъ всегда часовой изъ числа караульныхъ, днемъ при тесахъ, а ночью съ ружьемъ; чрезъ послѣднія деревянныя ворота преимущественно только въѣзжали, и потому онѣ почти постоянно были затворены. Задняя часть зданія одно-этажная—состояла изъ сараевъ, бани, кузницы, слесарной и т. п. Дворовъ, разгороженныхъ высокимъ, деревяннымъ частоколомъ, было три; назывались они: 1-й—унтеръ-офицерскимъ, 2-й—испытуемаго, а 3-й—исправляющагося разрядовъ. По срединѣ средняго, въ нашу бытность въ Динабургѣ, приспособляли, на подмосткахъ, огромной величины чанъ, въ который набирали изъ проведеннаго туда водопровода воду; ни въ комнаты, ни въ кухни вода прямо не проходила, какъ въ Ригѣ, а ее носили изъ чана туда ведрами. Ни звонковъ при входахъ, ни свистковъ при унтеръ-офицерахъ, тутъ ужъ не было; точно также не было, къ сожалѣнію, и гимнастическихъ принадлежностей. Въ нижнемъ этажѣ—со входа съ плаца—помѣщались унтеръ-офицеры, ихъ кухни, столовая и кладовая; въ послѣдней, въ

ящикѣ, разгороженномъ на клѣтки лежали, порознь, насыпанныя, мука, крупа и проч. Двѣ длинныя комнаты унтеръ-офицеровъ были опрятны: имѣлись столы, кровати, застланныя *сѣрми* суконными одѣялами, каковыми не располагали унтеръ-офицеры рижской роты. Во второмъ этажѣ жили старшіе помощники начальника роты, да, кажется, секретарь, а въ третьемъ—самъ начальникъ роты и канцелярія. Далѣе, съ платформы, внизу: направо—карауль, направо—складъ, а прямо вверхъ, ступенекъ черезъ 10, входите, чрезъ желѣзныя двери, въ корридоръ, а изъ него, въ разныя стороны, въ камеры арестантовъ испытуемаго разряда.

Помѣщенія разрядовъ совершенно отдѣлены были другъ отъ друга, и люди въ нихъ состоявшіе, лишены, судя по расположенію помѣщенія, всякой возможности сообщаться между собою въ *самомъ* зданіи. Въ нижнихъ подвальныхъ этажахъ помѣщались, по разрядамъ-же, кухни и столовыя, въ однихъ и тѣхъ-же комнатахъ; столярныя, плотничныя, складъ лѣса и т. п. Во второмъ этажѣ камеры заняты были портняжными и сапожными мастерскими, въ которыхъ сидѣло около каждаго стола человекъ 10—12, а за каждымъ верстакомъ 6—8 человекъ. Потолки во, 2 и 3 этажахъ были деревянные, отчего въ верхнихъ этажахъ зимою, передавали намъ, холодновато: образующіяся въ сохнувшихъ доскахъ щели тянутъ вверхъ тепло. Стѣны выкрашены были, полъ вымытъ бѣло, а подоконники ярко лоснились: они, выкрашенные краскою, натирались сверху *воскомъ*. Лоскъ подоконниковъ добывался ежедневнымъ, утромъ, стираниемъ съ нихъ: сперва тряпкою пыли, потомъ натираниемъ *воскомъ* и въ заключеніе—пробками.

Комнатъ въ разрядахъ было: испытуемомъ—12, а исправляющемся—14; отчего не только люди размѣщены были

весьма просторно, — но еще нѣсколько комнатъ было свободныхъ: въ нихъ предполагалось устроить коморки для ночныхъ разъединеній. Въ большинствѣ комнатъ имѣлись большія, кое-гдѣ даже стоячія кюти со множествомъ неопѣнаслѣдствомъ арестантовъ упраздненной роты. Въ комнатахъ, на сплошныхъ нарахъ лежали, свернутые трубами, такіе-же, какъ въ Ригѣ, соломенники, на нихъ набитыя соломкою-же подушки, на послѣднихъ свернуты симметрическимъ четырехугольникомъ сѣрмя одѣяла, а на нихъ, по срединѣ, арестантскія шапки. Воздухъ вездѣ былъ свѣжій. Отхожія мѣста также чисты какъ камеры, причемъ и подоконники и въ нихъ блестяли отъ наведеннаго лоска! Приученіе людей къ опрятности — дѣло, конечно, похвальное, но курьезное патрнаніе подоконниковъ — непронзводительный трудъ, который слѣдовало бы отмѣнить, хотя начальство и считало этотъ лоскъ одною изъ главныхъ своихъ заслугъ...

На приспособленіе зданія ассигновано 34,000 руб., изъ нихъ отпущено въ 1869—71 г. по 10,000 р., всего 30,000 р.; такъ что, въ 1872 г., оставалось добавить 4,000 р. на постройку ночныхъ разъединеній, по изготовленіи конхъ зданіе должно было быть совершенно устроено.

III.

Вставали арестанты, въ сентябрѣ, напр., 1871 г., въ 4 часа утра, убирали камеры, умывались, молились, шли въ столовую, сѣдали по куску хлѣба и потомъ переходили испытуемые—въ классъ, а исправляющіеся—въ мастерскія, полнымъ составомъ, за исключеніемъ такъ называемыхъ уборщиковъ, до 60-ти человѣкъ, которые оставались въ казармѣ жарулить арестантское добро. Далѣе, отсидѣвъ два часа въ

классѣ, люди переводились въ мастерскія и работали тамъ обыкновенно до 11½ часовъ; потомъ въ 12 часовъ всѣ отправлялись, въ два раза, въ столовую—обѣдать, по словесной командѣ, а не съ боемъ въ барабанъ, какъ установлено 69 ст. положенія. Послѣ обѣда исправляющіеся отправлялись, на два часа въ классъ, а испытуемые въ мастерскія, куда являлись по мѣнованіи двухъ часовъ, и исправляющіеся, и всѣ работали тамъ до ужина, а поужинавши—возвращались въ свои камеры, переключались, шли отдѣленіями (въ испытуемомъ 10, а въ исправляющемся 11) молитвы и въ 9 часовъ ложились, наконецъ, спать. Вотъ весь будничныи день.

Праздничныи же день рознился отъ будничнаго тѣмъ, что утромъ вставали немного позже, убирались, безъ завтрака, чинили свою одежду, выслушивали молебень, обѣдали, шли въ классъ, послѣ опять исправляли свою одежду или надобности по ротному хозяйству, и, наконецъ, отдыхали нѣсколько, ужинали и ложились спать.

На продовольствіе арестантовъ полагается паякъ муки, крупы, на соль 60 коп. въ годъ на человѣка, на приварокъ 2½ коп. въ сутки, а въ добавокъ къ этому овощи съ казеннаго огорода, занимающаго 10,950 квадр. саж. Овощей собрано было:

	Въ 1869 году.	Въ 1870 году.	За 1871 г.
Капусты. . .	3,809 ведеръ.	2,289¼ ведра.	свѣдѣній
Бураковъ . .	328 пудовъ.	162 пуд. 20 фун.	не оказа-
Картофеля.	38 четвер.	28 четв. 5 четв. 5 гарн.	лось.

На сумму 949 р. 15 к.

860 р. 15¼ к.

Варили пищу, въ скоромные дни, въ обѣдъ для всѣхъ съ говядиною, а въ ужинъ съ саломъ жидкую кашницу; горячая пища ввусомъ была лучше, нежели въ Ригѣ.

Хлѣба арестанты ѣли въ столовой сколько кто хотѣлъ,

т. е. выпекаемые караван рѣзали на куски и подавали на столъ. Порядкомъ этотъ, говорило начальство, невыгоденъ: съѣдали, случалось, больше 3 фунт., положенныхъ на челобѣка въ день. На вопросъ-же: какимъ способомъ покрывался переѣдъ,—мы получили отвѣтъ—«казною-же»: провіантъ всегда требуется *впередъ* на мѣсяцъ, и когда не доставало хлѣба—брали изъ магазина, въ счетъ будущаго требованія, муку, пекли хлѣбъ и ѣли его, а потомъ, при слѣдующей нехваткѣ, поступали такимъ-же точно порядкомъ и т. д. Намъ, напротивъ, кажется, что если и бывалъ переѣдъ—онъ долженъ покрываться припекомъ, по казенному правилу, тѣмъ болѣе, что люди почти всѣ вели сидячую жизнь, слѣдовательно, больше 3 фунт. врядъ-ли въ состояніи были съѣсть.

На многихъ арестантахъ сѣрыя куртки были съ черными рукавами и такимъ-же четырехугольнымъ знакомъ на спинѣ—тоже наслѣдство бывшихъ арестантовъ арестантской роты. Куртки эти донашивались.

Въ баню, на дворѣ-же выстроенную, арестанты ходили дважды въ мѣсяцъ. Въѣщалось въ банѣ сразу не болѣе 50 челобѣкъ, а потому мылись въ ней по-очередно: одну субботу—испытываемые, а другую—исправляющіеся, а чтобы разрядъ успѣлъ перемыться въ одинъ разъ, арестантовъ торопили, не давали имъ проклажаться, тѣмъ болѣе, что послѣ нихъ мылись офицеры, унтеръ-офицеры: въ крѣпости другой бани нѣтъ, а въ городъ далеко отправляться свободнымъ лицамъ. Котлы въ банѣ были небольшіе и потому воду едва успѣвали нагрѣвать. Вѣшниковъ давали по 5—6 на 10 челобѣкъ, а охотниковъ париться много, ну и не мудрено, что случались недоразумѣнія изъ-за вѣшниковъ. Цифра денегъ на мыло, вѣшники и дрова для бани отпускалась,

какъ въ рижской ротѣ, малая: $1\frac{1}{7}$ коп. на человѣка на разѣ.

И такъ, существованіе арестанта, кромѣ содержанія начальства, помѣщенія и отопленія, обходилось казнѣ: на мясныя и рыбныя порціи 10 руб. $52\frac{1}{2}$ коп., мука 18 руб., крупа 1 руб. 7 коп., соль 60 к., баня, мыло и вѣники $28\frac{1}{2}$ к. обмундированіе 4 руб. $24\frac{3}{4}$ коп., бѣлье: носильное—1 руб. 52 коп., постельное и полотенца—1 руб. 48 коп., обувь. 6 руб. $30\frac{1}{4}$ коп., освѣщеніе камеръ и лѣстницъ 7 коп., итого 43 руб. 10 коп. въ годъ.

IV.

Мастерскія роты, открьшіяся въ 1868 году, судя по официальнымъ бумагамъ, представляются въ слѣдующемъ видѣ. Работало мастеровыхъ:

	Въ 1868 г.	Въ 1869 г.	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.
Сапожниковъ	122 челов.	59 челов.	53 челов.	89 челов.
Портныхъ	98 .	70 .	57 .	110 .
Плотниковъ	40 .	8 .	40 .	— .
Столяровъ	11 .	40 .	13 .	21 .
Шорниковъ	8 .	2 .	3 .	2 .
Бондарей	5 .	3 .	2 .	2 .
Слесарей	6 .	6 .	5 .	12 .
Кузнецовъ	6 .	5 .	5 .	4 .
Ръзчиковъ	4 .	— .	— .	2 .
Маляровъ	5 .	4 .	6 .	3 .
Печниковъ	4 .	6 .	4 .	— .
Пильщиковъ	5 .	5 .	5 .	8 .
Штукатуровъ	4 .	8 .	4 .	3 .
Бровальщиковъ	1 .	— .	— .	— .
Кожевниковъ	4 .	— .	4 .	— .
Перешметчиковъ . . .	3 .	2 .	4 .	2 .

	Въ 1868 г.	Въ 1869 г.	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.
Фельдшеръ	1 челов.	3 челов.	— челов.	— челов.
Часовыхъ дѣл маст.	1 .	— .	— .	— .
Золотыхъ	1 .	— .	— .	— .
Оружейниковъ	1 .	1 .	1 .	— .
Каменьщиковъ	— .	— .	1 .	— .
Бѣльщиковъ	— .	— .	2 .	1 .
Шдниковъ	— .	— .	2 .	3 .
Бронзовниковъ	— .	— .	1 .	— .
Обойщиковъ	— .	— .	— .	2 .
Токарей	— .	— .	— .	2 .
Колесниковъ	— .	— .	— .	1 .
Крючечниковъ	— .	— .	— .	1 .
ИТОГО	295 челов.	184 челов.	176 челов.	263 челов.

Заработали всѣ эти люди: въ 1868 году—2,088 р. $\frac{3}{4}$ к., въ 1869 г.—4,144 р. 8 коп., въ 1870 году—1,707 р. 46 к., а въ 1871 году—5,497 руб. 72 $\frac{1}{4}$ коп. Изъ сихъ цифръ слѣдуетъ сбросить деньги: а) истраченные на инструменты и матеріалы: въ 1868 г.—148 руб. 5 к., въ 1869 году—177 р. 93 коп., въ 1870 году—446 руб. 35 $\frac{1}{2}$ к.; въ 1871 году—228 р. 2 к., да на покупку лампы, для освѣщенія мастерскихъ,—425 р. и на версинъ—220 р. 94 к., всего 878 руб. 96 коп.; б) отчисленные 10% въ пользу арестантовъ: въ 1868 году—54 р. 48 коп., въ 1869 году—526 руб. 56 коп., въ 1870 г.—158 р. 20 $\frac{1}{2}$ к., въ 1871 г.—523 р.; т. е., считая полученными заработкомъ всѣхъ выше перечисленныхъ, приходится: въ 1868 году на 295 чел. 54 р. 48 к.—по 21 к. съ дробью на каждого; въ 1869 году на 184 человекъ—526 р. 56 к.—по 2 руб. 86 к. съ дробью на человекъ, въ 1870 году на 176 чел. 158 руб. 20 $\frac{1}{2}$ коп.—по 89 коп. съ дробью, а въ 1871 году—на 263 чел. 523 р. по 2 руб. 78 $\frac{1}{2}$ коп. на каждого рабочаго въ годъ. За исключеніемъ, такимъ образомъ, указанныхъ расходовъ, оставалось-бы ба-

рышомъ ротѣ въ 1868 г. — 1,885 р. 47³/₄ к., въ 1869 г. — 3,439 р. 59 к., въ 1870 г. — 1,102 р. 90 к., въ 1871 г. — 4,100 р. 76¹/₄ к., итого 10,528 р. 74¹/₂ к., но изъ капитала, имѣвшагося въ наличности къ январю 1870 года, удѣлено начальству роты вознагражденіемъ за ихъ трудъ, согласно 3 п. 101 ст. положенія, 792 р. 70 к., и въ 1871 г. — унтеръ-офицерамъ — 136 руб., итого 928 руб., 70 коп., такъ, что спеціальная сумма получила чистой выгоды отъ трудовъ 918 челов.—9,600 р. 8¹/₂ к., т. е. по 10 р. за человека. Кромѣ того по приспособленію казармы въ 1870 году сработали на 2500 р. Сложивъ 9600 р. 8¹/₂ к. и 2,500 р., получится выгоды 12,100 р. 3¹/₂ коп. Выгода эта значительно увеличилась бы, еслибъ прибавить заработокъ, приспособившихъ въ 1868 году, казарму 30 челов. и стоимость труда ходившихъ въ 1868—1870 г. на инженерныя работы отъ 100 до 200 челов. въ день, — но, въ сожалѣнію, въ ротѣ не оказалось никакихъ объ этомъ цифровыхъ данныхъ и потому не рѣшаемся дѣлать выводовъ гадательно.

На продажу въ мастерскихъ роты ничего не производилось, за отсутствіемъ, будто-бы, покупателей; *солдаты* людямъ, преимущественно женамъ инженеровъ, интендантскимъ и другихъ вѣдомствъ офицерамъ, чиновникамъ, чинили и шили обувь. Малые заказы (на рубли) принималъ офицеръ, завѣдывавшій мастерскими, условливался въ цѣнѣ, и потомъ, докладывая о нихъ начальнику роты, принимавшему лично заказы на значительныя лишь суммы. Цѣны опредѣлялись не по однажды установленной таксѣ, а *всякій разъ* по взаимному соглашенію заказчиковъ съ принимающими, отчего нерѣдко упускались самые заказы: покуда вычисляли стоимость предметовъ, проходило не мало времени и заказчики предпочитали имѣть дѣло съ вольными мастерами.

Для записки заказовъ велась особая книга, въ которой

писалось: на одной страницѣ—что и за сколько заказано, а противъ нея—на другой расходъ матеріала; то и другое свидѣтельствовалось подписью начальника роты. Главную доходную статью роты составляли портняжная и сапожная мастерскія, а постоянною заказчицею для этихъ двухъ мастерскихъ являлась военнаго же вѣдомства мѣстная обмундировальная мастерская. Шли арестанты солдатскіе шинели и сапоги; неумѣвшіе выучивались хорошо шить скроенныя шинели въ 1—2 мѣсяца, а сапоги (переда вытягивались на машинѣ, а голенища стачивались въ самой мастерской) въ 3—4 мѣсяца; мастеръ съ ученикомъ изготовляли въ недѣлю—3—5 шинелей и 3—5 паръ сапоговъ; для тащанія рукавовъ и строчекъ на шинеляхъ—мастерская снабдила роту 3 машинами. Работали на урокъ. Въ этихъ, какъ равно и въ другихъ мастерскихъ, были старшіе изъ арестантовъ, свидѣтельствовавшіе доброкачественность работы, до сдачи ея по принадлежности.

Въ нѣкоторыя мастерскія входъ былъ прямо со двора. Обстоятельство это отчасти оправдывало факты о томъ, что арестантамъ иногда удается выпить водки. Такъ, ко двору казармы приближался, разъ, солдатъ съ ружьемъ, которое онъ несъ чрезвычайно бережно, видимо стараясь, чтобы оно и не шелохнулось. Глядя на него сзади, намъ вдругъ явилась мысль: нѣтъ-ли въ ружьѣ чего-либо запретнаго?

— Что ты, служба, такъ осторожно несешь ружье? спросили мы его, поравнявшись съ нимъ. Вѣдь оно желѣзное; не разобьется.

— Не твою ума это дѣло, рѣзко отвѣтилъ онъ, и смутился. Несу ружье въ починку; вотъ тебѣ и весь сказъ.

— А въ ружьѣ-то, скажи пожалуйста, что? Двугривенный дамъ.

— Убирайся ты ко всемъ чертямъ со своимъ двугривеннымъ, возвысилъ онъ голосъ и ускорилъ шаги.

— Ну, два двугривенныхъ возьми, да только растолкуй: мнѣ это очень любопитно.

— Ишь тебя забираешь-то какъ! Отскочишь: эва невидаль—2 двугривенныхъ! Ступай своей дорогой.

— Мнѣ съ тобой по пути въ роту, и потому, покада не узнаю, отчего ты такъ осторожно несешь ружье,—не отстану. Три, четыре двугривенныхъ получи, а удовлетвори, сдѣлай милость, мое любопитство.

— Говорать тебѣ, ничего нѣтъ въ ружьѣ, чего-жъ ты, какъ банный листъ, прилипъ ко мнѣ? Тьфу ты, пропасть этакая!

— Рубль, вотъ, бумажку дамъ, только не бранись, а позволь дознаться. Вѣдь рубль хорошая цѣна?

— Н-да... конечно. Ну, давай бумажку, такъ ужъ и быть, дезнавайся. Чуръ только, поклянись, што никому меня не выдашь.

— Изволь. А какъ влесться?

— Да говори: штобы черти все мои потрохи сожрали, коли ежель я кому промолвлюсь...

— О чемъ?

— Ну, про водку, что въ ружьѣ.

— Ладно. Для меня, однако, братъ, мало, что ты говоришь «водка»:—мнѣ въ этомъ самому надо убѣдиться—посмотрѣть, какъ и кто ее будетъ пить. Поэтому я ужъ за тобой пойду до конца. Деньги ты получилъ, молчать я должень, стало быть и остерегаться меня ужъ нечего.

— Въ провозатке я тебя, архаровца, вовсе-бы не ждалъ имѣть,—ну, да видно дѣлать нечего: иди!

Мы дошли, балаяничая, до одной изъ мастерскихъ во дворѣ. Я пропустилъ солдата впередъ, а самъ издали сталъ

наблюдать и увидѣвъ, что едва онъ перешагнулъ порогъ— какъ арестанты бросились къ нему. Я поспѣшнѣе туда же и произвелъ нѣкоторое замѣшательство: арестанты струсли было, увидѣвъ меня, имъ уже извѣстнаго человека. Я посоветовалъ имъ не стѣснаться меня, а дѣлать скорѣй, что имъ нужно. Одинъ нагнулъ ружье, другой вынулъ немного изъ дула и взялся за ружье; товарищъ повторилъ ту-же операцию. Тогда, желая лично проверить слыханное, — и тоже приложился въ дулу и узналъ, что въ немъ дѣйствительно была водка. Потомъ еще трое вынули, очередуясь съ товарищами до конца, такъ, что во всю длину пустаго ствола, входить, по словамъ арестантовъ, около полштофа. Въ заключеніе, солдатъ понесъ обратно ружье, чрезъ дворъ, ворча во всеуслышаніе: «еще мастера, а нутра справить не могутъ».—Подобнымъ же способомъ мнѣ удалось узнать, что за крѣпостью, во рву, есть колодезь, куда арестанты ходили за водою, а близь того колодца стоялъ всегда часовой изъ артиллеристовъ, который въ указанномъ мѣстѣ припасалъ нѣкоторымъ арестантамъ, въ особенности изъ артиллеріи, табакъ, на деньги, вкладываемыя арестантами подъ условленный камень.

Платила обмундировальная мастерская ротѣ, въ 1869 и 1870 г., за шитье шинели 11³/₄ к., гѣтчикъ брюкъ—5 коп., мундира 8 коп., пары сапоговъ 11³/₄ коп., а съ 1871 года надбавила плату за шинель до 16 к., за сапоги до 20 к.,— Между тѣмъ, въ той-же швальнѣ работали ежедневно: мундиръ—солдаты, присланные изъ различныхъ частей войскъ до 150 чел., да отъ 80—100 вольныхъ мужичиъ, женщинъ, дѣвочъ и мальчишекъ. Этимъ вольнымъ людямъ мастерская платила: за шинель—28 коп., за сапоги—30 коп., за брюки 10—18 коп., за бахилы 1 коп. Значительная разница въ платѣ за одинъ и тотъ-же трудъ арестантовъ и вольныхъ

людей происходила отъ того, убѣрали насъ, что вѣдннше людямъ надо, на получаемое вознагражденіе, ннть квартиру, продовольствіе и проч., а арестанты живутъ на *своемъ*. Также точно поступали артиллерійскій и инженерный арсеналы, давая вольному мастеру по 80—90 коп., а на арестанта, когда ихъ брали, и те въ маломъ, почему-то, числѣ работать—по 40 коп. въ день. Съ одной стороны, взглядъ этотъ, безусловно, весьма гуманенъ,—но за то, съ другой нераціоналенъ: мастерская не филантропическое, а въ этомъ отношеніи чисто коммерческое учрежденіе, задача котораго равномерно вознаграждать *достойный* трудъ, чей-бы онъ ни былъ. Противъ этого возражали, что арестантская работа хуже вольной: они дѣлають все, дескать, зря, лишь-бы съ рукъ сошло. И этотъ аргументъ не выдерживаетъ, какъ мы сейчасъ докажемъ, серьезной критики. Если арестанты работаютъ *по-мелкомъ*,—то вѣдь и вольные люди работаютъ *не ради удовольствія*, а по крайней нуждѣ въ средствахъ къ пропитанію; а такъ какъ трудъ ихъ вознаграждался *по-штучно*,—то и ихъ стремленія были направлены, главнѣе всего, къ тому, чтобы изготовить побольше отдѣльных предметовъ и получить за нихъ сколько возможно большее же матеріальное вознагражденіе; слѣдовательно, они торопились а въ этомъ случаѣ малая, разумѣется, ожидать взаимной, аккуратной отдачи и отъ нихъ, точно также, какъ и отъ арестантовъ, съ которыми они находились въ одинаково почти грозныхъ условіяхъ; свободному человѣку, за плохую работу,—отказали въ ней, а арестантовъ сажали, за такого же рода дѣяніе, въ карцеръ, причѣмъ штрафы этотъ отдалялъ переводъ ихъ въ исправляющіеся и выходъ изъ заключенія. Относительно рогныхъ мастерскихъ существовала, наконецъ, и другая еще аномалія: еврей бралъ въ виленскомъ интендантствѣ подрядъ на поставку колевъ

— Вы сидите здѣсь въ наказаніе, а въ наказаніи этомъ заключается, между прочимъ, и лишеніе тѣхъ удобствъ, лакомствъ, какія вы могли-бы имѣть на волѣ; такъ за что-жъ васъ еще награждать?

— А за *особливое*, примѣрно, стараніе. Иной разъ такъ сильно хочется селедочки поѣсть, что кажись-бы недѣлю за это, не разгибаясь, просидѣлъ-съ.

— На всякое, братецъ, хотѣніе бываетъ терпѣніе, подтруниль другой. Ты это помни. А работать усердно долженъ и такъ, потому за что-же тебя казна кормить и возжается съ тобой? Зазнались мы, вотъ я что, по правдѣ скажу: прежде вонъ, бывало лупятъ, за все, про все, въ хвостъ и гриву, а нынѣ сюда шлютъ только; а тутъ еще грамотѣ учатъ, стараются добромъ выбить изъ нашей головы дурь, и того намъ мало. Забылъ, нешто, что батюшка вчера говорилъ, въ классѣ, про исправленье? Мы, ей-Богу, безчувственныя!

— Пошелъ ужъ тараторить! Знаемъ мы, куда ты гнешь.

— То-то, знай край, да не падай. Терпѣть не могу неправды, да канюченья. Дебоширимъ, бѣгаемъ, пьянствуемъ, воруемъ, да еще холь насъ за это? Нѣтъ: насъ надо въ бараній рогъ согнуть!...

Возбудить въ арестантахъ искреннюю охоту къ труду не трудно, думается намъ, то же малыми и очень простыми способами: при переводѣ испытуемыхъ въ исправляющіеся принимать въ *серьезное* вниманіе степень ихъ трудолюбія и насколько они научились ремеслу; объ отлична работающих исправляющихся ходатайствовать, иногда, для усиленія между людьми соревнованія, о сокращеніи срока пребыванія въ ротѣ, напр., старшихъ мастеровъ; наконецъ, давать имъ, хоть иногда, чаю, какъ это дѣлается *ежедневно* въ Брестъ-

Литовскѣ. Такого рода поощренія привесутъ, безъ сомнѣнiя, благотворные плоды.

У.

Грамотѣ обучались, какъ сказано выше, всѣ по два часа въ сутки. Классы дѣлились на 4 разряда; учились: въ первомъ—азбукѣ и складамъ; во-второмъ—читать; въ третьемъ—писать грифелями и чернилами, а въ четвертомъ—первыми четырьмя правилами ариметики. Выучивались этимъ наукамъ сносно: молодые—мѣсяцевъ въ 6—8, пожилые—въ годъ—полтора, а старики—никогда, за рѣдкими исключенiями. Первоначальное обученiе производилось по методѣ Столпянскаго. Обучали: азбукѣ и складамъ—священникъ, сразу человекъ по 100—150, а въ остальныхъ по 20—30, арестанты изъ писарей и солдатъ; всѣхъ этихъ учителей и ихъ помощниковъ въ ротѣ было при насъ 60 человекъ.

— Ты давно учишься грамотѣ? спросили мы одного старенькаго арестанта.

— Мѣсяцевъ никакъ 8 пробавляюсь тутъ.

— Отчего-жъ такъ долго надѣ узбукой корпиться?

— Да жизнь-то моя протекла анаемски скверно: меня драли и розгами, и кошками, они-же и леньками прозывались по-флотски, и сквозь строй два раза прогуливался, ну и не до ученья. Напрасно, таперича, думаю я, батюшка (священникъ) и мантса-то съ нами, безпардонными: изъ насъ не выйдетъ прока, хотя слушать его и занятно.

— А ты, дружокъ, какъ объ этомъ думаешь? спросили мы его сосѣда, то же старика.

— Будеть-ли изъ нашего ученья толкъ или нѣтъ—не наше дѣло, но, по мнѣ, ходить въ классъ все-жъ лучше, чѣмъ въ швальню: тамъ сгибайся за шитьемъ въ три поги-

бели, паяль зенки, а тутъ сидишь прямо и отдыхаешь, слушаючи батюшкины рѣчи. И ежелибъ онъ по-тихоньку, при-мѣрно, говорилъ—иной разъ охотно-бы уснулъ.

— Батюшка ужъ боленъ отъ крику съ нами: все хочеть вдолбить намъ грамоту, а ты дремать сюда шляешься, съ укоромъ замѣтилъ первый послѣднему. Стыдись, братецъ!

— Стыдъ не дымъ—глаза, братъ, не вѣсть, отвѣтилъ послѣдній. Да и не виновать-же я, въ самомъ дѣлѣ, что охоты нѣтъ портняжить?

— Вотъ и толкуй съ нимъ! О себѣ только хлопочеть, а мнѣ, такъ, ей-Богу, батюшку жаль, надрывается по-на-прасну.

— Отчего-жъ ты полагаешь «по напрасну?»

— Да въ башкѣ-то нашей одни ужъ опилки остались!.. Скажите: растутъ зимой въ огородахъ огурцы, али нѣтъ?

— Разумѣется, нѣтъ.

— Также точно Богъ и на все оставилъ свое время; поэтому, по самому и мы, старики, ужъ негодны къ ученью; супротивъ божескаго устава никакъ ужъ не пойдешь, будь хоть семи падей во лбу.

— Скажи, пожалуйста, откровенно: полезно научиться грамотѣ или нѣтъ? обратились мы съ вопросомъ къ молодому арестанту.

— На волѣ, али въ полку, вѣстимо дѣло, пользытельно, отвѣтилъ онъ, а здѣсь и знай, и не знай ея, ежели не угодилъ въ писаря—одна честь: учителя наши въ классѣ, вонъ, учать, а пройдетъ время — идутъ за-одно съ нами на всѣ тяжкія... А мы такой, доложу вамъ, народъ, што хотимъ лучше сичасъ синицу получить въ руки, чѣмъ сулить намъ журавля въ небѣ. Право такъ. Жизнь наша, рестантская, такая, што день промаячилъ, и слава те, Господи; а што

станется съ нами чрезъ 3 — 6 годовъ, объ евомъ мы и въ усь не думемъ.

— Потому не понимаешь своей пользы, дополнилъ старикъ. Научись грамотѣ, человѣкомъ будешь, все разсудить съумѣешь, а нѣтъ,—сгниешь по тюрьмамъ, какъ мы, вотъ, вѣкъ свой загубили по безшабашности своей. Повѣрь моей опытности. Я, старый воробей, много пережилъ и глядячи на новѣшніе порядки—не радуюсь имъ. Въ прежнихъ, при мѣрно, рестантскихъ ротахъ, какъ въ кромѣшномъ, бывало, зду выпнись: oprичъ сквернословья, драки, картежной игры, да пьянства — промежъ арестантовъ я ничего не видывалъ; начальство только драть ходило озорниковъ и то во дворъ казармы (въ самую казарму трусило и входитъ), а таперъ тебѣ и смиренство, и покой, и молитвы, и работа; и грамота, одно слово, чего хочешь получай.

— Какъ-же ты изъ прежней въ эту роту попалъ?

— Оставили дослуживать срокъ за худое поведенье: я въ старой ротѣ совсѣмъ изгадился чрезъ товарищей, а будьбы прежде порядоки, я бы, ей-Богу, отличнаго былъ поведенья и давно бы ужъ по волѣ гулялъ.

— Неужели ты въ настоящей ротѣ ни разу еще не штрафливался въ 3 года?

— Покуда, еще, слава Богу, нѣтъ, да и впередъ упаси Господи! Соблазновъ во сто кратъ меньше супротивъ прежняго.

Статистика арестантовъ по грамотности представляется въ слѣдующемъ видѣ:

1868 г. 1869 г. 1870 г. 1871 г.

Перво разряда, хорошо писавшихъ, читавшихъ и знавшихъ четыре правила ариметики, было 40 ч. 118 ч. 58 ч. 70 ч.

<i>Второго</i> разряда, умѣвшихъ читать и писать, было . . .	113 ч.	101 ч.	46 ч.	63 ч.
<i>Третьего</i> разряда, умѣвшихъ только читать, было . . .	92 >	101 >	91 >	184 >
<i>Четвертого</i> разряда, учившихся читать, было . . .	63 >	146 >	— >	— >
<i>Пятого</i> разряда, неграмотныхъ, было . . .	528 >	313 >	200 >	342 >
	835 ч. 781 ч. 391 ч. 659 ч. *)			

Книгъ въ ротѣ было 765 экземпляровъ. Такъ, независимо сотни чисто духовнаго и духовно-нравственнаго содержанія, были, между прочими: «Биографическіе очерки о жизни и дѣятельности» Петра Великаго, митрополита Платона, Ломоносова, Сперанскаго, Кулибина, Слѣпушкина, Сусанина, «Краткая русская исторія», «Освобожденіе Москвы въ 1812 г.», «Куликовская и Полтавская битвы», «Старое время на Руси», «О Владимірахъ: Мономахѣ, Святормѣ», «Земля, вода, воздухъ», «Міровѣдѣніе», «О злыхъ временахъ татарщины», «Какъ росло Московское княжество», «Небо и звѣзды», «Жизнь человѣка и его назначеніе», «Край крещенаго свѣта», «Дремучіе лѣса», «Русскія горы», «Кавказскія горы», «Русская земля, русскіе люди», «Какъ надо жить, — чтобы добро нажить, бѣду изжить», «Какъ спастись отъ скоропостижныхъ болѣзней», «Трудъ—кормить, лѣнь—портить», «До чего доводитъ чарочка», — книжки весьма полезныя по

*) Въ 1868 году учились грамотѣ только хотѣвшіе того; затѣмъ настоящая школа образовалась въ январѣ 1869 года; но съ наступленіемъ лѣта разстраивалась; люди посылались на внѣшнія работы на цѣлые дни, такъ продолжалось до 1872 года ежегодно.

простотѣ ихъ изложенія; басни, «Домашній Огородъ», «Досугъ и Дѣло», «Описаніе Севастопольской битвы», «Обязанности и права нижнихъ чиновъ», «О дисциплинарныхъ взысканіяхъ», «Солдатское Чтеніе», и, наконецъ, даже «Самодѣятельность» и «Словарь иностранныхъ словъ». Читали молодые арестанты всѣ перечисленныя и имъ подобныя книжки съ большимъ любопытствомъ и охотою. На приобрѣтеніе книгъ и классныхъ принадлежностей истрачено, со времени открытія роты по 1-е января 1871 г.—170 р. 71 к., да въ этомъ году на 112 р. 71 к.

Не смотря, однако, на изобиліе книжекъ и всевозможныя старанія священника,—грамотность въ ротѣ, вообще говоря, неизмѣримо ниже была рижской; недостатокъ этотъ состоялъ, по нашему разумѣнію, вотъ въ чемъ. Во-первыхъ, въ Динабургѣ люди были преимущественно пожилые и болѣе 60-ти человѣкъ стариковъ, которые неспособны къ воспріятію научныхъ свѣдѣній, тогда какъ въ Ригѣ вовсе стариковъ не было, а пожилыхъ малость; преобладающій же элементъ молодежь. Во-вторыхъ, въ Ригѣ, почти всѣ учителя арестанты происхожденіемъ были изъ чиновниковъ, дворянъ, люди болѣе или менѣе развитые, учившіеся въ гимназіяхъ, уѣздныхъ училищахъ; въ Динабургѣ же не имѣлось такихъ ни одного, а изъ 60-ти учителей—вполнѣ способныхъ преподавать было, много, 5 человѣкъ. Въ-третьихъ, въ Ригѣ неграмотные учились дважды въ день, а въ Динабургѣ только по 2 часа въ сутки. Въ-четвертыхъ, въ Ригѣ учителя освобождались *отъ всякихъ другихъ занятій*, а въ Динабургѣ они не пользовались рѣшительно никакими, противъ учащихся, льготами, а это весьма серьезно, какъ мы видѣли, отражается на развитіи грамотности.

И такъ, дабы въ динабургской ротѣ улучшилась грамотность, необходимо: а) арестантовъ отъ 40-лѣтняго возраста

и выше совершенно освободить отъ ученя: этимъ способомъ священникъ получить возможность удѣлять больше времени на преподаваніе людямъ, желающимъ и способнымъ научиться; б) увеличить срокъ обученія: двухъ часовъ въ день очень недостаточно для усвоенія слышаннаго, а потому нѣкоторые, по слабопамятности, многое вскорѣ-же забывали, такъ что, если кому изъ приступавшихъ къ ученю сразу трое сутокъ не приходилось, бывать въ классѣ (просидѣли, напр., въ карцерѣ или отдыхали въ окологдѣ); тѣ начинали, какъ мы лично видѣли, совершенно сначала; в) учителей сократить числомъ; но, въ то же время, поставить ихъ выше, въ глазахъ арестантовъ—освобожденіемъ отъ работъ, напримѣръ, въ швальняхъ, такъ какъ учащіяся, видя, что ихъ учителямъ «та же, какъ и имъ, во всемъ честь», лѣнились, по своему невѣжеству, учиться; наконецъ г) сами учителя, будучи поощрены, несравненно прилежнѣе стали бы за это заниматься своимъ дѣломъ.

VI.

Недостатокъ умственнаго развитія персонала начальства весьма ощутительно отражался на исправленіи нравственности людей, болѣе или менѣе порочныхъ, уклонившихся отъ пути истиннаго. Такъ, въ обращеніи офицеровъ съ арестантами не хватало ни желанія, ни умѣнья расположить ихъ къ себѣ, развить въ нихъ уваженіе къ справедливости, знаніямъ, къ старшимъ, подчинить ихъ *разумной* дисциплинѣ, которая присуща имъ, будущимъ солдатамъ. Въ то время, когда въ Ригѣ арестанты рѣшительно ничего не смѣли предпринимать помимо своихъ отдѣленныхъ унтеръ-офицеровъ, которые передавали объ ихъ просьбахъ фельдфебелямъ и лишь тѣ докладывали

отдѣленнымъ офицерамъ — здѣсь арестанты часто обращались, какъ мы видѣли, прямо къ офицерамъ, отчего власть унтеръ-офицеровъ неизбѣжно умалаялась, да и не только арестанты не выгадывали, но и сами офицеры прогадывали: небрежный ихъ тонъ, жесткіе, отрывочные отвѣты отдаляли отъ нихъ вѣранныхъ ихъ перевоспитанію людей. Изъ многихъ фактовъ, совершившихся на нашихъ глазахъ, укажемъ лишь на 2 — 3, наглядно подтверждающіе вышесказанное. Арестантъ просилъ офицера приказать отпустить нитокъ: «иначе нечѣмъ, добавилъ онъ, шить». «Молчи, дуракъ!» закричалъ на него офицеръ, обидѣвшись. Другой офицеръ приказывалъ арестанту, при другихъ, сочинить отъ его, офицера, имени письмо къ теткѣ, ибо онъ самъ былъ малограмотенъ! Эта же неспособность обращаться съ раздраженными людьми кончалась, иногда, самыми печальными катастрофами. Такъ, въ 1870 году, офицеръ приказалъ арестанту Нейману идти въ карцеръ, за нерадѣвіе къ работѣ. Нейманъ ослушался, говоря, «что пусть его отправятъ въ каторгу, а если посадятъ въ карцеръ — онъ что-нибудь сдѣлаетъ надъ собою»; но фельдфебелю повиновался и пошелъ въ карцеръ; потомъ сказалъ унтеръ-офицеру: «ты меня будешь помнить», причемъ погрозилъ ему кулакомъ; наконецъ, сидя въ карцерѣ, разбилъ стекло въ окнѣ, дабы имъ зарѣзаться, какъ пояснилъ. Явился третій офицеръ и ударилъ его кулакомъ по лицу, за что Нейманъ отвѣтилъ ему той-же монетою. За всѣ эти преступленія, совершонныя въ *однѣй день*, судъ приговорилъ Неймана *разстрѣлять*, но казнь эта была замѣнена каторгою на 20 лѣтъ, а офицеръ высидѣлъ мѣсяцъ на гауптвахтѣ. Жаль, во-первыхъ, что въ приговорѣ не было рассказано, съ чего началось это событіе, во-вторыхъ, какое же должно быть значеніе офицера, которому арестантъ не повинуется, а фельдфебельское приказаніе исполняетъ без-

прекословно; въ третьихъ, сообразно-ли съ достоинствомъ офицера усмирять разсвирѣпѣвшаго отъ неудачъ арестанта кулакомъ? Вѣдь это значило просто напрашиваться на оскорбленіе: взволнованный человѣкъ, рѣшающійся на самоубійство, ни предъ чѣмъ, конечно, не остановится, слѣдовательно, самосохраненіе, благородіе побуждали офицера явиться къ Нейману съ кроткимъ *устыжаніемъ*, а не кулакомъ усмирять его и не доводить дѣло до совершившагося результата.

Въ числѣ первыхъ факторовъ исправленія нравственности порочныхъ людей вездѣ считается религія. Между тѣмъ рота открылась, какъ замѣчено выше, 29 ноября 1867 г., а церкви не было до 1872 года, что то же сильно беспокоило иныхъ арестантовъ, которые освѣдомляясь у насъ объ этомъ

— Позвольте, сударь, спросить у васъ, откроютъ намъ тутъ церкви?

— Непремѣнно. А тебя для чего это интересуешь?

— Да у насъ одни молебны, по воскресеньямъ, служатъ въ классѣ, а я очень люблю побывать въ церкви, чтобъ показаться предъ Богомъ о грѣхахъ своихъ.

— Можешь молиться и за молебномъ, въ камерѣ: искренняя молитва Богу всегда угодна, гдѣ-бы человѣкъ не произносилъ ее: на всякомъ мѣстѣ Владычица его. Знаешь ты это?

— Да-съ. Только въ настоящемъ-то храмѣ пріятнѣя: отбросишь по боку всю суету мірскую, да и стоишь себѣ... ангелы вопіять, душа радуется, ну и молишься отъ всего, значить, сердца.

— Скоро, говорили мнѣ, устроятся церковь и тогда будете ходить и ко всеобщимъ, и къ обѣднямъ, по праздникамъ.

— Покорно благодаримъ за доброе ваше слово. Дай-то

Богъ поскорѣй, а то 4 года вряду здѣсь живу и храма Божьяго не видалъ, херувимской не слыхалъ... Справляйся, говорятъ, справляйся, работой, смиренствомъ, точно на нѣмецкой фабрикѣ... Э эхъ-хе!...

— Если ты точно богомоленъ—это похвально, дѣлаетъ тебѣ честь, а только и роптать-то, братъ, грѣшно.

— И на солнышкѣ, сударь, яснотъ, то же, говорятъ, пятнышки водятся: всѣ мы люди, всѣ человѣки, и, по Божьему произволенію грѣшники...

Приведенная, дословная бесѣда съ пожилымъ ужъ арестантомъ невольно наводитъ на двоякаго рода мысль. Отчего было, до открытія постоянной церкви, не устроить въ одной изъ большихъ свободныхъ комнатъ походной церкви, какъ это дѣлается при расположеніи войскъ въ лагеряхъ? Это тѣмъ болѣе, кажется, возможно было, что всѣ церковныя принадлежности въ ротѣ давно ужъ имѣлись, а приспособленіе стоило-бы ничтожной издержки въ вѣскольکو рублей, при готовыхъ рабочихъ рукахъ. Или, почему-бы не водить арестантовъ фронтомъ къ ранней, напимѣръ, обѣднѣ въ крѣпостной соборъ, какъ это совершалось въ бобруйской ротѣ? Намъ объясняли, что это опасно: народъ разбѣжится. На это возразимъ; во 1-хъ, начальство располагало 25—30 унтеръ-офицерами, да 50-ю конвойными съ ружьями; во 2-хъ, если мало этихъ 80-ти караульныхъ — легко было, на 2—3 часа въ недѣлю, исходатайствовать, у кого слѣдуетъ еще добавочныхъ 100 конвойныхъ; наконецъ, въ 3-хъ, изъ бобруйскаго-же собора никто, однако, изъ арестантовъ не убѣгалъ изъ подъ конвоя, а новогорьгѣвская рота ходила, въ хорошую погоду, цѣлымъ составомъ на фронтовья ученья, версты за 2 отъ крѣпости, въ сопровожденіи однихъ лишь кадровыхъ унтеръ-офицеровъ и офицеровъ, и, тѣмъ не менѣе, не было еще случая, чтобы кто-нибудь тагу далъ. Резюми-

руя все вышесказанное, остается неизбежно заключить, что начальство здѣшной роты поверхностно относилось къ душевнымъ потребностямъ арестантовъ, внутренній міръ которыхъ закрытъ былъ для него, а потому оно не вселило довѣрія ихъ къ себѣ; а высокое званіе перевоспитателей, безъ довѣрія къ нимъ перевоспитываемыхъ—явленіе слишкомъ безотрадное, долженствующее какъ можно скорѣе устраниваться въ интересахъ дѣла.

Каждый разрядъ арестантовъ занималъ, какъ сказано въ III главѣ, въ окружности болѣе 10 комнатъ. По малочисленности унтеръ-офицеровъ, на ночь наряжался на разрядъ лишь одинъ дежурный, который разомъ физически не въ состояніи былъ, понятно, присутствовать въ 10, глядѣть дальше 2—3-хъ комнатъ, по прямой линіи расположенныхъ. Отлично зная эти неудобства, арестанты старались, разумѣется, пользоваться ими для своихъ, возбраняемыхъ закономъ, дѣйствій, а дежурный (одинъ на 200—300 человекъ), ради полученія помощи—долженъ былъ пробраться чрезъ всѣ комнаты, корридоры внизъ, черезъ дворъ, въ средину казармы къ дежурному офицеру, но покуда онъ совершалъ это путешествіе—минуть въ 15—въ камерахъ все принимало мирный характеръ...

— Какъ вы ночью стережете порядокъ? спросили мы унтеръ-офицера, сойдясь съ нимъ покороче

— Ночью словами больше дѣлаемся съ ними: видимъ, примѣрно, сигарки запалили, али вздорять промежь себя и кривнешь: «перестаньте, ребята, вѣдь это запрещено». Смирные живо все прекратятъ, а про буяновъ на утро докладываемъ начальству.

— А ночью никакихъ ужъ мѣръ сами не принимаете?

— Когда сходишь объявить офицеру, а когда и промолчишь, глядя по дѣлу; самому же расправляться съ ними

ночью опасно: башку разшибуть. Окромѣ того, озорнику днемъ послѣ, и самъ еще навитаешь.

— Чѣмъ-же?

Да работой хорошенько проморишь его, али и тумаконъ, надаешь ему, при случаѣ, чтобъ помнилъ. Офицеры то же поколачиваютъ ихъ въ сердцахъ...

— А вы какъ ночью дѣствуете, когда бываете дежурнымъ? обратились мы къ другому, другого ужъ разряда.

— Да ходишь взадъ и впередъ по камерамъ и глядишь, какъ народъ спитъ. Иногда промежъ людей случаются, точно, пустяшныя дразги,—да вѣдь гдѣ-жъ ихъ не бываетъ? Вездѣ.

— Какъ-же прекращаются эти дразги?

— Да пристыдишь, ну и угомонятся: народъ смиренный и на ласку завсѣгда идетъ: видить, што мы свой-же братъ солдатъ,—и по-неволю слушаются, знаячи, что не мы, а Господь, да начальство наказали ихъ за ихніе-же проказы.

— Ну, а покурить, али водочки выпить не мѣшаете имъ?

— На этотъ счетъ вотъ у насъ какъ дѣлается. Сердитые ундерцеры гоняются за ними, какъ кошки за мышью, и ловятъ ихъ, и представляютъ начальству за всякую, то-ись, пустяковину, а жалостливые стерегутъ только, штобъ водки, ни-ни, не было и въ поминѣ; на счетъ же куренья мы иногда, и сами поштуемъ хорошихъ, да писарей, цигаркой, потому надо-жъ намъ хоть кого нибудь перетянуть на свою сторону, штобъ упреждали объ глупостяхъ. Ктому-жъ, какъ солдату и не покурить? Въ нашей, примѣрно сказать, въ ротѣ, въ полку, не любили курить всего 10—15 человекъ, а остальные всѣ палили табакъ.

Мы заносимъ въ наше обозрѣніе приведенные казусы какъ явленіе, вслѣдствіе отсутствія ночныхъ разъединеній, трудно искореняемое; но какъ скоро будутъ поставлены ка-

морки, тогда въ арестантской жизни скорѣй водворится строгій, говорятъ, порядокъ, который постепенно устранить недостатки, свойственныя всякому новому дѣлу.

— Правда-ли, старина, что ундера жалѣютъ васъ? отнеслись мы къ одному дряхлому арестанту.

— Одинъ жалѣть, — а трое истязаютъ. Право такъ. Тутъ вотъ какая, доложу вамъ, манера: хорошаго для начальства ундера — арестанты ненавидятъ, а хорошаго для арестантовъ — начальство ненавидитъ: служить-же Богу и мамонѣ разомъ нельзя. И идетъ у насъ изо-дня въ день война между арестантами и начальствомъ изъ-за этихъ ундровъ.

— Кто-же одерживаетъ въ этой войнѣ побѣду?

— Да кому придется; сегодня, напримѣръ, начальство подстережетъ проносчиковъ табаку, али тамъ водки — и отыметъ, да еще вздуетъ на славу, а завтра прозѣваетъ — и наша взяла: всласть покуримъ, не то и выпьемъ.

— Скажи пожалуйста въ чемъ именно приносятъ вамъ, напримѣръ, водку?

— Одни въ плоскихъ слянкахъ между ногъ, другіе въ сборкахъ шинелей за спиною, третьи въ кишкахъ, по сибирски и... и мало-ли какъ. Вы-жъ видѣли сами: при васъ, мы, чай, выпили...

— Кто же научаетъ: въ чемъ удобнѣе принести?

— Конечно, мы, старики, народъ бывалый, видѣвшій на своемъ вѣку разные виды.

— Это вамъ не дѣлаетъ чести: вы портите людей, подстрекая ихъ нарушать законъ.

— А вы, господа, нешто все по закону поступаете? Разумѣется, нѣтъ, а это-то самое «нѣтъ» и идетъ дальше въ народъ: мы, неучи, беремъ во всемъ примѣръ вѣдь съ васъ, ученыхъ.

— Есть, безспорно, во всѣхъ сословіяхъ люди, отступающіе отъ закона; но это, увѣряю тебя, такая-же ничтожная частица, какъ капля въ морѣ.

— Извините за попереченье: по моему, ничтожная-то частица и исполняетъ, можетъ статья, законъ, а всѣ остальные нѣтъ. Мнѣ ужъ 60 слишкомъ лѣтъ и я все узналъ, перебивавши на родинѣ, на службѣ, 3 раза въ бѣгахъ, въ 2-хъ арестанскихъ ротахъ, въ Финляндіи, въ Холляндіи, въ Польшѣ и въ Сибири. Особливо многое мнѣ открылось въ Сибири: настоящіе-то хорошіе люди только и есть тамъ.

— Развѣ въ Россіи ты никогда не встрѣчалъ хорошихъ людей?

— Встрѣчать-то, правда, встрѣчалъ, да все не такіе они, какъ въ Сибири, за Иркутскомъ. Въ Россіи ежели-бъ всѣ жили толково, какъ въ Сибири, и арестантскихъ-бы ротъ никакихъ не надо, а то каждый нарываетъ напаковать сосѣду, брату и проч., о помощи-же никому и не заикайся; никто не внемлетъ: мнѣ, дескать, выгоднѣй будетъ, коли ты пропадешь, а въ Сибири всякій соболѣзнуеть несчастію другого, всегда пособить чѣмъ можетъ, послѣднимъ подѣлится пополамъ.

— Если въ Сибири такъ и дѣлаютъ, какъ ты толкуешь, въ чемъ я, сознаюсь, сомнѣваюсь, то преимущественно, вѣдь, бывшіе ссыльные, каторжные, которые помнятъ свои собственные несчастія, или же чаятъ чѣмъ-нибудь поживиться отъ варнаковъ, бѣглыхъ, и потому потворствуютъ имъ. Они-же, въ знакъ благодарности, ихъ-же потомъ обрадываютъ, не то, бывали часто случаи, и просто убивали. За что, скажи, напримѣръ, алеуты, тунгусы и другіе инородцы подстрѣляютъ бродягъ безжалостно, какъ звѣрей? За то, что они ихъ грабятъ, обираютъ по дорогамъ. Вотъ, братецъ, какой хваленый вашъ сибирскій народъ.

— Голодъ и погоня, извѣстно, не свой братъ, — надо излавливаться, питаться, и не попадать въ капканъ, а уничтожать его. Все-жъ таки въ Сибири лучше, нежели на Россіи. Три четверти гулящаго у насъ по волѣ народа сажай смѣло въ арестантскія роты; правъ будешь.

— Вмѣсто васъ, что-ли? т. е., васъ выпустить, а другихъ посадить?

— А хоша-бы и такъ, — будьте увѣрены, не ошибетесь: мы лучше многихъ вашихъ вольныхъ людей, когда хорошенько распознаете насъ; дайте-ка намъ свободу, работу по сердцу, да обходитесь съ нами по чести и увидите, что мы стоимъ этого, сами порадуемся нашему мирному житью, закончили онъ, сверкая померкшими глазами.

— Но вы, вспомни, вѣдь преступники, а такіе люди должны вынести наказаніе за свои прегрѣшенія, а потомъ ступайте себѣ съ Богомъ.

— Тогда, когда вдосталь всѣ силы потеряемъ? Благодаримъ покорно! Лошадь о 4 ногахъ и та, вонъ, спотыкается, падаетъ, хозяева ее поднимаютъ, даютъ ей отдохнуть и она опять везетъ. Мы хотъ, люди, но тоже спотыкались, провинялись; но насъ за это прямо стегали прежде палками, плетями; это насъ ожесточало и мы повторяли свое: хотѣли, значить, отбояриться да, не могли: забыли, что съ сильнымъ не борись... Вотъ вся наша вина, а за нее околѣвать въ капканахъ, извѣстно, обидно.

— Вы, старики, достойны, правда, сожалѣнія, — но, все-таки, повторяю, скверно поступаете, сбивая молодыхъ съ толку. Вѣдь безъ водки-же можно обойтись?

— Разумѣется.

— Зачѣмъ-же вы научаете, какъ ловчѣе ее добывать?

— Чтобъ показать, что мы не даромъ прожили вѣкъ въ бѣгахъ, да въ острогахъ, а научились уму-разуму; чтобъ

потѣшиться надъ начальствомъ, да, наконецъ, чтобъ и выпить, кручинушку заглушить.

— Не одни-же вы, однако, старпки, тутъ пьете?

— И молодые пьютъ, коли удастся провести начальство.

— Значить, вы вводите ихъ въ искушеніе? Ну для чего-же это?

— А компанією веселѣй отдуваться.

— Давно-ли ты обвинялъ русскихъ, что они безжалостны, будто-бы, другъ къ другу, а мѣжду тѣмъ самъ дѣлаешь тоже самое? Это стыдно предъ людьми и грѣшно предъ Богомъ!

— Грѣхъ—орѣхъ, а правда подъ судейскимъ столомъ. Такъ я это думаю.

— Развѣ ты не признаешь грѣха?

— Да я столько въ свою жизнь перетерпѣлъ, что всѣ свои грѣхи давно уже похерилъ. Да-съ.

— Молишься ты когда-нибудь Богу?

— Н-нѣ... Почитай нѣтъ.

— Отчего?

— Да, что-жъ молиться, коли не милуютъ?

— Не милуетъ тебя Богъ потому, что ты не раскаявшийся грѣшникъ. Человѣкъ ты ужъ старый, жить тебѣ остается немного, и потому выкинь-а лучше изъ своей головы всю дурь, а молись почаще Богу и Онъ тебя успокоитъ.

— Пускай уволятъ отсюда, стану благодарить Бога, что вынесъ на волю, а покуда здѣсь буду обрѣтаться, и молиться не за что.... Впрочемъ... такъ ужъ и быть, подумаю, пожалуй, на досугѣ, объ вашихъ словахъ, насчетъ моего, заключилъ онъ съкронею.

На этомъ разстались. Такіе, между тѣмъ, изуродованные субъекты первенствуютъ въ арестантской средѣ: ихъ

дикія сужденія слушаются съ напряженнымъ вниманіемъ и распространяють растлѣвающее вліяніе на опытныхъ; къ нимъ относятся съ уваженіемъ за ихъ мизантропическое міросозерцаніе, а они, рисуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ,—сильно подрываютъ въ товарищахъ вѣру въ нравственное ихъ возстановленіе и улучшеніе ихъ будущности, а отсюда нерѣдко являются новыя, крупнѣйшія преступленія и новыя-же тягчайшія наказанія: эти арестанты представляютъ товарищамъ-новичкамъ Сибирь странною всѣхъ прелестей, куда послѣдніе и стремятся попасть путемъ преступленій.

Идеи подобныхъ личностей потерпятъ конечно, фіаско, но тогда лишь, когда въ ротѣ введутся интересующія умъ занятія, нравственныя бесѣды и строгія ночныя разъединенія, что вскорѣ, говорятъ, осуществится.

VII.

Почти всѣ обнаруживаемые проступки состояли, судя по просмотрѣннымъ нами штрафнымъ журналамъ, въ куреніи табаку, ослушаніи низшему и грубости высшему начальству, невыполненіи заданнаго урока работы, проноса чрезъ выходы, въ казарму, двери мелкихъ денегъ, табаку, въ крупномъ, въ недозволенное время, разговорѣ, въ нарушеніи порядка во фронтѣ, въ неряшливости въ одеждѣ и т. п. Изъ всѣхъ содержавшихся проштрафилась: въ 1868 г.—175 чел.; въ 1869 г.—249 чел.; въ 1870 г.—319; въ 1871 г.—554 чел., т. е. проступки прогрессивно усиливались. Вѣрныхъ цифръ, показывающихъ, сколько человекъ въ какомъ году было тѣлесно наказано—мы не добились, вслѣдствіе безалабернаго веденія штрафныхъ журналовъ, а потому ограничимся слѣ-

дующими свѣдѣніями: драли—по суду: въ 1869 г. 5, а въ 1870 г. 2 чел., въ томъ числѣ 1 за нанесеніе ножемъ раны товарищу 200 ударовъ розогъ, а безъ суда, въ 1868 г.: 1—за ослушаніе фельдфебеля 25 ударовъ, 2—за возвращеніе съ внѣшней работы нетрезвыми, 1—50, другому—75 ударовъ, шестой за игру въ карты въ госпиталѣ 50 ударовъ, седьмой—за кражу хлѣба въ столовой—50, восьмой—«за подозрѣніе игры въ кости» 30 ударовъ; въ 1871 г. три человѣка по 100 ударовъ за намѣреніе бѣжать изъ роты. Затѣмъ сажались въ карцеры, наприм., въ 1869 г., за храненіе у себя курительнаго, нюхательнаго табаку, кофе, цикорія—на 5 дней; «за объявленіе священнику нелѣпныхъ толковъ» (?), за кражу украденной и у другого отнятой селедки («воръ у вора дубину укралъ») на 5—7 сутокъ; въ 1871 году въ темный карцеръ на 3 сутокъ; за куреніе табаку; за громкій разговоръ, за ложный отвѣтъ старшему помощнику начальника роты: «вода изъ колодца», когда таковая была «изъ бассейна», на 5 сутокъ на хлѣбъ и воду; за отвѣтъ фельдфебелю: «для окраски печки есть бѣлильщики»; за взятіе-же съ пробнаго стола стакана, для питья воды, и неотдачу онаго добровольно унтеръ-офицеру, на 9 сутокъ въ темный-же карцеръ, съ переводомъ въ испытуемые на 3 мѣсяца; наконецъ, за кражу и продажу, за 50 к., обрзка, въ тотъ же карцеръ на 15 дней, съ переводомъ въ испытуемые.

Всѣхъ карцеровъ, расположенныхъ въ подвальномъ этажѣ было 38; изъ нихъ принадлежало: 24—войскамъ, расположеннымъ въ крѣпости, для сажанія, дисциплинарнымъ порядкомъ, провинившихся солдатъ, а 14—ротѣ. Въ карцерахъ довольно опрятно; широкія нары, столики и близъ дверей ящики, въ которыхъ находилась посуда для испраженія. Относительно карцеровъ заявимъ, что для войскъ слѣдовало

бы отвести таковыя въ другихъ многочисленныхъ зданіяхъ крѣпости, а ротные возвратить ей, для заключенія, на основаніи 64 ст. положенія, прибывающихъ, хотъ только рецидивистовъ, на *весь* половинный срокъ пребыванія ихъ въ испытуемыхъ, а то часто не бываетъ свободныхъ карцеровъ, даже и для этихъ преступниковъ, и они просиживаютъ въ одиночномъ заключеніи весьма короткіе сроки.

Прощтрафливались преимущественно новички, не основшіеся съ ротными порядками; рецидивисты же (ихъ было въ 1871 году, наприм., изъ 659 чел.—144 чел.) и особливо старики, избѣгали штрафа, вслѣдствіе тонкаго умѣнья ладить съ непосредственными своими начальниками. Это возстановляло иныхъ упорныхъ новичковъ и павлекало на нихъ гораздо сильнѣйшія, потому, невзгоды. Мысль эту подкрѣпимъ фактомъ.

Въ одномъ изъ карцеровъ содержался при насъ, за покушеніе на убійство, арестантъ 28 лѣтъ, изъ кантонистовъ, грамотный. Насъ увѣряли, что онъ бросается на всѣхъ и говоритъ, что кого-нибудь да непременно убьетъ, и потому намъ отсовѣтывали бесѣдовать съ нимъ; но мы поступили наоборотъ—вошли къ нему одни и притворили нарочно за собой дверь. Онъ мгновенно вскочилъ и какимъ-то отчаяннымъ голосомъ спросилъ:

— Что вамъ нужно отъ меня? Подите прочь!

— Мнѣ жаль тебя, потому я зашелъ поговорить съ тобою.

— Не о чемъ. Я всѣхъ ненавижу. Уйдите, говорю вамъ, куда цѣлы!

— Полно, дружокъ, злиться, а потолкуемъ-ка лучше по братски. Можеть я тебѣ дамъ и хорошій совѣтъ, а чело-вѣкъ въ несчастіи не долженъ пренебрегать всѣми.

— Да о чемъ же, о чемъ же, буду я съ вами говорить, когда впервые вижу васъ?

— О томъ, напримѣръ, что къ тебѣ, говорятъ, страшно приблизиться: ты угрожаешь убить всякаго. Правда-ли это?

— Правда. И убью, непременно убью того, кто попадется мнѣ подъ руку!

— Если ты жаждешь совершить самое тяжкое изъ преступлений — убійство, — значить я и могу сдѣлаться этою жертвою, потому что я, какъ видишь, безоружный, беззащитный.

— Ахъ, Господи ты, Воже мой!. Да что-же это такое?.. Да вы!.. Я не понимаю себя... Нѣ...ѣтъ... Да васъ-то за что-же убивать? Ну да... вы мнѣ худаго ничего не сдѣлали. Фу ты... Лицо его передергивалось.

— Въ такомъ случаѣ, побесѣдуемъ, пожалуйста, дружески. Садись, а я возлѣ тебя.

— Извольте-съ... проговорилъ онъ смягчаясь. Извините мою дерзость... Я страшно раздражонъ... Я шальной!!!

— Охотно извиняю. Я слышалъ, вы компанією хотѣли бѣжать изъ госпиталя?

— Собственно по этому дѣлу я, ей-ей, только въ чуломъ пиру оцохмѣляюсь: я открылъ, что арестанты сдѣлали подкопъ, они нанесли мнѣ, вотъ, на рукахъ и на спинѣ семь ранъ, а потомъ меня же обвинили.

— Какимъ-же это способомъ открылъ ты объ ихъ намѣреніи?

— Лежали мы, видите-ли, въ госпиталѣ. Товарищи начали дѣлать подкопъ гораздо раньше моего прибытія, а при мнѣ кончили и требовали, чтобы я съ ними бѣжалъ. Сперва я было согласился, а потомъ, понемногу, раздумалъ. Тогда они пристали, чтобы я молчалъ: иначе, говорятъ: убьемъ тебя. Я ихъ урезонивалъ не бѣгать, да напрасно... Наступилъ ужъ вечеръ задуманнаго дѣла. Увидѣлъ я, случайно,

часовымъ за дверью нашей палаты, молоденькаго солдата, просто мальчишку, и во мнѣ явилась жалость къ нему: за что-жь, молъ, онъ-то, глупый, страдаетъ — попадетъ въ исправительную роту? Нѣтъ, молъ: не допущу его погубить. Я подошелъ потихоньку къ двери и сказалъ ему: «неротозѣйничай: черезъ полчаса всѣ убѣгутъ черезъ готовый подкопъ, доложи скорѣй, кому тамъ знаешь», и вернулся къ своей койкѣ. Товарищи начали было ужъ лезть въ подкопъ, да отскочили, увидѣвши снаружи конвой... Въ яроста, они кинулись на меня и изранили меня... Потомъ, со злости, показали, будто и я хотѣлъ бѣжать вмѣстѣ съ ними... Но тутъ подоспѣла собственно для меня другая бѣда: когда я лежалъ изранный, они принялись дразнить меня; «и тебѣ розогъ полтора ста попадетъ, безпремѣнно попадетъ»; а дежурный унтеръ-офицеръ, поддакаявая мнѣ,—съ злорадствомъ добавлялъ: «докацику всегда вѣдь попадаетъ первый крутъ»... Я не вытерпѣлъ этой обиды и пустилъ въ него оловянною кружкой, да жаль—промахнулся...

— Неужели-жь хотѣлъ его убить?

— Да, желалъ, дѣйствительно желалъ убить его, или кого попало изъ моихъ враговъ, потому что во мнѣ здѣсь все убили. Я попалъ сюда, положимъ, за дѣло — за то, что укралъ изъ-подъ замка чужую вещь и думалъ тутъ терпѣливо загладить свой проступокъ; но потомъ убѣдился, что нельзя: черезъ недѣлю послѣ прибытiя сюда, я какъ-то покурить съ товарищемъ; фельдфебель увидалъ, товарищу простилъ, а меня при всѣхъ на чемъ свѣтъ стоитъ разругалъ, да еще потребовалъ, чтобы я признался, что знаю, что это запрещено правилами. Я человекъ вспыльчивый, упрямый, отвѣтилъ ему, что не только я не знаю и никогда ни отъ кого не слыхалъ никакихъ правилъ, но и самъ онъ врядъ-ли знаетъ ихъ. Меня за это мигомъ въ темный карцеръ за-

прятали. Я сталъ кричать, ломаться въ дверь, чтобъ меня выслушали, разобрали дѣло,—анъ, глядь, еще хуже: выдрали. Я въ госпиталь, а тамъ эта исторія случалась.. И теперь набавятъ, говорятъ, три года сидѣть здѣсь, да еще 200 розогъ. Ну, да врутъ: я лучше пятерымъ еще голову снесу, чѣмъ приму розги, чѣмъ останусь тутъ 6 лѣтъ! Я, ей Богу, готовъ лучше хоть сейчасъ-же къ столбу и умереть, только бы на своемъ поставить: такой ужъ у меня характеръ. Не думайте, что я хвалюсь этимъ: я тоже самое объявилъ суду и только повторяю вамъ. Глаза его страшно засверкали, багровый румянецъ покрылъ, мгновенно, его щеки, онъ заскрежеталъ зубами и, казалось, дѣйствительно готовъ былъ тотчасъ-же исполнить свое намѣреніе, но въ рукахъ не было ничего умерщвляющаго. Я ничего не прибавилъ и не убавилъ, потому вы не судья намъ, слышалъ я, заключилъ онъ съ азартомъ, немного помолчавъ. А васъ прошу, умоляю теперь объ одномъ—уйдите, уйдите ради Бога, отъ меня.. неровенъ часъ... дьяволъ смущаетъ меня... авы... вы все-таки мнѣ ничего худаго не сдѣлали... Уйдите-же!..

— Успокойся, дружокъ, уйду. И мы успѣшили исполнить его просьбу, а его заперли, и мы слышали какъ онъ, въ ярости, грохнулся на нары и отчаянно застоналъ, зарыдалъ...

Подобнаго рода казніи не рѣдки, какъ извѣстно, и въ образцовыхъ заграничныхъ тюрьмахъ, управляемыхъ знатоками чловѣческаго сердца; поэтому тѣмъ менѣе основанія винить ограниченныхъ понятіями фельдфебеля или унтеръ-офицера, въ ихъ неспособности различить, съ кѣмъ они имѣли дѣло. Есть, впрочемъ, надежда, что когда, со введеніемъ нормальныхъ штатовъ, начальство арестантовъ будетъ матеріально обеспечено—роты приобретутъ возможность подобрать гораздо лучшей составъ начальства. Касательно же

заклученнаго, добавимъ, что онъ на столько еще молодъ, и со смысломъ, что частыя, разумныя бесѣды съ нимъ во всей вѣроятности, привели-бы его къ примиренію съ своею бѣдою, которую онъ самъ-же себѣ навликалъ пылкимъ, крутымъ своимъ характеромъ.

VIII.

Статистика болѣзней и смертности арестантовъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Въ те- ченіи 1868 г.	Въ те- ченіи 1869 г.	Въ те- ченіи 1870 г.	Въ те- ченіи 1871 г.	Въ те- ченіи 1872 г.
Выздор. Пришло Умерло.	Осталось отъ 1868 г. и пришло въ 1869 г.	Выздор. Умерло.	Осталось отъ 1869 г. и пришло въ 1870 г.	Выздор. Умерло.	Осталось отъ 1870 г. и пришло въ 1871 г.
Выздор. Пришло Умерло.	Осталось отъ 1871 г. и пришло въ 1872 г.				
Катарральной, гастри- ческой и ревматической горячкой	И	143 127 14	81 71 5	33 33	— —
Пережающей ли- хорадкой	Н	104 93 8	53 50 1	44 — 2	— —
Тифозною горячкою и тифомъ	Д	53 43 9	5 3 —	29 27 2	— —
Желчными и слизис- тымъ поносами	В	40 41 6	26 23 3	56 50	— 6
Воспаденіемъ глазъ	В	59 53 1	64 62 —	88 82	— 6
Острымъ катарромъ дыхательныхъ органовъ и гриппомъ	С Ъ		4 4 —	11 8 —	227 206 — 24
Воспаденіемъ зѣва	Г	28 26 2	6 4 1	19 18	— 1
Воспаденіемъ легкихъ, плевры, сердца и сосу- довъ	В Н	37 26 9	12 6 1	57 52 5	— —

	Въ те- ченіи 1868 г.	Въ те- ченіи 1869 г.	Въ те- ченіи 1870 г.	Въ те- ченіи 1871 г.	Въ те- ченіи 1872 г.					
Выздор. Прибыло. Умерло.	Осталось отъ 1868 г. и прибыло въ 1869 г.	Осталось отъ 1869 г. и прибыло въ 1870 г.	Осталось отъ 1870 г. и прибыло въ 1871 г.	Выздор. Умерло.	Осталось къ 1872					
Воспаленіемъ брѣш- ныхъ органовъ	И. 1	1	—	2	2	—	4	8	1	—
Рожею	И. 4	3	—	2	2	—	10	10	—	—
Хроническимъ катар- ромъ кишечнаго канала.	И. 17	16	—	14	13	—	60	58	2	—
Неправильностью въ отдѣленіи желчи	И. 4	4	—	4	3	—	—	—	—	—
Золотухю и ангий- скую болѣзнью	В. 10	8	—	5	4	1	24	23	—	1
Бугорчаткою	В. 80	60	17	82	64	16	18	8	10	—
Органическ. болѣзнью дыхательнаго снарада	Д. 127	102	20	84	64	6	138	105	11	22
Органическ. болѣзнью сердца	В. 2	1	1	—	—	—	3	1	1	1
Ревматизмомъ и ло- мотою	В. 28	26	1	11	6	—	149	139	—	10
Водяною	С. 9	7	2	—	—	—	2	1	1	1
Цингою	С. 34	31	3	2	2	—	78	77	—	1
Хронической сызью	С. 3	2	1	1	—	—	3	3	—	—
Худосочными язвами	Т. 29	23	4	13	8	—	51	49	—	2
Венерической	Т. 33	28	2	41	40	—	69	66	—	3
Чесоткою	Т. 2	2	—	1	1	—	5	5	—	—
Мѣстными болѣзнями слуховыхъ органовъ	В. 8	8	—	2	2	—	5	5	—	—
Мѣстными болѣзнями языковыхъ органовъ	В. 5	5	—	3	3	—	2	2	—	—
Травматическими по- слѣдствіями наказаній	Н. 2	2	—	—	—	—	—	—	—	—
Ушибами	Н. 8	2	—	9	7	1	17	17	—	—

	Въ те- ченіи 1868 г.	Въ те- ченіи 1869 г.	Въ те- ченіи 1870 г.	Въ те- ченіи 1871 г.	Въ те- ченіи 1872 г.
Выздор.	Оставалось и пришло въ	Оставалось и пришло въ	Оставалось и пришло въ	Оставалось и пришло въ	Оставалось и пришло въ
Пришло.	1868 г.	1869 г.	1870 г.	1871 г.	1872 г.
Умерло.					
Ранами отъ огне- стрѣльнаго и холоднаго оружій	3	3	4	9	9
Вывихами	1	1	—	—	—
Выпаденіями	2	2	—	—	—
На испытаніи	4	4	2	8	8
Воспаленіемъ моче- выхъ органовъ.	—	—	2	8	8
Вариолоидъ	—	—	1	—	—
Органическими болѣз- нями внутренностей.	—	—	2	4	4
Ожѣмъ	—	—	1	1	1
Ожогами	—	—	2	—	—
Воспаленіемъ подкож- ной клетчатки и нарве- жами	—	—	8	30	29
Брайтовой болѣзнію и перерожденіемъ почекъ. Умственнѣмъ раз- стройствомъ.	—	—	—	2	2
Грыжей	—	—	—	15	15
Карбункуломъ и ве- редами	—	—	—	11	11
Доброчастивенными опухолями	—	—	—	3	3
Ракомъ	—	—	—	1	1
Костѣдомъ	—	—	—	9	8
Язвами	—	—	—	9	9
Итого	—	1485	100	992	35 1317 1200 40 77

Въ числѣ больныхъ бывали, иногда, и такіе, которые сами причиняли себѣ недуги. Такъ, въ карты, кости, на-примѣръ, играть въ казармѣ опасно, неудобно: некуда было прятать карты, но въ госпиталѣ все это отчасти устранялось. И вотъ, ярые любители этого рода времяпровожденія достигали цѣли противоестественнымъ способомъ—расковыривали раны на тѣлѣ, и преимущественно на дѣтородныхъ частяхъ, ихъ отпирывали въ госпиталь, для пользованія, и тамъ они играли, у кого были—на деньги, а нѣтъ—на порціи говядины, булки, хлѣба; словомъ, ставили все, что могли, даже носы, ладони, спины, по которымъ выигравшій былъ скорбнымъ листомъ, руками, свернутою изъ полотенца веревкою, даже доскою, на которой прописывается имя и недугъ больного. Намъ удалось вкратцѣ въ довѣріе къ одному изъ больныхъ и страстныхъ охотниковъ до игры въ карты (отъ него мы узнали вышеописанное), причемъ онъ, при одномъ словѣ «карты» — встрепенулся оживился, даже глаза его какъ-то странно заискрились.

— Самъ не знаю, отчего, а страхъ люблю играть; по двое сутокъ сряду не ѣвши бывалъ и голоду не чувствовалъ, восторженно говорилъ онъ. Сто розогъ готовъ принять, чтобъ 2—3 часа *свободно* проиграть. Я другимъ совсѣмъ человекомъ дѣлаюсь, сядя за картами; все, все въ жизни забываю, когда обдумываю: съ какой карты ходить, какъ ловчѣй обыграть другого. Я въ страженіяхъ бывалъ и меньше, ей Богу, дурѣлъ, чѣмъ въ арестантахъ — за картами, и вотъ почему: страхъ, знаете-ли, какъ-то всего тебя приятно передергиваетъ; вотъ, вотъ, думаешь, вдутъ, накроютъ, прогонять въ роту, тамъ выдерутъ, руки дрожать, поджилки трясутся, въ глазахъ чертня бѣгаютъ, и вдругъ... и вдругъ выигралъ и остался невредимъ!.. Прелесть, что такое тогда творится со

мною! И по неволѣ добиваешься всячески поиграть, потому одна въ жизни отрада. Вѣрьте Богу, такъ.

Съ устройствомъ въ ротѣ, лазарета, и картежная игра изгонятся, конечно, изъ употребленія: будетъ собственно ротный за больными надзоръ, который несравненно строже чужаго, госпитальнаго. Въ госпиталь, впрочемъ, отправляли серьезныхъ, исключительно, больныхъ, а остальныхъ посылали въ ротномъ околожѣ, гдѣ бывало постоянно чело-вѣкъ 30—40, преимущественно для восстановленія силъ; половина этихъ людей—старики.

IX.

Арестанты выглядѣли, вообще говоря, не совсѣмъ здоровыми; но держали себя гораздо смѣлѣе, нежели въ Ригѣ: тутъ дисциплина была менѣе строгая; среди нихъ были и кривые и одинъ даже на костыляхъ.

Въ классѣ мы, однажды, замѣтили, какъ учитель-арестантъ прекрасно диктовалъ собратамъ правила дѣленія. Мы съ нимъ заговорили и постепенно дошли до причины его паденія.

— Я вышелъ изъ спеціальнаго класса инженернаго училища кондукторомъ въ то же вѣдомство, началъ онъ, красиво, отъ воспоминанія, кѣмъ былъ и кѣмъ сталъ. Я былъ молодъ, неопытенъ, ожиданія мои—скоро попасть въ офицеры—не осуществились, по сердечнымъ обстоятельствамъ потерпѣлъ крушеніе, деньги водились въ изрядномъ количествѣ (я дѣлалъ чертежи, составлялъ сметы, проекты), я и опустился, сталъ пить... Потомъ вышелъ, по манифесту, въ отставку, работы лишился, источники мои какъ-то сразу иссякли, жить оказалось нечѣмъ, поддержать меня никому было, я и наваялся въ солдаты, попалъ въ полкъ, въ пи-

сара, началъ опять кутить, благо въ этомъ краѣ, — по дешевизнѣ водки, — денегъ немного на это надо. Меня сажали въ карцеры, штрафовывали... и, къ сожалѣнію, бесполезно: во мнѣ не достало силы воли исправиться. И вотъ, однажды, адъютантъ поручилъ мнѣ купить два листа гербовой бумаги рублеваго достоинства. Я было купилъ листы, но, по своей омерзительной слабости, тотчасъ-же и пропилъ одинъ... Затѣмъ, спохватившись, что меня, какъ штрафованнаго, за это непременно выдерутъ и желая, съ одной стороны, избѣжать заслуженнаго, впрочемъ, наказанія, а съ другой — зная, что по закону можно достигнуть этой цѣли только добавленіемъ больше чѣмъ трехъ-дневной отлучки, — я пропилъ, встать ужъ, и другой листъ, пропадалъ недѣлю и, въ концѣ концовъ, очутился здѣсь на два года, т. е. предпочелъ исправительную роту розгамъ, а что со мной будетъ впереди — не знаю...

Договаривая послѣднія слова, голосъ у него задрожалъ, а лицо покрылось багровою краскою. Вотъ иногда какъ здоровыя жизни развиваются въ дребезги.

— Дается тебѣ, братецъ, эта наука или нѣтъ? спросили мы дряхлаго, плѣшиваго, обязаннаго тряпкою арестанта, читавшаго книжку.

— Я еще до поступленія сюда былъ грамотнымъ.

— А откуда и за что ты осужденъ? Вообще расскажи, любезный, про свою судьбу.

— Извольте-съ, началъ онъ прерывистымъ голосомъ. Я сданы въ солдаты 35 лѣтъ, изъ крестьянъ; 14 лѣтъ сряду прослужилъ безпорочно въ новоналександровской, прежде инвалидной, а теперь, по новому наименованію, въ уѣздной командѣ и ужъ готовился домой идти въ безсрочный, — какъ вдругъ здѣсь очутился...

— Сбѣдокурилъ что-нибудь?

— Дѣло, видите-ли, въ чемъ. Настоящихъ писарей въ командѣ разъ-два, да и обчелся, а писанья этого, проклятаго, много — очень, смѣю доложить вамъ, много-съ, ну и сажаютъ въ канцелярію всякаго солдата, который-бы могъ хоть какъ-нибудь, да писать. Такъ и меня забрала въ канцелярію, на послѣднемъ ужъ годѣ моей службы, благо я самоучкой научился не писать по-писарски, а пачкать, ей-ей пачкать, съ позволенья сказать. Одинъ нашъ солдатикъ и вздумай, чортъ его подери, жениться. Служилъ онъ по желтому билету, а жениться можно только по красному билету, до краснаго-же у него не доставало мѣсяца, ей-Богу одного мѣсяца! Вотъ ему-то и приспичило безпремѣнно въ петровскомъ мясоѣдѣ жениться. Онъ къ начальнику за разрѣшеніемъ, но тотъ отказалъ. Тогда онъ присталъ ко мнѣ: выдай, да выдай мнѣ билетикъ жениться. Думалъ я, думалъ да, съ дуру-то, и рѣшился... Написалъ и... и, наконецъ, выдалъ.

— Подложный, значить?

— Ну кто-же его тамъ знаетъ, какой; просто билетикъ пустяшный...

— Сколько-же тебѣ солдатикъ-то за это заплатилъ?

— Угостилъ; да, угостилъ, чтобъ ему ни дна, ни покрывки не было, окаянному... Прошло никакъ съ недѣлю. Вдругъ является въ канцелярію начальникъ такой сердитый, и прямо ко мнѣ: «ты, говоритъ онъ мнѣ, написалъ вотъ этотъ билетъ?» — «Точно такъ-съ», отвѣчаю я. «А подписалъ за меня ты-же?» — «Не могу знать-съ, ваше высокоблагородіе», молвилъ я, съ испугу. — «Знать-то ты, говоритъ, не знаешь, я дѣло, ясно, твое; такъ я-жъ тебя за это донесу!» И точно допекъ: подъ судъ отдалъ, а судъ засудилъ въ эту роту на три года. Вотъ я теперича и страдаю!.. Не приведется мнѣ, вѣрно, уже и жены, и дѣтей повидать.

— Такъ ты и женатый?

— Точно такъ-съ. У меня еще старушка мать жива, ей никакъ 86 лѣтъ. Она, жена, сынъ 30 лѣтъ, всѣ живутъ на родинѣ. Собственный домишка имѣемъ-съ.. И вотъ какая судьба моя!.. И изъ-за чего, подумаешь? Изъ-за поллисточка бумаги!.. О охо-хо!

— Тутъ не бумага, а подлогъ важень.

— То-то и въ судѣ все толковали: подлогъ, да подлогъ!.. Вотъ она, судьба-то, что дѣлаетъ!.. Подлогъ? Да я отъ роду и не слыхивалъ, что это за штука такая, этотъ подлогъ. Ну и узналъ... Лучше-бы мнѣ руки выломать, чѣмъ писать научиться...

— Ты, любезный, который разъ тутъ? спросили мы толстолицаго, коренастаго арестанта, въ большихъ очкахъ.

— Третій расъ. Отинъ расъ пылъ Бобруйскъ, а тва туть.

— Какія-же прегрѣшенія приводятъ тебя обратно?

— Всеи трей расъ за промтанъ касену шинель: пропи-
вайтъ, смѣясь отвѣчалъ онъ, 58 лѣтъ.

— Отчего-жъ ты именно шинель все пропиваешь?

— Свѣстно, отчифо: солдатъ ниту польше пропить, какъ шинель, и пропивайтъ яфо.

— А когда теперешнїй срокъ отбудешь — опять пропь-
ешь шинель или нѣтъ?

— Не мошеть наферно скасайтъ; пошалу пропить.

— Здѣсь тяжело, строго; что-же ты не воздержисься;
вѣтъ ты ужъ старый человекъ?

— Э-то прафда. Я 18 готовъ отслужилъ, томой и косты пошалу не принсетъ; такой ужъ мой частью. Отъ польскїй пунтъ сачался мой пьянствъ. Што тилайтъ, надо терпѣйтъ.

— А грамотѣ учишься?

— По нѣмецкомъ съ малъ снай, а по русской и шресъ

ешо 18 лить не обучайсь. Та, нишасть! И пасторъ такъ каврить, потому старый шольвякъ.

— Ты, говорили мнѣ, сквозь строй былъ гонень, обратились мы къ одному изъ стариковъ. Скажи пожалуйста: что, по твоему, легче перенести: битье-ли палками, или находиться въ одной изъ исправительныхъ ротъ, въ которыхъ ты въ двухъ ужъ перебывалъ?

— Сквозь строй, ваше вскроде, лучше, твердо отвѣтъль онъ. Я и розогъ, и палокъ много перенесъ, и такъ о нихъ теперъ думаю: больно только полчаса, часъ, покуда лупсуютъ, да сбрызнуть спину водкой; а потомъ, какъ остатнюю косушку—другую дадутъ, бывало, вышитъ, зальешь горе и чрезъ недѣлю какъ съ гуся вода, а въ ротахъ цѣлые годы мучайся, казнись. Да позвольте мнѣ теперъ пройти чрезъ 500 и выпустите отсюда—истинное вамъ спасибо скажу. А то два года тутъ жить? Да это... это хуже всякихъ палокъ!

— Почему-же именно хуже?

— Потому все по струнжѣ ходи, спозою николи нѣтъ, всякую минуту чувствуешь, что арестантъ.

— А что-бы ты, молодець, предпочель: тутъ-ли оставаться, или быть прогнаннымъ сквозь строй и на прежнюю службу?

— Тутъ остаться выгоднѣй, ваше бродье, потому бока цѣлы, отозвался молодой арестантъ. Здѣсь все надѣнешся отслужить свой срокъ и здоровымъ вернуться, а то расколомчатятъ тебя всего и на што ты онося будешь годець? Никуда, потому разбитый!..

— Слышишь, что, вотъ, онъ, говорить?

— Да это онъ съ дуру бовтся. Нонѣшній народъ нѣженка, не то что въ старину. По моему, бояться сквозь строя нечего: у страха глаза только велики. Я и съ молоду

былъ такой же, какъ теперь—сухопарный, и все-таки *тм-сму* отходилъ сразу чрезъ зеленую, а съ такою-то жирною спинницей какъ у него, вонъ, и трусить! Да онъ навѣрняка 3000 прошелъ-бы и послѣ-бы только пять попросилъ.

— Ну, этого сказать нельзя: иной жирный гораздо меньше вытерпитъ, чѣмъ тощій, потому разной; бываютъ, люди, комплекція, промзвесь высокій, сѣдой старикъ съ благообразною, продолговатою фizioномією, на которой отъ впамяхъ щекъ и глазъ видѣлся одинъ лишь орлиный носъ.

— А ты, старикъ, тоже вѣрно изъ гоненныхъ?

— Какъ-же-съ, бывшее дѣло...

— Твоя жизнь тоже, вѣроятно не безъ приключеній; будь другъ—познакомь меня съ нею: я очень люблю слушать про старину.

— Съ удовольствіемъ. Я изъ солдатскихъ сыновей, штыковой, стало быть работы. Еще 10 лѣтъ взять былъ, въ 1816 г., въ кантонисты, въ Москву, потому сиротой остался: отца французы уколотили въ 1812 году.

— Каково тогда было житье кантонистамъ?

— Кадетское: насъ тогда и учили, и содержали очень хорошо. Потомъ, съ 28 или 26, хорошенько не помню, котораго именно года, все круто переѣнилось; пошли поронцы, ломка боковъ сильнѣйшая. Учился я хорошо и рассчитывалъ приготовиться въ учителя по тогдашнему, а нынче не знаю ужъ, какъ они и прозываются, анъ выбрали меня въ солдаты во 2 учебный карабинерный полкъ, въ Москвѣ-же. Это было въ тысячу, дай Богъ памяти... да, въ 1828 г. Тогдашняго солдатскаго житья не стану вамъ подробно пересказывать, потому, первое, забылъ ужъ многое, а второе, былъ, помнится, приказъ: деватерыхъ убей, но 10-го внучи, и ладно. Поэтому служить было въ карабинерахъ—ухъ, ка-

ково! даромъ, что вся наука была маршировка, да ружейные приемы. За носокъ, стойку, и на 12 темповъ заряжай дули, не говорю ужъ кулаками, а и шомполами, налками, всякій часъ... Ежели день проходилъ, бывало, безъ битья, самъ удивляешься, какъ это такое чудо случилось. За тожь и выправка, и маршировка была — антикъ!.. Идешь, бывало, тихимъ шагомъ въ три приема, а на головѣ несешь стаканъ съ водой и воду не расплескаешь, не токма, чтобъ стаканъ уронить. А нииче посмотришь, вонъ, на ученье ажно тошно станеть: только скорымъ, да вольнымъ шагомъ, какъ мужики, на весь слѣдъ, и пробавляются, да и того толкомъ не умѣютъ. Я, примѣрно, старикъ ужъ, а марширую и здѣсь почти лучше всѣхъ; это всякъ вамъ подтвердитъ.

— Правду говоритъ онъ?

— Вѣрно, точно-съ, подтвердило нѣсколько голосовъ. Старикъ образцовый маршировщикъ.

— Такъ вотъ я и пробилъ въ карабинерахъ до какого, бишь, дай Богъ памяти, года-то?... Да, 1845 г.; а въ этомъ году былъ выпущенъ въ армію, на ваканцію унтеръ-офицера, пришолъ въ орловскій пѣхотный полкъ, но вакансію мою, пока я плелся дорогой, ужъ заняли и меня опредѣлили, за ростъ, въ барабанщики. Едва научился я въ годъ барабанить—какъ пріѣхалъ новый командиръ, увидѣлъ меня, и вдругъ пришла ему фантазія сдѣлать меня горнистомъ. «Со временемъ, говорилъ онъ, будешь полковымъ штабъ-горнистомъ, потому твой ростъ, видность, осанка—все хорошо». Онъ вытянулся въ струнку, обвелъ вокругъ потухшимъ взоромъ, перевелъ духъ и продолжалъ.—Дѣлать было нечего принялся дуть въ рожокъ, и съ этихъ-то поръ и пошли на меня напасти. Наука выигрывать на рожкѣ сигналы мнѣ не далась, а меня изъ за нея шибко дубасили: гнѣнисься,

говорили, а какое тутъ лѣпишься, коли грудь слаба и силъ не хватаетъ дуть на разные манеры. Вижу, дѣло мое дрянъ: унтеръ-офицерства не даютъ, хоть я ужъ 18 лѣтъ отка- талъ, да в обиднымъ показалось учитья быть горнистомъ на 38 году отъ роду. Призадумался я о своей судьбѣ, погоревалъ съ мѣсяць, потомъ обозлился, бросилъ свой ро- жокъ и бѣжалъ со службы изъ Харьковской, кажется, гу- берніи, въ 48 г., какъ разъ помню, предъ венгерскимъ по- ходомъ, а бѣжавши пробрался кое-какъ къ родинѣ и почти два года прожилъ, гдѣ день, гдѣ ночь. Потомъ... да, что, бишь, было такое потомъ?.. Да, потомъ, разъ, въ 1850, ка- жется, году, оплошалъ, поймали, наказали 300 розогъ и послали служить въ тамбовскій, коли не ошибаюсь, гарни- зонъ. Прослуживши тихо около 3-хъ лѣтъ, я спросилъ разъ писаря: сколько еще лѣтъ долженъ я служить до отставки? «10 отвѣтилъ онъ, потому ты штрафованный». Слова его точно кияткомъ, вѣрите-ли, ошпарили меня. И я, не додго думая,—опять бѣжалъ. Въ 1854 году поймали меня при кражѣ вещей (надо-жъ было проптываться чѣмъ-нибудь?), прогнали сквозь строй, чрезъ 500 человекъ разъ, и послали служить въ Крымъ, на войну, значить. Я съ дороги тягу далъ, потому рѣшился больше ужъ не служить, былъ схва- ченъ, въ 1857, думается, году, въ Польшѣ, опять прошелъ сквозь строй чрезъ 500 дважды и отправился въ Кіевскую арестантскую роту. Отбывши срокъ очутился на службѣ... въ какомъ-же это гарнизонѣ? Да, въ Смоленскѣ, откуда опять бѣжалъ, былъ словленъ, проташенъ чрезъ 500 дважды и въ бобруйскую арестантскую роту на 4 года. Кончилъ срокъ, послали въ Ревель служить.

— И тамъ ты, конечно, тоже не ужился?

— Нѣтъ, и вотъ по какому ужъ случаю. Иду разъ по улицѣ и вдругъ встрѣчаю офицера. Онъ меня узналъ, оста-

новилъ и что же? Онъ былъ мнѣ когда-то товарищемъ въ карабинерахъ! Это меня просто ожгло всего: я вспомнилъ кто онъ, кто я, что и я бы, при другой судьбѣ, тоже давно-бы ужъ могъ быть офицеромъ и опять махнулъ на волю, пробрался въ Сибирь, прожилъ тамъ кое-какъ нѣтъ лѣтъ, прослышалъ про манифестъ, присоединился къ другимъ такимъ-же, какъ я, дезертирамъ, пошли мы всѣ къ земскому засѣдателю и просили его сказать намъ про нашу участь. Онъ спросилъ за это по гривеннику. Мы сложились—дали, онъ прочиталъ, точно манифестъ, какую-то печатную тетрадку, объявилъ: «все всѣмъ прощается, ежели назоветесь настоящимъ званіемъ». Мы, съ дуру-то, повѣрили ему и попали въ западню: тою-жъ ночью насъ переловили и привели въ Енисейскъ, въ острогъ. Оттолъ я переселился на два года въ оренбургскую исправительную роту, а изъ Оренбурга, по многолюдству, да по старости лѣтъ, перевели насъ, полтора года человекъ, сюда, въ Динабургъ, на исправленье... Вотъ, сударь, всѣ мои мытарства. Извините: можетъ перепуталъ какія названія городовъ али гарнизоновъ, но это не нарочно: память ослабла совсѣмъ, а все прочее, кажется, вѣрно.

— Какъ-же ты, человекъ толковый, понималъ, что побѣги жестоко преслѣдуются, а самъ продолжалъ бѣгать?

— Да я такъ судилъ: выслуги не дождешься, силы отняли, чего-жъ еще ждать? Нонче, вонъ, служба всего 6 лѣтъ и палки, и розги уничтожены, и, кажется, чего-бы легче служить? такъ нѣтъ-же, тоже бѣгутъ, а въ старину надо было 25 лѣтъ безотлучно откатать, да и тогдашній мѣсяцъ безпремѣнно слѣдовало равнять, какъ въ Севастополѣ, за годъ: трудно ужъ очень было.

— Что-же васъ, людей опытныхъ, побудило добровольно придти къ засѣдателю и повѣрить ему на слово?

— Хотѣлось домой хоть кости принести. Я хоть 6 лѣтъ прожилъ въ Сибири, и пора-бы, кажется, привыкнуть, а все тянуло въ Россію — потому житье-то стало чрезъ-чуръ ужъ плохое: прежде ходи, бывало, куда и какъ знаешь, ни о какихъ паспортахъ въ Сибири и помину не было, а потомъ шибко прижали насъ, бродягъ. Мы, бывало, въ степи, въ тундры, а тамъ проклятые чучки, тептары, и давай съ винтовками охотиться на насъ, какъ на дичьихъ кабановъ, а мы, безоружные, голодные, холодные, или падали, какъ снопы, отъ пуль и кинжаловъ, или мерли, какъ мухи, отъ стужи, да отъ голода: кору съ деревьевъ, вѣрите-ли, частенько грызли,—вмѣсто хлѣба; траву чавкали, какъ коровы; на разсвѣтъ, лизали, на поляхъ, языкомъ, губами—росу, вмѣсто питья. Вотъ что принудило насъ отдаться правительству...

— Что ты чувствовалъ предъ и во время гоненія севозьстрой?

— Да какъ бы это вамъ доложить по-яснѣй? Видѣвши, какъ гоняли другихъ—я дрожалъ какъ осиновый листъ и думалъ: Господи! какъ это они выносятъ, а на то мѣсто и самому пришлось, потомъ, выносить. Первый разъ, какъ я взглянулъ съ краю на фронтъ, съ палками въ рукахъ,—я обмеръ отъ страху и очнулся ужъ какъ протащили рядовъ 20—30. Очнувшись, я упалъ, мнѣ дали перевести духъ, понюхать спирту, я оправился, поднялся и... и... право ужъ не помню, кажется, проволокли меня дальше, а не шоль я. Что было потомъ?... И теперь, 18 лѣтъ спустя, мурашки ажно бѣгаютъ по кожѣ, какъ только вспомню, какъ тяжело мнѣ достался первый походъ по зеленой улицѣ. Другіе разы гораздо ужъ легче было—сноровку зналъ: покуда привязывають, бывало, руки, къ ружейному прикладу—дрожишь, умоляешь всѣми святыми солдатъ вести скорѣй, а какъ поведутъ—бросаешься изъ стороны, въ сторону, толкаешь впе-

редь ведущихъ, чтобы не такъ ловко, плотно, палки попадали въ спину. Вести наяржали самыхъ, обыкновенно, здоровыхъ солдатъ, такъ и ихъ бывало осилишь. Какъ отбъжишь рядовъ 10, въ глазахъ потемнѣеть, голова одурѣть, кости затрещать, внутри спины все загорить, закипитъ, заболтыхается и... и такъ и отмаешься. Я всё три раза откаживалъ, впрочемъ, сразу. Гораздо пушая, бывала, боль послѣ гонянья, когда спину вспрыснуть водкой: тутъ готовъ бываешь и задавиться, и заколоться отъ муки, грызешь пальцы, ежишься, вытягиваешься, одно слово, дѣлаешься не знаю ужъ на что похожъ. Да вотъ еще что: зимой гораздо легче идти по зеленой, нежели лѣтомъ, и чѣмъ морозъ сильнѣй—тѣмъ меньше чувствуешь боль: покуда идешь, бывало, за городъ, али къ манежу въ отрепьяхъ, иззябнешь, а тамъ раздѣнуть до-нага и совсѣмъ окоченѣешь,—ну, и въ половину меньше чуешь боль.

— Въ какихъ ротахъ жить было вольнѣе,—въ прежнихъ или новѣйшихъ?

— Въ прежнихъ: тамъ работали на урокъ больше земляныя работы; урокъ задавался 5-мъ выкопать въ день земли на 2 сажени длины, на сажень ширины и на полсажени въ глубину. Постараемся кончить раньше, сработаемъ больше, подрядчикъ дастъ по чаркѣ водки, сбитню, не то и деньжонокъ, либо говядины. Особливо было привольно въ бобруйской: тамъ мы держали свою артельную лавочку, кабакъ, съ кирпичнаго завода, ходили въ городъ по трактамъ, по дѣвкамъ, начальство насъ не притѣсняло: мы его задабривали деньгами, а ихъ добывали, какъ я уже говорилъ вамъ, легко. Тоже и въ Кіевѣ нельзя было жаловаться на начальство: оно брало себѣ наши пайковныя деньги и дозволяло намъ наквитывать ихъ милостынею. Въ Кіевѣ на богомолье пропасть, бывало, пріѣзжало и приходило народу.

и всегда щедро награждали насъ повсюду, особливо около пещеръ, гдѣ мы часто работали. Товарищество въ обѣихъ ротахъ было прежде дружное: никто никого и ни за что не выдавалъ, а, напротивъ, другъ за друга стояли горой, никого въ обиду хоть и начальству не давали, а нынче что такое стало? Въ понѣшнемъ народѣ пѣтъ, какъ я вижу, ни отваги, ни желанія постоять за товарищество, а, наоборотъ, одинъ про другого сучить начальству, а оно держитъ насъ въ влещахъ...

— Чтобы ты теперь лучше для себя желалъ: отправиться, за дряхлостью, на поселеніе, въ знакомую тебѣ Сибирь, или въ гражданскій острогъ досидѣть срокъ и потомъ на всѣ четыре стороны?

— Лучше, еслибъ можно, на высылку, потому я, по слабости моему, не дойду ужъ, пожалуй, до Сибири.

— Что-жь-бы ты, однако, сталъ дѣлать послѣ высылки?

— Хоть на четверенькахъ, а доползъ-бы непременно на свою сторону, съ оживленіемъ продолжалъ онъ, взглянулъ-бы на родныя поля, легъ-бы на мать сыру землю, поцаловалъ-бы ее, и тутъ же, кажись-бы, и померъ отъ радости— что донесъ свою буйную головушку на родину, чрезъ 20 хоть лѣтъ. Ахъ! какъ ужасно хочется на родину, на родину!.. Господи! потерпи еще мои грѣхамъ и приведи меня на родину! заключилъ онъ. Мутные глаза его засвѣтились, вся статная фигура его какъ-то нервно передернулась.

— Нѣтъ-ли среди васъ, стариковъ, еще кого-нибудь изъ знатоковъ чего-либо особеннаго, чего вы не знаете?

— Есть. Вонъ, влѣво-то, маленькій старичекъ сидитъ, все по церковному говорить и надо полагать, блаженный: все больше молчитъ.

— Миѣ указывали на тебя, почтеннѣйшій, какъ на за-

мѣчательнаго въ своемъ родѣ человѣка, обратились мы къ чрезвычайно щедруму, безволосому человѣку. Не имѣешь ли, дружокъ, расположенія потолковать со мной о своей участи? Съ твоими бумагами, предупреждаю, я ужь знакомъ, значить, если, повторяю, желаешь,—долженъ говорить только правду.

— Ваше-ство, ваше скродіе! воскликнулъ онъ съ паесо-сомъ. Могъ-ли я, низайшій рабъ, угодобляющійся черву капустному, мнить, что Царь небесный ниспошлетъ мнѣ, ничтожной, въ сей юдоли мрака, былинкѣ—величайшую и сладчайшую благодать свою? Ваше вскродіе, виновать—Пр-во! Миръ и преуспѣваніе...

— Постой, постой! Ничего не понимаю. Гдѣ это ты научился говорить церковнымъ нарѣчіемъ?

— Мой родитель славословилъ въ монастырѣ, я обрѣтался посередь Божьихъ людей, и они, иноки, внушили мнѣ мудрость Божию.

— Отбрось въ сторону всякія величанья и простымъ слогомъ расскажи, сдѣлай одолженіе, про свою жизнь.

— Мои померкшія, отъ тяготы, очи больше 20 лѣтъ ужь не зрѣли лица благодѣтельныхъ особъ, мои недостойныя уста ужь 15 лѣтъ не глаголили иначе, какъ съ воздаваніемъ почести земной особамъ, вращающимъ грѣшнымъ нашимъ міромъ. О нѣтъ, ваше...

— Да говори, пожалуйста, по граждански. Ты вѣдь понимаешь, что значить по граждански?

— Точно такъ-съ: въ мірѣ семъ обрѣтаюсь. (Онъ присѣлъ и задумался). Уста мои не отверзаются безъ возданія хвалы Господу Вседержителю...

— Будь другъ, отверзи ихъ и да глаголятъ они, молвила мы, стараясь поддѣлаться подъ его настроеніе.

— Во многомъ глаголеніи нѣсть спасенія, а азъ, много-

грѣшный, питаетъ дерзновенную мысль спастись въ ун-
ніи, молитвѣ и молчаніи... Господь...

— Да сдѣлай-же милость, проглаголь хоть толикую ма-
лость о скорбномъ твоємъ житіи, а если не хочешь—про-
щай: мнѣ некогда. Я сдѣлалъ видъ, что встаю.

— Видя вашъ обликъ Божій, я, да проститъ мнѣ Пред-
вѣчный, повѣдую вамъ о своей скорби безконечной.

— Проститъ, навѣрное проститъ, говори только не по
церковному.

— Отъ младости своя я приверженъ былъ ко храму
Божью и посѣщалъ его съ любовью, возносилъ ко Творцу
молитвы съ сладчайшимъ умилениемъ... Виновать-сь, вино-
вать. Въ 1845 году,—я повѣдаю вамъ все по порядку,—
Господу Богу угодно было испытать крѣпость моего духа,—
наслалъ на меня искушеніе: я похитилъ тлѣнной утвари на
120 руб. ассигнаціями и грѣхъ этотъ искупилъ 35 ударами
плетью въ стѣнахъ смоленскаго острога и отсылкою, въ
оковахъ, уподобляющихся сандалямъ, въ солдаты, въ ви-
тебское исправительное отдѣленіе...

— Что, по твоему, значить тлѣнная утварь?

— Кажись, церковная, а по арестантски: у Ягорья ко-
пытку ободралъ, съ колокольни ревуна спихнулъ. Дѣло-то
конешно, небольшое, отвѣтилъ сосѣдъ.

— Ну, въ витебское, пошелъ ты, отдѣленіе?

— Да-съ, привлекалъ я ноги въ это богопротивное от-
дѣленіе. Тамъ было все мерзость и запустѣніе: ни молиться,
ни вести жизнь постную, уединенную, не позволяли. Дья-
воль тѣмъ временемъ зорко сторожилъ и манилъ меня въ
лѣса дремучіе, въ поля необъятныя. Черезъ годъ я бѣжалъ,
скитался по пустынямъ, обителямъ и монастырямъ до 1852
года, а въ это время былъ настигнуть, схваченъ въ Смо-
ленскѣ, и заточенъ, яко бѣглецъ тать, въ темницу. Въ ка-

зематѣ постигла меня немощь, и меня переимѣстили въ госпиталь. Откуда я возымѣлъ дерзновенный замыселъ опять бѣжать, чрезъ подкопъ, узниками вырытый, вмѣстѣ съ 14-ю человѣками товарищей по заточенію. Всѣхъ насъ переловили, и, что другихъ постигло — не знаю, а меня праведный судъ осудилъ къ истязанію 2,000 батогами, чрезъ длани воиновъ, да 20 лѣтъ тяготу нести въ кронштадтской арестантской ротѣ. Господь праведный воздалъ мнѣ по заслугамъ моимъ. Меня вывели на лобное мѣсто—столбовую, можайскую дорогу, выстроили 1,000 воиновъ, въ два ряда, дали каждому по батогу въ руки, повѣдали мнѣ участь мою, обнажили тѣлеса мои, грѣховныя, и привязали меня къ воинскому оружію..

— Скидывай, стало быть, порты и получай жалованье! вставляй остракъ.

— Въ очахъ моихъ нечистая сила заиграла, въ ушахъ слышались громы небесныя, въ помраченномъ разсудѣіи стало онѣмѣніе, при видѣ этого сатанинскаго зрѣлища... Малость погоды, поволокли меня, 'тата, по срединѣ воиновъ... Я падалъ ницъ, брѣнное мое тѣло летѣло ключьями, кровь брызгала, яко изъ ключа водотечнаго...

— Жирень, вѣрно, былъ, такъ надо-жь было сдѣлать тебя, для твоей-же пользы, по овантажнѣй: худенькому легче бѣгать, опять замѣтилъ шутника.

— Не мѣшай, пожалуйста, остановили мы шутника.

— Это ничего-съ... я тоже вѣдъ слыхивалъ барабанный-то бой: „бей его, рви его!“... Дѣло, доложу вамъ, самое обнаковенное, а онъ, ишь, какъ все это важно обставляетъ.

— Ну, дальше что, старичокъ?

— Господь потерпѣлъ моимъ грѣхамъ—я вынесъ тысячу лозуновъ, и избѣннаго, бездыханнаго отвезли меня, на ко-

лещницѣ, въ тотъ-же госпиталь, гдѣ я возымѣлъ злой умыселъ. Стали лечить...

— Что-же ты въ это время чувствовалъ?

— Чувствительности никакой не имѣлъ: отшибли-сь, а былъ въ большомъ затрудненіи: я пролежалъ на локоточкахъ 25 дней, не обладая силами повернуться... Потомъ, когда мнѣ полегчало,—я сталъ просить добавить мнѣ скорѣй должный счетъ батоговъ...

— Для чего-же ты просилъ?

— Брэнная жизнь тяготила меня и я возмнилъ отпра-виться, лучше, скорѣе, въ лоно авраамово, дондеже разуму моему, недостойному, все мерещилось, какъ воины стоять за мою спиною съ батогами, а это было нудно моему серд-цу, и я пожелалъ получить скорѣй, отъ законнаго правитель-ства, предопредѣленной мнѣ кары Господней и... и получилъ въ изобиліи... Послѣ, паки, пролежалъ, на локоточкахъ, 3 мѣсяца, въ чаяніи вознести духъ мой въ царствіе вѣчнос,— но Господь праведный судилъ инако: Онъ поддерѣпилъ мои силы и я привлачился въ Кронштадтъ, и смиренно согнулъ вью для ударовъ, Господомъ Богомъ мнѣ назначенныхъ, за великія мои прегрѣшенія.. Въ 1853 г., когда Всемогущій под-вергъ за лукавую жизнь все русское царство уныню — на-слалъ иноземцевъ полонить наше царство—я дерзновенно из-рекъ Его Императорскому Величеству (онъ посѣтилъ нашу, алкавшую свободы роту) недостойную свою мольбу — лечь костями за русскую святиню. Царь Небесный сподобилъ меня лицезрѣть Царя земнаго.. Меня послали калить ядра, для истребленія гордаго антихристово царства народа. Потомъ, когда водворился миръ и братолюбіе, я чаялъ узрѣть воль-ный сѣтъ,—но Богу не угодно было даровать мнѣ сію вели-кую благодать: меня паки заточили въ свеаборгскую арестант-скую-же роту дослужить еще 5 лѣтъ. Тамъ все мнѣ претило:

духъ непокорства паки запылала во мнѣ, сатанинская сила, возликовала надо мной и увлекла меня въ странствіе...

— Какъ въ странствіе?

— Я не могъ осилить немощь свою и паки убѣжалъ-съ... Направилъ стопы свои промежъ странниковъ въ св. градъ Кіевъ, а оттуда повлачилъ ноги свои по скытамъ, по монастыріямъ... Текли года, подвизался и азъ, многогрѣшный, по волнамъ житейскаго моря...

— Чѣмъ-же ты питался въ это время?

— Христовымъ именемъ. Не сѣялъ, не жалъ, а по благодсти Господней, насыщался всегда.

— И какой-нибудь паспортъ имѣлъ?

— Никакъ нѣтъ-съ: рабу Божью не потребна челоувѣчья мѣта.

— Слѣдовательно, тебя задержали за беспаспортность?

— Вѣрно-съ; это сотворилось въ Сибири, въ странѣ антихристовой, гдѣ люди—подобіе дьявола.

— Товарищи твои, напротивъ, говорятъ, что Сибирь благодатная страна.

— Для людей, приверженныхъ сатанѣ—истинно мудрая страна, а для странниковъ—скопище злыхъ духовъ.

— Не признають, значить, ихъ носителями правды?

— Истинно такъ-съ: издѣваются надъ странниками, въ Божье слово не вѣрятъ, а бѣглыхъ укрываютъ-съ. Меня и словили, въ 1868 г., и паки заточили, и паки на тяготу обрели, въ 1868 г., въ оренбургскую исправительную роту, а изъ нея сюда приволокли, тата, въ оковахъ.

— Какое наказаніе тяжелѣе: плетью или сквозь строй?

— И то и другое очень близко къ сердцу-съ.

— Что больнѣе?

— Запаметоваль-съ. И плеть, и батоги изрекъ законъ, а законъ челоувѣчій—предначертанъ закономъ Божиимъ-съ... И

владу я остатокъ дней своихъ въ томленьи, скудости, печали и воздыханіи о грѣхахъ своихъ-съ... Я ужъ не отъ міра сего..... Владыко...

— Онъ всегда такъ себя ведетъ? спросили мы его сосѣда.

— Да, поговорить, поговорить, да и невѣсть какую ахи-нею понесеть.

— А ты откуда сюда попалъ?

— Отовсюду-съ.

— Это непонятно.

— Ежели не побрезгуете—скажу-съ.

— Сдѣлай, братъ, одолженіе: я слушаю.

— Сдали меня изъ мѣщанъ въ рекруты 35-ти лѣтъ, въ 1856 г., и послали въ матросы, когда я николи дотоль не видалъ ни моря, ни корабля. Матросская служба мнѣ не по здраву пришлась, и я тягу далъ. Меня словили чрезъ двѣ-же недѣли, высыпали 300 горячихъ леньковъ и поставили на старое мѣсто. Я малость подумалъ и сказалъ себѣ: „врете, не стану служить“, и опять убежъ, меня опять поймали, опять отодрали (300 ударовъ) и туда-же, въ матросы. Повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему, говорятъ, и голову сломить. Я третій разъ удралъ и тоже, чортъ возми, неудачно: схватили, протащили сѣвозъ зеленую, вѣдь, слышали, улицу, чрезъ 500 человѣкъ дважды: взадъ—назадъ, отколошмятили всю печенку, селезенку, требуху и спроводили въ ошпиталь залечивать, стало быть спину, што излупсовали въ лоскутья. Пролежавши 5 мѣсяцевъ навзничъ, я, какъ кошка, ожилъ, и, не долго думая,—четвертый разъ махнулъ драла изъ ошпитала, пробрался по-маленьку, какъ заяцъ, въ Сибирь, прожилъ тамотко въ работникахъ, смиреннѣе 5 годовъ, да на 6 сбрендилъ: хозяинъ мой, выпимши со мной толикую малость,—затѣялъ сперва ссору, а потомъ и драку съ сосѣдомъ, и мы помjali ему, неча грѣха таять, изрядно бока. Онъ жаловаться. Становой цапъ меня, да и говорить: кто

ты таковъ есть?— Бѣжавшій отъ помѣщика, бацнулъ я, для береженья своей, значить, шкуры, да не впопадъ: осмотрѣли меня и нашли рубцы отъ палокъ на спинѣ. Вотъ какъ славно откатали, што и чрезъ 8 лѣтъ мѣтки остались!.. Дѣло, вижу дрянъ, ну и объявился солдатамъ, законопатили меня въ острогъ, и покуда собирали справки, правду-ли я свазалъ — прошло, почитай, *три* года. Потомъ осудили меня въ арестантскую роту, въ Оренбургъ, на 6 лѣтъ. Дорогою я всячески излавчивался удрать, да шельмецы, конвойные, зорво стерегли меня и какъ птичку привели и спрятали въ клетку.

— Для чего-же ты опять хотѣлъ бѣжать? Вѣдь ужъ тѣлесно за побѣги тогда перестали наказывать?

— Не хотѣлъ сидѣть въ арестантахъ и больше ничего. Оренбургскую роту назвали, послѣ, исправительной, какъ-будто не все одно, что арестантская, что исправительная: жатье, ей Богу, вездѣ нашему брату скверное: я на своемъ вѣку пересидѣлъ и на обвахтахъ, и въ острогахъ, и въ кутузкахъ и... одинъ Богъ вѣсть, гдѣ я только не перевошпичивался! Наконецъ, перетащили, вотъ ужъ года, кажется, полтора, сюда еще на исправленье, а ужъ какого отъ меня ждать исправленья? Какъ отъ возла молока! Ей, ей правда. А тутъ еще и грамотѣ зачали учить: вразумись, дескать, старина! Эдакіе, подумаешь... И остатнихъ годовъ не дають спокойно дожить.

— Не забывай, любезный, что грамотному человѣку всегда скорѣй можно найти мѣсто, занятіе, слѣдовательно, грамота полезна.

— Ну и учите тѣхъ, кто хочетъ, а меня увольте отъ этой мудрости: не хочу буквaremъ свою башку ломать: довольно и того, што въ брюхѣ ошметки остались отъ всякой дупсовки.

— Ну, а теперь пересталъ думать о побѣгѣ?

— Ни Боже мой. Какъ только выпадетъ случай — мягомъ удеру, потому здѣсь житья нѣтъ.

— Куда-же ты, по своей старости и слабосилію, дѣнешься, убѣжавши?

— Куда придется. Я только постараюсь убѣжать на волю, а тамъ пусть меня хоть собаки али волки сгрызутъ, это все одно, лишь-бы я былъ вольный: пора-же мнѣ, наконецъ, забастовать коптѣтъ въ кѣлткахъ: меня, горбатаго, могла только исправить.

Въ VI главѣ введенія къ настоящему обозрѣнію, мы объяснили, что всѣ старики, находившіеся въ арестантскихъ ротахъ, при преобразованіи оныхъ въ исправительныя, были отправлены въ Сибирь на водвореніе, слѣдовательно, читатели вправѣ спросить: какъ-же ихъ въ Динабургъ оказалось, потому, болѣе 60 человекъ? Вопросъ этотъ категорически разрѣшается вотъ какимъ образомъ. Ни въ воинскомъ уставѣ о наказаніяхъ, ни въ положеніи объ исправительныхъ ротахъ не указано: выше какого именно возраста служащіе солдаты освобождаются отъ заключенія въ эти роты. А такъ какъ въ нестроевыхъ частяхъ войскъ и до сихъ поръ есть еще старослужащіе, то при осужденіи кого-либо изъ нихъ за преступленіе, наказуемое заключеніемъ въ означенныя роты, они неизбежно поступаютъ въ таковыя. За симъ, старики, біографическія подробности, и разсужденія которыхъ мы передали выше, были пойманы въ Сибири *послѣ* открытія исправительныхъ ротъ, — а не покрывающіеся никакою давностью побѣги влекутъ, по закону, тоже въ сіи роты, — значитъ они и составляютъ контингентъ оныхъ. Военное министерство, замѣтивъ, вскорѣ по открытіи ротъ, появленіе въ нихъ стариковъ, создало (въ св. воен. пост. изд. 1859 г.) ст. 53, которою предписывалось: арестантовъ, оказавшихся, по дряхлости, ста-

рости или болѣзнямъ, совершенно неспособными къ работамъ въ ротахъ—передать въ гражданское вѣдомство, не состоящихъ на обязательной службѣ—для поступленія съ ними по правиламъ о неспособныхъ арестантахъ гражданскихъ арестантскихъ ротъ, а состоящихъ на обязательной службѣ—для выдержанія въ тюрьмахъ до истеченія срока, на какой они были приговорены къ заключенію въ исправительныя роты и обращенія ихъ, потомъ, туда-же, куда дѣваются выбывающіе изъ гражданскихъ арестантскихъ ротъ, по минованіи срока, пребыванія ихъ тамъ, т. е., опредѣлять на жительство въ общества, къ которымъ они прежде принадлежали; буде-же общества не примутъ ихъ, водворять ихъ на жительство въ Сибири. На этомъ основаніи, были ужь, однажды, 1870 году, исключены изъ ротъ старики и молодые больные, изъ коихъ гражданское вѣдомство: волноопредѣляющимся дозволило приписаться къ мѣщанскимъ обществамъ, а обязательно служившихъ задержало въ тюрьмахъ сверхъ срока, ибо общества, къ которымъ одни когда-то принадлежали, совершенно ихъ забили и потому отказались отъ нихъ, а другіе, происходя, напр., изъ кантонистовъ, нѣкогда не входили въ составъ какого-либо общества. Такимъ образомъ родился вопросъ: куда гражданскому вѣдомству дѣвать подобныхъ людей? Покуда вопросъ этотъ разрабатывался въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, люди сидѣли въ тюрьмахъ. Посему, военное министерство, 1 апрѣля 1871 г., измѣнило, законодательнымъ порядкомъ, 53 ст. въ томъ смыслѣ, чтобы больныхъ, необязательно служащихъ, передавать гражданскому вѣдомству, для поступленія съ ними по правиламъ о неспособныхъ исправительныхъ арестантскихъ гражданскихъ отдѣленій, а обязательно служившихъ— для отсылки въ Сибирь

на водвореніе. Туда-то, отнынѣ и подлежатъ отправкѣ всѣ подобныя старики.

Х.

Изъ привилегированнаго сословія въ крѣпостяхъ вездѣ живутъ одни офицеры, тамъ служащіе. Понятно, слѣдовательно, что наше внезапное появленіе среди ихъ возбуждало ихъ любопытство, и такъ какъ военные люди, преимущественно, общительныя,—то мы вскорѣ-же и приобрѣтали знакомство многихъ, относившихся весьма сочувственно къ нашему путешествію. Погода стояла хорошая. Въ крѣпостномъ садикѣ ежедневно прогуливалось достаточно начальствующихъ. Однажды мы встрѣтили тамъ группу офицеровъ.

— Ну, какъ вы находите состояніе исправительной роты? спросило насъ нѣсколько голосовъ разомъ.

— Категорически отвѣчать не могу: я еще не все изучилъ въ ней, да и трехгодичнаго существованія роты на новыхъ началахъ слишкомъ еще мало для того, чтобы она вошла въ *настоящую* колею.

— Вы выражаетесь дипломатически, т. е., ни то, ни се, замѣтилъ капитанъ. Мы, здѣшніе обыватели,¹ судимъ о ротѣ по ея начальству, а оно, по своему мирозозерцанію и лѣтамъ, на нашъ взглядъ, швахъ,—значить, и исправляемые имъ, того-съ...

— Развѣ вы не заглядывали въсамую, такъ сказать *суть* роты?

— Это невозможная, для насъ, вещь, вставилъ маіоръ. Начальство тотчасъ-же рѣшить, что покушаемся отбить у него мѣсто, а отсюда и вражда...

— Совершенно вѣрно-съ: я нѣсколько разъ, изъ любо-

пытства, задавалъ начальству нѣкоторые вопросы касательно роты и всегда, подтверждалъ капитанъ, получалъ такого рода неприязненные отвѣты: «мы въ ваши дѣла не вмѣшиваемся, стало - быть, и вы оставьте въ покоѣ наши; мы управляемъ по положенію, наша рота *для насъ* хороша», и т. д.

— Это совершенно естественно: начальство роты слишкомъ консервативно для этого *новаго* дѣла, замѣтилъ полковникъ.

— Бывая часто дежурнымъ по карауламъ, я захожу въ роту и постоянно замѣчаю, что офицеры, за тотъ незначительный трудъ, который они несутъ, — слишкомъ хорошо обезпечены: и жалованье большее получаютъ они, нежели армейскіе, и квартиры имѣютъ прекрасныя, да и дѣлаютъ... я право не знаю, что ужъ они тамъ дѣлаютъ. Я, напр., батальонный командиръ, получаю, въ общей сложности, право, меньшее содержаніе, нежели въ ротѣ старшій помощникъ, на правахъ ротнаго командира. Теперь возьмите нашу службу: караулы, ученія, гимнастика, стрѣльба, обученіе солдатъ, тѣ-же 2 часа въ сутки, грамотности, и выходить, что мы несравненно больше обременены службою.

— Не забудьте, имъ, вѣдь, еще 3 года службы считается за 5 къ пенсіямъ, дополнилъ полковникъ.

— Препимущества эти оправдываются отчасти тѣмъ, что ихъ жизнь иногда подвергается опасности; въ полкахъ, напр., никогда не случается, чтобъ солдатъ бросился съ ножомъ на начальника, а въ роткахъ, тюрьмахъ, это явленіе почти обыденное.

— Будьте увѣрены, на порядочнаго начальника никто никогда не покусится, а коли сами доводятъ людей до остервененія, значить, долгъ красенъ платежомъ, произнесъ майоръ. Я говорю это по опыту: я самъ завѣдывалъ, около 2-хъ лѣтъ, тобольскою каторжною тюрьмою, обходился съ

людьми безпощадно строго, но справедливо, и, кромѣ рас-положенія къ себѣ, отъ нихъ ничего не заслужилъ. Да вотъ вамъ фактъ. Разъ одинъ убѣжалъ съ зарородной работы. Поискали, поискали его, но ни гдѣ не нашли. Я упрекнулъ всѣхъ въ этомъ. Тогда 4 головорѣза вызвались найти его. Я отпустилъ ихъ однихъ *на честное слово*, и что-же? Черезъ день всѣ явились вазадъ и привели еще бѣглеца.

— Глядя на занятіе офицеровъ роты, продолжалъ полковникъ, мнѣ думается, что нѣкоторыя изъ этихъ занятій вовсе не офицерскія: принимать, напимѣръ, заказы, наблюдать за работами—дѣло прикащика, отставнаго солдата-мастера, а не офицера, который на этомъ мѣстѣ въ интересахъ самой казны, вреденъ: я спрашивалъ своихъ солдатъ, отчего они отдають сапоги шить евреямъ, а не въ роту и, какой же-бы вы думали отвѣтъ услышалъ я? „Съ евреемъ торгуешься, споришь, сколько хочешь, а въ ротѣ принимаетъ заказы офицеръ, а съ нимъ намъ нельзя торговаться, нельзя ему указывать, какъ что сдѣлать, а забраковать и подавно нельзя; ну и невыгодно туда ходить заказывать“. И совершенно логично при солдатской дисциплинѣ.

— Офицеры завѣдываютъ мастерскими временно до введенія нормальныхъ штатовъ; тогда-же этимъ будетъ заниматься непременно частное лицо, по найму. Объясните мнѣ, господа, пожалуйста, откровенно: взглядъ на роты собственно войска?

— Да такой, что арестантамъ жить, будто-бы, лучше, нежели солдатамъ.

— И взглядъ этотъ, конечно, фальшивый, возразилъ капитанъ; но чтобы его разрушить, было-бы полезно распространить въ войскахъ подробныя свѣдѣнія о *дѣйствительномъ* положеніи ротъ *безъ всякихъ прикрасъ*. Тогда солдаты остерегались бы попадать въ роты, тогда какъ теперь до нихъ

доходятъ, напимѣрь, рассказы, что въ ротяхъ отлично кормятъ, что арестанты работами сколачиваютъ себѣ деньгу на черный день, что они никакихъ ученій не знаютъ и т. д., въ этомъ же родѣ. Оттого нѣкоторые лѣнныя служить напращиваются на проступки, чтобы въ роты попасть. Такого рода свѣдѣнія полезны и самому начальству исправительныхъ ротъ, которому слѣдуетъ, кромѣ того, показать еще, въ рассказахъ, напимѣрь, характеры, чувства, потребности человѣческія, причины, приведшія ихъ въ роты; о томъ, какъ и что дѣлается въ другихъ ротяхъ, для возбужденія въ нихъ соревнованія, самолюбія. А то начальство не знаетъ ничего этого: арестанты недовѣрчивы къ нему. Всего этого позволѣте ждать отъ васъ, пользующагося въ этомъ отношеніи свободою печати, независимостью сужденія.

— Насколько все это будетъ зависѣть лично отъ меня— я непремѣнно исполню.

— Я въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ этотъ напимѣрь,— скептикъ, возразилъ полковникъ. Потому и сомнѣваюсь, чтобы начальство ротъ стало читать вашу книгу. Меня, вонъ, офицеръ спросилъ разъ, что такое пенитенціарная система? Я ему вкратцѣ отвѣтилъ, онъ не понялъ, я ему посоветовалъ заглянуть въ лексиконъ, но онъ отказался: „не стоитъ, говорить, глаза портить“.

— Ну, а какого вы, господа, мнѣнія касательно способовъ исправленія нравственности арестантовъ?

— Во-первыхъ, на грамотность удѣлять не два, а 4 часа въ день, да, по крайней мѣрѣ, хоть часъ на бесѣды съ ними о предметахъ религіозныхъ, нравственныхъ, служебныхъ, общественныхъ, отозвался капитанъ; во-вторыхъ, работать заставлятъ молча, и, чтобы самый трудъ занималъ ихъ умъ; а въ третьихъ, и главное, обходиться съ ними гуманно доказывать имъ, общепонятнымъ языкомъ, всю пользу

дѣлнвности сношеній, возвышенія, а не униженія чело-
вѣческаго ихъ достоинства.

— Сознавая достоинства грамотности, бесѣдъ и произво-
дительныхъ работъ, я отвергаю гуманность въ тѣсномъ смн-
слѣ этого слова: нашъ простой народъ долеко еще не до-
рость до пониманія и правильной оцѣнѣ гуманности; поэто-
му арестантовъ надо держать, что называется, въ ежовыхъ
рукавицахъ; но быть одинаково справедливымъ ко всѣмъ
безъ исключенія. Это аксіома: такого начальника всѣ солда-
ти любятъ; но разъ вы одному помирволили, а другаго на-
казали, вы, будьте увѣрены, потеряли уваженіе въ ихъ глазахъ.
Это я говорю потому, что 15 лѣтъ провелъ среди солдатъ, въ
томъ числѣ 2 года съ арестантами и близко изучилъ ихъ
правы и взгляды.

— Такъ вамъ бы перейти начальниковъ исправительной
роты; вы бы тамъ принесли серьезную пользу.

— Радъ-бы, господа, въ рай, да грѣхи не пускають: на
эти мѣста всегда много претендентовъ съ рекомендаціями
а у меня, простого маіора, армейца, нѣтъ такой заручки, ну
и перехожу форсированнымъ маршемъ изъ Калуги въ Вет-
лугу, изъ Варшавы въ Митаву... Такова жизнь настоящихъ
армейцевъ.

Всѣ засмѣялись. Издали показалось нѣсколько дамъ и
разговоръ на этомъ прекратился: кавалеры пошли къ нимъ
на встрѣчу.

НОВОГЕОРГІЕВСКАЯ

ИСПРАВИТЕЛЬНАЯ РОТА.

I.

Приѣхавъ къ воротамъ Новогеоргіевской крѣпости (35 верстъ отъ Варшавы) въ 9 часу вечера, мы услышали чье-то приказаніе, кучеру остановиться, что тотъ мгновенно исполнилъ.

— Кто здѣсь ѣдетъ и куда? спросилъ жандармъ, отворивъ дверцы омнибуса.

— Я, надворный совѣтникъ N, а это купецъ, отвѣтилъ въ формѣ артиллерійской чиновникъ, указывая на насъ.

— Если вы принимаете меня за купца потому лишь, что я съ бородой,—то ошибаетесь: я то же чиновникъ.

— Пожалуйте паспортъ? обратился къ намъ жандармъ.

— Паспортъ у меня въ чемоданѣ, а растюковывать его въ потьмахъ, среди улицы, чтобъ достать паспортъ,—я крайне затрудняюсь.

— Безъ паспорта въ крѣпость не пропустимъ; а коли ежели желаете — пожалуйста въ комендантское правленіе: тамъ разберутъ кто вы такой.

— Я явлюсь, завтра утромъ, къ самому коменданту, а

теперь отпустите, пожалуйста, хоть до трактира: я сильно усталъ.

— Не можемъ, ваше-бродье: чужихъ запрещено, послѣ зари, впускать въ крѣпость. Паспортъ, либо въ комендантское правленіе отправимся, а не хотите исполнить ни того, ни другаго,—ворочайте оглобли назадъ.

Долго мы другъ другу возражали; наконецъ, споръ рѣшился въ нашу пользу: этому помогла *казенная* подорожная. Подѣхавъ къ единственному трактиру — мы попросили отвести намъ номеръ и дать чаю.

— Трактиръ нумеровъ не имѣетъ, а чай у насъ не пьютъ, отвѣтилъ буфетчикъ; номера-же для госпожь пріѣзжающихъ *по службѣ* отводитъ комендантское правленіе.

— Гдѣ-же, скажите, останавливаются тутъ *частныя* лица?

— Въ самой крѣпости для такихъ лицъ нѣтъ нигдѣ мѣста: они пристають на «новомъ дворѣ» версты за 3 отъ крѣпости.

— Но я имѣю подорожную тоже по казенной надобности?

— Въ такомъ случаѣ пожалуйста ее, я отправлю въ комендантское прописать, а покада подождите здѣсь: можетъ и вамъ дадутъ казенный номеръ.

Намъ дѣйствительно отвели даромъ комнатку (съ кроватью и столикомъ), по величинѣ и обстановкѣ совершенно тождественную съ карцерами въ исправительныхъ ротахъ. Такъ какъ инаго помѣщенія достать было положительно негдѣ,— то мы и поселились въ указанномъ номерѣ *). Далѣе

*) На слѣдующее утро, благодаря чрезвычайной любезности, просвѣщеннаго коменданта, мы были перемѣщены въ хорошій, во всѣхъ отношеніяхъ, номеръ.

освѣдомившись, что въ крѣпости есть офицерскій клубъ, а въ немъ происходитъ, въ данный моментъ, балъ,—мы облачили живо, во фракъ, отправились туда, гостеприимно были впущены старшиною, и весьма ласково приняты комендантомъ. Клубная публика вся состояла изъ военныхъ и ихъ дамъ, и потому внезапное тамъ появленіе наше, никому до того неизвѣстнаго *штатскаго*, обратило на насъ всеобщее вниманіе, послужило темою для многихъ и долгихъ разговоровъ.

Наступило утро и мы, въ обычной своей *простомодной* одеждѣ, направились къ исправительной ротѣ,—возлѣ воротъ ея увидѣли унтеръ-офицера и спросили его: что такое за воротами?

— Рястанская, поштенный, рота.—А ты кто есть?

— Приѣзжій.

— Торговецъ, стало быть?

— Да. А скажи, другъ любезный, каково живется, въ вашей ротѣ, рястантамъ.

— Извѣстно плохо, потому рястанты, ну воли и нѣтъ ни на волосъ.

— А кормъ рястанскій хорошій, али плохой?

— Ничего, ѣсть можно; мы ундеръ-церы, вмѣстѣ съ ними кормимся.

— А бьютъ ихъ, али нѣтъ?

— Допрежь, ухъ какъ лупили, а нонѣ рѣдко, потому какъ есть новыи начальникъ, милосливый къ рястантамъ: засудить, али бо въ карцей запрячить, коли нашъ братъ, дасть, примѣрно, сказать, въ зубы кому.

— Такъ рястантамъ, значить, вольготно?

— Шалишь братъ, штобъ вольготно: работой, да муштровкой знатно допекають ихъ, да и розгачи инымъ подаютъ, коли што сбѣдокурять.

— Вотъ тебѣ, служба, на табакъ, поскажи мнѣ какая тамъ работа?

— Спасибо. Работа, братъ, всяческая есть. Не заказывать-ли чаю хощь?

— Отгадалъ, братецъ, ты мой, потому мы разнымъ товаромъ торгуемъ. Сапоги, примѣрно, шьютъ?

— Сколько тебѣ паръ надо?

— Перво-на-перво однѣ-бы: штобы поносить, спробовать крѣпко-ли и фасонисто-ли шьютъ.

— Въ ефтомъ не сумлѣвайся: преотлично работаютъ.

— Дорогую, можетъ статья, цѣну берутъ?

— Супротивъ Аршавы дешево, очинно дешево, а можно смаклировать и еще дешевле. Хочешь я тебя научу, какъ это обстрапать?

— Научи—спасибо скажу, да еще на чай дамъ.

— Ступай ты прямо внизъ, въ контору. Тамъ ахвицеръ спросить, што тебѣ надо. «Сапоги молю заказать хочу», ваше бродье. Какія тебѣ юфтовня, али выростковня? пере-спросивъ онъ.

— Ну юфтовня.

— Такъ вотъ онъ и спросить 3 цалковыхъ, а ты скажи позвольте ваше бродье, допрежь мѣрку снять, съ мастеромъ потолковать, съ рестантомъ Лексѣевымъ. Явится Лексѣевъ, почнетъ мѣрку сымать, ты ему и сунь тихонько гривенникъ, онъ и объявить цѣну 2 цалковыхъ, дашь полтинникъ ахвицеру задатокъ и дѣло будетъ въ шляпѣ.

— А какъ замѣтить, что я Лексѣеву дамъ гривенникъ -- вѣдь пожалуй бѣду наживу?

— Глади въ оба и не замѣтять.

Ладно. Мы отправились по указанію, продѣлали все благополучно, вернулись назадъ, поблагодарили ундера за совѣтъ и спросили его:

— А для че ты-то, другъ любезный, стоишь тутъ?

— Караулю анарала, што пріѣхалъ ночись шпектаровать роту.

— Откуда-жь пріѣхалъ анараль-то ефтотъ?

— Изъ самага, слышь, Питера, да и не военный, а цивильный, и всее-то ись, начальство сказывало, про рястантовъ знаегъ; одно слово дока. Ну и опасно.

Чего-жь опасаться-то?

Чудакъ, ты, я вижу — не белмеса въ нашей службѣ не смѣкаешъ. Чего опасно? Да всего! Анараль знаешъ, што можетъ сдѣлать не токма изъ насъ съ тобой, а и изъ начальства, коли ежели ему, што не пондравится? Въ порошокъ стереть, да по вѣтру и пустить!... Рястанты и обѣдали нонѣ, вонъ, за мѣсто 12, въ 10 часовъ. Вотъ оно, што значтъ анараль-то.

— Для чего же и обѣдали раньше?

— А штобъ къ 12 часамъ, какъ рихтникъ, всѣ въ мастерской сидѣли, къ явону, стало быть, анаральскому пріѣзду. Вотъ братецъ дѣла-то какіе.

— Што же анараль эвто велѣлъ, што-ли?

— А кто-жь яво тамъ знаетъ. Только бядовый говорятъ. Ну и былъ же у насъ переполохъ!... все чистили, мыли, вбирали да наказали держись, говорятъ, бодрѣй, отвѣчать смѣлѣй, и все такое протчее, а мнѣ наказано: гляди, говорятъ, смотри въ оба. Ну и гляжу, штобъ невзначай не пріѣхалъ.

— А ежели прозѣваешь анарала?

— Оборони Богъ: беда... потому какъ я 16 годовъ вѣрой, правдой отслужилъ, а тутъ вся твоя служба мигомъ пропасть должна... Такъ лучше и не шкни про анарала.

— Такъ знай-же, что ты дѣйствительно прозѣвалъ его.

— Што ты, што ты мелешь-то? испуганно молвилъ онъ, оглядываясь вокругъ. Тяпушь тебѣ на языкъ, да сорокъ

нодь языкъ за это! Ничѣмъ пужать—проваливай лучше мимо: не ровень часъ и. . до грѣха...

— Право прозѣвалъ: воображаемый генераль, котораго ты караулишь—я, только я не генераль и вовсе не буду инспектировать вашей роты.

— Шт...то...о? Онъ затрясся. Здается мнѣ ты.. вы... ваше пресходство!... г. купецъ!... Да убирайся ты къ черту отсюда!...

— Успокойся: ничего тебѣ не будетъ худаго: я не бѣдовый, а смиренный, жалостливый человекъ. Идемъ же...

— Позв-вольте... виновать... не мог-гу знать-сь... Отстаны!... анаф-емма!...

Онъ еще пуще растерялся, заговорилъ какую-то чепуху, но не трогался съ мѣста. Безсмысленный видъ его вызвалъ въ насъ раскаяніе за сознаніе и потому мы поспѣшили вернуться во-свояси. Но и послѣ, при встрѣчахъ съ нами, онъ по прежнему продолжалъ конфузиться, пугаться насъ не смотря на то, что мы многократно успокоивали, увѣряли его, въ положительной безопасности.

II.

Зданіе, въ которомъ помѣщается рота новенькое; построено оно на арсеналь, потомъ предназначено было къ помѣщенію, въ военное время, госпиталя, а на мирное обращено въ тюрьму. Зданіе это окружено, съ трехъ сторонъ, деревяннымъ, высокимъ, на 256 саж., частоколомъ и каменными, меньше чѣмъ на половину, протяженія, съ двухъ боковъ, стѣнами въ 48 саж., а задній фасадъ также частоколомъ и крѣпостнымъ, высокимъ, валомъ. На углу передняго фасада частокола висѣла, большая, черная, доска, на которой крупнымъ, печатнымъ шрифтомъ были перечислены 26 отраслей ремесль, производившихся арестантами роты на заказъ; не-

много по-отдалъ калитка, а рядомъ ворота, съвозъ которыя входили, въѣзжали во дворъ. На дворѣ, возлѣ калитки стояла будка, для часового, сзади ея маленькій домикъ, для караульщико въ зimu; отъ будки была протянута внизъ, въ караульню, на столбахъ, проволока—звонокъ, а напротивъ деревянная баня, она же и прачечная. Въ боку бани были пристроены гимнастическія лѣстницы, шесты, счетомъ до 12. Первая половина ровнаго двора назначалась для фронтныхъ учений; тутъ-же вдоль всего частокола 10—15 арестантовъ вили, посредствомъ машины, изъ пеньки, веревки. На другой половинѣ весьма покатаго внизъ, двора, разбивался *будущій* садикъ. Далѣе, внизу ужъ находилась казарма роты. Въ нижнемъ этажѣ помѣщались: контора для приѣма *частныхъ* заказовъ, выставка готовыхъ издѣлій, карцеры, кухни: одна—для всѣхъ арестантовъ, другая—для лазаретныхъ больныхъ; цейнгаузъ для припасовъ, хлѣбопекарня, столовая отдѣльными для каждаго изъ разрядовъ; слесарня и кузница. Комнаты эти, за исключеніемъ 24 карцеровъ, всѣ высокія, потолки со сводами, а полъ въ кухняхъ и столовыхъ земляной. Во второмъ этажѣ очень просторныя, свѣтлыя мастерскія, по разрядамъ, при нихъ отдѣльныя: цейнгаузъ—для склада казенныхъ и арестантскихъ вещей, матеріаловъ и инструментовъ для работъ; лазаретъ, приемный покой, аптека, ванная и нѣсколько складовъ. Затѣмъ спали арестанты: испытуемые—въ 3-мъ, а исправляющіеся — въ 4-мъ этажахъ. Въ спальныхъ комнатахъ имѣлись деревянныя (по 8—12 въ рядъ) коморки ночныя разьединенія — на 480 чел. Въ коморкахъ на полу песочницы у одной изъ стѣнъ, въ видѣ наръ, скамейка, на ней такой-же, какъ и вездѣ, соломенный, одѣяло, подушка, а на гвоздѣ полотенце и шапка; вмѣсто потолковъ въ коморкахъ, были перекладки, съ широкими, поперегъ, коморокъ 5—7 отверстіями, съвозъ которыя выходилъ и входилъ воз-

духъ.—Въ свободныхъ отъ коморокъ углахъ, приспособлены нарн, каждая на 2—4 чел.; тутъ спали арестанты, кончавшіе срокъ заключенія и готовившіеся къ освобожденію. На стѣнахъ, каждой мастерской, каждой камеры, каждой кладовой и лазаретныхъ комнатъ, видѣлись надписи, на доскахъ, о томъ, чѣмъ и кто тамъ занимается, что хранится, какой разрядъ, что для пищи полагается, какое число людей живетъ, титулъ начальствующихъ надъ ротой. Все зданіе снабжено было водопроводами, по этажамъ; повсюду настоящіе, прекрасные ватерклозеты, въ нихъ, вдоль всѣхъ стѣнъ жестианные умывальники, а полъ покрытъ асфальтомъ. Короче говоря, какъ самое помѣщеніе роты, такъ и чистота, опрятность не оставляли желать ничего лучшаго, и производили, на свѣжаго человѣка, чрезвычайно пріятное впечатлѣніе.

Всѣ офицеры, священникъ, докторъ роты располагали квартирами, въ смежномъ съ ротнымъ, зданіи; тамъ-же жили и унтеръ-офицеры, изъ которыхъ при насъ было: штатныхъ 14 и прикомандированныхъ 11 чел.; въ ихъ комнатахъ далеко было до опрятности.

На приспособленіе зданія было предположено 25,000 р.; но дѣйствительно издержано въ 1869 г. — 10,000 р. и въ 1870 г. — 10,000 р.: на устройство бани, мастерскихъ, коморокъ, на утрамбовку двора, заборовъ и проч. мелочи. Этимъ и кончилась вся работа.

III.

Вставали арестанты, въ нашу бытность въ крѣпости, въ 4 часа утра, убирались, умывались, молились, завтракали и расходились до обѣда по мастерскимъ, за исключеніемъ уборщицовъ комнатъ, казармы, двора 100 чел. Въ 11 часовъ

прерывали работу, водворяли порядокъ въ мастерскихъ, которыя запирались, а люди шли въ 12 часовъ обѣдать; потомъ отдыхали четверть часа, въ своихъ коморкахъ, и отправлялись опять на работы до 6^{1/2} часовъ вечера; послѣ чего ужинали и затѣмъ расходились по камерамъ; по разрядамъ—заниматься грамотностью на полтора часа; а кончивъ это дѣло,—переключались и ложились спать.

Бѣлье мыли 9 прачекъ - арестантовъ, не знавшихъ никакого ремесла. Излишнее же арестантское бѣлье, одежда и обувь, которыя люди приносили съ воли — хранились въ пейхгаузахъ, подѣ отдѣльными, для каждаго, ярычкомъ и тѣ, кто пробывалъ въ ротѣ не болѣе 2 лѣтъ, — по выходѣ получалъ обратно каждый свое имущество. Верхняя одежда на людяхъ была крѣпкая, свѣжая. Въ банѣ арестанты мылись дважды въ мѣсяць, причеъ мыло давалось по 1 ф. на 34 чел., а въ общей сложности на мыло, вѣнннзъ и топку бани тратилось изъ экономическихъ средствъ роты до 50 к. въ годъ.

Продовольствовались арестанты, кромѣ казеннаго пайка, во всемъ *хозяйственнымъ* способомъ. Короннаго секретаря, котораго законъ уполномочиваетъ хозяйничать въ ротѣ при насъ не было. Оттого одинъ изъ помощниковъ начальника роты покупалъ, по распоряженію начальника, предметы потребленія дважды въ мѣсяць, а каптенармусъ расходовалъ ихъ, глядя по надобности, подѣ наблюдениемъ начальства. Варили въ недѣлю: щи, супъ, похлебку: 4 дня — съ саломъ, а 3 дня — съ мясомъ, полагая на человѣка по ¹/₄ ф., а сала на 566 чел. (это число содержалось при насъ) 19 ф.; кромѣ того, въ котель опускалось: капусты — по ¹/₅₀ части ведра; картофеля — по ¹/₂ гарнца; на ужинъ готовили попеременно гречневую, ячневую густую кашацу, горохъ и похлебку. Ъли арестанты безъ различія разряда изъ одного котла; пили

дня въ недѣлю, въ обѣдѣ—всѣ квасъ, а въ остальные дни—воду; кашу получали исправляющіеся трижды въ недѣлю. Овощи для приварка добывались съ ротнаго огорода, который пространствомъ въ 2 десятины и 1077 квадрат. саж. Собрано съ этого огорода:

	Въ 1869 г.	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.
Картофеля	35 корецъ.	90 корецъ.	51 кор.
Буряковъ.	33 пуда.	—	45 пуд.
Капусты	1118 ведеръ.	—	1402 вед.
Луку	17 пуд.	17 пуд.	22 пуд.

Хлѣбъ раздавался въ общей массѣ по 3 ф. на человѣка,—ефрейторамъ, изъ арестантовъ, на ихъ десятки, а они ужъ рѣзали и дѣлили его товарищамъ порціями по 3 ф. въ день, т. е. правило безъ вѣса игнорировалось; но кормили арестантовъ удовлетворительно.

Все содержаніе арестанта, независимо начальства, помещенія и отопленія обходилось казнѣ: на мясныя и рыбныя порціи—10 р. 45³/₄ к.; мука—19 р.; крупа—1 р. 15 к.; соль—60 к.; баня, мыло и вѣники—50 к.; обмундированіе—4 р. 24³/₄ к.; бѣлье: носильное—1 р. 52 к.; постельное и полотенца—1 р. 48 к.; обувь—5 р. 34¹/₄ к.; освѣщеніе ка-меръ и лѣстницъ—7 к., итого 44 р. 36 к. въ годъ. .

IV.

Мастерскія роты открылись, по преобразованіи роты, 1 іюля 1868 г., а работало въ нихъ къ концу годовъ:

	1869 г.	1870 г.	1871 г.
Сапожниковъ.	35	43	88
Башмачниковъ	2	9	15

	1869 г.	1870 г.	1871 г.
Портныхъ	35	51	117
Плотниковъ	12	23	19
Столяровъ	18	15	38
Слесарей	8	9	14
Кузнецовъ	10	11	17
Шорниковъ	2	3	6
Маларовъ	2	3	9
Бондарей	1	5	12
Обойщиковъ	—	3	4
Токарей	1	5	6
Мѣдниковъ	1	—	—
Переплетчиковъ	1	4	9
Лакировщиковъ	2	—	—
Пильщиковъ	4	4	22
Колесниковъ	3	3	—
Работавшихъ колодки, для шитья на нихъ сапоговъ.	—	2	—
Плетшихъ маты	3	—	4
Дѣлавшихъ гармоніи и скринки.	—	2	6
Дѣлавшихъ корзинки	—	3	27
Рѣзчиковъ по дереву	6	—	10
Граверь	—	1	1
Серебрянниковъ	—	3	7
Подеревщиковъ	—	—	5
Чинившихъ экипажи	—	—	6
Прядильщиковъ	—	—	14

140 чел. 213 чел. 456 чел.

Заработали всѣ эти люди: въ 1868 г. — 229 р. 94 коп.; въ 1869 г. — 1,059 р. 15½ коп.; въ 1870 г. — 1,971 р. 96¼ к.; въ 1871 г. — 4,107 р. итого 7,368 5¾ к.

Изъ означенныхъ цифръ слѣдуетъ скинуть: а) истраченныя на инструменты и матеріалы: въ 1868 г. — 237 р. 47¹/₂ к.; въ 1869 г.—222 р. 20 к.; въ 1870 г.—919 р. 5¹/₂ к., а въ 1871 г. по 1 октября—838 р. 23¹/₂ к.; б) отчисленныя въ пользу арестантовъ 10% съ рубля: въ 1868 г. — 22 р. 99 к.; въ 1869 г. — 82 р. 92 к.; въ 1870 г.—176 р. 89 к.; въ 1871 г.—410 р. 73¹/₂ к.; такъ что разложивъ эти деньги на число работавшихъ — выходитъ, что они получили: въ 1868 г.—145 чел. по 15 к. съ др.; въ 1869 г.—140 чел. по 1 р. 58⁵/₇ к.; въ 1870 г. 213 чел. по 83 к. съ др., а въ 1871 г. 456 чел. по 90 к. съ др. каждый; в) выданныя въ вознагражденіе начальству: въ 1868 и 1869 г. по 10% 469 р. 44 к., а за 1870 г. разрѣшено было по 20%. За сямъ въ 1868 г. было передержано изъ другихъ суммъ 30 р. 52¹/₂ к.; потому осталось чистымъ доходомъ: въ 1869 г. — 284 р. 59¹/₂ к.; въ 1870 г. — 666 р. 83³/₄ к.; въ 1871 г. — 2,858 р. 3 к., а всего за исключеніемъ передержки 1868 г. 30 р. 52¹/₂ к. 3,809 р. 46¹/₄ к.

Независимо сего по приспособленію казармы работало арестантовъ: въ 1869 г.—166 дней по 195 чел. въ день; въ 1870 г.—до 80 чел.; въ 1871 г.—80 дней по 45 чел. въ день; заработали эти люди: въ 1869 г.—1,153 р. 47³/₄ к.; въ 1870 г. 1,571 р. 31 к.; въ 1871 г. 2,732 р. 73 к. итого 5,457 р. 51³/₄ к. Арестанты же ходили на инженерныя-крѣпостныя работы: въ 1868 г.—221 чел.; въ 1869 г.—216 чел. и въ 1870 г.—195 чел. въ день; но сколько они заработали-бы, еслибъ за ихъ трудъ полагалась плата—свѣдѣній не было въ ротѣ. Такимъ образомъ, соединивъ цифры зарбатовкъ мастеровыхъ 3,809 р. 46¹/₄ к. и приспособлявшихъ зданіе—5,457 р. 51³/₄ к. получается выгоды отъ роты за все время ея существованія 9,266 р. 98 к.

Помѣщеніе мастерскихъ, кромѣ кузницы и слесарной.

которые были темны, просторны, удобны, словомъ хороши. Инструментовъ, имѣлось довольно; было 3—4 швейныхъ машины. Работали арестанты разными вещи на варшавской интендантской складѣ, да по заказу частныхъ лицъ. Преобладающій элементъ заказчиковъ—составляли солдаты и простые людины; шли они туда потому исключительно, что начальство благоразумно распорядилось вывѣсить за воротами огромную доску съ надписью, что именно стоятъ, каждый изъ поименованныхъ на доскѣ 24 предметовъ арестантскаго издѣлія, и за одну лишь работу, и вмѣстѣ съ матеріаломъ; оттого всякій, посмотрѣвъ на доску—напередъ въ состояніи былъ сообразить: соответствуетъ-ли цѣна его средствамъ, желаніямъ и тогда ужъ дѣйствовалъ дальше.

Всѣ предметы такимъ образомъ дѣлались по установленной таксѣ, которая показываетъ, что въ 1870 г. рота брала за офицерскія, напр., сапоги, съ длинными голенищами, изъ гамбургскаго товара 12 р.; за одно шитье ихъ—1 р.; за дамскія прюнелевья ботинки 1 р. 65 к.; за одно шитье ихъ 25 к.; за офицерскій мундиръ 1 р. 25 к.; за дамское платье отъ 30 к. до 1 р. 50 к. (даже и такіе мастера были); за солдатское пальто и мундиръ по 30 к.; за форнированный коммодъ 3 р.; за такой-же диванъ 4 р. 50 к.; за гробъ до 60 к.; за большую гармонію изъ ротнаго матеріала 2 р. 50 к.; за кнутъ 5 к.; за золоченіе серебрянаго браслета и рѣзба на немъ 4 р. и т. д.

Частные заказы принимались въ особой комнатѣ, раздѣленной пополамъ: въ одной половинѣ—была выставка готовыхъ издѣлій и столы, конторка, около которыхъ писали писаря и офицеръ—пріемщикъ заказовъ, а въ другой—меньшей—цѣлые дни толпился народъ, приходившій, кто заказывать, кто получать заказъ; тутъ-же снимали арестанты съ заказчиковъ мѣрки на сапоги, напр., сюртуки и т. п., отчего

не представлялось значительной трудности и передать, что-нибудь арестанту и отъ него взять то, что ему удастся утаить казеннаго.

Матеріалы для мастерскихъ вѣздили, въ Варшаву, покупать: на значительныя суммы—самъ начальникъ роты, а на небольшія — въ недѣлю одинъ-два раза — *частный* комиссіонеръ роты отставной солдатъ, который доставлялъ ихъ на 200—300 р. въ мѣсяць, при этомъ на счетъ стоимости матеріаловъ падали, по необходимости, и путевыя издержки покупщиковъ. Такъ какъ всякаго рода заказовъ, было въ избыткѣ, матеріаловъ выходило много, а помѣщенія для склада ихъ были обширны, — то гораздо, полагаемъ, полезнѣе или покупать матеріалы сразу на 6 — 8 мѣсяцевъ, или же хоть и по-немногу, но чрезъ *постояннаго*, въ Варшавѣ живущаго, комиссіонера, изъ *первыхъ рукъ*, по контрактамъ. Отъ этихъ способовъ заготовки матеріаловъ выиграло бы дѣло: во 1-хъ, матеріалы въ обонихъ случаяхъ обходились бы дешевле: оптовыя цѣны всегда и на все ниже, нежели въ мелочной продажѣ; во 2-хъ, постоянному покупателю вездѣ дѣлается уступка 10% съ договоренной цѣны; въ 3-хъ, работа не останавливалась бы за недостаткомъ матеріала, какъ это иногда случалось; въ 4-хъ, начальникъ роты избавился бы отъ излишнихъ отлучекъ отъ своей части, а достаточно было бы посылать расторопнаго унтеръ-офицера и онъ привозилъ бы все, что по цѣнамъ, съ магазиномъ, либо лавкою условленнымъ контрактомъ.

Собственно мастерскими завѣдывалъ вольнонаемный техникъ, развитой молодой человекъ, отлично ладившій съ арестантами, которые настолько уважали его, что въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ, онъ ни разу ни на кого не жаловался начальству за нерадѣніе къ работѣ, или ослушаніе, лѣность и проч.

Самый механизм приема и сдачи заказов был слишком сложен, отнимал бесплодно значительно времени: контора, получивъ заказъ — записывала его въ книгу и передавала о томъ завѣдывавшему мастерскими особый билетикъ; тотъ записывалъ съ билетика заказъ въ свою книгу и потомъ отдавалъ матеріалъ въ работу арестанту, принималъ отъ него готовую вещь, отмѣчалъ это событіе въ своей книгѣ, пересылалъ вещь съ билетикомъ въ контору, гдѣ это опять отмѣчалось въ книгѣ, вычислялось, сколько арестантъ заработалъ, на билетикѣ, который передавался въ третьи руки, для храненія, до повѣрки. Процедурою этою были заняты 3—5 чел. Упростить ее легко, думается намъ, прибавкой въ конторской книгѣ одной-двухъ графъ, да сокращеніемъ книги въ мастерской: повѣрку правильности изготовленныхъ предметовъ—достаточно произвести по однимъ билетикамъ.

Для организаціи ротныхъ мастерскихъ, въ каждомъ мѣстѣ существованія ротъ есть тюремные комитеты, подъ предсѣдательствомъ, въ крѣпостяхъ, комендантовъ, изъ членовъ отъ: медицинской, инженерной, артиллерійской, армейской частей войскъ и начальниковъ исправительныхъ ротъ. Изъ всѣхъ комитетовъ замѣчательнѣе своими воззрѣніями Новогеоргіевскій комитетъ, занимающійся исправительною ротою съ большимъ тактомъ и глубокимъ пониманіемъ внутренняго смысла закона о ротахъ. Въ подтвержденіе нашего мнѣнія приведемъ, на выдержку, одинъ изъ многихъ фактовъ. Комитетъ освѣдомился, что частные заказы въ ротѣ исполняются неудовлетворительно. И вотъ, рассмотрѣвъ это обстоятельство, комитетъ 24 іюня 1871 г., между прочимъ, изложилъ въ своемъ журналѣ, что «все вниманіе начальства роты видимо устремлено на то, чтобы, какъ можно *больше* выручить за арестантскую работу денегъ, тогда какъ главная цѣль работы есть такое *замѣтіе* арестантовъ, которое способствовало-

бы улучшенію ихъ нравственности, къ чему должны быть направлены всѣ усилія начальства. Занять арестанта не значить дать только работу его рукамъ,—но необходимо, чтобы онъ умственно и нравственно сосредоточился на порученномъ ему предметѣ, и тѣмъ самымъ удалился бы отъ праздности тѣла, духа, не предался бы лѣности и увлекающей въ пороки мечтательности. Оттого работа его должна быть, по справедливому мнѣнію комитета, такая, которая бы его занимала, къ которой онъ имѣлъ бы склонность, которая была бы ему знакома, производилась бы имъ съ искусствомъ, отчетливостью, требовала бы напряженія духовныхъ силъ, овладѣвала бы всецѣло его вниманіемъ». Исходя изъ этого разумнаго взгляда на арестантскій трудъ, комитетъ постановилъ: «при назначеніи арестантамъ работы обращать вниманіе: какимъ, кто мастерствомъ *желаетъ* заниматься; за сѣмъ требовать, чтобы люди работали тщательно, не спѣша, старались бы, находясь въ ротѣ, совершенствоваться; всякую вещь, до сдачи ея въ магазинъ, подробно осматривать и дурно сдѣланную возвращать для исправленія, а съ мастераго взыскивать за неисправность; буде вещь совсѣмъ испорчена—вознаграждать заказчика стоимостью его матеріала на счетъ заработныхъ денегъ виновнаго; наконецъ, споры заказчиковъ съ пріемщиками относительно качества издѣлій—разбирать въ комитетѣ, опредѣленія котораго считать безъ апелляціонными».

V.

Особыхъ классныхъ комнатъ, при насъ, въ ротѣ не было, а учились арестанты грамотѣ въ спальныхъ комнатахъ, по разрядамъ, *вся рота сразу*, только *полтора* часа въ сутки и то вечеромъ, послѣ дневнаго труда. По срединѣ

камеры разставлялись столы, скамейки, народъ садился вокругъ и занимался. Освѣщали столы сверху висѣвшія, на проволокахъ лампы. Учились по букварямъ св. Синода, т. е. по методѣ, давно ужъ вытѣсненной изъ употребленія. Учили, какъ и вездѣ, арестанты товарищей, подъ руководствомъ священника, который хотя и зналъ почти всѣхъ арестантовъ по фамиліямъ, а половину и по нравственнымъ ихъ качествамъ, тѣмъ не менѣе, онъ поставленъ былъ въ физическую невозможность показать, вразумить, наставить изъ 566 и 100 чел. въ столь короткій промежутокъ времени. Мало того: въ ротѣ было довольно евреевъ и католиковъ, плохо понимавшихъ русскій языкъ. Писать учились на деревянныхъ, какъ въ госпиталяхъ, доскахъ, въ изголовьяхъ кроватей, палочками съ жидко разведеннымъ мѣломъ. Книжекъ для чтенія тоже мало было въ ротѣ. Вотъ каталогъ ихъ: чисто духовнаго содержанія 15—18 экземпляровъ, азбуки, «солдатскій букварь», «арифметика», «грамматика», «край крещенаго сѣвера», «о русской землѣ», «поученія», св. Попова къ подслушаннымъ, «подвигъ солдата», «о здоровьи», «чтеніе для солдата», «досугъ и дѣло», «военный сборникъ», «біографія Суворова», «практическое упражненіе въ русскомъ языкѣ», «ремесленная газета», «дисциплинарныя правила» и только. На покупку классныхъ принадлежностей истрачено было: въ 1868 г.—8 р. 58 к.; въ 1869 г.—129 р.; въ 1870 г.—60 р. 5½ к.; въ 1871 г.—34 р. 98 к.

Отсутствіе необходимыхъ руководствъ, книгъ, для народнаго чтенія, хорошо грамотныхъ учителей—арестантовъ и вышеприведенныя неурядицы, сдѣлали, на практикѣ то, что грамотность была здѣсь въ загонѣ.

— Ты давно учишься? спросили мы арестанта, лѣтъ 30 на взглядъ.

— Полтора года, отвѣтилъ онъ.

— И одни буквы только и выучилъ за все это время.

— Точно такъ-съ: по букварямъ трудно распознать, да и шумъ мѣшаетъ: слышите, какъ всѣ вслухъ читаютъ, а гуль этотъ все дѣло портить.

— А ты тоже давно учишься?

— Годъ и 4 мѣсяца; только я плохо учусь по другому, совсѣмъ, случаю: я дважды утопалъ и со страху смерти—у меня вся память отнялась.

Въ ротѣ было, независимо того, нѣсколько положитель-ныхъ идиотовъ, которые не въ состояніи ничего размышлять.

— Урокъ выучилъ? спросилъ при насъ священникъ хромаго еврея.

— Никай сибѣ... нить.

— Отчего-жъ нить?

— Не годица.

— А что за такой отвѣтъ бываетъ?

— Дранцея. И хорсо.

— Хочешь, значить, за это розогъ?

— Н-да-съ... можно... никакъ нацальство вздуеть.

— А сколько тебѣ дать ударовъ?

— Все равно... хоцу...

— Ну 25, примѣрно, довольно?

— Владару, батуска, довольно и 25.

— А больно будетъ тебѣ отъ розогъ?

— Мозеть и будетъ... ницаво... деруть...

— Что же ты теперь дѣлаешь?

— Не знаю... козу себе.

— Куда изъ этой комнаты пойдешь?

— Васа воля... пойду себе...

— Обѣдалъ ты сегодня?

— А-а! мозеть пустать... ѣсть можно.

— Спать хочешь?

— Ницаво, можно. Я такъ на годъ присолю... Ундеръ по рукамъ вдарилъ. Просцайте. Нонце светло.

И такъ, увѣряли насъ, онъ *постоянно* себя велъ и никакия усилія, взысканія на него не дѣйствовали, слѣдовательно и обученіе грамотности такихъ субъектовъ напрасный трудъ.

Дабы грамотность подвинулась скорѣе впередъ—необходимо самое существенное—учить людей не послѣ дневнаго устатка, когда умъ и тѣло жаждутъ отдохновенія, а среди дня, группами, челов. по 50, да завести изрядное количество потребныхъ, для этой цѣли, принадлежностей, указавшихъ выше. Заключимъ эту главу таблицей о числѣ учившихся, которыхъ было:

	Въ 1869 г.	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.
<i>Перваго</i> разряда, умѣвшихъ читать, писать и знавшихъ ариметику	122	23	68
<i>Второго</i> разряда, умѣвшихъ читать и писать	258	65	105
<i>Третьяго</i> разряда, умѣвшихъ только читать	406	88	158
<i>Четвертаго</i> разряда, учившихся читать	418	163	191
Совершенно неграмотныхъ было	364	186	126
	1558	525	648

VI.

Прибывали въ роту осужденные къ содержанію въ ней разъ въ недѣлю, человѣкъ по 10 сразу. Ихъ приводили въ канцелярію, гдѣ повѣряли на нихъ казенное имущество, а

начальникъ роты самъ разспрашивалъ ихъ объ ихъ дѣлахъ, о томъ, кто какое знаетъ ремесло, внушалъ имъ исправиться, прилежно трудиться; потомъ ихъ отводили въ приемную комнату, переодѣвали въ арестантскую одежду, а ту, въ которой они пришли, свертывали въ отдѣльные узлы, съ ярлычками и относили на храненіе въ цейхгаузъ; самихъ же отправляли по мастерскимъ, въ которыхъ начальникъ бывалъ ежедневно по два—три раза и потому лично зналъ многихъ арестантовъ. Относительно рецидивистовъ существовалъ вотъ какой порядокъ. Имъ давали оглядѣться въ общихъ камерахъ, а потомъ ихъ сажали періодически на два дня въ недѣлю въ карцеръ, до тѣхъ поръ, покада мнновалъ установленный 65 ст. положенія о ротахъ полсрока пребыванія въ испытуемыхъ. Періодичность заключенія имѣла гораздо лучшее вліяніе, нежели сразу: отсидѣвъ въ карцерѣ двѣ—три недѣли сразу — человекъ впадалъ, отъ бездѣйствія, въ апатію, терялъ способность чувствовать смыслъ этого наказанія, тогда какъ періодичность постоянно напоминала ему объ его прегрѣшеніяхъ.

— Это сидѣнье здѣсь въ карцерѣ тоску нагоняетъ, говорили намъ многіе рецидивисты; только приобьнешь къ товарищамъ — анъ тебя ужъ и прочь отъ нихъ тянутъ; отмаешься кое-какъ два дня, вернешся въ компанію, не успѣешь оглядѣться — три дня прошло и опять иди ужъ въ конуру, въ молчанку. Лучше бы ей-Богу выдрали, али законопатили залпомъ на мѣсяць, ничѣмъ такъ мучать.

Въ благопріятную погоду арестантовъ водили, цѣлымъ составомъ, разъ или два въ недѣлю, на фронтовыя ученья, на плацъ, версты за двѣ за крѣпость, подь звуки 4-хъ горнистовъ и 2-хъ барабанщиковъ изъ арестантовъ-же; сопровождалъ ихъ на эти ученья весь персоналъ роты безъ оружія и безъ конвоя. Тѣмъ не менѣе никогда еще не было

стараться вести себя на столько, по-крайней-мѣрѣ, осторожно, чтобъ «упаси Господи, не отдали срокъ выпуска изъ роты».

На основаніи 57-й ст. положенія о ротахъ всѣ *собственныя* вещи, приносимыя арестантами въ роту (напр. ситцевыя рубашки, фуфайки, жилетки и т. под. хламъ) подлежатъ продажѣ съ аукціоннаго торга, а вырученныя деньги—причисленію къ спеціальнымъ средствамъ роты. Въ Ригѣ, Динабургѣ и Бобруйскѣ это буквально исполнилось; здѣсь же напротивъ эта статья игнорировалась, по причинамъ, думается намъ, вполне уважительнымъ. Всякій законъ долженъ прежде всего вытекать изъ житейскихъ потребностей, но не быть навязаннымъ жизни вслѣдствіе какой-нибудь предвзятой комбинаціи. Людей, которые относятся равнодушно къ своему матеріальному достоинству конечно мало, но чѣмъ человекъ бѣднѣе, чѣмъ тяжелѣе ему досталась его собственность,—тѣмъ онъ, естественно, больше дорожитъ ею. Далѣе, нѣтъ сильнѣйшихъ ревнителей справедливости, какъ арестантовъ, которыхъ, хотябы они прежде были отъявленные плуты,—пустышнѣйшее отступленіе отъ усвоенной ими въ тюрьмѣ идеи о справедливости—коробить. Многіе безропотно переносятъ какое угодно взысканіе, даже тѣлесное, если оно достигло ихъ за дѣйствительную вину; но ежели они не считаютъ себя виновными—самое незамѣтное нарушеніе ихъ правъ—возстановляетъ ихъ, ввергаетъ многихъ, и безъ того раздражительныхъ, въ изступленіе. За сдѣланное преступленіе опредѣлено наказаніе—содержаніе въ ротѣ извѣстнаго срока; лишеніе же той или другой *собственной* вещи (по 57 ст. положенія ротахъ) нельзя ужъ считать, частицею общаго наказанія, а это является какъ-бы придаточнымъ, въ воинскомъ уставѣ о наказаніяхъ вовсе не предусмотрѣннымъ. Оттого-то арестанты въ обращеніи ихъ фуфаяекъ, рубашекъ, нагрудниковъ, въ казну видятъ явное нарушеніе

ихъ правъ на малоцѣнную собственность. А имѣя въ виду, что безсильная злоба всегда вѣдь дольше держится въ людяхъ, нежели сильная, способная отомстить, отъвѣтять, то и 57 ст. вызываетъ въ людяхъ ропотъ. Между тѣмъ переходя къ экономической сторонѣ вопроса узнаемъ, что и самая сумма, выручаемая за проданный арестантскій хламъ столь ничтожна (10—15 р. въ годъ въ ротѣ изъ 500—600 арестантовъ), что игра положительно не стоитъ свѣчь. Отсюда вытекаетъ несостоятельность 57 статьи, и то, что благоразумные начальники, во избѣжаніе раздраженія арестантовъ, принуждены изъять ее изъ практическаго употребленія. Вслѣдствіе приведенныхъ соображеній, здѣсь вещи арестантовъ не продавались, какъ объяснено выше, а при выходѣ ихъ возвращались имъ обратно и тѣмъ самымъ, при легкости солдатской одежды, зимою, осенью,—сберегали еще здоровье людей, отправлявшихся въ далекій путь вмѣсто одной казенной—въ двухъ рубашкахъ, въ фуфайкахъ, жилетахъ, гораздо больше согрѣвающихъ тѣло, нежели одно форменное платье.

Священникъ роты, человекъ на столько понимающій свое значеніе и гуманнѣй, что цѣлые дни проводилъ въ ротѣ и словомъ и дѣломъ помогая арестантамъ въ ихъ грустной долѣ, по праздникамъ говорилъ вразумительно, просто, проповѣди, наставлялъ своихъ духовныхъ сыновъ, на путь истинный и, повторяемъ, хорошо зналъ всѣхъ.

Въ ротѣ былъ хоръ пѣвчихъ изъ 12 арестантовъ; дрижировалъ хоромъ арестантъ, кончившій курсъ въ Петербургской духовной семинаріи; будучи губернскимъ секретаремъ и пѣвчимъ столбчанаго Казанскаго собора, онъ свихнулся, по милости излишняго выпиванья, потерялъ мѣсто, нанялся въ солдаты, отъ прежней привычки не отсталъ и бѣдился арестантомъ. По воскресеньямъ арестанты-католики (ихъ было

при насъ 40 чел.) ходили, подъ командою унтеръ-офицера, молиться, въ костель, фронтомъ, какъ солдаты, безъ всякаго конвоя, а православные слушали обѣдно въ своей церкви: гдѣ всегда присутствовалъ комендантъ, Е. М. Жуковскій, принимавшій самое горячее участіе въ нравственномъ управленіи арестантовъ.

И вотъ, однажды, при насъ, послѣ обѣдни, выстроили на дворѣ роты всѣхъ арестантовъ, Е. М. Жуковскій поздоровался съ ними, они прошли мимо него церемоніальнымъ маршемъ и опять стали колоною. Все молчало.

— Вызовите, батюшка, пожалуйста, сюда того арестанта, который лучше всѣхъ себя ведетъ, произнесъ генераль, обращаясь къ близъ стоявшему священнику роты.

Физиономіи арестантовъ вытянулись, какъ-то оживились. Священникъ немного подумалъ, потомъ исполнилъ желаніе генерала. Предъ фронтомъ вышелъ, конфузясь, молодой арестантъ.

— За то, что ты лучше всѣхъ поведеніемъ—вотъ тебѣ просфору, которую далъ мнѣ батюшка въ церкви. Съѣшь ее, вмѣсто меня, и знай, что я дороже всего цѣню поведеніе. Ступай на мѣсто.

Арестантъ вспыхнулъ отъ оказанной ему чести, взялъ, дрожащею рукою, просфору, разинулъ было ротъ, чтобы что-то отвѣтить, но въ избыткѣ чувствъ не могъ, и потому робкою поступью отправился въ свою шеренгу.

— Помните ребята, что вы подверглись заключенію за свои провинности *по закону*; продолжалъ генераль всѣмъ; значить должны искупить, загладить ихъ кротостью, повиновеніемъ, добрымъ поведеніемъ, прилежно учиться грамотѣ, мастерству, для своей-же пользы и Богъ дастъ вернетесь въ полки, благополучно дослужите сроки и станете честными, хорошими людьми, какъ и ваши товарищи въ войскахъ.

— Слушаемъ ваше-ство, ради стараться ваше-ство, огласило воздухъ единодушные, радостные крики арестантовъ.

— Ну что съѣлъ ты просвиру, которую получилъ утромъ отъ коменданта, спросили мы вечеромъ счастливица.

— Ни боже мой, отвѣтилъ онъ съ гордостью.

— Чтожъ ты станешь дѣлать съ нею?

— А беречь, какъ зѣнницу ока, потому награда отъ самаго высшаго, какое тутъ только есть, начальства.

— Да вѣдь она засохнетъ, потеряетъ всякій вкусъ.

— Ничего-съ. Когда выйду отсюда—черезъ 3 мѣсяца,—батьюшка отслужитъ мнѣ молебень, помолюсь за здоровье генерала и какъ перешагну порогъ роты, тогда и съѣмъ ее. Мы всѣ Богу молимся за генерала, потому онъ отличный къ намъ. И просвиры часто отдаетъ намъ. Одинъ мой товарищъ даже въ полкъ унесъ просвиру, что генераль ему пожаловалъ.

— Довольны, вы, братцы, что комендантъ просвиру подарилъ вашему товарищу? освѣдомились мы отъ группы арестантовъ.

— То нсъ вотъ какъ по горлу благодарны генералу, потому какъ онъ цѣнитъ поведенье, ну и стоитъ стараться. Нашему брату, арестанту, и ласковое слово, примѣрно, очень, очень дорого: мы вѣдь несчастные и ласкою изъ насъ все сдѣлаете. Ей-Богу такъ.

Вотъ наглядное подтверждѣніе безспорной истины, что гуманное отношеніе къ людямъ, какъ бы они ни были испорчены, всегда скорѣе способно исправить ихъ нравственность, нежели суровыя кары, къ которымъ прибѣгали многіе исправители, совершенно забывая, что держать въ повиновеніи, покорности ежевыми рукавицами, значитъ не обладать моральнымъ вліяніемъ на арестантовъ, а исправленіе безъ такого именно вліянія—немислимо.

VII.

Изъ числа всѣхъ арестантовъ, въ ротѣ содержавшихся (круглымъ числомъ 600 челоѣкъ) проштрафились: въ 1868 году—163 челоѣ., въ 1869 г.—213 челоѣка, въ 1870 г.—108 челоѣкъ, въ 1871 г.—123 челоѣкъ, изъ нихъ было тѣлесно наказано: въ 1868 г.—112 чел., въ 1869 г.—34, въ 1870 г.—21, а въ 1871 г. 45 чел. Наказанія эти налагалась, между прочимъ, за слѣдующіе проступки: въ 1868 г.— за ударъ рядоваго лопатою 75; за найденный табакъ 15; за «*намѣреніе*» продать сапоги—25 ударовъ розогъ, тогда какъ намѣреніе не наказуемо; въ 1869 г. за кражу: подштанниковъ и холщеваго мѣшка по 50; за угрозу ударить унтеръ-офицера кирпичемъ 75 ударовъ; въ 1870 г. за кражу казеннаго кружка 30, за пьянство по 25; за «*намѣреніе*» напиться водки по 30; за покушеніе бѣжать 100 ударовъ; за прнятіе краденнаго хлѣба 25; за продажу образка безъ позволенія начальства 50; за пьянство 10; за ослушаніе фельдфебеля, имѣніе денегъ и отвѣтъ офицеру: «лучше держите меня взаперти, не то я что-нибудь сдѣлаю» 100 ударовъ и на 3 мѣсяца въ испытующе; за храненіе табаку, сахару, чаю, цикорія, селедки, лавроваго листа, для продажи по 20 розогъ; въ 1871 г. за кражу хлѣба у товарища и покушеніе бѣжать 100; за ослушаніе и грубость унтеръ-офицеру по 25; за торговлю говяжьими порціями и табакомъ по 25; за то, что напился пьянымъ 100; за «*неправильную претензію*» 25; за укушеніе пальца товарищу, буйство и пьянство 100; за то, что «позволил себѣ» выпить водки 25; за самовольное сдѣланіе кіота, литографированіе, написаніе образовъ и торговлю ими 50, 25, 10 и 5 ударовъ четвернымъ; за промѣнъ табаку на порцію говядины 30 ударовъ и т. д.

Затѣмъ слѣдовали легчайшія наказанія заключеніе въ карцеры. Въ 1868 г. туда наиримѣрь попадали: за игру въ карты—одинъ на сутки, а другой на ночь — спать; за ударъ арестанта, за выраженіе про товарища „онъ все доноситъ начальству“ на сутки и на 2 недѣли въ кандалы; за то, что «самъ себѣ назначилъ ординарную порцію» на недѣлю въ темный карцеръ; за произнесеніе «у насъ столько начальства, что всѣхъ не перевѣшаешь» туда же; за разговоръ во время наставленія священника въ тотъ же карцеръ на двѣ недѣли, на хлѣбъ и воду, въ кандалы и съ переводомъ въ испытуемые; въ 1869 г.: за утайку *собственно* своего товара, за куреніе табаку и воровство (чего, не означено) на недѣлю; за прожженіе куртки, продажи *собственно* издѣлія шватулки—всѣ въ испытуемые; за шумъ «со своимъ хозяиномъ» на 2, за «недосмотръ своего мастерства, что и была починка почина»; за то, что «попался въ табакъ»; за воровство «ротнаго сала»—на 2 сутки; за найденный мѣшокъ на 11 сутокъ на хлѣбъ и воду. Въ 1870 г. за «дозволеніе себѣ сдѣлать умышленно жилетку изъ матеріала заказчика, которой вполнѣдствіи не оказался»—на 6 сутокъ, за найденную казенную наволочку на 3 сутки и въ темный карцеръ, съ переводомъ въ испытуемые. Въ 1871 г. тѣлесное наказаніе, къ сожалѣнію, пошло прогрессивно впередъ, причемъ оно иногда налагалось легкомысленно. Такъ, одного молодого человѣка наказали 100 ударами розогъ и заковали на мѣсяцъ въ кандалы за то, что онъ сказалъ унтеръ-офицеру: „я тебя убью“.

— Скажи пожалуйста, неужели ты бы дѣйствительно убилъ унтеръ-офицера? спросили мы его, бряцавшего кандалами.

— Гм... Да чѣмъ же бы я его убилъ, коли у меня пѣть ни палки, ни камня, ничего чѣмъ убить можно? наввно спросилъ онъ.

— Для чего же ты такъ выразился?

— Такъ, съ дуру, съ языка сорвалось, съ досады, и больше ничего, ну, а намъ вѣры нѣтъ, вотъ я и выдранъ и въ кандалахъ...

Простота отвѣта даетъ ясное, кажется, понятіе, о томъ, что такое наказаніе было несообразно съ виною арестанта, который, озлобившись за это, при удобномъ случаѣ и дѣйствительно, пожалуй, сотворить что-нибудь поважнѣе надъ невѣстнымъ ему унтеръ-офицеромъ.

Всѣхъ карцеровъ въ ротѣ имѣлось 24. Въ корридорахъ вивѣшены были правила о дисциплинарныхъ взыскаціяхъ; въ самыхъ карцерахъ было, опротно, свѣтло, къ стѣнамъ примощены были нары, на которыхъ спали арестанты, безъ соломенниковъ, на одиѣхъ подушкахъ, пищу заключеннымъ въ карцерахъ подавали сквозь форточки, въ дверяхъ прорубленныя; сидѣвшіе въ карцерахъ иногда занимались портняжествомъ; но преимущественно чтеніемъ, возлѣ оконъ, книгъ духовнаго содержанія.

Въ одномъ изъ карцеровъ содержался, при насъ, „отчаянный“, говорили, арестантъ, четырежды бѣгавшій со службы и изъ роты.

— Скажи пожалуста откровенно: отчего ты все бѣгаешь?

— Со службы потому невыносима она нашему брату изъ арестантовъ, а отсюда со скуки.

— Первый, напримѣръ, разъ почему ты бѣжалъ изъ полка?

— Сдали меня, видите-ли, въ солдаты, когда я ужъ былъ женатымъ, имѣлъ двухъ дѣтей и жилъ безбѣдно своимъ домою, хозяйствомъ въ городѣ: я мѣщанинъ. Я просилъ оставить меня служить въ своей губерніи для поддержки семьи, а меня загнали почтай за 1000 верстъ отъ родины. Въ полку начали меня учить фронту, ружейнымъ

пріемамъ и все такое прочее, а какъ у меня сердце болѣло объ женѣ, да объ дѣтяхъ,—служба-то и не шла мнѣ на умъ. За это меня шибко шпиговали, притѣсняли... Я докладывалъ начальству причину,—надо мной за это, за самое, что я тосковалъ объ семьѣ, надсмѣхались, высмивали... „забудь, говорятъ, и про жену и про дѣтей, коли ты въ солдатахъ“. „Радъ бы, молъ, забыть, да какъ?“ Было средство—вырвать изъ меня сердце, да этого никто не могъ сдѣлать. Я озлился и убѣгъ,—чтобъ хоть глазкомъ взглянуть на семью, да этого не удостоился: поймали на полдорогѣ, вернули, отпустили сотню горячихъ, да и велѣли все-таки служить. Отъ боли, стыда и досады я опять убѣжалъ, опять попался и пришолъ сюда. Исправиться я тутъ не могъ, потому сердце во мнѣ осталось прежнее, а начальство, а порядки здѣсь тогда были гораздо еще хуже полковаго: тамъ не слушали моихъ жалобъ, а тутъ начальникъ былъ строжайшій такой, спросилъ: «Какъ ты смѣлъ бѣжать?» Я отвѣтилъ «противъ воли, съ родными думалось повидаться». Онъ ругаться, хотеть надо мной: „Ишь, говорить, нѣженка какой! Я изъ тебя выбью эту дурь“. А самъ вѣдь только, помните, и хлопоталъ, какъ мнѣ послѣ довелось узнать, какъ бы лишнюю копѣйку зашибить для своей семьи. Стало быть насъ и за людей не считалъ. Горько, очинно горько было мнѣ слушать его рѣчи, потому я чувствительность имѣлъ. Я работалъ безъ устали, чтобъ тоску разогнать. И точно: угомонился было, сократили срокъ, выпустили и вернулся я въ свой полкъ, въ сципллярную команду. Житье вышло тамъ тяжелѣе еще арестантскаго: съ утра до ночи работай, учись, ночью спи мокрый, полуголодный на голыхъ доскахъ, на землѣ, каменный плюгавый рядовой въ усь, да въ рыло валяется, а ты и пикнуть не смѣй—выдерутъ, потому штрафованный. Пораскинулъ я умомъ какъ бѣду изжить, молвилъ

себѣ: «прощай жена и дѣти, да и служба тоже: я больше вамъ не слуга» и убежѣ. Скрыться было некуда и опять, известно, словили, судили, радили, да сюда же. Ежели-бъ въ другую, примѣрно, хоть роту отправили, глядишь новье, можетъ статься, тамошніе порядки перемѣнили бы меня, а то тѣфу ты, молю, пропасть эдакая все старая, знакомая рацея!. Тоска сызнова загрызла меня, да такъ, что вѣрите-ли Богу, весь бѣлый свѣтъ мнѣ опротивѣлъ, сердце тоже привередничало, пустымъ оставаться не хотѣло, и замѣсто своихъ кровныхъ—полюбилось мнѣ бѣгать..

— Вѣдь будучи въ бѣгахъ ты долженъ былъ питаться Богъ вѣсть чѣмъ, долженъ былъ остерегаться каждаго встрѣчнаго, вздрагивать отъ всякаго шороха, постоянно размышлять одно — какъ бы не поймали, а вѣдь все это вмѣстѣ скверно, тяжело до крайности.

— Вы нашей арестантской жизни не знаете и потому вамъ кажется, что сидѣть здѣсь вольготно. А какъ я вамъ доложу какая тутъ одурь беретъ—вы и поймете, отчего мы стараемся удрать отсюда. Все, чѣмъ насъ занимають—это работой. Я примѣрно портной. Съ раннаго утра до поздняго вечера шьешь руками, да глядишь глазами, а голова, а сердце тутъ не при чемъ, ну и поневолѣ сочиняешь разные планы, и, какъ не прикидываешь—все выходитъ утечь. Какъ эдакъ-то задумаешь—сейчасъ тебѣ цѣлый ворохъ занятія: день, недѣлю, иной разъ и двѣ ходишь по мастерской, по коридору и все ищешь гдѣ рѣшотка послабже, да и ищешь, помните, осторожно, крадучись, чтобъ и товарищамъ, и начальству не въ домѣкъ о твоёмъ помышленьи. Нашель. Тогда тебѣ надобенъ какой-нибудь, положимъ, подпилочекъ, а гдѣ его достать? Известно въ слесарной. Но какъ туда пробраться,—коли ты портной? Сызнова въ башкѣ у тебя забродить это, сочиняешь какую-нибудь враку, чтобъ

свести знакомство съ слесарями, побывать въ ихней мастерской, прглядѣться гдѣ какой лежитъ инструментъ, и поеда стибришь подпилкокъ—разъ десять надуешь нѣсколько чело- вѣкъ. Есть у тебя, наконецъ, и подпилкокъ. Чтобъ не от- крыли твою каверзу—подпиливаешь рѣшотку урывками, по- маленьку, опять же не одну недѣлю. Подпилялъ. И това- рищи и начальство бродить мимо твоего спасенья важни- ный день, кажинный часъ и тѣ и другіе останавливаются возлѣ твоего окна, а ты замазалъ подпиленное мѣсто хлѣб- нымъ мякишемъ и глядишь въ оба и дрожишь ежеминутно какъ бы вся твоя египетская работа не пропала ни за по- нюшку табаку. На твое счастье никто не замѣчаетъ подвоха и ты доволенъ, радъ и думаешь: погодите еще маленько и я проведу васъ, безглазыхъ, ротозѣевъ. Все готово. Ждешь, ни дождеши разлюбозной тебѣ темной ночи. Кличуть ужн- вать, доходишь до коллidora, увѣриши, что дѣло не испор- чено и въ столовую, но ужъ не ѣшь: кусокъ въ горло не лезеть. Вернешся въ казарму, отблжкнешся послѣдній разъ на повѣркѣ, прилягешь на нару и ждешь не дождеши ско- ро-ли народъ угомонится. Все смокло. Слезешь съ нары, оденешся, сапоги въ зубы и ползкомъ, на четверень- кахъ проберешся къ завѣтному окну, отворишь его, вы- нешь, полегоньку, рѣшотку, вдѣишися, какъ кошка, за во- досточную трубу и ѣдешь, ѣдешь, тихохонько внизъ, а на сердцѣ туюкъ, туюкъ,—стучать молоточекъ, а по-кожѣ то му- рашки деруть. Вотъ ты и на землѣ и опять ползкомъ, воз- лѣ стѣны, къ начальническимъ квартирамъ поближе,—потому ихъ часовые облаковенно не стерегутъ,—взойдешь въ ко- ллиторъ, хватаешь шинель вѣстоваго, али лакейскій скрту- чашко, накинешъ на плечи, куртку подъ мышку и смѣло къ воротамъ. „Отвори, молю часовой, полковника ждетъ ман- тильки въ гостяхъ“. Онъ тебя съ почтеньемъ и вышуститъ.

— Нельзя же, однако, всё́мъ этимъ *однимъ* способомъ выдти: обмануть такъ легко вѣд. только разъ?

— Способы, разумеется, разные бывають. Одинъ вонъ удрадь въ женской одеждѣ: сдружился съ куфаркой—та и дала ему свою обмундировку; другой слышалъ я, ушолъ офицеромъ, третій, говорили, подкопался подъ воротами; иной можетъ и чрезъ заборъ махнулъ, всяко случалось конечно, а я вамъ сказываю про то какъ я удрадь послѣдній разъ.

— Ну хорошо. Что же дальше?

— Вотъ ты я за воротами. Тутъ-бы кажись валяй во всё лопатки, анъ нѣтъ шалишь: могутъ замѣтить. Потому и идешь шагомъ, а все тѣло горитъ, точно подъ розгами, въ головѣ чертъ знаетъ что такое творится, въ глазахъ рябитъ, руки трясутся, ноги подкашиваются, просто шалѣешь. И такъ бьдешь до поля, спустишься въ канаву, и только тамъ вздохнешь таково, знаете ли, легко, вздохнешь точно гора съ твоихъ плечъ свалилась, ляжешь на мать сыру землю и возликуешь, ннда поплачешь, отъ радости, что *на солъ*, самъ себѣ господинъ!.. Потомъ прочь съ дороги въ кустарникъ, въ лѣсъ и давай улепетывать сколько твоихъ силъ хватить, въ ночь версть 20—30 отмахнешь и устатку не чуешь. На утро прислонишься къ дереву, прослушаешь какъ птички весело поють (мы убѣгаемъ почитай всегда весной, алибо лѣтомъ: зимой недолго замерзнуть въ нашемъ облаченьи, да и слѣдъ замѣтень по сиѣгу и поймать не мудрено), вздремнешь подъ ихъ щебетанье, али полюбуешься какъ божье солнышко всходить, играючи лучами, озаряючи поля необъятныя, лѣса привольныя и дальше, дальше въ путь, туда, куда глаза глядятъ... Настанеть бѣлый день. Въ брюхѣ червякъ заточеть, проберешься къ пашнямъ, алибо къ жилью какому, стибришь хлѣбушка, заморишь червяка и маршь-маршь, дальше, такъ что въ сутки версть 50—60 безпре-

и́нно отвѣтаешь. Потомъ минутъ сутки, двое, трое твоего бродячества, радость въ тебѣ замѣнится отчаянностью: голодный ты на все готовъ. Промаячилъ день ѡвши — ладно, нѣтъ—и такъ уснешь...

— Чтожъ, скажи пожалуста, пріятнаго въ такой жизни, когда приходится воровствомъ питаться, когда отнимаешь послѣдній, можетъ статься, кусокъ хлѣба у *честнаго* бѣдняка въ полѣ, въ деревнѣ, когда изъ-за этого куска маленькіе ребята останутся голодными; когда почувешь въ лѣсахъ, подъ открытымъ небомъ, на дождѣ; когда негдѣ и просушиться; когда самая жизнь висить просто, такъ сказать, на волосѣхъ?

— Меня, правду вамъ повторю пуще всего занимають подготовка, сборы къ побѣгу, лазанья и самый уходъ изъ роти: голова вся уйдетъ въ заботу, въ страхи—удерешь, али нѣтъ; въ ту пору весь свѣтъ забываешь, а такіе дни для насъ, арестантовъ, дороже всякихъ радостей, потому въ ротѣ скука, тоска смертельная. Это вамъ подтвердить всякій изъ охотниковъ бѣгать.

— Еслибъ ты убѣждалъ, да и исчезъ бы навсегда,—тогда я понимаю цѣль; но вѣдь ты, напримѣръ 4-й разъ приводишься обратно и каждый разъ терпишь все большія и большія наказанія; такъ стоять ли, подумай, за минуты, допускаю даже дни удовольствія—цѣлые годы страдать?

— По вашему конешно не резонъ бѣгать, а по нашему глупому разуму одна отрада убѣжать: коли все опротивить, сердце ноетъ, облегченья ему нѣтъ—и рвешся на просторъ, чтобы *зотъ день* ножить своимъ умомъ, на волѣ... Тѣ, въ комъ чувствительности нѣтъ; тѣ, какъ могутъ сравняться съ машиной, примѣрно,—извѣстно не бѣгаютъ, а намъ, въ комъ духъ эдакій сильный, какъ докторъ, въ госпиталѣ, слышалъ я, говорить,—остается одно изъ двухъ: замориться до смерти,

алибо бѣдокурить до тѣхъ поръ, покуда шло свернуть...
Такъ знать намъ на роду ужъ написано.

— А дѣйствительно поджоги ты, какъ объявилъ, въ Врестѣ, казарму, послѣ 2-го побѣга, въ 1868 году?

— Да, поджоги, только не вначай обронилъ огонь, сѣно и вспыхнуло.

— Отчего-жъ ты только *теперь* признался, чрезъ три почти года спусти, а не прежде?

— Чтобъ очистить свою душу отъ грѣха; можетъ меня Богъ и караетъ—все славливаютъ—за скривательство, да за то, что кто-нибудь пострадалъ за меня.

— И знаешь, какое за поджоги, полагается наказанье?

— Какъ-же—на каторгу.

— Туда тебѣ значить и хочется?

— Точно такъ-съ: тамъ вѣрно не то ужъ, что здѣсь—изо дня въ день, изъ часа въ часъ одно и тоже цѣлые годы,—а это хуже всякой, для меня, пытки.

— И въ каторгѣ работа тоже одна навсегда, съ той разницею, что гораздо тяжелѣе здѣшней, да еще въ кандалахъ весь срокъ ссылки.

— Пускай хуже: скорѣй околѣю.

— А пошолъ бы ты тепере повидаться съ женою, дѣтьми, ежелибъ тебя отпустили?

— Клянусь Богомъ нѣтъ.

— Почему? Неужели окончательно разлюбилъ и жену, и дѣтей?

— Разлюбить, положимъ, не разлюбилъ, но я бы отказался по другому, совсѣмъ, случаю: явись я домой—сейчасъ спросить: что я заслужилъ, а заслужилъ я вичку „арестантъ“, самую то есть поганную вичку,—ну и не резонъ мнѣ ихъ страшить, да и себя отдавать на посмѣшище. И не захочу глазъ домой показать.

Приведенныя разсужденія арестанта наглядно подтверждаютъ мнѣнiе Тюремнаго Комитета о необходимости занимать арестантовъ *интересующими* ихъ работами. Кромѣ того, однихъ работъ весьма недостаточно, а нужно сверхъ оныхъ заручиться и другими, болѣе существенными средствами,—развитiемъ грамотности, чтенiемъ полезныхъ, поучительныхъ книгъ, осмысленными бесѣдами съ людьми о значенiи солдатской службы, общечеловѣческихъ потребностей и проч. Монотонная же арестантская жизнь способствуетъ, добавимъ, и увеличенiю числа больных: нѣкоторые нарочно натирать глаза, причиняють раны на тѣлѣ, чтобъ попасть въ лазаретъ, гдѣ жизнь носить другой отпечатокъ.

VIII.

Больные здѣсь дѣлились на три категорiи: однихъ—ослабѣвшихъ отъ работъ—освобождали отъ оныхъ на нѣкоторое время по запискамъ доктора; другихъ—серьезно хворыхъ помѣщали въ лазаретъ, а безнадежныхъ къ выздоровленiю переводили въ военный госпиталь. Статистика по этому предмету вотъ что намъ показываетъ:

Въ теченiи годовъ:

	1868 г.	1869 г.	1870 г.	1871 г.	Итого:
Возвѣло	439 чел.	382 чел.	372 чел.	564 чел.	1754 чел.
Выдоровѣло	383 .	333 >	257 .	504 >	1477 >
Умерло	19 >	49 .	92 .	57 .	217 >

Лазаретъ, открытый на 40 кроватей, располагалъ 4-мя прекрасными комнатами, стѣны и полъ которыхъ отлично были выкрашены, одежда на больныхъ, постельныя принадлежности были весьма опрятны, аптека располагала достаточнымъ количествомъ медикаментовъ; очень вкусная, свѣ-

жая пища для больных готовилась особо, подъ надзоромъ доктора. Онъ, молодой человекъ, безукоризненно велъ свою часть, коротко зналъ арестантскій бытъ, внимателенъ былъ къ больнымъ и за все это многіе арестанты питали къ нему большое уваженіе. Оттого свободныхъ мѣстъ въ лазаретѣ почти не бывало. Туда же стремились, обыкновенно, и завзятые курильщики, благо тамъ нѣсколько свободнѣе «затапуться цигаркой», люди эти за отсутствіемъ денегъ добывали, иногда, табакъ за хлѣбъ, и охотно готовы были получать вѣсто 3.—2, даже 1½ ф. хлѣба, лишь бы покурить. За то мы наткнулись и на такого феномена, у котораго необычайный былъ аппетатъ.

Человекъ этотъ средняго роста, сухопарый, невзрачный, страдалъ главною болѣзнію и сѣтовалъ на то, что живетъ въ проголодь.

— Ты вѣрно мѣняешь хлѣбъ на табакъ, или тебѣ недодаютъ положенной порціи?

— Нѣтъ-съ, ни то и не другое: мнѣ 3-хъ фунт. мало и я часто въ карцеръ попадаю изъ-за хлѣба: краду его у товарищей, потому всѣ 3 фунт. съѣдаю въ одинъ завтракъ...

— Неужели?

— Не разъ и по 6 фунт. оплеталъ-съ: налью въ чашку 2 кружки воды, кружку квасу, искрошу двѣ порціи хлѣба— 6 фунт., сяду и залпомъ все съѣмъ.

— И никакой, потомъ, тяжести, боли въ животѣ не чувствуешь?

— Никакъ-нѣтъ-съ. Такъ-то я вотъ и бьюсь: собираю крошки, крошки, клячу кусочками и когда не хватаетъ — ворую... Это, знаю, грѣшно, скверно супротивъ товарищей, да что же мнѣ дѣлать, коли у меня такая широкая, ненасытная утроба? Нельзя ли мнѣ получать по 6 ф. хоть въ день?

— Это зависить отъ вашего, дружокъ, начальства, кому-жъ вамъ разрѣшено вѣдь ѣсть хлѣбъ *безъ масла*, стало быть ты можешь ѣсть и больше 3 фунт.

— У насъ дѣлать на десятви вѣсомъ, а начальство я ужь много разъ пытался просить прибавки, да оно говоритъ: „по закону тебѣ слѣдуетъ только 3 фунт.—ихъ я ѣшь». Богъ лучше знаетъ, что творить,—стало быть какъ же это люди сочиняютъ законы по 3 фунт. всѣмъ огуломъ, коли одному человѣку и 2 фунт много, другому 3 довольно, а третьему, какъ я примѣрно, и 6 фунт. мало?

— Погоди я уже поговорю съ вашимъ начальствомъ: можеть оно и удовлетворить тебя.

— Вудьте отецъ родной—пожалуйте, жалобно молилъ онъ.

Исполнивъ его просьбу мы были очевидцы, какъ онъ съѣдалъ 6 фунт. съ горячимъ приваркомъ, да выпивалъ, сверхъ того, еще по кружкѣ квасу сразу. Такъ продолжалось нѣсколько дней сразу и онъ былъ совершенно здоровъ. Докторъ обѣщалъ заняться изученіемъ этого физическаго, ненормальнаго явленія.

— Я билъ унцерь Самогитскій полку, рассказывалъ другой больной, чухонецъ, съ отрѣзаннымъ пальцемъ. Ротну комдиръ велѣлъ продать прафьянту: (я билъ катенирмисъ) я спрашивалъ: чимъ будемъ солдатъ кормлять? На расея, казрилъ, пойдемъ, другой будетъ прафьянтъ магазинъ. Протай шиво! Продайль, теньгу приставилъ комдира. После фать хлѣбъ нить. Комдиръ велѣлъ запсайть книга фиѣсто 3 куль 43 куль. Сполняйтъ... Начальство узнавайтъ и подъ судъ опонхъ: фицерь и мене; фицерь отняйтъ чинъ, мене валунъ, фицерь томой погнайтъ, мой рестаанску рота 3 вода... фотъ какой прафту!.. фицерь взяйтъ теньгу, мой поскобляйтъ книга и за то самой пострадалъ...

Письменные свѣдѣнія этого арестанта подтверждали его рассказъ: онъ обвиненъ былъ вмѣстѣ съ офицеромъ въ совершеніи подлога при требованіи провіанта, за что обоихъ подвергли наказанію, рассказанному арестантомъ.

IX.

— Въ этой странѣ былъ, можетъ знаете, недавно, бунтъ поляковъ, началъ пожилой ужъ, коренастый мужчина. Въ ту пору я служилъ въ анфалидной командѣ, близъ австрицкой границы. Иду я, однава, лѣсомъ: (грибы собиралъ, много ихъ тогда народилось къ войнѣ). Вдругъ на меня налетѣла банда, фатила меня въ плѣнъ и хотѣла ужъ повѣсить, да я умудрился—объявилъ имъ: «погодите маленько—я вамъ покажу гдѣ порохъ лежитъ». Они сдуру повѣрили, и послали со мной одного поляка за порохомъ. Мѣста мнѣ были всѣ извѣстны, потому я и завелъ его въ лѣсъ подальше, велѣлъ, въ одномъ мѣстѣ, копнуть землю и когда онъ нагнулся — тарарухнулъ его, сналету по башкѣ, онъ и свалился съ копилковъ долой. Я мигомъ переодѣлся въ явоную форму, а его въ свою и ну улепныть... благополучно перебрался за границу, въ Гастрію, можетъ слышали, присталъ тамъ къ старовѣрамъ, да и захрясъ у нихъ: полюбилась мнѣ одна дѣвка—кровь съ молокомъ, сталовѣры отговорили возвращаться назадъ, я и оженился и зажалъ себя, думая, когда поляки угомонятся — приду на свое мѣсто. Такъ прошло 7 лѣтъ. Потомъ кто-то про меня доведеть, меня сграба-стали, судили и на 3 года сюда забрали.. Ежелибъ не поляки безмозглые, а бы таперя ужъ въ безсрочномъ былъ, а за мѣсто того пропадая почитай занепрасно...

— Не напрасно, а за важную вину осужденъ ты, очень, право, еще легко: когда ты вырвался отъ поляковъ — дол-

жень былъ непременно явиться въ свою команду, а ты удралъ за границу, нарушилъ клятву—солдатскую присягу, да еще въ военное время, когда за такіе поступки разстрѣливаютъ.

— Никакой я судьрь присяги не принималъ, стало быть я не нарушалъ ее. Это разъ. Другое: не надуй бы я поляковъ—они бы меня повѣсили на первой же осинѣ, и тогда я бы вѣдь ужъ не годился служить. А коли такъ — пускай бы я и остался при женѣ, ну хочъ въ награду за свою, значитъ, смѣтливость. Третье мнѣ больно жаль было бросить жену: славная баба цопалась.

— Всѣ твои причины ни чуть тебя не оправдываютъ: ты могъ жениться сходить по замереньи, а съ войны никому взъ солдатъ нельзя бѣжать.

— Ежелибъ я прежде зналъ да вѣдалъ, что меня потомъ ждеть—я разумѣется иначе бы поступилъ, а то что же это вышло: я здѣсь, а жена тамъ зачала... положимъ я виновать,—ну а она-то, голубушка моя, за что погасла точно свѣчка? Новѣ солдатъ множество молодыхъ, да и тѣ немного дѣлають, такъ для чего-жъ держать тѣхъ, кто, какъ я, примѣрно, послужалъ ужъ порядочно годовъ?

— Безпорочныхъ и отпускають домой, а совершившихъ преступленія наказываютъ: въ цѣломъ свѣтѣ такой порядокъ.

— То-то порядокъ то ужъ мудреный очень, штобъ ему... Нѣтъ, мы дураки, потому и терпимъ... учить то насъ некому, да-съ некому. Онъ вздохнулъ полною грудью, отвернулся, вытеръ вулакомъ глаза и добавилъ. Пускай бы ужъ мы въ годахъ гибли, туда намъ и дорога скотамъ, а то вѣдь и парнишки идутъ по нашей же дорогѣ, а все по глуности, по любви примѣрно. Вонъ ножъ точить малый, стросите-ка его изъ-за чего онъ, сердешный, мается. Эх-м-мал..

— Правда-ли, что ты, дружокъ, вслѣдствіе любви сюда попалъ? спросили мы стройнаго, красиваго молодаго человека, лѣтъ 22, съ деликатными манерами.

— Да-съ, коханка, да мать мнѣ сбили...

— Какъ такъ?

— Скончивъ обученіе высшей школы Варшавы (я мѣщанинъ) я служилъ въ Ратуша писаромъ. На 19 году влюбился я въ служонку банкира Кронеберга, красивую евреечку и она меня тоже миловала. Мы думали жениться. Я объявилъ матери. «Чтобъ въ нашъ родъ жидовку? Ни за что, ни за что», раскричалась она, потомъ мувила (сказала) это ксензу и онъ «мнѣ запретьялъ смѣшивать свою католическую кровь съ еврейскою». Моя коханка разобидилась и отказалась смѣнять свою вѣру на нашу до повѣнчанья, а я не смѣлъ противъ матери пожениться. Мы пересердились трошку (немного). Иду по Висловскому мосту, вижу коханку подъ ренчку съ доворцемъ (ренчка — рука, доворецъ — городской), мой гороръ былъ задѣтъ, я поругалъ ее и 9 дней не встрѣчалъ, все ждалъ не покорится ли мнѣ, а она тоже имѣла гороръ и не хотѣла. Мать, сестра смѣялись надо мной. Я взбѣсился, пошолъ президенту города объявить желаніе въ москаля, служить царю, онъ похвалилъ и принялъ меня въ солдаты. Я думалъ пошлуть на расею, забуду и родныхъ и коханку, а меня оставили въ Варшавѣ, въ полку, я встрѣчалъ коханку, она дразнила меня москалемъ, товарищи тоже... Якъ же это мнѣ было нудно — я за вудку, по рестораціямъ, цувернямъ, бранился съ начальниками, не приходилъ по 3—4 сурока въ казарму и за эти повиненці прислали исправляться на годъ. Тутъ я писалъ въ канцеларіи, смирно жилъ и выпустили за 8 мѣсяцовъ назадъ въ полкъ. Солдаты прозвали меня «рештантомъ», поляки «псыкривымъ москалемъ», коханка разъ плунула на меня, сказала «слубилась съ нѣм-

пемь»... Съ горя я опять бушевалъ, въ козу меня забирали, ударить федфебеля и опять здѣсь на 3 годѣ... Мать умерла и мнѣ не жалко ее: сама меня не жалѣла...

— Онъ хотѣ дрался съ федфебелемъ, перебилъ тоже молодой человекъ, а я такъ изъ-за *полсвѣчки* тутъ.

— Не врешь ли братъ?

— Истиннымъ богомъ вѣтъ. Поступивши въ службу отъ сохи—со мной на первомъ же году и въ этой же крѣпости вотъ какая бѣда стряслась: стоялъ я на часахъ въ казармѣ, возлѣ царскихъ палатъ и всталъ тамъ изъ одной пустой комнаты *полсвѣчки* — освѣтиться послѣ, потому въ потемкахъ приходилось идти со смѣны. За это, за самое меня и приговорили на 3 года. Вотъ она *полсвѣчка*-то что значить...
Э-х-хе!

Прочитавъ приговоръ — мы убѣдились въ правдивости разсказа, но столь суровое наказаніе постигло этого арестанта потому собственно, что онъ совершилъ помянутую кражу будучи *часовымъ*, что считается высшимъ нарушеніемъ гарнизонной службы.

— Я такъ присягу, сударь, сломалъ, отозвался на вопросъ, тоже молодой человекъ.

— Что же это значить?

— Убегъ-сь, дней никакъ чрезъ 10 послѣ присылки въ полкъ: не пондравилось учиться. За всякую, то ишь штуку нашего брата пруть въ исправительную. Еяъ вотъ примѣрно изъ-за жинки.

— Н-да-сь, изъ-за жены, съ ѣдкою ироніею подтвердилъ ножилой, заморенный арестантъ. Я московскій мѣщанинъ, двѣ лавки имѣлъ съ пушнымъ товаромъ, торговалъ выгодно, одному жить скучно стало и захотѣлось хозяйкой обзавестись. На этотъ грѣхъ знавалъ я сосѣдку, бѣднѣющую старуху, изъ лавтрижныхъ чиновницъ, съ дочкой. Я къ ей

и присвалялся. Она было «не желаю—старь» да matka пригрозила проклятьемъ и насъ перевѣнчали. Отпировали в что жъ? Моя кралечка ужъ тово-сь... Я всплилъ, да и говорю «признайся: кто?» «Врешъ, говорить, ты: это тебѣ съ пьяныхъ глазъ показалось, потому какъ я невинная». «Такъ ты моля безстыжая еще вздумала меня морочить?» и задалъ ей дерку ремнемъ, на память. На утро гляжу улвинула къ маткѣ. Я за ей — нейдетъ. Я ее и приволокъ во свояси за косы, да другой разъ еще шибче отстегалъ, чтобъ чувствовала, что я есть ея глава, ея хозяинъ. Слегла было, поправилась, встала и мѣсяца съ два, али три юлила вокругъ меня, какъ бѣсъ предъ заутренней, а я, оболтусъ, растаялъ—повѣрилъ ей... Увидѣвши мою любовь къ себѣ—она и стала канючить, чтобъ я переписалъ на ея имя домъ мой. Малость поразмысливъ я и сдѣлалъ ей это удовольствіе, въ расчетѣ, что она меня совсѣмъ успокоитъ, а про домъ, полагаалъ, все одно мой будетъ, какъ и она, жена моя, да обчелся... Ладнъ были у насъ еще мѣсяца два не больше, а потомъ слышу къ ей, поведя и день-то въ лавкѣ, какой-то хахалъ повадился. Дѣлать нечего — пустился подглядывать, замѣтилъ одна, какъ она у него на колѣночкахъ проклажалась, влетѣлъ въ комнату, сперва ему надавалъ оплеухъ и въ шею выпроводилъ его, а послѣ и ей всю, кажись, шкуру спустилъ. Опять ожила, какъ кошка, и сама ужъ давай куда-то шлендырить... Торговцы и это пронюхали и прозвали меня «рогатымъ»... Я ее лупить, а она жаловаться то въ полицію, то губернатору, да еще требуетъ подъ конецъ развода, потому я, говорить, не могу жить съ эдакимъ извергомъ, какъ я то-ись. Я объявилъ: ни за что не отпущу и принялся сторожить ее, опять настигъ, мерзавку, съ тѣмъ же чиновничншкой, въ номерѣ, въ гостиницѣ, раздѣтую, и тамъ же потѣшилъ свое ретивое — чуть, точно, не издохла

она у меня въ рукахъ. Сбѣжались полове, бутешники и меня, законнаго-то мужа, въ часть и сволокли. И такъ нѣсколько разовъ, а потѣмъ полюбовникъ ейной и давай мастерить противъ меня въ управѣ, заплатилъ три, говорили, сотенныхъ и меня упекали, яко-бы за буйство въ солдаты, не въ зачетъ, и живой рукой вышроводили въ Польшу. Я съ дороги удралъ, чтобъ и ее, окаянную, доканать, да и домъ съечь: не миль тебѣ моля я, мужъ по закону Божью, такъ не доставайся же ни ты, ни мое доброе никому... Меня, одначе, поймали, вернули въ полкъ и посадили на абахту. Тамъ я со злости еще нагрубилъ начальству и въ концѣ концовъ тутъ долженъ 3 года пробыть. Вотъ тебѣ и божескій законъ: «жена да боится своего мужа, мужъ глава въ домѣ!...» Правда, значить, антихристъ скоро придетъ, коли жена отъ мужа отбивается. Каково это по вашему, а?

— Очень печально. Только тебѣ бы ужъ лучше отступиться отъ жены во-время, если она такая..

— Эту-то пѣсню я, благодарю покорно, можетъ 100-й разъ ужъ слышу, да она не по мнѣ. Я какъ отбуду строкъ—безпремѣнно махну, какимъ ни-на-есть манеромъ, въ Москву и ее убью какъ собаку, да и домъ предамъ огню.

— За такія преступенія въ каторгу, не забудь, лѣтъ на 15 высылаютъ, и всю дорогу и на мѣстѣ въ кандалахъ держать, работать заставляютъ подъ землей, за всякую малость деруть беспощадно, кормятъ северно и потому пожалѣй себя.

— Я такой человекъ, что ежели, что задумаю—ни предъ чѣмъ не остановлюсь, а сдѣлавши — пусть меня хоть каленымъ желѣзомъ жгутъ, жилы изъ меня, щипцами, пусть, вытягиваютъ, а ей покажу себя. Жена чтобъ отходила отъ мужа?.. Нѣ-ѣтъ-съ: издохни—а возлѣ него, противень онъ—а живи съ нимъ, ежели онъ тебѣ отъ Бога даденъ!...

— Силой миль не будешь; это вѣрная пословица, а она

пошла за тебя по-неволѣ, слѣдовательно ты самъ накликалъ себѣ всю бѣду—не сѣмѣвши расположить ее къ себѣ...

— По нашему за кого родители велеть, за того и иди, а вышла—не кочевряжся, а держись нашихъ обычаевъ, потому они святи.

— Такіе-то, какъ ты проповѣдуешь, взгляды и дѣлаютъ браки несчастными, а при помощи побоевъ въ особенности: битье не исправляетъ, а пуще лишь озлобляетъ.

— По вашему, не спору, можетъ статься и такъ, а по нашему коли ежели слова не берутъ—дуть надо: острастка, да боль свое возьмутъ. Такъ я это понимаю и ничѣму другому не вѣрю. Онъ перевелъ духъ, сердито заключилъ: больше, я вижу, мнѣ съ вами говорить не о чемъ: другъ другу не переспоримъ и отвернулся.

Мы замѣтили страшно блѣднаго, молодаго человѣка и спросили его о причинѣ такой блѣдности.

— Я съ годъ ужъ ѣмъ только хлѣбъ съ водой, да съ квасомъ.

— Для чего-жъ ты себя моришь?

— Я видѣлъ, однажды, во снѣ блаженнаго человѣка и онъ мнѣ сказалъ: «братъ во крестѣ! ты многогрѣшенъ, постись и въ царство небесное попадешь». Съ другаго же дня я и не дотрагиваюсь ни до какого варева.

— Въ такомъ случаѣ ты такъ заморишься, что умрешь преждевременно.

— Тѣмъ лучше: приму, стало быть, вѣнецъ мучанинчeskій, а больше мнѣ, признаться, ничего и не нужно.

Намъ кажется, что и озлобленный на жему и постникъ, желавшій смерти, перешли бы на путь истинный, еслибъ начальство обратило на нихъ *серьезное* вниманіе—простыми, по чаще, вразумленіями ихъ въ несостоятельности ихъ взгля-

довъ какъ со стороны церковныхъ, такъ и свѣтскихъ законовъ, правилъ житейской мудрости.

Х.

Изъ многократныхъ бесѣдъ, которыя мы вели съ военными, приведемъ болѣе характерную, какъ задѣвавшую живой вопросъ о ротахъ.

— Видѣли вы, гдѣ-нибудь, чтобы арестанты жили въ такихъ апартаментахъ, какъ у насъ? обратился къ намъ съ вопросомъ полковникъ.

— Нѣтъ, не видалъ; но вѣдь занятіе этой казармы арестантами случайность.

— На которую неприятно, доложу вамъ, глядѣть: солдаты помѣщаются здѣсь, сравнительно съ арестантами, въ гораздо худшей казармѣ и потому нѣкоторые, побывавъ въ ротѣ съ заказами, или въ караулѣ, завидуютъ арестантамъ, что для насъ невыгодно: иные, совершившіе преступленія, охотно идутъ въ роту.

— По неразумію конечно: вѣдь съ ссылкой въ роту сопряжено лишеніе прежнихъ правъ, безпороочною службою приобрѣтенныхъ, а по возвращеніи въ полкъ ихъ ждетъ штрафъ на годъ, т. е. полуарестантское положеніе.

— Штрафы эти слѣдуетъ непременно отмѣнить: пробитіемъ извѣстнаго срока въ ротѣ человекъ искупляетъ свою вину и штрафъ является какъ-бы вторымъ наказаніемъ, въ нашемъ, уложеніи не означенномъ.

— Да, штрафъ этотъ явленіе аномальное, поддержалъ подполковникъ.

— Ну, а помѣщеніе гражданскихъ арестантовъ, какое произвело на васъ впечатлѣніе? освѣдомился капитанъ.

— Помѣщеніе тѣхъ, которые живутъ въ подземелья, безъ свѣта—ужасное.

— А вѣдь тоже арестанты и преимущественно мелкіе ворышки и контрабандясты.

— Было-бы послѣдовательно и нашихъ военныхъ сравнить, въ содержаніи, съ гражданскими арестантами, вставилъ маіоръ, а то, за что-же это имъ такіа привилегіи?

— Между гражданскими и военными арестантами, или ротахъ, громадная, по закону, разница: гражданскія арестантскія роты—учрежденія *карательныя*, а военныя—*исправительныя*.

— По закону, согласенъ, такъ, вмѣшался докторъ; но въ дѣйствительности, не знаю какъ въ другихъ мѣстахъ,— а наши военные немногимъ отличаются отъ гражданскихъ арестантовъ: послѣдніе занимаются уборкою крѣпости и другими наружными работами, а первые работаютъ же весь день въ казармѣ, 1 1/2 часа въ сутки учатся грамотѣ, да иногда ходятъ на фронтное ученье. Велика-ли тутъ разница?

— Гдѣ люди, тамъ и погрѣшности; оттого практика повсюду, часто, противорѣчитъ теоріи; тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать и благотворность теоріи, въ данномъ случаѣ—закона объ исправительныхъ ротахъ.

— Этого мы и не отвергаемъ; но насъ удивляетъ: почему-же законъ гласитъ одно, а примѣняется другое; для чего-же издавать законъ, коли онъ неисполнимъ? Вотъ что-съ.

— Смѣю васъ, господа, увѣрить, что законъ объ исправительныхъ ротахъ исполняется, возразилъ поручикъ. Да-съ исполняется почти буквально: въ положеніи, напр., о ротахъ, чуть-ли не 25 ст. сразу трактуютъ о работахъ, а о *нравственномъ* исправленіи людей, посредствомъ назиданій, обученія грамотѣ, всего-то, если память мнѣ не измѣняетъ, 2 статьи. По росписанію занятій, утверждаемому начальни-

комъ мѣстныхъ войскъ, на грамотность опредѣлено ровно 1½ часа въ сутки. Понятно, что законъ самъ возлагаетъ всѣ надежды на работы, слѣдовательно роты вовсе не исправительнаго характера...

— Позвольте, позвольте, господа, разрѣшить ваше препрательство 113 ст. самаго положенія о ротахъ, остановилъ хозяинъ, доставъ со стола книжку. Послушайте, что тутъ сказано: „постоянный трудъ и соблюденіе молчанія, охраненіе отъ соблазна, точное выполненіе правилъ въ содержаніи арестантовъ и обращеніи съ ними, умственное и ремесленное обученіе ихъ составляютъ основныя начала, помощьюъ которыхъ можно достигнуть нравственнаго исправленія преступниковъ. Всѣ служащіе въ ротахъ обязаны прилагать всѣ старанія ко всестороннему примѣненію этихъ началъ къ вѣреннѣмъ ихъ попеченію арестантамъ“. Поняли, что все это значить? Въ этомъ же духѣ есть и другія еще статьи.

— Смыслъ и одной этой статьи обнимаетъ весь предметъ: законъ хочетъ, чтобы роты были не фабрикою, какъ у насъ, а школою, отвѣтилъ докторъ, а ежели такъ,—значить во 1-хъ изгоните изъ употребленія позорную кличку «арестантъ», а назовите какъ-нибудь иначе: со словомъ «арестантъ» не вяжется перевоспитаніе, а во 2-хъ пожалуйте не простыхъ неразвитыхъ начальниковъ, а воспитателей, каковыхъ изъ всѣхъ офицеровъ, къ сожалѣнію, нѣтъ ни одного.

— Въ нашей арміи много просвѣщенныхъ офицеровъ; отчего же скажите, господа, пожалуйста, нѣкто изъ нихъ не появляется въ исправительныхъ ротахъ?

— Причины тому весьма вѣскія.

— Не соблаговолите-ли объяснить ихъ мнѣ въ интересахъ дѣла, которымъ я занимаюсь?

— Съ удовольствіемъ, отозвался капитанъ. Начну съ то-

то, что всё люди болѣе или менѣе эгоисты; поэтому мы не прочь быть полезными ближнимъ въ такомъ лишь случаѣ, когда сами безобидно обставлены. Служба офицеровъ въ исправительныхъ ротахъ немножко, правда, выгоднѣй армейской матеріально,—но мы, современные офицеры, извините, чиновлюбивы, тоже изъ корыстныхъ побужденій: офицерамъ исправительныхъ ротъ нѣтъ линейнаго производства. Возьмите двухъ поручиковъ полковаго и ротнаго и посмотримъ, что ждетъ ихъ въ перспективѣ. Первый чрезъ 10 лѣтъ будетъ непременно майоромъ по очереди, а послѣдній дай Богъ, чтобъ былъ штабсъ-капитаномъ съ 2-хъ-3-хъ годовичнымъ старшинствомъ: награда у роты полагается въ годъ на 10 челов. одна, а начальствующихъ 8—10 челов. и отличиться имъ, чтобъ повыситься въ чинахъ, положительно нечѣмъ. Такимъ образомъ майоръ, баталіонный командиръ въ полку, а при счастливыхъ обстоятельствахъ и начальникъ отдѣльной части, а штабсъ-капитанъ, будь онъ хоть семи пядей во лбу—все-таки останется помощникомъ начальника роты. Дальше-съ. Эмеритальная пенсія намъ назначается по чинамъ же, не забудьте. И вотъ майоръ чрезъ 10 лѣтъ выйдетъ, предположимъ въ отставку и получить этой пенсіи почти вдвое больше, нежели штабсъ-капитанъ. По всемъ этимъ неоспоримымъ доводамъ порядочнымъ офицерамъ не разсчитъ мѣнять полки на роты, въ которыхъ навсегда будетъ гнѣздиться только старшій, неподходящій составъ, подобный настоящему.

— Безъ всякаго сомнѣнія, подтвердилъ полковникъ. Да вотъ вамъ фактъ: недавно въ роту перевелся старикъ, кавалеристъ. Его спросили: ради чего онъ перемѣнилъ кукушку на ястреба? И что же-съ? «Дослужить, на покой, до полной пенсіи 3 года», пренаивно отвѣтилъ онъ. Это цѣль всѣхъ его, и ему подобныхъ, стремленій.

— Наконецъ изъ ротъ офицерамъ никакая карьера ужъ немислима: фонды ихъ слишкомъ ужъ низко цѣнятся даже и въ арміи, прибавилъ Маіоръ.

— Но вѣдь дѣльный помощникъ можетъ современемъ повыситься въ начальники ротъ, слѣдовательно и карьера сдѣлана—до полковника включительно дослужится.

— Нѣтъ-съ: начальниками до-сихъ-поръ всегда назначались свыше, посторонніе; тоже самое будетъ и впереди; и въ арміи, сколько я знаю, изъ старшихъ штабъ-офицеровъ развѣ одинъ изъ 200 получалъ свой полкъ; остальные же всегда назначались изъ пришлыхъ. А такъ какъ ротъ всего 15, а претендентовъ на нихъ есть и будетъ легіонъ,—то офицеръ такъ и захраснетъ штабъ-капитаномъ, много капитаномъ.

— Значить, чтобы привлечь въ роты хорошихъ офицеровъ—необходимѣе всего измѣнить порядокъ производства ихъ въ чины? Еслибы, напр., производить ихъ, какъ гражданскихъ чиновниковъ, оберъ-офицеровъ—черезъ 3, а штабъ-офицеровъ—черезъ 4 года (это, въ скобкахъ добавлю, ужъ примѣняется къ офицерамъ Петербургской полиціи) нашлись бы потребные люди?

— Непремѣнно, подхватило нѣсколько голосовъ. Да чтобъ дѣйствовали новые штаты ротъ съ *достаточнымъ* содержаниемъ.

— И я, несмотря на то, что кончилъ курсъ въ артиллерійской академіи и капитанъ, чрезъ 3—4 года могу получить батарею,—и то перешолъ бы при такихъ штатахъ въ исправительную роту въ наставники, какъ вы, докторъ, называли офицеровъ.

— Иначе я, господа, и не понимаю цѣли существованія ротъ какъ съ настоящими наставниками: арестанты нравственно больные, нуждаются именно въ своего рода медикахъ. И людей, которые бы прониклись любовью къ этимъ падшимъ, пониманіемъ высокой ихъ обязанности перевоспитателей слѣдуетъ не только производить въ чины, но сравнивать, въ служебномъ отношеніи, съ гвардейскими офицерами, возводить ихъ, пожалуй, въ флигель-адъютанты, если это званіе доставитъ имъ удовольствіе.

— Я во всемъ и со всѣми согласенъ, но съ маленькою оговоркою: чтобы будущіе перевоспитатели арестантовъ не были столь ярые ревнители своего дѣла, какъ нашъ почтенный эскулапъ.

— То есть, что вы, еще болѣе почтенный полковникъ, намѣрены заявить вашей оговоркою?

— А то, что у насъ довольно бываетъ больныхъ солдатъ потому, что нашъ докторъ ихъ балуетъ: люди, иногда, до зарѣву нужны, а онъ держитъ ихъ въ госпиталѣ, вслѣдствіе своей гуманности.

— Ни чуть не бывало: я не выпускаю ихъ до окончательнаго лишь восстановленія ихъ физическихъ силъ, единственно ради того, чтобы вскорѣ же вторично во мнѣ не возвращались. По моему, медицинскому взгляду, у меня нѣтъ ни офицеровъ, ни солдатъ, ни арестантовъ, а есть исключительно *больные* субъекты, которыхъ я и пользую, по правиламъ науки и моего призванія. А какъ долѣе красенъ платожомъ,—то и я, полковникъ, вправѣ тоже замѣтить вамъ, что вы нѣтъ-нѣтъ, да и прибавляете мнѣ работы ученіями

въ ненастную погоду, когда люди простуживаются. Я когда-нибудь донесу объ этомъ...

— Я помирю васъ, подтрунилъ маіоръ. Каждый изъ васъ, претендующихъ, по моему правъ и касательно своихъ обязанностей вполне другъ друга стоитъ.

— И исполать имъ, борцамъ науки, въ діаметрально противоположномъ направленіи, заключать мантаны.

Разговоръ принялъ иной характеръ, для насъ не интересный.

ВРЕСТЬ-ЛИТОВСКАЯ

ВОЕННО-ИСПРАВИТЕЛЬНАЯ РОТА.

I.

Варшавскій поѣздъ желѣзной дороги прибылъ въ Врестъ въ сумеркахъ. Отъ станціи до города версты двѣ. Народно-населеніе города состоитъ почти исключительно изъ однихъ лишь евреевъ: ихъ насчитываютъ до 25000 человекъ. Извозчики тоже евреи. Поѣхавъ, съ однимъ изъ нихъ въ городъ, на простой телѣгѣ, мы были удивлены двумя обстоятельствами: общественнаго освѣщенія не было, а всякій прохожій и проѣзжій освѣщаль себѣ дорогу собственнымъ, въ рукахъ несеннымъ, или везеннымъ фонаремъ, да сплошною грязью, образовавшеюся отъ дождя. Ъхали, мы ъхали, да вдругъ лошадь стала.

— Ой, вей, вей, жалобно застоналъ возница, тщетно стегая свою влячу, которая не трогалась съ мѣста. Подоздите, позалуста, панъ, трошку: я приведу другой лѣшадь, а то одинъ не вывезетъ: болото.

Мы согласились. Онъ слезъ съ козелъ и опираясь на толстую палку—поплелся къ избамъ, а чрезъ 10—15 минутъ вернулся верхомъ на другой лошади, запрегъ ее въ пристяжку и мы кое-какъ выбрались изъ болота.

- Отчегожь вы, горожане, не очистите этого болота?
- Не насе это д'во.
- А чье же?
- Не вѣмъ; намъ и то вѣсть нечего: бидну.
- Есть же у васъ полиція?
- Полица?.. Якъ зе есть. Азь на сто вамъ полица?
- Она обявана наблюдать за чистотою на улицахъ.
- Полица чистоту? Ха-ха-ха!.. Оборони Богъ! Изъ ханцамъ насъ замуцила...
- Чѣмъ евреи здѣсь занимаются?
- Шахрують, гандлюють, купують, пшедають.
- Что такое „шахрують“?
- Плятують.
- За это вѣдь легко и въ острогъ угодить.
- И впадають, коли цто полица захцеть, ми и бонимся полица: ристантску садять.
- Кстатя: тутъ есть арестантская рота?
- Есть. А зачимъ пану ристанты?
- Посмотрѣть какъ они живутъ.
- Гм... Ми такъ ховаѣмся отъ ристанской: оборони Богъ всадять. И ви не ходите...
- Хорошо или худо содержать въ этой ротѣ арестантовъ?
- Езели панъ хцеть знайтъ—можно: фактори все разнюхаютъ за греси: ми любимъ греси.
- И много у васъ такихъ факторовъ?
- Много, ухъ якъ много. Когда билъ матезъ—евреи харсо деньго зрабтали: слюзили изразу и панамъ польскемъ и русскимъ полковникамъ. Тильку една назвали греси, а една голови втерали: зачимъ мувили полковникамъ про банды, а шагамъ—про москаля—ихъ пафъ, пафъ, изъ пулемъ, изъ веревкой на дереву вѣсали.

— Зачѣмъ же они такъ недобросовѣстно поступали?

— Ну, да,—ну и хѣли назять болсе гроеей.

Едва мы помѣстились въ сквернѣйшемъ номерѣ корчмы, какъ насъ осадила толпа факторовъ съ предложеніями: кто развѣдать о чемъ угодно, кто посредничать при покупкѣ, продажѣ чего бы то ни было, а кто съ вопросами: „даво панъ хцеть?“ На разпросы: что побуждаетъ ихъ именно факторетвовать — всѣ они отвѣчали одно и то же „болсе зить нецѣмъ“. Впослѣдствіи мы убѣдились, что они црвѣ; производительности никакой нѣтъ и масса евреевъ цѣлнй день бѣгаетъ изъ города въ крѣпость и обратно (версты 3 въ одинъ конецъ) за какія-нибудь 5—10 коп., на которыхъ содержатъ семейства изъ 6—8 членовъ.

II

Зданіе, занимаемое исправительною ротою до 1830 года было католическимъ женскимъ монастыремъ «Бригидокъ», потомъ, по закрытіи монастыря, въ него поселили 2 крѣпостныя арестантскія роты, а по преобразованіи ихъ въ исправительныя—последняя тутъ и осталась. Зданіе это каменное, 2-хъ-этажное, съ трехъ сторонъ огорожено было высокимъ, деревяннымъ частоколомъ. На чистомъ, нескомъ усыпанномъ дворѣ, были: влѣво—близъ частокола—обѣдненные столы и рядомъ каменная, недавно построенная кузница; вправо, возлѣ казармы—два деревянныя отхожія мѣста (вмѣсто нихъ вояводились, при насъ, новыя, каменныя, свади казармы), гимнастическія принадлежности, машины: парильная—для сушки лѣса и жестяная—для чистки картофеля; тамъ же сарайчикъ для сушки бѣлья. Входовъ въ казарму три: прямо—въ мастерскія, влѣво—въ арестантскія помѣщенія, а

выраво—въ кухню. Лѣтницы, ведущія въ верхній этажъ, подъяковники, чаны, бочки для воды, которую везли на лошадахъ изъ рѣки, вадра—все это было выкрашено малиновою краскою, т. е. цвѣтомъ тюремнаго и судебнаго вѣдомствъ.

Открылась исправительная рота 23 декабря 1867 г. Жили арестанты по разрядамъ: исправляющіеся—въ бывшемъ монастырѣ, а испитуемые—въ пристроенномъ къ нему очень давно ужъ аданшѣ. Полъ въ нижнемъ этажѣ монастыря изъ цемента, а потолокъ подпертъ балками. Всѣхъ камеръ въ обѣихъ разрядахъ было 4. Въ спальной камерѣ исправляющихся въ углубленіи, помѣщенъ былъ иконостасъ, вездѣ котораго отправлялось богослуженіе. Нары вездѣ сплошныя; человекъ на 5, 10, 15 и болѣе, и посреди комнаты и по стѣнамъ, вокругъ; на нарахъ также, какъ въ другихъ ротахъ, лежали соломенники, одѣяла, подушки и полотенца. Вслѣдствіе недостаточности помѣщенія народъ былъ сгущенъ, и, хотя по уходѣ людей на работы—растворались окна, двери, для очистки воздуха, но вечеромъ, когда они возвращались домой—воздухъ былъ ненормальный. Мастерскія помѣщались: въ нижнемъ этажѣ пристройка—столярная, токарная, колесная и бондарная, а въ куполѣ бывшего монастыря (сдѣланнаго третьимъ этажомъ)—портняжная, сапожная и люди, плетшіе корзинки, щетки; въ этой мастерской, по недостатку оконъ, рано темнѣло, а потому тамъ зажигали огни въ то время, когда на дворѣ было еще совершенно свѣтло. Карцеровъ въ обѣихъ этажахъ имѣлось по 12. Деревянная ротная баня находилась впереди казармы, наискось караульнаго, деревяннаго же домика. Канцелярія роты расположена была сзади казармы, за оградой, въ деревянномъ же домикѣ, рядомъ съ которымъ были цейнгаузъ, кладовыя, гдѣ хранилось, въ отличномъ порядкѣ, казенное и арестантское имущество. Никто изъ начальствующихъ въ ротной казармѣ не жилъ:

переклипались, выслушивали приказъ по ротѣ о всѣхъ случаяхъ происшедшихъ въ теченіи минувшаго дня и дѣйствіяхъ, назначенныхъ на слѣдующій день, и въ 9 ложились спать. Воскресные и праздничные дни отличались отъ будничныхъ тѣмъ, что по уборкѣ, утромъ, казарни—всѣ слушала нелебенъ, учились: до обѣда—грамотѣ, послѣ обѣда—фронту, гимнастикѣ, опять грамотѣ и затѣмъ отдыхая, чинили свое имущество, ежели у кого что расхунилось.

Рота располагаетъ огородомъ въ 5610 квадрат. сажень; собрано съ огорода:

	Въ 1869 г.	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.
Лугу: . . .	20 пуд.	41 пуд. 1 ф.	14 пуд.
Бураковъ . . .	40 четв.	69 чет. 3 чк.	120 кваш. ведеръ.
Картофеля . . .	52 >	59 > 4 >	14 четв.
Капусты . . .	30,527 кочней.	49,392 кочия.	2,662 кваш. вед. *)

Въ котель клалось на каждые 100 чел.: мяса 3 раза въ недѣлю, по 25 ф., т. е. по $\frac{1}{4}$ на каждого; сала 5 ф.; капусты $2\frac{1}{2}$ ведра; крупы 25 ф., 50 зол., муки 3 ф. 32 зол.; картофеля $7\frac{15}{16}$ гарнца; постнаго масла 4 ф. 16 зол.; соли $3\frac{1}{2}$ ф.; перцу 15 зол.; лавроваго листа 15 зол.; луку $6\frac{1}{2}$ ф. и воды $17\frac{1}{2}$ ведеръ. Приведенное нами росписание предметовъ довольствія висѣло, для всеобщаго свѣдѣнія, въ кухнѣ. Варилась пища для унтеръ-офицеровъ и для арестантовъ въ одной и той же кухнѣ, только въ разныхъ котлахъ; унтеръ-офицеры ѣли, по собственнаему усмотрѣнію,

*) Кроме того въ теченіи всего лѣта 1871 г. въ котель добавлялись, для улучшенія пищи, свѣжая капуста и зелень. На обскѣненіе огорода истрачено въ этомъ году 73 р. 63 к., а такъ какъ лишней капусты продано было на 28 р., то всѣ продукты стоили только 45 р. 63 к.

что котлы, ва прицѣпавшіяся имъ котельныя, а изъ арестантовъ назначались, ежедневно, люди, по очереди, въ помощь каптевармусу, наблюдать, чтобы все опредѣленное количество припасовъ дѣйствительно шло по принадлежности и за малѣйшее отступление дежурные отвѣчали; если же они оказывались бессильными удержать порядокъ—имѣли право безбоязненно заявить о томъ дежурному офицеру и даже присутствовавшему всегда, утромъ и вечеромъ въ ротѣ, самому ея начальнику, что иногда и дѣлали. Довѣріемъ этимъ арестанты сильно дорожили, потому что этимъ возвышалось ихъ нравственное достоинство, да и пища ихъ всегда была хорошая. Хлѣба люди ѣли дѣйствительно, сколько кто хотѣлъ, *безъ отса*; оттого ни недостатка, ни воровства хлѣба не существовало. Капусты хватало съ ротнаго огорода на круглыя годы. Говядина и нѣкоторые другіе припасы приобрѣтались по контракту; пудъ говядины стоилъ въ 1871 г. 1 р. 75 к. Пища была несравненно лучшая и разнообразнѣе, нежели во всѣхъ другихъ ротахъ: варили попеременно щи, похлебку, горохъ, кашницу гречневую, ячневую, пшонную, всегда довольно густую и съ саломъ; за обѣдомъ всѣ пили квасъ; кашу давали три раза въ недѣлю однимъ исправляющимся, но когда испытуемые работали на холоду, въ слякоть, тогда и имъ попадала каша. Столовая, она же и классная, вмѣщала въ себѣ не болѣе 75—100 чел., поэтому въ ней ѣли только въ *настоящую* зиму, поочередно; въ остальное же время обѣдали и ужинали на дворѣ, стоя воокъ столовъ. Арестанты выстраивались на дворѣ въ 4 ряда, по командѣ, и по бою въ барабанъ, или сигналу горниста «на молитву», стройно пѣли ее и рядами же подходили къ трапезѣ. Евреи и магометане,—первыхъ до 40, а послѣднихъ до 30 чел.,—не употребляя сала, а отчасти и говядины—варили себѣ пищу особо.

Обходился каждый арестантъ въ годъ, кромѣ отопленія, освѣщенія зданія и содержанія начальства: на мясныя и рыбныя порціи 10 р. 23 к., мука 19 р., крупа 1 р. 75 к., соль 60 к., баня, мыло и вѣшники 30 к., обмундированіе 4 р. 24³/₄ к., обувь 5 р. 30¹/₄ к.; бѣлье: носильное 1 р. 52 к., постельное и полотенца 1 р. 48 к.; освѣщеніе камеръ и лѣстницъ 7 к., итого 44 р. 50 к. въ годъ.

IV.

Мастерскія роты открывались въ Мартъ 1868 г., причѣмъ работало:

	Въ 1868 г.	Въ 1869 г.	Къ 1870 г.	Къ 1871 г.	Къ 1872 г.
Портныхъ	94 чел.	66 чел.	88 чел.	84 чел.	93 чел.
Сапожниковъ	104 »	72 »	89 »	102 »	80 »
Оголяровъ	11 »	5 »	10 »	10 »	11 »
Плотниковъ	29 »	13 »	94 »	16 »	12 »
Мѣдниковъ	1 »	— »	— »	— »	— »
Кузнецовъ	4 »	5 »	6 »	10 »	8 »
Бондарей	6 »	3 »	3 »	5 »	5 »
Слесарей	12 »	8 »	7 »	3 »	3 »
Печниковъ	9 »	6 »	6 »	4 »	4 »
Башмачниковъ	— »	— »	— »	9 »	6 »
Переплетчиковъ	5 »	1 »	2 »	2 »	2 »
Моляровъ	10 »	3 »	3 »	5 »	4 »
Колесниковъ	2 »	3 »	8 »	3 »	3 »
Обойщиковъ	4 »	1 »	1 »	1 »	2 »
Штукатуровъ	— »	— »	2 »	2 »	6 »
Щетныхъ корзины, маты и т. под. . . .	4 »	1 »	2 »	14 »	13 »
Пильщиковъ	7 »	5 »	6 »	5 »	14 »
Палачниковъ	2 »	1 »	1 »	3 »	2 »
Бондарей	— »	— »	3 »	5 »	5 »
Мостовщиковъ	— »	3 »	4 »	2 »	2 »

Въ 1868 г. Въ 1869 г. Къ 1870 г. Къ 1871 г. Къ 1872 г.

Сидовниковъ . . .	—	1	1	—	—
Цѣпочниковъ . . .	—	—	—	2	2
Кровельщиковъ . . .	—	—	—	2	2
Ложечниковъ . . .	—	—	—	1	1
ИТОГО. . . .	210 чел.	195 чел.	261 чел.	290 чел.	290 чел.

Заработали эти люди на ремеслахъ: въ 1868 г.—1,634 р. 46³/₄ к.; въ 1869 г.—2,330 р. 85¹/₄ к.; въ 1870 г.—5,309 р. ³/₄ к.; въ 1871 г.—6,519 р. 9¹/₂ к. Изъ этикъ суммъ: а) истрчено на матеріалы и инструменты въ 1868 г.—117 р. 20 к.; въ 1869 г.—782 р. 41¹/₂ к.; въ 1870 г.—403 р. 16 к.; въ 1871 г.—1,437 р. 18¹/₄ к.; б) отчислено въ пользу арестантовъ по 10% съ рубля: въ 1868 г.—41 р. 48 к.; въ 1869 г.—210 р. 18¹/₄ к.; въ 1870 г.—233 р. 93¹/₂ к.; въ 1871 г.—510 р. 76¹/₂ к.; такъ что среднимъ числомъ каждому мастеровому пришлось: въ 1868 г.—1 р. 29³/₄ к.; въ 1869 г.—1 р. 75 к.; въ 1870 г.—1 р. 90 к., а въ 1871 г.—вообще, безъ различія, арестантамъ по 1 р. 46 к. *); в) начальству выдано въ вознагражденіе за способствованіе развитію мастерскихъ въ 1870 г.—487 р. 29 к. Затѣмъ осталось чистаго барыша: въ 1868 г.—1,475 р. 78³/₄ к.; въ 1869 г.—1,338 р. 25¹/₂ к.; въ 1870 г.—4,184 р. 62¹/₄ к.; въ 1871 г.—5,081 р. 91¹/₄ к., итого за всѣ года 12,080 р. 57³/₄ к. Кромѣ того, арестантами сработано по приспособленію зданія: въ 1868 г.—4,845 р. 68³/₄ к.; въ 1869 г.—

*) Изъ нихъ тѣмъ, которые занимались болѣе производительнымъ трудомъ значительно больше; напр., банничникамъ по 4 р. 26³/₄ к.; сапожникамъ по 2 р. 41¹/₂ к.; жесточникамъ по 2 р. 57¹/₂ к.; пельцникамъ по 2 р. 17 к.; нагграмъ по 2 р. 70 к.

6,079 р. 57¹/₂ к.; въ 1870 г.—9,002 р. 99 к.; въ 1871 г.—2,603 р. 11¹/₂ к., итого 22,531 р. 36 к.; но изъ помянутыхъ цифръ ротѣ выдано въ 1870 г.—607 р. 30³/₄ к., а въ 1871 г.—20 р. 40¹/₄ к.—627 р. 71 к.; слѣдовательно остается 21,903 р. 65 к., а всего въ 4 года мастеровые и трудившіеся около зданія принесли дохода казнѣ 33,984 р. 22³/₄ к. Наконецъ, на инженерныя, неоплачивавшіяся работы ходило арестантовъ ежедневно: въ 1868 г.—270, въ 1869 г.—260, въ 1870 г. отъ 105 до 155 чел.

При насъ, въ ротѣ работали: сапожниковъ — 78, портныхъ—62, баншачниковъ—6, колесниковъ—2, плетельщиковъ—7, токарь—1, щеточниковъ—2, маляровъ—1, столяровъ—9, бондарей—4, маляровъ—3, слесарей—2, паллящиковъ—2, кузнецовъ—7 и столяровъ—2 чел.

Мастерскія роты распадалась на три категоріи и потому, сообщимъ о нихъ по порядку. Первая — 67 портныхъ и 51 сапожникъ ходили работать въ зданіе обмундировальной швальни (за ¹/₄ версты отъ роты); тамъ они шили круглые годы, вещи, заказываемыя швальнею ротѣ значалѣ каждого года. Платила швальня за работу: пары сапоговъ — 14 к.; рекрутскаго камзола, выѣсто шинели, для полковъ установленная—7 к.; за брюки—4 к.; за мѣшковъ, замѣняющій ранецъ рекрутамъ—1 к. Работали арестанты на урокъ; хороший мастеръ—5, посредственный—3 пары сапогъ въ недѣлю; выучивались посредственно этому ремеслу въ 5—8 мѣсяцевъ; для болѣе успѣшнаго обученія неумѣлые сажались въ подручные къ знатокамъ; брюкъ человекъ обязывался шить пятеро въ недѣлю; мѣшковъ отъ 8 до 16 въ недѣлю, т. е. начинающій 8, посредственно выучившійся—12, а отличный швецъ—16; точно также прогрессивно увеличивалось и требованіе шить мѣшковъ отъ 20 до 50 включительно; научи-

вались безупорочно шить: брюки, рубашки, камзолы въ 1—3 недѣли при внимательныхъ указаніяхъ. Арестанты же чернили, особымъ способомъ, сшитыя ими сапоги, за особое умъ вознагражденіе. Ради поощренія трудолюбивыхъ мастеровыхъ, швальня отпускала имъ ежедневно, въ 9 часовъ утра, по кружкѣ чаю, сверхъ указанной платы за трудъ. Чай этотъ пили они съ хлѣбомъ, принесеннымъ изъ роты на завтракъ; за чай работали охотно; лѣнливѣе же лѣзали чаю, а ежели они и за снѣгъ не исправлялись—идъ сажали въ карцеръ; но это случалось слишкомъ рѣдко.

Вторая категорія работала, какъ и третья, въ ротѣ, на заказъ всякому, разные предметы. Такихъ людей было: сапожниковъ—5, баншачниковъ—6, колесниковъ—2, плетельщиковъ корзинъ и щеговъ—9, токаръ—1, маляръ—1, столяровъ—9, бондарей—4 чел. Цѣны заказанныхъ предметовъ опредѣлялись по взаимному соглашенію начальства съ заказчикомъ по такому расчету, чтобы каждый арестантъ зарабатывалъ до 20 к. въ день. Заказы дѣлали почти исключительно жены офицеровъ различныхъ частей войскъ, въ крѣпости квартировавшихъ. Задатокъ брали только съ такихъ заказчиковъ, которыхъ начальство не знало.

Третья категорія работала собственно для роты: 5 сапожниковъ, 9 портныхъ, 3 маляра, 2 слесаря, 7 кузнецовъ и 2 столяра. Портные и сапожники обшивали, обчиляли товарщицей неумѣлыхъ, а эти мыли бѣлье первыхъ и т. п. Къ послѣдней категоріи рабочихъ причислялись 24 уборщица камеръ, двора, кухни и проч., да 50 чел., ежедневно посылавшихся, по распоряженію коменданта, пилить дрова для отопленія квартиръ всѣхъ служившихъ въ крѣпости чиновъ. Распоряженіе это слѣдовало бы, полагаясь, отменить: арестанты, независимо того, что можноть, забноть безвозмездно—не могутъ быть подѣ строгимъ, на этой работѣ, надзоромъ, а

это чувствительно отражается на исправлении их нравственности, къ чему начальство главнѣе всего должно стремиться.

Каждую мастерскую завѣдывалъ особый унтеръ-офицеръ, который цѣлый день находился при арестантахъ. Заказы записывались въ отдѣльную книгу и выдавались подъ росписку заказчиковъ. Для болѣе успѣшной работы рота имѣла 4 швейныхъ, и, какъ мы выше замѣтили, парильную, картофелеочистительную машины, а въ кузницѣ вмѣсто обыкновенныхъ мѣховъ — вентиляторъ. Предметы эти на столько практичны, что ихъ слѣдуетъ ввести и въ другихъ ротахъ; а чтобы это подтвердить — познакомимъ съ ними читателей. Парильная машина устроена такъ: въ землѣ печь, на ней длинный, деревянный ящикъ, посрединѣ котораго вставленъ чугунный котелъ; въ немъ вода, на свободныхъ, внутри ящика, въ бокахъ, мѣста, кладутся бревна, затопляется печь, огонь нагрѣваетъ воду и покуда она мутная — бревна сушатся, а какъ только вода станетъ *светлою* значить бревна высохли, готовы къ употребленію; весь процессъ кончается въ 5 сутокъ, тогда какъ при сушкѣ лѣса на перекладинахъ, въ мастерскихъ, уходятъ цѣлыя мѣсяцы. Другая машина чанъ, ведеръ въ 6 ёмкостью; внутрь его вставлены двѣ, изрядной величины, жестяныя терки, съ зубцами снаружи; въ отверстіе высыпается картофель, терки вертятся рукою и рубцы терокъ живо соскребавають скорлупу съ картофеля, такъ что вмѣсто работавшихъ надъ картофелемъ при ручной чисткѣ 15 — нынче довольно и 3 рабочихъ. Въ кузницѣ, въ 3 горна надуваетъ огня, вмѣсто мѣховъ, вентиляторъ съ поддувальникомъ, устроенный на колесѣ, съ ремнями, которые вертитъ одинъ человекъ; приспособленіе вентилятора стояло 73 р., тогда какъ 3 мѣха нельзя купить дешевле 200 р., не считая ихъ ремонта, что тоже дороже вдесятеро ремонта вентилятора.

Мастерскія роты развиты были, вообще говоря, слабо, о чемъ нельзя не пожалѣть, — но это зависѣло отъ чисто мѣстныхъ условій, какъ-то: отъ отсутствія въ Брестѣ промышленности, отъ бѣдности народонаселенія и главное отъ тѣсноты ротной казармы: негдѣ было положительно ни власти матеріаловъ для производства работъ, ни рассадить людей работать сообразно потребностямъ, — т. е. недоставало мѣста для открытія нѣкоторыхъ одинаковыхъ мастерскихъ въ каждомъ разрядѣ отдѣльно.

Версть за 6—7 отъ крѣпости былъ казенный, военнаго же вѣдомства, кирпичный заводъ, гдѣ работали солдаты дисциплинарной команды, хотя заводъ этотъ находился въ арендѣ на коммерческомъ правѣ у нижанеровъ *). Работа эта такъ сильно отягощала людей, что они завидовали житью арестантовъ, а зависть эта порождала то, что въ исправительную роту поступали многіе солдаты дисциплинарной команды посредствомъ преступленій, верѣдко, нарочно содѣянныхъ. Вотъ, въ подкрѣпленіе этой мысли, рассказъ арестанта; рассказъ вполне, какъ мы узнали, достовѣрный.

— Гдѣ легче жить: здѣсь, или на заводѣ? спросили мы арестанта.

— Супротивъ завода тутъ лучше: тамъ мы работали въ чистомъ полѣ, а тутъ въ теплѣ; тамъ ѣли сѣверно, а здѣсь хорошо; тамъ таскали кирпичи и по праздникамъ, а тутъ — отдыхаемъ воскресенья; тамъ почитай ничего намъ не платили, а тутъ, што положено — наше; тамъ насъ драли, а здѣсь — это рѣдкость. Разница-то и большая. Прослышалъ я про тутошнее житье, подумалъ, подумалъ, да и убежъ, про-

- *) Въ концѣ 1874 г. дисциплинарная команда распущена, вслѣдствіе открывшихся безпорядковъ на заводѣ.

пятался, недѣлю, чтобъ вышелъ побѣгъ, явился и меня от-
дали подъ судъ. Я объявлялъ суду: «шлите, молъ, меня куда
угодно, а только на Ш. мнзу не поиду», а чтобъ силой не
стационами—затянулъ шѣсню при судѣ во все горло, чтобъ зна-
чить виноватѣй битъ. Я это сдѣлалъ съ отчаянности. Ну и уго-
диль сюда, въ роту-то и ожилъ, слава Богу. Супротивъ полка
тутъ, коменшо, во сто вратъ хуже, а супротивъ дисциплинарной
команды—гораздо лучше.

V.

Грамотѣ арестанты учились съ 1868 г., причемъ было:

Въ 1868 г. Въ 1869 г. Въ 1870 г. Въ 1871 г. Къ 1872 г.
осталось.

Перваго разряда, хорошо писавшихъ и знавшихъ ариметику	57 ч.	23 ч.	21 ч.	44 ч.	37 ч.
Второго разряда, умѣвшихъ читать и писать	68 .	59 .	59 .	99 .	48 .
Третьяго разряда, умѣвшихъ только чи- тать	72 .	71 .	98 .	204 .	116 .
Четвертаго разря- да, умѣвшихъ читать.	146 .	249 .	229 .	470 .	189 .
Пятымъ разрядомъ назывались неграмот- ные	393 .	42 .	30 .	101 .	41 .

Книгъ для чтенія и обученія грамотѣ было маловато.
Такъ, кромѣ слишкомъ 400 экземпляровъ чисто духовнаго
содержанія, въ ротѣ имѣлись: «досугъ и дѣло», «совѣты
учителямъ новобранцевъ», «сказанія», «отечественная война»,
«поученія», св. Попова, «доля», «правительственныя рас-
поряженія», «сборникъ прозы и стиховъ», «современныя

извѣстія», «календаря», «словаря», «музыкантъ», «земля, вода и воздухъ», «о лунѣ, солнцѣ и звѣздахъ», «о природѣ и ея явленіяхъ», «назидательное чтеніе», «о Суворовѣ», «про старое время на Руси», «о присягѣ и правахъ нижнихъ чиновъ», «арифметикѣ», «грамматикѣ», книгъ для первоначальнаго чтенія, азбуки, изданія Столпянскаго, «рассказы про нѣмцевъ, французовъ и про войну между ними» и т. п. На классныя и перечисленныя учебныя принадлежности—истрачено въ 1868 г.—52 р. 20 к.; въ 1869 г.—109 р. 99 к.; въ 1870 г.—82 р. 9³/₄ к., а въ 1871 г.—66 р. 27³/₄ к.

Учились арестанты грамотѣ, какъ сказано выше, по полтора, два часа утромъ, до обѣда, по классамъ: первый—со вторымъ, третій—съ четвертымъ, а не по разрядамъ, опять таки по недостатку мѣста въ казармѣ. Учили: по методу Столпянскаго—самъ начальникъ, которому помогали, и котораго за отсутствіемъ замѣняли—молодой арестантъ изъ почтальоновъ, а остальнымъ, кое-что умѣвшимъ священникъ и арестанты не грамотные; въ числѣ послѣднихъ не было не только чиновникъ, дворянъ, но и изъ писарей никого. Учителя-арестанты освобождались отъ черныхъ работъ за свои занятія и это имѣло въ нихъ уваженіе со стороны товарищей. Писать учились и на асбидныхъ доскахъ, и на бумагѣ чернилами, глядя по способностямъ; учившіеся по методу Столпянскаго и писавшіе, сидѣли вокругъ столовъ, а прочіе на нарахъ, воалѣ нихъ и стоя въ намерахъ, по тѣлотѣ послѣднихъ; вовсе не учились люди старше, тупее и нѣкоторые изъ горцевъ и евреевъ, которые плохо владѣли русскимъ языкомъ. Выучивались среднѣе числомъ: читать и писать—въ годъ, а только читать—мѣсяцевъ въ 6—8; особенно трудно давалась наука горцамъ и евреямъ, тѣмъ не менѣе и они, какъ русскіе, охотнѣе учились, особливо у самаго начальника.

Полезно, полагаемъ, было-бы, перемѣнить время класса на утро, или послѣ обѣда: утомившись работою, въ теченіи 4—5 часовъ, — люди теряютъ способность скоро научиться тѣмъ болѣе, что большинство ужъ и ѣсть хочетъ. Надѣмся, что это указаніе послужитъ основаніемъ къ измѣненію часа обученія грамотности. Точно также необходимо дополнить ротную бібліотеку значительнымъ количествомъ удобопонятныхъ книгъ, такъ много изданныхъ въ Петербургѣ „Товариществомъ общественной пользы“.

VI.

Прибывавшихъ въ роту арестантовъ начальникъ М. М. Саврасовъ принималъ лично, спрашивалъ ихъ о причинѣ, привлекая ихъ въ роту, объяснилъ имъ цѣль пребыванія въ ротѣ, порядки, наставлялъ ихъ вести себя безупречно, добавляя, что за противное ихъ, постигнуть наказанія; проступки арестантовъ разбиралъ и взысканія за нихъ опредѣлялъ самъ; самъ же писалъ прямо на бѣло журналы ротнаго комитета, приказы по ротѣ. Чтобы не подвергаться нареканіямъ въ пользованіи тѣмъ-либо казеннымъ или арестантскимъ—онъ *ничего* лично не приходовалъ и не расходовалъ, а установилъ правиломъ всѣ денежныя бумаги и книги подписывать вмѣстѣ съ нимъ. Старшимъ его помощникамъ и секретарю, который завѣдывалъ ротнымъ хозяйствомъ на точномъ основаніи 24 ст. положенія строталхъ; все что въ ротѣ дѣлалось—было *ласно*; чтобы офицеры не стѣснялись свободно подавать голосъ въ Комитетѣ—завѣщавъ шары для закрытой баллотировки щекотливыхъ вопросовъ, недоразумѣній. Ничего подобнаго мы ни въ одной ротѣ не видали. За 6 недѣль до окончанія срока на-

хожденія въ ротѣ (согласно закону) люди отпускались на работы въ крѣпость безъ конвоя. Собственное имущество арестантовъ также, какъ въ Новогеоргиевскѣ, выдавалось имъ по освобожденіи изъ роты обратно, а не продавалось съ аукціона, какъ въ прочихъ ротахъ. Отличавшимся хорошимъ поведеніемъ и трудолюбіемъ арестантамъ исправляющагося разряда въ большіе праздники и во время говѣнья давался чай, и, какъ ихнія, такъ и испытуемыхъ письма часто отправлялись по адресамъ на счетъ ихъ заработка, придерживаясь 109 ст. положенія о ротахъ. Къ нѣкоторымъ арестантамъ пріѣзжали жены, а одна и съ 3 малыми ребятами, и, такъ какъ имъ нечѣмъ было жить,—то стараніями начальника они добывали себѣ мѣста, а первое время жили въ кухнѣ его квартиры, что мы лично видѣли.

Въ свою очередь арестанты, видя истинное попеченіе и заботливость о себѣ со стороны начальника—превозносили его до такой степени, что онъ «лучше отца роднаго»; эти слова мы слышали по-крайней-мѣрѣ отъ 100 челов., съ которыми одновременно толковали. А на сколько все сказанное отражалось на нравственномъ ихъ исправленіи—подкрѣпимъ фактами. Изъ роты, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, вышло въ гренадерскій полкъ 15 чел. и командиръ этого полка пріѣзжалъ, потомъ, *нарочію* благодарить начальника за то, что бывшіе арестанты оказались прекрасными солдатами. Казна отпустила на покрытіе крыши 90 р. По ротнымъ свѣдѣніямъ въ числѣ арестантовъ не было ни одного кровельщика, поэтому были приглашены вольные, которые не брали за работу меньше 150 р. Тогда начальникъ выстроилъ роту, объяснилъ арестантамъ свое критическое положеніе и добавилъ: «ребята! выручьте, пожалуйста, скажите: не можетъ-ли кто изъ васъ покрыть крышу?» И что же? Изъ фронта выступило 8 чел., числившихся чер-

норабочими и знавших кровельное ремесло (многіе смириваютъ свои званія: одни—въ желаніи прежде осмотрѣться, другіе—отъ дѣли, а третьи просто по одотѣ инымъ мастерствомъ заняться) и въ нѣсколько дней сдѣлали очень хорошую вршу.

Евреевъ-арестантовъ водили, по субботамъ, молиться въ городскую синагогу, что благоговорно дѣйствовало на ихъ нравственность: тамъ они, видя единоплениковъ,—вспоминали родныхъ, равнины поучали ихъ, послѣ богослуженія, и они легче переносили свое заключеніе.

Въ ротѣ былъ хоръ цѣвннкъ изъ 14 человекъ; обучалъ арестантовъ пѣнію знатокъ этого дѣла молодой артиллерійскій офицеръ Ф. А. Минихгеймеръ безвозмездно; пѣлъ хоръ весьма стройно, толкомъ, и, повуда рота не располагала собственно церковью—хоръ ходилъ пѣть въ городской соборъ. Дѣйствовавшихъ въ хорѣ освобождали за это отъ наружныхъ работъ и награждали чаемъ, булками. Въ числѣ цѣвннкъ были одинъ мамалыкъ, въ ротѣ выучившійся пѣть по ногамъ, да сѣдовласый казакъ (Кубанскаго войска), занимавшій должность помощника регента и вопаровавшій ноги. Казакъ этотъ, высокій, бравый, съ густыми, сѣдими бакенбардами, внушалъ къ себѣ немалое уваженіе; ему было 50 лѣтъ; привалъ онъ въ роту по официальнымъ бумагамъ за подлогъ и отлучку съ назначеннаго ему мѣста пребыванія. Улучилъ удобное время мы съ нимъ заговорили про Кавказъ. Лишь только онъ услыхалъ названіе своей родины—лицо его оживилось, впалыя щеки вспыхнули.

— Ну, а за что ты—почтеннѣйшій попалъ сюда?

— За грѣха сударь, за грѣхи Богъ наказалъ меня, за старости лѣтъ, вотъ и очищаюсь поведеніемъ.

— Да какъ дѣло-то было?

— Очень просто. Мы, казаки, народъ простой и рубинъ

правду матку съ плеча, какъ непріятелей, въ бою. Я вамъ и расскажу все по порядку. Былъ я на льготѣ—дома. Не только была станица, но и на 100 верстѣ въ окружности всѣ знали, что я грамотный, зажиточный человѣкъ, и, какъ въ бою, такъ и дома, смѣлый, ничего не боюсь и не прочь постоять за своего брата, ежели ему жутко. Разъ и приходитъ ко мнѣ землякъ, человѣкъ атаконный, по гоньбѣ за черкессами, и рассказываетъ про свою бѣду. Потерялъ билетъ, на отлучку ему данный, выправить другой дорого стоитъ: надо съѣздить во Владикавказъ и назадъ, да и тамъ потратиться, а ему нельзя, по торговлѣ, упуститъ время. Ну вотъ онъ и пристагъ ко мнѣ написать ему новый билетъ. Я хорошо знаю, что онъ не сгинетъ никуда: человѣкъ порядочный, потому-къ фальшивые билеты, на короткіе отлучки, у насъ въ большомъ ходу и никто изъ за нихъ ничего не теряетъ. Подумалъ я, подумалъ, да благословясь, изъ жалости, и накаталъ ему билетъ. Онъ сказалъ мнѣ казацкое спасибо и ушелъ съ билетомъ, потому гдѣ-то наткнулся съ нимъ на станичнаго начальника—Есаула. Тотъ увидѣлъ мою руку (онъ со мной не разъ тегался изъ-за виноградниковъ и я его за поясъ затыкалъ на бумагѣ), обрадовался случаю отомстить мнѣ за прежнія неудачи и задержать его съ билетомъ, а онъ, казакъ-то, струсилъ и выдалъ меня съ головой. Я было тагу отхлопотываться отъ бѣды въ Тифлисъ, а Есаулъ тѣмъ временемъ уперъ меня подъ судъ за билетъ, да за 2-хъ-недѣльный отъѣздъ изъ станицы, безъ спросу. Помня, что гдѣ рука—тамъ и голова—я и признался во всемъ.

— Значить, хлопоты не принесли пользы?

— Не могъ, видите ли, скоро, отыскать хорошаго брехача (ходатая) и вернуться во свояси. За это меня и катнули на 5-ти-лѣтнее мытарство... Вся станица меня жалѣла,

всѣ совѣтывали просить помилованія у намѣстника,—но казацкая честь, да ретивое во мнѣ разгорѣлось и я, даромъ; что была мать, жена, 5 дѣтей—на отрѣзъ отказался затѣвать просить пощады: виновать—казните, но покориться у насъ не въ обычаѣ. Мало того: еслибъ обратиться къ намѣстнику,—спросили бы объ моемъ поведеніи Есаула, и хоть онъ и клялся, что отлично аттестуетъ,—но ежелибъ простили,—хвастался-бы, потомъ, что онъ мнѣ помогъ, а это было-бы мнѣ позорно,—поэтому я и предпочелъ повести свою голову на плаху... И заковали меня въ наручники и проводили меня, молодца, со слезами, нѣсколько станицъ, и побрелъ я на чужбину горемыкать, на закатѣ дней... Черезъ 6 мѣсяцевъ прибылъ сюда, принялся работать до седьмого пота, ни въ чемъ еще, слава Богу, не преступалъ закона и живу, какъ видите, и не ропщу: чему быть—тому не миновать. Одно меня пугаетъ—какъ бы меня, за старостью, не послали на поселеніе въ Сибирь, а ежели да это станется—я буду просить дать мнѣ лучше какъ милости, пулю въ лобъ: я живу одною надеждою—вернуться въ свою дѣдовскую хату и поправить разстроившееся, безъ меня, хозяйство.

— А велико оно у васъ?

— Больше 40 штукъ скота, 3 виноградныхъ сада и проч., а все это по младости дѣтей постепенно гибнетъ... Впрочемъ мнѣ хочется домой и по другому еще случаю: доказать своимъ, что казацкая моя голова уцѣлѣла и отъ этихъ невзгодъ. О! коли это удастся мнѣ—я сочту это лучшею для себя наградою за всю мою боевую жизнь.

— Солдаты отправляютъ въ свои полки, а васъ—въ свое войско, конечно, домой пошлютъ, тѣмъ болѣе, что въ Сибирь отправляютъ только негодныхъ *ни къ какой работѣ*,

а вы работаете, значить и опасаться вамъ нечего. Ну а какъ встрѣтитесь съ Есауломъ?

— Ежели Богъ приведетъ — скажу ему: коли Богъ не выдастъ, свинья не съѣла и больше ничего.

— Но вѣдь это будетъ для него оскорбленьемъ и онъ опять затѣветъ, пожалуй, дѣло?

— Нѣтъ: по нашему эти слова не обидны, да онъ и обижаться не станетъ: ему и то ужъ жутко достается изъ за меня, — вся станица зарокъ дала не только никакихъ дѣлъ съ нимъ не вести, — но и не говорить ни слова кромѣ служебнаго и твердо это исполняетъ, какъ дѣти мнѣ пишуть. А мнѣ и это отрадно: помнить, значить, меня добромъ. Да, сударь, легче бы мнѣ во сто кратъ въ бою сотню пуль принять, а во мнѣ было ужъ; легче бы противъ сотни горцевъ одному стать, нежели вспомнить, какъ меня заковытали и какъ семья безъ меня мантса, какъ стадо безъ пастуха.

— А гдѣ вы пѣть научились?

— Дома, еще въ дѣтствѣ, у попа; онъ же научилъ меня и ноты писать и спасибо ему за это: теперь все пригодилось арестанту, потерявшему все, все... Эхма! крикнулъ онъ съ горечью. Жизнь пережить не поле перевети. Вотъ она пословица-то какъ вѣрна!.

VII.

Изъ наличнаго чѣсла арестантовъ подверглось взыска-
ніямъ и наказаніямъ: въ 1868 г.—173 чел., въ 1869 г.—
495 челов., въ 1870 г.—284 чел., въ 1871 г.—327 чел.

Самые простуки заключались чаще всего:

Въ 1868 г. Въ 1869 г. Въ 1870 г.

Въ брани и ссорѣ съ това- рищами	—	13 чел.	10 чел.
» проносѣ въ казарму и курени табаку.	274 чел.	298 »	125 »
» ослушаніи	23 »	19 »	17 »
» сокрытіи воспрещенныхъ вещей	16 »	10 »	2 »
» картежной и другихъ играхъ	39 »	9 »	7 »
» воровствѣ, продажѣ и порчѣ казенныхъ вещей,	10 »	9 »	26 »
» кражѣ другъ у друга вещей	18 »	6 »	10 »
» дракѣ	19 »	15 »	17 »
» грубости	21 »	9 »	7 »
» уклоненіи отъ работъ и лѣности	— »	17 »	16 »
» употребленіи, будучи на инженерныхъ работахъ, водки да нетрезваго со- стоянія	— »	10 »	3 »
Тѣлесно было наказано	4 »	17 »	14 »

а въ теченіи 1871 года только 8 чел., а остальные заключались въ темныя, свѣтлыя карцеры, на хлѣбъ и воду, переводились изъ исправляющихся въ испытательные, чрезъ что имъ отдалялся срокъ освобожденія изъ роты и т. под. Изъ просмотрѣнныхъ нами штрафныхъ журналовъ роты отъ ея основанія мы узнали, что до 1871 г. штрафы записывали въ книгу отдѣленные и дежурные офицеры, фельдфебеля, а иногда даже унтеръ-офицеры; судить же о степени умственнаго развитія этихъ неравоспитателей легко потому, какъ

они писали. Въ 1868 г. напр. значится: «по кафій мацнію начальника роты за отлучку спосажонъ топлей карцей на дни сутка» подпоручникомъ R; «за кража скухня шивинку употреблеть нижиний работъ» и т. под. Системы въ наложеніи наказаній очевидно никакой не держались, потому что събли за игру, напр., въ карты 50, за продажу рубахи в дурное поведеніе 15, за «безнадежное поведеніе» 50, за драку въ госпиталѣ 20, за умышленную порчу карцера и входъ къ товарищу 100 ударами розогъ.

Въ 1869 г. розгами наказывали «за неосновательную жалобу помимо ближайшаго начальства»; за куреніе табаку 3 раза послѣ выпуска изъ карцера; за промотаніе сапожнаго товара; за намѣренную порчу матеріала, который хотѣлъ употребить въ свою пользу; за грубость и угрозу конвойному кирпичомъ, за воровство подборовъ, казеннаго матеріала, за вынутые изъ брюкъ подкладки — всѣмъ по 50 ударовъ; за 6-ти-кратное куреніе табаку и плохое поведеніе 100; за утайку 2-хъ караваевъ хлѣба 50, съ переводомъ въ испытуемые; за расковыряніе себѣ носа и грубость доктору 50 ударовъ и т. под.

Въ 1870 г. «за возбужденіе лѣни» 2, за продажу казеннаго сукна; за сшити 2 пары рукавицы изъ казеннаго сукна; за дерзость противъ унтеръ-офицера; за подговоръ написать прошеніе и отсылку его тайнымъ образомъ — по 25; за ослушаніе унтеръ-офицера во фронтѣ 75; за отказъ мить полъ 15; за «собраніе въ полкъ казенныхъ обрѣзковъ» 15, съ отдаленіемъ срока выпуска изъ роты на недѣлю и т. под.

Въ 1871 г. за обруганіе унтеръ-офицера и дерзкія выраженія, употребленія при арестантахъ 50, съ переводомъ въ испытуемые и съ заключеніемъ въ темный карцеръ на хлѣбъ и воду на 7 сутокъ; за то, что душилъ товарища по

подозрѣнію въ похищеніи табаку, найденнаго удушившаго 50 ударовъ, съ переводомъ въ испытуемые на 2 мѣсяца.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ 1871 г. порядокъ наложенія взысканій получилъ должное направленіе, причеиъ розги почти изгнаны изъ употребленія. Судя по вышеприведеннымъ цифрамъ розги и прежде, дѣйствовали, правда, рѣдко,—но насъ увѣряли, что въ книгу записывалось не больше половины дѣйствительно наказанныхъ, дабы отчетность выглядѣла покрасивѣе; но въ 1871 г. несмотря на то, что наказано было только 8 челов.—*именно*—проступки вообще уменьшились количествомъ; ясно, слѣдовательно, что розги не служатъ способомъ къ удержанію людей отъ проступковъ. Наконецъ въ бытность нашу въ Брестѣ никто не сидѣлъ въ карцерахъ за какія бы то ни было прегрѣшенія, тогда какъ въ другихъ ротахъ мы видѣли такихъ прощтрафифшихся довольно.

Всѣхъ карцеровъ въ ротѣ 24, по 12 въ этажѣ и пополамъ свѣтлые и темные. На дверяхъ каждаго надписи: кто за что и на какое время посаженъ; въ карцерахъ висѣція на день, запирающіяся, нары, табуретъ, столикъ и полочка для склада имущества, хлѣба; стѣны чисто были выкрашены, но воздухъ сыроватый, а въ нижнемъ этажѣ, вдобавокъ еще чувствовалось холодно; происходило то и другое оттого, увѣряли насъ, что зданіе вообще плохое и потому никакія мѣры не помогаютъ окончательно высушить казарму. Сидѣвшіе въ карцерахъ, особливо внизу, рѣдко раздѣвались, а такъ какъ нары примощены къ стѣнѣ, то дабы предохранить животь и спину отъ сырости—люди опоясывались полотенцомъ. Рецедивистамъ, заключавшимся на долго въ карцеры давали подушки и одѣяла, а остальнымъ—однѣ подушки. Пищу получали люди сквозь окошечко, прорубленное въ дверяхъ карцеровъ; но въ ужинѣ горячаго приварка,

они, на основаніи закона, не имѣли; свѣту днемъ довольно въ свѣтлыхъ карцерахъ; сажались въ карцеры не дольше какъ на 14 дней за проступки, въ ротѣ сдѣянные; продолжительное сидѣнье въ карцерахъ развивало въ людяхъ чахотку, водянку, и, какъ свидѣтельствовало само начальство, выпускавшее многихъ оттуда раньше срока, прежде бывали случаи смерти послѣ 4-хъ-мѣсячнаго заточенія. Содержавшіеся въ карцерахъ сначала ничего не дѣлали, а потомъ, за кротость и смиреніе имъ, по ихъ просьбѣ, давалась работа—шитье, напр., мѣшковъ для швальни. Занятію люди очень ради были.

— Съ утра до ночи сидѣть сложа руки—одурь беретъ, говорили намъ арестанты; по этому по самому пусть хоть позволяютъ песчинки считать и тому довольны будемъ; иначе или рыхнешся, али какую ни на есть бѣду сотворишь, штобъ вырваться изъ ефтой могилы.

Никакой работы не давали нѣкоторымъ рецидивистамъ въ наказаніе за то, что они, прибывъ въ роту, при разспросахъ, скрывали прежнюю свою судимость, наивно полагая, что коль скоро они въ *этой* *именно* ротѣ не были, значить никто не знаетъ о нихъ, тогда какъ все это прописывалось въ приговорахъ, копія съ которыхъ доставлялись въ роты изъ войскъ. Въ штрафномъ журналѣ 1871 г., мы вычитали слѣдующаго рода оригинальные, по содержанію, проступки. Именно: арестантъ, видя какъ другой пилъ чай, сказалъ ему: «ты здѣсь чаекъ распиваешь, а дома жена и дѣти твои безъ хлѣба сидятъ», послѣдній обидѣлся упрекомъ перваго, поссорился съ нимъ и за это оба пробыли въ карцерѣ двое сутокъ. Возили, въ тачкахъ, песокъ къ казармѣ. Одинъ привезъ 3 тачки и отказался идти еще за пескомъ. Унтеръ-офицеръ молвилъ ему: „вези, тебѣ говорятъ, 4 тачку“. „Не буду: за 3 ф. хлѣба, которые я получаю въ сутки, и 3-хъ

тачекъ довольно". Проступки эти заинтересовали насъ и мы рознесали затѣвшаго осору и не хотѣвшаго песокоъ возить.

— Мы зейляки, пояснилъ намъ первый; я зналъ нищету его семьи, совѣтовалъ ему призкомитить лучше вонѣжку для ребятъ, а онъ напротивъ все только объ своей утробѣ хлопоталъ. Глядячи на это я и не выдержалъ характера — попенялъ ему чайкомъ, потому это барское, а не наше, мушкетерское, лакомство. Товарищи засмѣялись, ему стало стыдно, онъ и давай ругаться.

— Ты, говорятъ, очень буйный человекъ: бранишь всѣхъ, угрожаешь всѣмъ, грызешь куртку и т. п.; правда-ли это? спросили мы другаго, сильно замореннаго, совершенно одичалаго, низенькаго арестанта, лѣтъ 20, еврея Юдильевича (онъ, говорили намъ, истоцился отъ онанизма).

— Я? удивленно спросилъ онъ. Нѣ-ѣтъ: я зависимъ шмирный цалвикъ, а мне выводить изъ терпенья, — ну и никакъ наказадтъ: я терплю.

— Кто-жь тебя выводитъ изъ терпѣнья?

— Кто?... гм... я цалвикъ далекатный, билъ въ синагогѣ на насъ праздникъ росгопана-тройку, вишалъ румку водки по закону насему, еврейскому, мой голова и закрутился. Прависцій обругивалъ мне за то. Я его тозе, потому рассердился. Онъ мне вдарилъ. Я шлишу больно изъ гораца свазалъ ему: „я тебѣ изкирпомъ баску квацу“. Звѣсно въ карцеиъ марсь. Стозь дилать? Иду, сизу. Унцеръ приходитъ и беретъ изъ окну мой хлѣбъ. Ни трозъ говору. Не шлухаеть. Ни трозъ говору, мне 3 ф. изъ казну шлѣдоваеть и мой хлѣбъ, послѣ изѣймъ, а нѣтъ — товарищу педару: цалвикъ тове ѣсть хочеть, а я хещу самъ распорядитя своимъ хлѣбомъ.

— Что-же онъ у тебя послѣдній кусокъ отбиралъ?

— Нѣ-ѣтъ: онъ приносъ ноний, а тотъ остался у меля

отъ вчерасній день, и мой. Въ казенномъ ящику мозеть миллионъ лезить, а никто не беретъ; зачимъ же мой хлѣбъ брать? Береть. Ругаюсь: езели собаку дразнать, кость отнимають — лаять, куснотъ, а я цалвѣтъ, буду молчать, — могу лешнуть: въ мине сердце горацеа. Усолъ изъ хлѣбомъ, мине запорил, я изъ гора куртку гризъ, потому болше ницево не подѣлаесь. Таваи, гавру, голву, нитку, заситъ мозно куртку, пуштое, а мине грозать розги дѣтъ. Сумлю, потому сто ве мине дѣлатъ? Нецево — подъ замкомъ дѣлатъ. Цимъ же я финовать? Тфи!... Шкверно.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— 21 годъ посоль. Мине сдали солдаты 15 годовъ било, а кагальные заплатили доктору 30 р. и обставили 19 годовъ. И нихай 19 будетъ: мине тозе самое не легце. Наборъ биваетъ въ солдаты, а не въ рижтанскихъ ротъ, и отецъ мине ростилъ, училъ не для рижтанскихъ ротъ; за цто-зе я рижтантъ? Не хоцу бить рижтантомъ!

— Еслибъ ты не сдѣлалъ преступленія въ то время, когда былъ въ солдатахъ, тебя не послали бы въ арестантскую роту. Въ чемъ-нибудь да ты провинился же, въ полку?

— Такъ изъ ницево: я троску вбѣзалъ, потому цизало било слюзить, ну на 3 года и засудили. Я полтора года отслюзилъ тутъ харсо и довольно шправлялся. Нацальство могло отисать главну комтетъ: есть зольдаты мольдой Юдичевичъ, позилъ 1½ года змирно, никого не обизалъ, будетъ порадошно слюзеть полку, випустить нузно и коонецъ. А то зиви безпримѣнно 3 года, коли я справился въ одинъ годъ, а другой и въ 5 не справится! Какъ же это мозно таковой порадокъ? Ползу никому нѣтъ, сто я 3 года буду зить здѣсь, а мине оцень цизало, а мой отецъ пляцеть, евреи тозе: видѣли мине синагога, залѣють, какой маляцикъ погубиенеца...

Не харсо, охъ вакъ не харсо!... Люде я 5 годовъ полку от-
слюзу, ницѣмъ одинъ въ рипшантахъ.

— Но ты же убѣждалъ изъ полка?

— Скудно било, цизало. Ницѣмъ въ рипшанты—люде би
въ другой полкъ, потому въ одномъ худъ, въ другомъ хо-
росъ буду. Нихай випустать—присагу дамъ цѣсно слюзять.
Я такъ завшимъ зоддаты, только разницу мой куртка, а не
синель. По заповѣдамъ обизать лудей грѣхъ, а рипшанты
обизену; по заповѣдамъ луди надо на волѣ зить, а не въ
рипшантахъ. Зацимъ зе не сполнають заповѣда?

— А зачѣмъ вы совершаете преступленія?

— Та, приштуленья? Ну харсо, харсо, приштуленья.
Такъ это шмирно зиль годъ—и слите полкъ, а то товариши
усли, я нѣтъ, мине такъ скудно и езели я сплеховаль—изъ
мине будетъ 1½ года наказанье. Я такъ узъ и рѣсилъ: не
випустать—удитя не буду, работать тозе: я цалвикъ дали-
катный, сердце горячее мѣю, все изнилъ... Здѣсь много ри-
пшантовъ затасковали, продолжалъ онъ, обращаясь къ това-
рищу, пожилому человѣку. Правда-а?

— Это Богъ вѣсть... А по мнѣ такъ мы сами виноваты
во всемъ, отнесся онъ къ намъ.

— Ви тилько поглядите народъ залко. Мнѣ госпиталь
ндти надо, а сизу: срозъ отцитають, ну и цимъ долше зить
ротахъ луце околеу. Говорать я изъ разуму вихозу. Скажите
правда это? Я такъ не знаю, мине такъ изъ голову мисли
икверну.

— Я тоже, братъ, не знаю, что у тебя въ головѣ.

— Всѣ говорятъ, что онъ свихнулъ маленько съ панта-
лыку, пояснилъ товарищъ. Мы всѣ его жалѣемъ: онъ добрякъ
и простякъ, одно слово дурашникъ парнишка, часто не ѣсть
ничего, возьметъ примѣрно, хлѣба на завтракъ, поддержать
его въ рукахъ и отдасть кому-нибудь. Спросять его: отчего

ты самъ не ѣшь, — сѣть, говорить. Онъ изведется непремѣнно.

— Проспайте, проспайте: пойду... Я билъ въ кандалахъ въ синагогѣ и вси евреи плякали... Скажите обо мнѣ... Наса казарму выкрасена, а ми нѣтъ... Умиваться. Онъ махнулъ рукой и побрѣлъ въ сторону.

Судя по рассказанному и другимъ свѣдѣніямъ Юдилевичъ съ годъ бродилъ полупомѣшаннымъ, пользовался въ госпиталяхъ и недавно, какъ намъ передавали, умеръ наконецъ...

VIII.

Статистика заболѣвавшихъ и умершихъ арестантовъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Въ 1868 г. Въ 1869 г. Въ 1870 г. Въ 1871 г. Осталось къ 1872 г.

Отправлено заболѣвшихъ въ госпиталь (многіе по нѣскольку разъ). Изъ числа заболѣвшихъ:	Въ 1868 г.	Въ 1869 г.	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.	Осталось къ 1872 г.
Выздоровило.	1,198 ч.	807 ч.	480 ч.	108 ч.	11 ч.
Умерло . .	58 ч.	43 ч.	29 ч.	38 ч.	

Въ 1868 г. Въ 1869 г. Въ 1870 г.

Въ томъ числѣ скончались:

Отъ тифозной горячки . . .	1 ч.	2 ч.	—
» воспаления глазъ . . .	2 ч.	—	—

*) Недостающее до общаго итога число людей оставалось въ госпиталяхъ въ слѣдующихъ годахъ.

Въ 1868 г. Въ 1869 г. Въ 1870 г.

Отъ воспаления легких . . .	1 ч.	1 ч.	—
» кровянаго поноса . . .	1 »	—	—
» хроническаго кишечнаго катарра	8 »	4 »	—
» бугорчатки легких и гнойнаго катарра легких	38 »	33 »	26 ч.
» цынги	1 »	—	—
» водянки	1 »	—	1 »
» костоѣдовъ и худосочій язвъ	1 »	3 »	—
» рака	1 »	—	1
» апоплексіи и разныхъ видовъ паралича	—	—	1 »
Итого	58 ч.	43 ч.	29 ч.

Всѣхъ серьезныхъ больныхъ отправляли, для пользованія, въ военный госпиталь, а первоначальную помощь оказывали въ такъ называемомъ околодѣ, въ ротѣ. Околодокъ этотъ состоялъ изъ 2-хъ маленькнхъ, довольно темныхъ, комнатъ; спали въ нихъ люди на тюфякахъ, положенныхъ на деревянные кровати; пищу они получали общую, арестантскую; слабосильные зимою тутъ отдыхали, а лѣтомъ—помѣщались на огородѣ, въ деревянныхъ 2-хъ избушкахъ, гдѣ на вольномъ, свѣжемъ воздухѣ,—они неспрашивались, занимаясь по сильной работою, или вовсе ничего не дѣлая, если здоровье не позволяло. Лечили околодочныхъ прикомандированный изъ госпиталя докторъ и фельдшеръ; помогать же обомъ арестантъ имецъ, учившійся: сперва—въ Берлинскомъ, а потомъ—въ Дерптскомъ университетѣ. Человѣкъ этотъ лѣтъ 30, весьма видный мужчина, такъ безсвязно, туманно

передавалъ намъ исторію своего паденія, что мы не рѣшались разсказывать ее читателямъ. При насъ было больныхъ: въ окологдѣ—4, да въ госпиталѣ 6 чел., цифры эти тоже говорятъ въ пользу заботливости о сбереженіи здоровья людей, по сравненію съ другими ротами, въ которыхъ больныхъ было самое меньшее—впятеро больше описываемой.

— Ахъ! ежелибъ не въ Сибирь меня, по неспособности моей, погнали, а на родину бы—я бы сразу забылъ свое горе, заговорилъ, въ окологдѣ, драхмнй пожилой человекъ. Казнѣ я все, вѣдь, единственно больше ужъ негоденъ, такъ, чтожъ ей даромъ наньчтись со мной? Покуда до сибиря доплетусь—я въ 10 ошпиталяхъ перебиваю, однѣхъ кормовыхъ, да на лекарство пропасть денегъ извезуть, а для чего? Чтобы я околѣлъ безпремѣнно въ Сибири, а не на родинѣ!...

— Легко быть можетъ дорогою, на свѣжемъ воздухѣ, поправиться, въ Сибири сдѣлаешься осѣдлымъ, свободнымъ, а воля всякому дорога. Такъ зачѣмъ же ты отчаиваешься? Это грѣхъ.

— Грѣхъ то, точно грѣхъ, да доля то моя очинно ужъ горькая. Ни отца, ни матери николи не видывалъ: сиротой остался, въ чужихъ людяхъ батрачимши выросъ, въ солдаты сдалъ за обчество, потому заступиться было некому; служилъ, служилъ вѣрой правдой 15 годовъ, на 16-мъ опустилъ, по оплошкѣ, арестанта, осудили сюда на 2 года, содрали галуны, нашивки, протащили съ кавказа, 6¹/₂ мѣсяцевъ кряду плелся, всю душу дорогой изъ меня вытянули, а теперь опять иди!.. Куда, зачѣмъ не спрашивай, а иди; иди!.. О Господи мой милостивый, пошто ты меня не приберешь разомъ, пошто черкесская пуля не сразила меня ни въ одномъ изъ страженій?...

Отчаянный тонъ его рѣчи и фізіономія вчуже за сердце щемили...

Въ ротѣ былъ, передавали намъ за достовѣрное, и противоположнаго свойства арестантъ, казакъ, который имѣлъ терпѣніе *зодъ* ходить на костылѣ притворяясь, что у него ногу свело. Медики освидѣтельствовали его, нашли, что у него жилы сведены, назначили его тоже въ неспособные и его перевели въ гражданскую тюрьму, съ тѣмъ, чтобы по минованію срока отпустить домой. Когда было все окончательно утверждено, наканунѣ отправки, вдругъ случайно замѣтили, что онъ несетъ костыль въ рукахъ. Затѣмъ, когда ему подлежало ужъ выходить за ворота—ему сказали: «отдай-ка сюда костыль?» «извольте», отвѣтилъ онъ и ровно пустился на обонхъ ногахъ въ путь.

IX.

— За что ты попалъ сюда? спросили мы пожилаго ужъ арестанта.

— За свой кусокъ хлѣба.

— Какъ такъ?

— Очинно просто-съ. Я служилъ на Кавказѣ, въ Кабардинскомъ, значить, полку. Ротный командиръ былъ у насъ богатый, нашими крохами не живилъ, а велѣлъ экономією дѣлиться всѣмъ унтеръ-офицерамъ. Такъ мы и дѣлили нѣсколько лѣтъ сряду. Вдругъ поступаетъ новый командиръ и всю экономію требуетъ записывать въ какую-то книгу для запаса. Мы и сговорились не отдавать; а какъ я былъ капитанармусомъ—онъ шибче всѣхъ осерчалъ за это на меня, смѣнилъ меня. Я со злости-то шибко надерзилъ ему и меня за все это заслали сюда на три года, потому у насъ въ тѣ-порн

судили одни адиторы не то, што нынѣ, при всемъ народѣ. О! ежели-бъ меня, примѣрно, пересудить съ-панаова?—Я ей Богу бы оправдался.

— Дѣло однажды рѣшеное—по закону вновь не перевершается; поэтому тебѣ остается только покориться судьбѣ, тѣмъ болѣе, что вполне виновать; потомъ...

— Снова терпѣть, снова покоряться? виѣшался другой, молодой человекъ. Всѣ насъ учать терпѣть, покорятьгя и молчать—но никто, удивительно не подумаетъ, какъ жутко это, когда мы кругомъ обижены.

— Напрасно никого не обижаютъ.

— А меня, напримѣръ? За то, что я укралъ у горца вещь, по нуждѣ въ деньгахъ, на сапоги,—годъ судили, 6 мѣсяцевъ гнали на цѣпи, какъ собаку, сюда, здѣсь опредѣлили пробыть 3 года, а мнѣ не давали жалованья за двѣ трети 66 г. и амунвчныхъ, и ничего.

— Ты бы заявилъ претензію.

— Пытался 10 разъ и все безъ толку.

— Ты жаловался, вѣрно, ужъ поздно; оттого и не уважили твою жалобу.

— И рано и поздно жаловался, а все равно безъ толку. Тутъ, извините моей смѣлости, важно не жалованье, а несправедливость...

— Равной для всѣхъ на свѣтѣ справедливости и невозможно достигнуть, но все-таки скажу: ты слишкомъ озлобленно смотришь на все и потому тебѣ и кажется, что для васъ всѣ несправедливы.

— Эту мораль я ежедневно разучивалъ еще въ военномъ училищѣ, гдѣ имѣлъ несчастіе воспитываться и гдѣ великолѣпно обдѣлывавшіе днемъ свои дѣлишки—вечерамиставляли насъ быть честными, бранили на чемъ свѣтъ стоитъ нечестныхъ людей. Да что далеко заходить. Спросите пожа-

луста на пробу любого, вот напр. его, за что онъ здѣсь и узнаете какъ совѣты ваши мудры.

— Я человекъ женатый, семейный, заговорилъ на наше вопросъ пожилой арестантъ, былъ въ безсрочномъ отпуску и жилъ въ одномъ домѣ съ Прапорщикомъ Ивановымъ, тоже женатымъ и изъ нашего же брата солдатъ. Познакомились мы, ходили другъ къ другу, выпивали вмѣстѣ, разъ въ этомъ положеніи онъ мнѣ сказалъ колкость, я ему въ сдачу, слово за слово и мы сперва—поругались, а потомъ разодрались. Онъ пожаловался, меня отдали подъ судъ и на 4 года сюда, съ потерей всей прежней моей службы, а съ него, да съ адитора, который упекъ меня въ арестанты приказано было высекать домашнимъ порядкомъ.

— Ну что-же это справедливо? спросилъ, торжествуя мизантропъ.

— Онъ навѣрное скрываетъ самое существенное въ дѣлѣ. Впрочемъ не забывай, что онъ былъ солдатъ, а тотъ офицеръ, а ругаться и драться съ офицеромъ—высшее нарушение воинской дисциплины и онъ еще очень счастливо отдѣлался за свое преступленіе.

— Да это было въ *частной*, помните, жизни, а не на службѣ, значитъ дисциплина тутъ не причемъ.

— Но онъ-то солдатомъ былъ и потому судился военнымъ, а не гражданскимъ судомъ. Вотъ доказательство, что это касалось дисциплины.

— Ну хорошо—будь по вашему; теперь нусть другой скажетъ: за что онъ тутъ мантса.

— Я проломилъ оконцо въ амбарѣ и взялъ тамъ овсеца, отвѣчалъ другой. Только я это, винюсь, сдѣлалъ для лошади: я кавалеристъ, намъ давали по 10 фунтовъ сѣна и 4 гарнца овса въ сутки лошади, а требовали, чтобъ ло-

шадь была въ тѣлѣ. Гляжу зима—лошади холодно, голодно, ржетъ, точно человѣкъ плачетъ, и жалко мнѣ ее таково стало и привармливалъ я ее хозяйскимъ кормомъ, покуда попался въ овсѣ, и пришель сюда на два года.

— А сколько полагалось лошади въ день казенной дачи корма?

— Этого доподлинно не знаю-сь. До насъ только и доходило что я вамъ докладывалъ, а лошадь была больно прожорливая.

— Отчего-жъ ты не докладывалъ начальству, что лошади корму мало, а кралъ?

— Ошибся; въ этомъ я точно виноватъ.

— Ну, а если тебя выпустятъ, дадутъ лошадь, а ей опять мало корму—пустишься ты опять на прежній постушокъ, или нѣтъ?

— Самъ лучше стану голодать, а чтобъ лошадь была сыта, потому она достать не можетъ, а коли мнѣ нечѣмъ будетъ ей помочь—сташу, простите, опять овсеца, сѣнца: я лошадь люблю пуще всего на свѣтѣ и жалѣючи ее—могу на все рѣшиться...

— А я хоша и не приверженъ къ скотинѣ, какъ вотъ онъ, а за гусей попалъ въ роту, перебилъ, улыбаясь, третій.

— За какихъ гусей?

— Въ нашемъ полку офицеры содержали по цѣлому стаду гусей. У баталіоннаго командира однава пропало 4 гуся. Я не ночевалъ, грѣшешъ дома,—подгулявши былъ,—и похитилъ на похмѣлье гуся и продалъ его. Маіоръ узналъ это, отдалъ меня подъ судъ, я и пришель въ роту на 2 года 9 мѣсяцевъ за гусей. Поглядите мою контрамацію и сами увидите, что всему бѣда гуся проклятые.

— Моя оказія такъ стряслась изъ-за злота, подхватилъ четвертый; потому по дѣломъ мнѣ вору и муна. Были мы съ това-

рищемъ хватимши, шатались по улицѣ, наткнулись на еврейскую синагогу, померещилось намъ что это корчма, а либо дѣвки живутъ—въ ней. Товарищъ влезъ въ окошко, да тамотко и уснулъ, а я пождалъ, пождалъ его, та тоже прилегъ на травѣ. Потомъ онъ проспался, зажегъ огня и очумѣлъ было, потомъ опомнился, сломалъ кружку, забралъ изъ нея 2 злота, вылѣзъ, далъ мнѣ одинъ, а другой злотъ себѣ взялъ. Тутъ же мы и попались. Жиды было простили насъ, а законъ нѣтъ. Ну извѣстно судили и въ рестораны его на 3, меня за то, что посадилъ въ окно и получилъ злотъ, на 2 года. Когда намъ прочли рѣшенье—товарищъ говорилъ мнѣ: «убѣжимъ». «Нѣтъ, молъ не хочу, да и тебѣ не совѣтую». Онъ не послушался убегъ, былъ пойманъ, опять сужонъ и на каторгу ушелъ: предлогъ такой имѣлъ, да и замысловатая у него была башка, а я себѣ думаю: Господь потерпитъ грѣхамъ, отбуду справно срокъ и домой еще вернусь..

— Легко отбить 2 году, езели одинъ, а каково семейному цаловѣку? спросилъ пожилой еврей.

— А развѣ ты семейный?

— Зона и 5 дѣтей имѣю, а за земскаго стразника пропалъ. Я 23 года отслужилъ вѣрой и правдой горнистомъ въ подку, зилъ аккуратно, скопилъ 1000 рублей, вышолъ безсрочный, вернулся на родину, въ арсавскую губернію, и занялся торговлей. Стразникъ сталъ меня притѣснять: зацимъ я торгую безъ дозволенья, и такъ поднелъ, что съ меня присудили 3 рубля штрафъ, я не отдавалъ ихъ, потому не за цто. Пришли брать мое веща, зона не давала, стразникъ зацалъ ее ругать, толкнулъ, она родила на 7 мѣсяцъ и заболѣла. Я вступился за зону—сцапался съ нимъ и укусылъ ему хоросо палець. Увѣзникъ начальникъ меня судить... Писаръ просилъ 30 копѣевъ, «дамъ, говорить, отставной

паспортъ, что тебѣ присоль». Я не хотѣлъ и меня посадили и судили какъ безсрочнаго. Зона хлопотать: въ 1½ года прозвела и просудила весь капиталъ, подала 80 залобъ и все напрасно: меня въ арестанты отправили на 1½ года, а зону въ тюрьму на 4 мѣсяца.. Таперица гдѣ моя зона, дѣти, не знаю; всѣ 23 года службы пропали и езели Богъ помозетъ виду живой отсюда—опять служить послють, подъ начальство къ рекрутамъ, они будутъ звать «рестантскій лобъ», придется молчать, или второй разъ въ роту...

— А по мнѣ хотъ 30 разъ пускай шлютъ, служить не стану, солдатомъ быть не хочу: надоѣло.

— Отчего-же тебѣ надоѣло?

— Потому воли хочется, а ее мнѣ никто не даетъ. Мнѣ хочется жить по своему—а всѣ заставляютъ жить по ихнему, когда это мнѣ противно, особливо солдатство.

— Отчего же ты солдатство особенно не любишь?

— Отъ всего. Я жилъ въ Петербургѣ у золотыхъ дѣлъ мастера подмастерьемъ. Пропали у него 58 рублей, подозрѣніе пало на меня. Меня посадили въ тюрьму, и, хотъ я правда и взялъ деньги,—но прокутивши ихъ, не сознался. Однако что-же сдѣлалъ со мной хозяйинъ? Онъ упростилъ общество сдать меня въ солдаты за его семью, заплатилъ за квитанцію 465 рублей, по-просту общество продало, а хозяйинъ купилъ меня, человѣка!.. Горько это мнѣ показалось, я былъ еще мальчишкой, напился, съ досады, сталъ кутить, бѣжалъ со службы, поймали, отодрали и этимъ разомъ вдостоль порѣшили со мной: я рѣшительно поклялся не служить и хотъ бы изъ меня жилы тянули, хотъ бы меня каленнымъ желѣзомъ жгли—сдержу это слово... Я 4 раза ужъ бѣгаю и стану продолжать это дѣлать до-тѣхъ-поръ, покада или не освободятъ меня, или не сошлютъ въ ка-

торгу, или не разстрѣляютъ. Да и иначе нельзя: вернулся я, напр. послѣдній разъ въ полкъ въ одной рубашкѣ: другую пропилъ. Прошу фельдфебеля дать другую — молчать, ротнаго — распекаетъ, а баталіонный командиръ — драть. Что же это такое? Стоитъ-ли служить по-пустому? Нѣтъ и нѣтъ!

— Полно тебѣ упорничать по пустому: сила солому ломить, заговорилъ пожилой, величавой наружности арестантъ. Упорство дѣло дрянъ, это я по себѣ знаю.

— Стало быть убѣдился, что оно ведетъ только къ худшему?

— Вѣрно-съ. Я служилъ ундерцеромъ въ Измайловскомъ полку и былъ у начальства на хорошемъ счету. Пошли, мы, въ 1863 году, въ Польшу. Мятежъ кончился и мнѣ шибко пондравилась одна полька; бравая такая, паненька, кровь съ молокомъ, глаза точно смоль, черныя, жгучія, говоритъ какъ по писанному, одно слово образцовая дѣвка. Денегъ я имѣлъ почитай тысячу рублей. Жили мы въ одномъ домѣ. Думалъ я, думалъ какъ мнѣ со своимъ сердцемъ быть — надрывается: шибко ужъ очень втрескавшись былъ въ польку, а она не поддавалась и за деньги. Вотъ я разъ и говорю ей: хочешь за меня за мужъ? хочу, говоритъ. Я къ ротному командиру, тотъ отговаривалъ, да не могъ и доложилъ баталіонному. Полковникъ тоже отсовѣтывалъ, говоритъ: «вотъ тебѣ на выборъ: или фельдфебелемъ сдѣлаю, въ офицеры, потомъ, произведу, или женись и солдатомъ навсегда останешься». Ну и женился, пожили мы въ ладахъ всего-то съ мѣсяцъ, а тамъ жена отъ меня тягу, да и деньги всѣ захватила съ собой. Я въ розыскъ, нашелъ ее — съ поляками валандается, притащилъ домой, задалъ ей взлупку и думалъ на томъ покончить, анъ нѣтъ — опять удрала. Я въ ней души не чаю и съ горя зашилъ, зашилъ безъ просына, буянилъ и попалъ въ прежнюю арестантскую роту на 2 года. Годъ пробылъ,

заработалъ порядочно денегъ: я знатный сапожникъ и отъ другаго года откупился чрезъ писарей, вышелъ въ армію, сталъ служить хорошо. Ну и простили мнѣ штрафъ. Тутъ одинъ баринокъ дознался про мои деньги и занялъ у меня 400 рублей. Вышло мнѣ, наконецъ, въ безстрочный џ я за два дня до отправки къ нему: пожалуйста молю долгъ мнѣ: на дорогу надо. «Какой, говорить тебѣ, арестантская морда, долгъ? Я, говорить, тебя каналья, мерзавецъ опять въ арестанты унеку». Кричалъ это онъ на меня при товарищакъ. Росписки у меня отъ него никакой не было: на честное, барское, слово давалъ—помѣщику. Меня это такъ разобидѣло, что я пошелъ прямо въ корчму, выпилъ съ товарищами, напился, ушелъ къ дѣвкамъ, прокутилъ тамъ все, что имѣлъ, перебилъ всѣхъ, кто мнѣ попадался на встрѣчу, пропадалъ 2 недѣли, отыскался, надѣлалъ дервостей офицеру и вернулся сюда на 5 лѣтъ.

— Отчего же ты не удержался эти два послѣднихъ хоть дня?

— Такая ужъ скверная, дикая натура у меня. Какъ меня разобидятъ, такъ я звѣремъ дѣлаюсь. Намъ, русскимъ, и въ арестантахъ жить, впрочемъ, еще можно; а вотъ евреямъ, и особливо татарамъ съ Кавказа — точно бѣда: языкъ нашъ мало понимаютъ, пища нашей не ѣдятъ: вѣра запрещаетъ; къ строгостямъ не привычны, къ работамъ тоже, потому дома у нихъ всяческая свобода, ну и таютъ, бѣдняжки, точно воскъ... Вонъ прижѣрно татаринъ въ углу стоитъ, тихій такой, что и воды не замутишь, а осужонъ въ роту за убійство, да идучи сюда дорогой его самого чуть не уволочили солдаты конвоя. Говорятъ князь и богачъ.

— Вы давно съ Кавказа? спросили мы указанного.

— Годы четыре. Кавкасъ?.. О, моя родина... Глаза его замскрелись отъ удовольствія.

- Остались у васъ на Кавказѣ родиме?
— О — о!.. Отыць, цытыри брата, скоть, много скоть, садовъ, хорошь хозяйство... О аллахы!..
— Шамля вы знали?
— О-о-о!.. Мы гуньбъ барайть.
— А слышали вы, что онъ умеръ?
— Наусто?..
— Да, умеръ, въ Меккѣ, съ годъ тому назадъ.
— Въ Мекку? Какъ Шалымъ попадайтъ Мекку?
— Его уволяли туда на поклоненіе Гробу Магомета.
— Карсо, карсо... Спасыбо, спасыбо за вѣсть..
— А за что вы сосланы?
— Чечынецъ порыгайтъ, ударайть мой бокъ саско. Мы-мо. Я вынсалъ ударайть, отсыкъ лажко, сплеховайтъ.
— Васъ, говорятъ, гдѣ-то дорогою чуть не убили; правда-ли это?

— Истинно. Катеринславъ саболыль, отыслалъ болница. Солдаты взалъ 10 копѣекъ принести табакъ, не принось. Сказалъ: пуду салитса. Онъ нацалству сказаль-было, а круска его вбитъ. Меня схватать, 50 розга и острогу полосыть... Я поялся, сапыртъ восымать нутра рубаску. Рядомъ сидѣлы тва малцыка, задралыса. Сумъ. Конвойны офицеръ, солдаты мой камора, отпырыть. Я не отпырайть боялся выдрать будетъ. Оны пафъ, пафъ, пулы, срывалы тверъ, былы русьями проколотъ сывотъ скрось стыкомъ...

Изъ прочтеннаго нами дѣла о немъ, мы узнали, что онъ дворянинъ Бекъ-Ахметъ-Ханновъ 30 лѣтъ, за покушеніе убить старшину аула, при исполненіи тѣмъ служебныхъ его обязанностей, былъ, въ 1867 году, приговоренъ въ Брестъ-Литовскую военно-исправительную роту на 5 лѣтъ, съ тѣмъ, что если онъ хорошо поведетъ себя — по минованіи срока возвратитъ его на родину, въ противномъ же случаѣ — от-

править въ Сибирь, на поселеніе. Далѣе онъ, идучи по этапу, остановился, за болѣзнію, въ Екатеринославѣ, въ замкѣ, гдѣ въ ночь на 26 Іюля 1868 года, среди арестантовъ произошелъ бунтъ и конвойные стали усмирять ихъ штыками, причѣмъ прокололи Ханнову животь. Затѣмъ онъ же былъ преданъ суду по обвиненію въ сопротивленіи караулу; но новый военный судъ, рассмотрѣвъ дѣло 18 марта 1871 года оправдалъ Ханнова, а о противозаконныхъ дѣйствіяхъ караульнаго офицера поручика Яковлева постановилъ: передать на обсужденіе подлежащаго начальства. Такъ что Ханновъ пробылъ, остановленный для сужденія, въ Екатеринославѣ 2 года, 7 мѣсяцевъ и 22 дня; о зачетѣ каковаго времени въ срокъ его заключенія въ законѣ не предусмотрено, поэтому начальство роты полагало сдѣлать объ этомъ особое представленіе установленнымъ порядкомъ.

Х.

Однажды мы, по заведенному порядку, бесѣдовали въ офицерской компаніи о положеніи ротъ.

— Знаете-ли отчего въ другихъ исправительныхъ ротахъ не совсѣмъ-то клентся? спросилъ насъ полковникъ. Оттого, что эти роты слѣдовало бы подчинить одному, напр. Главному Тюремному Комитету, а не такъ, какъ теперь—онѣ состоятъ въ вѣдѣніи этого Комитета, Главнаго Штаба, командующаго войсками, начальника мѣстныхъ войскъ, да комендантовъ, какъ начальниковъ крѣпостей и какъ предсѣдателей мѣстныхъ тюремныхъ комитетовъ, а у семи нянекъ, дѣтя, какъ говорится, всегда безъ глазу.

— Подки состоятъ подъ начальствомъ еще большаго числа инстанцій и тѣмъ не менѣе въ нихъ все обстоитъ

благополучно; ради чего же полагаете, собственно исправительныя роты выдѣлить изъ общаго порядка подчиненности?

— Да эти роты далеки, кажется, не то, что простыя войска, поэтому и завѣдываніе ими должно бы сосредоточить въ однихъ рукахъ, чтобы всѣ они имѣли однообразное, стройное направленіе, тогда какъ разные инспекторы, и особливо незнакомые близко съ наукою исправленія, — держатся разныхъ же взглядовъ на роты, требуютъ отъ нихъ различныхъ, иногда одно другому противорѣчащихъ дѣйствій.

— Мысль эта совершенно вѣрная; подхватилъ капитанъ. Я былъ членомъ ревизіоннаго комитета въ двухъ ротахъ и покуда дознался въ чемъ суть — потратилъ много времени, а потомъ перечитывая дѣла, журналы, приказы и проч. былъ удивленъ тѣмъ, что инспектировавшіе роты во многомъ не были солидарны между собою. Такъ, они отъ ротнаго начальства требовали: одинъ — чтобы всѣ, безъ исключенія арестанты учились грамотѣ; другой — чтобы грамотой занимались только молодые, а третій — желалъ замѣнить грамотность гимнастикою, фронтовою выправкою, на томъ основаніи, что арестанты, будущіе — не учителя, а солдаты и грамотность для нихъ роскошь. Учить грамотѣ одинъ настаивалъ по новѣйшей методѣ Столпянскаго, другой смотрѣлъ на эту методу съ предубѣжденіемъ, какъ на что-то анти-религіозное и предпочиталъ учить по старомоднымъ букварямъ св. Синода, а третій не обращалъ никакого вниманія ни на какую методу. Потомъ, одинъ восхищался чистотою и опрятностію въ зданіи, находя, что это приучить арестантовъ къ порядку, къ чистоплотности; другой считалъ эту чистоту вредною, потому что въ солдатскихъ казармахъ не было и половины той чистоты и опрятности, какая была въ ротѣ; отсюда онъ выводилъ заключеніе, что солдаты, чтобы приобрести этотъ комфортъ

будуть нарочно совершать преступленія, чтобы попасть въ роты, а третій въ этомъ вопросѣ оставался совершенно нейтральнымъ, т. е. ни за, ни противъ чистоты. О нравственности арестантовъ одинъ судилъ по ихъ выправкѣ, по доброму виду, доказывалъ, что малограмотные унтеръ-офицеры должны знать насквозь каждаго арестанта ихъ капральствъ, провозносили имъ, высокопарнымъ слогомъ, длинныя рѣчи объ ихъ обязанностяхъ; рѣчи, которыхъ никто изъ его слушателей, разумѣется, не понималъ; другой считалъ нравственными всѣхъ тѣхъ арестантовъ, которые не понадались въ ротѣ, въ проступкахъ, а третій даже не здоровался съ арестантами, считая ихъ недостойными привѣтствія. Въ наказаніе одинъ приказывалъ держать арестантовъ въ карцерахъ, розогъ не употреблять и на куреніе ими табаку смотрѣть снисходительно; другой признавалъ нужнымъ заставлять провинившихся больше работать, отдавать имъ срокъ выхода изъ роты, а за куреніе взыскивать съ нихъ наизощрающимъ образомъ, т. е. соединять заключеніе въ карцеры съ розгами и съ задержаніемъ лишняго времени въ ротѣ, такъ какъ куреніе, по его мнѣнію, верхъ безнравственности: человѣку надо прежде достать денегъ, а какъ негдѣ, — значить что-нибудь украсть, потомъ подговорить кого-нибудь купить табакъ, хранить его и тѣмъ самымъ подстрекать другихъ на проступки; третій же видѣлъ въ карцерахъ—мѣсто отдохновенія, въ отдаленіи срока заключенія — способъ уклоняться отъ тяжелой, сравнительно съ ротной, полковой службой, а потому приказывалъ всѣхъ и за все безъ извѣтія драть розгами. Какъ же, спрашивается, оставалось поступать начальству ротъ, при столь рѣзкомъ разномысліи инспектировавшихъ роты? Начальство во-1-хъ, одинаково зависѣло отъ всѣхъ, во-2-хъ, само ни обладало ни точными знаніями предмета, ни даже общимъ образованіемъ. Мало того: одинъ, напр.,

аспекторъ писалъ въ штрафномъ журналѣ «наказанія налагаются слабо», а другой «наказанія опредѣляются не соответственно проступкамъ», т. е. слабо-ли или сильно—до-адывайтесь сами. Ну и по-неволю въ дѣйствиыхъ ротнаго ачалства видѣлся какой-то сумбуръ. Все это, безъ всякаго сомнѣнья, устранилось бы, ежелибъ начальство подчинилось одному учрежденію, однимъ лицамъ, которыя давали и тонъ, направленіе.

— А отчего же скажете, господа, пожалуйста, въ ротактъ образованныхъ офицеровъ?

— Да во-1-хъ, отъ причинъ, вамъ, сейчасъ, капитаномъ представленныхъ, заговорилъ поручикъ, т. е. идти служить уда, гдѣ не разберешь какъ за что взяться — не резонно-2-хъ, оттого, что въ случаѣ надобности въ перемѣнѣ лубы не скоро ее найдешь: изъ арестантской роты рѣдольк возьметъ офицера, вслѣдствіе, правда, пустаго прѣазсудка, но предразсудка, къ сожалѣнію, крѣпко существующаго у насъ. Наконецъ, въ-3-хъ, кому изъ офицеровъ надло, или трудно, по семейнымъ, напр., обстоятельствамъ ставаться во фронтъ-тотъ можетъ пристроиться въ какой-нибудь штабъ, въ судебномъ и въ особенности въ интендантскомъ вѣдомствахъ. Я налегаю особенно на интендантство потому, что въ вѣдомствѣ не требуется данобразованія. Прежде, въ магазинахъ, управявшіе комиссариатами, провіантскими, ихъ помощники, чиновники, мотрителя сортовъ, — всѣ были должности чиниче не только всѣ мѣста, — но даже должности чиниковъ для усиленія, изрядно обезпеченные: послѣдуютъ, или для увеселенія, какъ они вѣдуютъ, рублей въ годъ, — прапорщикъ скажутъ, спицы, честица, чиновники для увеселенія получаютъ больше, — прапорщикъ меньше армейскаго майора.

— Оттого-то въ арміи постоянно и не достаетъ офицеровъ, молвилъ полковникъ, а недостатокъ этотъ чувствительно отражается на самой нашей службѣ и поселяетъ въ насъ зависть къ разнымъ смотрителямъ складовъ, магазиновъ, не говоря ужъ о завѣдывающихъ напр., обмундировальными мастерскими. Да это и естественно; здѣшній, положимъ, хозяинъ мастерскихъ полковникъ получаетъ до 4,000 рублей въ годъ, въ дѣйствіяхъ своихъ совершенно самостоятеленъ, а я, полковникъ же, гораздо старше его, и въ службѣ, и въ чинѣ, полковой командиръ не получу и 2,000 рублей въ годъ, кругомъ въ подчиненіи, въ зависимости, да и разныхъ строевыхъ, комисариатскихъ, провіантскихъ и проч. книгъ, бумагъ ежедневно подписываю врядъ-ли меньше его.

— На все это я, господа, скажу вамъ, что въ Петербургѣ разсматривается вопросъ о томъ, чтобы военные чины больше ужъ не занимали нестроевыхъ должностей, такъ что всякій, кто захочетъ служить въ какой-нибудь мастерской — долженъ будетъ переименоваться въ соотвѣтствующій гражданскій чинъ.

— Вотъ это дѣльно, хорошо; пусть, по-крайней-мѣрѣ, хоть скинуть долой нашъ мундиръ всѣ господа, желающіе сидѣть въ кабинетахъ, канцеляріяхъ, мастерскихъ, магазинахъ, сортахъ и имъ подобныхъ мѣстахъ. Кромѣ того, эта мѣра удержитъ многихъ, особливо молодыхъ офицеровъ во фронтѣ, значить намъ легче будетъ.

— Вернемтесь, однако, господа, къ предмету нашего разговора, отъ котораго мы уклонились — къ ротамъ. Насколько вы вникаете въ солдатскій бытъ?

— На столько, на сколько это возможно, отозвался капитанъ. Мы, напр., знаемъ, кто изъ нашихъ солдатъ какого поведенія, способностей по фронту, по грамотности и это намъ кажется довольно; довольно не потому, чтобы мы лѣни-

лись глубже изучагь ихъ,—повѣрьте чести нѣтъ,—а просто потому, что солдаты не любятъ, чтобы офицеры интимничали съ ними, и, добавлю, терпѣть не могутъ тѣхъ изъ насъ, которые рѣшаются лѣзть въ ихъ внутренній міръ, въ душу къ нимъ. Серьезность обращенія, краткость объясненій и безпристрастіе исполнѣ ихъ удовлетворяетъ. Я знаю, напр., маіора, который въ свою бытность ротнымъ командиромъ, не прощаль никогда никакого солдатскаго проступка, даже билъ многихъ, подь горячій часъ, собственноручно,—но солдаты были безъ ума отъ него, и отчего бы вы полагали? Оттого, что застигла кого-нибудь, положимъ, нужда въ рублѣ, обидѣлъ кого-нибудь унтеръ-офицеръ, фельдфебель—онъ идетъ прямо къ ротному, въ полной увѣренности, что онъ ему поможетъ, что онъ его защититъ.

— Но такой способъ нарушалъ вѣдь нѣкоторую долю дисциплины? рядовой долженъ жаловаться чрезъ своего капральнаго, фельдфебеля, а не прямо ротному?

— Это вѣрно: но въ то же время это маленькое отступление обезпечивало безусловно справедливость и за это никто насъ не упрекнетъ.

— Дальше-съ. Унтеръ-офицеры и солдаты живутъ въ казармѣ, на сколько мнѣ удалось узнать,—совершенно одинаковою жизнію, т. е. въ однихъ и тѣхъ же комнатахъ спать, одно и то же ѣдятъ, располагаютъ, какъ въ имущественномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи одинаковымъ достоинствомъ, со двора ходятъ съ рядовыми вмѣстѣ, ведутъ съ ними дружбу, выпиваютъ вмѣстѣ и т. п., а при такомъ порядкѣ вещей столкновения, иногда, просто, вѣдь, неустраимы? Между тѣмъ, я видѣлъ въ исправительныхъ ротахъ много арестантовъ, сосланныхъ туда за оскорбленіе унтеръ-офицеровъ. По этому не слишкомъ-ли ужь сурово такое наказаніе?

— Это зависитъ оттого, замѣтилъ все время молча слу-

шавшій маіоръ, какъ смотрѣть на дѣло. Съ одной стороны,— при маломъ развитіи нашихъ солдатъ,—ссылка въ исправительную роту, рядоваго за то, напр., что онъ поколотилъ, въ борчмѣ, унтеръ-офицера, какъ это случалось,—наказаніе, разумѣется, нанстрожайшее: прежняя служба рядоваго вся пропала, а это ужасно ихъ мучаетъ,—но съ другой стороны наказанія только вѣдь и поддерживаютъ дисциплину, безъ которой войско существовать не можетъ. А какъ рядовой всегда долженъ помнить чинопочитаніе, стало быть иначе ничего и не подѣлаешь, тѣмъ болѣе, что это по закону, а законы мы не сочиняемъ, а только исполняемъ безъ всякихъ разглагольствованій.

— Мнѣніе, ваше, маіоръ, съ пропускомъ, поправилъ капитанъ, а пропускъ тотъ,—что подъ судъ отдаемъ за подобныя, сказанному, проступки не всякаго рядоваго заурядъ, а только такихъ, которые ужъ рѣшительно отъ рукъ отбились, слѣдовательно послѣдній его проступокъ увлекаетъ его подъ наказаніе и за всѣ предшествовавшіе проступки, т. е. одинъ дается ему отвѣтъ за семь бѣдъ.

— У насъ въ полку, случалось, извините, не такъ, какъ у васъ въ артиллеріи, возразилъ маіоръ, а именно, какъ я говорю. И это оттого, думаю, что сочиняютъ приказы не совсемъ опытные господа.

— Не намъ ли ужъ предоставить это занятіе? подтрунилъ капитанъ.

— Нѣтъ-съ, я далека отъ этого желанія, а полагаю, что еслибъ, въ важныхъ хоть только случаяхъ, спрашивали нашего мнѣнія, то мы бы пользу принесли: зная солдатскій бытъ по практикѣ—мы могли бы дать такія свѣдѣнія, чрезъ которыя правильно разрѣшались бы многія затрудненія.

— Я присоединяюсь къ мнѣнію маіора и вотъ почему, произнесъ полковникъ. Я, положимъ, полковой командиръ,

долженъ сознаться, положительно не въ силахъ знать всѣхъ солдатъ полка. Вдругъ ротный командиръ подаетъ мнѣ рапортъ о преданіи суду солдата, за извѣстный проступокъ. Проступокъ, вижу я, не очень важенъ и разсуждая, что можно бы поступить иначе — зову ротнаго командира, высказываю ему свою мысль и коли онъ стоворчивый человекъ — улаживаемъ дѣло. Но бываютъ такіе ротные командиры, которые нерѣдко принимаютъ совѣтъ за личное оскорбленіе, полагая, что я, напр., прохаживаюсь на счетъ незнанія ими служебныхъ ихъ обязанностей и настаиваютъ на своемъ, въ ущербъ себѣ же: чѣмъ больше судится солдатъ изъ роты, тѣмъ неблагопріятнѣе является мнѣніе объ ея командирѣ. Тогда предоставляю суду разобрать дѣло, чтобы остаться нейтральнымъ. Что такое дисциплина, какъ широки ея предѣлы — объ этомъ нѣтъ, къ сожалѣнію, никакой обстоятельной книги. Оттого во всякомъ солдатскомъ проступкѣ непременно замѣшивается доля нарушенія дисциплины, а какъ она душа войска, — то наказанія, случается, получаютъ характеръ суровости. Я не могу, напр., подписать ни одного приказа объ отдачѣ подъ судъ солдата за промотаніе казенной вещи безъ боли въ сердцѣ, а дѣлать нечего — подписываю: законъ.

— Не является-ли въ васъ жалость, потому что вы смотрите на такія дѣла съ экономической точки зрѣнія?

— Совершенно вѣрно. Времена нынче такія, что только курицы не пьютъ, а люди всѣ грѣшны. Вотъ солдатъ зашелъ въ корчму, — а ихъ въ этомъ краѣ пропасть, — выпилъ рюмку, другую и охмѣлѣлъ, а жида, пользуясь его слабостью, не задумываются снять съ него не только шинель, но даже кепи, которая ни на что ужъ имъ негодна. Потомъ, денегъ выкупить вещь у него не хватило и онъ или является въ роту и подвергается дисциплинарному взмыканію, или если онъ совѣстливый, либо въ особенности бывалъ на замѣчаніи —

окрывается на нѣсколько дней и тогда очутился подъ судомъ, а тамъ и въ исправительной ротѣ. Солдаты, судя по наблюденіямъ, всего больше жалѣютъ такихъ товарищей и всегда готовы изъ своихъ крошечныхъ средствъ исправить утраченныя вещи, точно также, какъ мы, офицеры, при промотаніи нашимъ братомъ казенныхъ денегъ,—стараясь пополнить ихъ въ складчину, и тѣмъ самымъ избавить виновнаго отъ тяжелыхъ послѣдствій.

— Какъ же при такихъ оказіяхъ быть?

— Этотъ законъ нѣсколько бы видоизмѣнить, произнесъ капитанъ, т. е. сдѣлать напр. такъ: за промотаніе *оружія* судить настоящимъ порядкомъ, а за *одежду, обувь*—предоставить взыскивать дисциплинарнымъ порядкомъ, да исправлять вещи на счетъ артельныхъ денегъ виновнаго; а буде у него ихъ нѣтъ—заставить его заработать стоимость вещи; это тѣмъ болѣе возможно, что вся солдатская обмундировка стоитъ, по казенному расчисленію, не болѣе 10 рублей; а утрачиваются обыкновенно только отдѣльные предметы и всего чаще башлыки, старые мундиры, сапожный товаръ.

— Стоющія каждая не больше, кажется, рубля?

— Да. Между тѣмъ за это солдатъ лишается нашивки, а нею службы, отправляется въ исправительную роту на годъ, на два...

— Не подумайте однако, что такая участь постигаетъ каждаго, нѣтъ — она выпадаетъ на долю предпочтительно, повторяю, только окончательно дурныхъ по поведенію солдатъ.

— Но вѣдь можетъ, при случайныхъ, неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, распространяться и на сноснаго вообще человѣка?

— Разумѣется: грѣхъ да бѣда на комъ не живетъ.

— А такъ какъ лучше десятерыхъ виновныхъ простить,

нежели одного невиннаго наказать—то законъ этотъ всетаки ненормальный?

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Объ этомъ-то и говоримъ.

Всѣ смолкли. Разговоръ послѣ перемѣнился.

БОБРУЙСКАЯ

ИСПРАВИТЕЛЬНАЯ РОТА.

I.

Изъ Брестъ-Литовска мы отправились въ Бобруйскъ, для выгоды во времени, на перекладныхъ, по старому волынскому шоссе, проведенному почти на 400 верстъ чрезъ сплошной лѣсъ, славившійся еще недавно „шалостями“, а такъ какъ этою дорогою чрезвычайно рѣдко ѣздятъ и насъ постигли, въ пути, приключенія, то не совѣтуемъ путешествовать, по этому тракту одному, и въ особенности безъ оружія. Днемъ иногда еще попадаютъ, впрочемъ, мелкіе этапы, которые тоже наводятъ уныніе.

Такъ, мы встрѣтили трехъ солдатъ, ведшихъ закованныхъ въ наручники 3-хъ мужчинъ и 2-хъ женщинъ; всѣ они были одѣты въ лохмотья, а у одного изъ сапогъ торчали пальцы, тогда какъ на дворѣ были заморозки и рѣзкій вѣтеръ.

— Подайте, сударь, Христа-ради, хоть три копѣйки, обратился къ намъ оборванный.

— Почему именно 3 копѣйки?

— На чарку, значить, ваше степенство, в
лся конвойный. Потому студено, да и вѣтеръ
такъ штобъ не замерзъ. А коли, ежели эта
читается и мнѣ бѣда—а чѣмъ, скажите на милост
ювать, коли ему не дали казенныхъ вещей? Не
орять, идешь судиться, тамъ, пускай, тебя и о
кальбите, баринъ, хоть меня-то, подарите ему ч
Мы дали, что моглп, и партія направилась
чмѣ.

— И намъ поднеси, смотри, Ерофенчъ, водк
силы, не то требовали арестантки.

— Самп можете достать, отвѣтилъ имъ мужско
сется, аре станта.

— Да гдѣ и какъ достать?
— Не будешь глуха, въ корчмѣ кто-нибудь
што не понимаешь?

— И то правда: не съ жиру бѣшусь, а штобъ
аться.

Въ Бобруйскѣ мы прибыли подь вечерь, уст
дохнули и въ 6 часу слѣдующаго утра ужъ были на
сали знакъ кометъ; встрѣтили офицера, заговорили
постороннихъ предметахъ; потомъ свернули, не
исправи гильную роту.

— А въ какомъ, извините нескромный вопр
ю прѣхали сюда? Не по постройкѣ-ли будущее
й дороги?

— Отъ гадали. Мнѣ нужно развѣдать: можно-
бсь рабочихъ, т. е., нельзя-ли, наиримѣрь, буд
збить на стилку полотна арестантовъ здѣшней
ьной роты?

— По знакомьтесь съ начальствомъ роты, п

— Съ удовольствіемъ. Я даже думалъ представиться прїѣзжему и посвятить его во всѣ здѣшнія неурядицы, кагія знаю, — да опасаюсь, во 1-хъ, прослыть доносчикомъ, а во 2-хъ, выйдеть-ли толкъ: прїѣзжіи не простой, вѣдь, смертныи, а съ такими господами надо бытъ осторожнымъ...

— Послѣдняго обстоятельства опасаться вамъ кажется, нечего: нынче генералы занимаются дѣломъ, какъ я знаю, весьма добросовѣстно, прїѣзжему правда понравится.

— Да вы, развѣ, его знаете?

— Н-да-сь, немного знаю: мы сюда ѣхали вмѣстѣ. Не измѣните своего обѣщанія, снабдите его *странными свѣдѣніями* о здѣшнихъ порядкахъ — поговорю объ васъ съ нимъ.

— Охотно представлю неправдивѣйшую лѣтопись мѣстныхъ событій, лѣтопись, которую веду на память, отъ скуки, изо дня въ день, **цѣлыхъ** три года сряду.

— И прекрасно. А мнѣ, въ видѣ взятки, за представленіе васъ къ нему, **сообщите** теперь-же хоть что-нибудь любезное.

— Такъ какъ **накрапываетъ** дождь и гулять неприятно, а я холостякъ, — то **пойдемте** лучше ко мнѣ чай пить и я вамъ передамъ кое-что изъ своей лѣтописи.

— Съ удовольствіемъ.

Придя къ нему — мы стали чай пить. Немного погода, онъ развернулъ толстую тетрадь и сталъ читать, а я, слушая, — отмѣчалъ себѣ, на память, факты. Прошло съ часъ. Я всталъ, чтобъ уйти.

— Когда-же вы меня съ генераломъ-то сведете? напомните онъ.

— Никогда: вы съ нимъ уже знакомы.

— Какъ такъ?

И такъ рота расположена была въ двѣ-три
начный заводъ, на которомъ жили испытующе
ь 4-хъ верстахъ, а за $\frac{1}{4}$ версты отъ него
есенная, частоволокомъ деревянная, одно-эта
остроенная десятки лѣтъ тому назадъ; жи
азармъ было только въ одну сторону, тоже
орштадтъ. Самая казарма выглядѣла весьма
ѣкоторыхъ углахъ бревна были прогнивши
обныя мѣста замазывались, ежегодно, глиною,
ись и все напрасно: негодное никакъ не пр
орядочное. Въ этой казармѣ были 4 комнаты
одпертые въ нихъ столбами, закоптѣли, повы
ремени и тяжести насыпанной сверху земли; печ
ишь на изразцовыя, огромной величины, мало де
ебѣ тепла; въ окнахъ малаго размѣра стекла—по
ѣшотки—заржавѣли; сплошныя нары, на которы
пали—въ 3 комнатахъ были слишкомъ громоздки, въ
омнать ощущалась изрядная сырость, особенно ус
пяся весною и осенью отъ дождей, слѣжоты и ареста
окрыой одежды и обуви: все это просушивали на пл
и около печей. На нарахъ лежали днемъ свернутые че
гольниками постельники, суконныя одѣялы и подушки.
и, она же и кладовая, помѣщалась на дворѣ, сзади ка
мы, въ каменномъ зданіи; тамъ же было деревянное от
жее мѣсто. Карцеровъ при казармѣ не было, а потому пр
винившихся или переслани въ крѣпость, или наказыва
другимъ способомъ. Верхняя одежда арестантовъ—сѣрыя
буртки, были съ черными рукавами и такимъ же, на спинѣ,
позорнымъ тузомъ; на шапкахъ также черно-сѣрые кресты.
ѣли арестанты въ одной изъ занимаемыхъ ими комнатъ,
которая считалась и классомъ.

Исправляющіеся жили въ крѣпости, въ двухъ-этажномъ

въ бабахъ изъ бухни, снизу; это зимой неудобно: покуда ее проносили, чрезъ лѣстницу, — она остывала. Въ казармѣ было нѣсколько совершенно пустыхъ, большихъ комнатъ и одна — рядомъ со столовою. Поэтому полезно было-бы перевести въ нихъ, напримѣръ, мастерскую снизу, а тамъ сдѣлать столовую; классъ же могъ остаться и въ настоящемъ его мѣстѣ, даже и при обращеніи онаго, напримѣръ, въ портняжную.

Въ тѣхъ многихъ жилыхъ арестантскихъ камерахъ, окна которыхъ выходили на площадку, къ Михайловскимъ воротамъ, вслѣдствіе отсутствія стѣны, стекла были замазаны известью, отчего въ нихъ господствовалъ полумракъ, вредный для глазъ: люди, по выходѣ во дворъ, терпѣли рѣзкую перемену свѣта, рѣзкую глаза. Кромѣ того, отъ этого, невыдерживающаго критики способа устранить арестантовъ отъ соблазнительныхъ зрѣлищъ, солнце не проникало во внутрь казармы, гдѣ увеличивалась и безъ того существовавшая сырость. Гораздо, кажется, рациональнѣе было-бы придѣлать къ окнамъ, снаружи жестианы, съ просвѣтами, такъ называемыя, заслонки. Потолки въ нѣкоторыхъ комнатахъ выгнулись, мѣстами, внизъ. Двери, рамы, нары, преимущественно старинныя со штукованиями. Не только въ самыхъ отхожихъ мѣстахъ, — но и въ корридорахъ, и даже въ иныхъ ближайшихъ къ нимъ комнатахъ, воздухъ былъ тяжелый, а въ огромной комнатѣ, гдѣ сидѣли портные, пахло распаренными вѣшниками. По изслѣдованіи причины этого послѣдняго явленія, оказалось, что подъ этою комнатою протекали, въ луже, нечистоты.

Постельныя принадлежности на общихъ нарахъ были такія-же, какъ и вездѣ. Въ изголовьяхъ каждого хранились: запасное бѣлье, полотенце, портянки и прочее; но ничего изъ этого имущества не похищалось, увѣряли насъ, потому, что если у одного что-либо пропадетъ — розысканію подвергался весь десятокъ съ ефрейторомъ во главѣ, а такая кру-

данное распредѣленіе занятій, — но самія занятія производились, все-таки, иначе. Такъ, въ ноябрѣ 1871 г., исправляющіеся вставали въ 5-мъ часу утра, сгонялись въ столовую, съѣдали по куску хлѣба и отправлялись на работу до 11 часовъ; потомъ обѣдали, а пообѣдавши, — возвращались, чрезъ полчаса, опять на работу до 7; въ это время ужинали, переходили на полтора часа въ классъ, потомъ перекинулись въ камерахъ, молились и въ 9 ложились спать. Испытуемые же вставали въ 5, и съ 6 часовъ утра, до 5 часовъ вечера дѣлали и переносили сдѣланные кирпичи, потомъ ужинали, послѣ часа полтора занимались грамотой и ложились спать. Воскресные дни рознились отъ будничныхъ хожденіемъ исправляющихся къ ранней обѣдѣ, дважды въ классъ и на фронтовое ученье.

Состояло на лицо арестантовъ роты при насъ: испытуемыхъ — 158, исправляющихся — 237, итого 395 человекъ; изъ нихъ занимались по ротному хозяйству или, выражаясь по военному, — было въ расходѣ 52 человекъ. На дневное продовольствіе арестанта полагалось, кромѣ хлѣба: въ обѣдъ — говядины $\frac{1}{4}$ фунта; капусты $\frac{1}{32}$ ведра; муки 5 золотниковъ; луку 1 золотникъ; въ ужинъ: пшена или похлѣбной крупы, $\frac{1}{60}$ гарнца, сала 3 золотника, а въ постъ масла постнаго тоже 3 золотника, и т. п. Со времени преобразования роты, до 1 мая 1869 г., всѣ, безъ исключенія, съѣстные припасы поставлялись въ роту подрядчиками; съ послѣдняго же времени приобрѣтались говядина, сало, масло постное, снятки, капуста и бураки — чрезъ поставщиковъ, а соль, крупа, горохъ и перецъ хозяйственнымъ способомъ. Огородомъ рота стала располагать только съ 19 апрѣля 1871 года, на за-сѣвъ онаго сѣменами издержано было 63 рубля; а собрано съ него: картофеля 65 четвертей 4 четверика; луку 25 пудовъ; рѣдьки 27 пудовъ, 32 фунта; капусты 563 пуда, 7

Кузнецовъ	14	»	23	»	6	»
Маларовъ	4	»	3	»	—	»
Печниковъ	4	»	10	»	—	»
Слесарей	7	»	12	»	6	»
Бондарей	5	»	11	»	6	»
Пильщиковъ	7	»	27	»	—	»
Колесниковъ	1	»	2	»	—	»
Бѣлильщиковъ	1	»	—	»	—	»
Обойщиковъ	5	»	2	»	—	»
Переписчиковъ	5	»	2	»	—	»
Кровельщиковъ	2	»	4	»	—	»
Позолотчиковъ	1	»	—	»	—	»
Мѣдниковъ	2	»	1	»	—	»
Штуватуровъ	3	»	7	»	—	»
Литографовъ	2	»	—	»	—	»
Токарей	—	»	1	»	—	»

135 челов. 299 челов. 90 челов.

Заработали эти люди на ремеслахъ и по очисткѣ отхожихъ мѣстъ: въ 1868 г.—366 руб. 8 коп.; въ 1869 г.—1,758 руб. 62 коп.; въ 1870 г.—940 руб. 19 коп.; въ 1871 г.—1,998 руб. Изъ этихъ суммъ: а) истрачено на материалы и инструменты въ 1868 г.—245 руб. 7³/₄ коп.; въ 1869 г.—813 руб. 86 коп.; въ 1870 г.—370 руб. 74³/₄ коп., а въ 1871 г.—246 руб. 10 коп.; б) отчислено въ пользу унтеръ-офицеровъ (офицерамъ не давалось ничего, вслѣдствіе малой цифры заработковъ) въ 1870 г.—70 руб. 46 коп., да арестантамъ: въ 1868 г.—32 руб. 9¹/₂ коп.; въ 1869 г.—94 руб. 74³/₄ в.; въ 1870 г.—34 руб. 69 коп.; въ 1871 г.—199 руб., причемъ на долю каждаго причиталось заработка: въ 1869 г.—по 70 коп., съ дробью; въ 1870 г.—до 12 коп.; въ 1871 г.—

по 2 руб. 21 коп. съ др. Затѣмъ ротѣ пришлось барыша: въ 1868 г.—88 руб. 90³/₄ к.; въ 1869 г.—850 руб. 1¹/₄ коп., въ 1870 г.—464 руб. 29¹/₄ коп.; въ 1871 г.—1,552 руб. 90 коп., а за всѣ года вмѣстѣ—2,956 руб. 11¹/₄ к. Кромѣ того, заработано арестантами, приспособившими зданіе роты: въ 1870 г. *)—до 3,600 руб., такъ что общій итогъ выгоды простирается до 6,556 руб. 11¹/₄ к. Посвящавшимъ-же свой трудъ инженерному вѣдомству, въ теченіи годовъ: 1868—6,935; 1869—до 400, 1870 г.—до 316 чел. въ годъ, а въ 1871 г. по 25 чел. въ день—вознагражденія опредѣляемо не было.

Вопросъ о плохомъ развитіи мастерскихъ и малыхъ арестантскихъ заработкахъ разъясняется вотъ какими причинами. До 25 августа 1870 г., рота была разбросана въ нѣсколькихъ казармахъ, гдѣ невозможно было организовать работы на правильныхъ началахъ; потомъ по 1872 г., вѣлучительно большинство арестантовъ продолжали работать инженерному вѣдомству—кирпичъ для крѣпостныхъ надобностей, все это время бесплатно. Далѣе, Бобруйскъ отстоитъ отъ всякаго центра производительности на значительномъ разстояніи: отъ Бреста—400, отъ Витебска 400, отъ Вильны—до 500 верстъ, все по *сухонутной*, замѣтьте, дорогѣ, отчего рота не располагала возможностью приобрѣсть хоть сколько-нибудь выгодныхъ гуртовыхъ заказовъ; окрестные жители—крестьяне, не нуждаются въ чужомъ трудѣ; самый-же Бобруйскъ населенъ 22,000 бѣднѣйшихъ евреевъ, которые, будучи масте-

*) Сколько заработали въ 1871 г. неизвѣстно; но арестантамъ плотникамъ, столярамъ, не входившимъ въ число показанныхъ выше въ таблицѣ выдано, въ этомъ году 583 р. 53 к.

вами—сами чрезвычайно нуждаются въ ремесленныхъ работахъ: они хлѣбопашествомъ не занимаются.

Такимъ образомъ заказчиками оставались солдаты и офицеры войскъ, квартировавшихъ въ крѣпости; но первые нуждались только въ шитьѣ, да починкѣ бѣлья и обуви, каковой трудъ весьма многіе изъ нихъ совершаютъ не только для себя, но для товарищей, а иногда и для офицеровъ. Собственно офицерамъ и ихъ семействамъ необходимы бывають мебель, да одежда и обувь; но однажды исправленная мебель служить десятки лѣтъ, а платья арестанты изящно дѣлать не въ состояніи, слѣдовательно, работъ негдѣ было достать. Наконецъ, такса, которая съ точностію опредѣляла-бы стоимость заказываемыхъ, хоть обыденныхъ только предметовъ, напр. сапоговъ,—въ ротѣ не было, а заказы принимались своеобразнымъ манеромъ. Являлся заказчикъ съ предложеніемъ шить ему, положимъ, сапоги. Завѣдывающій мастерскими объявлялъ ему цѣну собственно за работу, а другой, завѣдывающій матеріалами—вычислялъ во что обойдется товаръ и, записавъ то и другое въ счетъ,—представляли его начальнику роты, который надбавлялъ нѣкоторую сумму на всѣ предметы вмѣстѣ, и, если заказчикъ соглашался заплатить оную—заказъ принимался, а нѣтъ—уходилъ искать болѣе дешеваго мастера—еврея, который, во 1-хъ, сію-же минуту порѣшалъ дѣло, во 2-хъ, шилъ ничуть не хуже, если еще и не лучше арестантовъ; въ 3-хъ, съ нимъ нечего было церемониться въ обращеніи; въ 4-хъ, ему можно было заплатить за его трудъ одновременно; въ 5-хъ, его работу сколько угодно бракуйте, откажитесь вовсе отъ нея и онъ ничего съ васъ не возьметъ, если докажете суду, что она негодная, тогда какъ въ ротѣ: а) сплошь да рядомъ прождете цѣлые часы, то пріемщика заказовъ, то начальника, и тратите напрасно время; б) какую цѣну спро-

сать, извольте принять ее безспорно, что особенно неприятно солдатамъ, которые по дисциплинѣ, не смѣютъ возражать офицерамъ; в) самая цѣна бывала неравномѣрная: сегодня высшая, завтра низшая, глядя по желанію начальства. Все это, въ совокупности, сильно вредило развитію мастерскихъ, отталивая и безъ того немногихъ заказчиковъ.

Разсматривая книгу заказовъ, мы увидѣли въ ней заказчиками офицеровъ, двухъ-трехъ евреевъ, но солдатъ ни одного. Мало того: въ теченіи 1871 года заказчиками являлись предпочтительно начальствующіе надъ арестантами офицеры, которые платили, судя по книгѣ, во всѣхъ случаяхъ, довольно дешево. Помня 89 ст. положенія объ исполнительныхъ ротахъ, статью, которая гласитъ: «начальствующимъ лицамъ не дозволяется располагать временемъ и трудомъ арестантовъ въ свою пользу *даже за вознагражденіе*», — мы спросили почему дѣлалось противъ этой статьи и намъ отвѣтили предъявленіемъ предписанія начальника мѣстныхъ войскъ виленскаго округа, отъ 7 января 1871 г. за № 134, предписанія, которое разрѣшало офицерамъ заказывать, причемъ въ немъ не было выражено даже мотивовъ, вызвавшихъ это дѣйствіе.

V.

Грамотѣ учились арестанты съ 1868 года.

При чемъ было: въ 1868 г. 1869 г. 1870 г. 1871 г. итого.

Перваго разряда,

умѣвшихъ хорошо ни-

сать, читать и знав-

шихъ ариметику. . 125 ч. 105 ч. 91 ч. 84 ч. 405 ч.

Второго разряда,

умѣвшихъ читать и
писать 68 > 108 > 96 > 264 > 536 >

Третьяго разряда,
умѣвшихъ только чи-
тать 152 > 106 > 140 > 335 > 733 >

Четвертаго разря-
да, учившихся читать. 865 > 185 > 440 > — > 1490 >

Пятымъ разрядомъ
назывались вовсе не-
грамотные 185 > 558 > 344 > 487 > 1232 >

Не училось грамотѣ въ 1871 г. стариковъ 26; горцевъ 12; тупыхъ 6 и больныхъ 7 чел., а въ числѣ, показанныхъ въ первомъ разрядѣ было учившихся: въ гимназіяхъ—2; въ духовныхъ семинаріяхъ 12; въ училищахъ: уѣздныхъ—20; военныхъ—7: приходскихъ 16 и для бѣдныхъ дѣтей въ Петербургѣ—2 чел.; итого 59 чел. хорошо грамотныхъ.

Въ 1871 г. на обученіе грамотности полагалось, по распределенію времени, 1½ часа въ сутки *вечеромъ*. Исправляющіеся учились въ двухъ отдѣльныхъ, просторныхъ, классныхъ комнатахъ (онѣ-же и столовыя), а испытуемые въ маленькой столовой, да въ камерахъ, на нарахъ и возлѣ нихъ. Въ классахъ исправляющихся висѣли на стѣнахъ простаго издѣлія картинки изъ св. писанія и двѣ-три географическія карты, во и эти предметы убирались на время ревизіи роты: они считались излишнею роскошью, для арестантовъ не подобающею, какъ передавали намъ изъ вѣрнаго источника. Учили, по методамъ Столпянскаго и Корфа, священникъ съ помощію грамотныхъ арестантовъ; въ праздничные дни учились днемъ. Такъ какъ разряды расположены были въ разныхъ мѣстахъ, то священникъ являлся поочередно одинъ вечеръ къ испытуемымъ,—а другой—къ исправ-

ляущимся; когда-же онъ отсутствовалъ — учили арестанты, подъ надзоромъ очень стараго лѣтми и познаніями офицера... Учителя-арестанты никакими привилегіями за обученіе здѣсь также не пользовались. Кромѣ того арестанты употреблялись на тяжелыя работы: напр. испытываемые тащали, цѣлыя дни, кирпичи, а до половины исправляющихся — землю, бревны и проч., — всѣ подъ открытымъ небомъ; возвращались они въ казармы вечеромъ, нерѣдко, въ мокрой одеждѣ, просушить ее тотчасъ негдѣ и некогда было, такъ какъ ихъ посылали: испытываемыхъ — ужинать и послѣ въ классъ, а исправляющихся, проголодавшимися, — прямо въ классъ. Все это въ совокупности вело къ тому, что одни — вовсе не выказывали успѣховъ въ грамотности, а другіе съ трудомъ выучивались азбукѣ въ 5 — 7 мѣсяцевъ. Порядочно же читать и сносно хотя понимать прочитанное — не меньше какъ въ теченіи года.

— Что ты такое читаешь, любезный? спросили мы одного изъ такихъ учениковъ.

— Священную исторію-сь.

— Почитай-ка въ слухъ нѣсколько строкъ.—Онъ исполнилъ.

— Понялъ-ли ты, о чемъ именно читалъ?

— Кое-что понялъ, точно такъ-сь...

— Такъ расскажи-же своими словами.

— Слушаю-сь. Евреи шли изъ халдейской въ ханскую землю.

— Какая это была халдейская земля?

— Жидовская, да татарская.

— А ханаанская чья?

— Русская.

— Заѣмъ-же евреи шли оттуда?

— Искать помѣщенія.

— Развѣ имъ негдѣ было жить?

— Они, знаете-ли, хотѣли поселиться безпремѣнно вмѣстѣ, въ казармѣ, ну и потащились въ Рассею: у насъ за-всегда было много казармъ.

Писали всѣ исключительно грифелями на аспидныхъ доскахъ. Намъ показывали, какъ величайшую рѣдкость, двухъ арестантовъ, въ два мѣсяца научившихся читать.

— Ты можешь быть еще до поступленія сюда знать грамотѣ, да сказывался незнающимъ, какъ многіе дѣлаютъ, чтобы присмотрѣться впередъ къ порядкамъ, или чтобъ потомъ сразу добиться вниманія начальства?

— Ни, Боже мой. Я не зналъ даже какая цифра на столбовой верстѣ что означаетъ. Всему выучился здѣсь; а бы можешь еще лучше читать, да глаза плохо видать.

— Отчего?

— Да отсидѣлъ мѣсяцъ въ темномъ карцерѣ, вышелъ на дворъ, солнце вдарило мнѣ, въ глаза, они у меня помутились, да такъ и остались попорченными...

— А показывался ты доктору?

— Какъ-же-съ; только онъ объявилъ мнѣ: «ничего, говорить, помочь не могу: что-то лопнуло въ зрачкахъ».

— Ты-бы отправился въ госпиталь; тамъ, быть можетъ, и вылечили-бы твои глаза.

— Вылечать, либо нѣтъ—это еще Богъ вѣсть, а время, которое тамъ пробудешь, вычтутъ изъ срока, такъ ужъ пусть я лучше такъ останусь: глаза и здѣсь поправятся.

— А отчего у тебя, любезный, рука такъ сильно дрожить, когда ты пишешь?

— Потому тысячу кирпичей въ день вдвоемъ перетаскиваете, ну грихель-то и скачетъ въ рукѣ, сколько я его ни удерживаю.

Пособій для обученія грамотности, относительно, было мало. Собственно духовнаго содержанія книгъ 55 экземпляровъ, а свѣтскія: «Краткая исторія Россіи», «Робинзонъ Крузе», «Наставленія къ подсудимымъ и осужденнымъ», Начальный курсъ географіи, «Грамотѣи», «Чтеніе для солдатъ», «Уроки русской грамматики», «О войнѣ 1812 г.», хрестоматія, «Вечернія бесѣды съ крестьянами», арифметики изданія Столянского, Добровольскаго, басни русскихъ баснописцевъ, «Дѣдушка домовой», «Притоки Волги: Ока, Сура и Кама», «Петръ Великій», «Сборная книжка», «О здоровьи», «Наши богатыри», «Земля, вода, воздухъ», «Князь Потемкинъ-Таврическій», «Суворовъ», «Ермакъ, покоритель Сибири», «О богатырѣ Алешѣ Голопузомъ», сказка—повѣсть «Сорочьи гнѣзда», Тишь да глядь — божья благодать», «О природѣ и ея явленіяхъ», «Словарь иностранныхъ словъ», «О винтовкахъ скорострѣльной и обыкновенной», «О передовыхъ постахъ», «Сказаніе о мести княгини Ольги за смерть мужа», «Объ обязанностяхъ и правахъ воинскихъ чиновъ», «О цѣльной стрѣльбѣ», «Правительственныя распоряженія», «Правила о наказаніяхъ, состоящихъ на срочной службѣ солдатъ», «О службѣ въ гарнизонѣ и войскахъ вообще», «Новая солдатская игра: походъ куда велятъ», «Объ уходѣ за лошадей»; проекты: воинскаго устава, о строевой пѣхотной службѣ, объ одиночномъ ротномъ, баталіонномъ ученіяхъ, таблицы въ рамкахъ, о наказаніяхъ, справочная солдатская книжка, правила для обученія гимнастикѣ, положеніе о военно-исправительныхъ ротахъ, наставленіе для солдатъ, пословицы и поговорки и т. под. книжки.

На покупку перечисленныхъ пособій для обученія, а рав-

но досокъ, грифелей, карандашей, бумаги и проч. истрачено: въ 1868 г.—95 руб. 60³/₄ коп., въ 1869 г. — 68 руб. 36¹/₂ коп.; въ 1870 г.—200 руб. 41¹/₄ коп., а въ 1871 г.—102 руб. 15 коп.

Предъ классными комнатами исправляющихся была большая комната, которая, въ наше по-крайней-мѣрѣ, пребываніе въ Бобруйскѣ, вечерами не освѣщалась: въ нее проникалъ свѣтъ чрезъ двери класса. Едва я, однажды, вошелъ въ нее, дверь изъ класса вдругъ захлопнулась и я, услышавъ, что кто-то на цыпочкахъ приближается ко мнѣ—остановился въ недоумѣніи, вспомнивъ, что мѣстные арестанты, путемъ новыхъ преступленій, стремятся вырваться изъ роты, но, оправившись—спросилъ, кто идетъ?

— Мы, шопотомъ отвѣтили голоса.

— Да кто вы?

— Арестанты.

— Сколько-же васъ тутъ?

— Шестеро-съ.

— Отворите, братцы, пожалуйста дверь: ничего не вижу.

— Не нужно: мы хотимъ поговорить съ вами.

— Въ потьмахъ не могу: Богъ вѣсть, какія у васъ намѣренія, а при мнѣ, кромѣ карандаша, ничего вѣдь, помните, нѣтъ.

— Еслибъ изъ нашихъ кто тутъ встрѣлся—точно-бы... тово-съ... а вамъ мы рады,— ну и не сумлевайтесь—пальцемъ васъ не тронемъ.

— Спасибо, братцы, за вниманіе ко мнѣ. Я вѣрю вашему слову, а все-таки пойдемте лучше въ классъ: тамъ, при свѣтѣ, поговоримъ, о чемъ хотите; опасаться меня вамъ, честное слово, нечего.

— Мы и опасаемся не васъ... съ кѣмъ вы подольше по-

говорите, — тѣхъ послѣ допрашиваютъ, о чемъ рѣчь шла и замѣчаютъ на память...

— Пожалуйста скорѣй въ задній уголь: тамъ и потолкуемъ, нетерпѣливо сказалъ кто-то.

— Я не помню, гдѣ этотъ уголь, да идти туда, кажется, не зачѣмъ: все-равно, и тутъ темно.

— Говорятъ вамъ, идите — такъ слушайте! требовалъ кто-то.— Давайте руку— доведу, продолжалъ другой голосъ.

— На, отвѣтилъ я рѣшительно; помните только одно— лежачаго не бьютъ...

— Ради Бога, не сумлевайтесь, перебилъ кто-то: у насъ, у кажиннаго, есть и хрестъ на шеѣ, и хоть малость смѣлкаки.

Мы отошли шаговъ 20 и остановились. Люди начали, спороговоркою, толковать, кто во что гораздъ. Я замѣтилъ имъ, что изъ такой бесѣды ничего не упомяну и предложилъ имъ говорить по одиночѣ.

— Мнѣ, позвольте, примѣрно, спросить: не бывали-ли вы въ Ягорьевской крѣпости? заговорилъ кто-то дрожащимъ голосомъ.

— Былъ, съ мѣсяцъ тому назадъ.

— Такъ не видали-ли тамъ моей дочки, Анисьи? Она въ горнишныхъ живетъ у водяной меликаціи капитана. Все сердце, вѣрите ли, изныло по ней, потому дѣвчонкѣ всего то 15 годковъ, глупа, безъ родителейъ... ну, и мудрено-ли сбить ее съ панталыку.

— Къ сожалѣнію, не только твоей Анисьи, но даже и водяной меликаціи капитана никакого не видалъ. Чѣмъ бесполезно сокрушаться по ней, — ты-бы лучше написалъ ей письмо: по закону вы имѣете на это право.

— Мы про законы не извѣстны, самъ писать не умѣю, попросить некого, да и начальство позволить-ли? Изъ-за писемъ у насъ такая, недавно, вышла было рацея, што и звать боязно; къ тому-жъ и денегъ нѣтъ на кондр-шарку.

— Я, пожалуй, помогу тебѣ: пошлю, завтра-же, утромъ въ Новогеоргіевскъ депешу и покуда я здѣсь, отвѣтъ придетъ навѣрное.

— Сдѣлайте божескую милость, вѣкъ стану помнить...

— Чу! шпоры брячатъ, слышите, идутъ, идутъ! испуганно заговорило нѣсколько голосовъ разомъ и всѣ опрометью разбѣжались, такъ что я не успѣлъ спросить сердобольнаго родителя ни о фамиліи капитана, ни объ его собственной. Едва они скрылись въ классъ, какъ, дѣйствительно, дежурный офицеръ явился. Слѣдомъ за нимъ и я вошелъ туда-же, вглядывался пристально въ фізіономіи людей, разспрашивалъ многихъ: не они-ли были моими таинственными собесѣдниками, просилъ указать отца, но все было тщетно: не только въ тотъ вечеръ, но и потомъ не удалось облегчить сердце отца.

VI.

Начальство роты и тутъ было точно такое же, какъ вездѣ... Впрочемъ, намъ удалось подмѣтить, въ этой ротѣ, такія особенности, какихъ мы въ другихъ ротахъ не встрѣчали.

Такъ, ротная церковь еще строилась, поэтому исправляющихся водили ко всеобщимъ и раннимъ обѣднямъ въ крѣпостной соборъ, подъ конвоемъ, а испытуемые никогда не слышали полного богослуженія, вслѣдствіе отдаленности ихъ жительства отъ храма; то-же самое будетъ, къ прискорбію,

дѣлаться относительно испытываемых до окончательнаго устройства казармы, года чрезъ два-три, если ихъ притомъ освободятъ отъ занятій по выдѣлкѣ кирпича. Пѣвчіе собора, 10—12 арестантовъ, помѣщались, за свои знанія, отдѣльно отъ прочихъ, вмѣстѣ съ околоточными; ходили они въ церковь въ солдатскихъ шинеляхъ и получали за каждую службу по 25 коп.; на эти деньги священникъ, руководитель хора, покупалъ имъ чай въ праздники. Пѣли пѣвчіе не важно, не смотря и на то, что въ обученіи ихъ священнику помогалъ пожилой арестантъ, изъ дьячковъ. Мы любопытствовали: какъ онъ попалъ въ роту и получили слѣдующее разъясненіе.

— По выходѣ изъ семинаріи, я былъ назначенъ дьячкомъ въ сельскую церковь Могилевской губерніи—на родину, сообщилъ онъ намъ. Попъ бралъ себѣ всѣ доходы, а какъ мнѣ жить было нечѣмъ, то я, съ горя, и сталъ, по семинарской еще привычкѣ, выпивать лишнюю чарочку и въ этомъ видѣ ругаться съ попомъ и со всѣми, кто мнѣ досаждалъ. За это поппъ жаловался на меня, нѣсколько разъ, архіерею, который вышелъ, наконецъ, изъ терпѣнія и распорядился сдать меня въ солдаты. Это было въ 1856 году *). Въ солдатахъ я прошелъ весь курсъ, покуда съ трудомъ повысился въ писаря. Писарская служба вольготная была, и я забился, запивалъ, и, однажды, поддался искушенію—составилъ солдаткѣ фальшивый паспортъ. Это открылось и меня осудили въ роту на 3 года. Вотъ моя участь...

— Вы холостой?

— Къ несчастію, женатый и дома еще горюеть обо мнѣ старуха-мать.

*) Законодательное запрещеніе сдавать церковныхъ служителей въ солдаты послѣдовало въ 1858 году.

Евреевъ, въ ихъ праздники, отдѣляли молиться въ особую комнату. Горцы, не употребляющіе сала, варили себѣ отдѣльно, приче́мъ съ ними ѣлъ постоянно и одинъ еврей.

Кадровые унтеръ-офицеры жили: испытуемаго разряда — рядомъ съ арестантскими камерами, а исправляющагося — сзади ихъ, тѣ и другіе въ 2—4 шагахъ. Поверхностно судя, это казалось бы хорошо: они ближе могли слѣдить за нравственностью заключенныхъ, чаще вразумлять ихъ; но дѣйствительность говорить, къ сожалѣнію, иное: унтеръ-офицеры, люди, сравнительно съ арестантами, свободные, не всегда воздерживались отъ излишней выпивки, отъ приноса и домеѣ водки, курили, а то и другое представлялось всевидящимъ арестантамъ соблазномъ, отъ котораго имъ трудно было устрани́ться, а потому менѣе дорожившіе собою люди, впадали, иногда, по общему теченію обстоятельствъ, въ прегрѣшенія. Унтеръ-офицеры, не обладая никакими понятіями о системѣ содержанія арестантовъ, о собственномъ значеніи, тоже доводили себя до того, что изъ нихъ въ короткое, на примѣръ, время разжаловали до 10-ти человѣкъ, отдавали подъ судъ нѣкоторыхъ, которые умножали собою арестантскую семью, эта оказія вдостоль уронило унтеръ-офицеровъ въ глазахъ арестантовъ и они смотрѣли на первыхъ, какъ на равныхъ себѣ несчастныхъ.

Въ ротѣ не было ни одной казенной лошади. Оттого арестанты ежедневно возили на себѣ, не смотря ни на какую погоду: изъ рѣки — воду, съ дровянаго двора — дрова; съ поля — песокъ; носили на заводъ, и обратно, имущество. Многіе это дѣлали, правда, охотно, но потому, что, прогуливаясь, имъ удавалось въ пути получить милостыню, покурить, не то и выпить. Зато, не мало было и такихъ, тяготились этими обязанностями.

— Насъ и людьми-то врядъ ли здѣсь считаютъ, высказы-

вали они намъ. Запрягаемся, по 12-ти человѣкъ, въ телѣгу и точно лошади, возимъ воду, песокъ, всѣ на насъ глядятъ, смѣются и намъ это совѣстно, обидно... кажись-бы сквозь землю лучше провалиться, чѣмъ такую тяготу нести..

Въ ротѣ нерѣдко случалось, что подлежащіе выпуску, за минованіемъ срока ихъ заключенія, или высылки въ Сибирь и въ другіе города, въ качествѣ обвиняемыхъ, свидѣтелей, задерживались лишнее время. Первые—по несвоевременному исполненію 131 ст., объ освидѣтельствovanіи ихъ за 2 мѣсяца до срока и объ отсылкѣ статейныхъ о нихъ списковъ начальству мѣстныхъ войскъ, а послѣдніе—вслѣдствіе предписанія самаго начальства войскъ отъ 14-го января 1869 года, № 345, о томъ, чтобы „не исполнять ничьихъ требованій о высылкѣ арестантовъ, по какимъ-бы то ни было причинамъ, прежде полученія на это согласія, о чемъ и приказывалось спрашивать предварительно бумагами“. Готовившіеся къ освобожденію роптали на задержание ихъ въ ротѣ лишнее время, потому что такому человѣку каждый часъ кажется тяжелымъ, томительнымъ, а отъ поздней явки послѣднихъ, т. е. призываемыхъ свидѣтелями, или обвиняемыми — казна несла напрасные расходы. Въ Могилевѣ, на примѣръ, предположено 1-го февраля открыть засѣданія временнаго военнаго суда по дѣлу, въ которомъ самонужнѣйшій свидѣтель арестантъ бобруйской роты Ивановъ. Судъ посылаетъ заблаговременно изъ Вильно бумагу начальнику бобруйской роты о присылкѣ Иванова въ Могилевъ, согласно маршрутному разсчету, къ вышеозначенному числу. Настаетъ день суда, но Ивановъ, ожидающій разрѣшенія начальства мѣстныхъ войскъ отправиться въ путь—не прибылъ и судовоповореніе откладывается; судьи бесполезно проѣздили, получивъ прогонныя, суточные и проч. деньги, а подсудимый остается въ ожиданія разрѣшенія его участи на гауптвахтѣ

два три мѣсяца до слѣдующаго прїѣзда суда; Ивановъ же, по полученіи 10-го февраля разрѣшенія, безцѣльно ужъ прогуливается, въ оковахъ въ Могилевъ и обратно, мѣсяць теряетъ въ дорогѣ, а казна за это время лишается его рабочихъ рукъ. Между тѣмъ, 529 и 690 ст. военно-судебнаго устава гласятъ, что свидѣтели высылаются въ судъ немедленно; посему, и предсѣдатель суда назначаетъ время засѣданія, соображаясь съ отдаленностью мѣста пребыванія вызываемыхъ въ суду лицъ, слѣдовательно, ничьего особаго разрѣшенія на отправку свидѣтеля-арестанта законъ не требуетъ. А коль скоро такъ, то въ интересахъ казны и ускоренія правосудія желательна отрицательна разбираемаго нами предписанія, какъ распорядженія неправильнаго, безцѣльно тормозящаго дѣло.

Вышеуказанныя несообразности возстановляли арестантовъ, ввергали иныхъ въ отчаяніе и они, стремясь выйти какъ-нибудь изъ этого положенія, — впадали, по неразумію, въ крайности—совершали болѣе тяжкія преступленія, мечтавъ, что за таковыя ихъ сошлютъ въ Сибирь, на каторгу, гдѣ легче, наивно полагали они, будто-бы, живется. Начальство, зорко слѣдя за арестантами и подавляя въ нихъ всякое проявленіе воли, духа, въ свою очередь тоже впадало въ крайности, преслѣдуя ихъ не только за содѣянные ими преступленія, но, случалось, и за воображаемыя: не будучи знакомо съ уголовнымъ уложеніемъ, оно предавало, иногда, суду за такія дѣянія, которыя невмѣняемы.

При насъ, напр., судился во временномъ окружномъ судѣ арестантъ «за покушеніе убить унтеръ-офицера». Покушеніе это заключалось въ томъ, что онъ, Ц., лежа въ госпиталѣ—употребилъ, въ разговорѣ съ товарищами, объ одномъ унтеръ-офицерѣ выраженіе: *«его надо убить»*. Обстоятельство это дошло до свѣдѣнія начальства роты и оно выходъ Ц.

изъ госпиталя сочло «*притомленіемъ* его къ убійству унтеръ-офицера», предало его суду и заключило, до судебного разбора, въ карцеръ, гдѣ онъ просидѣлъ 4 — 5 мѣсяцевъ средю. Пріѣхалъ временный судъ и настала день судовоговоренія. Ц., лѣтъ 28-ми, средняго роста, истощенный, отвѣтилъ на вопросъ предсѣдателя: «это были одни пустыя слова». И судъ, не обладая рѣшительно никакими къ обвиненію данными, — оправдалъ его. Фактъ этотъ, наглядно подтверждая нашу мысль, не требуетъ, полагаемъ, никакихъ комментариевъ.

Здѣсь, кстати, заявимъ, что при судовоговореніи о Ц. произошло грустное событіе, отчасти характеризующее благородство души арестанта. Въ залѣ суда присутствовало много офицеровъ, въ качествѣ публики. Когда ввели подсудимаго и стали читать обвинительный актъ и формуляръ подсудимаго — одинъ изъ офицеровъ, капитанъ, упалъ въ обморокъ, а приведенный въ сознаніе, рассказалъ, что въ подсудимомъ случайно узналъ *роднаго своего брата*, котораго считалъ офицеромъ, ибо о производствѣ его ему сообщилъ инженеръ того полка, въ которомъ служилъ его братъ. Судьба Ц. насъ сильно заинтересовала, мы розыскали его, потому, въ ротѣ и вотъ его біографія.

— Я дворянинъ Минской губерніи, кончилъ курсъ, какъ и всѣ бѣдные дворяне, въ уѣздномъ училищѣ, поступилъ въ гражданскую службу, на 8 рублей жалованья въ мѣсяцъ, перемѣнилъ нѣсколько присутственныхъ мѣстъ и остановился на должности писца-же у минскаго прокурора. Вдругъ поднялся мятежъ, въ 1863 г., и меня, какъ католика, уволили отъ службы. Дѣваться было некуда, я отправился сюда, въ Бобруйскъ, искать счастья чрезъ брата: онъ здѣсь служилъ въ полку, но онъ жилъ только однимъ жалованьемъ, самъ ничего не значилъ и потому посовѣтовалъ мнѣ отпра-

виться къ старшему брату (насъ всѣхъ 4). Я пошелъ къ нему, въ Черниговъ, да напрасно: онъ, богатый, отказался меня принять, говоря, что у него своя семья и проч. Разбитый въ своихъ надеждахъ, вернулся я во-свосяи и съ горя нанялся, за еврейское семейство, въ солдаты, хотя и былъ давно ужъ коллежскимъ регистраторомъ. Это было въ 1868 году. Сдѣлавшись солдатомъ, я попалъ въ новороссійскій драгунскій полкъ, гдѣ меня посадили младшимъ писаремъ въ полковую канцелярію. Дѣлопроизводство, къ которому я привыкъ съ малодѣтства; примирило было меня съ собою; но сослуживцы-писаря возмущали меня: влички «наемщикъ», «безмозглый полякъ», «отставной дворянинъ», «продажный чиновникъ» — преслѣдовали меня ежечасно, Богъ вѣсть за что и про что... Терпѣлъ я, терпѣлъ, да не выдержалъ... Старшій писарь Д. называлъ меня разъ, при другихъ, дуракомъ, а его тѣмъ-же. Онъ пожаловался казначею, а тотъ разсердился за это на меня, и, какъ вспыльчивый человекъ — велѣлъ мнѣ отправиться на гауптвахту. Я было оправдываться ослушаться, но напрасно. На гауптвахтѣ меня увидѣлъ полковой командиръ, полковникъ Л. и по настоянію казначея набавилъ срокъ моего ареста. По выпускѣ съ гауптвахты мнѣ служить стало еще невыносимѣе отъ тѣхъ же мелкихъ, но очень чувствительныхъ обидъ. Я бѣжалъ, явился въ штабъ съ жалобою на притѣсненія, но меня предали суду и опять посадили на гауптвахту. Тамъ меня постигла новая бѣда: товарищи по заключенію задумали было бѣжать, пристали ко мнѣ за содѣйствіемъ. Я, какъ они, раздраженный неудачами, помогъ было одному составить фальшивый паспортъ. Хотя бѣжать и никому не удалось, — однакожь обвиненіе тѣмъ временемъ усилилось. Дѣло обо мнѣ доходило до главнаго военного суда, который рѣшилъ: за то, что я, младшій писарь, оскорбилъ старшаго писаря, не исполнилъ безпре-

кословно, приказанія казначея, бѣжалъ, утратилъ казенныя вещи, — лишитъ меня всѣхъ правъ состоянія и отдать сюда, въ роту, на три года. Все это, увѣряю васъ, истинная правда! Вы можете въ этомъ убѣдиться, если потрудитесь прочесть конфирмацію обо мнѣ.

— Но вѣдь Д. не вправѣ-же былъ назвать и васъ дуракомъ?

— Да, это тоже вѣрно. И главный судъ призналъ и Д., и Я., и Л. виновными въ неприличномъ обращеніи со мною и постановилъ: передать ихъ поступки на разсмотрѣніе подлежащаго ихъ начальства. Но вѣдь мнѣ то отъ этого не легче стало.

— А вы, будучи въ ротѣ, знали, что братъ вашъ здѣсь служить, или нѣтъ?

— Зналъ, даже не разъ видывалъ его, идучи на работу, или за водою, запряженнымъ въ телѣгу, вмѣсто лошади.

— Отчего-жъ вы не сообщили ему о своемъ положеніи: онъ, быть можетъ, выпросилъ-бы какую-нибудь льготу для васъ у начальства?

— Открыться-то мнѣ было выше силъ: я самъ пропалъ, да еще брата опозорить: онъ офицеръ, ротный командиръ, а я?... я арестантъ!... Что говорили-бы ему его товарищи офицеры, какими глазами смотрѣли-бы на него его роты солдаты, которые ходятъ конвоировать насъ, арестантовъ? Ему бы это доставило большія непріятности. Поэтому я и молчалъ...

Прочитавъ конфирмацію, мы убѣдились, что онъ *точно* передалъ намъ суть своего дѣла, привлечнаго его въ роту.

— Каково, скажите пожалуйста, дѣйствуютъ на нравственность людей здѣшніе порядки, работа? спросили мы

другаго арестанта изъ чиновниковъ, бывшаго квартальнаго надзирателя.

— Порядка тутъ меньше, чѣмъ въ полкахъ: туда часто постушаютъ умные, хорошіе офицеры, бываютъ мягкосердые фельдфебеля и подъ ихъ руководствомъ солдаты учатся, ведутъ себя аккуратно; у насъ же почти всѣ офицеры изъ закрытыхъ арестантскихъ ротъ—старьихи, обращаются съ нами также, какъ съ прежними арестантами, тогда какъ тѣхъ ссылкою наказывали за убійство, поджоги и т. п., а насъ шлютъ сюда для исправленія за разныя кражи, побѣги, пьянство и т. п. Работа унимаеъ насъ до того, что намъ бы рѣдко дурное въ голову приходило, ежели-бъ насъ не смущали унтеръ-офицеры: они сами торгуютъ, напримѣръ, и табакомъ, и водкой.

— А какъ они проносятъ въ казарму водку, когда и ихъ въ воротахъ осматриваютъ?

— Во-первыхъ, они вѣдь другъ друга обыскиваютъ, а воронъ ворону глазъ не клеветъ. Во-вторыхъ, кто въ ссорѣ съ очереднымъ у воротъ, дежурнымъ, — тому не мудрено и надуть его, если непременно захочетъ принести водки.

— Не можете-ли указать мнѣ какого-нибудь *особеннаго*, ловкаго способа проноса водки въ казарму?

— Я знаю, напримѣръ, подъ великимъ секретомъ, что унтеръ-офицеръ (фамилія) проноситъ водку въ тесакѣ?

— Какъ въ тесакѣ?

— Прослѣдите за нимъ хорошенько и сами узнаете секретъ, а мнѣ неудобно рассказывать.

Поблагодаривъ его за бесѣду, мы тотчасъ-же принялись наблюдать за указаннымъ намъ унтеръ-офицеромъ, и едва чрезъ день, подъ вечеръ, желаніе наше осуществилось. Узнавъ, что унтеръ-офицеръ пошолъ со двора *въ форму*, мы

около часа бродили по улицѣ, въ ожиданіи его возвращенія. Наконецъ, онъ показался издали. Замѣтивъ, что онъ идетъ тихо и рукою поддерживаетъ висѣвшій у него на портупеѣ, на боку тесака, мы свернули за уголъ, и лишь только онъ приблизился къ намъ—остановили его вопросомъ:

— Несешь водку?

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣтилъ онъ, растерявшись. Я... помилуйте...

— Не ври: у тебя, и знаю, въ тесака водка, покажи мнѣ ее и будь увѣренъ, что я тебя не выдамъ.

— Виновать-съ... никогда больше не буду-съ, заговорилъ онъ, покраснѣвъ до ушей.

— Открой же мнѣ секретъ-то?

— Извольте, слушаю-съ, только пощадите, будьте отецъ родной...

Онъ вынулъ изъ футляра черенокъ, подъ которымъ торчалъ на четверть пальца длиннй желѣзный тесака; остальное же желѣзо было отпилено. Мы приподняли футляръ, попробовали изъ него и убѣдились, что тамъ была водка; при этомъ узнали, что въ длину всего футляра входитъ кварта. Затѣмъ пристыдили владѣльца тесака, выслушали его божбу, что это послѣдній разъ онъ дѣлаетъ, дали ему слово „не погубить его“, отпустили и увидѣвъ, что онъ благополучно прошолъ въ казарму, мимо часового — вернулись во-своица.

VII.

Штрафные журналы велись писарскою рукою; отчего въ нихъ не замѣтно было курьезныхъ отмѣтокъ; но за то вера-дывались другія несообразности: истекшій годъ, напри-мѣръ, въ одномъ журналѣ кончился декабремъ, а наступившій на-

чался мартомъ; въ наложеніи наказаній господствовала непоследовательность, неравномѣрность. Журналовъ этихъ никто не провѣрялъ. Поэтому одинъ отдѣленный за куреніе табаку сажалъ въ карцеръ, а другой за то же самое—наказывалъ *постоянно* розгами, потому, впрочемъ, увѣряли насъ, что на заводѣ, гдѣ расположенъ былъ испытуемый разрядъ—не имѣлось карцеровъ, а отпирать провинившихся собственно изъ-за неимѣнія карцеровъ въ крѣпость—игра, дескать, не стоила свѣчь. Въ подтвержденіе вышесказаннаго, приведемъ статистику.

Изъ наличнаго числа арестантовъ роты подвергалось взысканіямъ и наказаніямъ въ теченіи годовъ: 1868 — 277 чел.; 1869 — 259 чел.; 1870 — 162 чел.; 1871—154 чел.; въ томъ числѣ тѣлесно было наказано: въ 1868 — 121 чел.; въ 1869—60 чел.; въ 1870—42 чел.; въ 1871—30 чел. Тѣлесныя наказанія назначались:

Въ 1868 году: за картежную игру 50 — 30 ударовъ; за воровство у товарища рубашки, подштанниковъ и 20 к. денегъ — 50; за пьянство на инженерныхъ работахъ — 50; за самовольную продажу хлѣба — 10; за дерзость офицеру и драку съ кашеваромъ—50; за дерзость-же офицеру въ пьяномъ видѣ—250, по рѣшенію начальства мѣстныхъ войскъ, и въ испытуемые на 3 мѣсяца; за шумъ, безпорядокъ въ отдѣленіи—50; за храненіе не позволенныхъ вещей—10; за пьянство во время нахождения въ банѣ—50—30; за неправильное объясненіе претензій о неполученіи изъ прежняго мѣста служенія вещей—двоимъ по 25; за обмѣнъ новыхъ сапоговъ на старые—75; за *намереніе* принести въ камеру воды—20; за пьянство—75, съ переводомъ въ испытуемые; за драку—20; за ослушаніе унтеръ-офицеру—30; за воровство (чего—не сказано) по 25; за кражу хлѣба—25; за умышленную растрату проданной рубашки — 20; за нарушеніе порядка очереднои

возки воды — 15; за утрату полусапоговъ — 50 ударовъ; за приобрѣтеніе водки, во время работъ подъ каланчею—двоимъ по 35; за то, что будучи пьянымъ сопротивлялся офицеру—100; за приобрѣтеніе водки, оныяненіе ея, сопротивленіе отдѣленному офицеру—100, за побой арестанта лопатомъ, на работѣ — 50; за начинаніе драки—10; за неумѣстныя выраженія и послушаніе офицеру—20; за запирательство—20; за содѣйствіе къ продажѣ сапогъ, дерзкія выраженія — 20; за приносъ водки — 35; за храненіе запрещенныхъ вещей—35; за невниманіе во фронтѣ — 15; за картежную игру — 50 и въ испытующе; за пьянство, скривательство, откуда брали водку, шумъ, браненіе унтеръ-офицера и фельдфебеля, намѣреніе ударить унтеръ-офицера — 100; за послушаніе инженернаго вахтера—четверымъ по 15; за обмѣнъ шапки—15, а 3-мъ по 30; за куреніе табаку ; за намѣреніе бѣжать—50 и въ испытующе на 3 мѣсяца; за промѣнъ рубашки — 25; за неправильную претензію въ неполученіи аммуничныхъ денегъ — 10; за уклоненіе отъ работы, съ утонченною грубостью вахтеру—25; за промотаніе голенищъ—30; за ложное показаніе работъ, пьянство—75 и въ испытующе на 3 мѣсяца; за начатую ссору — 10; за кражу съ башни мѣшка и 11¹/₂ фунтовъ воска, 60 аршинъ холста, 40 золотниковъ прядильной бумаги по 35; за утрату подкладки съ куртки—25; за драку—25; за пережѣну зимней одежды на лѣтнюю по 35; за невность положеннаго числа кирпича и за брань по 10; за прожѣнъ сапоговъ—по 30 двоимъ; за лѣнивую работу—по 25; за ударъ ножомъ арестанта — 100; за пьянство, ударъ коломъ присмотрщика—100 и 35; за пьянство въ день выхода изъ госпиталя—по 25 двоимъ; за дерзкія выраженія офицеру—35 и въ испытующе; за приобрѣтеніе трубки, храненіе и куреніе табаку по 20, 15 и 10 ударовъ 16 человекъ.

Въ 1869 году: за пьянство — 75, 50; за игру въ деньги,

карты, юлку, орлянку, кости—по 35; за продажу казенных сапоговъ — 50; за пьянство — 35; за невыполнение урочной работы — 10; за побѣгъ — 50; за слушание фельдфебеля— 20; за продажу наволочки — по 10; за слушание — по 70, 15; за кражу подштанниковъ — 20; за побой арестанта—20; за слушание—70, 80, 20; за нарушение порядка, ложное показаніе, съ цѣлію скрыть истину—15; за воровство рубашки у фельдфебеля — 20; хлѣба — 20; за своевольное нарушение порядка, при раздѣлѣ изъ котла пищи, вылитіемъ изъ посуды обратно—15; за покупку у торговки яблоковъ на 1 к. и заявленіе, что нашоль—на 6 сутокъ въ карцеръ; за неисполнение приказанія унтеръ-офицера ѣхать за водою — 10; за кражу хлѣба—30 и 15; за то что, кончивъ урочную работу, хотѣлъ идти въ казарму раньше неокончившихъ—20; за кражу рукавицъ—25; за ударъ по головѣ арестанта—30; за споръ—30; за дерзкій отвѣтъ унтеръ-офицеру въ госпиталѣ—50; за пьянство, шумъ, ложное показаніе—100 и 25 и въ испытуемые; за возведеніе на себя небывалыхъ преступленій, ради уклоненія отъ работъ — 75; за слушание фельдфебеля—35; за буйство—50; за промѣнъ рубахи—по 15; за сорваніе кожаной обшивки на наручникахъ и согнутіе первыхъ звеньевъ цѣпи—35; за отвѣтъ: „зачѣмъ мнѣ на нихъ показывать—это ребята наши, свои“ — 50; за выраженіе противъ приказанія унтеръ-офицера: „не растагиваться“ — „ну заплакалъ“ — 35; за намѣреніе бѣжать — 75; за промотаніе казенныхъ вещей — 100; за *намѣреніе* растратить обувь и ложное показаніе по — 50 и въ испытуемые; за храненіе и куреніе табаку по 50, 30, 20 и 15, болѣе 10 чел.

Въ 1870 году: за ссору — 10; за сохраненіе денегъ, пьянство и неповиновеніе—70, 75; за неисполненіе приказаній—70, 75; за ссору — по 15; за *намѣреніе* продать казенныя голенища — 80; за уклоненіе отъ работъ, слушаніе фельд-

фелебя—по 15; за буйство, ударъ кирпичемъ арестанта—15; за порчу книгъ—15, за *намѣреніе* превонить себѣ чужіе подштанники—30; за ослушаніе унтеръ-офицеру—10; за явку нетрезвымъ—50 и въ испытуемые; за уклоненіе отъ работъ и ослушаніе фельдфебеля—15; за ударъ вахтера палкою—50 и увеличенъ срокъ содержанія въ ротъ; за пропускъ воды, ложное показаніе—20; за сохраненіе денегъ—15; за воровство (чего?), за сломаніе тачки—75; за уклоненіе отъ работъ, за ослушаніе фельдфебеля—25; за кражу перчатокъ прикащика, который условился съ укравшимъ заплатить ему за возвратъ ихъ, вынулъ деньги, но тотъ выхватилъ у него 5 р. бумажку, — скрылся и потомъ далъ ложное показаніе—35; за взятіе чужой вещи, съ намѣреніемъ утаить—15; за храненіе и куреніе табаку по 15, 10, 20 ударовъ.

Въ 1871 году: за пьянство—100; за нгру въ карты—50 и въ испытуемые; за драку—по 25 четыремъ; за покушеніе бѣжать—75; за пьянство—50; за небрежность при работѣ—35; за ропотъ, недовольство хлѣбомъ—по 25; за утрату рубахи, покушеніе бѣжать—80; за поврежденіе мѣста заключенія—75; за порчу книгъ—25; за прибытіе съ работы безъ чувствъ пьянымъ—26 и т. д.

Всѣхъ карцеровъ было при насъ 14; сажались въ нихъ репедивисты на весь срокъ, если карцеры были свободны; въ противномъ случаѣ, они отправлялись на заводъ и ждали тамъ, покуда кого-нибудь выпустятъ и тогда заключались поочередно; люди несправимаго, по понятію начальства, поведенія, находились въ карцерахъ періодически, т. е. 10 дней въ заточенія, а 10 на заводѣ. По исполненіи же карцеровъ одними репедивистами, и когда таковые, въ то же время, прибывали вновь въ роту—ихъ наказывали, иногда, розгами причемъ люди пожилые предпочитали это наказаніе заключенію, а молодые, не извѣдавшіе еще боли розогъ, — страшно

ихъ боялся; особенный страхъ розги внушаютъ къ себѣ въ еврейхъ, горцахъ, которые готовы лучше годъ просидѣть въ карцерѣ, нежели вынести хоть только 10 ударовъ. Каморки, называемыя карцерами, сами по себѣ хороши, но воздухъ въ нихъ былъ тяжелый: миниатюрныя окошечки въ карцерныхъ дверяхъ отворялись лишь на *одну часть* въ теченіи сутокъ, а въ остальное время тамъ, вдобавокъ ко всему, еще было темно, такъ что, и за серьезныя, и за малыя погрѣшности, всѣ одинаково лишались свѣта. На неподвижныхъ нарахъ карцеровъ или ровно ничего не постилалось, или валялись вещи вмѣсто постелей, а въ одномъ былъ тюфякъ, составлявшій, какъ объявилъ содержавшійся тамъ Вейзбургъ, собственность его товарища-арестанта.

Сидѣвшіе въ карцерахъ никакою работою не занимались, вслѣдствіе темноты и отсутствія всякихъ приспособленій. Пуще всего поразило насъ то, что всѣ, безъ изъятія, содержавшіеся въ карцерахъ были столь сильно озлоблены, что мы нигдѣ ничего подобнаго не замѣчали. Чтобы судить о причинахъ таковой ярости, приведемъ разговоръ съ однимъ изъ заключенныхъ.

На доскѣ двери его карцера значилось, что онъ посаженъ за игру въ кости.

— Расскажи, пожалуйста, что это за игра?

— Самая простая: на маленькой восьми-угольной косточкѣ надѣланы разнаго цвѣта точки — на манеръ картъ; на какую точку желаешь поставить — про ту и объявишь играющимъ. Потомъ нѣсколько косточекъ бросаютъ на столъ зря, какъ попало, и повѣряютъ: если косточка ляжетъ на задуманный бокъ и твою точечкою вверхъ — значитъ выигралъ, итъ — проигралъ. Вотъ и весь фокусъ. Игра эта называется „юлка“.

— А играете на деньги?

— Чаше—да, по копѣйкѣ, по двѣ, не больше: у насъ денегъ не водится; играемъ и на иголку, для починки одежды, на кусочекъ мыла, для мытья рукъ: казенное даютъ только на мытье бѣлья, а иногда и просто на кусокъ уряднаго изъ столовой хлѣба.

— Но вѣдь для игры надо выбрать время, котораго у васъ мало; надо, кромѣ того, сторожить, какъ-бы начальство не замѣтило, опасаться за это взысканія, словомъ, вся-то такая ничтожная игра не стоитъ, такъ сказать свѣчъ?

— Это вѣрно-съ. Но и страхъ наказанія, и пустяшный выигрышъ, или проигрышъ насъ развлекаютъ: *казенная* жизнь наша такая скучная, однообразная, что безъ какого-нибудь *собственного* дѣла одурь беретъ. Последнїй разъ я, впрочемъ, игралъ просто съ отчаянїя.

— Что-же это такое случилось съ тобою?

— Да въ послѣднїй день моего здѣсь пребыванія я былъ *имянинникъ*, пошелъ, въ шинели, въ церковь, помолчился Богу, а по окончанїи обѣдни выпилъ съ радости, что выхожу изъ роты,—въ кабакѣ стаканчикъ водки, одинъ только, ей-Богу, стаканчикъ, ради ангела, и возвращался въ роту. Вдругъ встрѣчаюсь въ воротахъ съ начальствомъ. Оно замѣтило у меня растрепанные волосы, а растрепала ихъ мнѣ унтеръ-офицеръ при обыскѣ (у насъ даже въ волосахъ роются не несемъ-ли водки, табаку), посадило меня за пьянство въ карцеръ и лишило выпуска изъ роты... Надо-жъ было такому грѣху случиться... Эх-хе!. Четыре года провель я тутъ безпорочно, а въ послѣднїй день изъ-за рюмки водки все пропало!.. *) Характера, безропотно перенести такую горькую долю, во мнѣ не хватило и я сталъ бѣдокурить... и... и... не вырваться, кажется, мнѣ ужъ отсюда!..

*) Событїе это, по наведенной нами справкѣ, оказалось справедливымъ

— Веди себя скромно, осторожно и освободять, а отчаяваться не слѣдуетъ.

— Да терпѣнія, ей Богу, не хватаетъ: мнѣ 40 лѣтъ, 20 лѣтъ я прослужилъ,—былъ писаремъ во флотѣ,—11 мѣсяцевъ въ Севастополѣ; по замиреніи, вмѣсто отставки разжаловали, за подлогъ, а со стыда убѣжалъ и попалъ сюда. Здѣсь я первый ввелъ грамотность; работалъ безъ усталы, и что-же? Я ужъ 9 мѣсяцевъ лишнихъ мучаюсь, а все оттого, думаю, что я знаю много кое-чего...

— Совершенно вѣрно-сь, вмѣшался сосѣдь его по карцеру, тоже пожилой ужъ человекъ. Я скоро отпущу въ Каменногорскую крѣпость, стало быть мнѣ все равно, но и я подтвержу, что здѣсь жить нельзя: тяжолая работа, наказанія,—все это сдѣлало насъ звѣрями. Курить, водку пить, напримѣръ, запрещаютъ, а унтеръ-офицеры торгуютъ тѣмъ и другимъ. Одинъ продасть табакъ и скажетъ объ этомъ другому, а тотъ отниметъ его, тебя накажутъ, а онъ этотъ-же табакъ третьему, потомъ, продасть, пошлетъ четвертаго, который отниметъ и т. д. Табакъ продаютъ они хоть и по той-же цѣнѣ, какъ на рынкѣ—5 копѣекъ пачку, но эта пачка обернется чрезъ 10 рукъ и полтинникъ готовъ, да и выкурятъ ее они-же, унтеръ-офицеры. Это насъ раздражаетъ и мы бросаемся на нихъ съ чѣмъ попало *).

— За что ты осужденъ въ Каменногорскъ?

— За побѣгъ изъ госпиталя и покушеніе убить солдата.

за исключеніемъ того, что онъ признавъ былъ начальствомъ *нормально* выпившимъ. Самъ комендантъ, почтенный генералъ, съ сожалѣніемъ относился къ этому арестанту.

*) Въ числѣ содержащихся въ карцерахъ было нѣсколько человекъ, осужденныхъ въ Усть-Каменногорское каторжное отдѣленіе, за покушеніе на жизнь унтеръ-офицера.

Я ужъ въ ротѣ третій разъ: въ полку нашему брату—штрафованному—тоже житья нѣтъ. Выйдешь, наприѣмръ, изъ роты оборваннымъ, а въ полку требуютъ, чтобъ былъ одѣтъ хорошо, понадобятся рабочіе—кого послать?—штрафныхъ, таскать вещи—штрафныхъ, возить провіантъ—штрафныхъ; словомъ, все дыры нами затыкаютъ, вѣчно подъ конвоемъ, на помочахъ. Безпорочный вовсе не явится на перекличку—ничего, а штрафной опоздаетъ 5 минутъ—въ карцеръ, розги ему, потому арестантъ; этой кличкой всю внутренность истреплютъ; ну и бьешься, бьешься, да и, ей Богу, по неволѣ убѣжишь..

— А какая причина повудила тебя бѣжать изъ госпиталя?

— Тоска, смертная тоска—увидѣть *солнечный* свѣтъ. Мы сговорились вдвоемъ, подкопались подъ полость, пролѣзли внизъ, ошупью пробрались въ конецъ, кажется, подвала. опять проломили полъ, и очутились въ карцерѣ, гдѣ сидѣлъ солдатъ госпитальной команды. Онъ какъ увидалъ насъ—хотѣлъ закричать, да мы ему сказали: «не пугайся насъ: мы такіе-же несчастные, какъ и ты, стало быть, лучше молчи—дай намъ выйти». Онъ не согласился, мы пригрозили ему ломомъ и онъ смолкъ. Тогда мы, по одиночкѣ, пролѣзли сквозь окошко его карцера въ однѣхъ рубашкахъ, вышли на дворъ, влѣзли на ограду, соскочили съ нея внизъ на 3 сажени вышины, я упалъ, разбилъ себѣ губы объ камень, а всетаки ушолъ; трое сутокъ шлеялся почти нагой и голодный по лѣсу, но потомъ не выдержалъ, самъ вернулся: ну и осудили...

— А что, еслибъ тебѣ предложили на выборъ: здѣсь остаться, или въ каторжное отдѣленіе идти, чтобы ты выбралъ? спросили мы другаго, молодаго еще человѣка изъ кантонистовъ.

— Въ каторгу.

— Странно: здѣшніе порядки и житье тебѣ хорошо ужъ, разумѣется, извѣстны, а что ждетъ тебя дорогою и въ самой каторгѣ—ты вѣдь, сознайся, не знаешь? Почему-же предпочитаешь тащиться 6,000 верстъ въ оковахъ?

— Очень просто: худшей каторги, чѣмъ тутъ, нигдѣ, увѣряютъ арестанты, бывшіе въ Сибири, нѣтъ, а я полагаю и быть не можетъ.

— Ошибаешься: тамъ несравненно хуже, нежели здѣсь: всегда въ кандалахъ, въ безлюдьи, сроковъ заключенія тамъ не сокращаютъ; наказываютъ телѣсно до 300 ударовъ розгами, плетью, по усмотрѣнію зрителя; отбывши срокъ заключенія, люди оставляются навсегда въ Сибири на поселеніи, а такъ какъ поселенцевъ тамъ множество,—то они живутъ въ чрезвычайной нуждѣ: имъ трудно найти себѣ работы, занятій; тамъ, наконецъ, бываютъ такіе морозы до 40 и больше градусовъ, мятели, ураганы, что заноситъ избы, дороги и люди замерзаютъ не дождавшись помощи: жлы очень рѣдки. Вотъ, братъ, вкратцѣ, какова Сибирь. И мнѣ кажется, въ ротахъ гораздо лучше.

— Быть можетъ, въ другихъ ротахъ и лучше, но въ нашей—нѣтъ. Чтобъ добиться у насъ, напр., сокращенія срока,—человѣкъ долженъ прожить годъ ангеломъ: работать безъ усталы, ни предъ кѣмъ рта не разинуть; чтобъ человѣкъ никогда не покурилъ, а не курить иному, по привычкѣ, большіе розогъ. На экзаменѣ въ канцеляріи, 8 начальниковъ начнутъ его шпиговать вопросами: кто у тебя десятичный ефрейторъ, отдѣленный офицеръ, начальникъ роты, докторъ? и т. д., точь въ точь, какъ, бывало, въ кантонистахъ. Разница только та, что тамъ допрашивали почти всегда одни только кантонисты-же, а тутъ офицеры забавляются этимъ, да еще пресерьезно дознаются про самихъ себя,—

точно не знаютъ, кто они, либо ты ихъ впервые видишь. Иные съ досады и перевирають имена ихъ, чины, и за это ихъ оставляють на заводѣ. Драли у насъ, правда, только до ста, но наши 50 стоили другихъ 100 ударовъ: на скамейкѣ, съ разстановками, по австрійски, какъ начальство говорило. Вчуже за сердце щемить, а стой да казись,—чтобъ чувствовалъ значить...

— Но вѣдь наказывали за преступленія, слѣдовательно, зная объ этомъ, всякій долженъ воздерживаться, а тогда не стануть, безъ сомнѣнія, и наказывать.

— Еслибъ драли *оста* виноватыхъ—мы бы и не занялись: виноватъ—отдувайся, а то одинъ, напримѣръ, разбилъ два карцера пьяный—его только обругали, а другой—глядѣлъ какъ товарищи играли въ карты, ему выпали полсотню горячихъ, зачѣмъ не сосплетничалъ, тогда какъ мы держимся другъ за друга, и кто кого выдастъ,—тому, какъ доносчику, бѣда отъ товарищей. На заводѣ, мы съ апрѣля по октябрь, съ 4 ч. утра до 5 часовъ вечера рыли землю, копали, таскали, мѣсили ногами глину, выворачивали ее изъ подъ камней—на жарѣ, на дождѣ, а съ октября по апрѣль, съ 6 ч. утра до 6 часовъ вечера, опять жена дождѣ, на морозѣ, переносили эти изготовленные кирпичи на версту разстоянія. Урожъ задавали намъ большой и выработать его было тяжело, особливо въ слякоть и зиму: ноги вязли въ глинистомъ грунтѣ, еле-еле выкорабкивались изъ сугробовъ... Придешь, бывало, съ работы и тебѣ ни согрѣться ни просушиться толкомъ некогда, кромѣ развѣ воскресенья, когда весь день бываешь въ камерѣ, ну, вещи хорошенько и просохнуть. Ъли дѣлный годъ одни щи: да и тѣ... Вечеромъ похлебаешь бывало дубовыхъ щей, теплота разойдется по жиламъ и спать хочется, а тебя садятъ за букварь, похвають читать во все горло... Не повѣрите, пожалуй, а.

инне выучивались спать съ открытыми ртами, глазами, спать и въ тоже время бормотать, глядя въ книжку... Говорять, но закону насъ шлютъ въ роты для исправленія *поведенія*, а здѣсь?.. здѣсь мы портились, только озлоблялись!... Такъ ужъ лучше идти на каторгу, съ которой не возвращаютъ, какъ отсюда, въ полки, въ солдаты, а оставляютъ на поселеніи, т. е., *на волю*. Значить выгоднѣй сразу отдуться и потомъ сдѣлаться *вольнымъ*, а какъ-бы на волю—на поселеніи—ни было трудно жить—все-таки худая воля пріятнѣй хорошей неволи. Я и охотно пойду на каторгу.

— Но вѣдь пройти, полгода или больше еще, въ кандалахъ, ужасно! Отъ Нижняго до Перми васъ возятъ на парходахъ, закуоренными, а отъ Перми до Каменногорска пѣшкомъ... Отъ кандаловъ ноги ноютъ, сохнутъ. Знаешь-ли это?

— Скверно-то, согласенъ съ вами, скверно,—да вѣдь за то дорогою ѣда, отъ подаваній, хорошая, часто и выпить можно и даже бабенками-арестантками позабавиться: онѣ идутъ, а либо, иногда, и ночуютъ даже вмѣстѣ съ мужчинами: это я самъ видѣлъ, идучи изъ Чернигова сюда, а коли въ Россіи это бываетъ,—то въ Сибири и подавно: здѣсь что ни шагъ—начальство, а тамъ, бывалые говорятъ, никто почти его и въ глаза не видитъ. Стало быть кандалы окупаются другими льготами и тяготиться ими не резонъ. Впрочемъ, никто, какъ Богъ: быть можетъ мнѣ еще и удастся избавиться отъ каторги...

— Это какимъ образомъ?

— Убѣгу: по Сибири и это, говорятъ, не трудно.

— Если и удастся—что же тогда твоя совѣсть скажетъ, когда за тебя придется очутиться въ оренбургской или тобольской исправительной ротѣ кому-нибудь изъ конвойныхъ солдатъ?

— Жаль-то, точно жаль мнѣ будетъ конвойнаго, да вѣдь разъ всѣхъ не пережалѣешь: своя рубашка ближе къ тѣлу, а другое—радъ-бы бѣжать напр., отъ самаго начальника,

либо отдѣленнаго офицера, — да нельзя: они конвойными не бывають, на часахъ не стоять. Къ тому-жь, и насъ, арестантовъ, мало кто жалѣеть, даже и изъ своего же брата удеровъ, конвойныхъ солдатъ. Кому-бы наприм., ближе не жалѣть насъ, какъ нашему начальству, которое зато, чтобъ наставлять насъ на путь истинный, получаетъ огромное жалованье, чины, а кто же изъ нихъ это дѣлалъ? Случались и такіе, что и плевать-то на насъ не хотѣли...

— Напротивъ: ваша братья такъ дурно себя ведетъ, что у начальства терпѣнья не хватаетъ разбирать безпрерывно скверные поступки. За всѣмъ тѣмъ есть, я тебя увѣряю, очень хорошіе, любящіе васъ начальники.

— Есть-то пожалуй, а вамъ вѣрю, есть, — только бѣда, что они есть, да не про нашу честь. Это вѣрно-съ: я перебивалъ и на нѣсколькихъ гаупвахтахъ, и въ острогахъ, и на этапахъ, маршируючи сюда; но вездѣ и видѣлъ, и слышалъ все нехорошее... Будь у насъ добрые, да умные начальники, они изъ насъ веревки-бы вили: мы за ласковое слово готовы на стѣну лезть... Вотъ хоть-бы я теперь: развѣ-бы я пустился съ вами въ такіе разговоры, если-бы вы остановились возлѣ меня сфорсу, какъ начальники? Никогда! А то я вижу, что вы *просто* желаете знать правду, ну и разоткровенничался съ вами. Мы хоть и арестанты, а тоже умѣемъ различать людей. Поэтому я и радъ, что высказалъ вамъ все то, что накопѣло на душѣ, а вы, какъ хотите, такъ тамъ и судите обо мнѣ. Одно только помните: рыба ищетъ въ рѣкѣ гдѣ глубже, а человѣкъ — гдѣ лучше, даоть добра никто добра не ищетъ, и мы сочиняя преступленія, — клянусь вамъ, — не съ жиру бѣсимся...

— Эй, ты, бери обѣды! крикнулъ изъ корридора арестантъ-же, выносящій нечистоты.

— Ну, обѣдай, братъ, а то щи простынуть, молвили

мы, направившись дальше и чрезъ нѣсколько каморокъ увидѣли на двери надпись: «арестантъ А—за отказъ служби».

— Что, дружокъ, значить надпись на твоихъ дверяхъ?

— Да я, изволите видѣть, взялъ да отказался служить.

Я сказалъ себѣ: отнынѣ не ходи ни въ мастерскую, ни въ классъ, ни на ученье, словомъ, ни на какое занятіе,—да такъ и забастовалъ.

— За это, подумай, вѣдь, взыскиваютъ, наказываютъ.

— Пытались ужъ, пытались вдоволь, да ничего не добились: я крѣпокъ своему слову. Тенерь и сужусь за отказъ служить.

— Изъ-за чего-жъ, однако, ты отказался-то?

— Изъ-за всего, что тутъ есть. Прибылъ я сюда на 6 лѣтъ, пожилъ годъ-два, все мнѣ надоѣло, и я послѣ того рѣшился выбратъся отсюда.

— Что-же именно тебя вынудило на такой поступокъ?

— Я слабъ, боленъ, страхъ, на примѣръ, какъ люблю курить, согласенъ лучше голодать, побой переносить, только бы курить. Не позволяютъ, и я не хочу тутъ больше оставаться, въ Сибирь пойду.

— Тамъ гораздо хуже ты рискуешь всею своею будущностью.

— Я о далекомъ будущемъ и не хлопочу: дорогою накурюсь до отвалу—и то ладно... Нашему брату, пропащему, хлѣбъ съ водой, да дряннаго табачишку—и мы довольны...

ХІІІ.

Такъ какъ описываемая нами рота во многомъ рѣзко отличалась отъ другихъ, ей подобныхъ, то и числительность больныхъ и умиравшихъ арестантовъ въ ней несравненно больше, чѣмъ въ каждой изъ остальныхъ, нами видѣнныхъ ротъ. Цифры хворавшихъ (нѣкоторые по нѣсколько разъ) и отправлявшихся туда, гдѣ нѣсть печалей и воздыханій—навѣрное еще увеличались-бы, если-бы отчетность велась правильно. Мы это говоримъ потому, что статистика вотъ что намъ показываетъ:

БЫЛО БОЛЬНЫХЪ.

Катарральниги, гастри-
ческни и респираторниги
горячки
Переломашеся лихо-
радоу.

Въ теченіи 1868 г.	Въ теченіи 1869 г.	Въ теченіи 1870 г.	Въ теченіи 1871 г.	Въ теченіи 1872 г.
Составо къ 1868 г.	Оставало къ 1869 г.	Оставало къ 1870 г.	Оставало къ 1871 г.	Оставало къ 1872 г.
Новыя забо- лѣно.	Новыя забо- лѣно.	Новыя забо- лѣно.	Новыя забо- лѣно.	Новыя забо- лѣно.
Выздоровѣло.	Выздоровѣло.	Выздоровѣло.	Выздоровѣло.	Выздоровѣло.
Умерло.	Умерло.	Умерло.	Умерло.	Умерло.
14	18 *)	77	72	—
262	308	410	—	—
330	—	—	—	—
7	43	93	177	—
98	36	89	—	—
57	—	—	—	—

*) Относительно всего этого столбца цифръ, показывающихъ наличныхъ больныхъ, оставшихся къ началу 1869 года, мы должны замѣтить, что въ вѣдомости за 1869 годъ наличность эта показана уже совершенно иначе и почти ни въ одной цифрѣ не сходится съ показанною у насъ по вѣдомости 1868 года. Оставляя всю отвѣтственность въ такомъ неспостижимомъ разнорѣчьи однихъ и тѣхъ-же чиселъ на старшемъ врачѣ бобруйскаго крайнаго полка, который, повидному, подписывалъ вѣдомости, не читая, мы замѣтимъ только, что вѣдали осталось изъ вѣдомости 1868 г., потому что считаемъ показанныя въ ней числа заслуживающими большаго вѣроятія, чѣмъ тѣ, которыя писаны въ слѣдующемъ году—вѣроятно наобумъ, во избѣжаніе излишнихъ трудовъ по расчлыванію старыхъ отчетностей. Но такъ какъ, затѣмъ, и всѣ прочіе остатки оказываются неврадами, то мы принуждены опустить въ нашей таблицѣ числа, показывающія остатки больныхъ по родамъ болѣзней, ограничиваясь указаніемъ (внизу) общаго итога оставшихся въ лазаретѣ. Быть можетъ, мы и такимъ способомъ не избѣгли ошибокъ, но что же дѣлать, когда отчетность арестантскихъ ротъ велась такъ странно.

БЫЛО БОЛЬНЫХЪ.

	Состояло въ 1868 г.		Въ теченіи 1868 г.		Оставалось къ 1869 г.		Въ теченіи 1869 г.		Оставалось къ 1870 г.		Въ теченіи 1870 г.		Оставалось къ 1871 г.		Въ теченіи 1871 г.		Оставалось къ 1872 г.	
	Вновь забо- лѣло.	Умерло.	Вновь забо- лѣло.	Умерло.	Вновь забо- лѣло.	Умерло.	Вновь забо- лѣло.	Умерло.	Вновь забо- лѣло.	Умерло.	Вновь забо- лѣло.	Умерло.	Вновь забо- лѣло.	Умерло.	Вновь забо- лѣло.	Умерло.	Вновь забо- лѣло.	Умерло.
Тифозъ и тифозальны- иши горячками	1	17	41	4	3	46	27	11	—	29	33	2	—	19	—	—	—	—
Кривавыя поносомъ.	—	—	—	—	—	23	18	6	—	13	14	—	—	—	—	—	—	—
Желчными и слизистыми поносами.	4	27	24	—	7	55	47	—	—	100	100	—	—	27	—	—	—	—
Воспаленіемъ мозга и его оболочекъ	—	3	1	2	—	5	2	3	—	3	—	2	—	24	—	—	—	—
Воспаленіемъ глазъ	9	46	43	—	12	144	146	—	—	98	97	—	—	197	—	—	—	—
Острымъ катарромъ ди- хательныхъ органовъ	7	66	60	—	43	40	39	—	—	79	79	—	—	139	—	—	—	—
Воспаленіемъ зѣва	3	6	6	—	3	—	3	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Воспаленіемъ легкихъ и плевры	5	44	40	2	7	45	25	9	—	74	74	2	—	45	—	—	—	—
Воспаленіемъ брѣшнхъ органовъ.	2	19	13	4	4	33	26	2	—	33	33	2	—	6	—	—	—	—
Воспаленіемъ мочевого и почечныхъ органовъ.	1	2	1	—	2	11	9	2	—	3	3	1	—	4	—	—	—	—
Рожею	1	2	2	—	1	7	7	—	—	18	19	—	—	27	—	—	—	—

БЫЛО БОЛЬНЫХЪ.

	Въ теченіи 1868 г.		Въ теченіи 1869 г.		Въ теченіи 1870 г.		Въ теченіи 1871 г.		Остатокъ въ 1872 г.
	Вновь забо- дѣло. Всѣхъ порѣзо- Умерло.	Остатокъ въ 1869 г.	Вновь забо- дѣло. Всѣхъ порѣзо- Умерло.	Остатокъ въ 1870 г.	Вновь забо- дѣло. Всѣхъ порѣзо- Умерло.	Остатокъ въ 1871 г.	Вновь забо- дѣло. Всѣхъ порѣзо- Умерло.	Остатокъ въ 1872 г.	
Хроническіиъ катарромъ внѣшняго канала	2	44	7	6	18	14	—	7	—
Органическіи болѣзни- ми брюшннхъ внутренностей	2	4	2	4	—	—	7	17	—
Золотуход	—	6	4	2	5	2	—	5	6
Бугорчатков.	14	85	30	48	26	126	14	401	202
Органическіи болѣзни- ми дыхательнаго снѣрда	5	12	6	11	12	12	—	20	18
Органическіи болѣзни- ми сердца	—	1	—	1	—	—	1	—	2
Ревматизмозъ и омотов.	3	15	11	7	2	2	—	22	22
Волянок.	2	12	6	6	2	22	14	11	26
Цингой	3	14	13	4	68	64	—	12	26
Хуасочиннии язвани.	4	17	15	6	3	8	—	16	12
Венерическ. болѣзнями	4	71	66	9	63	58	—	42	48
									95

БЫЛО БОЛЬНЫХЪ.

	Состояло къ 1868 г.		Въ теченіи 1868 г.		Оставалось къ 1869 г.		Въ теченіи 1870 г.		Оставалось къ 1871 г.		Въ теченіи 1871 г.		Оставалось къ 1872 г.	
	Новъ забо- дѣло.	Въздорож- дѣло.	Новъ забо- дѣло.	Въздорож- дѣло.	Новъ забо- дѣло.	Въздорож- дѣло.	Новъ забо- дѣло.	Въздорож- дѣло.	Новъ забо- дѣло.	Въздорож- дѣло.	Новъ забо- дѣло.	Въздорож- дѣло.	Новъ забо- дѣло.	Въздорож- дѣло.
Морозомъ и старческ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
автономнѣ огнемъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Чесоткѣ	1	1	1	1	1	1	3	3	—	—	—	—	—	—
Амолгесіев мозган дру- гихъ частей	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
ТРАВМАТИЧЕСКИИ ИСХОДЪ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
СТІИИ НАКОНІИИ (т. е.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
РАИ, НАБЕС. РОЗГАИ)	2	1	1	1	1	1	1	1	—	—	—	—	—	—
Ушибамъ	1	14	1	6	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ранамъ	—	8	7	1	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—
Переломамъ	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Вывихамъ	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Отжорженіемъ члеловъ	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Воспаленіемъ подкожной кѣтъчати и шарванъ	4	28	23	—	9	33	34	1	—	23	21	1	—	104

БЫЛО БОЛЬНЫХЪ.

	Въ теченіи 1868 г.		Въ теченіи 1869 г.		Въ теченіи 1870 г.		Въ теченіи 1871 г.		Въ теченіи 1872 г.								
	Вновь заболѣло.	Умерло.	Вновь заболѣло.	Умерло.	Вновь заболѣло.	Умерло.	Вновь заболѣло.	Умерло.	Вновь заболѣло.	Умерло.							
Обжогамъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—							
Падучей болѣзнью.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—							
Мѣстными болѣзнями большихъ суставовъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—							
Выпаденіями.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—							
Умствен. разстройствомъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—							
Старческ. невруженіемъ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—							
На испытаніи	4	3	2	5	2	1	—	4	—	—							
И Т О Г О.	97	863	722	68	475	4130	948	449	208	4028	998	99	139	1517	1476	108	75
		1683		2253		2334		3073									

Причина многочисленности больныхъ и умершихъ кроется въ томъ, что арестанты изнурялись работою до того, что въ теченіи, напр., апрѣля 1871 г. въ госпиталѣ было 240 чело-вѣкъ, изъ коихъ умерло 22 человѣка. Въ 1871 г., для разслѣдованія причинъ болѣзненности и смертности арестантовъ, собиралась особая комиссія изъ мѣстныхъ докторовъ и находила, что тому и другому сильно способствовали, между прочимъ «недостатокъ питательной пищи, сапоги съ короткими голенищами, получаемыми арестантами, работающими на воздухѣ во всякую непогоду, — отъ 8 до 12 часовъ въ сутки; житье ихъ на кирпичномъ заводѣ, — въ ветхомъ, зимою холодномъ, зданіи, безъ вентиляціи; въ крѣпостномъ помѣщеніи ихъ, также недоставало теплоты, свѣжаго воздуха; свѣта; была сырость; кромѣ того тонкіе своды потолка въ верхнемъ этажѣ промерзали, и хотя объ этомъ еще въ 1868 г. инженеры составили актъ, — но явленіе это и до сихъ поръ еще не устранено; — уныніе, тоска, въ которыхъ люди впадали вслѣдствіе угрызенія совѣсти, чрезмѣрной суровости обращенія съ ними; отсутствіе отдыха, днемъ, для восстановленія потраченныхъ въ работахъ силъ; неосвобожденіе отъ занятій слабосильныхъ, выписка изъ госпиталя людей, не окончательно поправившихся; недостатокъ вниманія къ моральному положенію заключенныхъ».

При этомъ, считаемъ необходимымъ дополнить сказанное тѣмъ, что въ назначеніи арестантамъ, на заводѣ, уроковъ работъ — начальство руководствовалось правиломъ, установленнымъ бобруйскимъ плацъ-маіоромъ, для *прежней* арестантской роты. Правило это, преподанное его приказомъ отъ 14 іюля 1864 г., за № 196, заключается въ томъ, что каждый арестантъ долженъ нести на себѣ, или на носилкахъ, тяжести до 3-хъ пудовъ и дѣлать, при переноскѣ, вотъ сколько об-ротовъ.

Опредѣляется обо-
ротомъ одному че-
ловѣку въ день.

	Время		
	Лѣтомъ.	и осенью.	Зимомъ.
При разстояніи одного конца въ 5 саж.	175	181	117
» » » » 10 »	142	107	95
» » » » 15 »	120	90	80
» » » » 20 »	103	78	69
» » » » 25 »	90	68	60
» » » » 30 »	81	61	54
» » » » 35 »	74	56	49
» » » » 40 »	67	50	44
» » » » 45 »	61	46	41
» » » » 50 »	57	43	38
» » » » 60 »	50	35	33
» » » » 70 »	44	33	30
» » » » 80 »	40	30	30
» » » » 90 »	36	27	27
» » » » 100 »	32	24	24
» » » » 125 »	26	20	20
» » » » 150 »	23	17	16
» » » » 175 »	20	15	14
» » » » 200 »	18	13 ¹ / ₂	12

На основаніи этого разсчета, 2 человекъ, при насъ, пере-
носили по 1,000 кирпичей въ день, за версту разстоянія,
по глинистому грунту, въ которомъ, въ дождливое время,
логи ихъ вязли такъ, что они съ усиліемъ вытаскивали ихъ.

Порядокъ этотъ могъ имѣть еще мѣсто для прежнихъ
арестантовъ, которые *карались* за содѣянные ими преступле-
нія, а не теперь, когда ихъ ссылаютъ въ роту для *исправле-*

нїя нравственности. Оттого слѣдовало бы установить новый, сообразный съ духомъ *мыслинаго* закона о ротѣ порядокъ опредѣленїя уроковъ работъ, глядя по физическимъ силамъ арестантовъ.

Въ разрядѣ исправляющихся были особня, въ нижнемъ этажѣ, двѣ комнаты, называвшіяся: одна—аптекою, а другая—околодеомъ; въ послѣднюю арестанты приходили за первоначальною медицинскою помощію, и, получивъ ее—отправлялись работать, а на заводѣ позволяли отдохнуть отъ трудовъ, ежели человѣку очень ужъ не въ моготу становилось. Медика на заводѣ не было, а онъ прївзжалъ туда изъ крѣпости. За снмъ всѣхъ серьезныхъ больныхъ отправляли въ госпиталь.

Въ нашу бытность въ Вобруйскѣ, больные арестанты занимали въ госпиталѣ прекрасныя 4 комнаты. Разспрашивая больныхъ объ ихъ недугахъ, мы узнали, что кромѣ приведенныхъ причинъ были еще и другія. Именно, здоровье нѣкоторыхъ разстраивалось отъ сидѣнья подъ предварительнымъ слѣдствіемъ, по году и больше, на гауптвахтахъ, въ дурныхъ каморкахъ; отъ долгаго слѣдованїя въ роту, по этапу, въ оковахъ; отъ содержанїя въ темныхъ ротныхъ карцерахъ, въ одиночномъ заключенїи, цѣлыми мѣсяцами сряду и т. п.

Обходя госпитальныхъ больныхъ арестантовъ, мы со многими изъ нихъ, понятно, разговаривали.

— Нутро все изныло, слабымъ голосомъ говорилъ намъ пожилой ужъ человѣкъ, не могшїй встать съ кровати; работавши, я чувствовалъ слабость, но перемогался все: не хотѣлось идти въ ошпиталь—время болѣзни вычитаютъ изъ срока, а мнѣ желалось его скорѣй кончить,—ну и надорвался, слегъ, и врядъ-ли ужъ встану... Да и слава Богу: одинъ хотъ конецъ. А то, бывало, взглянешъ на свою каторжную куртку, шапку съ черными, точно съ побойнищами, крестами и сердце

обольется кровью: человекъ не желѣзо—чувствуетъ, что его постигло...

— А за что ты въ роту попалъ?

— Я вмѣстѣ съ капральнымъ напился... послѣ того онъ зачалъ меня задирать, я надавалъ ему въ зубы, въ казармѣ, онъ пожаловался и меня осудили на полтора года. Иной выпишется изъ ошпиталя, ему бы отдохнуть недѣльку и онъ сталъ бы опять человекомъ, а у насъ—шалишь... Недовернулся—бѣда, перевернулся—тоже... Опять же запрягаешься, замѣсто лошадей, въ телѣгу, тащишься въ лямкѣ по крѣпости, всѣ думаютъ—ты душегубъ какой, а твои глаза не глядятъ со стыда, готовъ бы сквозъ землю провалиться... Охъ, Господи!.. Пошли поскорѣй смерть, заключилъ онъ, закрывъ глаза.

— Вотъ и насъ, горцевъ, тоже гонать роты.

— А за что васъ сослали въ роту?

— Башкамъ сбѣгъ долой чапанца: онъ мой сестра захватать себѣ.

— Вамъ бы на него пожаловаться, а не убивать его: убійство запрещено закономъ.

— Нѣтъ: нашъ законъ—башкамъ долой. Русскимъ-бы надѣбъ насъ, горцевъ, передѣлать, да и свой законы велеть слушать... А то мы, по своему закону, дылаемъ и будемъ роты приходить.

— А играете здѣсь въ карты? спросили мы третьяго, просто свелета—молодаго человека.

— Случается отъ скуки: ни поговорить, не о чемъ, ни почитать нечего, и поневолѣ явятся карты. Зато-же и попадаетъ намъ за это развлеченье... Лежалъ я здѣсь простудюю. Кто-то досталъ карты и мы стали играть въ свои козыри. Это, какъ водится, подмѣтили и насъ, хворыхъ, на другое-же утро выписали, а въ ротѣ опредѣлили намъ по 50 розогъ.

Я просилъ, умолялъ не драть меня, даже къ доктору обращался, да тотъ говорить: «вижу, что ты плохъ, да ужъ поздно—въ приказѣ объявлено». Ну и отодрали... На мнѣ одна кожа да кости... Три раза я впадалъ въ обморокъ, три раза давали мнѣ пить, а съ 50-ти ничего не сбавили... Черезъ три дня я и вернулся сюда, во мнѣ открылась чахотка, меня ужъ назначили и въ неспособные, да кажется, напрасно: не дойду я домой, гдѣ-нибудь на эганѣ околѣю...

— Вы упомянули „почитать здѣсь нечего“. Значитъ вы грамотный?

— Какъ-же-съ. Я еще до поступленія на службу зналъ хорошо читать, писать, арифметику, грамматику, исторію, географію, даже рисовать умѣлъ: я всему научился въ генеральскомъ домѣ, гдѣ мои родители служили прислугою.

— Слѣдовательно ваши родители были вѣрнопостные?

— Да-съ. Я учился вмѣстѣ съ генеральскими дѣтьми дома, у хорошаго учителя; даже по-французски кое-что понималъ. У насъ всю дворню учили не только грамотѣ,—но и деликатному обхожденію.

— Какимъ-же манеромъ вы въ солдаты попали?

— Да какъ крестьянъ освободили, генераль нашъ военный былъ, умеръ,—царство ему небесное, прекрасный былъ человекъ,—а его наследники тотчасъ-же насъ всѣхъ повягнали. Я остался съ матерью и меньшимъ братомъ. Отвели намъ мѣсто, а постройтѣся было не на что. Думали мы, думали, что съ собой сдѣлать, на а тотъ грѣхъ наборъ. Одинъ крестьянинъ и предложилъ намъ избу готовую, чтобъ я пошелъ, за его семейство, въ солдаты. Желая предоставить матери, на старости лѣтъ, хоть собственную конуру,—я согласился. Поплакали мы и разстались. Мать точно предчувствовала, провожая меня словами: «не увижусь больше съ тобой на этомъ свѣтѣ»; но я, по глупости своей, не вѣрилъ этому.

Я думалъ: какъ можно, чтобы я, человѣкъ съ понятіями, грамотный, умѣющій съ кѣмъ угодно обойтись, кому угодно служить—не вышелъ, не только въ унтеръ-офицеры, —но и въ офицеры; даже и такая блажь приходила мнѣ въ голову. Между тѣмъ—арестантомъ сталъ!...

— Отчего же вы, въ самомъ дѣлѣ, такъ опустились?

— Издали все кажется хорошо, а приблизившись и разочаруешься въ этомъ воображаемомъ хорошемъ. Тоже самое и со мной случилось. «Служба нынче легкая, обхождение благородное», слышалъ я много разъ, а какъ пришелъ въ полкъ, такъ по сравненію съ *волею*—свѣта Божьяго не взвидѣлъ. Потомъ сталъ получать отъ матери письма,—то, что ее обижаютъ сосѣди, то, что она въ нуждѣ—ѣсть нечего, и я совершенно потерялся, съ горя грубилъ, не исполнялъ приказаній, короче говоря, свихнулся съ дороги; поддержать было некому, моего горя никто не признавалъ, я и сталъ пить и... и... въ пьяномъ видѣ, стыдно вымолвить, совершилъ кражу со взломомъ... Въ горѣ для насъ одна, вѣдь, утѣха—пьянство, а оно неизбѣжный спутникъ преступленій... Меня подѣ судъ отдали, и я опомниться не успѣлъ еще толкомъ, какъ здѣсь, въ арестантской ротѣ, очутился... Эта торная дорога постигаетъ не мало солдатъ, неумѣющихъ мириться со своимъ положеніемъ. Люди впечатлительные, привыкшіе къ *свободѣ*, достатку,—мы и есть—искупительныя жертвы...

— Мнѣ кажется, напротивъ, умные солдаты должны скорѣе подчиняться службѣ, могутъ помогать развитію неучившихся товарищей, объясняя имъ на досугѣ, напр., назначеніе ихъ призванія, долгъ службы, обязанности гражданина и проч.

— Все это, повторю вамъ, издали только такъ кажется, а попробуйте окунуться въ самую суть—увидите, что все это несбыточные мечты. Офицеры держатъ себя чрезвычайно далеко отъ солдатъ, требуютъ точнаго только исполненія

своихъ приказаній. Солдаты всегда заняты, живутъ въ недостаткахъ: во всему казенному надо кое что и своего достать, а какъ не откуда, то иногда и... и, извините, воруютъ. Поэтому имъ не до слушанія проповѣдей; да ежели-бъ и имѣли досугу, это тоже немислимо: молодой солдатъ не можетъ указывать старымъ, и особливо унтеръ-офицерамъ, какъ, что лучше надо дѣлать: это считается, въ глазахъ ихъ, униженіемъ ихъ достоинства, даже нарушеніемъ дисциплины, такъ какъ, по дисциплинѣ, младшій долженъ слушать старшаго, а не наоборотъ. Право такъ.

— Ну, а въ нашей ротѣ можно исправиться?

— Врядъ-ли: начальство плохо различаетъ смирнаго — отъ буйна, понимающаго — отъ дурака, мошенника — отъ несчастнаго; товарищество, тоже, у насъ, скверное, работа тяжелая, ѣда скудная, житье подъ замками, одежда — позорная, ну, возможно-ли, при этихъ условіяхъ, исправленіе? Напротивъ: начальство и арестанты — два заклѣтыхъ врага. Начальство старается сокрушить арестантовъ, а арестанты стараются вывертываться; оно насъ обманываетъ, мы его; оно насъ за это наказываетъ, а мы еще пуще ухитряемся хоть чѣмъ-нибудь да насолить ему. Я трижды прочиталъ положеніе объ ротяхъ, и убѣдился, что законъ хорошъ, но не для насъ наше начальство, всячески усиливается держать насъ въ ежовыхъ рукавицахъ, а это ужъ не человѣколюбиво, какъ законъ велитъ. Легче-ли начальству оттого, напр., что отсчитало мнѣ 50 ударовъ, отъ которыхъ я не сегодня — завтра умру? Разумѣется, нѣтъ. Между тѣмъ я ей-Богу, вдесятеро скорѣй разсаялся-бы, если-бъ меня за «свои козыри» толково пристыдили при всѣхъ, если-бъ заставили, напримѣръ, каждый день по 100 поклоновъ положить у образа предъ ротою, или если-бъ въ карцерѣ продержали мѣсяць. Тамъ-бы я, на досугъ, вспомнилъ про мать,

сообразилъ-бы, что коли играть не велятъ—значить это по закону, и смирился-бы, а то я обозлился на начальство, что оно наказало меня больнаго, и прежняго уваженья къ нему не питаю, да и другихъ тому-же наставляю... Тоже самое и съ работами. Работай, работай, приказываетъ начальство, полагая этимъ исправить насъ. Отчего не работать—мы отъ работы не прочь, да знайте же, господа, мѣру, дайте работу по сердцу, по силамъ. Нашимъ словамъ о хворости не вѣрять до тѣхъ поръ, покуда ноги протягиваемъ... Ничего этого высшее начальство, конечно, не знаетъ, да и узнать ему неоткуда: инспектируютъ роту одни и тѣ же лица. Къ смотрамъ готовимся мѣсяца по 2 сряду, приказаніямъ, наставленіямъ, какъ вести себя при инспекторахъ—нѣтъ конца. Приѣдутъ они, обойдутъ казарму, оглянутъ насъ, спросятъ: «не имѣете-ли претензій?» нехотя отвѣтимъ: «никакъ нѣтъ-съ», чтобы напрасно и даже въ ущербъ себѣ-же, не толковать; обриваютъ книги, бумага, и маршъ во-своихъ... Одинъ изъ нихъ даже и не здоровался прежде съ нами. Разъ мы были выстроены рядомъ съ унтеръ-офицерами. Онъ подошелъ къ намъ и произнесъ: «здорово, ребята». Мы, полагая, что привѣтъ относится и къ намъ—гаркнули: «здравія желаю». И что-же? «Не съ вами, арестантами, здороваюсь я, крикнулъ намъ инспекторъ, а съ унтеръ-офицерами, честными солдатами, а вы, преступные, не смѣйте отвѣчать мнѣ!» Отъ этого оскорбленья кровь, вѣрите-ли, застыла въ жилахъ многихъ изъ насъ. Во время обѣда, между нами пошла было рѣчь встрѣтить его, послѣ обѣда, въ классѣ, ножами, но желаніе жить—за него навѣрное перевѣшали-бы многихъ—остановило насъ отъ рѣшеннаго-было нападенья.

— Онъ вѣрно былъ возстановленъ противъ васъ, или нездоровъ былъ, а въ болѣзни вѣдь всѣ раздражительны, и потому вамъ не чего было обижаться.

— Нѣтъ, онъ нѣсколько разъ: только съ начальствомъ и разговаривалъ; стало быть, резонно-ли было претендовать ему на что бы то ни было?

— Вы могли-бы высказать свои претензіи другому.

— Тоже не расчесть: послѣ его отъѣзда гораздо хуже было-бы намъ жить... Я говорю это по опыту... Это всякій арестантъ вамъ подтвердитъ... Радъ-бы еще потолковать съ вами: вы, говорятъ, посланы узнать правду про наше житье,— радехонекъ-бы всю душу свою выложить вамъ, да извините, ради Бога,— больше не могу: дыханіе захватываетъ... Одно прибавлю: мнѣ все равно ужъ умирать, и я ни въ чемъ не совралъ: не хочу грѣшить предъ кончиною, и, если я хоть что-нибудь преувеличилъ или исказилъ, чтобы мнѣ матери не взвидѣть, причаститься не сподобиться...

— Дягте и успокойтесь. Благодарю васъ за бесѣду и будьте увѣрены, что она не пропадетъ даромъ.

— Я и въ могилѣ лежа возрадуюсь, ежели моя правда, святая правда, принесетъ хоть какую-нибудь пользу несчастнымъ арестантамъ.

Съ тяжелымъ, гнетущимъ чувствомъ оставили мы госпиталь. Собесѣдникъ нашъ, по отзыву докторовъ, дѣйствительно былъ въ безнадежномъ состояніи; дни его, отъ чахотки, были уже, такъ сказать, сочтены.

IX.

— Отчего ты, братецъ, такъ медленно шьешь? спросили мы, однажды, пожилаго ужъ арестанта, который едва шевелилъ драгвой.

— Оттого, что я отъявленный лѣнтай.

— Отчего же ты лѣнишься?

— Да лѣнтаемъ уродился. Драть бы меня важинный день,—такъ я-бы, авось, поправился, а то ни къ чорту, то-ись, не гожусь дарма, что 40 лѣтъ прожилъ на бѣломъ свѣтѣ, да еще въ этикіе-то годы въ арестанты, скоть, уго-диль! Хоша и больно отъ розогъ, а, ей-Богу, съ нами одно средство—пороть, да пороть насъ, какъ Ѣидорову козу.

— А за чтожъ ты въ арестанты-то угодиль?

— Извѣстно за что — за многократное поведенье, да за пьянство анаемское. Вотъ ежелибъ сразу всю-бы эту водку выпить и штобъ больше ея не было—мы можеть-бы и остепенились, а то куда ни повернешься—все корчма, да корчма, ну и алкаешь водку-то безъ конца. Ослабнетъ человекъ — слабже его нѣтъ, окрѣпнетъ — крѣпче его нѣтъ, ну, чортъ знаетъ, на что все это похоже! Вотъ хотъ-бы я, примѣрно: былъ въ полку мастеровымъ, слободы имѣлъ довольно; сра-ботаешь, бывало, штуку, продашь, да съ денежками и зака-тишься въ корчму, да мало того, што двое-трое сутокъ ку-тишь, да мутишь, такъ еще наровишь и подрасться съ кѣмъ-нибудь: руки, видите-ли, чешутся. Ну, начальство и терпѣло, терпѣло, да и шаркнуло меня, дьявола, сюда; и подѣломъ вору и мука: потому никакъ не совладать. Бѣда, доложу вамъ, съ нами начальству: мы отъ рукъ вѣдь совѣмъ от-биваемся!.. Народъ, одно слово, плевка порядочнаго не стоятъ. Право, драть, да драть насъ надо, а то никогда не исправимся: мы скоты, которыхъ только палкой и проймешь.

— Ты, значить, себя не жалѣешь?

— Нѣтъ, потому не стою. Я, наоборотъ, жалѣю началь-ство, што оно съ нами, точно съ малыми ребятами, нянчиться, а мы безчувственные, замѣсто благодарности, хуже пакостимъ.

— Экъ расходился-то какъ! замѣтилъ сосѣдъ его, тоже пожилой человекъ; ужъ будто всѣ такъ и скоты?

— Вѣстимо, всѣ; не ты-ли, примѣрно, хорошій-то чело-

вѣкъ? Врешь братъ, — хорошіе люди въ арестанты не попадаютъ. За што тебя Господь, примѣрно, сподобилъ сюда?

— Да толкомъ и самъ не разберу, за што: такая ужъ знать, судьба моя.

— Нечего на зеркало пѣнять, коли рожа кривая. Вотъ я што тебѣ ужъ сто вратъ, кажись, говорилъ.

— Не можетъ-же быть, чтобы ты въ самомъ дѣлѣ, не зналъ, за что тебя осудили?

— Какъ не знать? знаю, да ужъ какъ-то мудрено очень все это вышло, и я, ей-ей, въ толкъ не возьму. Отслуживши я 15 годовъ, пошолъ, прежде безстрочнаго, въ побывку — дознаться, все-ли дома въ порядкѣ. Прихожу — матка жива, а жена померши, а послѣ нея 2 дѣвчаты. Матка и говорить мнѣ. «Хоша дѣвчушки и не отъ тебя, да Богъ ей, женѣ-то моей, дескать судья, а дѣвчонокъ прими за своихъ, потому онѣ не причинны матерному грѣху». Ладно, молъ, коль такъ; а чтожъ мнѣ, спрашиваю я матку, дѣлать таперь тутъ безъ жены? «А женись, говорить, на другой». Да гдѣ-жъ, молъ, ее, другую-то взять? «А понщи, говорить; бабѣ и дѣвокъ — хоть прудъ пруди». Мнѣ, молъ, городскую нужно, потому какъ я привыкъ по городскому. «Ступай, говорить, коли такъ, въ городъ, тамotka и найдешь». Ну и пошолъ, а штобъ даромъ не балыкаться — поступилъ служителемъ въ ошпиталь. Гляжу, у лекаря работника здоровая дѣвчана. Я къ ней, и обсказалъ ей все. «А хочешь, говорить, я за тебя пойду замужъ?» Сдѣлай, молъ, милость — беру. Хорошо. Обзнакомилсь мы съ ней, два мѣсяца прожили вмѣстѣхъ: вижу — баба по мнѣ. Иди, молъ, говорю ей, таперя ко мнѣ домой, поживи маленько тамъ съ маткой, а тѣмъ временемъ я получу билетъ, подослѣю за тобой, перевѣнчаемся и дѣло будетъ въ шляпѣ. «Нѣтъ, говорить она, шалишь: чичась перевѣнчайся, а то какъ я этакъ чужая пойду нивѣсть куда». И то,

моль, рязонть. Дать я ей 10 цалковыхъ, да и говорю: отойди отъ мѣста и торгуй покеда. Взяла она деньги, да и пропила ихъ, мой-то гроши, слышите, и пропила! Я 15 годовъ скоплялъ 130 руб., до водки николи и не дотрогивался, а она, нахо, что удрала? Пропила! Злость меня страшная забрала, я ее поколошмятилъ, да ѣ объявилъ: коли ежели ты не умѣла нажить, а умѣла только пропить чужія денежки,—такъ и отойди ты отъ меня къ лѣшему! «Какъ, говоритъ она, отойди, а вѣнчаться-то, а два-то мѣсяца за что ты?... А отъ мѣста зачѣмъ меня сманилъ? Нѣтъ, врешь: я къ начальству тебя потяну за обманъ, я, говоритъ, судбище съ тобой затѣю, благо теперь судъ скорый, а для насъ, бабъ, и милосливый». Вижу, дѣло плохо: баба бой и хучь куда полезеть. Подумаль, подумаль, да и помирился съ ней. Съ ефтихъ-то поръ она и зачала меня дразнить водкой: «выпей, да выпей—скусно», твердить. А бабы вѣдь сатанинской породы: чего захотятъ—добьются; ну и соблазнила меня.. Сталь я выпивать, а она одна и пристала ко мнѣ: «да долго-ли же еще мнѣ ждать твоего билета? Солдатъ вонъ продаетъ отставку, купи у него, да и пойдёмъ домой». Привела солдата съ паспортомъ, подпоила меня, да анаемскими ласками подбила купить за 10 цалковыхъ отставку. На другой день я сизнова натювался съ ней и сталь было ужъ приготовляться въ дорогу. Денегъ осталось мало, а она все зудить выпить, да выпить. И въ сердцахъ и садавуль ее въ ухо, а она, окаинная, не говоря худова слова—шастъ къ смотрителю и доложила обо мнѣ. Чичасъ ко мнѣ обыскъ: нашли, извѣстно, хальшивый паспортъ, да еще сивенькую, тоже, слышь, хальшивую: она же, поскудная, откуда-то сдачей принесла. Меня цапъ-царапъ, да на обаваху, да подь судъ, да сюда на 1½ года. Эвакимъ-то манеромъ я всю свою службу, да еще 130 цалковыхъ потерялъ по

ейной милости, штобъ ей ни дна, ни покрывши не было, мерзавкѣ этакой!..

— Ну, что-же ты правъ, что-ли? спросилъ казнившій всѣхъ. Нѣтъ: виновать, какъ и всякъ другой, а виновать вотъ почему: тебѣ, олуху, не для-че было якшаться съ городской бабою, вбли ни бельмеса не смысливъ; потомъ, съякшавшись съ ней, не слѣдъ было таять передъ ейнымъ хвостомъ, благо зналъ, что у бабы только волосъ дологъ, а умъ-то вѣдь коротокъ. А коли ты во всемъ опростоволился и пеняй, значить, на себя, што ты дурень неотесанный, даромъ, что 15 годовъ откаталъ. По всему-то и выходишь ты то же скотиной.

— Ну, а вотъ онъ виновать или нѣтъ, какъ ты думаешь? спросили мы его, указывая на близъ сидѣвшаго.

— Обнаковенно, виновать, потому правыхъ, говорю вамъ, въ роты николи не плюютъ.

— Виновать-то и я, точно, виновать, только все-жъ, думается, не очинно шибко. Я служилъ въ Черниговѣ, въ 20-мъ пѣхотномъ баталіонѣ, и работалъ вмѣстѣ съ другими въ швальнѣ. Завѣдывалъ нашей швальней казначей. Осерчалъ онъ за что-то на полковника и подучилъ насъ жаловаться на него. Полковникъ узналъ это, выстроилъ насъ человекъ 50 и сталъ всѣхъ допрашивать: будемъ-ли жаловаться. Мы, обнаковенно, молчимъ. Онъ зачалъ переспрашивать по одиночкѣ, мы и стали пенять: зачѣмъ обижаютъ насъ. Онъ отдѣлилъ нѣсколько человекъ и велѣлъ отправить ихъ на абвахту. Мы за нихъ заступаться, „они, молъ, правду сказывали“. Насъ за это подъ судъ, 2 года содержали на абвахтѣ, а потомъ на 5 лѣтъ сюда приволокли. Конечно, ежели-бъ судилъ новый судъ—мы-бы, пожалуй, и оправдались, а то адиторишки эфти контрамарціи какъ блины пекутъ завсягды.

— Врешь, братъ, виновнѣ виновать, наставлялъ само-
обличитель. И ты моли еще Бога за адиторовъ, што легко
разсказали, потому это вы бунтъ затѣяли, а за эдакую
штуку и къ разстрѣлу водятъ. Я вамъ скажу прямо, обра-
тился онъ къ намъ, што ежели кого и стоитъ пожалѣть,
такъ это татаръ: они по своему горячему ндразу, да по
ихнему закону, за все про все убиваютъ другъ дружку, а
ихъ за это шлютъ въ роты, и они тутъ мрутъ, точно мухи.
Вотъ онъ, напримѣръ, навѣрное скоро умретъ.

— Истина гаворить, отозвался исхудалый черкесь, лѣтъ
подъ 30. Мы за все башкамъ долой. Я просылъ зыда огню.
«Не дамъ: субботу». Давай говору. «Нѣтъ тыбѣ огонь».
Свыну ухо показалъ. Я хватилъ пистолу и въ бокъ... Мой
братъ тозе гаура убылъ, зачимъ опонилъ коня. Оба присланы
здѣсь; братъ умиралъ. Климать намъ здѣсь не годна. Было
100 черкеса, тапаръ 17: всѣ умирали, Смыбрь шли.

— А вы, магометане, здѣсь ѣдите говядину?

— Нѣтъ. Мы варимъ особо, кушаемъ вмѣстѣ съ евреемъ:
онъ тоже не кушаетъ говядину. Въ горахъ еврей винжалъ,
а тутъ вмѣстѣ ядымъ. Нэволя.

— Э, эх... хе... слышалось вблизи. Горе наше горькое.

— Въ чемъ, скажи на милость, твое горе?

— Въ томъ, что я ни за понюшку табаку сгинулъ.

— А онъ, вонъ, слышалъ, чай, всѣхъ васъ винить во
всемъ.

— Ну меня врядъ-ли и онъ, злючка, завинить. Былъ я
унтеръ-офицеромъ въ нѣжинской командѣ и водилъ этапъ.
Только разъ послали со мной писаря изъ духовнаго званія,
П.; въ бумагѣ было оговорено противъ него «подъ при-
смотромъ». Приходимъ на этапъ, писарь К. взялъ у меня
сумку, и, какъ всегда прежде,—распечаталъ ее, посмотрѣлъ
бумаги и объ П., по его просьбѣ, зачеркнулъ слова «подъ

присмотромъ», отдалъ мнѣ сумку, и сказала: «веди этакъ дальше». «Потрудитесь, молъ, запечатать сумку». «Не надо», говоритъ. «Ступай», да еще прибавилъ: «П. не надо стечь». Ну я и пошолъ себѣ. А П. взялъ да со второй станціи и убѣжалъ отъ меня; чрезъ 13 дней его словили и всѣхъ насъ 3-хъ судить и сюда: П. на годъ, К.—на 3, а меня на полтора года, такъ, что мы и прибыли сюда всѣ вмѣствѣ. К. здѣсь чухотка заѣла, П. ужъ вышелъ, а я еще остаюсь по его милости. Я, малограмотный, почему зналъ, что чиркаль К. въ бумагахъ, а не давать ему сумки я не смѣлъ: онъ у насъ всегда всѣмъ управлялъ за начальника. И К. я, впрочемъ, не сильно виню: онъ ни единой *полушкой* не покормывался отъ П., а освободилъ его отъ присмотра просто изъ жалости къ нему: добрую душу имѣлъ, а П., замѣсто благодарности, вотъ какъ подвелъ и его, и меня. И дивн-бы дуракъ былъ этотъ П., не понималъ-бы, что дѣлалъ, а то благородный, ученый, а какъ напакостилъ намъ, не пожалѣлъ даже жены и дѣтей К.: тройня безъ призора осталась. К. человекъ думчивый, и втюрился съ эстаго въ чухотку. Вотъ горе-то какое.

— Горе, не спорю, да наставлялъ обличитель; только какъ же ты не совѣмъ виноватъ, — **жолн** былъ конвоиромъ и такъ ротозейничалъ, што упустилъ арестанта? Вѣстимо кругомъ виноватъ! И вы, сударь, не **вѣрьте**, пожалуста, нашимъ розказнямъ: всѣ, кого ни спросите — безпремѣнно станутъ сваливать бѣду съ больной головы на здоровую, то ись никто не хочетъ покозниться, потому дурацкій въ насъ ндравъ, а за это за самое и **пороть** надо...

— Позволтѣ мнѣ крестится въ русска вѣра? озадачилъ насъ арестантъ. Я мусылманинъ.

— Обратись объ этомъ къ священнику и онъ устроитъ.

— Я говорылъ, да не выходить: говорить н
за это срокъ житья здѣсь...

— Да, это правда: за переходъ въ православіе,
прежнихъ арестантскихъ ротъ сокращали срокъ,
и новыхъ этого нельзя: законъ не разрѣшаетъ.

— Такъ я и крестится не жѣлаю.

— Это какъ хочешь.

— И вѣрой, какъ видите, торгуемъ; вотъ мы
родъ, вставилъ обличитель. У насъ всѣ помѣшан
годъ для себя только, а стоимъ ли мы вниманія
подумать не хочетъ. Одно слово скоты неотесанн

— А могу я вамъ секретъ открыть? отнесся
къ намъ, молодой арестантъ, еврей, въ заводской

— Да. Въ чемъ-же онъ заключается?

— Я поджогъ музыкову избу въ прошломъ годѣ
ціанскомъ уездѣ.

— Для чего-же ты поджогъ?

— Всерчахъ на него, што не далъ хлѣба.

— Развѣ тебѣ нечего было ѣсть?

— Точно такъ-съ. Я билъ солдатъ полк
письмо—отецъ умеръ, просился отпускъ, полу
ству,—не пустили. Я и вдралъ. Дорогой про
музыка хлѣба—не далъ, вдарилъ еще. Я по
подзесть и дальше... Пришелъ домой Швенцян
леньку и мне схавили, въ кандалы, отослали
на два съ половиной года. Тутъ цизало то
ѣсть мало, завтракать вилать ночью, кусокъ
зять... Я и открываю вамъ секретъ...

— А знаешь-ли, что за поджогъ въ катор

— Швахаль—Сибирь гонять.

— Въ Сибирь-то, дѣйствительно, въ Сибирь
ни, не на поселеніе, а въ каторгу.

— Нихай сибн каторга. Иду.

— Отчего-же ты не открылъ своего секрета тогда, когда тебя судили за побѣгъ, а именно теперь?

— Я думалъ здѣсь зить можно, визу нѣтъ, ну и хону отдѣлиться отъ роты. Нихай сибн каторгу.

— Ишь пряткій какой! замѣтилъ старикъ, подслушавъ послѣднія слова еврея. Напрасно, братъ, хочешь ты на каторгу: какъ многіе, и ты ошибаешься, что тамъ лучше; нашему брату, арестанту, повѣрь, вездѣ скверно. Слыкаль я про каторгу, и про поселеніе, самъ много кое-гдѣ перебивалъ на своемъ вѣку и вызналъ, что тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ, а какъ только куда появимся, вездѣ станеть скверно. На что ужъ хвалили въ рабочей бригадѣ, на чугункѣ, и то послѣ оказалось ни на что не положе.

— А ты развѣ былъ въ рабочей бригадѣ?

— Какъ-же-съ. Тамъ-то я и свихнулся вдостоль съ палатку: ходили мы оборванные, работали много, деньги водились, я и сталъ засыпаться, т. е. пить, а пьяному, знамо дѣло, и море по колѣно: ну, и воровать, грубить, хотѣлъ даже съ обвахты, за 40 копѣекъ, паспортъ купить, да бѣжать, анъ вышла труба—на 4 года въ Бобрюць..

— Ты холостой?

— Женатый, женатый-съ... Были у меня, доложу вамъ, и жена, и два сына, да сказывали, перемерли, а такъ-ли—Богъ ихъ вѣдаетъ: я ужъ на все махнулъ рукой и порѣшилъ, гдѣ ни жить, а жить надо, поколь Господь прибегеть; да бѣда въ томъ, что смерть—то не идетъ ко мнѣ; а ужъ пора, давно-бы пора: мнѣ 60 лѣтъ. И удивительно, подумаешь, какъ это на свѣтѣ все устроено: иной молодежь, богаты, знатенъ, какъ сыръ въ маслѣ купается, заболѣваетъ, толпа докторовъ его лечить, а онъ все-жь-таки помретъ; а другой, какъ вотъ я, примѣрно сказать, еле ноги

волочить, впроголодь живеть, работает что не
тяжелую работу, мокнеть на дождь, мерзнуть на
весь, одно слово, напасти на него сыплются, а же
бь, да и не живеть, а только небо, вѣдь, концы
кончины ему вѣтъ. Чудеса Господни!...

— Скажите пожалуйста сколько мнѣ времени
на заводъ? перебил молодой, красивый арестант
россъ.

— На сколько времени ты осужденъ?

— На годъ, за кражу 13-ти рублей у полко
гда былъ у него вѣстовымъ.

— Если ни въ чемъ не проштрафился—4 м
нако, зачѣмъ-же ты кралъ? вѣдь, это грѣшно.

— Што-жъ дѣлать, коли такая блажь нашла

— Ты грамотѣ ученъ?

— Какъ-же-съ, и читаю, и пишу, что угодно

— А родители есть у тебя?

— Есть и батька, и матка, въ Полтавской

— Писаль ты имъ, что за кражу заключен
вительную роту?

— Нѣтъ, не писаль, да и писать не мож

— Почему?

— Мнѣ стыдно, а имъ будетъ обидно, и
стантахъ. Какъ я вспомню про родителей—
сердцѣ скребутся и иногда хотъ въ петлю д
веревки негдѣ сыскать, чтобы задавить
была веревка, я-бы, можетъ быть, давно
собою...

Мы стали искать свою шапку, чтобы

— Посидите съ нами еще хотъ мале
разомъ вѣсколько голосовъ. Вы-бы поразузна

— Вамъ пора и на покой: завтра рано

— Мы съ полнымъ нашимъ удовольствіемъ и не спамши пойдѣмъ на работу, только-бы душу отвести, покалякать съ вами по-просту, да по-дольше.

— А васъ, говорятъ, слѣдуетъ бояться: многіе, какъ вы знаете, нарываютъ все убивать кого поцало, чтобы въ Сибирь угодить, а я здѣсь почти въ потьмахъ, одинъ среди васъ— 150 человѣкъ... Помните, какъ вахтера кирпичомъ угостили и какъ разозлились?...

— Волоска вашего никто не тронетъ: мы не звѣрье какое, а люди тоже съ сердцемъ! прервало нѣсколько голосовъ разомъ.

— То нсъ, если кто вамъ не токма что, а только дурное слово молвить—отсчитайте мнѣ сію-же минуту 500 горячихъ, австрицкихъ, вмѣшался старикъ. Головой въ этомъ ручаюсь, потому знаю нашъ народъ. Нашему начальству засиживаться тутъ конешно, не приходится...

Дѣлать было нечего—мы остались и еще около часа пробесѣдовали со многими о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, касавшихся преимущественно міра заключенныхъ; потомъ, когда мы уходили, намъ желали всѣхъ благъ, земныхъ и небесныхъ.

Х.

Клубъ—мѣсто отдыха и развлеченія офицеровъ во всѣхъ крѣпостяхъ—былъ здѣсь очень тѣсный, обставленъ плоховато. Оттого офицеры часто удалялись въ городъ, въ просторный трактиръ. Узнавъ это, и мы разъ зашли въ трактиръ потолоковать объ интересовавшемъ насъ предметѣ съ офицерами, которыхъ застали тамъ 8 человѣкъ.

— Ну, что вы благополучно вчера добрались съ завода? спросилъ насъ молодой поручикъ.

— Да. А вы почему знаете, что я был на за-
— Я там был в караулѣ и издали видѣлъ
Представьте себѣ, господа, обратился онъ къ
вчера вечеромъ, уже темнѣло, грязь по колено,
ливной, вѣтеръ пронзительный, а они на заводу по-
разузнавать жизнь арестантовъ, — прямо въ сара-
съ кирпичами въ рукахъ, люди раздраженные,
что угодно...

— Смѣлымъ владѣть Богъ, отвѣчу я вамъ,
а во-вторыхъ, изучать жизнь можно въ то им-
время, когда она кипитъ, движется, а не тогда
въ застоѣ, на парадаѣ.

— Это вѣрно, подхватилъ штабсъ-капитанъ.
пили чсто по нашему, по военному, чѣмъ ч-
надъ головою пуля свиститъ, чѣмъ сильнѣе ядро
тѣмъ храбрѣе мы, тѣмъ вѣрнѣе сраженіе выигр-
я узналъ на родномъ Кавказѣ...

— Объ васъ, вчера, въ клубѣ толковали и
ствомъ, и съ досадою, перебилъ прапорщикъ.
лись, какъ-бы васъ арестанты не укупили
другіе досадовали на васъ за то, что вы безпр-
по арестантскимъ и начальство должно прово-
спокою лишилось.

— Я разъ двадцать, кажется, просилъ в-
доть за мною, а предоставить мнѣ свобод-
нечего на меня сѣтовать.

— Съ вашей точки зрѣнія—вы правы,
правы, продолжалъ съ ироніею прапорщи-
въ самомъ дѣлѣ, не зная: гдѣ и что вы
въ самый-то разгаръ спора, — вы явились
поневолѣ споръ кончился ни за, ни про-
— Это для меня совершенно все равно

удалось дѣло сдѣлать хорошенько. Съ этою-же цѣлю я и сюда, вѣдь, господа, пришелъ, т. е. узнать вашу, офицеровъ разныхъ частей войскъ, взглядъ на роту. Могу-ли я надѣяться на откровенное ваше мнѣніе?

— Вполнѣ, непременно; намъ жениться нечего: этого требуетъ долгъ совѣсти, раздалось нѣсколько голосовъ.

— Искренно благодарю васъ за довѣрчивость.

— Чокнемтесь впередъ, и, знаете, за что? За уменьшеніе въ рядахъ войскъ преступленій и за улучшеніе быта арестантовъ.

— Идетъ, прекрасная, благая мысль.

Подали вина. Мы усѣлись вокругъ стола, выпили, закурили папиросы, сигары. Славные, истинно русскіе были это люди, на душѣ которыхъ не было никакого темнаго пятна.

— Ну-съ, допрашивайте. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады снабдить васъ, для пользы человечества, началъ капитанъ.

— Бывалъ-ли кто изъ васъ въ другихъ ротахъ?

— Я былъ въ рижской, отозвался одинъ. А я, продолжалъ другой, въ воронежской и кронштадтской. Ну, а я въ херсонской и новогеоргиевской, кончилъ третій.

— Передавали-ли вы другъ другу тѣ мысли, впечатлѣнія, какія сохранились въ вашей памяти о тѣхъ ротахъ?

— До мелкихъ подробностей: эти роты вѣдь всѣхъ насъ одинаково живо интересуютъ.

— А какою представляется вамъ здѣшняя рота, по сравненію ея съ другими, вами, господа, видѣнными?

— Самую худшую, во всѣхъ отношеніяхъ.

— Суровую жизнь и работами, пояснялъ капитанъ, здѣшнимъ арестантамъ малость развѣ легче, чѣмъ каторжнымъ, которыхъ я караулилъ въ виленской центральной тюрьмѣ, прошлую зиму, а 4 года тому назадъ въ Сибири, откуда едва вырвался.

— Слѣдовательно, рота находится не въ нормальномъ положеніи и, въ такомъ случаѣ, не знаете-ли—отчего?

— Отъ плохого ея устройства, да предпочтительно оттого, что ею заправляютъ, Богъ вѣсть, что за господа,—господа, съ которыми не о чемъ и словомъ перекинуться.

— Но, предположите, что личный составъ роты *долженъ* быть именно настоящимъ, что на кирпичномъ заводѣ *должны* работать именно арестанты; что тогда слѣдуетъ сдѣлать изъ этой роты?

— Каторжную, т. е. ссылатъ въ нее солдатъ за тѣ самыя тяжкія преступленія, за которыя ихъ отправляютъ въ Каменогорскъ. Тогда только она и получитъ правильное свое назначеніе, но исправительною, при существующемъ порядкѣ вещей, она никогда не будетъ.

— Почему вы такъ полагаете?

— Потому, что тутъ никакое нравственное исправленіе немислимо: этимъ, во-первыхъ, некому заниматься, а во-вторыхъ, бесполезно, признаться, и думать объ этомъ, когда люди съ утра до вечера заняты и тяжелою — на заводѣ, и позорною—запрягаться вмѣсто лошадей—работою.

— Да, судя по другимъ ротамъ — нашу, дѣйствительно, слѣдовало-бы обратить въ каторжную.

— А точно-ли, по совѣсти говоря, солдаты, содержащіеся вообще въ ротахъ, заслуживаютъ *этою* наказанія?

— Одни,—окончательно, отбившіеся отъ рукъ, — стоятъ большаго даже наказанія, а для другихъ и это наказаніе чрезчуръ сильное: за упускъ, напримѣръ, арестанта, за промотаніе казенной вещи, въ пьяномъ видѣ, писаря—за мелкіе подлоги,—все это народъ жалости достойный.

— Почему, напримѣръ, писаря, совершающіе подлоги, мѣжѣ виновны солдатъ, попадающихъ въ воровствѣ?

— Воровство всегда строго въ войскахъ наказывалось,

а въ подлогахъ писарей само начальство прежде приучало. Прежде ихъ, напримѣръ, *заставляли* подписывать всѣ книги за отсутствовавшихъ офицеровъ, когда наступалъ инспекторскій смотръ, или срокъ отсылки книгъ, а офицеровъ, которымъ слѣдовало подписывать, не было на лицо въ полковомъ штабѣ. Скажу больше: я помню полковаго командира, который терпѣть не могъ книги подписывать, а потому *требовалъ*, чтобы писаря *непреложно* умѣли подписываться подъ его черкъ; ну, тѣ и расчеркивались за него на разныхъ документахъ. И этимъ подлогамъ никто не придавалъ рѣшительно никакого значенія. Точно также казначей, квартирмейстры, сплошь да рядомъ мало понимали бумага и во всемъ, поневолѣ, полагались на писарей, которые и заправляли всѣмъ безконтрольно; теперь-же все это совершенно иначе пошло... Оттого и писарямъ жутко..

— И у насъ въ полку, подхватилъ штабсъ-капитанъ, также, помню, дѣливалось до введенія контрольныхъ палатъ. А какъ завелись эти палаты, хозяйственные комитеты, учеты, да формальности,—такъ старые грѣшки и начали сказываться: писаря,—да и мы, офицеры, сберегли, еще, признаться, кое-какія прежнія замашки... писаря и оказываются, по этому, въ исправительныхъ ротахъ, какъ очистительныя жертвы прежней нашей распущенности.

— Да и теперь, друзья, мы, сознайтесь, не слишкомъ еще далеко ушли на пути прогресса, если судить по *отдельнымъ*, разумѣется, фактамъ, а не въ общихъ чертахъ. Прежде всѣ нареканія въ суровости приговоровъ падали исключительно на аудиторомъ, а нынче намъ самимъ предоставили судить солдатъ. И что-же? Мы иногда рѣшаемъ участь солдатъ гораздо суровѣе аудиторомъ. Когда я служилъ, съ годъ тому назадъ, въ Новогеоргіевскѣ, солдатика, который былъ всего-то два-три мѣсяца на службѣ, за кражу *марки свѣчки*,

во время нахождения часовымъ, послали на три года въ исправительную роту. И выходить: покуда мы не у дѣла—ми гуманны и либеральны, а какъ намъ попадетъ дѣло въ руки—мы и сами не прочь забыть эти хорошія слова.

— Да преступленіе-то важное: стоя на часахъ украсть—высшее нарушеніе гарнизонной службы, дисциплины.

— Все это, не спорю, такъ, но солдатикъ, помните, былъ очень молодой, мѣсяцы въ службѣ, да и цѣнность похищеннаго гроша мѣднаго не стоила, слѣдовательно, вѣнемъ дѣйствовала не испорченность натуры, не корысть, а просто глупость, совершенное незнаніе службы, непониманіе своего назначенія, какъ часовой. А все это, въ совокупности, давало суду, по воинскому-же уставу, право на полнѣйшее снисхожденіе къ подсудимому, т. е. довольно было за-глаза—осудить его на годъ только. Приговоръ этотъ, замѣтите, и самихъ офицеровъ поразилъ, особенно артиллеристы возставали противъ него съ яростью. Вамъ, вѣрно, показывали этого арестанта, какъ диковинку? спросилъ насъ ораторъ.

— Да, я видѣлъ его и согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, которое поддерживалъ, добавлю, и очень умный Новогеоргиевскій комендантъ. Я знаю, однако, что и здѣсь есть арестантъ за упускъ препровождавшагося, по этапу, солдата, который бѣжалъ вслѣдствіе подлога, сдѣланнаго писаремъ, и судъ приговорилъ самаго бѣжавшаго—на годъ, писаря—на полтора, а конвойнаго—на два года, тогда какъ за послѣднее было то, что онъ почти неграмотный; что писарь всегда расприорядился, вмѣсто начальника этапа, а бѣжавшій былъ человѣкъ образованный и менѣе всѣхъ пострадалъ. Какъ это рѣшеніе понимать?

— Тоже изъ несообразныхъ. Но я никакъ не могу согласиться съ мыслию, чтобы за упускъ арестанта слѣдовало посылать исправляться поведеніемъ: представьте себѣ, чело-

вѣкъ десять лѣтъ сразу велъ себя безупречно, служилъ исправно и вдругъ упустилъ случайно, какъ это тоже бываетъ, арестанта, и его хватать въ роту—исправлять поведеніе. Да приче́мъ-же, господа, тутъ поведеніе? Для такихъ людей должно, думается мнѣ, установить другое совсѣмъ наказаніе; напри́мѣръ, отдалить ему срокъ увольненія въ безсрочный на годъ, на два, но никакъ не посылать его въ роту, гдѣ онъ содержится съ отъявленными ворами, пьяницами и т. п. отребьемъ. Какъ вы объ этомъ полагаете?

— Вполнѣ съ вами согласенъ: законъ этотъ и меня занимаетъ своею ненормальностью.

— Слава Богу, что я хоть въ васъ нашелъ единомысленика, а то они, вонъ, не хотятъ признать этой аномалии.

— Поясните-ка, господа, мнѣ еще вотъ что: отчего-же являются приговоры въ родъ тѣхъ, о какихъ ми сейчасъ толковали?

— Охотно. Въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Харьковѣ, что-ли, т. е., въ центральныхъ постоянныхъ судахъ, засѣдаютъ всегда, сколько извѣстно, по 2—3 *постоянныхъ* судей, основательно знакомыхъ съ закономъ, съ рѣшеніями главнаго суда, и они рѣже, полагаю, впадаютъ въ ошибки, въ заблужденія. Къ намъ же пріѣзжаютъ въ 4—5 мѣсяцевъ разъ временные суды изъ одного члена, помощника прокурора и секретаря. Въ судъ этотъ назначаютъ членами изъ разныхъ частей войскъ по ротному, положимъ, командиру. Настаетъ день и часъ засѣданія. Является въ судъ, безъ всякаго понятія о дѣлахъ, которые привезли съ собою членъ съ помощникомъ прокурора. Посвящать насъ во всѣ премудрости члену некогда: ему надо въ 3—4 дня кончить 5—10 дѣлъ, онъ и торопится скорѣй домой къ женѣ, дѣтямъ, потому не выгодно вдвойнѣ проживаться. Поэтому онъ намъ насоро передаетъ суть дѣла, мы его, иногда, не

пойдемъ сразу и садимъ за столъ слушать. Обвиняемые, свидѣтели, все это нерѣчные солдаты, наши подчиненные, и потому каждое слово надо отъ нихъ вытягивать. Прокуроръ хорошо знаетъ дѣло, ловко подведетъ ему итоги, тогда какъ защитники, большею частію неопытные юноши сбиваются, не успѣваютъ освоиться съ своими кліентами—отчасти помогаютъ путаницѣ. Произнесутся рѣчи и мы удалимся совѣщаться. Но, во-первыхъ, какой я могу *свободно* подать голосъ, когда я не приобрѣлъ еще точнаго, подробнаго понятія ни о дѣлѣ, ни о томъ, какое наказаніе ждетъ подсудимаго; во вторыхъ, сознаться при всѣхъ объ этомъ—значитъ сконфузить себя предъ всѣми вообще, и предъ знатомомъ членомъ въ особенности; въ третьихъ, если я и отброшу въ сторону самолюбіе и заявлю мнѣніе по совѣсти—членъ меня закидаетъ цитатами изъ кассационныхъ рѣшеній главнаго суда, изъ рѣшеній, начать читать которыя мнѣ ужъ не время, не мѣсто; въ четвертыхъ, многимъ изъ насъ и до сихъ еще поръ чудится, что ссылка въ исправительную роту удивительно легкое наказаніе, въ сравненіи съ палочнымъ, и что отъ этого страдаетъ дисциплина, которую они поддерживаютъ согласіемъ во всемъ съ членомъ. Значитъ, поневолѣ приходится подчиниться члену, который въ торопяхъ сдѣлаетъ промахъ, и уѣдетъ, а мы разойдемся во-свояси, до слѣдующаго пріѣзда временнаго суда, въ который попадутъ членами другіе ужъ офицеры, тоже не спеціалиты въ законахъ. Вотъ, ей Богу, вѣрнѣйшая причина приговоромъ, страдающихъ несоразмѣрностью съ виною наказаній.

— Какъ-же, однако, устранить эти промахи?

— Ихъ устранить время, практика, а куда судъ вновь—опять скажу, неизбежны искупительныя жертвы..

— Но вы вѣдь должны-же читать и воинскій уставъ, и печатающіяся въ „Инвалидѣ“ дѣла, кассационныя рѣшенія,

зачитаться правильно су-

и
в
в
д
д
и
с
р
р
п

между тѣмъ, что должно дѣ-
тельности дѣлается—не малая
на нас не похвалится, что
не виновать,—то слабости чело-
на спинахъ ближнихъ.
отношенія между вами, офице-
рскими и подчиненныхъ, въ тѣс-

пространна?
стоимъ въ опредѣленныхъ грани-
цахъ, и произвольно ничего, даже хо-
жемы; во-вторыхъ, солдаты твердо
и никакъ не могутъ отвыкнуть
и аккуратно передающихся
наше стремленіе бить имъ полез-
есть исключительно приказаніе, не-
безъ всякаго обсуждения: для чего
мы и не въ силахъ развить въ нихъ
разуменія, даже и въ ихъ частныхъ и лич-

сезаннаго поручикомъ и подкрѣплю
капитанъ. Фактъ этотъ под-
капитанъ. Дѣло въ томъ, что въ полкъ
тому назадъ, молодой штабсъ-капи-
танъ, въ высшей степени честный,
дали ему роту, такъ онъ, съ пер-
сдавался зашвей въ его головѣ идеѣ—
образцовую: съ раннего утра до позд-

него вечера (ходилъ домой чай пить и обѣдать на часъ, на два) проводилъ онъ все время въ казармѣ съ солдатами; то толковалъ имъ правила стрѣльбы, то законы, уставы, то училъ ихъ читать, писать, то самъ писалъ отъ нихъ письма къ роднымъ; то наставлялъ ихъ, входилъ во всѣ ихъ нужды и потребности, тратилъ на это половину своего жалованья и т. п. Поступалъ онъ, замѣтите, съ солдатами во всемъ ласково, деликатно, тихо; любилъ ихъ точно отличный отецъ своихъ дѣтей. Глядя на его дѣйствія, товарищи изумлялись его терпѣнью, настойчивости, а начальство считало его достойнѣйшимъ офицеромъ, и цѣнило его качества чрезвычайно высоко; да и было за что: онъ, въ короткое, напряжѣннѣе время, подробнѣйшимъ образомъ изучилъ характеры, склонности, способности всѣхъ 150 человѣкъ. И что-же? Рота начала роптать противъ него, а потомъ — какъ разъ предъ инспекторскимъ смотромъ, — до того возненавидѣла его, что отказалась даже здороваться съ нимъ. Событіе это поразило всѣхъ. Приѣхалъ генералъ, нашелъ роту во всѣхъ отношеніяхъ, разумѣется, лучшею. Полковой командиръ доложилъ ему о случившемся. Онъ выстроилъ роту въ каре, удалилъ всѣхъ начальниковъ и спросилъ солдатъ: не имѣютъ-ли они какихъ претензій? „Никакъ нѣтъ-съ“, отвѣтили они. „Довольны-ли вы ротнымъ командиромъ?“ продолжалъ онъ. „Никакъ нѣтъ“, единогласно отозвались всѣ. „Что-же онъ васъ обкрадываетъ?“ „Никакъ нѣтъ-съ; даже свои деньги тратитъ на насъ“. „Чего-же вамъ еще нужно?“ „Житья нѣтъ отъ него“. „Бьетъ, ругаетъ онъ васъ, или ученьемъ допекаетъ?“ „Никакъ нѣтъ-съ“. „Скверный онъ человѣкъ, что-ли?“ „Никакъ нѣтъ-съ, очинно хорошій“. „Такъ, скажите-жь, наконецъ, прямо: отчего вы имъ недовольны?“ „Цѣлые дни въ казармѣ сидитъ, спокою не даетъ, — все толкуетъ, какъ, что надо дѣлать; ажно житья нѣтъ“. Генералъ

замѣнилъ его на двѣ недѣли другимъ командиромъ изъ солдатъ и солдаты остались довольны послѣднимъ, который и ругалъ ихъ, и, случалось, даже билъ. Потомъ роту вернули реформатору, который не утомился, а опять принялся за свое, и кончилъ тѣмъ, что чуть подъ судъ не попалъ, разочаровался въ своихъ идеалахъ и перешелъ въ штабъ—къ письменнымъ занятіямъ. Вотъ вамъ образчикъ, какъ мудро расположить къ себѣ солдатъ. Они любятъ, чтобы начальникъ былъ бравый, строгій до педантизма, но терпѣть не могутъ такихъ, которые вмѣниваются въ ихъ домашнюю жизнь.

— Примѣръ этотъ неподходящій: вашему реформатору слѣдовало дѣйствовать послѣдовательно, исподволь, — и тогда онъ навѣрное имѣлъ-бы успѣхъ, а онъ черезчуръ круто повернулъ, и потому, естественно, потерпѣлъ поражение.

— Во всякомъ незнакомомъ дѣлѣ промахи нерѣдки, поэтому надо учиться устранять ихъ. Такъ выпишемте же за процвѣтаніе той науки, которая помогла-бы намъ научать солдатъ уму-разуму!

— Дѣльно, хорошо сказано! подхватило нѣсколько голо-совъ.

Тутъ бесѣда приняла другое направленіе, не относившееся къ военной службѣ, и потому мы на этомъ и кончимъ.

Только что приведенный разговоръ мы дѣйствительно, потомъ, слышали отъ уважаемаго коменданта, Г. Д. Бабкина, котораго арестанты, очень, добавимъ, восхваляя за расположеніе и сочувствіе къ нимъ, говоря, что благодаря лишь ему можно еще жить.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ.

ОБЩЕ ВЫВОДЫ

I.

Описывая каждую изъ исправительныхъ ротъ порознь,—мы, въ очеркахъ о нихъ, вдавались, мѣстами, въ нѣкоторыя, на поверхностный взглядъ, излишнія повторенія: напр., о числѣ и названіяхъ учебныхъ книгъ, объ обращеніи съ арестантами, о взысканіяхъ, которыя налагались на провинившихся и т. п. Повидимому все это было бы возможно очертить сразу. Во избѣжаніе упрековъ въ кажущейся растянутости книги, считаемъ нужнымъ оговориться, что поступили такъ, а не иначе потому, что желали показать начальствующимъ надъ ротами съ точностью *все*, что совершалось вездѣ; мы рассчитывали этимъ способомъ возбудить въ исправителяхъ стараніе избѣгать, въ будущемъ, ошибочныхъ распоряженій и, главнымъ образомъ вызвать въ нихъ соревнованіе, могущее, безспорно, принести пользу правительству, обществу и тѣмъ людямъ, которые ввѣрены „человѣколюбивому попеченію“ ротнаго начальства. Затѣмъ, чтобы предоставить читателямъ легкое средство дѣлать выводы относительно взаимнаго различія ротъ, — сгруппируемъ, въ сжатой таблицѣ, всѣ, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ очерковъ, числовыя данныя.

Начнемъ съ того, что съ 1869 по 1872 годъ на приспособленіе зданій ротъ издержано:

Рижской	30,000 р.
Динабургской.	30,000 »

Выводъ этотъ врядь-ли можетъ быть оспариваемъ въ виду того, что фронтной солдатъ стоялъ, по официальнымъ свѣдѣнiямъ: въ 1869 г.—125 р. 32 к.; въ 1870 г.—124 р. 42 к., считая въ этой суммѣ оружіе, аммуницію, порохъ для стрѣльбы,—предметы, арестантамъ неприсвоенные.

Роты, располагая огородами, собрали съ нихъ овощей:

Въ 1869 г. Въ 1870 г. Въ 1871 г.

Рижская: . . . Свѣдѣній не получено.

Динабургская:

(5 дес. 150 кв. с.).

Капусты.	3,809 ведр.	2,289 ¹ / ₄ ведр.	Свѣдѣній
Бураковъ	328 пуд.	162 п. 20 ф.	не
Картофеля.	38 четв.	28 чт.5 чк. 4 гарн.	оказалось.

Новогеоргиевская:

(2 дес. 1,077 кв. с.).

Картофеля.	35 корецъ.	90 кор.	51 кор.
Капусты.	1,118 вед.	—	1,402 вед.
Луку.	17 пуд.	17 пуд.	22 пуда.
Бураковъ	33 »	—	45 —

Брестъ-Литовская:

(3 дес. 810 кв. с.).

Луку.	20 пуд.	41 п. 1 ф.	14 пуд.
Бураковъ	40 четв.	69 четв. 3 чк.	120 кваш. в.
Картофеля.	52 »	59 » 4 »	14 четв.
Капусты	30,527 вочн.	49,392 вочн.	2,662 кваш. в.

Бобрыйская:

(4 дес. 426 саж., от-
ведены 19 апрѣля
1871 г.).

Овса.	—	—	14 четв. 4 чк.
Картофеля.	—	—	65 » 4 »
Луку.	—	—	25 пуд. —
Рѣдьки	—	—	57 » —
Брюквы.	—	—	12 » 32 ф.
Капусты.	—	—	563 » 7 »
Овсянной соломы	—	—	3 воза.

Арестантов мастеровых въ ротазъ было:

	Въ 1868 г.	Въ 1869 г.	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.
Въ Рязской	96 чел.	88 чел.	84 чел.	307 чел.
» Динабургской	295 »	184 »	176 »	263 »
» Новогеоргиевской	24 »	140 »	213 »	456 »
» Врестъ-Литовской	210 »	195 »	261 »	290 »
» Бобруйской	—	135 »	299 »	90 »

Заработали эти люди на ремеслахъ въ ротазъ:

Въ Рязской	316 р. 7	к. 2,278 р. 92	к. 4,423 р. 33	к. 4,573 р. 43 ³ / ₄ в.
» Динабургской	2,088 » ³ / ₄	» 4,144 » 8	» 1,707 » 46	» 5,497 » 72 ¹ / ₄ »
» Новогеоргиевской	229 » 94	» 1,059 » 15 ¹ / ₂	» 1,971 » 96 ¹ / ₄	» 4,107 » — »
» Врестъ-Литовской	1,634 » 46 ³ / ₄	» 2,330 » 85 ¹ / ₄	» 5,309 » —	» 6,519 » 9 ¹ / ₂ »
» Бобруйской	366 » 8	» 1,758 » 62	» 940 » 19	» 1,998 » — »

Изъ показанныхъ имѣръ, ротизъ издержками:

а) На материалы, инструменты и прочіе предметы для работъ:	Рязская	134 р. 84	к. 803 р. 65	к. 908 р. 5	к. 370 р. 65
--	-------------------	-----------	--------------	-------------	--------------

Въ 1868 г.	Въ 1869 г.	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.
Динабургская	148 р. 5 к.	177 р. 93 к.	446 р. 35 1/2 к.
Новогоргиевская	237 > 47 1/2 >	222 > 20 >	919 > 5 1/2 >
Брестъ-Литовская	117 > 20 >	782 > 41 1/2 >	403 > 16 >
Бобруйская	245 >	7 3/4 >	813 > 86 >
			370 > 74 3/4 >
			246 > 10 <

б) Отчислено 10% съ рубля въ пользу работавшихъ арестантовъ:

Въ Рижской ротѣ	84 р. 36 к.	156 р. 38 1/4 к.	351 р. 72 к.	457 р. 34 к.
» Динабургской »	54 > 48 >	526 > 56 >	158 > 20 1/2 >	523 > — >
» Новогоргиевской »	22 > 99 >	82 > 92 >	176 > 89 >	410 > 73 1/2 >
» Брестъ-Литовск. >	41 > 48 >	210 > 18 1/4 >	233 > 93 1/2 >	510 > 76 1/2 >
» Бобруйской >	32 >	9 1/2 >	94 > 74 3/4 >	34 > 69 >
				199 > — >

*Такимъ образомъ на домо каже-
дено работавшимъ арестантамъ
примыло въ ротыгъ.*

Въ Рижской	87 к.	1 р. 77 к.	4 р. 18 к.	1 р. 45 к.
» Динабургской	21 >	2 > 86 >	> 89 >	2 > 78 1/2 >
» Новогоргиевской.	15 >	1 > 58 >	> 83 >	> 90 >
» Брестъ-Литовской	1 р. 29 3/4 >	1 > 75 >	1 > 30 >	1 > 46 * >

*) Всѣмъ, безъ различія, арестантамъ круглымъ числомъ, а больше и лучше работавшимъ по 2 р. 70 к.

Въ Бобруйской Въ 1868 г. Въ 1869 г. Въ 1870 г. Въ 1871 г.
 70 р. до 12 к. 2 р. 21 к.

в) Выдано начальству реть въ
 вознагражденіе за способствованіе
 развитію мастерскихъ:

Рижской	С в ѣ д ѣ н і я	н е	п о л у ч и л я.
Динабургской	—	—	792 р. 70 р. 136 к.
Новогеоргиевской	469 р. 14 коп.	—	—
Врестъ-Литовской	—	—	487 р. 29
Бобруйской	—	—	70 > 46

*Отъ заработковъ мастерскихъ
 роть осталось чистаго дохода:*

Въ Рижской	96 р. 87 к.	1,318 р. 88 ³ / ₄ к.	3,165 р. 56	к. 3,745 р. 44 ³ / ₄ к.
» Динабургской	1,885 > 47 ³ / ₄ >	3,439 > 59	> 1,102 > 90	> 4,100 > 76 ¹ / ₄ >
» Новогеоргиевской	—	284 > 59 ¹ / ₂ >	666 > 83 ³ / ₄ >	2,858 > 3 >
» Врестъ-Литовской	1,475 > 78 ² / ₄ >	1,338 > 25 ¹ / ₂ >	4,184 > 62 ¹ / ₄ >	5,081 > 91 ¹ / ₄ >
» Бобруйской	88 > 90 ³ / ₄ >	850 > 1 ¹ / ₄ >	464 > 29 ¹ / ₄ >	1,552 > 90 >

Итого выходы от мастерских ротъ за все время ихъ существованія:

Въ Рижской . . .	8,084 р. 77 ¹ / ₂ к.,	за человѣка по 14 р. 6 к. съ дробью.
» Динабургск . . .	9,600 » 3 ¹ / ₂ »	» » 10 » 45 »
» Новогорг . . .	3,809 » 46 ¹ / ₄ »	» » 4 » 84 »
» Брестъ-Лит. . .	12,080 » 57 ³ / ₄ »	» » 12 » 63 »
» Вобруйской . . .	2,956 » 11 ¹ / ₄ »	» » 5 » 64 »
<hr/>		
	36,530 р. 96 ¹ / ₄ к.	

Кромѣ того, арестантами сработано по приспособленію зданій въ роты:

Въ Рижской	Въ 1868 г.	Въ 1869 г.	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.
» Динабургской	2,252 р.	4,923 р.	6,500 р.	5,925 р. 13 к
» Новогоріевской	Приспособили вольнонаемника- 2,500 »			
» Брестъ-Литовской	бочіе, а арестанты ходили на крупяныя работы.			
» Вобруйской	1,153 р. 47 ³ / ₄ к.	1,571 » 31 к.	2,732 » 73 »	
» Брестъ-Литовской	4,845 р. 68 ³ / ₄ к.	6,079 » 57 ¹ / ₂ »	9,002 » 99 »	2,063 » 11 ¹ / ₂ »
» Вобруйской	Приспособили вольнонаемника- 3,600 »			
	бочіе, а арестанты ходили на крупяныя работы.			

*Итого арестанты заработали, приспособляя казармы за весь
года в ротазь:*

Въ Рижской	19,600 р.	15	к.
› Динабургской	2,500	—	›
› Новогеоргиевской	5,457	51 ³ / ₄	›
› Брестъ - Литовской	22,531	86	›
› Бобруйской	3,600	—	›
	<hr/>		
	53,689 р.	2 ³ / ₄	к.

*А всего мастерами и приспособляние зданія принесли пользу
своими трудами в ротазь:*

Въ Рижской	27,684 р.	92 ¹ / ₂	к.
› Динабургской	12,100	3 ¹ / ₂	›
› Новогеоргиевской	9,266	98	›
› Брестъ-Литовской	34,611	98 ³ / ₄	›
› Бобруйской	6,556	11 ¹ / ₄	›
	<hr/>		
	90,219 р.	99	к.

*Грамотно учили арестантов во
всехъ ротъ, причеъ было:*

**а) Умѣвшихъ читать, писать и
знавшихъ 4 правила арифметики:**

	Въ 1868 г.	Въ 1869 г.	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.
Въ Рижской		63 чел.	92 чел.	84 чел.
„ Динабургской	40 чел.	118 „	58 „	70 „
„ Новогорцевской		122 „	23 „	68 „
„ Брестъ-Литовской	57 „	23 „	21 „	44 „
„ Бобруйской	125 „	105 „	91 „	84 „

б) Все неграмотныхъ:

Въ Рижской		66 „	101 „	39 „
„ Динабургской	528 „	313 „	200 „	342 „
„ Новогорцевской		364 „	186 „	126 „
„ Брестъ-Литовской	393 „	42 „	30 „	101 „
„ Бобруйской	185 „	558 „	344 „	487 „

*На классныя принадлежности и
книги для чтенія роты истратили:*

Рижская

8 р. 96 к.

	Въ 1868 г.	Въ 1869 г.	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.	Въ 1874 г.	Въ 1871 г.	Въ 1874 г.
Динабургская			Со времени открытия роты по 1874 г.	170 р. 71 к.	112 р. 71 к.		
Новогеоргиевская	8 р. 58 к.	129 р. — к.	60 "	5 1/2 "	34 "	98 "	
Брестъ-Литовская	52 "	20 "	109 "	99 "	32 "	9 3/4 "	66 "
Бобруйская	95 "	60 3/4 "	68 "	36 1/2 "	200 "	41 1/4 "	102 "

Изъ налицо число арестантов совершили проступки и подверглись изыманию въ ротазь:

Рижской	32 чел.	60 чел.	75 чел.
Динабургской	175 "	249 "	319 "
Новогеоргиевской	163 "	213 "	108 "
Брестъ-Литовской	173 "	495 "	284 "
Бобруйской	277 "	259 "	162 "

Изъ означеннаго числа провиннившихся были тѣлесно наказаны въ ротазь:

Рижской	11 "	14 "	18 "
Динабургской	Точныхъ цифръ въ ротѣ не было.		
Новогеоргиевской	112 чел.	34 чел.	21 чел.
Брестъ-Литовской	44 "	17 "	14 "
			8 "

	Въ 1868 г.	Въ 1869 г.	Въ 1870 г	Въ 1871 г.
Вобруйской	121 чел.	60 чел.	42 чел.	30 чел.

Изъ находившихся въ ротъ арестантовъ было:

Въ Рязской	302	250	266	"
" Динабургской	1,485	992	1,263	"
" Новогеоргиевской	382	372	561	"
" Брестъ-Литовской	1,198	450	108	"
" Вобруйской	1,683	2,284	1,656	"
				—
				388
				388
				—

Изъ числа заблывавшихъ арестантовъ умерло въ ротъ:

Рязской	6	14	23	"
Динабургской	100	35	40	"
Новогеоргиевской	40	92	57	"
Брестъ-Литовской	43	29	38	"
Вобруйской	149	99	105	"

*Движение диаметровъ завода въ ро-
таляхъ происходило въ слѣдующемъ
порядкѣ:*

а) входящихъ номеровъ было въ ротяхъ:	Въ 1868 г.	Въ 1869 г.	Въ 1870 г.	Въ 1871 г.
Рижской		1,794	2,512	
Динабургской		2,984	2,710	3,348
Новогеоргиевской	1,720	1,076	3,107	4,689
Врестъ-Литовской	2,464	2,754	1,897	1,854
Вобруйской	5,438	4,901	3,728	3,938

б) исходящихъ номеровъ было
въ ротяхъ:

Рижской	3,259	2,662		
Динабургской	3,463	2,967		3,170
Новогеоргиевской	2,037	3,155		4,752
Врестъ-Литовской	3,287	2,591		2,413
Вобруйской	4,947	3,837		4,020

Читатели безъ сомнѣнія обратили вниманіе на сдѣланные нами, въ вышеизложенной таблицѣ, отмѣтки о неполученіи изъ ротъ нѣсколькихъ свѣдѣній, а равно объ оставленныхъ, въ разныхъ мѣстахъ таблицы, пробѣлахъ. То и другое произошло оттого, что ротамъ, тотчасъ по ихъ открытіи, не было преподаано подробныхъ правилъ: какъ и что именно записывать, а потому онѣ, обремененныя, ктому-жь, значительною перепискою или не могли, или даже избѣгали пунктуально все излагать на бумагѣ и изъ частныхъ замѣтокъ группировать общіе выводы. Подробная провѣрка *всѣхъ денежныхъ* цифръ въ самыхъ роткахъ чрезвычайно усложнило бы нашу работу; поэтому мы принуждены были воспользоваться цифрами такъ, какъ добыли ихъ изъ первыхъ, впрочемъ, рукъ—ротъ. Отсюда понятно, что мы не можемъ ругаться за *безусловную* *отрность* всѣхъ денежныхъ цифръ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ противорѣчатъ соотвѣствующимъ, значащимся въ официальныхъ отчетахъ главнаго военно-тюремнаго комитета. Словомъ, если въ означенныхъ цифрахъ осязутся какія-нибудь ошибки,—то отвѣтственность за это слагаемъ на источники—роты.

II.

Кончивъ обзорѣніе того состоянія пяти исправительныхъ ротъ, въ которомъ мы ихъ видѣли, — перейдемъ къ указанію общихъ мѣропріятій, отъ введенія которыхъ зависеть, по нашему убѣжденію, успѣхъ благихъ предначертаній—исправления нравственности людей, заключаемыхъ, за совершенныя ими преступленія, въ эти роты. Какъ извѣстно всякій физическій недугъ гораздо легче лечить, когда узаны причины, вызвавшія его и намъ, по аналогіи, необходимо разсмотрѣть, предварительно, солдатскій бытъ.

Гдѣ бы солдатъ ни жилъ, онъ самъ производитъ для себя все, что входитъ въ составъ его быта, ибо никакой прислуги ему не полагается. Уборка казармы, очистка двора ея, поддержка аммуниціи, обмундировки, постели и т. под.,— все это лежитъ на его обязанности. Чѣмъ у солдата новѣе одѣяло, чѣмъ чище портупеза, наволочка,—тѣмъ выше стоитъ онъ въ глазахъ начальства: заботливость, опрятность, свидѣтельствуютъ о степени его прилежанія,—заслуги, оцѣниваемой установленными повышеніями и отличіями. Перемѣны въ жизни солдата, въ году, три: лагерь, отдыхъ и зимнія квартиры.

Перемѣны эти заключаются въ слѣдующемъ:

Лѣтомъ, во время нахождения солдатъ въ лагеряхъ, они встаютъ, обыкновенно, въ 4, отнюдь не позже 5 часовъ утра; одѣвшись, они подвергаются осмотру и перекличкѣ, а затѣмъ чаще всего отправляются на стрѣльбу, за 2—4 версты отъ своихъ палатокъ. Вернувшись оттуда, чрезъ 3—4 часа времени, они чистятъ задымившіяся ружья, запылившуюся аммуницію, потомъ обѣдаютъ, починаютъ, отдыхаячи казенное свое имущество; послѣ того идутъ опять на фронтное, гимнастическое или на фехтовальное ученія. По окончаніи того или другаго дѣйствія, солдаты моютъ пропотѣвшее бѣлье, которое сушатъ на заднихъ линіяхъ палатокъ, ужинаютъ, вновь подвергаются перекличкѣ, узнаютъ распредѣленіе будущаго дня, и наконецъ ложатся спать. Оказывается, что досуга у нихъ не больше 3-хъ—4-хъ часовъ въ день; досугъ этотъ употребляется преимущественно на хозяйственную часть. Кромѣ того, на солдатъ возлагаются, въ лагеряхъ, усиленные караулы, разводы съ церемоніями, форпостная служба; ихъ водятъ на смотры, парады, на малые и большіе маневры, нерѣдко продолжающіеся сряду недѣлю, въ теченіе которой они переходятъ значительное разстояніе,

въ ранцахъ, набитыхъ багажемъ, т. е. несутъ на плечахъ 1—2 пуда сотни версты. И все это они переносятъ стоически, весело, въ перемежку съ пѣснями. Иной разъ дождь насквозь промочитъ ихъ, а они радуются, говоря «славный дождь,—урожай будетъ, наши въ деревнѣ поправятся.»

Изъ лагерей солдаты арміи (ми вездѣ лишь о нихъ говоримъ) отправляются на квартиры, въ казармы, по городамъ, деревнямъ, и, прибывъ на мѣсто, получаютъ отдыхъ на мѣсяцъ, на два. Не думайте, однакожь, чтобы этотъ отдыхъ былъ дѣйствительнымъ для нихъ отдыхомъ, т. е. чтобы они могли въ это время предаваться сибаритству? Нѣтъ: изъ всѣхъ ихъ занятій, въ этотъ періодъ не бываетъ однѣхъ только *учений*, которыя замѣняются *распускомъ* солдатъ, днемъ на *вольная работа*, дабы они къ недостаточнымъ казеннымъ матеріальнымъ ихъ средствамъ — своимъ физическимъ трудомъ добыли восполненіе, необходимое для удовлетворенія остальныхъ ихъ нуждъ. Тутъ энергія ихъ не знаетъ предѣловъ. Сапожникъ, съ раннего утра до поздняго вечера, не разгибался, шьетъ и чинитъ сапога, пертной—бѣлье, нагрудники и т. под., тотъ и другой работаютъ для товарищей, таскающихъ въ это время бревна, камни и пр.

Съ наступленіемъ зимы, начинаются всякаго рода фронтальныя ученія, занятія грамотностью, теорією стрѣльбы, разборка, сборка оружія и т. под., по капральствамъ, по ротамъ, не то и баталіонно, для чего, если расположенъ по деревнямъ, сходятся въ сборные пункты, на взирая ни на морозы, ни на вьюги. Въ деревняхъ солдаты, чтобы ихъ хозяева, получающіе только паекъ, лучше кормили, помогаютъ на досугѣ молотить, дрова рубить, снѣгъ сгребать, и т. д. Деревенская жизнь дѣйствуетъ на солдатъ, въ общихъ чертахъ, благотворно: независимо нѣкоторой свободы

личности, эта жизнь, среди первобытных занятій, освѣ-
жаетъ въ нихъ напяти родину, родныхъ и они сравниваютъ
свое прошлое съ настоящимъ, строятъ планы будущности и
т. д. Съ ними, впрочемъ, слабохарактерными, происходитъ
и недоброе: живое воспоминаніе о волѣ, мысль объ утра-
ченной возможности жить *своимъ* умомъ — зарождаетъ въ
нихъ уныніе и тоску; разнышать горе не съ кѣмъ и они
получаютъ къ своему званію антипатію, которая приводитъ,
какъ читатели узнаютъ ниже, къ дурнымъ результатамъ.

Такимъ образомъ, разнообразная солдатская жизнь въ
безпрестанномъ подчиненіи—трудная доля. Тѣмъ не менѣе
солдаты, вообще говоря, скоро привыкаютъ къ этой жизни:
самое разнообразіе дѣйствій занимаетъ ихъ; кромѣ того они
видятъ, что и обремененное разнообразными занятіями на-
чальство, въ предѣлахъ предоставленной ему власти, вознагра-
ждаетъ ихъ прилежаніе, а все это, вмѣстѣ взятое, возбуж-
даетъ въ нихъ энергію, соревнованіе, сплочиваетъ ихъ ближе
другъ къ другу и оттого среди нихъ столь быстро крѣп-
нетъ и развивается духъ корпораціи, что въ годъ-два изъ
большинства крестьянъ создаются такіе *солдаты*, превра-
титъ которыхъ обратно въ крестьянъ ужъ немислимо: ус-
военныя ими правила, взгляды—на всю жизнь остаются въ
нихъ безъ измѣненія. Мало того: нѣкоторымъ солдатамъ внѣ
службы скучно, нерѣдки случаи, что и любовь къ женѣ и
дѣтямъ въ нихъ охлаждается, среди кипучей дѣятельности.
Особенно хороши солдаты при начальникахъ развитыхъ,
умоломкихъ возбуждать въ нихъ уваженіе къ ихъ призванію,
обходящихся съ ними строго, но *безпристрастно*, оказы-
вающихъ имъ довѣріе, поощряющихъ въ нихъ молодечество,
въ служебномъ смыслѣ, а въ минуты душевной невзгоды,
матеріальныхъ лишеній, позволяющихъ имъ обращаться за

словомъ утѣшенія и за помощью, «къ отцу родному,» какъ солдаты называютъ многихъ своихъ начальниковъ.

«Въ семьѣ не безъ уroda», говоритъ пословица. Это изрѣченіе отражается, понятно, и на военномъ сословіи. Въ нашей арміи считается солдатъ, всѣхъ наименованій, больше 700,000 чел., а на этотъ составъ положено, въ 15 исправительныхъ ротахъ 7060 мѣстъ заключенія, да въ Тобольскомъ и Усть-Камменогорскомъ каторжныхъ отдѣленіяхъ 800 мѣстъ,—слѣдовательно изъ 700,000 арміи до 8000 уродовъ-преступниковъ составятъ процентъ незначительный. Тѣмъ не менѣе рождается вопросъ: предшествовавшая-ли, до поступленія въ солдаты, жизнь изуродовала ихъ, служба-ли, или же въ этомъ повинна сама природа?

Первая категорія преступниковъ, по мнѣнію большинства солдатскихъ начальниковъ, которыхъ мы видѣли, въ продолженіи своего странствія, по крѣпостямъ, не одну сотню, и съ которыми много бесѣдовали на эту тему — состоитъ изъ дворянъ, чиновниковъ, купцовъ, мѣщанъ и солдатскихъ сыновей, поступившихъ въ службу по *найму*. По словамъ начальниковъ люди эти — самый вредный элементъ въ войскѣ: они грубы, лѣнны, пьяницы, небрежно относились къ своимъ обязанностямъ, не подчинялись начальникамъ, совершали преступленія, вовлекая и другихъ въ таковыя. Отрицать это грустное явленіе мы не станемъ: дѣйствительно въ солдаты большею частію нанимались личности, которые вслѣдствіе тунеядства, дурнаго поведенія — нагдѣ не находили себѣ мѣстъ и работы, а потому не думая о многомъ, разсчитывали службою гарантировать себѣ по крайней мѣрѣ хоть *пропитаніе*. Убѣдившись же, потомъ, что за это прокормленіе требуютъ труда, да еще усиленнаго, они предавались прежнимъ порокамъ. Но сопоставивъ это явленіе съ практикою, — невольно придемъ къ заключенію, что

едва-ли умѣстно обвиненіе *всѣхъ* наемщиковъ въ приписываемыхъ имъ худыхъ качествахъ; при этомъ, для подкрѣпленія нашей мысли, приведемъ примѣры изъ солдатскаго же быта. Солдатъ изъ простолюдиновъ неразвитой, малограмотный, либо и вовсе не грамотный—не въ состояніи, разумѣется, подвергнуть критикѣ какое бы то [ни было] распоряженіе, приказаніе начальника, и потому, съ малолѣтства обезличенный, приученный повиноваться всякому, выше его поставленному—онъ исполняетъ *все*, что угодно, безпрекословно, что вполнѣ, конечно, согласуется съ дисциплиною. Солдатъ же изъ чиновниковъ, всегда хоть немного да развѣтой, услышавъ приказаніе, кажущееся ему, по его понятіямъ, нелогичнымъ—способенъ къ резонерству, къ возраженію, тѣмъ болѣе, что въ бытность его въ гражданской, напр., службѣ, гдѣ тоже есть извѣстнаго рода дисциплина—ему приходилось высказывать свои замѣчанія на приказанія и это, однакожъ, не влекло за собою никакихъ тяжелыхъ для него послѣдствій. Изъ 10 простыхъ солдатъ развѣ одинъ обидится, если на него прикрикнуть, если обозвать его крѣпкимъ словомъ, либо и пнуть; но едва ли трое изъ 10 солдатъ-чиновниковъ, съ которыми до ихъ поступленія въ солдаты всѣ деликатно обращались, — вынесутъ такое униженіе хладнокровно; остальные же навѣрное возмутятся этимъ обхожденіемъ никакъ солдаты, а какъ люди, къ этому не привыкшіе, и, какъ бы низко они ни пали морально—въ нихъ все-таки еще сохранилась нѣкоторая доза самолюбія, или такъ называемаго дворянскаго гонора. Наконецъ нѣкоторые легкомысленные наемщики, представляя себѣ службу въ розовомъ свѣтѣ, впоследствии, попавши въ нее, разочаровывались въ ней, и, преслѣдуемые создавшимися въ ихъ умахъ призраками,—ожесточались, и въ этомъ состояніи становились еще хуже щепетильными, что скорѣе дѣлало ихъ

преступными. Нѣтъ сомнѣнія, что тѣ или другіе протесты, возраженія тамъ, гдѣ установлено пунктуально творить волю пославшаго, иногда казались оскорбительными для начальниковъ, которые сгоряча подводили эти прегрѣшенія подъ категорію преступленій противъ дисциплины, а совершившихъ таковыя новаторовъ,—подъ строгую кару закона, какъ это видно, напр., изъ 323—325 стр. очерковъ.

Защита наемщиковъ вовсе не входитъ, повторяемъ, въ нашу задачу, такъ какъ въ будущемъ наниматься въ солдаты воспрещено Высочайшимъ повелѣніемъ, обнародованнымъ въ приказѣ Г. Военнаго Министра, отъ 15 Декабря 1871 года. Но мы сочли полезнымъ высказаться по этому предмету, въ виду готовящейся общей военной повинности, по введеніи какой-либо реформы армія сразу получитъ массу мыслящихъ солдатъ, изъ которыхъ многіе, до-тѣхъ-поръ, покуда не проникнутся духомъ дисциплины, навѣрное станутъ также критически относиться къ нѣкоторымъ приказаніямъ менѣе ихъ образованныхъ начальниковъ. Не дай Богъ, конечно, чтобы они за это попадали въ исправительныя роты. Впрочемъ, врядъ-ли обойдется безъ такихъ искупительныхъ жертвъ: въ арміи еще довольно офицеровъ съ узкими, своеобразными понятіями о подчиненныхъ, иначе говоря давнишняго закала, а они, ярые ретрограды, доселѣ еще стоятъ въ оппозиціи противъ современныхъ требованій прогресса... Мы говоримъ это потому, что во всѣхъ частяхъ войскъ чувствуется изрядный недостатокъ образованныхъ и близко знакомыхъ съ солдатскимъ бытомъ, офицеровъ; въ этомъ увѣряли насъ не только командиры отдѣльныхъ частей, но и самыя высокопоставленныя, въ военной іерархіи, лица, вполнѣ ужь, разумѣется, въ этомъ отношеніи компетентныя. И такъ, остается горячо желать, чтобы нашлись, какъ можно скорѣе, такія разумныя мѣры

которыя до введенія всеобщей солдатчины спустили бы въ лету указанную нами ненормальность, для блага человѣчества и въ интересахъ самой военной службы.

Вторую категорію преступниковъ составляютъ люди слабо-сильные, предрасположенные къ чахоткѣ и меланхолическаго характера; люди, которымъ не только исполненная непрерывной работы служба тяжела, но и самая жизнь, нерѣдко, не мила; а какъ служить имъ всетаки приходится наравнѣ съ товарищами, то они, постепенно ослабѣвая физически и морально, — начинаютъ пить. Между тѣмъ матеріальныя средства ихъ ничтожны, и потому они проматываютъ, обыкновенно, казенныя вещи, безъ которыхъ явиться въ роту имъ трудно: ихъ ждетъ позоръ, кара. И вотъ одни, — самолюбивые, бѣгутъ со службы, славятся, приводятся обратно, и попадаютъ подъ судъ, а другіе, не обладающіе самолюбіемъ, робко возвращаются, во-своясь, раздѣтymi, смиренно сгибаютъ вѣны, высиживаютъ не мало времени въ карцерахъ, подвергаются перечисленію въ штрафные, а вмѣстѣ съ тѣмъ и несравненно строжайшему, нежели безпорочные, надзору. Тѣхъ и другихъ такое положеніе еще больше тяготитъ, они омончательно подавливаютъ въ себѣ честь, совѣсть, и тихое пристанище ихъ въ исправительной ротѣ, гдѣ они находятъ утѣшеніе хоть въ томъ, что чувствуютъ себя избавленными, наконецъ, отъ походовъ, карауловъ, стрѣльбы, фехтованья и многихъ другихъ обязанностей, сопряженныхъ съ *фронтвою* службою. Болѣе быстрому переходу ихъ въ исправительныя роты способствуетъ, отчасти, та же тѣлесная немощь ихъ: тѣмъ солдатъ здоровѣе, — тѣмъ больше многіе начальники дорожатъ имъ, и тѣмъ снисходительнѣе бываютъ къ его проступкамъ; человѣкъ же маловыносливый, часто болѣющій, оторочаетъ нѣкоторыхъ начальниковъ не столько вслѣдствіе собожѣнованія о немъ, сколько по присущему каждому чув-

ству эгоизма: высшее начальство нерѣдко судить о степени попеченія начальника о ввѣренныхъ ему солдатахъ по числу больныхъ въ его части. Оттого хилому солдату несравненно меньше помирволятъ, нежели здоровому. Мы не разъ слышали, какъ разные (неразвитые, конечно) начальники выражали удовольствіе, узнавъ, что преданный суду слабосильный солдатъ осужденъ въ исправительную роту: «наконецъ таки избавимся, говорили они, отъ него, а то часто лежать въ госпиталѣ, *по нашимъ спискамъ* — одѣвъ неприятности черезъ него».

Третья категорія совмѣщаетъ въ себѣ двѣ фракціи. Одна— это солдаты пылкой, неуживчивой природы, дѣйствительно отбывающіеся отъ руля, вслѣдствіе своего черезчуръ подвижнаго характера, и отвращенія къ подчиненію. Этого сорта люди сознательно совершаютъ преступленія, понадеясь въ воровствѣ, мошенничествѣ, дерзостиахъ противъ начальства. Другая же фракція состоитъ изъ людей, одержимыхъ тоскою по родинѣ, близкимъ сердцу людямъ и мирнымъ, *сельскимъ* занятіямъ. Болѣзнь эта *ностальгія* (*nostalgia*) въ нихъ особенно сильно развивается, когда они квартируютъ въ деревняхъ и видятъ то, чѣмъ сами владѣли столь недавно, что такъ мило ихъ сердцу и отчего они, противъ воли, удалены. Идиллія деревенскаго быта разстраиваетъ ихъ нервы, они дѣлаютъ все зря, машинально, многого, по забывчивости, вовсе не исполняютъ, потому что мысли ихъ витаютъ вдалегѣ отъ ихъ обыденной жизни; послѣ многократныхъ дисциплинарныхъ взысканій, покорно ими переносимыхъ,—они доживаютъ до двоякаго рода несчастій: или осуждаются за уклоненіе отъ службы, прямо въ исправительныя роты, или же полковне суды приговариваютъ ихъ, за проступки, какъ штрафованныхъ, къ тѣлесному наказанію. Выслушавъ приговоръ, они мгновенно воспаляются при мысли о пред-

стоящей имъ физической боли и, не зная на комъ сорвать свою досаду, — обругиваютъ персоналъ суда и отсылаются, потомъ, все-таки въ исправительныя роты. Бранять они судъ вотъ почему: 356 ст. воен. суд. уст. предписываетъ суду спрашивать осужденнаго: «доволенъ-ли онъ приговоромъ»; проще выражаясь: доволенъ-ли онъ тѣмъ, что ему отсчитаютъ 50 ударовъ розогъ? Хладнокровный, понятливый человѣкъ ограничится короткимъ отвѣтомъ: «нѣтъ»; человѣкъ же впечатлительный, въ груди котораго давно уже кипитъ злоба, или человѣкъ, по невѣжеству своему немогущій сообразить, что его караетъ законъ, а не *судьи*, которые служатъ только выразителями постановленийъ закона—услышавши это публично, при постороннихъ зрителяхъ,—прямо набрасывается на судей, предполагая, что его будущая физическая боль—дѣло ихъ власти, ихъ злосердечія.

Здѣсь, кстати, скажемъ, что не малое число оскорбленийъ суда можетъ быть предотвращено, если не эспромптомъ объявлять подсудимому приговоръ, какъ это дѣлается на правтвѣхъ, а предварительно мягко, съ тактомъ, посвятить его въ смыслъ закона, т. е. *приготовить* къ выслушанію постигшей его участи слегка, осторожно. Какъ ни прискорбно, что проступки солдатъ влекутъ за собою тѣлесное наказаніе, однако нельзя не замѣтить, что въ солдатахъ начинается обнаруживаться сознаніе собственнаго достоинства; помимо боли физической, они считаютъ позоромъ для себя это наказаніе, и дабы избавиться отъ него—многіе штрафованные къ содѣянному ими преступленію, за которое имъ предстояло тѣлесное наказаніе,—постоянно прибавляютъ побѣгъ, и по совокупности преступленийъ попадаютъ въ исправительныя роты (см. 168 стр.). Очевидно, что они предпочитаютъ часовой физической боли годы печальной неволи. Явленіе это, полагаемъ, можетъ служить доказательствомъ существованія въ

людяхъ чувства самолюбія, которое даетъ положительную надежду на то, что если съ умѣньемъ взятыя за нравственную сторону такихъ солдатъ, то не мудрено вселить въ нихъ отвращеніе ко злу и къ безчестнымъ поступкамъ.

Четвертая категорія, состоящая изъ *случайныхъ* преступниковъ, распадается на нѣсколько разрядовъ; унтеръ-офицеры и ефрейторы не на много отличаются познаніями отъ простыхъ рядовыхъ; въ лагеряхъ, въ казармахъ, въ деревняхъ— всѣ они живутъ и дѣйствуютъ вездѣ и всегда вмѣстѣ, интересы у всѣхъ нихъ одни и тѣ же, а отсюда невольно вытекаютъ и неизбѣжныя, между ними, столкновения. Положимъ, что пріятеля-земляки не могли въ чемъ-нибудь мирно согласиться, поссорились. Унтеръ-офицеръ *заставилъ* молчать рядового, который, помня прежнюю дружбу, — стелъ это приказаніе для себя обиднымъ и въ сердцахъ обругалъ, не то и толкнулъ унтеръ-офицера. Такимъ образомъ онъ оказывается виновнымъ въ оскорбленіи своего начальника и нарушеніи дисциплины. Унтеръ-офицеръ ведетъ компанію солдатъ со двора, заходитъ съ рядовымъ къ его, либо своей женѣ, возлюбленной; оба угощаются водкой и подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, одинъ, въ разговорѣ, задѣваетъ другаго за живое. Это естественно возбуждаетъ въ томъ гнѣвъ, выражающійся въ есорѣ, не то и дракѣ. Унтеръ-офицеръ жалуется по начальству и рядовой признаетъ виновнымъ въ нарушеніи дисциплины, посредствомъ оскорбленія унтеръ-офицера. Такойъ первый и наиболѣе многочисленный составъ преступниковъ. Другой разрядъ тоже довольно значительный, заключаетъ въ себѣ людей, караемыхъ за упускъ арестантовъ, во время конвоирования ихъ въ пути, или стоянія на часахъ, возлѣ воротъ или дверей, изъ коихъ заключенные ухитрились бѣжать. Третій разрядъ состоитъ изъ лицъ, которыя, встрѣтившись начальнику въ нетрезвомъ видѣ, не отдали ему долж-

ной чести и были за это остановлены съ приказаніемъ явиться въ роту и доложить фельдфебелю о своемъ проступкѣ, или отправиться прямо подъ арестъ, но отказались исполнить это, да еще въ занальчивости отвѣтили начальству дерзостью. Четвертый разрядъ — мастеровне, наказываемне за пьянство запоемъ и неповиновеніе. Пятый разрядъ артельщики, несущіе наказаніе за растрату артельныхъ денегъ, за утайку и присвоеніе себѣ доли припасовъ и писаря за подлоги, пьянство, и буйства. Шестой же разрядъ составляютъ унтеръ-офицеры и фельдфебеля, подвергаемые наказанію за превышеніе власти, за сокрытіе преступленій, вслѣдствіе полученія за это взятокъ, и за употребленіе подчиненныхъ на работы изъ своекорыстныхъ выгодъ.

Сводя итогъ солдатскимъ преступленіямъ, мы видимъ, что ихъ набирается счетомъ 10, кромѣ прелюбодѣянія, за которое иногда уличенные въ немъ тоже попадали въ роты; но преобладающія преступленія суть: 1) пьянство; 2) утрата казенныхъ вещей; 3) грубость, дерзость и оскорбленіе начальниковъ; 4) воровство и 5) подлоги, утайка и присвоеніе чужой (артельной) собственности.

Переходя къ вопросу о наказаніяхъ, постигающихъ солдатъ за перечисленные преступленія, — мы съ сожалѣніемъ должны замѣтить, что недостатокъ вниманія иныхъ офицеровъ къ сердечнымъ чувствамъ, наклонностямъ солдатъ, поверхностное знаніе внутренняго, казарменнаго быта подчиненныхъ, а равно спартакскій взглядъ на службу нѣкоихъ песимистовъ — ускоряютъ сссылку солдатъ въ исправительныя роты. Мысль эту читатели вѣроятно раздѣлятъ съ нами, вспомянувъ почти стенографически воспроизведенныя нами, въ очеркахъ, бесѣды съ офицерами и упорное мнѣніе ретроградовъ о томъ, что солдатъ грубъ, невѣжествененъ, и потому вразумлять его слѣдуетъ не гуманными, школьными, а суро-

выми средствами, въ числѣ которыхъ на первомъ планѣ являются розги, ибо всякій, дескать, суррогатъ только ро- няетъ дисциплину, дѣйствительно, составляющую, не споримъ, альфу и омегу благоустройства войскъ.

На основаніи 50 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ, осужденіе солдата изъ простоядиновъ въ исправительную роту, сопровождается лишеніемъ его всѣхъ преимуществъ, службою пріобрѣтенныхъ, т. е. въ сущности, лишеніе права, до прощенія штрафа, по возвращеніи изъ роты въ полкъ и по прибытіи въ немъ года на унтеръ-офицерство, безсроч- ный отпускъ и отставку. Изъ этихъ преимуществъ солдаты особенно дорожатъ двумя послѣдними: человѣку, пробыв- шему 8—10 лѣтъ подъ непрерывнымъ контролемъ, есте- ственно хочется воли, хочется пожить собственнымъ умомъ, и вдругъ онъ лишается этой мелѣянной имъ, цѣлне годы, надежды! Оттого физиономіи находящихся въ ротахъ аре- стантовъ, которые незадолго до наступленія имъ очереди идти въ безсрочный,—впали въ преступленія, страшно иска- жаются, голосъ ихъ дрожитъ и сами они трясутся—при вспо- минаніи объ утраченной возможности выйти на волю. Скорбь и сѣтованія такихъ арестантовъ значительно усиливаются, когда они узнаютъ, что въ ротѣ есть товарищи, прислан- ные за такіе же, какъ они, преступленія на меньшей, чѣмъ они, срокъ.

И дѣйствительно: перечитавъ не одну сотню конфирма- цій, приговоровъ, мы убѣдились, что наказанія за положи- тельно тождественныя преступленія опредѣлялись судами нерѣдко далеко неравномѣрно. Приведемъ, на выдержку, нѣсколько фактовъ, подтверждающихъ наши слова. Въ роту попали за убійство два горца, но одинъ—на 2, а другой— на 4 года; за кражу (со взломомъ) овса: одного-кавалери- ста—осудили на годъ, а другаго—на 3 года, тогда какъ

цѣнность похищеннаго составляла всего нѣсколько руб. и одна сумма отъ другой разнилась лишь копѣйками. За нанесеніе рядовымъ, въ пьяномъ видѣ, побоевъ унтеръ-офицерамъ присудили: одного — на 1½, а другаго — на 3 года и т. д. Между тѣмъ, принимая во вниманіе сказанное на 216 страницѣ, о томъ, какъ страстно ищутъ арестанты справедливости, — приговоры, подобныя указаннымъ, вредно отражаются на характерѣ нервныхъ людей, которые твердятъ: «коль скоро наказаніе за побѣгъ и утрату вещи, по закону, назначено на 2 года сюда — значитъ и мнѣ и ему долженъ быть одинакій срокъ, а не ему меньше меня на годъ». Многимъ, мы увѣрены, покажется смѣшнымъ, что арестанты ропщутъ на несправедливость, когда они сами служатъ ходячимъ протестомъ противъ справедливости. Такимъ лицамъ отвѣтимъ, что какъ-бы человекъ ни былъ преступенъ, какъ бы низко ни палъ онъ нравственно, — онъ все-таки считаетъ себя лучшимъ, чѣмъ онъ есть. Впрочемъ это психологически неоспоримая истина, можетъ быть по-крайней-мѣрѣ на половину ослаблена самымъ легальнымъ способомъ: слѣдуетъ объяснять арестантамъ, что во всѣхъ статьяхъ воинскаго устава о наказаніяхъ выражено: «заключить въ роту *отъ* такого-то *до* такого-то срока», причемъ выборъ того или другаго срока предоставленъ, 826 ст. военно-судебнаго устава, судейскому «*внутреннему убѣжденію*, основанному на совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла»; что убѣжденіе это составляется изъ впечатлѣнія, какое произвели на судей подсудимый, свидѣтели и суть дѣла, во время судоговоренія. Что же касается вышеуказанныхъ случаевъ неравномѣрнаго опредѣленія сроковъ заключенія, то они вызываютъ желаніе, чтобы практика военныхъ судовъ скорѣе выработала болѣе точную градацию наказаній.

Солдаты, осужденный за какое-либо изъ выше перечи-

сленныхъ преступленій въ исправительную роту долженъ быть препровожденъ туда, согласно послѣдней части 55 ст. положенія о ротахъ, „отдѣльно отъ арестантовъ, лишенихъ правъ состоянія“. Постановленіе это, клонящееся къ тому, чтобы солдаты, въ пути, не являлись съ криминальными преступниками, не заражались ихъ пороками, вполне осмысленное: солдаты не теряютъ *всѣхъ* правъ состоянія и изъ ротъ возвращаются обратно въ полки, по прежнему, солдатами. Къ сожалѣнію, практика не только игнорируетъ это постановленіе, но ставитъ осужденнаго въ гораздо худшее еще положеніе, какъ мы подробно изложили на 68 и 69 страницахъ и какъ сейчасъ докажемъ. Солдаты отсылаются въ общую, для всѣхъ, безъ различія, вѣдомствъ и категорій преступниковъ—пересыльную тюрьму (отдѣльныхъ тюремъ *собственно* для *военныхъ* въ Россіи, покуда, еще нѣтъ, а тамъ, въ силу 406 ст. уст. сл. внутр. стражи, т. VII са. воен. пост. его заковываютъ, съ кѣмъ попало, въ однѣ наручники и на общій, въ числѣ 12 человекъ, пруть, и отправляютъ въ дорогу. Если же солдатъ «будетъ просить у начальника особаго снисхожденія» и послѣдній уважитъ его просьбу, то, въ видѣ облегченія, его заковываютъ въ отдѣльныя ножныя кандалы и ведутъ въ этихъ цѣпяхъ до мѣста, причемъ, дорогою, благодаря худому сообществу, онъ падаетъ нравственно еще ниже, проматаетъ какую-нибудь изъ значащихся на немъ вещей, и тогда потерпѣть: казна—матеріальный убытокъ, а осужденный—по прибытіи въ роту, новое наказаніе. Притомъ и исправлять его нравственность окажется уже невозможнo труднѣе: самое заковываніе оставляетъ въ людяхъ, по мнѣнію всѣхъ свидущихъ людей, невзглядимое впечатлѣніе на всю жизнь, ибо глубоко унижаетъ ихъ въ собственныхъ глазахъ. Кромѣ того заключеніе въ оковы, по буквальному выраженію 2 п. 171 ст. уст.

о содерж. подъ стражею, т. XIV св. гражд. зак. и 2 п. приложения къ 30 ст. уложения о наказаніяхъ, изданія 1866 года, считается *тѣлеснымъ наказаніемъ*, которому, однако, солдаты, да и всѣ прочіе люди, пересылающіеся по этапу, подвергаются, простымъ, административнымъ порядкомъ, причиною чему служитъ несостоятельность редакціи двухъ статей гражданскаго и военнаго законовъ.

Вопросъ о неправильной заковкѣ, имѣющей тождественное примѣненіе какъ къ гражданскимъ, такъ и къ военнымъ простолудинамъ, подробно разсмотрѣнъ нами въ изданной, въ 1871 г., книгѣ *«Жизнь заключенныхъ»* и доселѣ не подвергся никакому измѣненію; поэтому здѣсь не излишне будетъ привести, вкратцѣ, изъ нашей книги нѣкоторныя разсужденія, дополнивъ ихъ кое-чѣмъ по отношенію собственно къ солдатамъ.

Согласно 2 части 171 ст. уст. о содержащ. подъ стражею *), осужденные въ каторжную работу должны быть заковываемы въ ножныя кандалы, исключая лицъ изъ привилегированныхъ сословій, поименованныхъ въ 1 и 2 п. 171 и 172 ст., по продолж. 1864 и 1868 годовъ, къ уст. о содерж. подъ стражею и 2—12 пункт. приложения къ 30 ст. уложения о наказаніяхъ. Далѣе, по первымъ частямъ 224 ст. уст. о содерж. подъ стражею и 406 ст. уст. сл. внутрен. стражи «въ пути люди идутъ въ оковахъ, или безъ нихъ, смотря потому, какъ они отправлены съ мѣста, а на ссыльныхъ, кои слѣдуютъ безъ оковъ, предписывается налагать легкіе желѣзные, ручные прутья»,—т. е. наручники (96 ст. Уст. о ссыл. и 463 ст. уст. сл. внутрен. стр.). За сямъ 224 ст. уст. содерж. подъ стр., и средина 406 ст. уст. сл. внутрен.

*) См. *«Жизнь заключенныхъ»*, стр. 153.

стр., предоставляють «*усмотрѣнію*» гражданскаго начальства, завѣдывающаго пересылкою, облегчать тѣхъ изъ пересылаемыхъ по этапамъ людей, которые не требуютъ *особыхъ* мѣръ предосторожности, назначая препровожденіе ихъ безъ оковъ». Наконецъ, примѣчаніе къ 224 ст. уст. о содержан. подъ стражи и 406 ст. уст. сл. внутренней стражи гласятъ: «если арестанты, идущіе безъ оковъ, слѣдуютъ по этапной дорогѣ (надо замѣтить, что ни по этапной дорогѣ никто и никогда не идетъ, въ качествѣ арестанта),—то для предупрежденія побѣговъ (военный же законъ прибавляетъ: и для *сокращенія числа конвой*) на нихъ налагаются ручные желѣзные прутья». Впрочемъ, дозволяется, заключаютъ помѣнутыя примѣчанія и статья, «и на ссылаемыхъ за *легкія* преступленія арестантовъ накладывать ножныя кандалы, какія полагаются для *важныхъ* преступниковъ, вмѣсто приковыванія ихъ къ пруту, если токмо они того *пожелаютъ* и будутъ *просить* у начальства, какъ особаго снисхожденія».

Итакъ, изъ цитированныхъ нами гражданскихъ и военныхъ законовъ явствуетъ, что кандалы предназначены исключительно для каторжныхъ, а наручники для ссыльных; но наручники же надѣваются и на всѣхъ остальныхъ малолетнихъ преступниковъ. Другими словами, къ ссыльнымъ приравнены и безпаспортные, и просрочившіе паспорта, и вишіе, пересылаемые на родину, и непріятыя общества бывшіе арестанты, отправляющіеся на водвореніе въ Сибирь, и высланіе въ деревни для участія въ вынутахъ рекрутскаго жребія, и для занятія должностей по крестьянскому самоуправленію, и, наконецъ, солдаты, отправляемые въ исправительныя роты, словомъ *все*, безъ различія людей, «*идущіе по этапной дорогѣ*». Ради чего же, спрашивается, весь этотъ народъ подвергается тѣлесному наказанію? «Для предупрежденія побѣговъ и для сокращенія числа конвой», отвѣчаетъ дѣйствующій законъ.

Теперь посмотримъ, на сколько законъ исчерпываетъ вопросъ своимъ краткимъ отвѣтомъ. Оковы существуютъ вообще какъ средство противъ побѣговъ. Между тѣмъ, убѣжать закованному *отдѣльно* въ ножныя кандалы, при полной *свободѣ* обѣихъ рукъ, несравненно вѣдь легче и удобнѣе, нежели привинченному въ наручники, за руку, съ другимъ и на прутѣ по 12 человѣкъ. Понятно, что самое предписаніе о томъ, чтобы вести тяжелыхъ преступниковъ въ ножныхъ, а менѣе преступныхъ ссыльныхъ въ ручныхъ оковахъ—противно цѣли самой заковки: законъ гораздо больше старается предупредить побѣгъ каторжника, чѣмъ ссыльнаго; несмотря однакожъ на это, законъ самъ даетъ первому большую возможность къ побѣгу, нежели послѣднему. Путешествіе въ наручникахъ представляетъ собою гораздо болѣе тяжелое мученіе, нежели въ кандалахъ; правосудіе очевидно имѣеть въ виду, чтобы каторжникъ сильнѣе чувствовалъ результаты своего преступленія, чѣмъ ссыльный. Тѣмъ не менѣе законъ предписываетъ облачать въ наручники лишь второстепенныхъ, третьестепенныхъ и еще меньшихъ преступниковъ, идущихъ по этапной дорогѣ. Сознывая въ то же время, что несправедливо заковывать въ наручники мелкихъ правонарушителей, по сравненію съ тяжелыми преступниками, — законъ предоставляетъ имъ право просить о переимѣнѣ крайне неудобныхъ наручниковъ на кандалы. Какъ ни странна эта льгота, приравнивающая мало-важныхъ преступниковъ къ тагчайшимъ, однако ея добиваются почти всѣ мелкіе законнарушители и вполне основательно, такъ какъ при сковываніи въ наручникахъ попарно, оба невольные компаніона становятся въ сильнѣйшую зависимость другъ отъ друга. Никакое дѣйствіе каждаго изъ нихъ не можетъ быть совершено безъ того, чтобы не обезпечить, въ большей или меньшей степени, то-

варища по наручникамъ. Вотъ почему всё умоляютъ зако-
вывать ихъ въ кандалы, но и мольба ихъ остается тщет-
ною: при удовлетвореніи ихъ просьбъ вся партія преврати-
лась бы въ массу каторжниковъ, слѣдующихъ каждый по-
рознь, причемъ пришлось-бы еще болѣе увеличить число
конвойныхъ. Освободить же отъ наручниковъ людей, не-
требующихъ особыхъ мѣръ предосторожности, гражданское
начальство считаетъ себя не въ правѣ, во первыхъ потому,
что ни умственныхъ, ни нравственныхъ ихъ качествъ, ни
степени виновности близко не знаетъ (копій съ пригово-
ровъ съ ними не имѣется); во вторыхъ, и главное,—за силою
примѣчаній къ 220 ст. уст. содерж. подъ стр. и къ 371 ст.
уст. сл. внутр. стр., которыя гласятъ, что «при передачѣ
стражѣ людей, для пересылки по этапу, отъ нея, стражи,
не должно требовать препровожденія людей не въ родѣ
арестантовъ»—безъ наручниковъ. Слѣдовательно, приведен-
ныя примѣчанія уничтожаютъ собою тѣ части 224 ст. уст.
содер. подъ стр. и 406 ст. уст. сл. внутр. стр., по кото-
рымъ: «отъ усмотрѣнія гражданского начальства зависить
облегчать тѣхъ изъ пересылающихся по этапамъ, кои не
требуютъ особаго надзора, назначая препровожденіе ихъ
безъ оковъ».

Такимъ образомъ изъ-за предполагающагося опасенія
какъ-бы люди не разбѣжались,—да изъ-за уменьшенія числа
конвойныхъ не гуманно, кажется, заковывать людей, нака-
зывать ихъ тѣлесно, когда подлежащій судъ не обрекъ ихъ
на это. Отсюда необходимо измѣнить цитированные нами
законы о заковкѣ, въ томъ смыслѣ, чтобы обычные зако-
нонарушители, въ томъ числѣ и осужденные въ исправитель-
ныя роты, избавлены были отъ заковки, какъ люди, не ли-
шенные *всѣхъ* правъ состоянія. Если же наручники призна-
ются неизбежною принадлежностью всякаго пересылающа-

гося по этапу, то нужно, по крайней мѣрѣ, измѣнить хоть законъ касательно перевозки неважныхъ арестантовъ по желѣзнымъ дорогамъ, на пароходахъ, освободивъ ихъ въ это время отъ наручниковъ, но предоставивъ, пожалуй, партіоннымъ офицерамъ право заковывать, въ наказаніе, тѣхъ изъ нихъ, которые станутъ въ пути буйствовать, нарушать правила благочинія. Ко введенію этой реформы не встрѣчается положительно никакихъ ужь препятствій: арестанты, согласно примѣч. къ 220 ст. уст. о содерж. подлѣ стр. и 9 п. приложения къ 16 ст. уст. о ссыльныхъ, по продолж. 1863 г., ѣдутъ *запертыми* въ вагонахъ и въ каютахъ, причемъ никто изъ нихъ ни подлѣ какимъ предлогомъ не выпускается изъ заперты, стало бытъ убѣжать никому и безъ того никогда не удастся. Мало того: предлагаемая нами мѣра вооружить партіонныхъ властью надъ арестантами, властью, которою они, по собственному ихъ сознанію, не пользуются при нынѣшнихъ условіяхъ перевозки этаповъ. Солдатамъ-же, ѣдущимъ въ исправительныя роты, за претерпѣнные ими физическія страданія, слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, хоть засчитывать время путешествія въ срокъ пребыванія въ испытательныхъ, въ ротахъ, гдѣ закованъ въ кандалы служитъ наказаніемъ за проступки (122 ст. положенія ротахъ).

III.

Разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства, сопровождающія солдатъ до исправительныхъ ротъ—перейдемъ къ самымъ ротамъ. Первый вопросъ, возникающій послѣ внимательнаго взгляда на роты состоитъ въ томъ: какой характеръ имѣютъ онѣ? карательный или исправительный? По существу—скорѣе первый, чѣмъ послѣдній. Но насъ могутъ спросить:

почему мы такъ думаемъ? Въ такомъ случаѣ отвѣтимъ: во 1-хъ на основаніи фактовъ, изложенныхъ въ предъидущихъ очеркахъ, не только не утрированныхъ, но еще *во множествѣ* смлченннхъ противъ дѣйствительности и во 2-хъ по причинамъ, которыя будутъ выставлены ниже.

Перевоспитать человѣка возможно лишь тогда, когда онъ, по складу предшествовавшей своей жизни и умственному кругозору, способенъ воспринять внушаемые ему взгляды. Предѣлъ человѣческаго развитія, по мнѣнію специалистовъ, ограниченъ между 35—40 годами отъ роду; затѣмъ развитіе это останавливается, а съ 50 лѣтъ умственныя способности начинаютъ клониться къ упадку. Между тѣмъ ни въ воинскомъ уставѣ о наказаніяхъ, ни въ положеніи о ротахъ нигдѣ не объяснено: выше какого именно возраста солдаты не должны быть ссылаемы, за преступленія, въ роты? На оборотъ: побѣги, напр. изъ службы, на основаніи 102 ст. воинскаго устава, не покрываются *никакою* давностью: сколько бы лѣтъ солдатъ ни прожилъ въ бѣгахъ, онъ, по-поймѣ, согласно 133, 136, 49 и проч. ст. ссылается именно въ исправительную роту на срокъ отъ 1 года до 4 лѣтъ, а при увеличивающихся вину обстоятельствахъ и до 6 лѣтъ. Мы видѣли въ 5 исправительныхъ ротахъ не одну сотню совершенно—дряхлахъ и положительно ни на что ужъ неспособныхъ (стариковъ, бывшихъ дезертировъ), изъ которыхъ многіе скрывались по 10 и даже болѣе лѣтъ сряду, въ далекихъ окраинахъ Россіи, но потомъ всетаки попались въ руки правосудія и пришли исправлять свою нравственность въ эти роты. Намъ увѣряли, правда, что помянутыхъ стариковъ сбудутъ, еще до наступленія срока ихъ заключенія, въ Сибирь—на водвореніе, по 135—139 ст. положенія,—но это отнюдь еще не гарантируетъ роты отъ наплыва

въ нихъ такихъ же субъектовъ въ будущемъ. До тѣхъ поръ покуда 102, 133, 136, 49 и прочія статьи воинскаго устава сохранять свою силу,—дезертиры всегда будутъ составлять неизбѣжный контингентъ ротъ, ибо люди лѣнивые въ службѣ, чувствующіе антипатію къ подчиненію, навѣрное стануть, по прежнему, дѣлать побѣги, прятаясь, на сколько возможно, дальше отъ помѣщиковъ. Будучи же пойманы они очутятся въ ротахъ, въ которыхъ они есть и будутъ не только напраснымъ бременемъ и помѣхой,—но еще и вреднѣйшимъ элементомъ: старій возрастъ и предшествовавшія житейскія ихъ похождения вытѣсняютъ всякую надежду на нравственное ихъ перерожденіе. Мы видѣли, на 154—158 стр., что они еще развращаютъ товарищей. Независимо сего эти старики отъ невзгодъ, перенесенныхъ ими въ бѣгахъ,—до того разстраиваются и *физически*, что, не будучи въ силахъ работать,—постоянно прозябаютъ въ ротныхъ окологдахъ, да госпиталяхъ, умножая собою число больныхъ въ ротахъ. Вслѣдствіе такихъ неотразимыхъ соображеній является потребность установить предѣлъ возраста, напр. 40 лѣтъ,—далѣе котораго не осуждать солдатъ собственно въ исправительныя роты.

Точно также въ каждой ротѣ бываетъ не одинъ десятокъ арестантовъ, людей часто и молодыхъ, но хромыхъ, слѣпыхъ, съ грыжами, даже идиотовъ; весь этотъ сбродъ является туда преимущественно за уклоненіе отъ службы, умышленнымъ причиненіемъ себѣ болѣзней, увѣчья и т. под., чтобы этими способами избавиться отъ службы *).

Въ ротахъ люди эти дѣлятся на двѣ категоріи: одни—

*) Преступленія эти предусмотрены 130—132 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ.

слабоумные служат посмѣшникомъ для всѣхъ товарищей, въ глазахъ которыхъ они комедіанты, доставляющіе при всякихъ удобныхъ случаяхъ, развлеченіе и забаву, среди однообразной жизни, такимъ образомъ они отвлекаютъ и прочіихъ отъ занятій. Другіе, физически изувѣченные, состоятъ, обыкновенно, безсмѣнными уборщиками камеръ, карцеровъ, и очень довольны, что обрѣли наконецъ спокойныя должности; объ исправленіи тѣхъ и другихъ—обученіемъ грамотности, вселеніемъ въ нихъ религіозно нравственныхъ правилъ, не можетъ быть и рѣчи: начальству даже и при желаніи, не хватаетъ времени и на то, чтобы прилежно заниматься съ сотнями здоровыхъ арестантовъ, подлежащихъ возвращенію въ полки. Пользуясь тѣмъ, что начальство не находитъ нужнымъ и возможнымъ обращать на нихъ вниманіе—калѣки эти слоняются изъ угла въ уголь, періодически переселяясь въ госпиталь—отдохнуть. Таковъ образъ жизни этихъ людей, о бесполезности ссылки которыхъ въ роты подтверждаютъ, мы увѣрены, всѣ начальствующіе, не смотря на бойкія, внушенныя чувствою самосохраненія, разглагольствованія ихъ о томъ, что нѣтъ арестантовъ, которые не перевоспитались бы подъ ихъ руководствомъ.

Исправительныя роты учреждены, какъ явствуетъ изъ 8-й, 3 и 5 п. 11, 12, 18, 22, 82, 84 110 и 112—118 ст. положенія, главнѣе всего для *исправленія* солдатъ, одержимыхъ *порочными, безнравственными наклонностями*. Тѣмъ не менѣе въ роты часто попадаютъ люди, преступленія которыхъ далеко не подходятъ подъ разрядъ безнравственныхъ. Преступленія эти заключаются, напр., въ упускѣ караульными арестантовъ (160 и 2 п. 162 ст. воинскаго устава), а равно въ оскорбленіи фельдфебелей, унтеръ-офицеровъ, ефрейторовъ, либо и рядовыхъ, бывшихъ, въ данный моментъ, начальниками (п. в. ст. 110 и 111 воинскаго устава), т. е. въ на-

рушеніяхъ воинской дисциплины. Наказанія, назначаемыя перечисленными статьями закона кажутся самымъ военнымъ начальникамъ чрезъ-чуръ суровыми. Изъ множества извѣстныхъ намъ, въ этомъ родѣ, фактовъ, остановимъ вниманіе читателей на слѣдующихъ:

Солдаты, 20 лѣтъ, прослуживъ годъ съ небольшимъ—былъ назначенъ конвоировать арестантовъ, причемъ одинъ, на бѣду, оказался его землякомъ. Они поговорили о родныхъ, о знакомыхъ, старая дружба и обѣщаніе давали конвойному увѣренность, что землякъ не погубитъ его и потому онъ стерегъ его безъ требующейся бдительности, но тотъ, воспользовавшись довѣріемъ товарища—убѣжалъ дорогою и за это конвойный пришелъ въ исправительную роту на 2 года.

Однажды осенью, вечеромъ, солдатъ былъ на часахъ, на дворѣ тюрьмы. Дождь шелъ проливной, вѣтеръ дулъ сильный, на дворѣ была темнота непроницаемая: фонари не висѣло. Въ эту-то непогоду, когда часовой стоялъ въ будкѣ, одинъ изъ арестантовъ ухитрился влезть, на стоявшую возлѣ стѣны, бочку, а съ нея на низенькую крышу зданія, откуда и ушелъ; за это часоваго отдали подъ судъ за упускъ арестанта и осудили на 3 года въ роту *).

Унтеръ-офицеръ былъ старшимъ въ тюрьмѣ конвойнымъ, и, въ противность § 98, 100—103 воинскаго устава о службѣ въ гарнизонѣ—позволилъ отлучиться, на нѣкоторое время, изъ тюрьмы, *палачу*; дѣло обнаружилось и виновный сосланъ въ исправительную роту, хотя палачи вездѣ, какъ извѣстно, считаются, скорѣе въ числѣ служителей, нежели арестантовъ тюрьмы.

*) Случай этотъ былъ при насъ въ одномъ городѣ, и мы въ тотъ самый вечеръ, лично были въ тюрьмѣ.

Почти всѣ преступленія разсматриваются судомъ съ двухъ сторонъ: совершено-ли оно умышленно, или неумышленно; въ случаѣ признанія умысла — мѣра наказанія усиливается, а при убѣжденіи въ неумышленности — наказаніе облегчается. Этотъ совершенно правильный взглядъ, проведенъ во всѣ законѣ: по степени вины — отвѣтственность. Что конвойные, упустившіе арестантовъ виновны въ нарушеніи правилъ караульной службы — противъ этого мы и не думаемъ спорить; насъ занимаетъ совершенно другой вопросъ: какое отношеніе имѣетъ *поведеніе* конвойнаго къ данному событію? Если дознано, что конвойный бывалъ *прежде* замѣченъ, положимъ, пьянымъ и будучи, потомъ, въ нетрезвомъ же видѣ, упустилъ арестанта, то онъ дѣйствительно можетъ быть признанъ чело-вѣкомъ *дурнаго поведенія* и достойнымъ *исправленія*, т. е. ссылки въ роту. Но вѣдь циркулярнымъ предписаніемъ Главнаго Штаба 1867 г. № 13, начальники обязаны «назначать для присмотра и сопровожденія арестантовъ людей, *поведеніемъ непорочныхъ* и *благонадежныхъ*»; слѣдовательно солдатъ, бывший до случившагося съ нимъ несчастія — безупречнаго поведенія — долженъ считаться впавшимъ въ преступленіе вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, а нравственность его тутъ ни при чемъ. Если же такъ, — то въ подобныхъ случаяхъ исправлять собственно *поведеніе*, нѣтъ, очевидно, надобности. Намъ могутъ сказать, что такіе конвойные и караются легче — по 159 ст., — но въ такомъ случаѣ надо помнить, что примѣчаніе къ 160 ст. считаетъ *особыми* обязанностями караульной службы такія обязанности, для исполненія которыхъ учрежденъ карауль, а какъ карауль существуетъ для наблюденія, чтобы арестанты *не убыли*, — то рѣшеніями главнаго военнаго суда (1870 г. № 180, 1871 г. №№ 37, 48, 51 и 57) и разъяснено, что «если вслѣдствіе нарушенія *особыхъ* обязанностей караульной службы будетъ

любым арестанта, то слѣдуетъ *возвысить* на 1 или на 2 степени *высшую* мѣру *строжайшаго* наказанія, изъ числа опредѣленнаго въ 159 — 161 ст. и затѣмъ уже это наказаніе можно, при уменьшающихъ вину обстоятельствахъ,—понизить на 1 или на 2 степени», т. е. проще говоря—буде конвойный упуститъ арестанта, — ему никоимъ образомъ не мнновать исправительной роты. Потомъ, по прибытіи въ роты, поименованной категоріи люди поступаютъ въ общую семью арестантовъ, содержащихся тамъ за воровство, за непробудное пьянство, за подлоги, мошенничества и проч., вполнѣ ужъ *безправственныя* дѣянія. Находясь въ этой средѣ, новоприбывшіе становятся невольными зрителями товарищескихъ ухищреній, слушателями ихъ разсказовъ, отчего въ однихъ, легкомысленныхъ—постепенно умалются честныя ихъ качества, а другіе, впечатлительныя — впадаютъ въ уныніе, чахотку и умираютъ преждевременно *). Этотъ двоякаго рода грустный исходъ бываетъ съ большинствомъ осужденныхъ за упускъ арестантовъ, по свидѣтельству почти всѣхъ ихъ благомыслящихъ начальниковъ.

Въ ротахъ есть также много арестантовъ, осужденныхъ, по 111 ст. воинскаго устава, за оскорбленія унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ, но чрезвычайно рѣдко за тѣ же преступленія противъ фельдфебелей: послѣдніе держатся на далекомъ разстояніи отъ простыхъ солдатъ, живутъ въ *отдѣльнѣ*, отъ нихъ коморвахъ и потому избегаютъ отъ оскорбленій. Преступленія эти совершаются преимущественно въ казармѣ, либо въ трактирахъ и другихъ публичныхъ заведеніяхъ. Причины, вызывающія таковыя, подробно объяснены

*) Такъ, въ Ригѣ былъ арестантъ Горбачевъ, который кончилъ жизнь послѣ 4½ мѣсяцевъ пребыванія въ ротѣ.

нами выше, а потому, не желая повторяться, — дополнимъ ихъ комментаріями къ означенной 111 ст. Комментарія эти заключаются въ слѣдующемъ: „Начальствующія лица изъ нижнихъ чиновъ, т. е. унтеръ-офицеры, выходятъ изъ солдатской же среды и живутъ вмѣстѣ съ ними; тѣхъ и другихъ связываютъ общіе интересы, которые могутъ ихъ ставить, и дѣйствительно ставить, — во враждебное другъ къ другу положеніе, даже и независимо отъ служебныхъ отношеній, но не безъ вліянія на эти отношенія“. „Все это (развиваютъ свою мысль комментаторы) при недостаткѣ образованія между нижними чинами вынуждаетъ быть *снисходительнѣе* къ нимъ, при опредѣленіи наказаній за нарушеніе *простыми* солдатами чинопочтанія относительно унтеръ-офицеровъ“.

Опираясь на эти, вполне справедливыя комментаріи, не трудно низвести рассматриваемое преступленіе на степень *проступка*, достойнаго только дисциплинарнаго взыскація, — но мы отказываемся отъ этого именно ради охраненія дисциплины, а ограничимся заявленіемъ, что далеко не всѣхъ подобныхъ преступниковъ слѣдовало бы сослать въ исправительныя роты, для улучшенія ихъ поведенія, какъ вслѣдствіе вышесказаннаго, касательно поведенія солдатъ, упустившихъ арестантовъ, такъ и потому, что эти прискорбные случаи происходятъ чаще всего экспромптомъ, среди общей пирушки, при дѣлежѣ какихъ нибудь казенныхъ вещей, денегъ, въ пылу охмѣленія, запальчивости, раздраженія.

Сюда же слѣдуетъ причислить и нижнихъ чиновъ, осужденныхъ за превышеніе власти (147 ст. воинскаго устава). Фельдфебель, прослуживъ 11 лѣтъ, отпустилъ на нѣкоторое время на работы, новобранца, за вознагражденіе, которое подѣлилъ со своимъ начальникомъ; за это онъ отправленъ въ роту на 4 года. Если бы онъ былъ *дурнаго* поведенія, то, разумѣется, не былъ бы вплоть до осужденія фельдфебе-

лемъ, а гораздо раньше былъ бы смѣщенъ въ унтеръ-офицеры, потому разжалованъ въ рядовые; но такъ какъ ничего подобнаго съ нимъ *современно* не случалось, то собственно *поведеніе* его не имѣетъ, кажется, ничего общаго со сдѣланнымъ имъ преступленіемъ и въ ротѣ налегать на его нравственность мало смысла *).

И такъ, дезертиры старики, причинившіе себѣ болѣзни, увѣчья, ради избавленія отъ службы; солдаты, упустившіе арестантовъ; оскорбившіе унтеръ-офицеровъ и злоупотребившіе предоставленною имъ властью,—все эти люди подлежатъ, какъ мы старались доказать, *не нравственному исправленію, а карательному взысканію*; достаточною же, въ этомъ смыслѣ, карою многіе дѣльные, просвѣщенные начальники, признають: а) для дезертировъ-стариковъ — поселеніе въ отдаленныхъ, пустынныхъ окраинахъ Россіи; б) для упустившихъ, по несчастному стеченію обстоятельствъ, арестантовъ; для оскорбителей унтеръ-офицеровъ, ефрейторовъ и временныхъ старшихъ рядовыхъ, а равно и для уклоняющихся отъ службы—отдаленіе срока выхода въ безсрочный отпускъ, въ отставку, съ переводомъ въ нестроевыя, госпитальныя, провіантскія, комисаріатскія, инженерныя, артиллерійскія и имъ подобныя команды, въ которыхъ они и съ физическими недостатками могутъ продолжать службу съ успѣхомъ. Самую прибавку срока слѣдовало бы соразмѣрить съ тѣмъ періодомъ, какой нынѣ положенъ военскимъ уставомъ для пребыванія арестантовъ этого рода въ исправительныхъ ротахъ. Наконецъ в) идіотовъ, какъ не отвѣчающихъ *никакимъ условіямъ* службы, исключать въ неспособные и тѣмъ самымъ избавить какъ ихъ отъ напрасныхъ страданій, до которыхъ они до-

*) Такой именно арестантъ былъ въ Ригѣ.

ведены невольно, такъ и казну отъ лишнихъ, непроезводительныхъ расходовъ на ихъ содержаніе въ строю или въ ротахъ.

Впрочемъ, ежели предлагаемая нами, съ общаго голоса, мѣра покажется слишкомъ либеральною — то можно обратить нѣсколько ротъ (напр. Бобруйскую, гдѣ житье арестантовъ тяжелѣе, нежели въ прочихъ ротахъ) въ *карательная* учрежденія, для содержанія людей, виновныхъ въ преступленіяхъ исключительно *противъ* военной дисциплины.

Прекративъ тѣмъ или другимъ способомъ ссылку въ исправительныя роты людей, тамъ неумѣстныхъ — можно будетъ передавать туда для *нравственной* исправленія остальныхъ, дѣйствительно позорящихъ свое званіе безчестными, безнравственными преступленіями. Тогда, съ значительнымъ уменьшеніемъ численности арестантовъ въ ротахъ получится полная возможность психологически изучать слабыя стороны ихъ характеровъ и дѣйствовать на нихъ сознательными мѣрами, принятыми во всѣхъ государствахъ, гдѣ плодотворные результаты пенитенціарной науки достаточно ужъ проявились, окрѣпи въ общественномъ мнѣніи, которое является самымъ непристрастнымъ судьей гуманныхъ реформъ.

IV.

Говоря о пенитенціарной наукѣ, нельзя не замѣтить, что провести ее безошибочнымъ путемъ въ жизнь могутъ только люди, ясно понимающіе ее, искренно преданные ей, этой важной наукѣ. Отсюда рождается вопросъ: каковъ же въ ротахъ персоналъ начальства — исправителей? Исправители эти, за рѣдкими исключеніями (см. 262 стр.) не удовлетворяли своему назначенію, отвѣтимъ мы словами официальныхъ документовъ, которымъ Военное Министерство повѣрило на

столько, что стало уже подыскивать другихъ лицъ. Отчето же, однако, это случилось? спросая читателя, неужели въ вашей арміи нельзя было отыскать 60 — 80 подходящихъ офицеровъ или чиновниковъ, *) для такого новаго дѣла? Да, не нашлось; но это произошло по естественнымъ, впрочемъ, причинамъ. Во первыхъ людей, чувствовавшихъ въ себѣ призваніе служить правительству и обществу въ качествѣ искоренителей человѣческихъ пороковъ не приглашали, а сами они на этотъ трудъ не напрашивались, потому что дорога казалась имъ скользкою: роты подчинены многимъ инстанціямъ и лицамъ, располагающимъ правомъ распоряжаться въ нихъ безусловно; отсюда значить о самостоятельности дѣйствій не могло быть и рѣчи. Во вторыхъ ротныя должности и матеріально не обезпечивали безбѣднаго существованія съ семействами, даже въ провинціальныхъ городахъ, да и не удовлетворяли ничьего тщеславія. Оттого роты и поступили въ вѣдѣніе людей, или не симпатизировавшихъ реформѣ, или не могшихъ дать себѣ отчета о томъ, чего именно отъ нихъ требуютъ.

Впрочемъ, чтобы читателямъ показать внутренній смыслъ сказаннаго и согласить ихъ съ нашимъ мнѣніемъ по сему предмету, — разберемъ, по порядку, положеніе ротнаго начальства и потомъ сдѣлаемъ соответствующіе выводы.

Содержаніе положено было по временному штату въ ротяхъ, наибольшихъ по составу: начальнику—1,650 р., помощникамъ: старшему если капитанъ — 700 р. 20 к., младшему поручику—468 р., кромѣ квартиръ или квартирныхъ денегъ: первому—285 р. 70 к., второму—171 р. 72 к., а послѣднему

*) По нормальному штату и чиновники допускаются къ должностямъ начальниковъ ротъ и ихъ помощниковъ.

114 р. 28 в. въ годъ. Средства, очевидно, малыя. Потому, въ арміи производятъ офицеровъ, въ слѣдующіе чины, по вакансіямъ, вслѣдствіе частаго открытія которыхъ поручикъ, чрезъ 10 лѣтъ, непременно будетъ маіоромъ, а по этому чину *) можетъ сдѣлаться командиромъ отдѣльной части. Въ исправительныхъ же ротахъ линейнаго производства все нѣтъ, отличиться нечѣмъ, — а потому поручикъ чрезъ то, что въ годъ полагается на роту одна только награда, а начальства минимумъ 6 человекъ, — чрезъ 10 лѣтъ врядъ ли попадетъ и въ капитаны. Наконецъ полныя: пенсія — за 35 лѣтъ и эмеритура за 10-ти-лѣтніе взносы маіора превышаютъ таковую же капитанскую на 87 р. въ годъ, слѣдовательно и тутъ убыточно. Правда, офицерамъ исправительныхъ ротъ считается 3 года за 5 лѣтъ службы, но вѣдь за эту привиллегію на нихъ возлагается столько обязанностей по закону и долгу человеколюбія, что при аккуратномъ исполненіи ихъ имъ некогда будетъ даже и выспаться. Мало того, начальствующимъ въ ротахъ лицамъ приходится ежедневно, ежеминутно видѣть недовольныя фізіономіи, остерегаться какъ бы кто не пирнулъ ножомъ въ бокъ и т. п. Вотъ настоящее положеніе офицеровъ по временному штату; по нормальному же, который введенъ въ дѣйствіе съ 1873 года въ 5 ротахъ: (Кронштадтской, Рижской, Динабургской, Новогеоргиевской и Брестъ-Литовской) получаютъ: начальники — до 2,500 руб., а помощники до 1,260 р., за то трудъ ихъ значительно увеличился отъ сокращенія числа офицеровъ въ ротахъ.

Ротное начальство состоитъ въ зависимости отъ главнаго

*) Въ военномъ вѣдомствѣ безъ соответствующаго классу должности чина нельзя получить и должности, по фронтальной части.

военно-тюремнаго комитета, Главнаго Штаба, командующихъ войсками, начальниковъ мѣстныхъ войскъ округовъ; въ крѣпостяхъ—комендантовъ, въ городахъ—губернскихъ воинскихъ начальниковъ, мѣстныхъ временныхъ военно-тюремныхъ, ревизіонныхъ комитетовъ и наконецъ (по отчетности) отъ контрольныхъ палатъ. Всѣ поименованныя мѣста и лица располагаютъ бѣльшимъ или меньшимъ вліяніемъ на ходъ дѣла, на личный составъ, который оттого долженъ стараться *всѣмъ угодить*. При такой обстановкѣ люди хорошо развитые, способные, на которыхъ вездѣ большой спросъ,—врядъ ли, понятно, стануть домогаться должностей въ ротахъ.

На основаніи всего сказаннаго и внимательнаго изученія дѣла, намъ кажется, что для того, чтобы начальствующіе въ ротахъ дѣйствительно отвѣчали всѣмъ условіямъ, необходимо: а) увеличить содержаніе офицеровъ на столько, чтобы самый младшій чиновъ получалъ не менѣе 1,500 р. въ годъ; б) производить ихъ въ слѣдующіе чины, по аналогіи съ гражданскими чиновниками, чрезъ 3 и 4 года, какъ это сдѣлано для офицеровъ, служащихъ въ штатѣ С.-Петербургской Городской Полиціи; в) привлечь въ роты и гражданскихъ чиновниковъ, стараясь смѣшивать ихъ съ офицерами, дабы сдерживали другъ друга, дабы одни пополняли знанія другихъ; г) *прямо* на должности *никоимъ* не назначать, если они не заявили себя ничѣмъ выдающимся на *этомъ именно поприщѣ*, а для подробнаго изученія ими дѣла, для узнанія степени ихъ расположенія къ нему и терпѣливости—образовать одну роту изъ 100 арестантовъ, а весь персоналъ изъ людей вполнѣ опытныхъ, и къ этой ротѣ прикомандировать желающихъ служить по тюремному вѣдомству, вмѣнивъ имъ въ непремѣнную обязанность вести *подробные* дневники своимъ наблюденіямъ, вынесеннымъ изъ сношеній съ арестантами, а равно о мѣрахъ, какія оказались хоро-

ними для искорененія въ нихъ пороковъ; затѣмъ ежеднѣвно разсматривать эти дневники въ ротномъ комитетѣ, въ присутствіи всего персонала, а по истеченіи полугода подвергать претендентовъ *публично, въ присутствіи постороннихъ лицъ* экзамену и по одобреніи $\frac{2}{3}$ членовъ комитета—назначать ихъ на должности, причемъ о вакансіяхъ сосредоточить свѣдѣнія какъ въ этой ротѣ, такъ и въ главномъ Тюремномъ Комитетѣ. Словомъ, необходимо готовить людей заблаговременно къ должностямъ, какъ это дѣлается не только во многихъ заграничныхъ тюрьмахъ, — но и въ «Петербургской Земледѣльческой колоніи и ремесленномъ пріютѣ для малолѣтнихъ преступниковъ».

Арестантовъ въ каждой изъ ротъ, раздѣленныхъ на 3 разряда, множество (700, 400 и 200 чел.). Полагаютъ, что тщательное изученіе ихъ прошлой и настоящей жизни, угаданію и введенію мѣръ къ ихъ нравственному и умственному исправленію нельзя возложить лишь на 3-хъ—6-ти офицеровъ*); поэтому ближайшими ихъ помощниками являются унтеръ-офицеры. Хотя начальникамъ ротъ, и будетъ, какъ говорятъ, скоро разрѣшено нанимать хорошихъ, т. е. грамотныхъ и добросовѣстныхъ отставныхъ и безсрочныхъ солдатъ, но во 1-хъ, содержаніе ихъ не превыситъ 200 р., а такую сумму получаютъ сторожа любого присутственнаго мѣста центральныхъ городовъ; въ столицахъ же городовые, надзиратели, вахтеры, швейцары и т. п. (все это отставные и безсрочные солдаты) имѣютъ до 300 р. и болѣе въ годъ, слѣдовательно поступать въ исправители арестантовъ едва ли найдется много охотниковъ, тѣмъ болѣе, что имъ и самимъ придется

*) И въ англійскихъ, и въ швейцарскихъ тюрьмахъ персоналъ чутил не на половину меньше нашихъ.

подчиниться самымъ строгимъ условіямъ дисциплины, не-
приятной для свободныхъ людей.

Оттого громадное большинство исправителей придется
замѣщать, по-прежнему, унтеръ-офицерами, *обязанности* слу-
жить тамъ, гдѣ прикажутъ. Далѣе, выборъ унтеръ-офице-
ровъ предоставленъ, 30 ст. положенія о ротяхъ,—ихъ на-
чальникамъ, изъ войскъ того округа, въ районѣ котораго
расположена рота, а назначаются они—начальникомъ мѣст-
ныхъ войскъ. Поверхностно разсуждая, все это кажется
чрезвычайно удобно, просто: повидимому, стоитъ только
собрать справки о лучшихъ унтеръ-офицерахъ любого полка,
и они явятся къ услугамъ. Совершенно противоположное
говоритъ практика, отрицающая силу 30 ст.: во 1-хъ, на-
чальникъ роты, прежде неслужившій въ данной мѣст-
ности,—не можетъ *лично* знать никакихъ унтеръ-офицеровъ;
значитъ, выборъ ужъ затрудненъ; во 2-хъ, осведомившись,
чрезъ кого нибудь, о томъ, что въ такомъ-то полку есть
отличный унтеръ-офицеръ Петровъ, онъ, начальникъ, вой-
детъ съ представленіемъ о назначеніи его къ начальнику
мѣстныхъ войскъ; тотъ снесется съ полковымъ командиромъ,
а послѣдній, если свѣдѣнія вѣрны—отвѣтитъ, что Петровъ
первый кандидатъ въ фельдфебели, или завѣдываетъ отдѣль-
ною частью, которую нельзя тотчасъ передать другому, или
болѣнъ, или изъ лучшихъ по грамотѣ учителей полка (та-
ковы постоянно бываютъ отзывы) и т. п. Словомъ, переводъ
Петрова не можетъ состояться единственно потому, что хо-
рошіе унтеръ-офицеры строевымъ ротамъ, баталіонамъ, пол-
камъ самымъ нужны. Когда же полкамъ даются приказанія
назначить въ роту по 2, положимъ, унтеръ-офицера, не
поименоывая кого именно, то жребій падаетъ на больныхъ,
неспособныхъ къ фронту унтеръ-офицеровъ, либо отбираютъ
такихъ рядовыхъ, которыхъ не жаль, производить ихъ въ

унтеръ-офицеры и посылають въ роты, гдѣ съ ними никакого ладу нѣтъ, гдѣ за ними самими нуженъ весьма бдительный надзоръ.

Такъ какъ настоящимъ порядкомъ немислимо достать соответствующихъ унтеръ-офицеровъ, то является надобность замѣнить его другимъ способомъ комплектованія ротъ, а таковымъ представляется, безспорно, особая школа при той же ротѣ, гдѣ будутъ учиться тюрмовѣдѣнію офицеры. Организовать эту школу легко, слѣдующимъ образомъ. Изъ важдаго военного округа послать по 6—8 молодыхъ, расторопныхъ унтеръ-офицеровъ или рядовыхъ въ школу и учить ихъ въ ней въ теченіи года: религіозно-нравственнымъ предметамъ, грамотѣ; знакомить ихъ съ сущностью законовъ, до исправительныхъ ротъ относящихся, съ манерою непристрастнаго наблюденія за арестантами; съ достоинствами разныхъ ремеслъ и т. п. По минованіи года слѣдуетъ тщательно экзаменовать ихъ, и тѣхъ, которые будутъ признаны усовершенствовавшимися и чувствующими въ себѣ призваніе къ тюремной службѣ—разсылать по ротамъ; тѣхъ, которые этого не пожелаютъ,—отправлять обратно въ полки, а въ школу собрать новыхъ и дальше поступать тѣмъ же порядкомъ. Главнѣе всего сохранить за ними полную *свободу* выбора, ибо совать людей въ роты, противъ ихъ согласія, несообразно съ тою пользою, которая отъ нихъ ожидается. Учить ихъ могутъ прикомандированные офицеры, подъ руководствомъ кадровыхъ офицеровъ. Совведеніемъ общей воинской повинности и уменьшеніемъ, по сему, сроковъ обязательной службы придется поставить школу еще выше, чтобы нашлись охотники поступить въ нее изъ свободныхъ людей. Подобная школа, существующая въ Рейхсгаузѣ, при Суровомъ Домѣ, близъ Гамбурга, снабжаетъ ежегодно многія тюрьмы прекрасными приставниками. Затѣмъ, дальнѣй-

шее комплектованіе ротъ офицерами и унтеръ-офицерами, со стороны, необходимо разъ навсегда *воспретить*, а назначенія изъ числа прикомандированныхъ и школы сосредоточить въ Главномъ Тюремномъ Комитетѣ. Само собою разумѣется, что если предлагаемая нами реформа будетъ одобрена, то сообразно сему придется исправить редакцію 10, 16 и 30 ст. Положенія о ротахъ.

V.

Обращаясь къ порядку содержанія арестантовъ въ ротахъ, остановимся на предписаніи 63 ст. положенія о группировкѣ арестантовъ въ ротныхъ *отдѣленіяхъ* сообразно «знанію ими одинаковыхъ *мастерствъ*». Работать люди должны *всегда* подъ надзоромъ особыхъ унтеръ-офицеровъ; слѣдовательно въ это время, при запрещеніи 92 и 113 ст. *говорить*, имъ ничего другъ-другу не удастся сообщить; самая же интимная ихъ жизнь происходитъ ночью. Тогда-то сосѣди по нарамъ, по карцерамъ, по коморкамъ (состоящимъ изъ досчатыхъ стѣнокъ), знакомятся между собою, т. е. передаютъ: какъ кто прежде служилъ, что творилъ, какое преступленіе привело кого въ заключеніе и т. п. Разказами изъ чуждой для каждаго изъ нихъ сферы—воспламеняется ихъ чуткое ко всему, выходящему изъ обычнаго уровня, воображеніе, и тѣмъ самымъ во 1-хъ они отвлекаются отъ настоящаго ихъ положенія, а во 2-хъ въ лицахъ, заключенныхъ въ роты за малыя преступленія возбуждается, нерѣдко, сожалѣніе, о томъ, отчего и они не надѣлали такихъ большихъ бѣдъ, за которыя ужъ «стоило бы, по крайности, хоть отдуваться». Неоспоримость сказаннаго приводитъ къ заключенію, что редакцію 63 ст. слѣдуетъ измѣнить въ

томъ смыслѣ, чтобы арестанты были размѣщаемы въ отдѣленіяхъ, какъ въ гражданскихъ тюрьмахъ, по *категоріямъ преступленій*, дабы осужденный за воровство не спалъ рядомъ съ пропившимъ казенную вещь, убійца (горцы) съ пришедшимъ за пьянство, совершившій подлогъ съ бѣжавшимъ изъ полка и т. п., отчего устранится вредное вліяніе дурнаго сообщества.

Коморки для ночныхъ разъединеній препятствуютъ развитію среди арестантовъ педерастіи, но устраняемое этимъ способомъ одно зло—порождаетъ другое, еще худшее, именно онанизмъ, которому люди, *запертые врознь* въ неосвящаемыхъ коморкахъ, свободно предаются, истощая себя до идиотизма. Правда, совершенно остановить физиологическія отправления человѣческаго организма нельзя; и потому какія бы, въ этомъ отношеніи, мѣры ни были приняты противъ заключенныхъ,—если ихъ природа нуждается въ извѣстномъ актѣ—они всегда найдутъ суррогатъ. Тѣмъ не менѣе педерастію, при спаньѣ на общихъ нарахъ, гораздо удобнѣе предупредить и преслѣдовать, нежели онанизмъ: во 1-хъ камеры освѣщаются, дежурный ходитъ взадъ и впередъ и зоркій глазъ его непремѣнно замѣтитъ всякое движеніе арестантовъ; во 2-хъ легко мѣнять *совокупно* постели людей, т. е., чтобы никто заблаговременно не зналъ, гдѣ именно ляжетъ онъ спать. Если же ни у кого не будетъ *постоянныхъ* сосѣдей, то и порокъ значительно уменьшится. Потому, изолированное состояніе арестантовъ при коморкахъ отражается на нихъ неблагопріятно по возвращеніи въ полкъ, гдѣ солдаты спятъ большею частію на общихъ нарахъ; привыкнувъ въ ротахъ въ собственной коморкѣ, бывшіе арестанты тяготятся перемѣною, съ которою имъ приходится свѣтаться. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе начальники и медки, причемъ послѣдніе считаютъ онанизмъ раз-

рушительнѣйшимъ, для здоровья заключенныхъ обстоятельствомъ. Посему коморки, не смотря на ихъ стоимость, не совсѣмъ оправдываютъ предполагавшуюся отъ нихъ практическую пользу.

Спать арестанты, какъ читатели помнятъ, на соломенникахъ, въ падець толщины и полъ аршина ширины; соломенники дѣлаются изъ ровно подстриженной соломы и переметаются поперегъ, веревочками, чтобы солома не разсыпалась. Соломенники эти могутъ служить не болѣе, какъ по полугоду: веревочки перетираютъ солому, которая производитъ пыль, сорится, разсыпается. Когда солома обомнется отъ веревочекъ дѣлаются, у лежащихъ на нихъ, рубцы на бокахъ. Поэтому и дѣлесообразнѣе и выгоднѣе было бы, кажется, устроить точно такія же постели—гамаки, какія во французскихъ невинтенціарныхъ и въ Варшавской уголовной тюрьмахъ.

Сколочены 4 круглыя, толстыя палы, посреди которыхъ оставлено пустое мѣсто въ ростъ человѣка; къ палкамъ прикрѣпляется веревками, на кольцахъ, грубый холстъ, чрезъ выметанныя, въ 4-хъ концахъ, круглыя дырочки, человѣкъ ложится на натянутый холстъ—въ люльку. На этомъ холстѣ и мягко спать, и не нужно постилать простыни, а также нечего опасаться появленія ни насѣкомыхъ, ни пыли, ни сора, производимаго растирающагося соломою; на открытомъ, для всѣхъ, холстѣ нельзя ничего спрятать, какъ это можно въ соломенникѣ. Когда холстъ загрязнится, то стоитъ только отвязать его съ колець и замѣнить другимъ; старый же вымывается, точно простыня. Холстъ можетъ служить 2 года, иногда и больше, а смоленныя веревки по 5—7 лѣтъ безъ всякаго ремонта. Постели эти можно дѣлать и висячія, какъ въ корабельныхъ каютахъ.

Уборка комнатъ, карцеровъ, лѣстницъ, отхожихъ мѣстъ,

дворовъ, разноски дровъ, воды, прислуживаніе въ кухню и т. под. черныя работы, все это составляло, во всѣхъ ротѣхъ, специальность избранныхъ для того арестантовъ, которые освобождались отъ всякихъ другихъ занятій. Такихъ *постоянныхъ* уборщиковъ бываетъ въ ротѣхъ отъ 30 до 100 человекъ, изъятыхъ отъ умственного и нравственнаго исправленія, ради котораго они очутились въ ротѣхъ. Впрочемъ, въ Брестской и Новогеоргіевской ротѣхъ въ уборщики назначались люди старыя, либо неспособныя къ грамотѣ; тутъ былъ, значить, смыслъ освобожденія ихъ отъ прочихъ дѣлъ; за то въ Динабургской, напр., ротѣ въ уборщики выбирались нарочно молодые, крѣпкіе здоровьемъ люди, которые такимъ образомъ выходили изъ роты ни чему не назначенными, чѣмъ протѣяворѣчить 12 ст. положенія. Что же касается остальныхъ арестантовъ, то они къ черной работѣ не прикасались, оставаясь все время пребыванія въ ротѣхъ бѣлоручками, а это не соответствовало ихъ будущности: въ полкахъ на черныя работы наряжаются по очереди, *естъ*, безъ различія, простые рядовые. Оттого человекъ, проведеній въ ротѣ 2—3 года, напр. за верстакомъ, по прибытіи въ полкъ, чувствовалъ, понятную, безгласность къ грязной работѣ, отъ которой многіе изъ нихъ старались отлынивать всѣми неправдами, за что подвергались неизбѣжнымъ взысканіямъ. Доводы эти, неоспоримо, полагаемъ, вызываютъ потребность возстановить точный смыслъ 67 и 108 ст. положенія, чтобы *естъ*, кромѣ учителей грамотности, и въ ротѣхъ *занимались, по-очередно*, хозяйственными работами и не отставали отъ товарищей въ умственномъ и ремесленномъ развитіи, служащихъ, по 113 ст., «средствомъ исправленія ихъ нравственности.»

Приученіе людей, въ ротѣхъ, къ опрятности дѣла, разумѣется, хорошее, но изысканная чистота (напр. лощеные

подокошники, ватерклозеты) опять-таки не сообразна съ положеніемъ, предстоящимъ людямъ въ полкахъ, гдѣ ничего этого нѣтъ и гдѣ они съ грустью вспоминають о прежнихъ удобствахъ, здѣсь не обрѣтаемыхъ. Полагаемъ, что арестантовъ должна окружать такая же точно обстановка, какая существуетъ въ полкахъ, съ тѣмъ, чтобы она имѣла самый аккуратный видъ, принаровленный къ ихъ быту.

Человѣкъ прилично одѣтый всегда развязнѣе, спокойнѣе встрѣчается съ другимъ: онъ знаетъ, что на него не взглянуть съ кислою гримасою. Напротивъ: одѣтый въ лохмотьяхъ всегда представляется униженнымъ, унылымъ: его тяготитъ высокомѣрный взглядъ встрѣчнаго, котораго отталкиваетъ отъ него его рубище. Тоже самое, по аналогіи, испытываютъ арестанты, по сравненію ихъ съ солдатами. Сѣрые куртки, шапки на нихъ—составляютъ униженіе ихъ нравственнаго чувства. Мало того: куртки вредны и для здоровья: человѣка посадили въ карцеръ, гдѣ одѣяла не полагается, и ему не чѣмъ накрываться ночью. Намъ замѣтить, что это и есть часть наложеннаго на него взысканія. Да, это вѣрно; но вѣдь и наказаніе ссылкой въ роты не должно отражаться дурно на здоровьѣ человѣка: его наказываютъ ради исправленія, а не для того, чтобы онъ захворалъ отъ него, какъ это бывало въ дѣйствительности, когда онъ попадалъ, напр. по 64 ст. на 3—5 мѣсяцевъ въ сырой и по большей части холодный карцеръ и вслѣдствіе немѣнія одѣяла схватывалъ горячку, или лихорадку, тогда какъ еслибъ у него была шинель, или куртка—онъ бы предохранили его отъ болѣзни. Далѣе, изъ-подъ куртки, при работахъ, постоянно выбивается рубашка; когда человѣкъ, работая на холоду—наклонится, то куртка поднимается, ему въ спину проникаетъ вѣтеръ, морозъ, а ежели онъ, кто-мужъ, еще вспотѣлъ, то не трудно простудить позвоночный

столбъ, приобрести ревматизмъ. Въ нѣкоторыхъ ротяхъ многіе арестанты при насъ еще носили куртки и шапки съ позорными тузами, несмотря на то, что 15 ноября 1868 г. состоялось рѣшеніе Главнаго Тюремнаго Комитета объ отъѣніи позорныхъ знаковъ на одеждѣ арестантовъ исправительныхъ ротъ. Званіе казенныхъ деньщиковъ въ 1871 г. упразднено, а потому, чтобы отличить арестантовъ отъ солдатъ было бы лучше присвоить имъ деньщицью форму, или форму гражданскихъ арестантовъ, напр. петербургскихъ.

Солдатамъ полагаются сапоги съ длинными голенищами, а арестантамъ коньки, т. е. почти башмаги, которые тоже вредны для здоровья, по отзывамъ компетентныхъ въ этомъ отношеніи медиковъ (см. 346 стр.). А коль скоро доводи специалистовъ основательны, то желательно, чтобы арестантамъ давали такіе полусапоги, какіе *прежде* носили солдаты.

Положеніемъ Главнаго Тюремнаго Комитета отъ 12 февраля 1871 г. постановлено: хлѣбъ арестантамъ ѣсть *безъ тѣса*. Это положеніе исполнялось на мѣстахъ различно. Въ одной ротѣ арестанты получали, въ руки, утромъ, по 3 ф. *на цѣлый день*, причемъ начальство считало, что это и означаетъ «безъ тѣса». Въ другой ротѣ ефрейторамъ изъ арестантовъ отпускали, на завѣдываемые ими десятки: по $\frac{1}{2}$ ф. — на завтракъ, по $1\frac{1}{2}$ ф. — на обѣдъ и по 1 ф. — на ужинъ на человѣка, предоставляя людямъ ѣсть изъ этого общаго количества хлѣба каждый разъ столько кто хотѣлъ. Въ третьей ротѣ отъ положенныхъ 3 ф. отдѣляли по $\frac{1}{2}$ ф. съ человѣка въ экономію, а остальные $2\frac{1}{2}$ ф. раздавали, и т. д. Въ одной только Брестской ротѣ дѣлежъ хлѣба производился совершенно правильно: дневная, на всѣхъ, порція хлѣба откладывалась въ сторону, рѣзалась на ломти и изъ нея люди ѣли *волю* въ завтракъ, обѣдъ и ужинъ, въ столовой, и, несмотря на это все-таки была экономія:

портные, напр., съѣдали не болѣе 2 ф., а кузнецы — по 3, даже по 3½ ф., а такъ какъ послѣднихъ сравнительно съ первыми немного, то всѣ были сыты, да еще оставалась, повторяемъ, экономія. Точно также сидѣвшіе въ карцерахъ въ однихъ ротахъ получали къ ужину горячую пищу, а въ другихъ нѣтъ, потому что въ 79 и 80 ст. положенія, а равно 58 ст. положенія о военныхъ тюрьмахъ (на послѣднюю сдѣлана ссылка въ первой) ничего не упоминается про ужинъ. П. 3 ст. 79 предоставляетъ арестантамъ пить квасъ; но всегда ли, или только періодически—3 п. 79 ст. не разъясняетъ; оттого на практикѣ этотъ пунктъ исполнялся широко лишь въ Брестской ротѣ, гдѣ арестанты постоянно пили квасъ; въ остальныхъ же квасомъ арестанты пользовались гдѣ 5, гдѣ 3, а гдѣ лишь два постныхъ дня въ недѣлю. Поэтому полезно разъяснить ротамъ: а) что выдача хлѣба безъ вѣса означаетъ пріемъ, принятый въ брестской ротѣ; б) что ко~~м~~ скоро, въ 79 и 80 ст. не сказано, что сидящимъ въ одиночномъ заключеніи и на ужинъ полагается горячая пища, то они лишены права на нее, какъ дѣлается въ той же Брестской ротѣ; в) ежели въ 3 п. 79 ст. прямо выражено, что арестантамъ полагается квасъ, то значитъ, что его слѣдуетъ давать постоянно, безъ различія времени. Здѣсь же добавимъ, встати, что самую пищу слѣдуетъ, какъ въ Брестской ротѣ, разнообразить: однѣ и тѣ же щи, какъ въ нѣкоторыхъ ротахъ варили, слишкомъ скоро приѣдаются.

Постановленіе 74 ст. о посылкѣ арестантовъ въ баню только 2 раза въ мѣсяцъ не позволяетъ содержать людей въ чистотѣ и опрятности Кузнецы, слесаря, сапожники, маляры, въ теченіе одного дня перепачиваются хуже, чѣмъ юртные въ 14 дней; тѣмъ не менѣе имъ дважды въ мѣсяцъ приходится на грязное тѣло надѣвать чистое бѣлье, ходить въ церковь верягами, ибо вымыться можно лишь къ

банѣ. Поэтому не мѣшало бы водить хоть однихъ чернорабочихъ въ баню еженедѣльно; при этомъ возвысить количество денегъ на вѣйки и мыло по-крайней-мѣрѣ до 60 к. на человѣка въ годъ, чтобъ иногда вымывать лицо или руки мыломъ, котораго на послѣдніе случаи вовсе не полагается, а отмыть варъ, краску, сажу одною водою—чрезвычайно мудро. До какой степени арестанты дорожатъ чистотою, видно изъ того, что они нерѣдко ссорятся, дерутся въ банѣ изъ-за куска мыла, которое, при случаѣ, даже воруютъ другъ у друга.

Хотя въ распредѣленіи дневнаго занятія арестантовъ во всѣхъ ротахъ назначается время на фронтовыя и гимнастическія упражненія,—однако на самомъ дѣлѣ эти упражненія очень рѣдко бывали; мало того: въ Динабургской и Бобруйской ротахъ мы не видали даже и гимнастическихъ принадлежностей. Принимая во вниманіе, что арестанты, будучи солдатами, непрерывно находилась на свѣжемъ воздухѣ, въ движеніи, а въ ротахъ лишены того и другаго, необходимо, для соблюденія гигиеническихъ условій, согласно 109 ст., непременно ежедневно учить ихъ фронту или гимнастикѣ, чтобъ они кому жь не забыли этихъ наукъ.

VI.

Правильный, безошибочный взглядъ на арестантскій трудъ тогда лишь установится, когда разрѣшится, главнѣйшій, въ этомъ отношеніи, вопросъ: должна-ли рота считаться простою фабрикою, обладающею надежною машиною въ 1000, 1500 человѣческихъ силъ; или она служитъ домоу покаянія, расадникомъ добродѣтелей? Въ первомъ случаѣ пусть арестанты работаютъ, въ ротѣ, на основаніи 87 ст.,

10 часовъ въ сутки, даже больше, всякаго рода вещи, лишь бы добыть денегъ, много денегъ, ради которыхъ задавайте имъ работу на урокъ, сверхъ урока, словомъ поступайте коммерчески—эксплуатируйте вашу рабочую силу, но за то ужъ не говорите, что вы это дѣлаете для умственнаго и нравственнаго возвышенія той самой силы, которую располагаете. Если же роты, какъ явствуетъ изъ духа положенія о нихъ, должны служить домою покаянія, исправленія испорченныхъ людей, которыхъ, кромѣ нравственнаго исправленія, желательно научить также и ремеслу, какъ средству противъ праздности, и избавить, вполнѣдствіи, отъ матеріальной нужды,—то примите въ руководство совершенно другія правила: ограничьте число рабочихъ часовъ, отмѣните работы *на урокъ* и т. под. Говоря это, мы знаемъ, что идемъ въ разрѣзъ съ порядками, господствующими въ созданныхъ на новыхъ, повидному, началахъ, тюрьмахъ, которыя съ ревностью не по разуму прославлены господами, очарованными мишурнымъ блескомъ повизны. Тюрьмы эти: одна—морскаго и двѣ—гражданскаго вѣдомства; изъ нихъ двѣ въ Петербургѣ, а послѣдняя—въ Москвѣ. Тѣмъ не менѣе мы настаиваемъ на своемъ по причинамъ, признаннымъ уважительными настоящими знатоками тюремовѣдѣнія, въ томъ числѣ Исправительнаго Совѣта С.-Петербургскаго тюремнаго замка *).

Попробуйте хорошенько вникнуть въ суть прославленныхъ тюремъ и вы убѣдитесь, что независимо отъ вишняго, бьющаго въ глаза порядка, онѣ ничто иное, какъ прежніе рабочіе дома, гдѣ почти все время арестанты посвящаютъ замѣтіямъ въ мастерскихъ. Поднятіе нравственнаго

*) См. Правит. Вѣстникъ, 1873 г. № 33 и 34.

уровня падшихъ заключенныхъ оказывается во всѣхъ трехъ тюрьмахъ громкою лишь фразою: на обученіе арестантовъ грамотѣ *дарится* часъ, полтора въ сутки, а бесѣды съ ними о добрѣ и злѣ только позволяются, тоже какой-нибудь часъ по воскреснымъ, табельнымъ днямъ, отчего во внутренній міръ заключенныхъ не попадетъ ничего, развивающаго умъ, укрѣпляющаго характеръ, облегчающаго душу отъ накопившейся въ ней горечи житейской суеты. Все отличіе этихъ тюремъ отъ рабочихъ домовъ ограничивается тѣмъ, что изъ заработка удѣляются людямъ копѣйки на чай; что спать они не на общихъ нарахъ, а въ отдѣльныхъ коморкахъ, и по выходѣ изъ заключенія выносятъ съ собою малую толпку денегъ—плоды ихъ тяжелыхъ трудовъ. Все это подтвердить, мы увѣрены, всякій, недовольствующійся верхушками въ реформахъ; всякій, способный глубже всмотрѣться въ дѣло. Мало того: мы знаемъ не мало лицъ, близко стоящихъ къ названнымъ тюрьмамъ и эти лица сами сознаются, что тюрьмы еще сносны лишь какъ почивъ, какъ учрежденія новыя, но не отвѣчаютъ даже элементарнымъ правиламъ исправленія, какъ называются официально, т. е. представляются миражемъ людямъ опытнымъ. А эти люди (Исправительный Совѣтъ Тюремнаго Замка) въ своемъ отчетѣ утверждаютъ, что «ограниченіемъ круга дѣйствій арестантовъ только въ мастерскихъ они превращаются въ жалкихъ автоматовъ, которые при соприкосновеніи съ дѣйствительностью неминуемо возвращаются на путь преступленій. Физическій трудъ долженъ служить, по мнѣнію Совѣта, только восполняющимъ нравственное воспитаніе, факторомъ, а отнюдь не поглощать все время заключенныхъ, не оставляя имъ досуга, для размышленія о моральныхъ достоинствахъ человѣка».

Убѣжденные, что и исправительныя роты должны быть

именно школою, въ которой преподаваніе грамотности и правилъ нравственности стояло-бы на первомъ планѣ, а остальные дѣйствія только бы дополняли собою этотъ планъ, мы горячо желаемъ, чтобы этихъ роть миновала общая ошибка касательно работъ. Желаніе наше тѣмъ болѣе, кажется, легальнымъ, что и 113 ст. положенія, между прочимъ, гласитъ: «охраненіе отъ соблазна, *умственное и ремесленное обученіе составляютъ основныя начала*, помощію которыхъ можно достигнуть *нравственнаго исправленія* преступника». Вотъ почему мы вполне солидарны съ мнѣніемъ Новогеоргіевскаго Тюремнаго Комитета (см. 208 стр.) о томъ, что занятіе арестантовъ ремесломъ слѣдуетъ предоставить ихъ *собственному влеченію*, выбору, дабы оно интересовало ихъ умъ, изощряло ихъ воображеніе и тѣмъ самымъ удаляло отъ господствующей въ арестантской средѣ скуки, способствующей увеличенію числа проступковъ. А такъ какъ занятіе создано для того, чтобы человекъ *научился* ремеслу, то исполненіе заказа на урокъ не мыслимо: работающему приходится торопиться, а въ этомъ случаѣ самое ученіе парализируется: во 1-хъ страхомъ быть наказаннымъ за невыполненіе къ сроку предмета, а во 2-хъ слишкомъ продолжительнымъ, ежедневнымъ сидѣніемъ въ мастерскихъ, въ ущербъ другимъ занятіямъ.

Предлагаемое нами уменьшеніе числа рабочихъ часовъ въ день и уроковъ работъ легко можетъ вызвать замѣчаніе, что эти мѣры повлекутъ за собою значительное пониженіе и безъ того мизернаго заработка арестантовъ. На это, не лишнее смысла замѣчаніе отвѣтимъ, что во 1-хъ, заливными придется лишь усилить надзоръ, а во 2-хъ если и окажется незначительный, матеріальный убытокъ, то онъ будетъ ощущаемъ лишь нѣкоторое время, пока ротныя мастерскія получаютъ правильную организацію; но когда аре-

арестанты приобретутъ солидныя познанія въ ремеслахъ, то они будутъ аккуратнѣе, изящнѣе отдѣлывать вещи и тѣмъ самымъ привлекутъ большее число заказчиковъ. Далѣе, приохотившись къ ремесламъ они перестанутъ витать умомъ за предѣлами тюрьмы, а это одно изъ благотворныхъ средствъ къ улучшенію ихъ нравственности, какъ въ самыхъ ротахъ, такъ и внѣ оныхъ, ибо порядочное знаніе мастерства спасетъ многихъ отъ новыхъ преступленій; въ сущности только ради одного этого и учреждены роты.

Переходя, за симъ, къ вопросамъ: отчего въ ротахъ мало бываетъ: мастеровыхъ, частныхъ заказовъ, заработковъ, скажемъ сперва нѣсколько словъ о тѣхъ мелкихъ препятствіяхъ, которыя задерживаютъ развитіе мастерскихъ, а потомъ укажемъ на мѣры, способныя, по нашему мнѣнію, искоренить эти ненормальныя явленія.

Начнемъ съ того, что арестанты, хотя и простые люди, сплошь да рядомъ неграмотные, — тѣмъ не менѣе они инстинктивно понимаютъ свое грустное положеніе. Оттого многіе, прибывъ въ роты, на вопросъ принимавшаго ихъ начальника (въ нѣкоторыхъ ротахъ эта обязанность лежала на дежурныхъ: офицерѣ, фельдфебелѣ, или унтеръ-офицерѣ), не знаютъ-ли они какого-либо ремесла, — отвѣчали отрицательно, изъ осторожности, желая напередъ оглядѣться: какъ, что въ ротѣ дѣлается, и при какомъ занятіи «вольготнѣе». Отрицательный отвѣтъ приводилъ ихъ прямо въ одиночное заключеніе; отсидѣвъ тутъ срокъ безъ всякаго дѣла, новоприбывшіе по присоединеніи ихъ, вполнѣдствіи, къ прочимъ арестантамъ, назначались обыкновенно въ ученики какого-нибудь мастерства. Узнавъ потомъ, что мастеромъ быть выгоднѣе, они исподволь, чтобы не подвергнуться взысканію за ложный отвѣтъ, переходили къ спеціальному своему ремеслу; такъ, нѣкоторые перебивали 3—4 мастерскія въ 3—5

мѣсяцевъ, покуда попадали наконецъ на свое мѣсто *); протежее же время пропало для нихъ даромъ.

Сокритію арестантами своихъ знаній особенно помогали два обстоятельства. Письменные о нихъ свѣдѣнія, въ томъ числѣ послужные списки, въ которыхъ, между прочимъ, означаются мастерства, никогда не присылались въ роты одновременно съ арестантами, всегда гораздо позже; случалось даже чрезъ годъ, такъ что и о срокахъ, на какіе подобныя арестанты прибывали въ роты начальство освѣдомлялось отъ нихъ только самихъ. Кромѣ того и въ спискахъ многихъ арестантовъ не прописывалось вовсе: знаютъ-ли они мастерства. Всю эту несообразность легко устранить строгимъ распоряженіемъ по всемъ войскамъ, чтобы онѣ отправляли въ роты письменныя свѣдѣнія на арестантовъ непременно одновременно съ передачею этихъ людей на этапъ; да чтобы въ спискахъ прописывали мастерства. Тогда ротному начальству не для чего будетъ разспрашивать арестантовъ, а останется только заглянуть въ заранѣе полученный списокъ (почта идетъ вѣдь неизмѣнно быстрѣе этаповъ) и направить арестанта въ ту или другую мастерскую, безъ всякихъ затрудненій.

На основаніи 93 ст. положенія роты вправѣ нанимать «для содѣйствія завѣдывающимъ работами, вольнонаемныхъ мастеровъ». Это весьма рациональное право на практикѣ почти повсюду игнорировалось: ротныя начальства, не въ обиду будь имъ сказано, не привыкли деликатно обращаться съ *большими* людьми, не привилегированнаго происхожденія;

*) Быстрая смѣна мастерскихъ случалась, впрочемъ, рѣдко, и только для счастливыхъ: куда посадятъ, тамъ и работай.— таково правило, которымъ руководствовались вездѣ, кромѣ Бреста.

мало того: они считали для себя неприличнымъ имѣть «содѣйствіе» отъ какого-нибудь мѣщанина. Вотъ, на выдержку, два случая, достовѣрность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію.

Наемный мастеръ — столяръ, отставной унтеръ-офицеръ, входилъ въ ротныя ворота и выходилъ изъ нихъ, по своимъ обязанностямъ, чуть-ли не 10 разъ на дню, причемъ каждый разъ дежурные, стоявшіе у воротъ, обыскивали его съ ногъ до головы и тѣмъ понапрасну отнимали у него довольно много времени. Это не только отвлекало его отъ дѣла, но и роняло въ глазахъ его учениковъ-арестантовъ, съ которыми его сравнивали. Просилъ онъ многократно освободить его отъ обысковъ, но тщетно: начальники относились къ его домогательствамъ недовѣрчиво. Терпѣніе его, наконецъ, лопнуло и онъ пробѣжалъ сквозь ворота необысканнымъ. Дежурный у воротъ унтеръ-офицеръ доложилъ объ этомъ начальнику, тотъ позвалъ столяра и началъ его, *вольмаю* распекать, какъ распекать *служащихъ* унтеръ-офицеровъ, арестантовъ. Столяръ попробовалъ было возразить, но его заставили молчать. Тогда онъ категорически отказался отъ мѣста, говоря «задакъ того и гляди, еще въ карцеръ попадешь за свой честный трудъ». Нельзя, при этомъ, не замѣтить, что если столяръ не вселялъ къ себѣ довѣрія, — то держать его не слѣдовало и 3-хъ дней, а коль скоро онъ былъ безупреченъ, какъ свидѣтельствовали офицеры, то не было, разумѣется, никакого повода обыскивать, унижать его; заслуженнаго воина, на старости лѣтъ. Въ другой ротѣ былъ содѣйствователемъ въ мастерскихъ развитой, всегда прилично одѣтый молодой человекъ, спеціальность по многимъ ремесламъ, но къ несчастію — мѣщанинъ. И за это низкое его званіе офицеры говорили ему «*ты*», и вообще выказывали къ нему явное пренебреженіе. Кончилось тѣмъ, что онъ

крупно, однажды, поспорилъ съ офицеромъ и покынулъ мастерскую, которой съ любовію посвящалъ все свое время.

Приведенные факты наглядно характеризуютъ положеніе ротныхъ мастеровъ, которые, будучи людьми свободными, конечно, не желали безусловно подчиняться воинской дисциплинѣ; отсюда же ясно, почему они не уживались въ ротахъ; арестанты же отъ товарищей долго не выучиваются ремесламъ. Недостатокъ ремесленниковъ въ ротахъ объясняется еще тѣмъ, что вездѣ довольно народа занято постоянно непроезводительнымъ трудомъ: въ однѣхъ ротахъ— въ качествѣ уборщиковъ, а въ другихъ—ежедневною пилкою и возкою, на далекомъ разстояніи, дровъ, воды и имущества (см. 250 и 320 стр). Имѣя въ виду, что такія занятія составляютъ *отъишнюю* работу,—ихъ слѣдуетъ непременно отмѣнить, дабы сохранить силу 83 ст., возбуждающей арестантамъ работать «внѣ ограды тюрьмы». Точно также число уборщиковъ необходимо уменьшить на половину.

Отсутствіе значительныхъ вольныхъ заказовъ въ ротахъ зависѣло частію отъ естественныхъ, а преимущественно отъ искусственно-установившихся въ ротахъ недостатковъ. Населеніе всѣхъ крѣпостей состоитъ изъ военныхъ, а прилегающихъ къ крѣпостямъ городовъ — изъ бѣдныхъ евреевъ, еле перебивающихся, какъ говорится, съ хлѣба на квасъ. Оттого заказчиками остаются семейства офицеровъ, да нижніе чины, причемъ тѣ и другіе стоятъ въ исключительныхъ, странныхъ условіяхъ. Слабонервные, капризные барыни, задумавъ заказать, напримѣръ, обувь, — пугались даже мысли идти въ роту, видѣть толпы арестантовъ, представлявшихъ ихъ экзальтированному воображенію либо злодѣями, либо глубоко несчастными. Поэтому они соглашались заказывать тогда только, когда къ нимъ *на домъ* прислали башмачника снять мѣрку; такъ какъ вольныхъ учителей не было,—то остава-

лось командировать арестанта. Тутъ опять являлось двоюкаго рода препятствіе: съ одной стороны барыни, нежелающія или не могущія видѣть арестантовъ отказывались предоставлять имъ работы, а съ другой—начальство, опасавшееся нарушить законъ посылкою арестанта (по необходимости и это дѣлалось), само отказывалось принять работу. Въ свою очередь солдаты стѣснялись заказывать ротѣ, вслѣдствіе того, какъ указано на стр. 191 и 310, что приѣмщики заказовъ—офицеры, съ которыми имъ, по дисциплинѣ, неудобно торговаться. Затѣмъ, всѣхъ вообще тяготила длинная процедура заказа, напрасныя ожиданія составлявшихся условій, несвоевременная явка заказоприемателя (см. 135 и 310 стр.) и т. п. проволоочки, подвергаться которымъ за свои же деньги никому, разумѣется, не охотѣлось.

Пренебреженіе къ арестантской работѣ нерѣдко основывалось лишь на пословицѣ «хорошая слава лежитъ, а худая бѣжить». Человѣкъ принесъ въ роту свой матеріалъ, положимъ, на сюртукъ; за цѣлостью такихъ матеріаловъ въ нѣкоторыхъ ротахъ почему-то меньше было надзору, нежели за казенными; арестанты, пользуясь этимъ случаемъ, утаивали, иногда, доскутокъ сукна, или, вмѣсто цѣлаго, сошпукывали кусочки, а изъ цѣлаго нашивали для себя, на продажу, тайкомъ, галстукъ, рукавички. Владѣлецъ сукна, узнавъ объ этомъ, рассказывалъ, въ видѣ новости, знакомымъ и репутація арестантскаго труда вскорѣ настолько помрачалась, въ глазахъ многихъ, что число заказчиковъ быстро сокращалось. Всякій сталъ опасаться, чтобы и съ нимъ не повторилась подобная же исторія, совершенно забывая, что и вольные мастера поступаютъ съ заказчиками ничуть недобросовѣстнѣе. Немалымъ тормазомъ бывалъ также недостатокъ вниманія начальства къ отдѣлкѣ издѣлій и непониманіе толку въ ремеслахъ. Въ Динабургской, напр., ротѣ зайали,

однажды, арестантовъ шитьемъ башмаковъ, каковыхъ изготовили 500 паръ и опредѣлили цѣну парѣ въ рубль, 1 р. 20 к. (дешевле рыночнаго). Горожанки живо раскупили паръсто, но чрезъ день толпами стали осаждать роту, увѣряя, что вмѣсто кожаныхъ стелекъ и приборовъ, въ башмаки былъ вставленъ, какъ оказалось, полусгнившій кровельный толь, отъ котораго подошвы, разумѣется, отваливались на первой полверстѣ ходьбы. Однако денегъ никому назадъ не отдали, башмаковъ не передѣлали; понятно, что всѣ закаялись что-либо покупать въ ротѣ. Вслѣдствіе этого объ оставшихся несбытыми башмакахъ начальство, изъ самосохраненія, увѣряло, будто-бы ихъ не раскупаютъ по причинѣ слишкомъ сильной конкуренціи со стороны мѣстныхъ сапожниковъ—евреевъ, назначающихъ за свой товаръ черезчуръ низкія цѣны.

Работали арестанты кропотливо, медленно, безъ прилежанія, какъ мы лично видѣли; этому также есть много причинъ. Въ одномъ, напр., мѣстѣ на 20 столяровъ былъ одинъ рубанокъ, два долота, а какъ работа всѣхъ одинаковая, то многимъ приходилось, сложивъ руки, ждать, пока имъ по очереди, достанется нужный инструментъ. Въ другомъ мѣстѣ арестантъ сдѣлалъ столъ и на предложенный ему при насъ офицеромъ вопросъ: почему столъ еще неотполированъ? отвѣчалъ, что лаку нѣтъ. „Подай смѣту и получишь“, приказалъ офицеръ. „Я, виноватъ, не знаю, что такое смѣта“, молвилъ арестантъ. „Спроси священника“, заключилъ офицеръ и пошелъ дальше, а арестантъ остался стоять вытаращивъ глаза, и ломая голову надъ словомъ „смѣта“, впервые, вѣроятно, услышанномъ имъ.

Работа на урокъ и что понало, а не по выбору самихъ работающихъ, равнодушіе къ слишкомъ малому заработку, который будетъ выданъ Богъ вѣсть когда, безразличное от-

вошеніе ко всѣмъ ремесленникамъ, хорошіе-ли они, или плохіе, лишь бы работали—все это поселяло въ арестантахъ, какъ мы говорили выше лѣнь, апатію. Отсутствіе же точныхъ, удобопонятныхъ правилъ веденія отчетности по мастерскимъ (этихъ правилъ доселѣ еще, къ сожалѣнію, не преподано ротамъ), нерѣдко ставило мѣстное начальство въ крайне затруднительное положеніе, изъ котораго оно не въ силахъ было выйти. По неволѣ въ отчетностяхъ все какъ-то путалось, не было общей, однообразной системы: въ одной ротѣ за норму числа ремесленниковъ брали число, состоявшее на лицо 1 Января, а сколько ихъ перебивало *въ теченіи цѣлаго года*—до этого не было никакой возможности добраться; въ другой ротѣ вѣрность стоимости заказа, правильность сдѣланныхъ вещей и полученныхъ денегъ удостоверялъ начальникъ своею подписью въ книгѣ; въ третьей—въ полученіи заказовъ изъ мастерскихъ росписывался офицеръ, завѣдывавшій мастерскими; въ четвертой (Брестской ротѣ, росписку эту дѣлали сами заказчики; и только этотъ способъ согласенъ съ 96 ст. положенія.

Совокупность всего, сказаннаго, сильно вліяло на то, что въ попечители мастерскихъ никто изъ мѣстныхъ коммерсантовъ не хотѣлъ поступать, что объясняется еще и слѣдующимъ обстоятельствомъ. Начальство ротъ считало себя вполне компетентнымъ *во всемъ*, что касается ротъ, и потому не желало не только посвящать попечителей въ свои операціи и расчеты, но даже не хотѣло принимать совѣты отъ нихъ, постороннихъ людей, не носящихъ *форменной одежды*. Въ этомъ смыслѣ намъ довелось слышать искреннюю рѣчь одного изъ попечителей, человѣка просвѣщеннаго онъ въ коммерціи популярнаго. Попечитель этотъ попытался было заняться дѣломъ, но убѣдившись, что это не по вкусу начальству,—ретировался и съ тѣхъ поръ больше уже не заглядывалъ въ роту.

Перечисленные нами неурядицы безъ всякаго сомнѣнія уничтожатся, если будутъ сдѣланы надлежащія измѣненія въ административныхъ распоряженіяхъ и нѣкоторыхъ, къ этому предмету относящихся, статьяхъ положенія о ротахъ. Измѣненія эти по нашему крайнему разумѣнію, должны заключаться въ слѣдующемъ.

Во-первыхъ обязать роты *непрелмнно* имѣть вольнонаемныхъ учителей-мастеровъ, а чтобы они не были въ загонѣ—предоставить имъ не только самостоятельно учить арестантовъ ремесламъ, но подѣ денежнымъ, на случай начета, залогомъ—принимать заказы въ самыхъ ротахъ и внѣ оныхъ, раздавать работы арестантамъ, оцѣнивать стоимость и качества изготовленныхъ предметовъ подѣ наблюдениемъ попечителей и начальниковъ ротъ. Одному изъ помощниковъ начальниковъ ротъ можно бы поручить полицейскій надзоръ за арестантами во время работъ, покупку, совмѣстно съ мастеромъ, или чрезъ попечителя, матеріаловъ, выдачу заказовъ по принадлежности, получение причитающихся за нихъ денегъ и записываніе этихъ денегъ на приходъ. Это нововведеніе дало бы надлежащій ходъ ремесленнымъ операціямъ ротъ, которыя пріобрѣтутъ популярность среди всѣхъ сословій. Кромѣ того, вслѣдствіе раздѣленія труда между названными лицами, офицеры будутъ въ состояніи усилить свою дѣятельность на нравственное перевоспитаніе арестантовъ; солдаты же перестанутъ дичиться ротъ, получивъ возможность свободно договариваться съ мастеромъ, предѣ которымъ нѣтъ надобности стѣсняться. Въ этомъ духѣ необходимо измѣнить 93 в 95 ст. положенія, оставивъ согласно послѣдней статьѣ на долю ротнаго Комитета опредѣлять: какого рода заказы могутъ быть исполняемы арестантами, но вмѣсто словъ „самые заказы принимаются начальникомъ роты“ (это въ дѣйствительности чрез-

вычайно рѣдко исполнялось вслѣдствіе недосуга) вставить слова „при участіи мастера и попечителя.“

Во-вторыхъ необходимо обязать ротные комитеты не менѣе двухъ разъ въ годъ опредѣлять стоимость арестантскихъ издѣлій съ матеріаломъ и безъ онаго, при чемъ таксу эту публиковать въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, а о болѣе употребительныхъ вещахъ вывѣшивать печатные-же преісы куранты на казенныхъ зданіяхъ и въ ротахъ, для всеобщаго свѣдѣнія. Далѣе, за испорченный или пропавшій матеріалъ заказчика надобно подвергать виновныхъ такой же отвѣтственности, какъ за казенный, сообразно тому, какъ установилъ Новогеоргіевскій комитетъ, т. е. чтобы заказчикъ былъ вполне удовлетворяемъ ротою изъ заработка-ли виновнаго, или изъ специальныхъ средствъ, смотря по обстоятельствамъ. Это устранить порчу матеріала частныхъ лицъ и опасеніе послѣднихъ за цѣлость ихъ имущества.

Въ третьихъ, слѣдуетъ отмѣнить существующее запрещеніе ротамъ вступать въ подряды съ казною; часть же того количества запасныхъ вещей (шинели, брюки, сапоги и т. под.), какое заготовляютъ нынѣ, на основаніи 90, 95 и 96 статьи IV ч. I т. св. воен. пост., изд. 1869 г., обмундировальныя мастерскія хозяйственнымъ способомъ, предоставить получать ротамъ *прямо* изъ Интендантствъ или же обязать, по крайней мѣрѣ, хотъ мѣстныя обмундировальныя мастерскія *прежде* всего отчислять столько работы, чтобы ея хватало на всѣхъ арестантовъ на круглый годъ, и только остальную, затѣмъ, изготовлять въ самыхъ мастерскихъ, какъ это дѣлалось въ Брестѣ, причемъ сообразно этому исправить 93 ст. той же IV ч. I т. св. воен. пост. Этимъ путемъ могла бы быть достигнута тройкаго рода цѣль: арестанты были бы всегда за дѣломъ, подрядчики потеряли бы возможность эксплуатировать арестантскій трудъ, какъ указано на 139

стр. о кольяхъ для палатокъ и значительное число солдатъ оставались бы на лицо во фронтѣ, вмѣсто нахождения въ мастерскихъ въ командировкѣ.

Въ четвертыхъ, при отпускѣ казною обмундировальнымъ мастерскимъ, для шитья вещей—суконъ, холста, сапожнаго товара, полагается, такъ называемый прикрой, употребляемый, согласно 98 ст 4 ч. I т., въ дѣло, взаменъ слѣдующаго, по нормальнымъ табелямъ, количества матеріаловъ, стоимость которыхъ составляютъ прикроечный капиталъ. Изъ этого капитала выдаются, по силѣ 2 и 3 п. 99 ст., до 25% въ награду завѣдывающимъ мастерскими и прочимъ чинамъ оныхъ. Чтобы возбудить въ арестантахъ прилежаніе къ труду,—было-бы, полагается, рационально, выдавать и ротамъ изъ этого капитала хоть по 10% (сообразно стоимости сдѣланныхъ вещей, на награды служащимъ и на покупку работающимъ въ мастерскихъ арестантамъ чаю (последнее дѣлалось въ Брестской ротѣ: 257 стр.) и въ этомъ смыслѣ измѣнить указанныя пункты 99 ст. Потомъ, отличающимся стараніемъ и пзъящюю отдѣлкою издѣлій можно бы разрѣшать, въ извѣстное время, на счетъ этихъ же денегъ, курение табаку въ особой комнатѣ, подъ наблюденіемъ унтеръ-офицеровъ. Этимъ способомъ, на верное на половину умѣньшится число совершающихся нынѣ въ ротахъ проступковъ. Независимо сего, тѣхъ арестантовъ, которые своими знаніями по части ремеселъ приносятъ существенную пользу мастерскимъ (напр. научили ремеслу нѣсколько человекъ) переводить, какъ позволяютъ 61 и 66 ст. положенія, 2—4 мѣсяцами ранѣе установленнаго срока изъ испытываемыхъ въ исправляющіеся, а буде они находятся въ числѣ послѣднихъ, то-для возбужденія среди арестантовъ сорѣвнованія—ходотайствовать, но нѣсколько разъ въ годъ, о сокращеніи срока пребыванія ихъ въ ротахъ.

Наконецъ, въ пятыхъ, необходимо преподавать ротамъ простыя, но прочныя правила относительно того, какъ вести по мастерскимъ отчетность, которую подчинить, на общемъ основаніи, ревизіи контроля.

Созданіе этихъ правилъ всего лучше бы предоставить самому контролю, или по-крайней-мѣрѣ, составить ихъ хоть при участіи онаго. Мы, съ своей стороны, руководствуясь опытомъ, полагаемъ достаточнымъ завести въ ротахъ по двѣ книги: заказную и матеріальную. Заказная должна быть съ графами: въ первой № по порядку заказа; во второй отиѣтка о томъ, когда полученъ заказъ; въ третьей—отъ кого; въ четвертой, что заказано; въ пятой изъ чьего матеріала; въ шестой—стоимость работы съ матеріаломъ или безъ онаго; въ седьмой—сколько получено задатка; въ восьмой—сколько человекъ работало надъ приготовленіемъ заказной вещи; въ девятой—во сколько дней исполненъ заказъ; въ десятой сколько составляетъ весь заработокъ; въ одиннадцатой сколько отчислено денегъ въ пользу роты; въ двѣнадцатой—сколько идетъ въ пользу работавшихъ арестантовъ; въ тринадцатой—росписка казначея роты въ пріемъ этихъ денегъ. Въ матеріальной книгѣ можно бы сдѣлать графы: 1) нумера по порядку покупки матеріала; 2) когда и что именно куплено; 3) на какую вещь сколько и какого именно употреблено матеріала; 4) стоимость каждаго предмета; 5) общая ихъ цѣнность, если нѣсколько однородныхъ предметовъ; 6) сколько составляетъ общій барышъ за трудъ, за исключеніемъ цѣнности употребленнаго матеріала; 7) когда заказъ сданъ въ цѣхгаузъ. Оправдательными документами должны служить: а) ежедневныя рапортички о числѣ рабочихъ по каждой мастерской; б) мѣстныя рыночныя цѣны матеріаловъ; в) такса работамъ; г) выборки изъ приказовъ по ротѣ о прибыли и убыли людей, о распределеніи денегъ

между казною и арестантами; д) счета лавочниковъ, у кого, что и когда именно куплено, — и наконецъ; е) расчетныя книжки рабочихъ, книжки, которыя хорошо бы завести для арестантовъ.

IV.

Система преподаванія арестантамъ грамотности также вызываетъ на серьезныя размышленія. Изученіе грамоты (3 п. 89 ст. положенія) есть, безспорно, одинъ изъ главныхъ факторовъ исправленія нравственности, какъ справедливо гласить 113 ст. положенія. Мысль эта оправдывается даже фактами изъ арестантскаго же быта. Такъ, въ Бобруйскѣ, при пасѣ, въ одну недѣлю было 4 покушенія на жизнь унтеръ-офицеровъ, съ единственною цѣлю попасть въ каторгу, которая представлялась арестантамъ благополучнымъ избавленіемъ отъ жизни въ ротѣ; но, какъ только имъ, въ теченіе недѣли, стали ежедневно читать статьи закона о положеніи каторжныхъ, то покушеній не стало: узнавъ, что въ каторгѣ хуже, арестанты отказались отъ прежнихъ своихъ заблужденій. Между тѣмъ 110 ст. предписывается учить арестантовъ грамотѣ «въ воскресные, праздничные дни и въ *прочее*, свободное отъ работъ и строеваго ученія время». Всѣ праздники арестантовъ составляютъ, по 85 ст., 52 воскресенья, да 19 табельныхъ дней, итого 71 день въ году. Практика роты показала намъ, что занимались арестанты грамотностью въ праздники не цѣлые дни, а часъ, два, либо совсѣмъ отдыхали послѣ недѣльнаго труда. Вслѣдствіе неопредѣленія въ 85 ст., съ точностью: сколько именно времени слѣдуетъ удѣлять ежедневно, въ будни, на грамотность, — ротное начальство, заботившееся исключительно о мастерскихъ (кромѣ Риги и Бреста), на умственное развитіе арестантовъ усту-

мало только 1½ часа въ сутки, да и тѣ назначало въ самое неудобное время (209 и 312 стр.). По неуказанію въ положеніи о правѣ начальства освобождать кого-либо отъ обученія грамотности, въ большинствѣ ротъ (144, 209 стран.) къ этому занятію привлекались всѣ арестанты *поголовно*, тогда какъ слабые зрѣніемъ, глухіе, тупоумные, старики, не только сами ничему не въ силахъ были научиться, но, сидя въ классѣ, еще и другимъ въ этомъ мѣшали, отвлекая при томъ понапрасну и учителей. Нѣкоторые грамотные люди, прибывъ въ роты, отрицали свои знанія преднамѣренно, изъ личныхъ выгодъ: они безцеремонно принимались за азбуку и пройдя, въ 3—4 мѣсяца всѣ классы, тѣмъ самымъ обращали на себя особенное вниманіе начальства, которое, будучи удивлено быстрыми успѣхами подобныхъ арестантовъ, нерѣдко сокращало имъ за это срокъ пребыванія въ испытуемыхъ. Указанные 111 ст. учителя грамотности, унтеръ-офицеры вездѣ оказывались неспособными къ преподаванію; по сему эта обязанность все-цѣло пала на священниковъ, которые, преподавая *сразу* сотнямъ людей, не успѣвали, естественно, въ столь короткій промежутокъ не только обстоятельно научить ихъ, но даже и наблюдать за занятіемъ cadaго; вслѣдствіе этого они принуждены были судить о степени прилежанія учениковъ по отзывамъ учителей-арестантовъ, изъ которыхъ многіе нерѣдко злоупотребляли своимъ правомъ аттестаціи товарищей. Наконецъ, мы нигдѣ не видали, чтобы арестантамъ читались книги въ столовыхъ и мастерскихъ (112 ст.), все по той же причинѣ, что изъ арестантовъ не бывало чтецовъ, свободныхъ отъ работъ, а унтеръ-офицеры сплошь да рядомъ были такъ малограмотны, что, находясь въ классѣ, сами вмѣстѣ съ арестантами, лишь *учились* тамъ, первоначальной грамотѣ.

Изъ приведенныхъ нами въ очеркахъ каталоговъ книгъ (мы это сдѣлали нарочно, чтобы начальство ротъ видѣло, что есть въ другихъ ротахъ) легко усмотрѣть какъ скудны пособія для умственнаго развитія людей—собственно чтеніемъ. Библіотеки ротъ наполнены, какъ читатели помнятъ, книжками преимущественно изъ быта солдатъ и простолюдиновъ; значительное большинство этихъ книжекъ проникнуто предвзятыми, приторными тенденціями, либо изображаетъ солдатскій и простонародный бытъ въ карикатурномъ видѣ. Оттого арестанты, твердо помня свое прошлое, не питали охоты къ такого рода чтенію, которое не увлекаетъ воображеніе, не рождаетъ никакой новой идеи, не даетъ темы для размышленія. Понятно, потому, что грамотные арестанты постоянно домогались чтенія по предметамъ, *чуждымъ* той узкой и для нихъ не любопытной, сферы, въ которой они прежде вращались. Люди темные обыкновенно ищутъ въ чтеніи чего нибудь особеннаго, не похожаго на окружающія ихъ будничныя картины. Такъ, въ одной ротѣ арестанты прочитывали всѣ 8 томовъ сочиненій Св. Тихона Задонскаго, причемъ иные успѣвали освоиться съ значеніемъ проповѣдываемыхъ авторомъ истинъ. Съ неменьшимъ расположеніемъ читали сочиненія покойнаго Московскаго Митрополита Филарета. На оборотъ: изъ имѣвшихся, во всѣхъ ротахъ, въ изрядномъ количествѣ экземпляровъ „Бесѣдъ съ заключенными въ тюрьмахъ“ священника Попова (2 тома, въ 577 страницъ, содержащихъ въ себѣ 86 поученій)—большинство арестантовъ отлично помнили,—какъ намъ повсюду пришлось отъ нихъ слышать,—одинъ только „поучительный рассказъ о двухъ казенныхъ смертій преступникахъ“, рассказъ, умѣстившійся на 30 страницахъ, да и въ этомъ рассказѣ ихъ увлекала исключительно личность одного изъ героев — Дуболадова, и то только потому, что онъ является въ книгѣ человѣкомъ чрез-

вычайно смѣлымъ, ухаремъ, не боящимся ни угрызений совѣсти, ни смерти, а острить подъ висѣлицею.

Въ одной ротѣ какъ-то, случайно, келейно, очутился романъ „Жизни дяди Тома“; въ другой—томъ стихотвореній Лермонтова, а въ третьей—„Богданъ Хмѣльницкій“ Костомарова. И что же? Арестанты читали эти книги на расквартъ, съ упоеніемъ, растрепали всѣ переплеты, но никто не рѣшился вырвать, на паниросы, ни одного листочка, тогда какъ обычныя ихъ книжки безпрестанно подвергались этой участи. Мы бывали также очевидцами того, какъ арестанты съ живымъ интересомъ читали „Рижской Вѣстникъ“. При насъ же отправлявшіеся въ карцеры, въ госпитали, неоднократно просили съ собою „книжки, почитать тамъ отъ скуки“. Все это въ совокупности ясно доказываетъ существованіе въ арестантахъ потребности въ чтеніи книгъ, трагующихъ о предметахъ, чуждыхъ ротной среды.

Людей, читающихъ подобныя помянутымъ книги, было довольно много въ ротахъ: это бывшіе чиновники, писаря, вахтера и т. п., собственно грамотѣ имъ учиться нечего—они ее знаютъ; повѣтому, коль скоро они не учителя, то имъ во время класса только и оставалось читать: дальше первоначальной грамоты ничего не преподавалось.

Такъ какъ одни священники не въ силахъ научить грамотѣ 500—700 чел., при посредствѣ учителей изъ арестантовъ и при настоящей обстановкѣ, то имъ слѣдуетъ придать по помощнику, специально знакомому съ педагогіею. Найти дешевыхъ, но подходящихъ помощниковъ всего легче среди кончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ студентовъ, которые по новому закону о духовенствѣ (18 Апрѣля 1869 г.) прежде, чѣмъ быть возведенными въ священники, обязаны прослужить, въ силу 1 и 2 п. этого закона, не менѣе 3 лѣтъ учителями въ начальныхъ школахъ и духовно-учебныхъ

заведеніяхъ. Учрежденіемъ при ротныхъ перевахъ должностей псаломщиковъ (ихъ теперь нѣтъ) и сравненіемъ этихъ должностей по содержанію съ секретарями ротъ, при казенныхъ квартирахъ,—сразу приобрѣтется контингентъ хорошихъ учителей, изъ которыхъ, путемъ практики, впоследствии выработаются достойные полковые, ротные священники, знающие, до мельчайшихъ подробностей, съ бытомъ и міросозерцаніемъ людей, которыхъ имъ придется воспитывать на релігіозно-нравственныхъ началахъ.

Заручившись, такимъ образомъ, надежными учителями, уже не трудно будетъ раздѣлить учащихся по категоріямъ и ежедневно строго слѣдить за ихъ развитіемъ; изъ хорошо грамотныхъ: однимъ преподавать—исторію, географію, а изъ другихъ — (смотря по способностямъ) слѣлать классъ, для образованія собственно писарей, въ которыхъ войска очень нуждаются; этимъ людямъ слѣдуетъ преподавать правила правописанія, сочиненія бумагъ, а въ видѣ практики, заставлять ихъ писать казенныя и частныя бумаги, съ вознагражденіемъ, соразмѣрно стоимости ихъ труда. Это тѣмъ болѣе возможно, что и теперь, не смотря на запрещеніе 88 ст., во всѣхъ ротахъ арестанты, владѣющіе перомъ, занимаются перепискою и даже дѣлопроизводствомъ ротныхъ канцелярій безвозмездно, и потому, не располагая никакимъ заработкомъ, они иногда ухитряются извлекать выгоду изъ своего ремесла неодобрительными способами. Такъ, въ одной ротѣ штатный писарь бралъ изъ Инженернаго Управленія переписывать, за деньги, смѣты, а исполнялъ это арестантъ, которому онъ доставлялъ за это втихомолку, папиросы.

Обученіе грамотѣ, противъ желанія, людей, старше 35 лѣтъ отъ роду слѣдуетъ рѣшительно отиѣнить, чтобы они не служили бесполезнымъ тормазомъ, а самое ученіе производить утромъ, или послѣ обѣденнаго отдыха, но отнюдь не

вечеромъ, когда людей, отъ усталости, клонитъ ко сну. На обученіе грамотѣ нужно удѣлять, по крайней мѣрѣ, по 3 часа въ день, на каждую отдѣльную группу, считая въ томъ числѣ и всѣхъ мастеровыхъ, которые должны для этого освобождаться отъ работъ по крайней мѣрѣ хоть по часу въ день. Необходимо обязать священниковъ съ псаломщиками вести, изо дня въ день, постоянно, 2 книги съ графами: одну о томъ, при какихъ знаніяхъ, или безъ нихъ, каждый арестантъ поступилъ въ классъ; какіе успѣхи оказывалъ, во время ученія, часто ли и на долго ли покидалъ классъ за болѣзнію, или вслѣдствіе сидѣнія въ карцерѣ; какія знанія вынесъ арестантъ съ собою по освобожденіи изъ заключенія. Въ другой книгѣ должны быть помѣщаемы свѣдѣнія о раздаваемыхъ арестантамъ книгахъ, для чтенія, указывая фамиліи читателей, причемъ, по возвращеніи ими книгъ, по возможности, спрашивать ихъ, что они поняли изъ прочитаннаго, разъяснять имъ недоумѣнія, смыслъ и значеніе книгъ и все это вкратцѣ записывать въ книгу, противъ фамиліи читавшаго. Обѣ такіа книги могли бы дать превосходный матеріалъ, какъ для сужденія о дѣятельности учителей, такъ равно и для составленія отчетовъ о степени умственнаго развитія арестантовъ и о результатахъ ихъ обученія. Нынѣшнюю систему представленія отчетовъ о грамотности (къ 1 Января состояло такого — то разряда столько, такого-то столько и т. д.) замѣнить другою, — установивъ, чтобы изъ вѣдомости видно было: сколько человекъ чему именно училось въ теченіе *цѣлаго* года; сколько изъ нихъ чему и какъ *научилось*; сколько изъ научившихся проштрафливалось, вышло въ войска и затѣмъ, сколько къ Январю осталось. Изъ такихъ вѣдомостей сами собою явятся выводы о степени полезности ротныхъ школъ.

Установленное 115 ст. чтеніе книгъ вслухъ, по праздни-камъ, надо-бы возложить на священника и псаломщика поочередно; причѣмъ они должны популяризовать читаемое ими. Наконецъ, бібліотеки ротъ необходимо значительно пополнить общеупотребительными сочиненіями, выборъ и выписку которыхъ предоставить усмотрѣнію священника съ псаломщикомъ, какъ наставникамъ школъ. Свобода выбора въ этомъ отношеніи необходима отчасти и для того, чтобы напрасно не тратились казенныя деньги, какъ это, къ сожалѣнію, случилось. Нѣкоему, напр., диллетанту тюрьмовѣдѣніа пришла фантазіа выписать, для каждой изъ ротъ, на 120 р., рисунокъ различныхъ ремесленныхъ издѣлій французскаго изданія, наивно полагая, что арестанты станутъ по нимъ дѣлать мебель на манеръ Тура и Гамбса; но на практикѣ вышло маленькое недоразумѣніе: диллетантъ упустилъ изъ виду, что не только арестанты, но и начальство не понимало французскаго текста. Кончилось тѣмъ, что гравюры, въ отличномъ переплетѣ, были спрятаны и показываются исключительно во время смотровъ, а въ ротахъ руководствуются, при надобности, указаніями выписываемой за 3 руб. «Ремесленной газеты». Былъ и такой примѣръ, что начальникъ края прислалъ, въ одну роту, въ 1870 г., для раздачи арестантамъ, 400 экземпляровъ молитвенниковъ; послѣдніе пролежали въ шкафу ротной канцеляріа, въ тѣхъ, нераспечатанными, около 2-хъ лѣтъ, вслѣдствіе желанія начальства сберечь ихъ въ цѣлости, на случай спроса свыше. Въ бібліотекахъ ротъ полезно также имѣть и газету, напр., всего ближе касающійся войскъ «Русскій Инвалидъ», по которому можно знакомить арестантовъ со вновь издающимися военными законами, съ перемѣнами въ составѣ и управленіи полковъ, куда арестанты выходятъ изъ ротъ и т. п. Иначе даже старыя солдаты, по прибытіи въ полки, не зная о происшедшихъ тамъ,

впродолженіи ихъ долгаго отсутствія, пережѣнахъ, становятся совершенными новичками во многихъ отношеніяхъ.

VIII.

Идея, положенная въ основаніи положенія о ротахъ совершенно вѣрная, справедливая; но бѣда въ томъ, что примѣнители положенія къ практикѣ, не понявъ его духа—держались буквы, отчего дѣло приняло не правильное направленіе. Безспорно и то, что самая трудная задача персонала ротъ состоятъ въ исправленіи нравственности людей, ввѣренныхъ его перевоспитанію. Надежными двигателями къ достиженію означенной цѣли, являются—религія, строгое, но гуманное обхожденіе, и разумныя, правдивыя дѣйствія *самаю* начальства арестантовъ,— которые ищутъ не только житейской, но и абсолютной справедливости по отношенію ко всему, что ихъ окружаетъ.

Религія есть предметъ сердца, совѣсти человѣка. Арестанты-простолюдины, вообще говоря, очень религіозны и въ религіи часто находятъ утѣшеніе своей скорби. Достаточно пристально взглянуть, въ церкви, съ какимъ они благоговѣніемъ стоятъ, крестятся, владутъ земные поклоны; или прислушаться, вечеромъ, къ ихъ пѣнію, по камерамъ, молитвъ, чтобы настоячиво утверждать вышесказанное. Слѣдовательно ихъ религіознымъ чувствомъ надо дорожить, его надо развивать, очищать отъ невѣжественныхъ предрассудковъ, вселяя въ нихъ ясныя, свѣтлыя понятія о религіи, создающей нравственность, а отнюдь не насиловать ихъ совѣсть, не относиться индифферентно къ ихъ воззрѣніямъ. Наставителямъ арестантовъ въ религіи, священникамъ надлежитъ пользоваться, со стороны свѣтской власти надъ арестантами, *полнымъ уваженіемъ*, дабы этимъ способомъ укрѣпить въ людяхъ

довѣріе, расположеніе къ священникамъ. Къ прискорбію мы располагаемъ фактами, доказывающими противоположное.

На стр. 150 читатели видѣли, что арестанты не бывали въ церкви по цѣлымъ годамъ. Мало того: арестантовъ посылали въ той же ротѣ въ баню не предъ исповѣдью, а послѣ нея, даже по принятіи ими св. причастія; въ баню-же гоняли ихъ по воскресеньямъ, въ томъ расчетѣ, чтобы изъ рабочихъ субботнихъ дней не пропадало по нѣскольکو часовъ. Когда мытье въ банѣ перенесено было, наконецъ, на субботу, то по воскресеньямъ арестантовъ заставляли работать; вмѣсто слушанія богослуженія, предъ смотрами,—занимали ихъ маршировкою. При насъ, однажды, арестанты другой роты стояли за обѣдней, въ церкви. Вдругъ явился офицеръ, началъ ихъ осматривать и замѣтивъ на одномъ нечищенные сапоги, тутъ же сперва распекъ его, а потомъ, погнавъ вонъ, въ камеру, исправить замѣченную погрѣшность, какъ-будто отъ нея зависѣло все благосостояніе роты. На говѣніе полагается, 85 ст. положенія, 3 дня, для каждаго человѣка; но есть рота, начальство которой поняло смыслъ этихъ словъ закона такъ, что *вся рота* обязана цѣликомъ отвѣтъ *сразу* въ 3 дня и согласно такому мнѣнію распоряжалось. Оттого священникъ въ два дня принужденъ былъ исповѣдывать по 300 чел. въ день, т. е. пробесѣдовать съ каждымъ не болѣе нѣсколькихъ секундъ. Священники производятъ, положимъ, исповѣдь вообще скоро, но во-1-хъ, людей юридически честныхъ, безупречныхъ, во-2-хъ, таковыхъ преимущественно, которые правильно понимаютъ значеніе исповѣди и въ-3-хъ, по своему развитію не нуждаются въ продолжительныхъ наставленіяхъ. Совсѣмъ противоположное представляютъ арестанты, люди невѣжественные, сбившіеся съ пути истиннаго, люди, на которыхъ можетъ повліять лишь осмысленное, прочувствованное слово увѣщанія, которымъ

необходимо провести параллель между тѣмъ, что они прежде дѣлали и что должны дѣлать въ будущемъ, чтобы вновь не впасть въ порокъ, въ преступленіе, а на это надо порядочно времени, меньшее по 10 минутъ на человѣка.

Наконецъ бывали начальники, которые, видя, что арестанты симпатизируютъ священникамъ, старались уничтожить это хорошее вліяніе. Такъ, въ третьей, напр., ротѣ, священникъ ежедневно хаживалъ по мастерскимъ, садился то тамъ, то сямъ, возлѣ арестантовъ и бесѣдовалъ съ ними, изучалъ ихъ бытъ, нравы, обычаи, что достойно, разумѣется, только одобренія. Тѣмъ не менѣе начальству не понравился образъ дѣйствій священника (ему почудилось что священникъ контролируетъ его распоряженія касательно *работъ*), а потому оно сочло его бесѣды отвлеченіемъ людей отъ занятій и выпроводило его на его мѣсто—лишь въ классъ, да по праздникамъ въ спальныя камеры. Въ четвертой ротѣ арестантъ попросилъ, однажды, священника принять участіе къ скорѣйшему освобожденію его изъ роты, гдѣ онъ пробылъ, вслѣдствіе упущенія ротнаго начальства, нѣсколько мѣсяцевъ лишникъ. Священникъ сталъ хлопотать предъ тѣмъ-же начальствомъ объ удовлетвореніи законной просьбы арестанта, но начальство это рѣшило, что священникъ вторгается въ чужую сферу, захватывая непринадлежащую, будто-бы, ему власть и запретило ему ходотайствовать за арестантовъ о чемъ-бы то ни было, увѣряя что это нарушаетъ воинскую дисциплину. Начальство заявило, что арестанты о всѣхъ своихъ нуждахъ обязаны, дескать, просить, согласно 117 ст. положенія, исключительно чрезъ своихъ непосредственныхъ начальниковъ—унтеръ-офицеровъ, офицеровъ и только! Тамъ-же въ нашемъ присутствіи, священникъ, однажды, просилъ не подвергать провинившагося въ храненіи табаку молодого арестанта, ни разу еще не испытавшаго

боли розогъ, тѣлесному наказанію и при этомъ указываль, что наказаніе можетъ худо отозваться на дальнѣйшемъ его поведеніи. Докторъ поддерживалъ священника, но неудачно: начальство рѣшило отсчитать арестанту 75 ударовъ. И что-же? Черезъ три дня послѣ наказанія, дотоль смиреннѣйшій арестантъ, совершилъ новый, ужь гораздо важнѣйшій предшествовавшаго проступокъ, говоря, что, обезчещенный наказаніемъ,—онъ не въ силахъ перенести обиды безропотно и ни предъ чѣмъ уже не задумается, лишь бы вырваться изъ роты въ Сибирь или на каторгу, все равно!...

Здѣсь-же, встаетъ отмітнѣть, что, кромѣ Бреста, вездѣ, между начальствомъ роты съ одной и священниками и докторами съ другой стороны, существовалъ антагонизмъ во всемъ. Происхожденіе этого антагонизма слѣдуетъ приписать естественному впрочемъ, обстоятельству: доктора и священники люди образованные, развитые, никакъ не могли примириться со взглядами на значеніе роты офицеровъ, обладавшихъ только фронтными познаніями, что крайне недостаточно для перевоспитателей порочныхъ людей.

Для подтвержденія мысли о малоспособности большинства видѣнныхъ нами исправителей къ нхъ профессіи, — приведемъ, на выдержку, для большей наглядности, лишь нѣсколько изъ множества собранныхъ нами характерныхъ фактовъ. Одинъ фактъ—ссылка арестанта въ каторгу на 20 лѣтъ, за нанесеніе удара офицеру, извѣстенъ читателю изъ 149 стр. О малограмотности ротныхъ офицеровъ—читатели также, можетъ быть помнятъ, изъ 221 и 269 стр. И вотъ, иныя, опасаясь показывать *свои* письменныя произведенія вышнему начальству, заводили себѣ изъ арестантовъ секретарей, которые формулировали штрафы арестантовъ въ черновыя книги, а офицеры собственноручно только переписывали съ нихъ въ бѣловыя; о донесеніяхъ-же, рапортахъ и

говорить нечего: безъ сочиненной кѣмъ-либо черновой—офицеры оказывались, случалось, въ серьезномъ затрудненіи. Словомъ арестанты-секретари кое-гдѣ вели переписку нѣкоторыхъ начальниковъ отдѣленій,—а такъ какъ всѣ люди, по природѣ, боже или менѣе эгоисты, то и арестанты-секретари друзей своихъ облегчали, а враговъ отягощали, безбоязненно располагая вліяніемъ, даже властью надъ толпою. Узурпаторы эти бывали, иногда, до того сильны, что и унтеръ-офицеры относились къ нимъ не иначе, какъ съ почтеніемъ: никто изъ послѣднихъ не въ состояніи былъ замѣнить офицеру такихъ секретарей.

Курить табакъ арестантамъ возбраняется 72 ст. положенія, но чтобы жить въ ладу съ людьми, замѣчавшими недостатки своихъ начальниковъ (и на солнцѣ вѣдь есть патна) одинъ изъ такихъ господъ, при входѣ въ казарму, всегда нарочно громко кашлялъ, давая тѣмъ знать, чтобы, на время, покуда онъ пройдетъ, перестали курить. Независимо арестантовъ и начальству тоже возбраняется 41 ст., курить табакъ не только въ камерахъ, столовыхъ и мастерскихъ, но и въ корридорахъ. Тѣмъ не менѣе, мы лично были очевидцемъ, какъ нѣкій офицеръ, курия въ корридорѣ сигару, подозвалъ страстнаго курильщика-арестанта и три раза сряду повторялъ ему, улыбаясь: «а вѣдь славную курю я сигару? Вотъ бы и тебѣ этакъ затянуться, да, шалишь, нелзя: ты арестантъ». Лицо арестанта искажалось отъ раздраженія, но онъ выслушалъ сказанное и молча пошелъ на свое мѣсто. И офицеръ, надо сознаться, дразнилъ арестанта не по злости, нѣтъ:—онъ слылъ добродушнымъ человѣкомъ,—а просто, по наивности своей не вѣдалъ, что творить. Далѣе: арестантъ сбился однажды, съ ногъ, идучи во фронтѣ изъ столовой; замѣтившій это офицеръ вдругъ разсердился, схватилъ арестанта за горло и закричалъ: «я тебя задушю», при-

правляя свои выраженія бранью. «Вы, ваше благородье, не имѣете права меня удупить», хрипло напомнилъ ему арестантъ. Отвѣтъ этотъ такъ странно поразилъ офицера, что онъ тотчасъ-же приказалъ фельдфебелю свести арестанта къ священнику, чтобы тотъ сдѣлалъ ему «пастырское наставленіе», что фельдфебель и исполнилъ, къ изумленію священника. У нѣкоего шправителя происходилъ пиръ, причемъ двѣ барышни (одна—дочь хозяина) изъ ревности вцѣпились другъ другу въ волосы и стали драться, что, впрочемъ, нерѣдкость въ благородныхъ семействахъ. Родитель, увидѣвъ эту потасовку, не придумалъ ничего лучшаго, какъ позвать арестантовъ разнимать дравшихся, отчего это событіе тотчасъ стало извѣстнымъ всей арестантской семьѣ. Другой начальникъ до того боялся арестантовъ, что постоянно входилъ къ нимъ въ камеры съ кистенемъ въ карманѣ и съ желѣзною палкою въ рукѣ. Арестанты это отлично знали и смѣялись надъ трусостью своего начальника. Вновь прибывшій на службу въ роту офицеръ явился, по порядку, къ коменданту и на вопросъ: ради чего онъ перевелся въ роту, смѣло отозвался «дослужить здѣсь, на спокоѣ, 2 года, до полной пенсіи». Былъ и еще старикъ, которому поручили, однажды купить матеріалы, но онъ полученныя на это деньги прогулялъ.... Полагаемъ, что довольно и приведенныхъ фактовъ, для характеристики состава офицеровъ ротъ; если бы продолжать это повѣствованіе, то намъ пришлось бы исписать не одну страницу, передавая и смѣшныя, и грустныя біографическія очерки.. Ругань и даже битье арестантовъ, запрещенныя 5 и 11 ст., тоже, нерѣдко, происходили въ ротяхъ.

Намъ могутъ, правда, замѣтить, что все это мелочь, единичные случаи. На это мы возразимъ, что вся жизнь ротъ слагается изъ мелочныхъ событій, составляющихъ цѣлую,

незыблемую систему, неблагоприятно отражающуюся на нравственном исправленіи людей. Всѣми признано, что только человѣколюбивое обращеніе съ арестантами примиряетъ этихъ людей съ ихъ участью, благотворно дѣйствуетъ на ихъ умъ и сердце, тогда какъ грубая, суровая манера, напротивъ, ожесточаетъ ихъ, доводитъ многихъ до криминальнѣйшихъ преступленій... Говоря это, мы невольно вспоминаемъ печальное событіе, однажды, видѣнное нами во время нашей практики. Вахтеръ не давалъ арестантамъ часть положеннаго имъ количества хлѣба, заставляя ихъ работать свыше силъ, всякія ихъ жалобы предупреждалъ доносами на нихъ же. Люди долго терпѣли, но вышли, наконецъ, изъ себя и кто-то кирпичемъ уложилъ вахтера на мѣстѣ. Присутствовавшій при этомъ офицеръ сталъ ругать ихъ, они схватили по кирпичу въ руки и офицеръ едва спасшись бѣгствомъ отъ нихъ,—немедленно донесъ кому слѣдовало о «бунтѣ». На мѣсто происшествія явился другой начальникъ и, увидѣвъ разъяренную толпу, съ кирпичами въ рукахъ,—*дружески* предложилъ имъ возстановить порядокъ. Арестанты мигомъ повиновались: простой русскій человѣкъ таковъ, что ласкою, добромъ изъ него хоть веревки вей; это подтвердитъ всякій, практически знакомый съ народнымъ духомъ.

Склонность къ сознанію своей виновности, къ исправленію, къ помощи ближнему, въ дисциплинированныхъ военныхъ арестантахъ неизмѣримо выше, нежели въ гражданскихъ, жившихъ до заключенія *собственными* умами. Посылка, напр., изъ ротъ писемъ къ роднымъ сопряжена съ значительными, по 106 ст. положенія *), затрудненіями; нѣко-

*) Право это предоставлялось только людямъ, находящимся въ исправляющихся и хорошаго поведенія, т. е. когда заведывающіе: отдѣленіями унтеръ-офицеры, фельдфебеля, офицеры, мастерскими и священники едн-

торымъ это даже просто запрещается за провинности; но это легко устраняется въ госпиталѣ. Поэтому многіе, какъ намъ достовѣрно извѣстно, растирали себѣ глаза, расковыривали раны на тѣлѣ, отправлялись, для леченія, въ госпиталь, писали тамъ и оттуда отправляли письма домой, и потомъ возвращались назадъ, въ роты. Другіе, имѣвъ возможность вести корреспонденцію съ родными, этого, напротивъ, не дѣлали, стыдясь сообщать правду—что заключены въ роты за преступленія; третьи не хотѣли причинять близкимъ сердцу людямъ печали рассказами о своемъ положеніи. Человѣкъ, сокрушавшійся объ участи дочери (317 стр.), когда онъ самъ находился въ горѣ—есть человѣкъ, безъ сомнѣнія, способный стать порядочнымъ. Арестанты со скорбію присутствуютъ, при тѣлесныхъ наказаніяхъ товарищей, съ восторгомъ прощаются съ освобожденными изъ ротъ, нацутствуя ихъ самыми горячими пожеланіями. Многіе арестанты Новогеоргіевской роты съ гордостью передавали намъ, что они изъ своего продѣвольствія согласились пронытывать семью, пришедшую издалека къ одному изъ ихъ товарищей. Съ признательностью отзывались арестанты Брестской роты о своемъ начальникѣ, пріютившемъ у себя въ квартирахъ арестантскую жену, съ малолѣтними дѣтьми. Во время свирѣпствовавшего голода, къ участію въ пожертвованіяхъ приглашены были и Динабургской роты арестанты, изъ которыхъ располагавшіе собственными деньгами *добровольно* отдавали кто четверть, кто половину, а кто и все свое достояніе, доходившее до 5 р.; изъ немощныхъ-же, по безденежью, помочь голодающимъ сожалѣли, что остаются

вогласно одобрять это поведеніе, что не всегда можетъ случиться. Недавно ст. 106 измѣнена впрочемъ: право переписки съ родными распространено и на арестантовъ разряда *испытующихъ*.

безучастными. И только одинъ, имѣвшій 2 р. отказался было отъ пожертвованія, говоря, что самому деньги нужны, — но товарищи такъ проявили его, что онъ потомъ самъ упрасивалъ взять его капиталъ и лишь тогда успокоился, когда желаніе его было удовлетворено *).

Не составляютъ-ли приведенные факты интересныя черты въ нравахъ арестантовъ, не отзывчивы ли они на доброе чувство, полезное дѣло? Полагаемъ—да!

Чѣмъ ближе стоитъ воспитатель къ своимъ воспитанникамъ, тѣмъ меньше между ними преградъ, тѣмъ плодотворнѣе вліяніе перваго на развитіе послѣднихъ. Взаимное довѣріе, пониманіе другъ друга всегда тѣснѣе сплавиваютъ людей; отсутствіе же этихъ элементовъ не только не располагаетъ послѣднихъ къ откровенности съ первыми, но неминуемо порождаетъ въ нихъ скрытность и вызываетъ оппозицію. Если въ исправительныхъ ротахъ кто и можетъ похвалиться сознательнымъ отношеніемъ къ арестантамъ, ихъ симпатію къ себѣ,—то (за рѣдкими, какъ въ Брестѣ, исключеніями) священники и доктора; офицеры же большею частію удовлетворялись лишь вышнимъ къ нимъ почтеніемъ арестантовъ, да свѣдѣніями, собиравшимися подъ сурдиню, чрезъ унтеръ-офицеровъ: секретарей-арестантовъ и другихъ старавшихся выслужиться наущничествомъ, получившимъ тамъ право гражданства.

Далѣе по 18 ст. положенія помощники начальниковъ ротъ обязаны вести дневники о поведеніи ввѣренныхъ имъ отдѣленій арестантовъ, на основаніи *собственныхъ* наблюденій и ежедневныхъ докладовъ фельдфебелей, а унтеръ-офицеры, согласно постановленію главнаго тюремнаго комитета

*) Вся арестантская лепта составила болѣе 70 р.

отъ 10 марта 1870 г., должны вести книжки, въ которыхъ есть графа для отмѣтокъ объ *изученіи характера* арестантовъ ихъ капральствъ. Изъ обоихъ указанныхъ источниковъ предполагалось черпать достовѣрныя свѣдѣнія о нравахъ арестантовъ и о степени ихъ способности къ нравственному перерожденію.

Вопросъ объ изученіи характера людей, да еще порочныхъ, есть вопросъ чрезвычайно важный, преимущественно психологическій; причемъ удачное разрѣшеніе его обуславливается индивидуальными качествами тѣхъ, которые посвятятъ себя этому дѣлу; яснѣе говоря, этого могутъ достигнуть только люди, *истинно* развитые, преданные своимъ обязанностямъ и имѣющіе непрерывныя сношенія съ субъектами, надъ которыми производить этотъ процессъ. А такъ какъ мудрая задача эта далеко превышала силы и способности большинства видѣнныхъ нами исправителей, все мирозерцаніе которыхъ не шло далѣе командованія *во фронтъ* солдатами и приказаній, отдаваемыхъ чрезъ фельдфебелей, — то и нечего, понятно, удивляться, если привычка, создавшаяся долготѣнью, однообразною службою — перенесена была стариками-офицерами и въ роты, гдѣ они водворили рутинный формализмъ, доходившій до того, что нѣкоторые офицеры не знали даже фамилій многихъ изъ подчиненныхъ имъ арестантовъ. Поэтому и дневники, и книжки выражали не сущность дѣла, а лишь его *форму*.

Офицеръ являлся утромъ, въ казарму. Фельдфебель встрѣчалъ его, рапортовалъ ему о благополучіи, докладывалъ, что арестантъ (положимъ, Степановъ) нагрубилъ унтеръ-офицеру. Офицеръ освѣдомлялся, какъ это произошло (иногда и этого даже не дѣлалось) и приказывалъ: а) Степанова отвести, на 3 дня, въ карцеръ, б) событіе занести въ штрафной журналъ; в) въ дневникъ проставить противъ фамилій, буквы: Степанова —

д, остальныхъ—х *) и все готово. Смотря на значеніе дневниковъ съ такой узкой точки зрѣнія, они, очевидно, оказывались лишними: коль скоро проступокъ Степанова формулированъ въ штрафномъ журналѣ, а всѣ прочіе арестанты, ни въ чемъ не провинившіеся, награждены огуломъ буквою х,—то небыло резона вести дневника, тѣмъ болѣе, что изъ прописывавшихся въ нихъ буквъ не дѣлалось никакихъ выводовъ.

Положеніе полуграмотныхъ унтеръ-офицеровъ по отношенію къ изученію арестантскихъ характеровъ весьма комично: въ одной ротѣ въ ихъ книжкахъ графа о характерѣ людей была, какъ мы видѣли, вовсе пустая; въ другой эти книжки составлялись, исключительно предъ смотрями, секретарями изъ арестантовъ; въ третьей ихъ вели послѣдовательно, по просьбѣ унтеръ-офицеровъ, грамотные арестанты же, или штатные писаря; въ четвертой—Брестской—офицеръ вносилъ въ книжки отмѣтки, сообразно графамъ, по штрафному журналу, что разумѣется ближе всего къ истинѣ; такъ какъ проступки чловѣка наглядно показываютъ его характеръ; въ пятой это дѣлалось какъ случится. Самимъ унтеръ-офицерамъ жутко становилось затверживать, предъ смотрями, то, что въ книжкахъ прописывалось и чего они дотолѣ не знали.

Однимъ изъ средствъ къ нравственному исправленію преступниковъ служить, по мнѣнію нѣкоторыхъ теоретиковъ, одиночное заключеніе и безусловное молчаніе: преступникъ предается, дескать, самосозерцанію и съ теченіемъ времени

*) Въ дневникѣ прописываются имена и фамиліи всѣхъ арестантовъ, а въ 80 графахъ ежедневно противъ фамилій буквы х и д, означашіи хорошо, дурно.

придетъ къ заключенію въ своей виновности, раскаяется и нравственно обновится. Правило это введено и въ положеніе объ исправительныхъ ротахъ (92 и 113 ст.). Несмотря однакожь, на это, мы смѣло заявляемъ, что если эта теорія и привьется, съ пользою, въ Россіи, на практикѣ,—то исключительно въ примѣненіи къ людямъ образованнымъ; на безграмотныхъ же, часто до послѣдней крайности невѣжественныхъ простолюдиновъ она будетъ вліять слабо, чтобы не сказать болѣе. Человѣкъ образованный, развитой,—сидитъ ли онъ за бумагою, за книгою, или за выкладкою — онъ всегда мысленно работаетъ. Будучи даже бѣднымъ, онъ все таки располагаетъ отдѣльною конуркою, въ которой живетъ *одна*. Поэтому, сознательно понимая свое положеніе,—онъ, по прежней привычкѣ, способенъ къ самосозерцанію, безмолвію. Но простолюдинъ, вся жизнь котораго отдается физическому труду,—не въ силахъ дать себѣ отвѣта на родившуюся въ головѣ мысль, и единственное его спасеніе—въ отвѣтъ другаго, тѣмъ болѣе, что простолюдины въ деревняхъ, въ казармахъ, въ мастерскихъ и т. под. мѣстахъ всегда гнѣздятся массами въ однѣхъ комнатахъ. Любой тюремный дѣлатель подтвердитъ, что арестанты неизмовѣрно тяготятся: развитые—сообществомъ, а невѣжды—отсутствіемъ его; тѣ и другіе часто умоляютъ не поступать съ ними противъ усвоенныхъ ими привычекъ, причемъ нерѣдко случаи потери разсудка содержащимися въ одиночномъ заключеніи *).

Оттого запрещеніе арестантамъ дѣлаться мыслями, впечатлѣніями *на словахъ* производить разнообразныя послѣдствія. Такъ, смѣтливые, бойкіе люди бесѣдуютъ между со-

*) Противъ одиночнаго заключенія высказано и въ передовой статьѣ «Спб. вѣдом.» 1873 г. № 109.

бою мимикою, придуманными жестами, знаками, однимъ имъ понятными. Другіе — трусливые, тупые, отъ молчанія впадаютъ въ уныніе, въ меланхолію и даже въ идиотизмъ *). Третьи, непримиримые, кипучаго темперамента люди, нарушаютъ непрерывно запретъ, подвергаются за это взысканіямъ, которыя только усиливаютъ въ нихъ ожесточеніе, парализирующее возможность исправленія ихъ нравственности. Кромѣ того ограниченіе это, при несоотвѣтствующихъ своему назначенію унтеръ-офицерахъ, влечетъ за собою еще неурядицу: одинъ арестантъ заговорилъ, но слышавшій это унтеръ-офицеръ промолчалъ; про другаго-же, по чему-либо ему не правящагося, онъ донесъ по начальству. Съ виновнаго взыскали и бѣда: арестанты пуще всего возмущаются, видя покровительство начальства однимъ и преслѣдованіе другихъ ихъ товарищей; тутъ ихъ озлобленіе не знаетъ границъ, а это тоже отражается все на томъ же исправленіи нравственности. Въ этихъ видахъ намъ кажется достаточнымъ сохранить правило молчанія въ церкви, за молитвами, за столомъ, на ученьяхъ, въ классѣ, при перекличкѣ, да по 92 ст., въ мастерскихъ; во время же *отдыха* не мѣшало бы дозволить *всегда* разговаривать, конечно, безъ шума и крика; въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ измѣнить 73 ст. положенія.

Арестанты, люди сбившіеся съ надлежащаго пути, относятся ко всему, ихъ окружающему, съ предубѣжденіемъ, во всемъ стараются отыскать темную сторону, соотвѣтствующую ихъ настроенію. Особенно подозрительно смотрятъ они на начальство по предметамъ ихъ содержанія. Чтобы распутать

*) Морское министерство само созналось въ этомъ, еще въ 1871 г., касательно арестантовъ этого вѣдомства исправительной тюрьмы въ Петербургѣ, отчего тогда же сочло необходимымъ отмѣнить, на половину, молчаніе.

этотъ гордіевъ узелъ, возвысить ихъ въ собственныхъ глазахъ, полезно распространить на всѣ роты порядокъ продовольствія, принятый въ Брестской тюрьмѣ (253 стр.), каковымъ порядкомъ и начальство, и арестанты одинаково довольны. Важнымъ, въ этомъ смыслѣ, подспорьемъ можетъ служить расширеніе смысла 118 ст., т. е., чтобы имъ читать „не время отъ времени *извлеченіе* изъ заключающихся въ положенія постановленій“, а хоть разъ въ 2 недѣли, но по одной, по двѣ главы положенія по порядку *все*, что въ немъ изложено. Это дастъ имъ возможность узнать обстоятельно весь смыслъ и все значеніе ихъ содержанія въ ротахъ. Потомъ, при переводахъ изъ испытуемыхъ въ исправляющіеся, можно подвергать ихъ экзамену, чтобы убѣдиться въ знаніи ими этого, ихъ касающагося, положенія. Точно также самыя переводы производить не толпами, а по-немногу, причемъ: а) не ограничиваться соображеніемъ, что коль скоро человекъ ни разу не проштрафился, то онъ достоинъ перевода, а строго оцѣнивать: какъ онъ занимался грамотностію, ремесломъ, какія и къ чему именно приобрѣлъ наклонности и б) сохранять въ *тайнѣ* отзывы членовъ объ оставленныхъ отъ перевода, а то сами офицеры передавали, случалось, арестантамъ, что ихъ не перевели по настояніямъ, напр., священниковъ, докторовъ, противъ которыхъ и возстановляли, этимъ способомъ, многихъ арестантовъ.

Состоящимъ въ разрядѣ исправляющіеся позволяется 106 ст., изъ заработковъ расходовать, „въ видѣ награды за хорошее поведеніе до половины денегъ на отправку писемъ и покупку, въ высокаторжественные дни и большіе праздники, булокъ, чаю и сбитня“. Въ теченіе долгаго странствія по ротамъ, мы нигдѣ, кромѣ Бреста, къ удивленію нашему не видѣли, при самыхъ тщательныхъ поискахъ, чтобы арестанты пили чай, ѣли булки или писали *открыто* письма.

въ роднымъ. Происходило это оттого, преимущественно, что изъ мелочныхъ заработковъ затруднительно было высчитать копѣйки и выписывать ихъ по нѣсколькимъ бнигамъ, какъ насъ увѣрялъ самый развитой, образованный изъ начальниковъ, на предложенный ему вопросъ.

Будки въ арестантскомъ положеніи, по нашему мнѣнію— лишній предметъ роскоши; о предоставленіи имъ чая за искусную и старательную работу въ мастерскихъ, мы говорили выше; поэтому здѣсь намъ остается рассмотреть вопросъ о перепискѣ, свиданіяхъ арестантовъ «съ родными и посторонними лицами», что дозволяется 75 ст. положенія. Моральная связь съ семьею посредствомъ словесныхъ или письменныхъ съ нею сношеній, безъ сомнѣнія дѣйствуетъ благотворно, часто на самыхъ даже закоренѣлыхъ злодѣевъ: она смягчаетъ нравственныя и физическія страданія. Исходя изъ основной идеи о цѣли существованія ротъ — *исправленія* нравственности арестантовъ, нельзя не пожелать, чтобы они какъ можно чаще переписывались и видѣлись съ родными. Между тѣмъ 75 ст. разрѣшаются свиданія *«съ крайнюю разборчивостью, сколь можно рѣже и только тамъ арестантамъ, которые этого заслуживаютъ»*; касательно же корреспонденцій въ 72 ст. выражено, что *«посылать и получать письма они могутъ не иначе, какъ съ разрѣшенія и черезъ посредство своего начальства, употребляя на это часть заработка, лишь съ видъ награды за хорошее поведеніе арестантовъ»* (106 ст.). Эти стѣснительныя условія порождали на практикѣ то, что *личныя* свиданія арестантовъ съ приходившими къ нимъ, часто издалека, женами, составляли рѣдкіе случаи; люди смиренные или вовсе не вели корреспонденцій, внутренне грусти по семьѣ; или отсылали и получали письма келейно, чрезъ унтеръ-офицеровъ, не то, какъ случалось, и чрезъ офицеровъ, за излишнюю запрещенную закономъ

услугу; наконецъ смѣльчаки причиняли себѣ раны и ходили въ госпиталь, для большаго удобства отсылки и получки писемъ. Сильна же должна быть сердечная потребность чловѣка въ извѣстіи о положеніи семьи, если онъ рѣшаетсяковырять гвоздемъ собственную руку или ногу, для достиженія задуманной дѣли! И каковы же плоды этой переписки? Получить арестантъ письмо отъ родителей съ упреками за совершенное преступленіе, съ описаніемъ ихъ печали, о постигшей его участи, и въ немъ хоть временно появится утрызненіе совѣсти, сознаніе своей виновности не только предъ закономъ и начальствомъ, но и предъ родными, которыхъ онъ заставляетъ плакаться на судьбу. Пришлетъ арестанту жена извѣстіе, что она живетъ благополучно, а оставленная имъ грудная дочка подрастаетъ, «цалуетъ его заочно не щетно разъ», любитъ бабушку, гоняетъ скотину въ поле; что сама жена и дочка молятъ Бога о скорѣйшемъ освобожденіи его, изъ неволи, и онъ умилится, вспомнивъ, что онъ не бобыль, не совсѣмъ еще пропащій чловѣкъ и т. д. Оба эти случая вызовутъ въ арестантѣ покорность, стараніе къ работѣ, къ изученію грамотности и т. п. Мы многократно бывали очевидцемъ, что полученіе арестантами писемъ отъ родныхъ составляло торжество не только для тѣхъ, кто получалъ, но и для многихъ ихъ сожителей: послѣдніе съ живымъ интересомъ слушали чтеніе этихъ писемъ, даже упрашивали товарищей «дать почитать што дома дѣлается», т. е. то, что ихъ отнюдь, повидимому, не касалось. Счастливыцы съ энтузіазмомъ, съ гордостью, сообщали товарищамъ о своихъ домашнихъ дѣлахъ, горячо обсуждали содержаніе будущихъ отвѣтовъ, съ совѣтами какъ и гдѣ выгоднѣе, напр., купить лошадь, сбыть лишній хлѣбъ, и т. д. Письма береглись ихъ владѣльцами, какъ драгоценное сокровище.

Опираясь на эти факты, приходимъ къ заключенію въ необходимости измѣнить смыслъ 75 ст.; вмѣсто выражений: «свиданія дозволяются съ *крайнею разборчивостію, сколько можно рѣже*» поставить «не чаще раза въ мѣсяцъ», какъ въ исправительной тюрьмѣ Морскаго вѣдомства, а въ 106 послѣ словъ «за *хорошее поведеніе*» добавить: «не болѣе раза въ два мѣсяца». Сроки эти мы ставимъ долгіе, чтобъ не затруднять начальство рога частымъ занятіемъ по означеннымъ предметамъ. Видоизмѣненіемъ этимъ, устранится неопредѣленность права вести корреспонденціи; уменьшится число больныхъ, время леченія которыхъ выкидывается изъ срока ихъ заключенія; увеличится количество рабочихъ рукъ и число учащихъ грамотѣ; арестанты скорѣе будутъ исправляться, а ихъ родители, жены, родственники не потеряютъ ихъ изъ виду, какъ это случалось при затруднительной перепискѣ съ ними, на что всѣ одинаково ропщутъ. При этомъ надлежитъ развить въ арестантахъ сознание обязанности переписываться съ родителями и женами, такъ какъ нѣкоторые на это не рѣшались изъ ложнаго стыда сообщить правду о себѣ. Въ этомъ всего быстрѣе могутъ успѣть священники путемъ чисто духовной аргументаціи на счетъ связи семейственной.

Будучи совершенно безпристрастнымъ ко всѣмъ, мы должны отмѣнить нѣчто непріятное и для иныхъ священниковъ. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые арестанты, стремясь приобрѣсть, на всякій случай, расположеніе священниковъ, просятъ ихъ служить молебны, причемъ вознаграждаютъ ихъ за этотъ трудъ далеко не по состоянію отъ копѣекъ до 1—2 р., изъ своихъ скудныхъ средствъ. Чтобы устранить подозрѣніе противъ священниковъ въ послабленіи арестантамъ за матеріальныя, — хотябъ и безкорыстныя имъ приношенія, — полезно вовсе запретить арестантамъ въ теченіе своего пребыванія въ ротахъ платить священникамъ за мо-

лебни, панихиды, предоставивъ только покупку свѣчь, просфоръ, да предъ выходомъ изъ ротъ вознаграждать священниковъ за напутствіе не больше 50 копѣекъ съ человѣка.

До воспослѣдованія Указа Сената 24 іюля 1816 г. люди, содержавшіеся въ острогахъ, именовались «колодниками» и «невольниками»; съ тѣхъ же поръ они называются, по 6 ст. Уст. о содерж. подъ стр., т. XIV св. гражд. зак., а равно по 3 п. 11 и многимъ послѣдующимъ статьямъ положенія объ исправительныхъ ротахъ, «арестантами». Слово это происходитъ отъ другаго «арестъ», каковому подвергаются люди, обвиненные въ маловажныхъ проступкахъ, влекущихъ за собою одно лишь лишеніе свободы на короткое время (Улож. о наказаніяхъ 1008, 1367 и проч., Военскій Уставъ о наказаніяхъ 7 п. 4 ст., Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями 3 п. 1 ст. и Дисциплинарный Уставъ). Въ исправительныя же роты заключаются нижніе чины за преступленія, предусмотрѣнныя приложеніемъ къ 6 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ, выходящихъ за предѣлы власти полковыхъ и имъ подобныхъ командировъ и судовъ; причемъ, по отбытіи въ ротахъ, опредѣленныхъ приговорами сроковъ, люди эти поступаютъ опять на службу (прил. къ 6 ст. в. у. и 3 ст. положенія о ротахъ). Званіе «арестантъ» считается до того позорнымъ, что даже люди, выходящіе изъ гражданскихъ тюремъ на волю и могущіе жить, по прежнему, *собственнымъ умомъ*, нескоро избавляются отъ этой клички, щемящей ихъ за сердце. Неимовѣрно чаще этотъ эпитетъ прилагается къ солдатамъ по возвращеніи ихъ въ полки, товарищами и даже меньшими изъ ихъ начальниковъ. Безпрерывное напоминаніе о горькомъ прошломъ обращаетъ иныхъ, вспыльчивыхъ, въ рецедивистовъ, что убыточно для правительства и губительно для самихъ солдатъ. Имѣя въ виду, что собственно названіе

не содержитъ въ себѣ никакого исправительнаго характера,— казалося бы пѣлесообразнымъ замѣнить его другимъ, напр. «исправительный», согласно тому, что они осуждаются на исправленіе въ роты; это будетъ правильнѣе и по аналогіи съ измѣненнымъ названіемъ прежнихъ ротъ.

Прекрасное постановленіе Главнаго Военно-Тюремнаго Комитета отъ 15 ноября 1869 года, о предоставленіи арестантамъ, по ирландской тюремной системѣ, полусвободы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не соблюдалось; потому надо бы настоять, чтобы оно непремѣнно исполнялось, какъ средство для узнанія, на сколько въ человѣкѣ окрѣпло пониманіе его положенія.

Доказавъ выше несостоятельность существующихъ дневниковъ, мы думаемъ, что вмѣсто нихъ и инструкцій унтеръ-офицерамъ, достаточно однихъ журналовъ, но съ тѣмъ, чтобы въ нихъ, на подобіе докторскихъ скорбныхъ листовъ, значились обстоятельныя свѣдѣнія о времяпрепровожденіи каждаго арестанта. Если докторъ любой больницы успѣваетъ ежедневно осмотрѣть, выслушать 50—70 пациентовъ, прописать имъ лекарства и діету, да еще изложить въ листъ всѣ происшедшія перемѣны, то едва-ли тяжелѣйшую задачу предстоитъ разрѣшить офицерамъ, по отношенію къ разумному веденію дневниковъ. Мы находимъ излишними употребленныя въ 18 ст. положенія послѣднія выраженія, что дневники ведутся «на основаніи *ежедневныхъ докладовъ фельдфебелей*». Обязать офицеровъ лично трудиться надъ дневниками, значить—отнять у нихъ право надѣяться на фельдфебелей и заставить ихъ *сознательно* смотрѣть на свое назначеніе; этимъ путемъ они гораздо больше приблизятся къ арестантамъ, причѣмъ уничтожится другое зло-наушничество, происходящее отъ неразвитости фельдфебелей и унтеръ-офице-

ровъ, неумѣющихъ справиться съ возложеннымъ на нихъ трудомъ.

Предлагая поручить веденіе дневниковъ непременно самимъ офицерамъ, мы имѣемъ въ виду еще другое полезное предложеніе,—именно при выпускѣ арестантовъ на службу,—посылать въ полки, въ числѣ препровождаемыхъ о нихъ документовъ, свидѣтельства о нравственныхъ качествахъ, степени грамотности и знаніи ремесль, чтобы полковое начальство сразу могло видѣть, какими людьми предстоитъ ему руководить. Но такія рекомендательныя свидѣтельства, которыя заключали бы въ себѣ безпристрастную правду—тогда только и возможны, когда они будутъ основаны на дневникѣ, составленномъ по ~~личнымъ~~ наблюденіямъ офицеровъ. Наконецъ, надобно поручить полкамъ ежегодно доносить Главному Тюремному Комитету о послѣдующей службѣ и образѣ жизни всѣхъ солдатъ, пришедшихъ къ нимъ изъ исправительныхъ ротъ. Донесенія должны заключать въ себѣ рубрики: а) въ какой ротѣ, за какое преступленіе, кто содержался; б) сколько именно времени; в) какъ былъ аттестованъ въ выпускномъ свидѣтельствѣ; г) когда прибылъ въ полкъ; д) какъ служилъ; е) остался-ли на службѣ, или уволенъ, или опять впалъ въ преступленіе, и въ послѣднемъ случаѣ—ж) въ чемъ преступленіе состояло и чѣмъ именно вызвано. Главный же Комитетъ, сгруппировавъ эти донесенія, получить полныя статистическія данныя о томъ, въ какой изъ ротъ лучше, или хуже люди содержались, приобрѣтали тѣ, или другія наклонности. Это дастъ комитету возможность: 1) судить, между прочимъ, и о качествахъ персонала ротъ; 2) донсаться причинъ малодѣтельности онаго, и 3) принять противъ персонала, который окажется непригоднымъ для тюремной службы, соотвѣтствующія мѣры.

Начальство исправительныхъ ротъ пользуется служебны-

ми правами: начальникъ—полкового, а помощники—ротныхъ командировъ (14 и 1 п. 19 ст. положенія). При этомъ имъ предоставлено подвергать арестантовъ за ихъ проступки: первому (по 15 ст.) наказаніямъ, предусмотрѣннымъ 121 и 222 ст., а послѣднимъ (по 2 п. 19 ст.) взысканіямъ, опредѣленнымъ въ 120 и 122 ст., тогда какъ въ войскахъ такого же рода проступки дѣлятся на 2 категоріи и первая—маловажныя караются по 8, 9, 27—33 ст. дисциплинарнаго устава *) изд. 1869 г., а вторая — по серьезнѣе—согласно 347 ст. Военно-Судебнаго Устава полковыми судами. Потомъ, начальникъ роты въ правѣ наказать арестанта до 100, а его помощника до 30 ударовъ розгами (122 ст.); въ войскахъ же, штрафованныхъ солдатъ предоставлено тѣлесно наказывать: полковому командиру—до 50, а ротному—до 15 ударовъ розгами (7 п. 27 и 10 п. 34 ст. Дисципл. Устава). Далѣе, на основаніи 14 и 15 ст. военно-судебнаго устава разбирательства въ полковыхъ судахъ производятся *коллективно* и *ласно*, за исключеніемъ событій, оговоренныхъ въ 316 и 317 ст. того же уст.; въ ротахъ же это дѣлается негласно, и даже тѣлесное наказаніе опредѣляется по единоличному усмотрѣнію начальника, или его помощника.

Между тѣмъ выше мы говорили, и это подтвердить всякій, практически знакомый съ арестантскою средою, что арестанты чрезвычайные ревнители абсолютной справедливости и, къ тому же, скептики. Какъ бы товарищъ ихъ ни былъ виноватъ, они часто не вѣрятъ, что его постигла именно та кара, какая обусловлена *закономъ*, вслѣдствіе исключительнаго ихъ настроенія, подневольнаго положенія; они не вѣ-

* *) Выписки изъ этого устава висятъ на стѣнахъ въ гвардейскихъ казармахъ, для всеобщаго свѣдѣнія; хорошо бы и арміи это сдѣлать.

рять справедливости приговора, видя, что наказаніе назначено однимъ лицомъ и по причинамъ, одному ему извѣстнымъ; они твердо помнятъ случаи неравнобѣрнаго и даже неправильнаго взыскапія. Касательно послѣдняго обстоятельства мы будемъ вести рѣчь въ слѣдующей главѣ; здѣсь же отмѣтить только факты, подтверждающіе нашу мысль о несоразмѣрныхъ взысканіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ жизни арестантовъ.

Однажды, ночью, офицеръ, проходя по камерамъ, услышалъ неприличный звукъ, произведенный спавшимъ арестантомъ. Онъ отыскалъ виновнаго, разбудилъ и отправилъ его въ карцеръ, на 3 сутокъ, а въ штрафномъ журналѣ отмѣтилъ „за несоблюденіе опрятности“. Арестантъ, не понявъ приказанія офицера рѣшился переспросить его. Офицеръ съелъ это ослушаніемъ и посадилъ его въ карцеръ. Многие арестанты, содержащіеся въ карцерахъ, на наши разспросы, отвѣчали, что не знаютъ за что посажены; случалось что и офицеры отзывались невѣдѣніемъ по этому предмету, такъ такъ фельдфебеля собственною властью заключали арестантовъ въ карцеры. Мы ограничиваемся констатированіемъ описанныхъ случаевъ, не желая утомлять вниманія читателей, которые въ очеркахъ сами видѣли какъ налагались на арестантовъ взысканія.

И такъ, полезно бы примѣнить къ ротамъ, по аналогіи съ полками, *малое* разбирательство проступковъ арестантовъ: мелкихъ, караемыхъ карцеромъ—пожалуй хоть единолично; но крупныхъ, влекущихъ за собою переводъ исправляющихся въ испытуемые и тѣлесное наказаніе—коллегіально, —ротными комитетами—по правиламъ, существующимъ въ военно-судебномъ уставѣ, для полковыхъ судовъ. Чтобы не тратить, на это дневнаго, рабочаго времени,—можно бы чинить судъ по вечерамъ, послѣ перекулки, когда всѣ люди въ

сборъ и свободны. Этимъ способомъ разомъ достигнется нѣсколько цѣлей: проступки будутъ караться не сгорача, не въ моментъ раздраженія, а когда гнѣвъ противъ виновнаго пройдетъ и мѣра взыскапія будетъ опредѣляться правильно, проступки станутъ очевидными для всѣхъ, а отсюда уничтожится предубѣжденіе противъ начальства, дѣйствующаго будто-бы несправедливо; нравственное достоинство арестантовъ возвысится въ ихъ собственныхъ глазахъ: они увидятъ безпристрастное отношеніе къ нимъ; обвиняемые, вслѣдствіе присущаго имъ, какъ людямъ, стыда предъ товарищами, при отрицаніи совершеннаго проступка, гораздо скорѣе въ нихъ сознаются, раскаются; наконецъ, ознакомившись наглядно съ тѣмъ, что возбраняется, они будутъ несравненно осторожнѣе въ проявленіи своей воли, строже къ своимъ обязанностямъ. На основаніи этихъ соображеній, слѣдуетъ, добавить: въ 119 ст. положенія послѣ слова „ротъ“ — разбираются при всѣхъ арестантахъ, а во 2 п. 121 и 122 ст. гласно же и коллегіально, по 316 и 317 ст. военно-судебнаго устава.

Опредѣленное провинившимся арестантамъ тѣлесное наказаніе, производится въ ротахъ предъ фронтомъ; хотя въ положеніи о ротахъ этого не сказано — но въ этомъ случаѣ придерживаются „правилъ о порядкѣ исполненія надъ нижними чинами тѣлеснаго наказанія“ (прилож. къ дисциплинарному уставу 1869 г.) *ради устришенія*. Дознано, что самыя лютыя казни, пытки не прекращали, устрашающимъ своимъ характеромъ, преступленій, а напротивъ, несмотря на весь ужасъ, охватывавшій толпы при видѣ вѣшанія, гоненья сквозь строй, битья кнутомъ, клейменія — преступленія, однородныя съ тѣми, за которыя вѣшали, стегали кнутомъ и били палками, въ тѣхъ же городахъ повторялись иногда съ бѣльшимъ еще звѣрствомъ. Понятно, слѣдовательно, что тео-

рія устрашенія лишена всякаго смысла, какъ доказываетъ, огромное большинство современныхъ криминалистовъ, которые въ одинъ голосъ говорятъ, что публичность наказаній развиваетъ въ зрителяхъ и особенно неразвитыхъ—исключительно „кровожадные, противонравственные инстинкты“. Это мнѣніе раздѣляютъ и гражданскіе наши суды: бродягъ, приговариваемыхъ къ 25 ударамъ розогъ наказывали обыкновенно, въ Петербургѣ, напр., въ тюремной банѣ, *безъ зрителей*; многихъ преступниковъ освобождаютъ отъ выслушанія приговоровъ въ окончательной формѣ, на площади.

Поэтому, и имѣя въ виду, что солдаты ссылаются въ роты для *исправленія* ихъ нравственности, мы полагаемъ полезнымъ отмѣнить, если не самое тѣлесное наказаніе (что почему-то считается невозможнымъ), то по крайней мѣрѣ хотя производство экзекуцій въ присутствіи *всѣхъ* арестантовъ ротъ, такъ какъ подобныя зрѣлища оказываютъ вредное вліяніе на ихъ нравственныя чувства.

IX.

Проступки, за которые опредѣляются наказанія, раздѣляются на 2 рода, какъ гласитъ 119 ст. положенія. Къ первому роду относятся: а) маловажныя нарушенія установленнаго порядка, несоблюденіе опрятности, тишины и т. под. б) нерадѣніе въ исполненіи урочной работы; в) ложныя показанія о болѣзни; взятіе, безъ позволенія, какой-либо чужой вещи, безъ намѣренія утаить, или присвоить ее себѣ; г) непослушаніе фельдфебелю или унтеръ-офицерамъ, безъ всякой, однако, грубости или иныхъ, увеличивающихъ вину, обстоятельствъ. Ко второму роду относятся: а) означенные выше, когда они совершены болѣе двухъ разъ; б) драки и

побой, немѣвшіе послѣдствіемъ ранъ, увѣчий или поврежденій въ здоровьѣ; в) умышенная порча одежды, обуви и другихъ вещей, выданныхъ арестанту или принадлежащихъ другимъ заключеннымъ; г) умышенное поврежденіе мѣста заключенія, утвари, посуды, инструментовъ или рабочихъ матеріаловъ; д) взятіе чужихъ вещей, съ намѣреніемъ присвоить ихъ себѣ; е) имѣніе при себѣ воспрещенныхъ вещей и орудій; ж) покушеніе на подкупъ нижнихъ чиновъ для послабленія въ надзорѣ; з) своеволие, буйное поведеніе и другіе подобныя проступки, нарушающіе порядокъ и благочиніе; и) непослушаніе фельдфебелю или унтеръ-офицерамъ, когда оно сопровождалось грубостью; к) покушеніе къ побѣгу; л) необъявленіе начальству объ умыслѣ другихъ арестантовъ учинить побѣгъ.

За проступки перваго рода опредѣляются 120 ст. слѣдующія наказанія: 1) заключеніе въ одиночномъ карцерѣ, на время отъ трехъ до семи дней, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ; 2) заключеніе въ темномъ карцерѣ на такое же время, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ; а за проступки втораго рода: 1) заключеніе въ темномъ карцерѣ отъ семи до четырнадцати дней, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ; 2) продолженіе времени испытанія отъ одного до трехъ мѣсяцевъ или перечисленіе изъ разряда исправляющихся въ разрядъ испытуемыхъ на такое же время; когда же проступки перваго и втораго рода сопровождались *особенными* обстоятельствоми, *увеличивающими* вину, то нарушители, по 122 ст., могутъ быть наказаны розгами: за проступки перваго рода—до тридцати ударовъ, по распоряженію помощника начальника роты, а за проступки втораго рода—до ста ударовъ, по опредѣленію начальника роты. Тѣлесное наказаніе назначается вмѣстѣ съ вышеопредѣленными взысканіями или въ видѣ самостоятельнаго наказанія. Сверхъ

того, начальству предоставляется усиливать заключение въ темномъ карцерѣ—наложеніемъ на виновнаго оковъ.

Вотъ вся лѣстница каръ, установленныхъ закономъ за всѣ, самыя разнообразныя, прегрѣшенія. Это сжатое, съ ощутительными недомолвками, указаніе на то, какъ начальству ротъ поступать—открываетъ намъ настоящую причину разнообразныхъ взысканій, налагавшихся на арестантовъ, за тождественные проступки, въ чемъ читатели, надѣемся, убѣдились, изъ очерковъ, въ которыхъ мы привели подробный перечень, назначавшихся наказаній въ томъ соображеніи, чтобы наглядно показать начальствующему персоналу ротъ различное исполненіе ими одного, для всѣхъ, закона. Впрочемъ, кромѣ указанныхъ въ очеркахъ голыхъ фактовъ, любопытно прослѣдить соображенія, изъ которыхъ вытекалъ широкій просторъ вазуистически комментировать самый законъ.

Изъ всѣхъ арестантскихъ проступковъ двѣ трети составляютъ куреніе табаку, что возбранено 72 ст. положенія. Это происходитъ отъ чрезвычайно сильной привычки къ куренію, замѣчающейся во всѣхъ солдатахъ, которые, поступая въ арестантскія роты, всячески стараются добыть, на табакъ, денегъ, хотя послѣднія и отнимаются у нихъ при обыскахъ. И вотъ, освѣдомившись, что у арестанта нашли нѣсколько копѣекъ, одни начальники признавали это гораздо бѣльшимъ проступкомъ, нежели отобранные, у кого-нибудь, комокъ махорки или пятокъ папирсъ. Скрывая, въ противность 72 ст., деньги, арестантъ въ состояніи скопить сумму, достаточную для подкупа часовыхъ (такъ формулировали они свои разговоры), и затѣмъ бѣжать изъ казармы.

Другіе начальники, напротивъ, значительно сильнѣе карали за отобранный табакъ. Чтобы достать табакъ, надо прежде запастись деньгами, разсуждали они; получить денегъ арестанту удается исключительно при проходѣ за пре-

дѣлами казармъ, за дровами, водою и т. п., отъ разныхъ лицъ, въ видѣ милостыни, просить или принимать которую имъ, само по себѣ, запрещено; значить арестантъ, у котораго отобранъ табакъ, *виноватъ*. По возвращеніи съ вѣшной работы, арестантовъ въ воротахъ обыскиваютъ, чтобы они не пронесли въ казарму чего-либо запретнаго; если же деньги отобраны въ казармѣ, стало быть арестантъ тайно пронесъ ихъ сквозь ворота и, нарушивъ 72 ст., опять *виноватъ*. Купить табакъ арестантъ можетъ тогда только, когда онъ располагаетъ 30 — 50 к., а этотъ капиталъ онъ въ состояніи набрать милостынею не меньше, какъ въ 3—5 разъ; всѣ эти разы онъ, очевидно, проносилъ деньги въ казарму обманчивымъ способомъ и *виноватъ* въ повтореніи одного и того же проступка многократно. Держать при себѣ деньги запрещено 72 ст., а такъ какъ онъ это запрещеніе неоднократно нарушилъ,—то опять *виноватъ* и подходитъ къ 2 роду взысканія. Купить табакъ самому ему нельзя: онъ одинъ никуда не ходитъ, слѣдовательно онъ подговорилъ, подкупилъ, для достиженія своей цѣли, унтеръ-офицера и снова *виноватъ* противъ 7 п. 119 ст. Наконецъ, самое куреніе есть актъ, противный 72 ст., между тѣмъ онъ, храня табакъ, не премѣнно рѣшился самъ курить, да еще ввести въ искушеніе другихъ, которые, не видя его курящимъ—легко можетъ статься, не сдѣлали бы этого, ну и еще разъ *виноватъ*. Соединивъ такимъ образомъ, всѣ 6 обвинительныхъ пунктовъ, начальники, по совокупности, подводили арестанта прямо подъ послѣднюю мѣру взысканія, т. е. запирали виновнаго на 14 дней въ темный карцеръ на хлѣбъ и воду, съ оставленіемъ въ испытуемыхъ на 3 мѣсяца, одновременно по 1 и 2 п. 120 ст. за то, что въ его соломенникѣ нашли комочекъ махорки.

Были еще и такіе начальники, которые, относясь къ ку-

ренію суровѣе предъидущихъ, мотивировали свои приговоры еще своеобразнѣе. Закурить табакъ, какъ онъ есть въ комкѣ, нельзя: дымъ не пойдетъ прямо въ ротъ; трубокъ, бумаги, для завертки въ нее табаку арестанты не имѣютъ, а потому они вырывали, тайно, изъ казенныхъ, читаемыхъ ими книжекъ, листки, чѣмъ портили, какъ сказано въ 8 п. 119 ст., казенное добро. Курить открыто, въ виду 72 ст.—опасно; по сему, задулавъ это сдѣлать, арестанты уходять въ уединенное мѣсто, и, уклонясь такимъ образомъ отъ своихъ обязанностей, совершаютъ проступокъ, предусмотрѣнный 2 п. 119 ст. Днемъ огня нигдѣ нѣтъ, а вечеромъ онъ вездѣ горитъ въ лампахъ, со всѣхъ сторонъ закрытыхъ, поэтому, чтобы закурить, слѣдуетъ добыть спичекъ, вещь—по 7 п. 119 ст. запретную. Потомъ, остерегаясь какъ-бы кто не увидалъ, что курять, они второпяхъ роняютъ, бросаютъ куда попало, непотушенные спички, папирсы; а такъ какъ мѣсто предполагается непремѣнно уединенное—темный уголъ корридора, сортира, кухни, мастерской и т. п.,—то тлѣющій огонь способенъ произвести пожаръ, а за нимъ переполокъ, сумятицу, въ которой не трудно ловчимъ и убѣжать, слѣдовательно это дѣйствіе подлежитъ карѣ по 4 и 10 п. 119 ст. Руководствуясь столь мудрою логикою, начальники подвергали, случалось, арестантовъ, особливо повторявшихъ куреніе, даже самому высшему наказанію: розгамъ, переводу изъ исправляющихся въ испытуемые, да еще заключенію въ карцерѣ на хлѣбъ и воду на двѣ недѣли, ссылаясь на 1 и 3 п. 121 и 122 ст. положенія.

Нѣкоторые изъ начальствовавшихъ лицъ сажали въ карцеръ преимущественно на 5—7 дней, доказывая, что начинать съ 3 дней не стоитъ: арестанты только, дескать, выспались въ теченія этого времени. Другіе же, на оборотъ, держались въ этомъ отношеніи буквы 1 п. 120 ст., т. е. начинали съ

3 дней, но отступали отъ второй части этой статьи, т. е. не лишали арестованныхъ горячей пищи, говоря, что за не вычищенныя, напр., сапоги, жестоко кормить 3 сутокъ только хлѣбомъ съ водою. Сажали, наконецъ, и на 1—2 сутки, въ карцеръ, но въ журналъ штрафовъ не записывали изъ самохраненія: чтобы лица, инспектирующія роты, не распекали ихъ за отступленія отъ закона.

Доказывая существованіе приведенной аномалии, мы, въ видахъ безпристрастія, должны отмѣтить здѣсь и противоположное, именно, что касательно взысканій вообще и куренія въ особенности установился совершенно правильный взглядъ въ Брестской ротѣ, гдѣ начальникъ, наказывая курителей, имѣлъ въ виду только фактъ куренія, самъ по себѣ, а не дѣлалъ произвольныхъ догадокъ относительно заднихъ мыслей провинившихся арестантовъ: 72 ст. запрещено курить, и нарушившій это правило, заключался за первый разъ, на 3 дня въ карцеръ на хлѣбъ и воду, а при повтореніи этого проступка, взысканіе прогрессивно усиливалось, сообразно обстоятельствамъ и предписанію закона. Что начальство помнудтой роты относилось къ своему дѣлу разумно,—это, видно и изъ того еще, что тамъ, во 1-хъ, тѣлесное наказаніе примѣнялось въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, а во 2-хъ, велась статистика совершенныхъ, въ теченіи года, проступковъ, чего ни въ одной изъ прочихъ ротъ не дѣлалось.

Такъ какъ большинство проступковъ составляютъ, какъ мы выше помянули, случаи куренія, на что собственно и добываются арестантами деньги, то ради предупрежденія этихъ проступковъ, не лишнимъ считаемъ добавить, что деньги на табакъ проносились арестантами въ казармы въ заднемъ проходѣ, подъ дѣтородными частями, между пальцами ногъ, въ сапогахъ, а доставляли имъ, за эти деньги, табакъ ротные же унтеръ-офицеры и караульные солдаты, особливо изъ со-

державшихся прежде въ ротахъ; при этомъ цѣнность табаку всегда соотвѣтствовала большей или меньшей строгости начальства ротъ. Во время нашего объѣзда ротъ, мы собрали слѣдующія свѣдѣнія по этому предмету. Четверка табаку стояла:

	<i>на рынокъ:</i>	<i>въ казармѣ:</i>
въ Ригѣ.	3 к.	50—60 к.
„ Брестѣ.	4 „	40—50 „
„ Новогеоргиевскѣ	5 „	30—35 „
„ Бобруйскѣ.	4 „	20—25 „
„ Данабургѣ.	3 „	8—10 „

Арестанты, которые, по безденежью, не въ состояніи достать табаку, охотно, при возможности, ѣли сырой лукъ, чеснокъ, жевали перецъ, листы отъ осиновыхъ деревьевъ: все это содержало въ себѣ, по ихъ словамъ, какое-то одуряющее вещество, которое до нѣкоторой степени замѣняло табакъ.

Возвращаясь къ разсмотрѣнію вопроса о налагаемыхъ на арестантовъ наказаніяхъ, несоотвѣтствующихъ ихъ виновности, оговоримся, что недомолвки закона мы не приписываемъ недостатку предусмотрительности со стороны лицъ, составлявшихъ положеніе: тогда мудро было предвидѣть всѣ послѣдствія; ктому же въ сжатой формѣ закона никогда нельзя уложить всѣхъ жизненныхъ явленій, обнаруживающихся лишь постепенно, при примѣненіи закона къ практикѣ.

Оттого, и имѣя въ виду, что уже болѣе 4 лѣтъ существуютъ роты, успѣвшія скопить, путемъ практики, много поучительнаго матеріала, весьма пригоднаго для улучшенія закона, мы полагаемъ, что изъ подробнаго разсмотрѣнія штрафныхъ журналовъ ротъ можно составить безошибочную, удобопонятную, для всѣхъ, градацію проступковъ и слѣдующихъ за нихъ наказаній. Попробуемъ сгруппировать въ одной

таблицѣ всѣ, значащіяся въ очеркахъ, проступки, разбиты ихъ на рубрики и подвести подъ соотвѣтствующія степени наказаній. Проступки должны, по нашей таблицѣ, распадаться на слѣдующія категоріи.

Первый родъ составляютъ:

1) *Несоблюденіе опрятности во время пребыванія въ ротъ*, т. е.: а) выходъ безъ пуговицы у куртки, съ развязаннымъ галстукомъ, разстегнутыми брюками; б) оставленныя на лѣстницахъ, въ камерахъ, столовой, кухнѣ, въ мастерскихъ, соръ, пыль, грязь и т. п., въ бытность гдѣ-либо изъ названныхъ мѣстъ дневальнымъ, и в) замѣченныя дыры на одеждѣ, обуви, когда на исправленіе этихъ погрѣшностей обвиняемый располагалъ, разумѣется, досугомъ и матеріаломъ.

2) *Мелкія шалости*, заключающіяся: а) въ умыленномъ пролитіи воды, крошеніи въ столовой хлѣба, катаніи изъ него шариковъ; б) въ толканіи другъ друга; в) въ прятаніи чужой вещи, съ цѣлю напугать ея владѣльца; г) въ частомъ хожденіи, ночью, въ сортиръ, ради безпокойства дежурнаго унтеръ-офицера; д) въ вымышленномъ заявленіи о прибытіи начальства, дабы развлечь, переполошить товарищей, и е) въ возбраняемомъ крупномъ разговорѣ; въ тѣлодвиженіяхъ производящихъ смѣхъ, соблазнъ и проч.

3) *Относящіяся до характера*: а) грубое обхожденіе, споръ, ссоры съ товарищами и нанесеніе кому-либо изъ нихъ обиды словомъ; б) ложная претензія о неполученіи чего-либо изъ поля; проносъ въ казарму, для игры, косточекъ, картъ; в) куреніе табаку первый разъ.

Во второму роду отнесемъ:

1) *Непониманіе значенія ссмыки въ роты*: т. е., а) мелкіе словесные обманы товарищей во всѣхъ видахъ; б) маловажныя обиды ихъ дѣйствіемъ; в) проносъ денегъ, количествомъ меньше рубля; г) нерадѣніе къ работѣ, къ грамотности; д) ложное заявленіе о болѣзни, дабы избавиться отъ ученія, работы, и д) тайную работу вещей: для себя, на продажу и куреніе табаку второй разъ.

2) *Стремленіе къ сохраненію собственности, на удовлетвореніе прежнихъ привычекъ*, т. е.: а) сокрытіе мелкихъ (до рубля) денегъ, вещей, при поступленіи въ роту; б) проносъ таковыхъ (больше рубля) чрезъ ворота, во время нахождения въ ротѣ; в) храненіе всѣхъ названныхъ предметовъ, въ казармѣ; куреніе табаку третій, четвертый разъ и т. д.

3) *Безразсудныя дѣйствія*, т. е.: а) передѣлку, не спросясь, казенной вещи на неформенную; б) нечаянную порчу: матеріаловъ, инструментовъ, книгъ,—вырываніемъ изъ нихъ листовъ; в) недонесеніе о найденной чужой вещи.

Къ третьему роду причислимъ:

1) *Проявленіе своеволія*, т. е.: а) предъумышленную порчу матеріаловъ, инструментовъ, книгъ, одежды, обуви и бѣлья; б) утрату казенной вещи; в) игру въ кости, карты; г) проносъ въ казарму водки; д) причиненіе вреда собственному здоровью, чтобы не работать, не учиться грамотѣ.

2) *Стремленіе къ личной матеріальной выгодѣ и къ нанесенію ущерба казнѣ*, т. е.: а) торговлю табакомъ; б) обмѣнъ завѣдомо худшей вещи на лучшую; присвоеніе чужой вещи;

в) ломку посуды, утвари, дверей, нарѣ въ карцерахъ; г) торговлю водкою и т. д.

3) *Посвятельство на собственность и личность друиыхъ*, т. е.: а) самоуправство, буйство; б) утайку найденнаго предмета; в) покушку, завѣдомо похищенной, вещи; г) похищеніе, храненіе и сбытъ этого малоцѣннаго предмета.

Такъ какъ арестанты будущіе *солдаты*, которые прежде всего обязаны безусловно повиноваться начальникамъ, свято чтить дисциплину, то подобныя нарушенія въ ротѣ должны считаться *проступками*

Четвертаго рода, къ которому причислимъ:

1) Нерадѣніе и уклоненіе отъ фронтowychъ ученій, ослушаніе унтеръ-офицеровъ, часовыхъ, фельдфебелей и грубость противъ нихъ.

2) Обманы поименованныхъ лицъ и дерзость противъ нихъ.

3) Угрозу противъ этихъ же лицъ словами и жестами.

4) Ослушаніе и грубость противъ офицеровъ.

5) Дерзкіе и презрительные отзывы противъ высшаго начальства.

6) Подвупъ начальниковъ нижнихъ чиновъ, для послабленія въ надзорѣ.

7) Обманы офицеровъ и грубость противъ нихъ.

8) Повушеніе къ побѣгу.

Такимъ образомъ предусматриваются почти всѣ арестантскіе проступки. Переходя, за сими, къ опредѣленію мѣры наказанія за каждый изъ перечисленныхъ проступковъ, предпочитаемъ держаться, въ этомъ отношеніи, преимущественно правилъ, преподанныхъ ротамъ положеніемъ. Исходя изъ этого взгляда, мы предлагаемъ разграничить взыскапія слѣдующимъ образомъ.

**За проступки, означенные въ первомъ родѣ
содержать въ свѣтломъ карцерѣ:**

а) По 1 пункту — съ довольствіемъ горячею пищею на обѣдъ и ужинъ и съ постельникомъ, безъ одѣяла, на ночь, отъ 1 до 5 сутокъ, что образуетъ, какъ указано въ раздѣленіи, въ означенномъ пунктѣ, 5 степеней.

б) По 2 п. отъ 2 до 7 сутокъ, безъ постельника и съ горячею пищею въ *одну* обѣдъ—будетъ 7 степеней.

в) По 3 п. — съ горячею пищею только въ ужинъ — 2 степени.

За проступки 2 рода содержать безъ постельниковъ, три четверти дня—въ свѣтломъ, а четверть дня—въ темномъ карцерѣ:

а) По 1 п. отъ 4 до 8 сутокъ, ежедневно полдня въ свѣтломъ, а полдня въ темномъ карцерѣ, съ горячею пищею ежедневно, отчего получится 4 степени.

б) По 2 п. отъ 4 до 10 сутокъ въ *темномъ* карцерѣ, въ который открывать свѣтъ на $\frac{1}{2}$ дня, съ горячею пищею въ обѣдъ—составитъ 6 степеней.

в) По 3 п. отъ 5 до 10 сутокъ въ *темномъ* карцерѣ, освѣщая оный четверть дня, съ горячею пищею только въ ужинъ 3 степени.

За проступки 3 рода наказанія усилить такъ:

а) По 1 п. отъ 6 до 12 сутокъ, въ освѣщаемомъ на 3 часа темномъ карцерѣ, съ горячею пищею *черезъ день* и съ лишеніемъ *черезъ день* же права спать $\frac{1}{4}$ ночи, съ выставленіемъ виновнаго, во время утренихъ и вечернихъ переключекъ,

впередн всѣхъ, лицомъ къ товарищамъ, вирожденіи недѣли 4 степени.

б) По 2 п.—отъ 8 до 12 сутокъ, съ горячею пищею чрезъ сутки и съ стояніемъ при перекличкахъ, въ столовой впереди всѣхъ, вирожденіи *двухъ* недѣль—4 степени.

в) По 3 п. отъ 10 до 14 сутокъ, съ предъидущими лишеніями и стояніемъ, предъ товарищами, во всѣхъ названныхъ мѣстахъ, вирожденіи *мѣсяца*, имѣя на груди надпись о фактѣ виновности—3 степени.

За проступки 4 рода налагать взысканія такимъ порядкомъ:

а) По 1 п. лишать права отдыха въ послѣ обѣденное время и соломенника на ночь отъ 3 до 6 сутокъ.

б) По 2 п. оставлять безъ отдыха, отъ 5 до 8 сутокъ и лишать права вести корреспонденцію съ родными 2 мѣсяца.

в) По 3 п. все предъидущее, безусловное молчаніе отъ 7 до 10 сутокъ, да еще продленіе срока испытанія на мѣсяць.

г) По 4 п. къ сказанному въ п. в. добавить срокъ испытанія или переводить въ испытуемые на 2 мѣсяца.

д) По 5 п. сверхъ вышесказаннаго отдавать переводъ въ испытуемые изъ исправляющихся на 3 мѣсяца.

е) По 6 п. кромѣ только что сказаннаго и отдаленія перевода въ исправляющіеся и обратно въ испытуемые на 4 мѣсяца—лишеніе права вести корреспонденцію 3 мѣсяца.

ж) По 7 п. сверхъ помянутыхъ въ предъидущемъ и отдаленія перевода на 5 мѣсяцевъ заставлятъ безвозмездно работать, безъ чая, 2 мѣсяца.

з) По 8 п. тоже, что выше на 14 дней, а срокъ испи-

танія на 6 мѣсяцевъ и самый тяжелый, даровой трудъ 4 мѣсяца.

Наконецъ, чтобы гарантировать правосудію правильность и по изложенной таблицѣ слѣдуетъ принять въ руководство 87—93 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ, статьи, въ которыхъ обозначены всѣ поводы, дающіе право на смягченіе или усиленіе обвиняемому мѣры наказанія, за совершенные проступки.

Мы отдалиши, правда, срокъ выпуска арестантовъ изъ ротъ на 3 мѣсяца (по 2 п. 121 ст. это допускается только до 3 мѣсяцевъ) но за то игнорировали введенные 122 ст. оковы, тѣлесное наказаніе; на могущій же возникнуть вопросъ: почему мы это сдѣлали, отвѣтимъ слѣдующими соображеніями.

Во-первыхъ всѣ практики единогласно удостовѣряютъ, и мы этому, по опыту, вѣримъ,—что арестанты чрезвычайно дорожатъ сокращеніемъ срока и нахожденіемъ въ разрядѣ исправляющихся, не только какъ надеждою скорѣе увидѣть вольный свѣтъ, но и улучшенною, для исправляющихся, пищею, слѣдовательно человѣку, нарушающему дисциплину въ самой ротѣ, гдѣ онъ долженъ научиться вести себя безупречно,—продленіе срока гораздо чувствительнѣе, въ нравственномъ отношеніи, нежели иное наказаніе. Къ тому же и товарищи, зная это, тоже будутъ остерегаться слѣдовать его худому примѣру.

Во-вторыхъ, роты носятъ названіе исправительныхъ, а розги не имѣютъ исправляющаго характера; напротивъ: онѣ, какъ дозволено десятками лѣтъ, значительно хуже ожесточаютъ наказываемыхъ, какъ физическою болью, такъ и моральнымъ позоромъ, а потому это наказаніе изъято изъ употребленія въ Петербургской и Московской исправительныхъ гражданскаго вѣдомства тюрьмахъ, созданныхъ по

новѣйшей системѣ; это послѣднее обстоятельство вытекло изъ того, что направить на путь истинный злую волю человека, вселить въ него уваженіе къ закону, правдѣ, возможно лишь при благотворномъ воздѣйствіи на его умъ и сердце, мѣрами кроткими, человѣколюбивыми.

Существенное замѣчаніе, которое можетъ встрѣтить наложенную нами примѣрную таблицу взысканій — это, зачѣмъ мы исключили тѣлесное наказаніе для арестантовъ, когда оно существуетъ, какъ читатели видѣли выше, въ полкахъ для штрафованныхъ солдатъ, а послѣдніе должны стоять, во всякомъ случаѣ, выше арестантовъ. Предугадывая это замѣчаніе — возразимъ на него вотъ чѣмъ. Забота о штрафныхъ солдатахъ вовсе не входитъ въ настоящую нашу задачу, ибо цѣль ихъ штрафованія далеко не та, какая сопровождаетъ солдата осужденіе въ исправительную роту. Потомъ, мы горячо желаемъ, чтобы и штрафныхъ освободили отъ розогъ, чтò будетъ гармонировать доводамъ «Русскаго Инвалида», который обзрѣвая, въ Январѣ текущаго года, дѣятельность военнаго вѣдомства за 1872 г., въ похвалу этому вѣдомству, между прочимъ, выразился «чтобы дойти до всеобщей воинской повинности нужно было заблаговременно *освободить* армию отъ всякаго позора, нужно было имѣть рѣшимость *снять* съ нея *тѣлесное наказаніе*». А такъ какъ наказаніе это опредѣляется штрафнымъ по тому самому «Дисциплинарному уставу», который военная газета до того превозноситъ, что считаетъ способнымъ, создать изъ солдатъ «мыслящую единицу», то да поможетъ Богъ скорѣйшему осуществленію того, что «Инвалидъ» считаетъ уже исполненнымъ, — т. е. не истязать никого изъ штрафованныхъ солдатъ, которъ было: въ 1870 г. — на 683,246 чел. — 30,487 чел.; въ 1871 г. — на 733,761 чел. — 20,852 чел. и въ 1872 г. — 20,152 чел. изъ регулярнаго войска.

Наконецъ ставъ на твердой почвѣ о немислимости исправленія нравственности розгами мы и предлагаемъ замѣнить ихъ средствами, сообразными съ духомъ времени, и, если наше предложеніе удостоится вниманія — будемъ душевно рады, а отвергнется, искренно пожалѣемъ и больше ничего.

Впрочемъ, если для *военныхъ*, собственно арестантовъ, нужны исключительныя, суровыя кары, мы, хоть и съ прискорбіемъ, готовы пойти на компромиссъ: пусть розги существуютъ, но съ тѣмъ: а) чтобы число ударовъ не превышало, какъ въ Петербургской исправительной тюрьмѣ морскаго вѣдомства—50; б) чтобы ими вразумлять только тѣхъ, которые окажутся виновными въ нанесеніи другимъ ранъ, въ кражѣ, побѣгахъ, и в) чтобы начинать съ 10, и только за повтореніе проступковъ увеличивать число ударовъ тоже по 10, а отнюдь не сразу по 50, какъ это принято въ нѣкоторыхъ ротахъ, изъ коихъ люди отправлялись, бывало, прямо изъ-подъ розогъ въ госпитали, для леченія изсѣченнаго тѣла; и даже умирали отъ этихъ, на медицинскомъ нарѣччіи называемыхъ «травматическнхъ» болѣзней, какъ это видно изъ 165 и 344 страницъ очерковъ.

Само собою разумѣется, что всякій проступокъ и наложенное на него взысканіе должно быть *обстоятельно* занесено въ штрафной журналъ, который необходимо вести офицерамъ *собственноручно*, дабы сохранить въ памяти проступокъ провинившагося и увеличить вниманіе на него; а начальникамъ ротъ провѣрять эти журналы *ежедневно*, чтобы стройно направлять дѣятельность ихъ помощниковъ къ достиженію цѣли. Разсужденіе это надлежитъ, полагаемъ, вставить въ 122 ст. положенія.

Не зная примутся-ли въ соображеніе высказанныя нами предположенія о градаціяхъ проступковъ и наказаній—по-

желаемъ устраненія хоть мелкихъ неурядицъ, въ родѣ слѣдующихъ.

На основаніи 64 ст. положенія, прибывающіе въ роты арестанты заключаются на полсрока испытанія въ одяночное заключеніе — карцеръ. Правило это, за исключеніемъ срока, который для нѣкоторыхъ длиненъ (это на 6 лѣтъ осужденъ—годъ, согласно 60 ст.), рационально какъ средство, для близкаго ознакомленія исправителей съ правами, наклонностями людей, еще непримкнувшихъ къ арестантской средѣ, когда ихъ легко вызвать на откровенность, на бесѣду о прошедшемъ и объяснить имъ наглядно, предстоящее имъ будущее. Обращаясь, за симъ, къ практикѣ, мы видѣли, что содержаніе 64 ст. буквально нигдѣ не исполнялось, по крайнему недостатку вездѣ карцеровъ, въ которыхъ по мѣсяцу, по два люди высживали, ни чѣмъ не занимаясь, за отсутствіемъ приспособленій, по окончаніи которыхъ законъ возымѣетъ, вѣроятно, свою силу. Между тѣмъ имѣвшіеся, въ ротахъ, карцеры, были съ глухими, досчатыми дверями, въ которыхъ сверху прорублены были маленькія окошечки и потому стояшіе, въ корридорахъ, часовые и проходившее мимо начальство, могли узнать, что дѣлаетъ заключенный, только по вступленіи внутрь карцера. Оттого одни флегматики, лѣтѣя спали тамъ безъ просыпа, до одурѣнія, до потери всякаго сознанія, которое въ нихъ пробуждалось, какъ въ животныхъ, лишь для ѣды, либо въ сѣтованіи на неполученіе на ужинъ горячей пища. Другіе, сангвиники, сперва метались въ карцерахъ, изъ угла въ уголь, потомъ ломали нары, производили шумъ и отъ раздраженія сутокъ по 2—3 ничего въ ротъ не брали, дичали совсѣмъ и кончали нерѣдко, криминальными преступленіями. Третьи—меланхолики впадали, постепенно, въ уныніе, тоску,

здоровье ихъ быстро разстроивалось, ибо они, сверхъ сего, предавались онанизму.

Устранить описанныя ненормальности легко, думается намъ, слѣдующими мѣропріятіями. Въ свѣтлыхъ карцерахъ, одиночныхъ заключеніяхъ, замѣнить глухія двери рѣшетчатыми, сквозь которыя всегда можно было бы видѣть запертыхъ тамъ людей, а содержать ихъ въ этихъ карцерахъ не сразу 2—3 мѣсяца, а периодически, чрезъ недѣлю, какъ въ Новогеоргіевскѣ: это чувствительнѣе дѣйствуетъ на людей, (см. 213 стр.); вслѣдствіе этого уменьшится число какъ больныхъ, такъ и совершающихъ, въ отчаяніи, преступленія. Касательно же тѣхъ, которые сажаются въ *темные* карцеры, желательно бы предоставить имъ свѣту по-крайней-мѣрѣ хоть по нѣсколько часовъ въ сутки: тогда глаза ихъ не подвергнутся порчѣ по выходѣ изъ темноты прямо на рѣзкій, дневный свѣтъ (314 стр.).

Х.

Изрядная числительность больныхъ арестантовъ въ ротахъ зависѣла, судя по опыту, отъ долгаго содержанія многихъ арестованными подъ предварительнымъ слѣдствіемъ, въ плохихъ помѣщеніяхъ; отъ странствія по этапамъ, вмѣстѣ со всякимъ сбродомъ, странствія, разстраивающаго, между прочимъ и здоровье попутчиковъ; отъ продолжительнаго нахожденія ихъ въ ротахъ, въ одиночномъ заключеніи, отъ сидячей вообще жизни, безъ достаточнаго моціона, отъ тоски по родинѣ, увеличивающейся отъ узкаго права арестантовъ переписываться съ родными; (что вынуждаетъ многихъ ковырять свое тѣло); отъ недостатка заботливости о чистотѣ ихъ тѣла; горцы—отъ крутой перемены климата;

отъ задержки больныхъ въ ротныхъ околоткахъ, для прида-
нiя отчетности болѣе приличнаго вида; отъ небрежнаго ихъ
леченiя нѣкоторыми прикомандированными къ ротамъ док-
торами, а равно въ общихъ госпиталяхъ. Всѣ эти причины,
часть которыхъ можетъ стать уже устраненна (съ 1873 г.
разрѣшено ротамъ завести свои лазареты, штатныхъ меди-
ковъ) окончательно исчезнуть, мы увѣрены, со введенiемъ
предлагаемыхъ нами различныхъ измѣненiй въ администра-
тивномъ и законодательномъ отношенiяхъ.

«Время болѣзни, проведенное арестантомъ въ госпиталѣ,
или лазаретѣ исключается изъ срока пребыванiя его въ
ротѣ, назначеннаго приговоромъ, такъ гласитъ 128 ст.
Этими выраженiями предусмотрѣны случаи, которые несом-
нѣнно широко привились бы къ практикѣ ротъ. Именно:
человѣкъ, прибывъ въ роту, допустимъ на 2 года, пожилъ
недѣлю, убѣдился, что тамъ плохо, расковырялъ себѣ гвоз-
демъ нарочно, положимъ, ногу, или растеръ кирпичемъ
глаза и его отослали въ госпиталь, гдѣ постель, пища хо-
рошiя, гдѣ спокойно, нѣтъ никакихъ обязанностей, поэтому
онъ не допускалъ окончательно залечить ему глаза, или
раны, желая елико возможно дольше не возвращаться въ
роту, благо до выпуска изъ нея все меньше оставалось вре-
мени, такимъ способомъ онъ скороталъ цѣлый годъ. Глядя
на него и другiе стали бы дѣлать тоже самое, отчего
больныхъ было бы пропасть. Зачитать подобнымъ людямъ
время болѣзни въ срокъ заключенiя въ ротѣ, разумѣется
не слѣдуетъ, съ чѣмъ согласятся всѣ; но тутъ же рожда-
ется вопросъ: за что же дѣйствительно хворавшiй, *помимо
своей воли*, человѣкъ протрадалъ 3—5 мѣсяцевъ въ госпи-
талѣ, находясь на арестантскомъ положенiи, а между тѣмъ
это время у него выключаютъ изъ срока заключенiя? Это
несправедливо. Противъ этого аргумента та же 128 ст. гово-

речь дальше: «если болѣзнь произошла отъ изнуренія, ушиба, или иного несчастнаго случая (это считается, по цитируемой намъ статьѣ, особенно уважительными обстоятельствами), то время болѣзни *можетъ*, вполне, или частію, *быть зачтено* въ срокъ пребыванія арестанта въ ротѣ». Затѣмъ, дабы эта льгота не всякому давалась, статья заключаетъ: «*но не иначе, какъ съ разрѣшенія начальника мѣстныхъ войскъ* Округа, по особому, каждый разъ представленію начальника роты, основанному на мнѣніи ротнаго комитета». Значить, зачетомъ могутъ воспользоваться лишь избранные, ибо во 1-хъ, на это нужны «*особенно уважительныя обстоятельства*», во 2-хъ, согласіе коллегіи, въ 3-хъ, въ представленіи начальству роты неудобно напр. писать: «*отъ изнуренія*» (большинство страдаетъ именно изнуреніемъ и чахоткою) изъ самосохраненія: начальникъ мѣстныхъ войскъ вправѣ отнести это къ безпечности самаго начальства роты о ввѣренныхъ его попеченію людяхъ. Вслѣдствіе этого зачета дѣйствительно удостаивались чрезвычайно рѣдкіе больные. Остальные же теряли время своей хворости. Это, конечно, вело къ тому, что арестанты часто скрывали свои болѣзни (иногда очень серьезныя) до послѣдней степени возможности, когда уже нельзя было серьезно лечить ихъ.

Въ интересахъ сбереженія людскаго здоровья, полезно расширить смыслъ 128 ст., т. е., кромѣ указанныхъ въ ней льготныхъ случаевъ, вставить чахотку, во всѣхъ періодахъ, рожу, цыngu, органическіе пороки внутренностей, водянку, словомъ всѣ недуги, которые проявляются *помимо воли* человѣка, и потому положительно подходящіе подъ несчастные случаи, разумѣемые 128 ст. и не признаваемые, по неясности самой статьи, начальниками. Какъ скоро въ упомянутую статью будетъ введено указанное добавленіе, число больныхъ уменьшится значительно: люди перестанутъ скры-

вать болѣзни, бояться госпиталя, куда пойдутъ своевременно, а начальство ротъ будетъ, безъ стѣсненія руководствоваться, при представленіяхъ, буквальными выраженіями статьи, да медицинскими актами.

Признаніе, наконецъ, за болѣвшими права на зачетъ едва ли ни правильнѣе предоставитъ медикамъ, изучающимъ больныхъ, пользующимъ ихъ, на такомъ же основаніи, какъ по ихъ удостовѣреніямъ слабосильные солдаты увольняются преждевременно на поправку на годъ, на два домой.

Далѣе, избавляются ли солдаты, осужденные въ исправительныя роты отъ ссылки въ оныя, если они, по произнесеніи надъ ними приговора, окажутся дряхлыми отъ старости, либо совершенно хворыми, т. е. негодными ни на физическій, ни на умственный трудъ? Объ этомъ въ воинскомъ уставѣ о наказаніяхъ ничего не сказано. Отъ того Главный Тюремный Комитетъ сдѣлалъ странное распоряженіе, чтобы всѣхъ подобныхъ солдатъ, даже одержимыхъ органическими пороками, непременно отсылали въ исправительныя роты, гдѣ они образуютъ неисцѣляемый контингентъ больныхъ *). А такъ какъ время болѣзни въ госпиталѣ, не зачитается, какъ читателя видѣли выше, въ срокъ пребыванія въ ротахъ, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подобныхъ субъектовъ могло бы, разумѣется, накопиться множество, то въ предупрежденіе этого созданы: а) въ воинскомъ уставѣ о наказаніяхъ 53 ст., гласящая: «тѣ изъ нижнихъ чиновъ, которые не состоя на срочной службѣ, окажутся, по дряхлости, старости или по болѣзнямъ совершенно неспособными ни къ какимъ работамъ и замѣтимъ въ исправительныхъ ротахъ, исключаются изъ

*) Мы видѣли хромыхъ, слѣпыхъ, съ грибами, со сведенными руками, ногами, дряхлыхъ стариковъ, болѣе 70 лѣтъ и т. д.

военнаго вѣдомства и *передаются* въ распоряженіе гражданскаго начальства, для *поступленія* съ ними *по правиламъ о неспособныхъ* къ работамъ въ арестантскихъ ротахъ *гражданскаго вѣдомства*, а тѣмъ изъ арестантовъ, которые, *состоя на срочной службѣ*, окажутся, по тѣмъ же причинамъ, совершенно неспособными ни къ какимъ работамъ и занятіямъ въ ротахъ, *передаются* гражданскому начальству, для *содержанія въ тюрьмахъ гражданскаго вѣдомства, до окончанія сроковъ*, на которые приговорены были къ отдачѣ въ роты и затѣмъ *обращаются*, въ вѣдѣніе гражданскаго начальства, для поступленія съ ними на основаніи *правилъ*, существующихъ для лицъ, выбывающихъ изъ арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства, по окончаніи ими срока работъ», и б) въ положеніи о ротахъ: 2 п. 129, 135 — 139 ст., изъ которыхъ приведемъ лишь необходимыя, для насъ, главныя статьи: 135, по которой арестанты, «неспособные къ мастерствамъ, употребляются на хозяйственныя работы», а «неспособными» ни къ какимъ работамъ признаются, по 136 ст., «совершенно *слѣпыя*, немѣющіе рукъ или ногъ, дряхлыя отъ совершеннаго расслабленія, паралича и другихъ болѣзней, имѣющіе большія килы, препятствующія ходить и работать; да оказавшіеся, послѣ долговременнаго врачебнаго пользованія, имѣющими современно неизлечимыя болѣзни, лишаящіе ихъ *навсегда* способности ко всякой работѣ».

Со всѣми этими людьми 138 ст. предписываетъ поступать, согласно вышеприведенной 53 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ. Въ этой же послѣдней статьѣ, между прочимъ, выражено, что гражданское вѣдомство, принявъ неспособныхъ ни къ какимъ работамъ военныхъ арестантовъ, обязано устроить ихъ будущность, „на основаніи правилъ, существующихъ для лицъ, выбывающихъ изъ гражданскихъ арестант-

скихъ ротъ по неспособности къ работамъ и за минованіемъ сроковъ, на которые они были осуждены туда“. Для уясненія читателю достоинствъ этихъ правилъ и добывающихся изъ нихъ практическихъ результатовъ, считаемъ необходимымъ нѣсколько распространиться объ этомъ предметѣ.

Къ несостоящимъ на обязательной службѣ „неспособнымъ ни къ какимъ работамъ арестантамъ“ относятся 1090—1094 ст. Устава о содерж. въ арест. ротахъ, т. XIV гражд. зак., статьи, сущность которыхъ заключается въ томъ, что арестанты, страдающіе «слабосиліемъ, неизлечимыми припадками, поврежденіями, старостью, препятствующими передвигать тяжести, дѣйствовать орудіями, при работахъ употребляемыми, признаются неспособными, и тѣ изъ нихъ, которые, будучи въ исправляющихся, осуждены на 1 — 2 года, могутъ, до истеченія сего времени, быть *передаваемы въ приказы общественнаго призрѣнія, для пропитанія посильными трудами, а по истеченіи онаго возвращаемы «на прежнее жительство или приписываемы къ городамъ и къ казеннымъ селеніямъ»*, а „испытанные сосланные болѣе, чѣмъ на 2 года, переводятся до срока въ мѣстныя тюрьмы, а потомъ, въ случаѣ непріятія ихъ обществами—отсылаются на водвореніе въ Сибирь; арестанты же 2 разряда, совершенно неспособные ни къ какимъ работамъ возвращаются *домой*“.

На состоящихъ на *обязательномъ* срокѣ службы „неспособныхъ ни къ какимъ работамъ“ арестантовъ распространяются нижепоказанныя другія статьи того же и прочихъ уставовъ. Вопросъ объ этихъ людяхъ былъ подробно разработанъ нами въ книгѣ „Жизнь заключенныхъ“, изъ которой намъ остается привести нѣкоторые, сюда подходящіе, выдержки, такъ какъ вопросъ этотъ доселѣ остается неизмѣннымъ. Такъ, люди эти, по смыслу 1 п. 1081 и 1086 ст. Устава объ гражд. арест. ротахъ, т. XIV св. гражд. зак.,

возвращаются въ тѣ общества, къ которымъ принадлежали до ихъ осужденія въ роты. Однако въ силу 566, 1 и 2 п. 567 ст. того же Устава (последняя статья по продолж. 1863 г.) 9 и 574 ст. IX т. о состоянiяхъ, а равно 2 п. 300 ст. Устава о предупрежденiи и пресѣченiи преступленiй XIV-же тома, по особымъ приговорамъ, составляющимся, согласно 301—311, 313 и 314 ст. Уст. предупр. и пресѣч. прест., общества въ правѣ и не принять ихъ въ свою среду по *собственнымъ, отъ нихъ* исключительно зависящимъ *соображенiямъ*. Тогда люди эти, согласно 316 ст. Уст. предупред., и пресѣч. прест. и 1083 и 1084 ст. Уст. объ арест. ротахъ ссылаются на житье въ Томскую или Тобольскую губерни.

Проще говоря, всѣхъ «неспособныхъ ни къ какой работѣ военныхъ арестантовъ», чаявшихъ, на основанiи 53 ст. воинскаго Устава, попасть домой, — въ дѣйствительности ждало въ перспективѣ водворенiе въ Сибирь. Мы смѣло говоримъ «всѣхъ», потому что намъ, по гражданской тюремной практикѣ, достовѣрно извѣстно, что изъ возвращавшихся доселѣ, изъ гражданскихъ арестантскихъ ротъ, бывшихъ мѣщанъ, крестьянъ не больше какъ одинъ изъ 50 приходилъ во-своися, а всѣ прочiе направлялись въ Сибирь: въ бытность ихъ въ арестантскихъ ротахъ, въ продолженiе 3—5 лѣтъ память о нихъ, преимущественно бѣдныхъ матеріальными средствами и вліятельною роднею, въ обществѣ совершенно сглаживалась; мѣстное общественное начальство, при которомъ они были на лицо и считались порядочными членами, давно ужъ перемѣнилось; жить и платить исправно подати имъ сначала, конечно, будетъ нечѣмъ, а слѣдовательно общество навязетъ себѣ, принятиемъ ихъ, только лишнюю, тягостную обузу. Разсуждая на эту тему, — положительно никто не рѣшался и заикнуться въ ихъ пользу, а потому имъ предоставлялась одна дорога—въ Сибирь. «Неспособнымъ же ни къ какимъ рабо-

тамъ военнымъ арестантамъ» не было ужъ рѣшительно никакихъ шансовъ избѣгнуть Сибири, ибо: а) большинство ихъ дряхлые старики — происходили изъ кантонистовъ, *никогда не принадлежавшихъ ни къ какому обществу*, очевидно ихъ и пристроить *официальнымъ* порядкомъ было некуда; б) молодые же «неспособные» поступали на службу по-крайней-мѣрѣ лѣтъ за 5, за 6 до признанія ихъ неспособными, причемъ, не веда, съ родными, по долгу, никакихъ письменныхъ сношеній — они утрачивали всѣ связи съ родиною; в) небрежное веденіе рекрутскими присутствіями и другими мѣстами формулярныхъ списковъ, въ которыхъ проверялось и даже вовсе пропускалось указаніе родины многихъ неспособныхъ, — повело къ тому, что объ обществахъ, къ которымъ многіе нѣкогда принадлежали, нерѣдко не оказывалось никакихъ свѣдѣній. Всѣ эти причины, въ совокупности, поставили гражданское вѣдомство въ большое затрудненіе: куда дѣвать всѣхъ неспособныхъ? Въ одномъ Петербургскомъ, напр., тюремномъ Замкѣ постоянно содержалось, въ теченіе послѣднихъ 3 лѣтъ сряду, по 50—80 чел., высланныхъ только изъ Кронштадтской, Свеаборгской и Шлиссельбургской военно-исправительныхъ ротъ, а чрезъ Столичную пересыльную тюрьму прошло, этихъ неспособныхъ, въ Сибирь, на водвореніе, множество...

Убѣдившись, такимъ образомъ, въ несостоятельности 53 ст. воинскаго Устава о наказаніяхъ, Военное Министерство, 1 апрѣля 1871 г. исходатайствовало, законодательнымъ порядкомъ, измѣненіе содержанія этой статьи. Новая редація ея гласитъ: «тѣ изъ нижнихъ чиновъ, которые, *не состоя на срочной службѣ*, окажутся по дряхлости, старости или по болѣзнямъ совершенно неспособными ни къ какимъ работамъ и занятіямъ въ военно-исправительныхъ ротахъ, исключаются изъ военнаго вѣдомства и *передаются* въ распоряженіе

гражданскаго начальства, для поступленія съ ними по правиламъ о неспособныхъ къ работамъ въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ гражданскаго вѣдомства, а тѣ изъ арестантовъ, которые состоятъ на срочной службѣ и окажутся по тѣмъ же причинамъ совершенно неспособными ни къ какимъ работамъ и занятіямъ въ военно-исправительныхъ ротахъ, передаются гражданскому начальству, для отправленія въ Сибирь, на водвореніе. Съ тѣми изъ сихъ послѣднихъ, которые, по состоянію здоровья, не будутъ въ силахъ слѣдовать въ Сибирь, поступать на основаніи свода законовъ тома XIV Устава о ссыльныхъ ст. 102—115».

Теперь посмотримъ, что именно достигнуто приведеннымъ измѣненіемъ 53 ст. воинскаго устава. Съ этою цѣлью обратимся къ законамъ объ „исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ гражданскаго вѣдомства“ и къ вышепомянутымъ 102—115 ст. Уст. о ссыльныхъ.

Согласно 998 ст. Уст. о содерж. подъ стр., изд. 1857 г., арестантскія роты считались: одиѣ—гражданскаго, а другія—военнаго вѣдомствъ. 998 ст. того же Устава по продолженію 1868 г. роты уже названы исправительными. Затѣмъ 3 примѣчаніе къ той же 998 ст., по прод. 1871 г., гласитъ, что въ 1870 г. „повелѣно: гражданскія арестантскія роты переименовать въ исправительныя отдѣленія; отмѣнить въ нихъ военное и ввести гражданское управленіе и вольнонаемную стражу“; при этомъ опредѣляются права, власть, содержаніе, классъ должности начальниковъ, надзирателей, составъ людей въ этихъ отдѣленіяхъ и т. под. Что же касается *внутренняго содержанія* арестантовъ,—то 4 п. этого примѣчанія объясняетъ, что „во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ подчинить отдѣленія дѣйствующимъ узаконеніямъ объ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства“. По продолженію 1872 г. къ этой же статьѣ повторяется какія именно

роты обращены въ отдѣленія. А такъ какъ ни по одному изъ продолженій сущность 1090—1094 ст. Уст. не отмѣнена и не измѣнена,—то ясно, что онѣ, по смыслу 4 примѣч. къ 998 ст. 1871 г., сохраняютъ повинѣ свою силу. Поэтому неспособные ни къ какимъ работамъ арестанты, не состоящіе *на обязательной службѣ*, будутъ передаваемы въ вѣдѣніе замѣнившихъ приказы общественного призрѣнія—земствъ, для прокормленія посильными трудами, или возвращены на прежнее жительство—родину, или же приписаны къ городамъ и селеніямъ, какъ выше сказано. Слѣдовательно участь ихъ облегчена.

Переходя къ другой категоріи неспособныхъ ни къ какимъ работамъ, состоявшимъ *на обязательномъ сроку служб*ы узнаемъ вотъ что. Больные ссыльные, немогущіе слѣдовать въ путь,—задерживаются въ городахъ, на основаніи 102—115 ст. уст. о ссыльныхъ; состояніе ихъ здоровья свидѣтельствуется, установленнымъ порядкомъ, и по утвердительномъ разрѣшеніи вопроса о болѣзни,—они оставляются, для пользованія, въ мѣстныхъ тюремныхъ лазаретахъ, на одинаковомъ съ прочими арестантами положеніи. Затѣмъ, если по испробованіи всѣхъ медицинскихъ средствъ, окажется, что больной неизлечимъ, или что на скорое его выздоровленіе нѣтъ надежды,—то объ этомъ сообщается въ Тобольскій приказъ о ссыльныхъ, для надлежащей отмѣтки. Неизлечимыми изъ этихъ арестантовъ признаются лишь тѣ, которые одержимы: „въ высшей степени чахоткою, сопряженною съ изнурительною лихорадкою; параличемъ нижнихъ оконечностей; большимъ расширеніемъ внутреннихъ или наружныхъ боевыхъ жилъ—аневризмомъ; совершенною слѣпотю; общею брюшною и грудною водяною, если она образовалась отъ застарѣлыхъ заваловъ во внутренностяхъ; падучею болѣзнию, если припадки повторяются болѣе 2-хъ

разъ въ недѣлю; приросшею, застарѣлою, обширною и повязкою неудержимою грыжею; кровохарканьемъ; членосоставнымъ гриппомъ; вѣтреною оспою и костоѣдою нижнихъ конечностей; сведеніемъ этихъ конечностей, членосоставною немощью; злобачественными язвами, сопряженными съ худосочиемъ и изнуреніемъ всего тѣла; противоестественнымъ членосоединеніемъ нижнихъ конечностей; ракомъ прямой кишки; недостаткомъ всѣхъ или большихъ пальцевъ на обѣихъ ногахъ, съ прилегающими къ нимъ пальцами, если этотъ недостатокъ произошелъ отъ отмороженія“.

И такъ, страдающіе одною изъ перечисленныхъ болѣзней, арестанты, оставаясь жить „въ особомъ отдѣленіи тюрьмы ежегодно переосвидѣтельствуются“ и выздоровѣвшіе отправляются все-таки въ Сибирь; касательно же остальныхъ, обязывавшихся прежде оставаться въ тюрьмахъ до смерти—нынѣ сдѣлано также благодѣяніе, заключающееся въ слѣдующемъ. Чтобы поправившіеся не задерживались въ тюрьмахъ—111 ст. Уст. о ссыльныхъ, по прод. 1871 г., поручаетъ наблюдать за этимъ тюремнымъ комитетамъ и прокурорскому надзору; „неполучившихъ же облегченія въ болѣзняхъ, оставленныхъ въ тюремныхъ больницахъ, преступниковъ, эта статья предписываетъ *освободить изъ заключенія*: каторжныхъ—по истеченіи въ полтора раза большаго срока, на который они были приговорены къ каторжнымъ работамъ; присужденныхъ къ ссылке въ Сибирь на поселеніе, въ отдаленныя и неотдаленныя мѣста—черезъ 6 лѣтъ; осужденныхъ къ ссылке на житье въ Сибирь: въ отдаленныя мѣста (сюда подходятъ прямо неспособные военные арестанты)—черезъ 4½ года; въ неотдаленныя мѣста—черезъ 3½ года, осужденныхъ къ ссылке на житье въ другія отдаленныя, кромѣ Сибири, губерніи — черезъ 3 года, — всѣхъ со времени ихъ поступленія въ тюремныя замки. Освобожденные этимъ способомъ изъ за-

включенія помѣщаются: каторжные и поселенцы—въ заведенія общественнаго призрѣнія, а осужденные на житье—отсылаются, если пожелаютъ, въ селенія не ближе 60 верстъ отъ губернскихъ городовъ, на пропитаніе своими трудами, безъ приписки въ число платящихъ государственныя подати; если же этого не захотятъ—отдаются въ заведенія общественнаго призрѣнія. Наконецъ отличнаго, безукоризненнаго поведенія дряхлымъ арестантамъ самый срокъ заключенія—примѣчаніемъ къ этой статьѣ предоставляется сокращать, по усмотрѣнію тюремныхъ комитетовъ, на одну треть. Мѣра эта безспорно, весьма гуманная и достойная всякаго одобренія—калеки будутъ знать, что если имъ суждено будетъ прожить срокъ,—то они узрятъ вольный свѣтъ. Однако жаль, что не опредѣленъ срокъ, отъ минованія котораго въ неизлечимой болѣзни начинается другой срокъ отсиживания въ тюрьмѣ извѣстныхъ лѣтъ, а это возбудитъ на практикѣ недоразумѣнія, различныя толкованія какъ понимать этотъ законъ. Было бы полезно разъяснить, что если въ теченіи полугода, года, арестанты не поправятся, то отъ того времени вести счетъ лѣтамъ отсиживания.

Такимъ образомъ, съ измѣненіемъ 53 ст. отиѣнено содержаніе неспособныхъ въ гражданскихъ тюрьмахъ до наступленія срока, на который они были осуждены въ роты и освобождены: а) гражданское вѣдомство—отъ обязанности искать, посредствомъ переписки, пристанища для этихъ неспособныхъ ни къ какой работѣ военныхъ арестантовъ,—посылая ихъ прямо въ Сибирь; б) сами арестанты—отъ несбыточныхъ иллюзій—вернуться когда-нибудь во свояси, если только они не подойдутъ подъ правила, установленныя прописанною 111 ст. Уст. о ссыльныхъ.

Смотря на положеніе „неспособныхъ ни къ какому работамъ военныхъ арестантовъ“ совершенно объективно, не-

нормальность этого положенія, какъ-то невольно бросается въ глаза. Представимъ себѣ, слабосильнаго солдата, который будучи, примѣрно, на маневрахъ, простудился, получить тотчасъ же медицинское пособіе ему, почему бы то ни было, не удалось и онъ захирѣлъ. Потомъ, совершивъ преступленіе— попалъ на гауптвахту, гдѣ господствовала сырость, которая, вмѣстѣ съ грустною заботою о будущемъ, добавила ему хворости. Далѣе, онъ отправился осенью, на легкѣ одѣтый, по этапу, въ наручникахъ, въ исправительную роту, куда прибылъ уже съ явными признаками чахотки. Тутъ сперва одиночное заключеніе, а за нимъ усиленный трудъ, скудная пища, строгій надзоръ, отсутствіе движенія,—словомъ, довольно тяжелая жизнь, сопровождаемая неотвязною думою о потерянномъ благополучномъ прошломъ и темномъ, безотрадномъ будущемъ еще болѣе усиливаютъ въ немъ чахотку и потому онъ, вслѣдствіе окончательнаго изнуренія, признанъ неспособнымъ, ни къ какимъ работамъ, назначенъ въ Сибирь на водвореніе, переведенъ въ гражданскую тюрьму, откуда ужъ не въ силахъ былъ предпринять столь далекое путешествіе. Онъ оставленъ въ лазаретѣ; воздухъ и обстановка котораго усиливаютъ его страданія и пробывъ тамъ годъ, онъ умираетъ. Между тѣмъ, если бы его, по признаніи неспособнымъ сразу, отпустили домой, напр. на югъ, то онъ, легко можетъ стать, еще поправился бы и пригодился бы и себѣ, и людямъ. Дальше, здоровый арестантъ, которому до выпуска изъ роты осталось 3—4 мѣсяца, разбивалъ, въ кузницѣ, молотомъ накаленное желѣзо, осколокъ котораго попалъ ему въ глазъ, а онъ, въ пылу боли, схвативъ, вмѣсто воды скипидаръ, плеснулъ себѣ въ глаза, вслѣдствіе чего очутился въ неспособныхъ и отправленъ въ Сибирь, на водвореніе. Кормится тамъ ему, ослѣпшему, будетъ нечѣмъ, онъ превратится въ уличнаго нищаго, ста-

нетъ переключивать изъ деревни въ деревню и кончить жизнь гдѣ-нибудь подъ заборомъ, въ сугробѣ снѣга.

Случай, подобные описаннымъ, далеко не рѣдкость. Мы знаемъ, напр., что ослѣпшій въ ротѣ арестантъ былъ назначенъ по неспособности, въ Сибирь, но гражданское вѣдомство долго отказывалось принять его, говоря, что ему нуженъ безсмѣнный провожатый, котораго гражданскому вѣдомству взять негдѣ. Другой такой-же, бывший военноваторжный арестантъ, Ал. Николаевъ, подлежавшій водворенію въ Сибири и ходившій на костыляхъ, цѣлыхъ 4 года содержался въ Петербургскомъ тюремномъ замкѣ, въ ожиданіи: когда его искалеченная, негодная къ употребленію нога, выпрямится и онъ пріобрѣтаетъ возможность пуститься въ путь; другими словами, онъ ждалъ, пока совершится чудо!.. А какъ этого не случилось, то онъ впалъ въ идиотизмъ, пустилъ оловянною кружкою въ голову сосѣду больному въ больницѣ, отчего затѣялось было дѣло, кончившееся тѣмъ, что его отвезли, недавно, въ Новгородскую тюрьму для содержанія..

Спрашивается: предстоить ли для правительства и общества нравственная или матеріальная выгода отъ ссылки такихъ „неспособныхъ ни къ какимъ работамъ арестантовъ“ въ Сибирь; отъ содержанія ихъ, на казенный счетъ, долгіе годы въ тюремныхъ больницахъ; наконецъ, отъ ихъ смерти въ этихъ больницахъ? Смѣемъ думать, что отъ этого врядъ ли предвидится польза, потому что постигая человѣка, хотя бы и арестанта, неизлечимая болѣзнь, сама по себѣ отчасти искупаетъ, страданіями, его пороки и едва ли можетъ считаться обстоятельствомъ, увеличивающимъ степень его виновности. Напротивъ: такая болѣзнь даетъ ему право, какъ по общечеловѣческому, такъ и по юридическому даже закону, на облегченіе, на снисхожденіе, въ виду его немощи.

Отсюда понятно, что вслѣдствіе постигшей арестанта неизлечимой болѣзни, отягчать его, и безъ того ужъ жалкую участь, представляется неправильностью, которая еще увеличивается въ виду того, что навсегда разлучаетъ мужа съ женою, отца съ дѣтьми: они, живя, преимущественно въ деревняхъ, никогда даже не узнаютъ, куда дѣвался глава ихъ семьи, да еще въ такое критическое время, когда человѣкъ, лишившись возможности пропитывать себя собственными трудами,—могъ бы избавиться отъ нищеты, или даже отъ преждевременной смерти на чужбинѣ. Онъ могъ бы воспользоваться, на родинѣ, успокоеніемъ, весьма важнымъ для человѣка жалкаго духомъ и тѣломъ и готовящагося отойти въ вѣчность...

Мы предрекаемъ „неспособнымъ ни къ какимъ работамъ военнымъ арестантамъ“ горькое одиночество въ Сибири не по легкомыслію, а на основаніи неоспоримыхъ данныхъ. Женатый человѣкъ, сосланный въ Сибирь *на поселеніе*, по *лишеніи всѣхъ правъ состоянія* можетъ вступить во второй бракъ, такъ какъ первый, съ лишеніемъ этихъ правъ состоянія расторгается, согласно 2 п. 45 ст. 1 ч. X т. Св. гражд. законовъ. Бывшіе же арестанты (безъ различія, военный или гражданскій), *водворяемые въ Сибирь* не освобождаются отъ прежнихъ супружескихъ узъ и потому вторичная женитьба тамъ для нихъ немыслима. Хотя за мужьями обвѣихъ этихъ категорій жены и обязываются, правда (по силѣ 2 п. приложения къ 103 ст. 1 ч. X т.) слѣдовать въ Сибирь, но, на практикѣ, это удобоисполнимо только для людей, уходящихъ на водвореніе *съ родины*, или жившихъ *совмѣстно* съ женами, до отправки ихъ въ Сибирь, но не для военныхъ арестантовъ, большинство которыхъ, по сдачѣ ихъ въ рекруты оставили женъ, дома, сами множество разъ переводились съ мѣста на мѣсто, изъ полка въ полкъ, а жены многихъ изъ

нихъ, впродолженіи долгихъ лѣтъ службы мужей, располагаемая (по 242 ст. Уст. о паспортахъ т. XIV Св. гражд. закон.) отдѣльными видами, свободно перебивали въ многихъ же городахъ, такъ что не имѣя между собою, какъ водится, постоянной переписки — навсегда потеряли другъ друга изъ виду. Наконецъ въ подкрѣпленіе мысли о томъ, что „неспособны ни къ какимъ работамъ военные арестанты“ не находятъ въ Сибири, средствъ къ существованію, замѣтимъ, что приливъ, выслѣяемаго изъ внутреннихъ губерній Россіи въ Сибирь, народонаселенія прогрессивно увеличивается, *) а тамошнія богатства природы, напротивъ, уменьшаются, такъ что цѣнность рабочихъ рукъ тамъ изо дня въ день на столько дешевѣетъ, что и здоровые люди едва находятъ работу. Калеки же поневолѣ образуютъ собою отдѣльную корпорацію голодныхъ пролетаріевъ, непрерывно борющихся съ настойчивыми запросами собственныхъ желудковъ и заключающихъ голодною смертью, либо новыми преступленіями.

Опираясь на всѣ указанныя обстоятельства, мы приходимъ къ выводу, что водвореніе въ Сибирь, „неспособныхъ ни къ какимъ работамъ арестантовъ“ полезно бы отмѣнить; взамѣнъ того, тѣхъ изъ нихъ, которые укажутъ свои семейства, (а послѣднія, по сношеніямъ съ ними начальства ротъ, черезъ мѣстныхъ полицію, согласятся взять ихъ къ себѣ на пропитаніе) слѣдовало бы пересылать по принадлежности, этапнымъ порядкомъ, съ исключеніемъ арестантовъ изъ службы, безъ именованія воинскимъ званіемъ, а остальныхъ по та-

*) Даже ссылка въ каторгу приостановлена, и люди, осужденные туда, заключаются въ Виленскую, Харьковскую и Новоборисоглѣбскую центральныя тюрьмы, впродъ до преобразованія каторжной системы.

ковомъ же исключеніи изъ войскъ, переселять прямо въ богадѣльны мѣстныхъ приказовъ общественнаго призрѣнія, какъ установлено для арестантовъ прежнихъ арестантскихъ ротъ, а нынѣ исправительныхъ отдѣленій гражданскаго вѣдомства 1093 и 1094 ст. Уст. объ этихъ ротахъ и примѣнено измѣненною недавно 53 ст. воинскаго Устава къ неспособнымъ ни къ какимъ работамъ арестантамъ, не состоявшимъ на обязательномъ срѣжѣ службы. Предложеніе это кажется намъ тѣмъ болѣе логичнымъ, что числившіеся на службѣ какъ вольноопредѣляющимися, такъ и обязательными—одинаково больные, изъ однѣхъ и тѣхъ же исправительныхъ ротъ, гдѣ они содержались за однородныя же преступленія и наконецъ въ равной степени бесполезные, никому и ни на что негодные люди; тѣмъ не менѣе законъ дѣлаетъ между ними такое рѣзкое, врядъ ли оправдываемое различіе!

Выше мы замѣтили, что по неопредѣленію въ воинскомъ Уставѣ другаго наказанія нижнимъ чинамъ, осужденнымъ къ заключенію въ исправительныя роты, но еще до отправки туда оказавшимися неспособными ни къ какимъ работамъ—люди эти образуютъ постоянный контингентъ больныхъ въ ротахъ. Ненормальное явленіе это легко, полагаемъ, устранить слѣдующимъ способомъ. Во 2 ст. положенія о ротахъ, статьѣ, въ которой сказано, что роты назначаются для содержанія приговоренныхъ по суду, на сроки, опредѣляемые военно-уголовными законами, — нужно добавить: „кромѣ такихъ, которые одержимы органическими, физическими и умственными пороками, надлежащимъ порядкомъ удостовѣренными“. Тоже самое надобно повторить въ 1 п. 2 части 4 ст. воинскаго Устава, и во всѣхъ 7 степеняхъ приложения къ 6 ст. этого устава послѣ словъ: „отдача въ в. и. роты отъ 2 до 3 лѣтъ“, прибавить: „или по органическимъ, физическимъ или умственнымъ порокамъ такому-то наказанію“

разумѣтся, уже чисто карательному. Затѣмъ, установить правиломъ, чтобы всякаго осужденнаго подвергать, какъ указано касательно приговоренныхъ въ гражданскія и прежнія крѣпостныя военныя арестантскія роты (въ 1008 и 1105 ст. Устава о тѣхъ ротахъ, т. XIV, Св. гражд. закон.) тщательному медицинскому освидѣтельствуванію, для опредѣленія: годенъ ли онъ для роты, и при отрицательномъ медицинскомъ отвѣтѣ — назначить ему то или другое, чисто карательное наказаніе, градація котораго будетъ найдена въ приложеніи къ 6 ст. воинскаго Устава. Такимъ образомъ начальству останется привести въ исполненіе только вторую часть приговора. Способъ этотъ добавимъ, аналогиченъ съ 64—71 ст. воинскаго же Устава вообще и въ особенности съ 65 ст. воинскаго Устава и 74 ст. улож. о наказаніяхъ (о замѣнѣ 70 лѣтнимъ людямъ и старѣе каторги поселеніемъ): во всѣхъ этихъ случаяхъ мотивы, по которымъ одно наказаніе замѣняется другимъ совершенно тождественны—и состоятъ въ томъ, что нельзя идти на переборъ природѣ человеческой.

XI.

Въ теченіе послѣднихъ 6 недѣль пребыванія въ ротахъ, арестантовъ разрѣшено *), какъ читателямъ извѣстно, посылать на работы, за различными покупками, безъ конвоя, дабы заранѣе испытать, достаточно ли укрѣпились въ нихъ сила воли и отвращеніе къ порокамъ. Это разумное правило въ одномъ, напр., мѣстѣ вовсе игнорировалось, а въ другихъ исполнялось не такъ, какъ бы слѣдовало, т. е. арестанты ходили за предѣлы казармъ въ курткахъ, отчего

*) Постановленіемъ Главнаго Военно-Тюремнаго Комитета отъ 15 ноября 1869 года.

значительно умалаялся истинный смысл положенія: по куртеѣ всѣ узнавали въ человѣкѣ арестанта, а это стѣсняло сношенія съ нимъ. Далѣе, пользовавшіеся сряду 6 недѣль полусвободою—съ момента передачи ихъ въ управленія мѣстныхъ баталіоновъ для отправки въ полки, вездѣ лишались и этой доли свободы въ теченіи всего пребыванія ихъ въ казармахъ (3-хъ—6-ти дней). Дѣлалось это такъ изъ опасенія какъ бы они не натворили новыхъ проступковъ. Намъ думается, что этотъ порядокъ вполнѣ несостоятеленъ: если человѣкъ, будучи арестантомъ, располагалъ льготою, — значить, знаяшіе его въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ начальники, признавали его порядочнымъ; слѣдовательно, лицамъ, за вѣдывающимъ пересылочными пунктами полагать о немъ противное нѣтъ причины; числить же его арестантомъ, по освобожденіи изъ роты, когда онъ уже *просто солдатъ*, препровождающійся въ мѣсто расположенія полка, въ который онъ назначенъ служить, — тѣмъ менѣе смысла. Поэтому полагаемъ справедливымъ обязать: а) роты посылать на работы и проч. освобождаемыхъ отъ конвоя непременно въ *солдатскихъ шинеляхъ* и б) управленія пересылочными пунктами, содержать ихъ на одинаковомъ съ прочими солдатами положеніи. Этимъ путемъ достигнется двоякаго рода польза: человѣку, пробывшему года въ безусловной неволѣ, первое время послѣ оставленія тюрьмы, особенно отрадно походить по городу, вдохнуть въ себя свѣжій, вольный воздухъ, да и для будущей службы его гораздо выгоднѣе, если онъ, до вступленія въ нее, постепенно освоится съ новымъ своимъ положеніемъ и тогда самая воля потеряетъ для него свою первоначальную прелесть.

На 216 стр. мы доказывали, непрактичность выраженной 56 ст. «оказавшіеся у арестантовъ, при приѣмѣ ихъ въ роты, излишнія, противъ арматурныхъ списковъ, вещи, от-

бираются, продвются, съ публичнаго торга, и выруаемия за нихъ деньги причисляются къ ротнымъ специальнымъ суммамъ».

По причинѣ непрактичности, эта статья въ 2-хъ ротахъ поневолѣ игнорировалась. Здѣсь, въ подтвержденіе изложенныхъ доводовъ, считаемъ необходимымъ добавить еще слѣдующее. Человѣкъ, положимъ, выпущенъ изъ роты въ октябрѣ, когда казеннаго, по 133 ст., полшубка не полагается; ходить и ѣздить, этапнымъ способомъ, по желѣзнымъ дорогамъ, въ это время года вообще, а ночью въ особенности, уже холодно; имѣвшую же у бывшаго арестанта шерстяную фуфайку продали за какія-нибудь 10—20 к., тогда какъ она избавила бы его отъ стужи, нерѣдко отъ простуды, а иногда и отъ остановки въ пути въ больницу, гдѣ его содержаніе въ недѣлю обойдется каенѣ минимумъ въ 3—5 р. Очевидно, что игра не стоитъ свѣчь. Если же такъ, то надо измѣнить смыслъ цитированной нами статьи, напр. такъ: «собственныя арестантскія вещи продаются не иначе, какъ съ согласія ихъ владѣльцевъ; остальные же, если онѣ не подвержены скорой гнилости хранятся въ цейгаузахъ и, по освобожденіи людей, выдаются имъ обратно». Тутъ же, встати, разрѣшимъ слышанное нами, въ двухъ ротахъ, наивное недоумѣніе, при примѣненіи 56 ст.: не должны ли отбираемые у прибывающихъ арестантовъ карманные часы считаться не вещью, а деньгами, ибо серебро, дескать, металлъ, изъ котораго дѣлаются деньги, значить и часы—тѣ же деньги. Разумѣется часы должны быть признаваемы вещью, а не деньгами: превратить въ деньги можно во 1-хъ всякую вещь, посредствомъ продажи; во 2-хъ отъ часовъ переплавить на серебро удастся только верхнія доски; въ 3-хъ подобное серебро, какъ старое, на деньги не годится, и потому Монетный дворъ не покупаетъ, какъ

извѣстно, подобнаго серебра вообще и золотниками въ частноти.

Въ измѣненной законодательнымъ порядкомъ съ 16 декабря 1872 г. 131 ст. положенія о ротахъ, между прочимъ, сказано, что выпускаемые изъ ротъ «обращаются по возможности *не съ тѣхъ самыхъ частей* войскъ, въ которыя они служили до ссылки ихъ въ роты, а въ другія, *того же округа*». Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, широко или узко надо толковать «возможность», мы удостоверяемъ, что подчеркнутыя нами слова на практикѣ производили кое-какія неурядицы. Такъ, солдаты, осужденные изъ Бобруйскаго крѣпостнаго полка въ тамошнюю роту, одно время возвращались или обратно въ свой, или въ расположенный тамъ же, Ярославскій пѣхотный полкъ, по неизбѣжно вѣроятно «возможности» отослать ихъ въ другіе полки. Зимнія квартиры армейскихъ полковъ часто мѣняются; поэтому въ вашу бытность въ Динабургѣ, въ приходшемъ туда зимовать полку, были люди, содержавшіеся прежде *въ мѣстной ротѣ*. Люди эти, по освобожденіи изъ ротъ, и по возвращеніи ихъ въ свои полки, гдѣ всѣ знали до мелочей предшествовавшую ихъ жизнь,—часто подвергались, со стороны товарищей, насмѣшкамъ, укоризнамъ, причемъ нѣкоторые, въ пылу раздраженія, впадали въ новыя преступленія. Потомъ, находясь въ ротахъ въ караулѣ, они приносили, случалось, бывшимъ товарищамъ по заключенію табакъ, водку, оказывали имъ послабленія, за что иные дѣлались также рецедивистами. Все это въ совокупности побуждаетъ насъ желать замѣны слова «*по возможности*» словомъ «*непременно* въ другіе полки»; касательно же выраженій «*того же округа*» нельзя кажется, не согласиться съ слышанными нами въ нѣсколькихъ мѣстахъ и читанными въ форменныхъ отчетѣ

тахъ довольно вѣскими мѣнѣніями, заключающимися въ слѣдующемъ.

Исправившіеся, кроткіе характеромъ, но надломленные здоровьемъ отъ суровой и сидячей жизни арестанты, по убѣжденію компетентныхъ, высокопоставленныхъ военныхъ, негодятся уже въ фронтową службу, которою они тяготятся независимо сказаннаго и потому еще, что отвыкли отъ нея, даже забыли ее. Наоборотъ: отличающіеся: физическими силами и смѣлостью солдаты, служатъ въ крѣпостяхъ, напр., простыми мастеровыми, чернорабочими въ инженерныхъ, артиллерійскихъ складахъ, комендантскихъ, госпитальныхъ и прочихъ командахъ, въ которыхъ нужны исключительно *рабочіе, разсыльные*. Оттого всѣ единогласно настаивали, чтобы такихъ изъ арестантовъ, о конхъ говорится выше, переводить изъ ротъ въ эти нестроевыя части войскъ, гдѣ ихъ встрѣтятъ несравненно благосклоннѣе, нежели въ полкахъ, и гдѣ они скорѣе привыкнутъ къ своимъ обязанностямъ, немногимъ отличающимся отъ быта въ исправительныхъ ротахъ.

Люди строптивые, буйные, неподдающіеся вліянію другихъ, — находятъ удовлетвореніе своимъ натуральнымъ потребностямъ въ сильныхъ ощущеніяхъ, въ одолѣніи преградъ, сопряженныхъ съ боевою жизнью, часто полной опасности и лишеній. Подобныхъ арестантовъ во Франціи посылали въ Алжиръ, въ баталіонъ такъ-называемыхъ „Зефировъ“, гдѣ они оказывались на своемъ мѣстѣ, по словамъ отчета Главнаго Тюремнаго Комитета. Выпускаемыхъ изъ исправительныхъ ротъ неисправимыхъ арестантовъ всего лучше отправлять, по мнѣнію знатоковъ солдатскихъ нравовъ, въ войска Туркестанскаго округа, въ предѣлахъ котораго солдаты непрерывно борются и съ азіятцами, и съ самою даже суровою природою. Мы думаемъ, что въ та-

комъ случаѣ процентъ рецидивистовъ будетъ весьма незначителенъ.

Обращаясь къ вопросу о рецидивистахъ, мы должны отмѣтить хоть нѣкоторыя явленія, способствующія размноженію этого класса людей. Въ роты люди отправляются изъ полковъ, на основаніи 55 ст. положенія съ вещами, выслужившими срокъ, т. е. *старенькими*; дорогою они ихъ изрядно донашиваютъ, такъ что въ роты приходятъ, нерѣдко въ ветхихъ, которыя отъ продолжительнаго, случается, храненія въ цейхгаузахъ, неизбежно теряютъ послѣднюю долю своего достоинства. Затѣмъ, уходя въ полки, арестанты, по 133 ст. „снабжаются одеждою изъ числа поступившей съ *прибылыми арестантами*“, т. е. плоховью, причеиъ являются въ полки, какъ мы неоднократно видѣли, чрезвычайно дурно одѣтыми. Однаиъ этотъ видъ заставляеть ихъ краснѣть предъ солдатами, а въ послѣднихъ порождаетъ антипатію къ нимъ. Купить напр., сапоги бывшимъ арестантамъ не начто, ибо по буквальному выраженію примѣчанія къ 133 ст.—присланныя изъ ротъ ихъ собственныя и заработанныя деньги выдаются имъ въ полкахъ не ранѣе, какъ *по переводу ихъ въ разрядъ безпорочно-служащихъ*, что для большинства, по измѣненной 131 ст. положенія, можетъ послѣдовать лишь *чрезъ годъ*, впродолженія котораго они считаются штрафованными (90 ст. дисциплинарнаго устава, изд. 1869 г.). Покуда имъ дадутъ казенные сапоги, минеть не мало времени, а между тѣмъ ихъ посылають въ караулы, на ученія, работы, словомъ повсюду, даже чаще прочихъ, безпорочныхъ, и требуютъ, чтобы они были одѣты прилично. И вотъ одному удалось достать сапоги у товарища за различныя услуги, возможныя въ солдатскомъ быту, только *посля исполненія своихъ служебныхъ обязанностей*; другому подарилъ ихъ жалостливый каутенармусъ, третьему

33*

купилъ просвѣщенный офицеръ и они спасены отъ невзгодъ, которая не минуетъ, къ сожалѣнiю, четвертаго, вслѣдствiе разныхъ случайностей; если къ тому же этотъ четвертый еще самолюбивъ,—то онъ покусится на кражу либо сапоговъ, либо денегъ на сапоги, или наговорить дерзостей начальнику, взыскавшему съ него за дырявые сапоги, или же и просто остервенится и убѣжить. Во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ окажется рецидивистомъ..

Значительно усиленный, противъ прочихъ надзоръ, въ полкахъ, за бывшими арестантами, третируванье ихъ товарищами, а иногда и начальниками, присутствованiе при увольненiи сослуживцевъ, поступившихъ одновременно съ ними, даже позже ихъ на службу,—во временной,—безсрочный отпускъ,—на что они не въ правѣ рассчитывать до прощенiя имъ штрафа; трудность совершенно забытой ими въ теченiи 2-хъ-3-хъ лѣтъ воинской службы,—напр. караулы, ученья съ ружьями, въ ранцахъ, во всякую непогоду; безпрерывная чистка оружiя, поддержка, въ исправности, имущества, о чемъ мастеровому въ ротѣ нечего было заботиться, да недостатокъ характера, невѣжество,—все это побуждаетъ нѣкоторыхъ къ повторенiю преступленiй, благо жизнь въ ротѣ имъ, ужь бывшимъ тамъ, не только не страшна, но напротивъ—представляетъ даже кое-какия очевидныя выгоды предъ полковымъ бытомъ. Многiе изъ этихъ рецидивистовъ совершаютъ, преимущественно побѣги, причемъ стараются: одни—прошататься больше недѣли и промотать казенныя вещи, чтобы быть сосланными въ роту, а не подвергнуться, какъ штрафованнымъ, тѣлесному наказанiю (побѣгомъ признается отлучка болѣе 6 дней), а другiе—на столько отдалиться отъ мѣста расположенiя полковъ, дабы при поимкѣ быть сосланнымъ не въ ту роту, въ которой были, а въ другую, гдѣ никто еще ихъ не знаетъ; куда не

такъ стыдно придти, и въ которой предполагають найти болѣе разнообразное времяпрепровожденіе, умаляющее скуку.

Уменьшить число рецедивистовъ хотя отчасти можно, думается намъ, вотъ какими средствами: Во первыхъ — въ 133 ст. объ обязанностяхъ ротъ снабжать выбывающихъ одеждою и обувью, нужно добавить „*столитъ юдною къ употребленію*“, а дабы она была таковою, разрѣшить исправлять на счетъ специальныхъ ротныхъ суммъ. Во вторыхъ, примѣчаніе къ 133 ст. полезно измѣнить такъ, чтобы полковое начальство, если признаетъ нужнымъ, — имѣло право выдавать прибывшимъ изъ ротъ солдатамъ часть ихъ денегъ *немедленно*, для обзаведенія необходимыми имъ предметами, безъ которыхъ нельзя обойтись. Въ четвертыхъ, хорошо бы ограничить право полкового начальства подвергать непринесшихъ одобрительныхъ о поведеніи свидѣтельствъ тѣлесному наказанію, по 7 п. 27 и 10 п. 34 ст. дисциплинарнаго устава, до *сторазу* хоть, въ полку совершеннаго проступка, чтобъ не тотчасъ послѣ перваго проступка, бѣгами, для уклоненія отъ розогъ. Наконецъ пятое наше предположеніе уже сбылось: новою редакціею 131 ст. предписано начальникамъ „сообщать подробныя свѣдѣнія о поведеніи освобождаемыхъ изъ ротъ арестантовъ въ тѣ части войскъ, въ которыя назначаются на службу сіи арестанты. Освобожденные отъ содержанія въ военно-исправительныхъ ротахъ нижніе чины, аттестованные начальствомъ ротъ съ хорошей стороны въ поведеніи, во время пребыванія въ ротѣ, зачисляются прямо въ разрядъ безпорочно-служащихъ, а прочіе—въ разрядъ штрафованныхъ“.

ХП.

Канцелярія роты составляютъ секретарь, завѣдывающій дѣлопроизводствомъ роты, ротнаго комитета, а также всѣмъ хозяйствомъ (24 ст.), да 2—3 писаря. На этотъ составъ возлагается, по закону, веденіе домашнихъ шнуровыхъ книгъ, по различнымъ частямъ, которыхъ болѣе 10; переписка по инспекторской, продовольственной, рабочей, нравственной, умственной и прочимъ частямъ роты отъ имени ея начальника, Комитета, такъ что одни ежегодные исходящіе нумера, проставленные выше, наглядно показываютъ какъ великъ ихъ трудъ, значительно усложняющійся составленіемъ 2-хъ-недѣльныхъ, мѣсячныхъ, третнихъ и годовыхъ отчетовъ. Въ числѣ обыденной переписки значительную долю составляютъ справки о вѣрности прописанныхъ въ арматурныхъ спискахъ вещахъ на отправляемыхъ изъ полковъ въ роты, арестантовъ. Происходить это оттого собственно, что арматурные списки, по 56 статьѣ, пересылаются, по этапу, вмѣстѣ съ осужденными и впродолженіи ихъ слѣдованія нѣсколько разъ переправляются разными партіонными писарями. Дабы избавить роты отъ этой кропотливой работы,—надо бы дополнить 55 статью, указавъ въ ней, чтобы полки отправляли *прямо въ роты*, вмѣстѣ съ формулами осужденныхъ *подлинныя арматуры*, а копии съ нихъ посылали съ арестантами на этапъ; то и другое дѣлать одновременно, чтобы арматуръ получился раньше арестанта. Подобный порядокъ уже установленъ циркуляромъ губернаторамъ отъ имени Министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 15 ноября 1872 года за № 284; циркуляромъ этимъ, основаннымъ на отношеніи Военнаго Министра, предписано при принятіи *на содержаніе въ гражданскія тюрьмы*, по недостатку воен-

ныхъ, *подсудственныхъ солдатъ*, на одномъ изъ 2-хъ получаемыхъ отъ полковъ экземпляровъ арматуровъ, тюремному начальству *удостоверять*, что *вещи цѣлы* и этотъ *экземпляръ* немедленно *возвращать въ полкъ*, а другой хранить при дѣлѣ, до отправки солдата по назначенію.

Далѣе, въ ротахъ пишутся ежедневные подробные приказы обо всѣхъ дѣйствіяхъ, имѣющихъ происходить въ течение слѣдующаго дня, такъ что ни одно, самое даже ничтожное, событіе не обходится безъ его занесенія въ приказъ, копіи съ котораго посылаются, ежемѣсячно, начальникамъ мѣстныхъ войскъ. Кромѣ того, о каждомъ прибывшемъ или выбывшемъ арестантѣ (о чемъ видно въ приказѣ) доносится *отдельными* рапортами тому же начальнику, получающему, сверхъ всего, еще двухнедѣльные и мѣсячные отчеты, состояющіеся изъ приказовъ по ротамъ; отчеты же посылаются и въ штабы командующихъ войсками округовъ. Проще говоря, посредствомъ полученія отчетовъ штабы освобождаются отъ чтенія приказовъ: изъ отчетовъ гораздо легче выбрать сгруппированныя цифры, вставить ихъ куда слѣдуетъ—и дѣло съ концомъ. Въ виду того, что 3—4—названными лицамъ рѣшительно не подъ силу все исполнить, въ каждой ротной канцеляріи занимались еще офицеры, да келѣйно арестанты—писаря. Такимъ образомъ, ради освобожденія непричастныхъ къ канцеляріямъ офицеровъ и арестантовъ отъ несвойственныхъ имъ занятій, а равно для облегченія остальныхъ, слѣдовало бы: а) отменить представленіе начальникамъ мѣстныхъ войскъ копій съ приказовъ и двухнедѣльныхъ отчетовъ или мѣсячныхъ отчетовъ, такъ какъ то или другое безспорно составляетъ напрасный трудъ,— и б) секретарей ротъ формально избавить отъ завѣдыванія хозяйствомъ, возложивъ эти обязанности на особаго эконома. Мы говоримъ «формально» потому что негласно это дѣла-

лось вездѣ, кромѣ Бреста; иначе говоря, 24 ст. положенія устранялась изъ практики вслѣдствіе различныхъ побужденій, разбирать которыя отказываемся, по ихъ неудобности. Сокращеніе переписки и добавленіе эконома тѣмъ болѣе необходимы, что со введеніемъ нормальныхъ штатовъ число офицеровъ вездѣ уменьшается на двѣ трети.

Существующіе при ротахъ, на основаніи 8 ст., комитеты состоятъ, по 145 ст., изъ начальниковъ ротъ и ихъ помощниковъ; «*въ совѣщаніяхъ* комитетовъ участвуютъ, кромѣ поименованныхъ лицъ: священники—по дѣламъ, относящимся до нравственнаго исправленія арестантовъ и церковнаго хозяйства и врачи—по дѣламъ медико-полицейскимъ и вообще требующимъ принятія гигиеническихъ мѣръ». Судя по содержанию 145 ст., въ совѣщаніяхъ участвуютъ *всѣ* служащіе въ ротахъ офицеры, ибо они суть помощники, а какъ таковыя, то понятно и члены комитета, тогда какъ на практикѣ въ комитетахъ засѣдали, какъ мы видѣли, одни только *старшіе* помощники начальниковъ ротъ. Священники и доктора, люди, самые близкіе къ арестантамъ, лишь изрѣдка участвовали въ засѣданіяхъ ротныхъ комитетовъ, между тѣмъ они, обладая образованіемъ, и по своей профессіи будучи знакомы съ бытомъ всѣхъ слоевъ общества, съ нуждами, потребностями арестантовъ, приносятъ существенную пользу, при разсмотрѣніи въ комитетахъ помимо специальныхъ, и *всѣхъ* хозяйственныхъ вопросовъ. Находясь далеко не въ такой зависимости отъ начальниковъ ротъ, какъ помощники послѣднихъ,—они давали бы самостоятельные совѣты, мнѣнія, не стѣсняясь присутствіемъ начальниковъ, предупреждали бы могущіе выйти неурядицы, сдерживали бы нѣкоторые порывы неудовольствія, обнаруживаемые противъ провинившихся арестантовъ офицерами, привычными къ моментальной, строгой расправѣ, менѣе дѣйствующей на характеръ аре-

стантовъ. Словомъ эти два лица, при расположеніи къ дѣлу, полной самостоятельности, при безспорномъ правѣ посѣщать арестантовъ во всякое время и вездѣ—могутъ быть прекрасными руководителями остальныхъ въ достиженіи ожидаемыхъ отъ ротъ благотворныхъ результатовъ.

Въ этихъ видахъ, мы бы предложили: а) разъяснить ротамъ, что *все* офицеры считаются членами комитетовъ и б) 2 часть 145 ст. измѣнить такъ, чтобы священники и доктора были такіе же, въ комитетахъ, члены, какъ прочіе, при обсужденіи, *осмѣ* безъ различія, предметовъ.

Здѣсь же, встати, замѣтимъ, что при опредѣленіи 34 ст. преимуществъ служащихъ въ ротахъ офицеровъ, чиновниковъ и нижнихъ чиновъ,—пропущены священники, которые, по своимъ занятіямъ, имѣютъ, безспорно, если небольшое, то ужъ никакъ меньшее противъ ихъ сослуживцевъ право на пенсію за сокращенный срокъ выслуги; поэтому право это должно, полагаемъ, возстановить въ настоящей ея силѣ.

По 152—156 ст. существуютъ еще ревизіонные комитеты, состоящіе изъ 3-хъ лицъ: командировъ губернскихъ баталіоновъ и по одному инженерному и артиллерійскому офицеру. Лица эти содержанія за свои труды не получаютъ, а обязанности ихъ заключаются въ ревизіи 2 раза въ годъ: правильно-ли во всѣхъ отношеніяхъ исполняются въ ротахъ установленныя для нихъ правила по всѣмъ частямъ. На сколько эти комитеты отвѣчаютъ своему призванію—судить не беремъ, такъ какъ мы не имѣли возможности тщательно изучить ихъ дѣятельность; читанные же нами въ 2-хъ-3-хъ мѣстахъ отчеты этихъ комитетовъ показали намъ слабыми: они сводились къ безобидному изрѣченію «все обстоитъ благополучно». Мѣстные же временные тюремные комитеты могли бы весьма благотворно вліять на дѣло, да бѣда въ томъ, что они не облечены надлежащею властью и

встрѣчаютъ противовѣсъ почти вездѣ со стороны начальниковъ мѣстныхъ войскъ.

Наконецъ перейдемъ къ Главному Военно-Тюремному Комитету, который по примѣчанію въ 102 ст. положенія о ротѣхъ—создастъ подробныя правила для распредѣленія денежнаго вознагражденія арестантамъ за ихъ ремесленный трудъ, и которому доставляются по 151 ст. — ротными комитетами ежегодная отчетность изъ статистическихъ данныхъ о состояніи ротъ, а ревизіонными комитетами, согласно 154 ст.—два раза въ годъ, журналы, съ замѣчаніями, введенными изъ ревизіи ротъ. Затѣмъ комитетъ этотъ, состоя, на основаніи 5 п. 5 ст. 1 ч. Св. воен. пост., изд. 1869 г., «при военномъ совѣтѣ»—располагаетъ, въ этой части закона, для руководства въ своихъ дѣйствіяхъ, тремя статьями—120—123. Статьи эти объясняютъ: первая, — что въ комитетѣ «сосредоточивается *высшее* наблюденіе за мѣстами заключенія и разсматриваются всѣ вообще предположенія о лучшемъ ихъ устройствѣ»; послѣдняя, — что «изъ повременной отчетности мѣстъ заключенія комитетъ составляетъ годовой отчетъ, для представленія Военному Министру»; средняя же статья называетъ лицъ, которыя, по своимъ должностямъ, состоятъ непремѣнными членами этого комитета. Болѣе подробныхъ, обстоятельныхъ правилъ мы не нашли въ законѣ, а потому обратимся къ *частной*, изъ 17-ти пунктовъ, инструкціи, преподанной комитету, при его учрежденіи. Существенные пункты этой инструкціи заключаются въ томъ, что комитетъ „служить связью между тѣми главными управленіями военнаго министерства, въ которыхъ производится дѣла сего рода“, т. е., разсматриваетъ представленія этихъ управленій въ военный совѣтъ, по тюремной части, и вопросы, передаваемые на его обсужденіе Военнымъ Министромъ и имъ, Комитетомъ самимъ возбуждаемые; получаетъ выше-

означенныя періодическія свѣдѣнія о состояніи мѣстъ заключеній; о числѣ арестантовъ, нравственномъ и гигиеническомъ ихъ положеніи; объ устройствѣ и ходѣ мастеровыхъ работъ въ ротахъ; о стоимости содержанія арестантовъ; составляетъ, изъ этихъ свѣдѣній, отчеты и выводы о необходимыхъ улучшеніяхъ, соотвѣтственно современнымъ потребностямъ; даетъ заключенія по предполагаемымъ нововведеніямъ, и, въ случаѣ войны—составляетъ предположенія какъ объ удаленіи арестантовъ изъ крѣпостей, гдѣ окажется неудобнымъ оставить ихъ, такъ и о свободныхъ зданіяхъ, для приспособленія оныхъ къ временному помѣщенію арестантовъ. Вотъ и весь кругъ дѣйствій Комитета, который ограниченъ, какъ читатели видятъ, въ очень тѣсныхъ рамкахъ, лишенныхъ твердой почвы. Мысль эта станетъ совершенно ясною, когда подкрѣпимъ ее фактами. Изъ цитированныхъ нами законовъ и инструкцій явствуетъ, что комитетъ почти ничего, или слишкомъ мало *самъ* предпринимаетъ, а только все обсуждаетъ, заключаетъ на основаніи того, что сдѣлаютъ и пришлютъ ему другія учрежденія, которыя въ *своей* сферѣ, напротивъ, воплѣ самостоятельны. Такъ, согласно 173, 192, 218, 238 и 260 ст. той же 1 ч. Св. воен. пост. 1869 г., главныя управленія: Интендантское, Артиллерійское, Инженерное, Медицинское, Военно-учебныхъ заведеній *сами* опредѣляютъ, увольняютъ всѣхъ служащихъ въ ихъ вѣдомствахъ, и, только для внесенія въ Высочайшій приказъ, сообщаютъ о послѣдовавшихъ переѣвахъ Главному Штабу. Несмотря на существованіе отдѣльнаго военно-судебнаго вѣдомства, въ каждомъ изъ этихъ управленій еще есть и судныя части (194, 4 п. 172, 218, 245, 266 ст.) Комплектованіе же персонала исправительныхъ ротъ, специальныхъ же учрежденій,—производится помимо Главнаго Тюремнаго Комитета, какъ это показываютъ 6, 10, 16, 21, 25 ст.

положенія о ротяхъ, такъ что ежели комитетъ хоть изъ третьихъ, напр., ружь освѣдомится, что кто-нибудь изъ тюремныхъ дѣятелей не годенъ на этомъ поприщѣ—онъ вправѣ только сообщить о томъ Главному Штабу, который,—буде повѣритъ указанію комитета,—спроситъ мнѣнія начальниковъ: округа и мѣстныхъ войскъ, и, когда послѣдніе согласятся съ первымъ—данное лицо удалится; въ противномъ же случаѣ разумѣется останется, какъ это, къ сожалѣнію, и случалось. Точно также и во всѣхъ прочихъ начинаніяхъ комитетъ безсиленъ и власть его до такой степени фиктивная, что когда ему понадобятся какія-нибудь свѣдѣнія—онъ собираетъ таковыя чрезъ Главный Штабъ, отчего напрасно тратитъ время и располагаетъ переписку. Короче говоря Главный Военно-Тюремный Комитетъ по отношенію къ персоналу ротъ находится въ такомъ же стѣсненіи, въ какое впали гражданскіе тюремные комитеты къ персоналу сихъ тюремъ: начальство ротъ и тюремъ заботятся главнѣе всего о томъ, чтобы имъ была довольная мѣстная администрація, непосредственная надъ нимъ власть, отъ которой зависитъ его, начальства, служебное благополучіе и одинаково безучастно, равнодушно относится къ стремленіямъ комитетовъ, немогущихъ ни смѣнять, ни повышать. И вся разница между главнымъ военнымъ и гражданскими тюремными комитетами заключается лишь въ томъ, что послѣдніе, просуществовавъ болѣе 50 лѣтъ постепенно утрачивали, вслѣдствіе давленія администраціи, свое значеніе, тогда какъ первый былъ прямо посаженъ на бесплодный грунтъ при саможь своемъ учрежденіи—6 лѣтъ тому назадъ.

Давно ужъ дознано, что какъ бы хорошъ ни былъ законъ—правильное примѣненіе его къ живой дѣйствительности зависитъ исключительно отъ людей, которымъ это поручается. Потому наши нравы столь своеобразны, что кожь

скоро кто кому безусловно не подчиненъ, то (большинство служащихъ на невидныхъ постахъ) онъ немного, либо и вовсе не послѣдуетъ его наставленію, хотябъ оно было совершено. И на оборотъ: желаніе тѣхъ, отъ которыхъ зависятъ наше положеніе — мы считаемъ всегда идеальной истиню. Примѣняя эту теорію къ практикѣ, выводимъ убѣжденіе, что самое лучшее всю высшую власть надъ ротами сосредоточить, во всѣхъ отношеніяхъ, въ главномъ тюремномъ комитетѣ, по сравненію съ интендантскимъ, медицинскимъ, артиллерійскимъ и прочими спеціальными управленіями, т. е. чтобы опредѣленія, награжденія, увольненія персонала ротъ непременно доходили въ комитетъ, который санкционировалъ бы какъ эти, такъ и всѣ прочіе случаи, сдѣлавшись такимъ образомъ управленіемъ, равнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, съ прочими военнаго же министерства. Реформою этою достигнется сразу нѣсколько цѣлей. Во первыхъ Комитетъ въ состояніи будетъ судить о людяхъ, являющихся прямыми проводниками его зрѣло обдуманнхъ идей, плановъ; во-вторыхъ Комитетъ пріобрѣтетъ самостоятельность, власть надъ ротами, и спеціально занимаясь ими — дастъ имъ стройное, однообразное направленіе, чего не въ силахъ добиться *разные* начальники мѣстныхъ войскъ, недостаточно слѣдящіе за движеніемъ собственно тюремнаго вопроса и часто расходящіеся во взглядахъ на него; въ третьихъ Комитетъ будетъ разрабатывать и рѣшать возникающіе въ ротамъ *всякіе* вопросы гораздо цѣлесообразнѣе, нежели тѣ главныя управленія, въ которыхъ «производятся дѣла еего рода» и изъ которыхъ иные вопросы и не постунають, пожалуй, на обсужденіе Комитета, а разрѣшаются самими этими управленіями, подъ часъ, разумѣется, и не комитетными въ нихъ, отчего не мудрено попортиться, иногда и дѣлу.

Возлагая на Комитетъ такія большія надежды, естествен-

но желать, чтобы самъ онъ вполне соответствовалъ своему назначенію, а дабы это сбылось—намъ кажется весьма полезнымъ тѣхъ изъ начальниковъ ротъ, которые выкажутъ свои истинныя познанія, дѣйствительно плодотворную дѣятельность *на мѣстахъ*, впродолженіи 3-хъ — 4-хъ лѣтъ — повышать въ члены этого Комитета, по примѣру тому, какъ всякій, занимавшійся по судебной части въ какомъ бы то ни было мѣстѣ, если онъ и не кончилъ курсъ юридическихъ наукъ, — можетъ поступить въ составъ гражданского судебного вѣдомства (2 п. 19, 202—208, 210 и 211 ст. Учр. Суд., Уст. Суд. Уст. 20 ноября 1864 г.). Когда въ перспективѣ у начальниковъ ротъ будетъ не отставка съ пенсіономъ, какъ это было доселѣ, а заманчивая карьера — найдутся, безъ сомнѣнія люди, которые ради, допустимъ, хоть только этой эгоистической цѣли употребятъ всѣ старанія къ тому, чтобы подробно изучить дѣло, привязаться къ нему, а тогда и само дѣло выиграетъ, да и эти люди достойно поопытятся за свои труды и въ званіи членовъ будутъ какъ нельзя больше кстати. Этотъ же принципъ слѣдуетъ приложить и касательно помощниковъ начальниковъ ротъ, т. е. замѣщать ими вакантныя должности начальниковъ. Къ участію въ обсужденіи важныхъ вопросовъ какъ въ главномъ, такъ и въ мѣстныхъ тюремныхъ и ротныхъ комитетахъ постановить правиломъ приглашать свѣдущихъ, по тюремной части, *гражданскихъ* дѣателей изъ Директоровъ Комитетовъ. Этимъ способомъ, т. е. обмѣномъ мыслей, возрѣній постепенно образуется и у насъ, какъ за границею, корпорація тюремновѣдовъ, по аналогіи съ юристами, медиками, инженерами и проч. Устроить это очень легко: во всѣхъ губернскихъ и столичныхъ городахъ существуютъ гражданскіе тюремные комитеты, въ средѣ которыхъ вездѣ есть истинно преданные дѣлу, мыслящіе труженники, стремящіеся къ облегченію

участи заключенныхъ, и къ нравственному и умственному развитію этихъ опороченныхъ преступленіями людей.

Въ заключеніе всего оговоримся, что быть можетъ *нѣкоторыя* изъ предлагаемыхъ нами измѣненій и улучшеній въ жизни ротъ уже введены, отчего наши разсужденія являются, понятно, запоздалыми, но это во 1-хъ не наша вина: мы зорко слѣдили за всѣми появившимися, касательно ротъ, новыми узаконеніями и не только ихъ, но и что могли достать и изъ письменныхъ свѣдѣній—не упустили изъ виду, такъ что всѣ наши предположенія составляютъ плодъ *собственной* нашей работы; во 2-хъ если и послѣдовали какія либо отдѣльныя, частныя распоряженія, опередившія наши предложенія, но гармонирующія имъ,—то очень пріятно сдѣлаться солидарнымъ съ самимъ военнымъ министерствомъ; въ 3-хъ буде кое-что и дѣйствительно осуществилось, а мы объ этомъ, тѣмъ не менѣе, повторяемъ,—то повторенія сіи не лишены, смѣемъ думать, смысла для гражданскихъ читателей, ежели онѣ ужъ извѣстны военнымъ, въ чемъ тоже однако позволительно усомниться: во время нашего странствія по крѣпостямъ, въ концѣ 1871 г., тамъ многого не знали изъ того, что гораздо раньше объявлено было въ циркулярахъ главнаго штаба; при этомъ невѣденіе оправдывалось тѣмъ, что циркуляры не спѣшатъ появленіемъ, а изданныя на отдѣльныхъ листочкахъ—нерѣдко теряются въ пути, въ канцеляріяхъ и отъ того остаются, иногда, неизвѣстными; отсюда, въ 4-хъ, книга наша годится всякому военному, помимо какого-либо иного интереса,—и просто для справокъ, ибо въ ней сгруппировано *все*, до ротъ относящееся.

Тѣмъ лицамъ, которыя письменно и печатно (газеты, корреспонд.) многократно освѣдомлялись: почему мы медлимъ выпускомъ книги,—здѣсь, кстати, отвѣтимъ, что многочисленныя затрудненія и продолжительная болѣзнь помѣшали намъ это сдѣлать раньше и потому пусть не сѣтуютъ на насъ за то, въ чемъ мы неповинны.

Наконецъ повторимъ частію отмѣченное вначалѣ книги, что издавая ее въ свѣтъ, мы отнюдь не помышляли ни касаться чьихъ либо личностей, ни подрывать достоинство военной дисциплины, порядковъ, законовъ, значенія ссылки въ роты, а руководились единственнымъ пламеннымъ желаніемъ—оказать посильную услугу правительству и обществу—обстоятельно, спокойною разработкою съ немовѣрнымъ трудомъ добытыхъ нами матеріаловъ по животрепещущему, новому у насъ тюремному вопросу, причемъ полагали, что съ одной стороны—мы нравственно обязаны это сдѣлать, въ интересахъ преуспѣянія благихъ начинаній правительства, а съ другой стороны—считали это возможнымъ на основаніи дѣйствующаго закона, который гласитъ: «не вмѣняется въ преступленіе и не подвергается наказаніямъ обсужденіе, какъ отдѣльныхъ законовъ и цѣлаго законодательства, такъ и опубликованныхъ правительственныхъ распоряженій, если въ напечатанной статьѣ не заключаются возбужденіе къ неповиновенію законамъ, не оспаривается обязательная ихъ сила и нѣтъ выраженій, оскорбительныхъ для установленныхъ властей». (16 п. IV гл. приложенія къ 5 ст. Цензурнаго Устава, т. XIV Св. Закон., по продолженію 1868 года).

Къ настоящей книгѣ печатается приложение, заключающееся въ статистическихъ данныхъ о числѣ арестантовъ, содержавшихся въ ротахъ: по роду оружія, по срокамъ заключенія, по мѣсту рожденія, по роду преступленія, по возрасту, по вѣроисповѣданію, по семейному состоянію, по повторенію преступленій и проч. Приложение это выйдетъ въ свѣтъ въ самомъ скоромъ времени — отдельною брошюрою.

**Главнѣйшія опечатки, замѣченныя въ отти-
снутыхъ уже листахъ.**

<i>Страница.</i>	<i>Стр. сверху.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдовало напечатать.</i>
4	14	являісіа	являюісіа
8	22	там	тамъ
14	24	возвращамса	возвращавшимса
21	10	кореннымъ	кореннымъ
28	14	сей	годъ
31	13	исправляюісіа	исправляюісіа
32	18	ихъ	его
33	—	пропущено слово	въ
44	4	Терезіа	Антоанета
47	18	1861	1871
50	12	потребныхъ	потребнымъ
66	11	бы	было
80	12	15,600	19,600
87	4	поставлены	поставлены
90	11	фельдфебей	фельдфебелей
95	14	пропущено слово	наказаніа
118	25	очерствленъ	очерствѣтъ
150	13	освѣдомлялся	освѣдомлялся
—	24	владичица	владичество
157	24	выкинь-а	выкинь-ка
—	30	съкронеіу	съ ироніею
158	2	пропущено слово	не
177	7	чучи	чучи
202	18	пропущены слова	на челоѣка
214	12	что	что было
262	13	объяснить	объяснить
265	22	задержать	задержалъ
289	4	доброму	бодрому
295	19	петидіаріу	непитенціаріу

<i>Страница.</i>	<i>Стр. сверху.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдовало напечатать.</i>
320	30	пропущено слово	которые
346	9	получаемыми	получаемые
350	26	на а	а на
424	29	прикомандировать	прикомандировывать
430	25	пропущено слово	сколько
433	23	Исправительнаго Совета	Исправительнымъ Совѣ- томъ.
442	28	просвященная он	просвѣщеннаго и
445	18—23	помощны по ошибкѣ	
447	5	IV	VII
456	13	работъ	работъ
458	30	ногъ	ноги
464	32	предается	предастся
470	22	Отмѣнить	отмѣтять
487	18	1/2 дня	1/4 дня
492	7	правами	правами.
506	13	приобретаетъ	приобрѣтеть
512	15	казнѣ	казнѣ
517	19	бѣгамъ	бѣгали
524	13	расположать	расположатъ
528	23	заключаются	заключается